

ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ РАН

«ВЕРТОГРАД МНОГОЦВЕТНЫЙ»

сборник к 80-летию
**Бориса Николаевича
Флори**

МОСКВА «ИНДРИК» 2018

УДК 94

Ф 73

Редакционная коллегия:

чл.-корр. РАН Ф.Б. Успенский,
О.А. Акимова, А.С. Добычина,
С.А. Иванов, В.Я. Петрухин,
А.А. Турилов (ответственный редактор)

Рецензенты:

доктор исторических наук Т.В. Гимон,
доктор исторических наук М.А. Робинсон

«Вертоград многоцветный».
Сборник к 80-летию Бориса Николаевича Флори. —
М.: Индрик, 2018. — 528 с., ил.

ISBN 978-5-91674-483-5

© Коллектив авторов, текст, 2018

© Пахомова Л.Ю., фотография, 2018

© Издательство «Индрик», оформление, 2018

ISBN 978-5-91674-483-5

Оглавление

Вступительное слово	7
Библиография работ Б.Н. Флори за 2007–2017 гг.	9
<i>Попова О.С.</i> Греческое Евангелие из ризницы Троице-Сергиевой лавры № 28 (греч. 11)	19
<i>Гладков А.К.</i> “Nunc ergo gladium de manu Ecclesiae accipit princeps...”: формула разделения властных полномочий в политической мысли средневековой Западной Европы	37
<i>Петрухин В.Я.</i> Алангасары и фольклорная генеалогия древних народов	49
<i>Полывянный Д.И.</i> Славяне в текстах ранней кирилло-мефодиевской традиции . .	54
<i>Кучкин В.А.</i> Туров и Туровское княжество в X–XIII вв.	64
<i>Толочко А.П.</i> Замечания о первых митрополитах киевских	73
<i>Мельникова Е.А.</i> «Немирье между Свенон и Ярицлейвом»: русско-норвежские отношения 1020-х — первой половины 1030-х гг.	91

<i>Толочко П.П.</i> О новгородских «вольностях в князьях»	107
<i>Вершинин К.В.</i> Анонимный рассказ о пленении Иерусалима персами и его славянский перевод	124
<i>Вилкул Т.Л.</i> Переводчик «Истории Иудейской войны» Иосифа Флавия — читатель «Повести временных лет»?	133
<i>Мельников Г.П.</i> Формирование чешского этногосударственного пространства: идеологизация территории по данным хронистики	143
<i>Темчинас С.Ю.</i> Основание Лавришевского монастыря в свете рукописной продукции книжника Иева (вторая половина XIII в.).	155
<i>Сиренов А.В.</i> Сказание о верных святых князьях русских и внелетописная статья «А се князи русстии»	162
<i>Горский А.А.</i> Московские «ордынцы» и «делнои»	173
<i>Лаверентьев А.В.</i> Гроза во Владимире 13 июля 1340 г. и кровельные работы в Успенском соборе	179
<i>Кривцов Д.Ю.</i> Легенда о ханском подворье на месте Чудова монастыря в источниках и исторической литературе	201
<i>Смирнова Э.С.</i> О времени создания и некоторых особенностях миниатюр Сказания о Борисе и Глебе в Сильвестровском сборнике	213
<i>Иванов С.А.</i> «Речь тонкословия греческого» как исторический источник	225
<i>Щенникова Л.А.</i> Сретение Владимирской иконы Богоматери в Москве в 1395 г. Исторический сюжет и особенности иконографии.	240

Добычина А.С.

- Историческая память о временах Первого Болгарского царства в памятниках болгарской книжности XV–XVI вв. 275

Корогодина М.В.

- Откуда родом «полоцкая» Кормчая? 295

Полехов С.В.

- Ханское послание литовскому князю в прусском архиве (1432 г.) 307

Конявская Е.Л.

- Московские и тверские противни договоров 1454–1456 и 1462–1464 гг. 323

Кистерев С.Н.

- Два эпизода русско-польских книжных связей во второй половине XV в.: писарь Якуб, Василий Ермолин и Швайпольт Фиоль 333

Печников М.В.

- Был ли «жидовин еретик» в свите кн. Михаила Олельковича в 1470–1471 гг.? 346

Алексеев А.И.

- Отставка митрополита Зосимы и антиеретические послания Иосифа Волоцкого 355

Белякова Е.В.

- Дисциплинирование духовенства и прихожан в XVI в. (по материалам поучений Кормчих западнорусской редакции) 369

Турилов А.А.

- «Ростовской веси селянин» (Гипотеза о составителе «Сборника, именуемого Тверской летописью»). 381

Литвина А.Ф., Успенский Ф.Б.

- Как звали думного дьяка Ивана Елезаровича Цыплятева? (Из истории имянаречения в XVI в.). 387

Неменский О.Б.

- Праистория славян в «Хронике Европейской Сарматии» Александра Гваньини 397

<i>Акимова О.А.</i> Посольства из Рима в Россию конца XVI в.: проблемы языкового понимания	409
<i>Мочалова В.В.</i> Бартоломей Новодворский — идеал христианского рыцаря . .	423
<i>Швейковская Е.Н.</i> Мирские выборы в системе земского самоуправления на севере России в XVI–XVII вв.	441
<i>Дмитриев М.В.</i> «Народ благочестия русского»: о конфессиональном и этническом в представлениях о «русском народе» Речи Посполитой	453
<i>Савельева Н.В.</i> Издания Кутеинской типографии и сборник «Зерцало духовное» Гедсона, игумена Бизюкова монастыря. . .	464
<i>Прудовский П.И.</i> Россия и Бранденбургско-Прусское государство в 1660-е гг. (от Оливского мира до Андрусовского перемирия)	477
<i>Кочегаров К.А.</i> К истории «Посожского конфликта». Поездка стольника Ф.А. Головина к украинскому гетману Ивану Самойловичу в 1685 г.	489
<i>Беляев Л.А.</i> Надгробия с эпитафиями в культуре Москвы конца XVII в. и «Эпитафион» Сильвестра Медведева в память Симеона Полоцкого	501
<i>Эскин Ю.М.</i> Конотоп, Чуднов и «Соборное деяние»	517

Вступительное слово

8 декабря 2017 г. исполняется 80 лет выдающемуся отечественному историку — слависту и русисту, члену-корреспонденту РАН, доктору исторических наук, заведующему Отделом истории средних веков Института славяноведения РАН, профессору Исторического факультета МГУ Борису Николаевичу Флоре. Составители сборника решили отказаться от традиционной вступительной статьи, посвященной заслугам и достижениям юбиляра на очередном этапе его творческого пути. Причина этого проста — кто из отечественных исследователей-гуманитариев (как тех, которые приняли участие в сборнике, так и тех, кому он адресован) не знает Бориса Николаевича как ученого и не ценит его трудов? О продуктивности излишне говорить — за последние 10 лет Б.Н. Флоря опубликовал помимо прочего (см. библиографию) две большие монографии и в настоящее время трудится над третьей. Широта круга его научных интересов и их хронологический диапазон давно стали притчей во языцех, а степень фундированности изысканий, основанных во многом на неизданных архивных материалах, является устойчивым образцом для коллег-историков. Авторы и редколлегия юбилейного сборника лелеют надежду, что пестрота его состава хоть в какой-то мере приближается к диапазону научных интересов юбиляра.

Крепкого Вам здоровья и долгих лет,
дорогой Борис Николаевич!

Библиография работ Б.Н. Флори за 2007–2017 гг.

Монографии

- Исследования по истории церкви: Древнерусское и славянское Средневековье. М.: Православная энциклопедия, 2007. 525 с.
- История России с древнейших времен до конца XVII века / Под ред. академика РАН Л. В. Милова М.: Эксмо, 2007. 768 с. (совместно с Л. Н. Вдовиной и Н. В. Козловой)
- Русское государство и его западные соседи (1655–1661 гг.). М.: Индрик, 2010. 655 с.
- Внешнеполитическая программа А. Л. Ордина-Нащокина и попытки ее осуществления. М.: Индрик, 2013. 448 с.
- Florja B.N. Církevní rozkol a slovanský svět. Červený Kostelec, 2014. 192 с.

Коллективные монографии, вышедшие под редакцией Б. Н. Флори

- Власть и общество в литературных текстах Древней Руси и других славянских стран (XII–XIII вв.) / Отв. ред. Б. Н. Флоря. М.: Знак, 2012. 318 с., ил.
- Общественная мысль в России и других славянских странах в эпоху развитого средневековья / Отв. ред. Б.Н. Флоря. М.: Индрик, 2014.

Статьи

2007

- Выборность правителя в памятниках владими́ро-суздальского летописания второй половины XII — начала XIII века // От Царьграда до Белого моря: сборник статей по средневековому искусству в честь Э. С. Смирновой. М., 2007. С. 597–608.
- Два портрета идеальных правителей на страницах Хроники Галла Анонима // Репрезентация власти в средневековом обществе. Сб. ст. М., 2007. С. 00–00.
- Донесение юрьевского воеводы князя И. А. Хилкова об устройстве православного собора в честь Покрова Пресвятой Богородицы в Юрьеве (Дерпте) // Вестник церковной истории. 2007. № 1(5). С. 249–255 (совместно с диак. Михаилом Желтовым).
- История России IX–XIX вв. в заявках конкурса РГНФ 2007 года // Вестник Российского гуманитарного научного фонда. 2007. № 3. С. 5–15 (совместно с Л. Г. Захаровой).
- Русско-польские отношения в 50-е годы XVII в. // Русская и украинская дипломатия в международных отношениях в Европе середины XVII в. М., 2007. С. 00–00.
- Сказание черноризца Храбра «О письменах» // Московские епархиальные ведомости. 2007. № 3/4. С. 52–65.
- Тема выбора правителя в хронике Винченца Кадлубки // Славянский альманах, 2006. М., 2007. С. 70–80.
- Хроника Винченца Кадлубка о переломе в жизни польского общества на переходе от раннего к развитому Средневековью // Средние века. 2007. Вып. 68. № 4. С. 92–106.
- Центр и провинция в системе управления России (XVI–XVII вв.) // Государство и общество в России XV — начала XX века: сборник статей памяти Н. Е. Носова. СПб., 2007. С. 189–194.
- Статьи в «Православной энциклопедии», т. 15: Димитрий Александрович. С. 104–106; Димитрий Васильевич (совместно с А.В. Кузьминым). С. 109–110; Димитрий Иоаннович. С. 114–116; Димитрий Иоаннович Донской. С. 116–129; Димитрий Иоаннович, св. царевич (совместно с А.А. Туриловим). С. 132–138; Дионисий, свт., архиеп. Суздальский. С. 241–243; Дионисий (Зобнинский), прп. С. 257–265; Дионисий (Балабан-Тукальский). С. 282–284; Дионисий (Збируйский). С. 289; Длугош (совместно с С. С. Л.). С. 419–421; Дмитрий Георгиевич (совместно с Н.А. Зонтиковым). С. 438–442.
- Статьи в «Православной энциклопедии», т. 16: Древинский. С. 133–135; Дьяки. С. 512–513.

2008

- Восточная Европа в эпоху Дмитрия Донского // Славянский альманах, 2007. М., 2008. С. 4–10.
- Два портрета идеальных правителей на страницах Хроники Галла Анонима // Анфологион: власть, общество, культура в славянском мире в Средние века: к 70-летию Бориса Николаевича Флори. (= Славяне и их соседи. Сб. 12). М., 2008. С. 17–41.
- Львовское посольство А. Л. Ордина-Нашекина // Исторические записки. 2008. Вып. 11(129). С. 94–113.
- Православие в Ливонии и Великом княжестве Литовском (2-я пол. 1650-х — нач. 1660-х гг.) // Вестник церковной истории. 2008. № 3(11). С. 65–73.
- Представление о Москве как о Третьем Риме и некоторые проблемы развития русской общественной мысли в XVI веке // «В кратких словесах многой разум замыкающе...»: сборник научных трудов в честь 75-летия профессора Р. Г. Скрынникова. СПб., 2008. (Труды Кафедры истории России с древнейших времен до XX века / СПбГУ. Т. 2). С. 58–65.
- Римляне на Балтийском море // Образ Византии: сборник статей в честь О. С. Поповой. М., 2008. С. 567–576.
- Центр и провинция в системе управления России (XVI–XVII вв.) // Столица и провинция в истории России и Польши: сборник статей по материалам международной научной конференции (Москва, 2005). М., 2008. С. 94–101.
- Статья в «Православной энциклопедии», т. 17: Евдокия Димитриевна, прп. С. 126–129.
- Статьи в «Православной энциклопедии», т. 18: Елена Васильевна. С. 304–306; Елена Иоанновна. С. 307–309.
- Статья в «Православной энциклопедии», т. 19: Западнорусская митрополия. С. 612–615.

2009

- Власть, церковь и «воины» в хронике Винцента Кадлубка: (о рецепции западной религиозно-политической идеологии на польской почве) // Вестник истории, литературы, искусства: (альманах). М., 2009. С. 253–262.
- Заметки А. Л. Ордина-Нащокина на полях Московского договора 1667 г. // *Prospice sed respice*: Проблемы славяноведения и медиэвистики: сборник научных статей в честь 85-летия профессора В. А. Якубского. СПб., 2009. С. 167–174.
- Митрополит Иосиф (Тукальский) и судьбы православия в Восточной Европе в XVII в. // Вестник церковной истории. 2009. № 1/2(13/14). С. 123–147.
- Новгород и князья в XII в. // Великий Новгород и Средневековая Русь: сборник статей. М., 2009. С. 295–299.

- Общественная мысль Древней Руси в эпоху раннего средневековья // *Общественная мысль славянских народов в эпоху раннего средневековья*. М., 2009. С. 31–80 (совместно с А. А. Туриловым).
- Польская общественная мысль раннего средневековья // *Общественная мысль славянских народов в эпоху раннего средневековья*. М., 2009. С. 220–264.
- Правитель и знать в древнерусском летописании XII века // *Средневековая Русь*. 2009. Вып. 8. С. 64–84.
- Россия и европейская система международных отношений (конец XV — вторая половина XVII вв.) // *Россия, Польша, Германия — история и современность европейского единства*. М., 2009. С. 23–31.
- Тимар и поместье // *Особенности российского исторического процесса: сборник статей памяти академика Л. В. Милова: к 80-летию со дня рождения*. М., 2009. С. 125–135.
- Статьи в «Православной энциклопедии», т. 22: Илия, еп. Тверской. С. 280–281; Илия Муромец (совм. с Е. В. Лопухиной). С. 307–312; Иннокентий (Гизель). С. 744–749 (личное участие: С. 744–747, совм. с М. А. Корзо раздел «Биография»).

2010

- Земские соборы и внешняя политика Русского государства в первой половине XVII века // *Сословия, институты и государственная власть в России: Средние века и раннее Новое время: сборник статей памяти академика Л. В. Черепнина*. М., 2010. С. 631–643.
- Из истории экономической политики Русского государства во 2-й пол. XVII в. // *Древняя Русь. Вопросы медиевистики*. 2010. № 4(42). С. 93–95.
- Летописец Даниила Галицкого и «Моление» Даниила Заточника как памятники древнерусской общественной мысли XIII в. // *Славянский альманах*, 2009. М., 2010. С. 85–109.
- Московский договор между Россией и Речью Посполитой и внешнеполитические планы А. Л. Ордина-Нащокина // *Славяноведение*. 2010. № 2. С. 31–37.
- «О миру великой России с Полшею»: формирование внешнеполитической программы А. Л. Ордина-Нащокина // *Исторические записки*. 2010. Вып. 13(131). С. 274–288.
- Путешествия Воина Нащокина // *Средние века*. 2010. Вып. 71. № 1/2. С. 313–320.
- Путь к Грюнвальду: Международная жизнь восточной Европы в XIV — начале XV века // *Родина*. 2010. № 7. С. 3–8.
- Путь к Грюнвальду: Международная жизнь восточной Европы в XIV — начале XV века // *Проблемы национальной стратегии*. 2010. № 2(3). С. 153–166.

- Статьи в Православной энциклопедии, т. 23: Иоанн (Баба). С. 380; Иоанн III Васильевич. С. 613–625; Иоанн IV Васильевич. С. 628–641.
- Статьи в Православной энциклопедии, т. 25: Иов (Борецкий). С. 299–306; Иона (Борзобогатый-Красенский) (совместно с В. Г. Пидгайко). С. 445–448; Иосиф (Бобрикович) (совместно с В. Г. Пидгайко). С. 618–620; Иосиф (Болгаринович). С. 620–621; Иосиф (Курцевич) (совместно с А. В. Маштафаровым). С. 634–636; Иосиф (Нелюбович-Тукальский). С. 638–645.

2011

- Два пути формирования общегосударственной политической элиты: (На материале, относящемся к истории Польши XIV в. и Русского государства XV–XVI в.) // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2011. № 4(46). С. 5–12.
- Международная жизнь восточной части Европы в XIV — начале XV в.: путь к Грюнвальду // Славянский альманах, 2010. М., 2011. С. 12–24.
- Новые данные о начале контактов Киевского митрополита Иова (Борецкого) с Россией // Вестник церковной истории. 2011. № 1/2(21/22). С. 225–232.
- О начале сношений Киевской митрополии с Московским патриархатом // Вестник церковной истории. 2011. № 1. С. 00–00.
- О положении «иванского купечества» в Новгороде домонгольского времени // Новгородский исторический сборник. М., 2011. Т. 12. С. 34–36.
- Образы прошлого в славянских исторических текстах раннего средневековья: (к вопросу о зарождении утопии) // Текст славянской культуры. К юбилею Л. А. Софроновой: Сборник статей. М., 2011. С. 422–430.
- Поздний Новгород и Чехия Ягеллонов: (попытка сравнительного сопоставления) // Средние века. 2011. Т. 72. № 3/4. С. 9–26.
- Статья в Православной энциклопедии, т. 26: Иосиф II (Солтан), митр. С. 14–17.
- Статьи в Православной энциклопедии, т. 27: Исаакий (Борискович), еп. С. 32–34; Исидор, митр. Киевский. С. 177–181.

2012

- А. Л. Ордин-Нащокин о созыве Земского собора // *Paleobureaucratica*: Сборник статей к 90-летию Н. Ф. Демидовой. М., 2012. С. 340–345.
- Лаврентий Зизаний в России // Вестник церковной истории. 2012. № 1/2(25/26). С. 255–261.
- Образ войны в польских хрониках XII–XIV вв. // Образ войны в общественной мысли славянских народов эпохи Средневековья и раннего Нового времени. М., 2012. С. 108–112.
- Общественная мысль Сербии конца XII — XIII в.: (Власть и общество в представлениях сербских книжников) // Власть и обще-

ство в литературных текстах Древней Руси и других славянских стран (XII–XIII вв.) / Ред. Б. Н. Флория. М., 2012. С. 125–168. Совм. с А. А. Туриловым.

Польская общественная мысль на переломе от раннего к развитому Средневековью // Там же. С. 231–276.

Представления об отношениях власти и общества в Древней Руси (XII — начало XIII вв.) // Там же. С. 9–94.

Призвание Рюрика и основание Новгорода // Вестник Московского университета. Серия 8: История. 2012. № 5. С. 3–9.

Статья в Православной энциклопедии, т. 28: «Итальянская легенда». С. 340–341.

Статьи в Православной энциклопедии, т. 29: Кадлубек. С. 86–87; «Казанская история». С. 247; Казимир, св. С. 364–365; Казимир III Великий. С. 365–367; Казимир IV Ягеллончик. С. 367–370; Каллист, еп. Полоцкий и Витебский. С. 521.

2013

Избрание царя Михаила // Исторический вестник. 2013. Т. 3(150): Романовы: династия и эпоха. С. 6–23.

Избрание царя Михаила // Родина. М., 2013. № 2. С. 2–7.

Изучение русско-польских отношений XVI–XVII веков в русской историографии второй половины XX — начала XXI века // *Polsko-Rosyjskie relacje w sferze nauki XVIII–XX w.* Warszawa, 2013. P. 121–131.

Исторический поворот (Богдан Хмельницкий и Россия в 1648–1649 гг.) // Исторические записки. 2013.

Киевский митрополит Петр (Могила) и русская власть: эволюция взаимоотношений // Вестник церковной истории. 2013. № 1/2(29/30). С. 179–187.

Монархия и ее историческая роль в польской средневековой традиции // *Amicus Poloniae. Памяти Виктора Хорева.* М., 2013. С. 491–496.

Норвегия и Древняя Русь: попытка сопоставления общественного строя // Русь, Россия: Средневековье и Новое время. М., 2013. Вып. 3 (= Третьи чтения памяти академика РАН Л. В. Милова: Материалы к международной научной конференции, Москва, 21–23 ноября 2013 г.). С. 11–12.

О формах организации крестьянства в период раннего и развитого Средневековья в славянском мире // *Образы аграрной России IX–XVIII вв.: Памяти Н. А. Горской.* М., 2013. С. 42–48.

Посольство И. И. Чаадаева в Речь Посполитую (1671 г.) и судьба русско-польского союза // Исторический вестник. М., 2013. Т.6. С. 8–17.

«Русский народ» в Речи Посполитой и представления о нем в сознании социальных низов украинского общества первой половины XVII века: (по материалам расспросных речей) // *Средние века.* М., 2013. Т. 74. № 1/2. С. 160–191.

- Русское общество в эпоху Смуты // Смута в России и Потоп в Речи Посполитой: опыт преодоления государственного кризиса в XVII столетии. М., 2013. С. 00–00.
- Тема конфессионального противостояния в «Летописи» С. Величко // Вестник церковной истории. 2013. № 3/4(31/32). С. 259–269.
- Хазарская версия происхождения украинских казаков в «Летописи» Григория Грабянки // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2013. № 3(53). С. 142.
- Статья в Православной энциклопедии, т. 31: Кассиан, прп., игумен Белозерского монастыря (совместно с С. А. Семячко). С. 495–498.
- Статьи в Православной энциклопедии, т. 33: Киевская епархия. С. 151–290 (личное участие: С. 151–159 с А. В. Назаренко раздел по истории Киевской епархии до сер. XV в.; С. 164–173 с Л. В. Тимошенко раздел по истории Киевской епархии в 1596–1686 гг.); Киприан, свт. митр. Киевский и всея Руси. С. 630–650 (в соавторстве, личное участие: С. 630–638).

2014

- А. Л. Ордин-Нащокин и И. А. Хованский: предыстория конфликта // Историк в России: Между прошлым и будущим. Статьи и воспоминания. М., 2014. С. 164–170.
- Богдан Хмельницкий и Россия в 1648–1649 годах: исторический поворот // Исторические записки. 2014. Вып. 15(133). С. 105–123.
- Борьба киевского духовенства за права православных в Речи Посполитой в первые годы после заключения Андрусовского мирного договора // Вестник церковной истории. 2014. № 1/2(33/34). С. 129–148.
- Власть, землевладельцы и «служилое» население в Рязанской земле конца XIV — начала XVI в. // «По любви, въ правду, безо всякие хитрости»: Друзья и коллеги к 80-летию Владимира Андреевича Кучкина. М., 2014. С. 229–234.
- Власть и общество в Сербии последней трети XIII — середины XIV в. в памятниках книжности и права // Общественная мысль в России и других славянских странах в эпоху развитого средневековья. М., 2014. С. 159–188. Совм. с А. А. Туриловым.
- О формировании идеологии украинской элиты во второй половине XVII в. // Петербургские славянские и балканские исследования (Studia Slavica et Balcanica Petropolitana). 2014. № 1(15). С. 163–170.
- Общественная мысль Древней Руси XIII–XIV вв. // Общественная мысль в России и других славянских странах в эпоху развитого средневековья. М., 2014. С. 9–140.
- Общественная мысль Польши XIII–XIV вв. // Там же. С. 239–354.
- Представления о появлении монархии и ее исторической роли в польской средневековой традиции // Труды Отделения историко-филологических наук РАН. 2008–2013. М., 2014. С. 309–314.

- Славянская письменность в Европе раннего Средневековья // Славянский альманах, 2013. М., 2014. С. 14–24.
- Формирование новой социальной элиты украинского общества (вторая половина XVII — первая треть XVIII века) и два ее идеолога // Славяноведение. 2014. № 2. С. 25–46.
- Статьи в «Православной энциклопедии», т. 34: Кирилл II, свт., митр. Киевский. С. 547–551; Кирилл (Константин), равноап. С. 186–225 (личное участие: С. 186–190, раздел «Источники», «Жизнеописание»; С. 192–195, совм. с Д. Чешмеджиевым, раздел «Создание славянской письменности и богослужения»; С. 197–198, раздел о почитании в Сербии и Хорватии, совм. с А. А. Туриловым).
- Статья в «Православной энциклопедии», т. 35: Кисель Адам. С. 67–73.

2015

- Два этапа в развитии государства и общества в Новгородской земле // Русь, Россия: Средневековье и Новое время. М., 2015. Вып. 4 (= Четвертые чтения памяти академика РАН Л. В. Милова: Материалы к международной научной конференции. Москва, 26 октября — 1 ноября 2015 г.). С. 15–20.
- Освобожденные невольники в ином мире // *Arg historica*: Сборник в честь О. Ф. Кудрявцева. М., 2015. С. 67–71.
- Особенности почитания святых в разных регионах России раннего XVII в.: (По материалам писцовых книг) // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2015. № 4(62). С. 113–115.
- Первый русский постоянный представитель в Варшаве В. М. Тяпкин и православные в Речи Посполитой // Вестник церковной истории. 2015 № 3/4(39/40). С. 275–281.
- Православная шляхта и православные иерархи на Правобережье во 2-й половине XVII в. // Там же. 2015. № 1/2(37/38). С. 302–309.
- Россия и Дунайские княжества в 1674 г // Вестник славянских культур. 2015. № 1(35). С. 122–129.
- Россия и попытки установления «новой унии» в Речи Посполитой (1678–1681 годы) // Славяноведение. 2015. № 2. С. 3–18.
- Россия и элекция в Речи Посполитой 1674 года // Средние века. 2015. Т. 76. № 1/2. С. 269–290.
- Россия, Ян Собеский и гетман Михаил Пац в 1674–1675 гг. // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2015. № 1(59). С. 5–11.
- Украинское общество и его элита в «Летописи» Самойла Величка // Белоруссия и Украина. История и культура. М., 2015. Вып. 5. С. 34–71.
- Статья в «Православной энциклопедии», т. 37: Константин Иванович Острожский // Православная энциклопедия. С. 80–83.
- Статья в «Православной энциклопедии», т. 39: «Кристианова легенда». С. 13–14.
- Статьи в «Православной энциклопедии», т. 40: Леонид, архиеп. Новгородский. С. 465–467; Леонтьев Дмитрий. С. 564; Летописание. С. 628–644 (личное участие: С. 641–642, раздел «Летописание

в Великом княжестве Литовском»); Лжедмитрий I. С. 677–682; Лжедмитрий II. С. 682–686.

2016

- Бернард Ваповский о древней истории славян и Польши // Славянский альманах, 2016. М., 2016. Т. 3/4. С. 38–45.
- Народные движения и «живая история»: на примере Украины первой половины XVII века // Universitas historiae: сборник статей в честь П. Ю. Уварова. М., 2016. С. 75–79.
- Наследник А. Л. Ордина-Нащокина (русский резидент в Варшаве В. М. Тяпкин и балтийский вопрос) // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2016. № 1(63). С. 64–70.
- Норвегия и Древняя Русь // Польша, Россия и Европа в судьбе историка. К столетию Александра Гейштора. М., 2016. С. 227–233.
- Норвегия и Древняя Русь в эпоху Раннего Средневековья // Средневековая Русь. 2016. Вып. 12. С. 7–26.
- Образование государства на Западном Поморье: этапы формирования // Древнейшие государства Восточной Европы, 2014 год: Древняя Русь и средневековая Европа: возникновение государств. М., 2016. С. 318–331.
- Отмена вир Владимиром Святославичем // Исторический вестник. 2016. Т. 17(164) С. 12–21.
- Павел Алеппский на Украине в середине XVII в // Славянский альманах, 2016. М., 2016. Т. 1. С. 11–24.
- Павел Алеппский об Иване Грозном // Русский сборник: Исследования по истории России. М., 2016. Т. 21. С. 218–227.
- Представления о древнепольском обществе и его развитии в польской исторической мысли второй половины XV — середины XVI века (Я. Длугош и М. Кромер) // Славяноведение. 2016. № 4. С. 15–24.
- Россия и казацкое восстание 1625 г. // Исторический вестник. 2016. Т. 16(163). С. 8–23.
- Россия, Речь Посполитая и Правобережная Украина в последние годы гетманства П. Дорошенко (1673–1677 гг.) // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2016. № 3(65). С. 76–90.
- Русское общество в эпоху Смуты // Смута в России и Потоп в Речи Посполитой: опыт преодоления государственного кризиса в XVII столетии: материалы Российско-польской научной конференции, Москва, 24–26 октября 2012 г. М., 2016. С. 49–68.
- Славянский мир и его судьбы в раннюю эпоху его истории в произведениях представителей польской исторической мысли второй половины XV — начала XVI века // Славяноведение. 2016. № 2. С. 3–20.
- Статьи в «Православной энциклопедии», т. 41: Ливонская война. С. 30–32; Литовская Митрополия. С. 192–196; Литовское Великое Княжество (совместно с А. В. Кузьминым). С. 198–212.

- Статьи в «Православной энциклопедии», т. 42: Люблинская уния. С. 46–47; Люблинское братство. С. 47–50; Людмила, мц., кнг. Чешская. С. 73–75; Макарий, свт., митр. Московский. С. 368–390 (личное участие: С. 368–381 совместно с архим. Макарием (Веретенниковым) раздел «Биография»); Макарий, еп. Львовский. С. 530–532; Макарий I, митр. Киевский. С. 551–552; Макарий II. С. 554–556; Макарий Серб. С. 603.
- Статьи в «Православной энциклопедии», т. 44: Мелетий (Хребтович-Богуринский). С. 561–562; Мелетий I, свт., патр. Александрийский. С. 570–573 (личное участие: С. 572, раздел «Мелетий и Киевская митрополия»).

2017

- Земский собор и налогообложение // Представительные институты в России в контексте европейской истории, XV — середина XVII в. М., 2017. С. 60–68.
- Крестьянские переходы в Северо-Восточной Руси в середине — второй половине XV в. // Русь, Россия: Средневековье и Новое время. М., 2017. Вып. 5: Пятое чтения памяти академика РАН Л. В. Милова. С. 10–11
- Мартин Бельский о древней истории славян и Польши // Славяноведение. 2017. № 2. С. 55–63
- Отмена вир Владимиром Святославичем // Русь эпохи Владимира Великого: Государство, церковь, культура. М.; Вологда, 2017. С. 185–190.
- Оценки возмещения за оскорбление дворянской «чести» и «чести» представителей других сословий в памятниках русского законодательства XVI–XVII вв. // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2017. № 4(70). С. 5–16.
- Переговоры между Россией и Речью Посполитой о союзе против османов (1673–1676 гг.) // Там же. 2017. № 1(67). С. 61–75.
- Россия и казачье восстание 1625 г. // Исторический вестник. 2017. Т. 16(163). С. 8–23.
- Русский резидент в Варшаве В. М. Тяпкин о месте России среди европейских государств // Средние века. 2017. Т. 78. № 3/4.
- «Славяне» и «сарматы» в сочинениях польских историков конца XV — середины XVI века // Славянский альманах, 2017. М., 2017. Т. 1/2. С. 48–54.
- Славянский мир и его судьбы в древнейшую эпоху его истории в первой редакции «Хроники» Мартина Кромера // Slověne = Slovĕne: International Journal of Slavic Studies. 2017. Т. 6. № 1. С. 381–392.
- События истории поздней Византии на страницах русских исторических текстов XV–XVI веков // Славяноведение. 2017. № 4. С. 12–20.
- Статьи в Православной энциклопедии, т. 45: Мефодий, равноап. С. 92–96 (совм. с А. А. Туриловым); Мефодий, еп. Могилёвский, Мстиславский и Оршанский. С. 128–131; Мешко I. С. 152–153; Михаил, свт. митр. Киевский. С. 546–548 (совм. с И. В. Злотниковой); Михаил (Рагоза), униат. митр. Киевский. С. 648–652.

Греческое Евангелие из ризницы Троице- Сергиевой лавры № 28 (греч. 11)

DOI 10.51168/91674-483-5.1

Византийское искусство второй половины XII в. обладает большим числом вариантов, и в их сети иногда бывает непросто найти место для некоего малоизвестного произведения. С такой проблемой мы столкнулись при изучении иллюстрированного греческого кодекса, хранящегося в Российской Государственной библиотеке, в фонде ризницы Троице-Сергиевой лавры (Ф. 304, III, № 28, прежний шифр — греч. 11).

Кодекс представляет собой Четвероевангелие XII в., имеющее 231 лист размером 20 × 15 см (точнее 195/206 × 155/9 мм). Перед евангельским текстом — Послание Евсевия Кесарийского к Карпиану и восемь таблиц канонов. Текст написан минускулом, почерк принадлежит к Чикаго-Карахиссарской группе¹.

В рукописи находятся четыре миниатюры с изображениями евангелистов перед их Евангелиями (Матфей — л. 8 об. (ил. 1), Марк — л. 72 об. (ил. 2), Лука — л. 114 об., Иоанн — л. 191 об.), а также заставки и инициалы перед началом текстов Евангелий.

Специального исследования о художественном оформлении этой рукописи не существует, однако есть краткие описания ее в каталогах, где время ее создания обычно определяется как XII в.² Иногда оно

¹ Об этой обширной группе рукописей см.: *Weyl Carr A.-M. Byzantine Illumination 1150–1250. The Study of a Provincial Tradition.* Chicago, London, 1987.

² *Treu K. Die griechischen Handschriften des neuen Testaments in der UdSSR.* Berlin, 1966. S. 316–318.

1. Евангелист Матфей и начало Евангелия от Матфея. Четвероевангелие. Российская государственная библиотека, Ф. 304, III, № 28. Л. 8 об. – 9. Конец XII в.

2. Евангелист Марк и начало Евангелия от Марка. Четвероевангелие. Российская государственная библиотека, Ф. 304, III, № 28. Л. 72 об. – 73. Конец XII в.

уточняется как вторая половина XII в.³ Иногда дается еще более узкая атрибуция как конец XII в., с указанием возможного происхождения из Константинополя⁴.

Рукопись прошла реставрацию в ГОСНИИР с 1986 по 1989 г.⁵ В кодексе имеются следующие записи: «Почил... Бога и ангельского славословия удостоился Иоанникий месяца апреля 6716 [1208] г.» (л. 239 об.); «Я, Димитрий, пришел к святому Андрею и стал киновиархом в монастыре до тех пор, пока Господь приблизит время могилы [моей]» (л. 3 об., запись датируется рубежом XII–XIII вв.)⁶. Из истории рукописи известно следующее: с середины XVII в. до 1779 г. она находилась на Афоне в келье константинопольских патриархов Афанасия III Пателария и Серафима II; в 1849 г. — в русском скиту Андрея Первозванного на Афоне; в 1849–1850 гг. — в собрании А.Н. Муравьева в Москве (дар игумена скита Виссариона). В мае 1850 г. рукопись была преподнесена митрополиту московскому Филарету Дроздову и вложена им в Троице-Сергиеву лавру, где находилась в ризнице до 1928 г. В 1931 г. она поступила в Отдел рукописей Государственной библиотеки им. В.И. Ленина (ныне РГБ). Все эти сведения были записаны на верхней крышке переплета (на бумаге)⁷.

Общий облик листов рукописи — гораздо более скромный, чем в манускриптах второй половины XI в. Размер сильно уменьшился, соответственно и величина миниатюр стала теперь не такой эффектной, как была во многих кодексах, особенно литургических, в XI в. Письмо не в два столбца, а постраничное, поэтому архитектура листа стала не так важна. В отличие от манускриптов XI в., композиции занятых текстом страниц просты.

В иллюстрированных Четвероевангелиях чаще всего только четыре разворота из всего кодекса имеют украшение: четыре миниатюры с портретами евангелистов с левой стороны и четыре заставки и небольших инициала — с правой (ил. 3). Именно так и в нашей рукописи.

Квадратные заставки, крупные по отношению к величине страницы (под ними — только три строки текста), состоят из элементов,

³ Искусство Византии в собраниях СССР. Каталог выставки. М., 1977. Т. 2. № 511. С. 56–57 (указано, что миниатюры вшиты на отдельных листах).

⁴ Мокрецова И.П., Наумова М.М., Киреева В.Н., Добрынина Э.Н., Фонкич Б.Л. Материалы и техника византийской рукописной книги. М., 2003. С. 149–153. Кат. № 15.

⁵ Мокрецова И.П. и др. Материалы и техника... С. 151. Были распрявлены и очищены листы, укреплены осыпи красочного слоя в миниатюрах и орнаментах, отремонтирован первоначальный переплет.

⁶ Искусство Византии... С. 56; Мокрецова И.П. и др. Материалы и техника... С. 150.

⁷ Там же.

3. Евангелист Иоанн и начало Евангелия от Иоанна. Четвероевангелие. Российская государственная библиотека, Ф. 304, III, № 28. Л. 191 об. – 192. Конец XII в.

похожих на «лепестковый орнамент» XI в.⁸, но ставших здесь более мелкими и более плотно расположенными. Густота чередований ветвей и синих лепестков «византийских цветков» имеет иной характер, чем в орнаментах XI в., где всегда доминировал архитектурный принцип композиции. В нашей рукописи симметрия построения тоже видна, но воспринимается прежде всего избыточная насыщенность композиции. В лепестковых узорах XI в. драгоценность отдельных эмалеподобных деталей впечатляет едва ли не больше, чем ковровое заполнение больших орнаментальных полей.

Все заставки сопровождаются птицами. Заставку к Евангелию от Матфея украшают павлины с пышными хвостами. Из четырех инициалов только один (начало Евангелия от Матфея) представляет собой фигурное изображение: буква «B» — это человек, руки его держат книгу и образуют верхнюю петлю, нижняя петля создается фалдами одежды.

Листы с миниатюрами впечатляют разнообразными декоративными элементами. Все краски яркие, большие поверхности заняты

⁸ Добрынина Э.Н. О термине «эмальерный стиль» в истории византийской книжной орнаментики X–XII вв. // Палеография, кодикология, дипломатика. Современный опыт исследования греческих, латинских и славянских рукописей и документов. Материалы научной конференции в честь 75-летия Б.Л. Фонкича. М., 2013. С. 83–93.

красным цветом, очень много интенсивного голубого, окрашивающего и одежды, и орнаментированные рамы композиций, и черепицу крыш в архитектурных фонах. При этом колорит миниатюр не выглядит пестрым, ибо все тона хорошо гармонизированы.

Декоративность листов с миниатюрами сильно повышается также из-за большой плотности предметов, изображенных на фонах композиций. Все они выглядят совершенно плоскими, без какого-либо ощущения объема или массы. Ни одна форма, ни один объем, кажется, ничего не весит. Стены зданий, столики, пюпитры, пол с плитками — все сливается в единую поверхность, декоративную как ковер, что способствует сосредоточению взгляда человека исключительно на образе евангелиста. В то же время все изображение столь отрешено от реальной плоти, что кажется похожим на ирреальное видение.

Однако при всей густоте и плотности предметов и архитектурных форм все они, даже здания, кажется, «раздвигаются» в стороны, освобождая середину фона для изображения евангелиста. В результате его фигура выступает по пояс на свободном золотом фоне. Помещать фигуру святого в золотом пространстве, ассоциирующем с божественным светом, в Византии было принято всегда, и мастер явно не хотел изменять этому принципу. Однако здесь, в соответствии с некой модой времени или с какими-то образцами, фоном будто бы овладели предметы, но их суетливое изобилие раздвинулось в стороны, освободив центр композиции для золотого света, в котором должно пребывать образу.

При всей переполненности и тем самым некоторой затрудненности композиций сами фигуры кажутся классическими. Пропорции их правильны, без всяких погрешностей. Крупные складки одеяний хорошо обрисованы и образуют четкие геометрические формы. Фигуры легко читаются, несмотря на перегруженность окружающего их пространства. Облики индивидуальны, выражение их спокойное. Каких-либо резких или неожиданных характеристик нет. Во всем основном соблюдена классическая мера.

Как известно, классическая традиция присутствовала в византийском искусстве практически во все времена, при этом чаще всего в нем усваивались лишь некоторые черты этой традиции, но к классической основе всегда прибавлялись иные элементы, этим основам противоречащие и даже их умаляющие, но необходимые для спиритуалистической выразительности византийского образа⁹.

⁹ *Попова О.С.* Образы и стиль византийского искусства второй половины X — XI в. по миниатюрам греческих рукописей // *Попова О.С., Захарова А.В., Орещкая И.А.* Византийская миниатюра второй половины X — начала XII века. М., 2012. С. 8–111.

4. Успение. Фреска в церкви Св. Георгия в Курбиново. 1191 г. Деталь.

Именно такие элементы присущи нашим миниатюрам: все основные очертания драпировок — жесткие и ломкие, включающие в свою сеть круглые как шарниры и совершенно абстрактные пятна света, что соответствует приемам монументального искусства XI — начала XII в.¹⁰ Мягких текучих материй, как в классическом искусстве, здесь нет.

Кроме того, в миниатюрах заметен отклик и на другое направление в живописи этого времени — так называемый «динамический» стиль, который можно назвать также экспрессивным, аскетическим, экстравагантным, в крайних своих вариантах — даже экзальтированным (ил. 4). Это явление, хорошо известное в истории византийского искусства¹¹, приобрело во второй половине и особенно конце XII в. на редкость широкое распространение и стало едва ли не массовым явлением. Само оно не было однородным и включало в себя разнообразные варианты, что зависело и от смены поколений, и от региона,

¹⁰ Попова О.С., Сарабьянов В.Д. Мозаики и фрески Святой Софии Киевской. М., 2017. С. 228–236.

¹¹ См., например: Mouriki D. Stylistic trends in monumental painting of Greece during the eleventh and twelfth centuries // DOP. 1980/1981. Vol. 34/35. P. 106–124; Tomeković S. Le «maniérisme» dans l'art mural à Byzance: 1164–1204. Paris, 1984; Hadermann-Misguich L. Le temps des Anges. Recueil d'études sur la peinture byzantine du XIIe siècle, ses antécédents, son rayonnement. Bruxelles, 2005.

5. Евангелист Иоанн. Четвероевангелие. Российская государственная библиотека, Ф. 304, III, № 28. Л. 191 об. Конец XII в.

где оно возникало. Формы такого искусства были часто гротескно-утрированные, а иногда манерные. Первые впечатляли суровостью сильных эмоций, трагическим акцентом и в целом аскетическим характером. Вторые от такого содержания были весьма далеки и были рождены скорее артистической игрой на драматические темы¹².

¹² Weitzmann K. Eine spätkommenische Verkündigungssikone des Sinai und die zweite byzantinische Welle des 12. Jahrhunderts // Festschrift für Herbert von Einem. Berlin, 1965. S. 299–312.

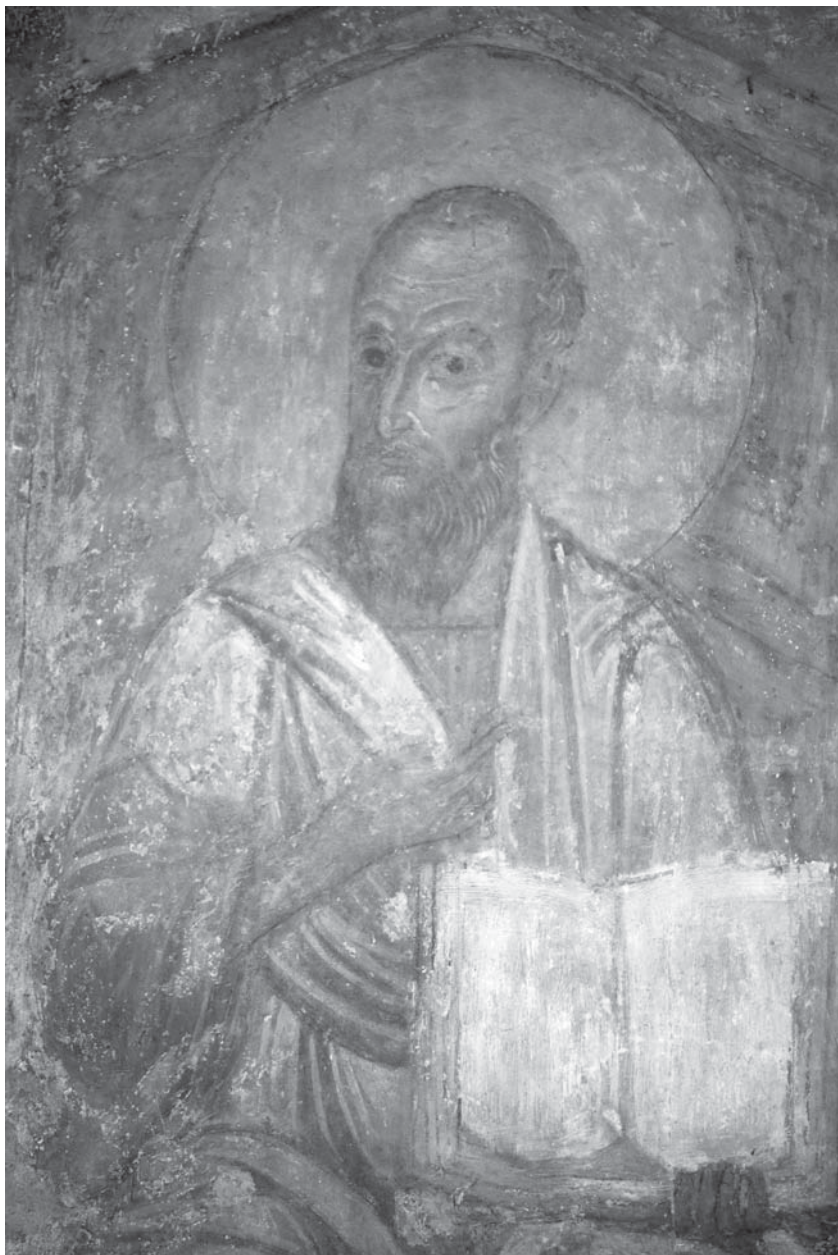

6. Евангелист Марк. Четвероевангелие. Российская государственная библиотека, Ф. 304, III, № 28. Л. 72 об. Конец XII в.

При этом те и другие отстояли далеко от традиционного уравновешенного классического искусства¹³.

В миниатюрах нашей рукописи есть черты, совпадающие с признаками этого стиля. Мелкие дробные складки одежд внизу фигуры Иоанна (ил. 5), подвижные, будто «булькающие», образующие

¹³ *Τσιγαρίδας Ε.Ν.* Οι τοιχογραφίες της μονής Λατόμου Θεσσαλονίκης και η βυζαντινή ζωγραφική τον 12^ο αιώνα. Θεσσαλονίκη, 1986. Σ. 157–173, 191–195.

7. Апостол Павел. Фреска в церкви Св. Димитрия во Владимире. Ок. 1195 г.

8. Апостол Павел.
Фреска в церкви
Успения в мона-
стыре Вардзия.
1184–1186.

волнистые зигзаги, — это несомненная дань «динамическому» стилю или даже скорее позднекомниновскому маньеризму. Вкусам последнего соответствует и такая необычная деталь, как форма головы евангелиста Иоанна, ее удлинённый вытянутый череп, будто слегка отвисающий назад. Форма вычурная, для византийского искусства чуждая, появившаяся в живописи именно этого времени. Она присуща некоторым образам апостолов во фресках Дмитриевского собора во Владимире, 1194–1197 гг. (апостолы Павел (ил. 7), Иоанн)¹⁴ и в еще более стилизованном виде — во фресках церкви Успения монастыря Вардзия (1184–1186)¹⁵ (ил. 8). Оттенок маньеризма есть и в позах евангелистов, особенно Марка (ил. 6). Изгиб его фигуры — несколько вычурный, а поза колена, согнутого под углом, более острая, чем

¹⁴ Попова О.С. Фрески Дмитриевского собора во Владимире и византийская живопись XII века // Попова О.С. Проблемы византийского искусства. Мозаики, фрески, иконы. М., 2006. С. 353–404. Ил. 276, 281; Лифшиц Л.И. Живопись второй половины — конца XII в. // История русского искусства. Т. 2/2. Искусство второй половины XII века / Отв. ред. Л.И. Лифшиц. М., 2015. С. 255–266.

¹⁵ Привалова Е. Вардзия. Тбилиси, 1982.

9. Евангелист Иоанн. Четвероевангелие. Российская государственная библиотека, Ф. 304, III, № 28. Л. 191 об. Конец XII в. Деталь.

10. Евангелист Марк. Четвероевангелие. Российская государственная библиотека, Ф. 304, III, № 28. Л. 72 об. Конец XII в. Деталь.

11. Св. Анна. Фреска в церкви Св. Георгия в Курбиново. 1191 г. Деталь.

принято в классическом стиле. Однако все это подано умеренно, острота снижена, доминирует равновесие.

Сходство с приемами «динамического» стиля особенно заметно в исполнении лиц. Множество морщин, обозначенных резкими линиями, испещряют лица Иоанна (ил. 9) и Марка (ил. 10). Гладкой поверхности почти совсем нет. Все это существует в маленьком размере миниатюры и поэтому видно только при увеличении. Этот рисунок линейных моделировок — весьма острый, но проведен тонкими линиями, что делает его не слишком заметным. Если мысленно усилить эту линейную сеть, то форма станет контрастной, с перепадами

12. Апостол Петр. Фреска в церкви Св. Димитрия во Владимире.
Ок. 1195 г. Деталь.

рельефа, более похожей на приемы распространенного в это время «динамического» стиля (ил. 11).

В реальности все искусство этого периода было смешанным, как это обычно бывает в живом художественном процессе. И все же что-то всегда преобладает и определяет общее впечатление.

Общий облик миниатюр Евангелия из ризницы Троице-Сергиевой лавры вызывает прежде всего классические ассоциации. Среди художе-

ственной продукции этого времени миниатюры нашей рукописи ближе всего к образам фресок Дмитриевского собора во Владимире, продолжающих традиционное искусство классического типа, как и фрески Самарины¹⁶. Росписи Дмитриевского собора, к сожалению, очень плохой сохранности, что не позволяет осознать некоторые особенности их художественных приемов.

Например, каково соотношение разных способов изображения света и сколь велика роль тонких белых светов-нитей, заменяющих старинные широкие пробела, какова частота их применения и какова изменившаяся в связи с этим выразительность формы. Много ли признаков манерности несут в себе эти фрески? Кажется, таких признаков было больше, чем осталось. Кроме того, как известно, в художественный синтез фресок Дмитриевского собора вливаются элементы «динамического стиля», свойственного этому времени (композиция «Апостол Петр, ведущий праведных жен в рай»¹⁷ (ил. 12)).

13. Евангелист Матфей. Четвероевангелие. Российская государственная библиотека, Ф. 304, III, № 28. Л. 8 об. Конец XII в. Деталь.

В целом для сравнений фресок с нашими миниатюрами мало материала. Во фресках только немногие лица сохранились достаточно хорошо, а из четырех миниатюр Евангелия только две уцелели полностью (Марк и Иоанн). Облик Матфея утрачен больше чем наполовину (ил. 13), и остатки красочного слоя дают лишь частичное представление о его первоначальном образе. Четвертая миниатюра (Лука) утрачена безвозвратно (краски осыпались на всей поверхности и сохранились лишь клочьями).

¹⁶ Попова О.С. Фрески Дмитриевского собора...; *Grigoriadou-Cabagnols L. Le décor peint de l'église de Samari en Messenie // Cahiers Archéologiques. 1970. Vol. 20. P. 177–196.*

¹⁷ Попова О.С. Фрески Дмитриевского собора... Ил. 305; *Лифшиц Л.И. Живопись второй половины — конца XII в. ... Ил. 353.*

В обликах Марка и Иоанна нет никакой стилизации, ничего превеличенного или специально акцентированного, что было так характерно для византийских образов 40–50-х гг. XI в. Лица евангелистов кажутся знакомыми, неоднократно встречавшимися. Подобное отсутствие чего-либо особенного и необычайного составляет характерную черту этих миниатюр. Ни в чертах лица, ни в выражении ничто не усилено, не утрировано. Греческий тип легко узнаваем (особенно в облике Иоанна), но не имеет подчеркнутых физиогномических примет. Глаза небольшие, взгляд конкретный, без какой-либо устремленности. Выражение — спокойное и мягкое у Иоанна, а у Марка — живое, с ощущением мгновенной схваченности эмоционального момента, но без какой-либо остроты или напряженности. Все настраивает скорее на повествовательный лад. Аналогичное содержание образа (эмоциональная свежесть облика и живость выражения) было и в лике Матфея, но осыпи красок мешают это увидеть полноценно.

Портрет Иоанна особенно примечателен. В облике его, в выражении лица — спокойствие и сдержанность, то, чего так мало было в образах живописи конца XII в. В характеристике доминирует сосредоточенность, причем без особой погруженности в созерцание. Равновесие и уравновешенность кажутся центральными идеями этого образа. Хочется вспомнить слова, начертанные на фронтоне храма Аполлона в Дельфах: «Все в меру». И это — в то время, когда в византийском искусстве все бурлило и в мастерских художников создавалось множество экспрессивных приемов.

Такого типа облики, живые, конкретные, индивидуальные, с оттенками эмоций, с психологическими нюансами, были и во фресках Дмитриевского собора во Владимире, содержащих вместе с тем также и элементы «динамического» стиля. Однако миниатюры нашего Евангелия имеют сходство отнюдь не только с произведениями наиболее классического круга византийской живописи позднего XII в. Мастер использует самые разные приемы, в том числе и характерные для более экспрессивного искусства, но при этом будто специально снижает их драматичность, прячет их активность. Если представить себе все эти многочисленные (световые и черные) штрихи в ликах миниатюр в другой, более звонкой тональности, получится результат, близкий обликам типа росписей храма Св. Николая ту Касници в Кастории¹⁸ (ил. 14). Однако даже намек на эффектность подобного рода, пронзительную и трагическую, в миниатюрах нашего Евангелия нет. Напротив, в их образах преобладает спокойная сосредоточенность.

¹⁸ *Malmquist T. Byzantine 12th Century Frescoes in Kastoria, Agioi Anargyroi and Agios Nikolaos tou Kasnitzi. Uppsala, 1979; Pelekanidis S., Chatszidakis M. Kastoria. Athens, 1985. P. 50–65.*

14. Апостол Петр.
Фреска в церкви
Св. Николая ту
Касничи в Ка-
стории. Вторая
половина XII в.
Деталь.

Не совсем привычно используются в этих миниатюрах и пробела, и линии, обрисовывающие складки тканей. Пробела в основном крупные, образующие большие геометрические формы. Среди них есть и привычные круглые, похожие на шарниры световые сгустки. Все формы, в которых явлена материя, — твердые и чеканные. В миниатюрах нашего Евангелия все геометрично и четко обрисовано, по старым принципам византийской живописи 40–50-х гг. XI в.¹⁹ Линий, очерчивающих складки, очень много. Они по-прежнему образуют свои ритмы, независимые от пластики фигуры, от ее изгибов. Органического сочетания тела и драпировок нет, они только сосуществуют, как издавна было принято в Византии. Одежды не должны были показывать фигуру, но помогали ее спрятать, скрывая ее трехмерность.

Рисунок всех этих линий образует сложный беспокойный ритм. Они редко бывают однонаправленны, чаще же всего они пересекаются, имеют подвижный и взволнованный характер. Линейный ритм в одеяниях — одно из важнейших свойств византийского художест-

¹⁹ Попова О.С., Сарабьянов В.Д. Мозаики и фрески... С. 214–227.

венного языка. Он по своей сути антагонистичен объемной форме, которую он умалает, делает менее материальной. Как известно, в византийской живописи было придумано множество способов преодоления материи, и это — один из них. Подобный линейный ритм имел множество вариантов. В искусстве XI–XII вв. он крупный и жесткий, в большой степени отвлеченный от формы, абстрактный. Но он может быть более дробным, и чем он мельче, тем он ближе к натуральной объемной форме.

В миниатюрах Евангелия из ризницы Троице-Сергиевой лавры ритм линий и пробелов в целом соответствует правилам живописи XI–XII вв., но при этом выглядит более смягченным. На миниатюре с Марком на его голубом хитоне выделены, как принято, большие белые световые пятна. Но остальные поверхности покрыты тоненькими белыми нитями, будто текущими по форме (ил. 6). Каркас фигуры отмечен теперь не интенсивным выделением световой конструкции, но световой структурой более тонкой, мелкой и разнообразной. В этом гораздо меньше императивности и насилия над формой, но больше приближенности к иллюзионистическому характеру изображения. В этих малых деталях проявилась склонность мастера к более классическим художественным представлениям, чем те, что доминировали в «динамическом» искусстве второй половины XII в.

Такой же прием использован и в миниатюре с Иоанном: тоненькие белые нити-пробела текут по синему плащу, буквально испещряя всю его поверхность (ил. 5). Геометрические пробела применяются редко, они не выделены в яркие участки света. Рисунок белых нитей, параллельно текущих, создает утонченный ритм, далекий от мощных структурных пробелов в живописи XI — начала XII в. Эти белые нити — прием уже позднего XII в. (ил. 15), соответствующий вкусу более тонкому, чем в отвлеченных световых схемах прошлого. При всех деликатных нюансах, усложняющих и обогащающих общее впечатление, оно предстает как более классическое явление по сравнению с миром острого динамического стиля позднекомниновской живописи.

Как видим, разные элементы и признаки, принадлежащие к различным художественным потокам, смешиваются и сплетаются в некий единый оригинальный стиль. Здесь и следы «динамического» стиля в его несколько смягченном варианте. Здесь и отблески другого явления этого времени, всего больше отразившегося в Дмитриевском соборе во Владимире: индивидуализация обликов, придание образу портретной выразительности. Оба хорошо сохранившихся портрета в нашем Евангелии соответствуют таким установкам, они достаточно индивидуальны — живой эмоциональный Марк и Иоанн с его благородной сдержанностью и спокойной сосредоточенностью.

Вместе с тем, при всей художественной уравновешенности этих миниатюр, моделировки в лицах, как говорилось, отличаются крайней

15. Апостол
Иоанн. Фре-
ска в церкви
Св. Димитрия
во Владимире.
Ок. 1195 г.
Деталь.

резкостью. Множество линий пересекают лики, определяя сильные пластические перепады формы. Все это было свойственно подавляющему большинству созданий византийской живописи второй половины XII в., начиная от Нерези и даже еще раньше²⁰.

Такой прием жесткой линейной стилизации (вместо красочных моделировок) делает похожими разные образы одной эпохи, являясь как будто знаком времени. Например, линейные моделировки на лике евангелиста Луки в Евангелии из Афинской библиотеки (cod. 93)²¹ и на ликах евангелистов Иоанна и Марка (ил. 9, 10) в нашей рукописи похожи, но контекст, в котором они находятся, — разный. В афинской рукописи их чрезвычайно жесткий и активный рисунок определяет всю тектонику лица, а в Евангелии из ризницы Троице-Сергиевой лавры они обозначены столь тонко, что видны только при сильном увеличении.

Произведениям классической ориентации такие приемы не были свойственны. Но, видимо, нередко возникали промежуточные варианты. Таков и случай с нашими миниатюрами. Их мастер соединил разные приемы, использовавшиеся в это время. В практике художественных мастерских это было, скорее всего, типичным явлением. Искусство возникло не в каком-либо завершенном программном стиле, а скорее всего в самых разнообразных смесях, и при этом какая-то из тенденций обычно доминировала и определяла художественный результат. В наших миниатюрах таким определяющим началом был классический элемент, обеспечивший общее гармоничное впечатление от их образов.

²⁰ Овчарова О.С. Образ и стиль в миниатюрах круга Гомилий Иакова Коккиновафского // Образ Византии. Сборник статей в честь О.С. Поповой. М., 2008. С. 321–334; Она же. Фрески Нерези. Образ и стиль // Лазаревские чтения. Искусство Византии, Древней Руси, Западной Европы. Материалы научной конференции 2009 г. М., 2009. С. 79–120; Она же. Три типа образа и две индивидуальные художественные манеры во фресках Нерези (1164) // Лазаревские чтения. Искусство Византии, Древней Руси, Западной Европы. Материалы научной конференции 2011. М., 2012. С. 97–122.

²¹ *Marava-Chatzinicolaou A., Toufexi-Paschou Chr.* Catalogue of the Illuminated Byzantine Manuscripts of the National Library of Greece. Athens, 1978. Vol. 1. Fig. 639.

”Hunc ergo gladium de manu Ecclesiae accipit princeps...“: формула разделения властных полномочий в политической мысли средневековой Западной Европы

DOI 10.31168/91674-483-5.2

В социально-политической мысли латинского Запада, пожалуй, не было проблемы более сложной, вызывавшей на протяжении всего Средневековья множество спорных, зачастую противоречивых суждений, чем вопрос о взаимоотношении мирского и сакрального начал в истории. Изучение многовекового идейного противостояния христианской церкви и светской власти, борющихся за политическое доминирование и обоснование собственного превосходства с точки зрения обладания и распоряжения потестарными функциями, своеобразное состязание «auctoritas» и «potestas», безусловно, является одним из наиболее важных и по-прежнему перспективных направлений исследования в современной медиевистике¹.

Раннехристианские апологеты, отцы церкви, а вслед за ними и схоласты XII в., опираясь на авторитет Священного Писания, обосновывали идею превосходства духовной власти над светской. Латинские писатели неоднократно прибегали к языку метафор, дабы как можно ярче и нагляднее показать современникам и потомкам разницу происхождения и функционирования власти короля и папы. Так возникли широко известные в Средние века аналогии между двумя градами, мечами, солнцем и луной, и, наконец, душой и телом. Мыслители IV–XII вв. подчеркивали тем самым принципиальную неповторимость организации и миссии церкви по отношению к государству. Большое и разностороннее воздействие на построения

¹ Данному вопросу посвящено большое число исследований. См., например: *Hageneder O. Il sole e la luna: papato, impero e regni nella teoria e nella prassi dei secoli XII–XIIIe. Milano, 2000.*

интеллектуалов последующих веков оказали труды св. Амвросия Медиоланского² и, прежде всего, св. Августина³. Св. Амвросий, подобно Гиппонскому епископу, понимал церковь как «смешанное тело» («*corpus permixtum*»), соединяющее в себе черты «небесного града» («*civitas coelestis*», «*civitas in coelo*») и «земного» («*civitas terrena*»). Именно поэтому церковь не может избежать опасности впасть в грех или поддаться искушению. Амвросий — для исправления нравов христиан — учил сторониться прелестей мира сего и тяготеть к «вышнему Иерусалиму» («*superior Hierusalem*»). Принципиальное разделение между церковью как «телом Христовым», и «земным миром», т. е. государством, которое Амвросий образно называет «царством греха» («*regnum peccati*») и «мастерской нечестия» («*officina improbitatis*»)⁴, переносится святым на область их функций. Как община верующих составляет единое «тело Господа» («*corpus Domini*»), молящееся своему Создателю, так и грешники, являющиеся «телом змия» («*corpus draconis*»)⁵, свидетельствуют о господине своими недостойными делами.

Однако только в V в. папа римский Геласий I (492–496) в письме к императору Анастасию «*Famuli vestrae pietatis*» сформулировал основные положения «политической» теории главенства церкви над светской властью⁶. Римский понтифик фактически разграничил сфе-

² *Morino C.* Church and State in the Teaching of St. Ambrose. Washington, 1969.

³ См. подробнее: *Hearnshaw F.J.C.* St. Augustine and the City of God // The Social and Political Ideas of Some Great Mediaeval Thinkers. A Series of Lectures Delivered at King's College University of London / Ed. by F.J.C. Hearnshaw. N. Y., 1923. P. 34–52; *Baynes N.H.* The Political Ideas of St. Augustine's «*De civitate Dei*». L., 1949; *Deane H.A.* The Political and Social Ideas of St. Augustine. N. Y., L., 1963 (особенно см. главу VIII. P. 172–220).

⁴ *Ambrosius Mediolanensis.* De fuga saeculi // *Patrologiae cursus completus. Series latina* / Ed. by J.P. Migne. Parisiis, 1855. T. 14. Col. 587 (далее — PL, с указанием года, тома и колонки).

⁵ *Idem.* Enarrationis in XII psalmos Davidicus // PL. 1855. T. 14. Col. 1013.

⁶ «*Duo quippe sunt, imperator Auguste, quibus principaliter mundus hic regitur: auctoritas sacra pontificum, et regalis potestas. In quibus tanto gravitas est pondus sacerdotum, quanto etiam pro ipsis regibus Domino in divino reddituri sunt examine rationem. Nosci etenim, fili clementissime, quod licet praesideas humano generi dignitate, rerum tamen praesulibus divinarum devotus colla submittis, atque ab eis causas tuae salutis expetis, inque sumendis coelestibus sacramentis, eisque ut competis disponendis, subdi te debere cognoscis religionis ordine potius quam praeesse*» (*Gelasius I.* Epistola VIII ad Anastasium Imperatorem // PL. 1846. T. 59. Col. 42). Подробнее см.: *Zieger A.K.* Pope Gelasius and His Teaching on the Relation of Church and State // *Catholic Historical Review.* 1941–1942. Vol. XXVII. P. 412–434; *Robinson I.S.* Church and

ры деятельности «Невесты Христовой», призванной спасать души страждущих, и государя, в задачи которого входит покровительствовать церкви. Геласий I замечает: духовенство не должно быть покорно светскому владыке, скорее последнему следует подчиняться слугам Господа, «склонять выю перед теми, кто печется о божественном». Данное послание определило ход всей дальнейшей полемики по вопросу о роли церкви в жизни общества.

Помимо Библии⁷, являвшейся для средневековых писателей и интеллектуалов основным источником их эkkлесиологических учений, мыслители часто обращались к сочинениям античных авторов, в которых находили подтверждения многим своим суждениям о природе власти государя и его взаимоотношении со священством. Таким образом, сведения, почерпнутые в произведениях поэтов и писателей эллинистически-римского мира, явились одним из наиболее веских и, что особенно важно, авторитетных аргументов в споре сторонников примата церкви и их противников.

Каролингские мыслители, создававшие знаменитые политические трактаты в жанре «*speculum regis*» и, с опорой на «Этимологии» Исидора Севильского, не только рассуждавшие о происхождении самого слова «король»⁸, но и пытавшиеся понять, что же отличает его от других носителей власти (в том числе «тирана»), также касались темы достоинства («*dignitas*») светского владыки. Выделяя «набожность», «справедливость», «милосердие» в качестве основных добродетелей короля, подвизающегося в смиренном служении («*ministerium*») подданным, каролингские интеллектуалы, тем не менее, отмечали: государя обладают меньшим достоинством по сравнению со священниками, помазывающими их на царство, и уже поэтому должны бороться за честь и безопасность церкви⁹.

Paracy // *The Cambridge History of Medieval Political Thought c. 350–c. 1450* / Ed. by J.H. Burns. Cambridge, 2005. P. 288–305. Обстоятельное обоснование теории «двух властей», сформулированной папой Геласием I, обнаруживаем в его трактате «Томос об узлах отлучения» (“*Tomus de anathematis vinculo*”).

⁷ О том, что Христос — глава Церкви, см.: Еф. 1, 22; Еф. 4, 15; Еф. 5, 23; Рим. 12, 5; 1 Кор. 12, 27.

⁸ «*Rex a recte agendo vocatur. Si enim pie et iuste et misericorditer regit, merito rex appellatur; si his caruerit, non rex, sed tyrannus est*» (Concilium Parisience 829, cap. 55 // MGH. *Concilia aevi Karolini*. Hannover, 1908. Vol. II. P. 2. P. 649). См. также: Гладков А.К. Король-пантера, страж закона и миротворец: образы власти в каролингской политической мысли IX в. // *Древняя Русь: во времени, в личностях, в идеях*. Альманах. СПб., 2016. Вып. V. С. 489–499.

⁹ Наиболее выразительно см. у Гинкмара Реймского: «...tanto est dignitas pontificum maior quam regum, quia reges in culmen regum sacrantur a pontificibus, pontifices autem a regibus consecrari non possunt: et tanto in humanis rebus regum

Значительный поворот в оценке «*regalia potestas*» и, соответственно, полномочий светского властителя произошел благодаря появлению «*Dictatus Papae*» (1075) Григория VII. Понтифик закрепил за предстоятелем католической церкви право как поставления, так и низложения любого правителя¹⁰.

В XI в. Петр Дамиани определил взаимоотношения государства и церкви по принципу распределения различных властных функций и обязанностей. В его сочинении «теория двух мечей» получает последовательное развитие¹¹. Согласно рассуждениям Петра, «*ecclesia Dei*» фактически является душой государства, олицетворяя собой жизненную силу человека и благодать Всевышнего. Так, светский владыка использует «материальный» меч, а священство — «духовный»¹². Государь призван оберегать церковь силой своего оружия, искоренять зло и преступления, церковь же, не проливая крови, возносит молитвы к Господу, просит ниспослать Его милость на земное царство. Впрочем, если в текстах Дамиани еще можно найти четкое функциональное разграничение между «*regnum*» и «*sacerdotium*», то, например, Бернард Клервоский прямо пишет о том, что вся полнота власти принадлежит только церкви, во главе которой стоит папа. Аббат изображает политическую роль светского государя как инструмент, орудие в руках «*mater-ecclesia*». Бернард убежден, что лишь церковь обладает двумя мечами — духовным и материальным¹³, только по ее воле и, затем, приказу императора («*iussum imperatoris*») возможно их применение. Таким образом, в теле государства сосуществуют сразу два порядка («*ordo*»), каждый из кото-

cura est propensior quam sacerdotum, quanto pro honore et defensione et quiete sanctae Ecclesiae... a Rege regum est eis curae onus impositum) (*Hincmarus Rhemensis. Admonitio ad episcopos regni* // PL. 1852. T. 125. II. Col. 1009).

¹⁰ «*Quid illi liceat imperators deponere*» (*Dictatus papae* / Ed. by E. Caspar // *Das Register Gregors VII* // MGH. *Epistolae Selectae in Usum Scholarum*. Berlin, 1920. S. 204). Подробнее см.: *Sticler A.* II «*gladius*» nel registro di Gregorio VII // *Studi Gregoriani*. 1949. Vol. III. P. 89–103; *Dyson R.W.* *Normative Theories of Society and Government in Five Medieval Thinkers*. The Edwin Mellen Press, 2004. P. 289–291.

¹¹ В основу теории были положены фрагменты Священного Писания — Лк. 22, 38 и Ин. 18, 11.

¹² «...*inter regnum et sacerdotium propria cuiusque distinguantur officia, ut ei rex armis utatur saeculi, et sacerdos accingatur gladio spiritus*» (*Petrus Damianus. Epistolarum libri octo* // PL. 1853. T. 144. Col. 315).

¹³ «*Uterque ergo Ecclesiae et spiritualis scilicet gladius, et materialis, sed is quidem pro Ecclesia, ille vero et ab Ecclesia exserendus: ille sacerdotis, is militis manu, sed sane ad nutum sacerdotis et iussum imperatoris*» (*Bernardus Claraevallensis. De Consideratione libri quinquae ad Eugenium Tertium* // PL. 1854. T. 182. Col. 776).

рых расположен в разных областях единого организма. Клирики, т.е. «молящиеся», составляют «тело Христово», душу государства, а все остальные — «воюющие» и «трудящиеся» — олицетворяют физическое тело, призванное исполнять волю трансцендентного начала. Фактически теперь не «тело» является «темницей души», а скорее наоборот, оно само стало полностью зависимо и подчинено интересам души. При этом у Бернарда нет различия, как у Амвросия и Августина, между «земной» церковью, имеющей печать греха, и «небесной», лишенной ее. Следовательно, папа как «наместник Христа», сосредотачивающий в своих руках всю полноту власти («plenitudo potestatis»)¹⁴, данную ему Господом, имеет право «диктовать» условия жизни, самостоятельно руководить всем телом. Впрочем, светский государь, по Бернарду, не является совершенно бесполезным, он олицетворяет собой Христа-царя. Именно Ему суждено заключить с «Невестой» священный союз. Таким образом, аббат выделял особую миссию государя, состоящую в том, чтобы достичь с церковью спасительного сплочения. В идеальном обществе через союз «государства» и «церкви» происходит единение двух природ Христа и двух начал — «царя» и «священника» («summus est sacerdos et rex»)¹⁵.

Иоанн Солсберийский, безусловно, знал не только крупные сочинения Бернарда Клервоского, но и его письма¹⁶. Однако главным источником рассуждений схоласта о церковно-государственных отношениях и разграничении властных функций между «священством» и «царством» был «Decretum» Грациана¹⁷. Прежде всего, знаменитый правовед подчеркивает принципиальное превосходство понтификов над светскими государями, нуждающимися в молитвах ради благополучия земной жизни и надежды на вечность. Король, втянутый в мирские тревоги и занятый решением различных проблем своих подданных, не может главенствовать над делами духовными. Грациан убежден в том, что светская власть в государстве подчинена духовной¹⁸.

¹⁴ Ullmann W. Medieval Papalism. The Political Theories of the Medieval Canonists. L., 1949. P. 76–113.

¹⁵ Bernardus Claraevallensis. Epistola CCXLI. Ad Hildefonsum comitem sancti Aegidii, de Henrico Haeretico // PL. 1854. T. 182. Col. 441.

¹⁶ John of Salisbury. The Letters of John of Salisbury / Ed. by W.J. Millor, S.J. and H.E. Butler. L., 1955. Vol. I (The Early Letters, 1153–1163). № 31. P. 51.

¹⁷ Подробнее о месте «Decretum» Грациана в средневековой мысли см.: Chodorow S. Christian Political Theory and Church Politics in the Mid-Twelfth Century. The Ecclesiology of Gratian's Decretum. B.; L.A.; L., 1972.

¹⁸ Gratianus. Concordia discordantium canonum // PL. 1855. T. 187. Distinctio. X. Cap. 3. Col. 53.

При этом государи не только не имеют права отменять законы церкви, но, напротив, должны «царские суды» подчинять ее авторитету¹⁹.

Близкую к «*Decretum*» позицию занимают Гуго Сен-Викторский и Роберт Пулленский. Гуго, как указывает У. Уллманн, вполне традиционно изображает церковь в виде «тела Господа» («*corpus Domini*», «*corpus Dei*»)²⁰. В основе организации общины христиан лежит принцип иерархического деления, подобный социальной классификации светского государства. Жизнь церкви протекает независимо от воли правителя, который поставлен Богом лишь для того, чтобы ограждать ее от врагов.

Наставник Иоанна Солсберийского — кардинал Роберт Пулленский — сравнивает церковь с телом, главой которого является Христос²¹. «*Corpus Christi*» не может и не должен быть осквернен кровью нечестивых, поэтому функцию защиты духовенства осуществляет светская власть. При этом, однако, она не имеет никакого права вмешиваться в его внутренние дела. Роберт разграничивает сферы деятельности церкви, которая руководит «душой», и государства, управляющего «телом»²².

Представления Иоанна о месте церкви и духовенства в жизни «*corpus rei publicae*», вобравшие в себя богатейший интеллектуальный опыт предшествующей традиции, опирались не только на Библию и труды отцов церкви (св. Августина, св. Амвросия Медиоланского), но и на сочинения писателей и правоведов XI–XII вв. Вместе с тем рассуждения схоласта свидетельствуют об оригинальном подходе к проблеме «*sacerdotium-regnum*», рассмотренной им в контексте учения о «политическом теле» государства.

В числе мыслителей, лишь частично разделявших положения теории Геласия I о «полноте власти» («*plenitudo potestatis*») римского понтифика и развивавших взгляды его последователей, был Иоанн Солсберийский. И хотя схоласт не оставил законченного учения о церкви, тем не менее, вся его политическая теория пронизана идеей примата духовного начала над светским.

В трактате «Поликратик, или о забавах света и заветах философов» Иоанн обратился к проблеме происхождения, статуса и функций власти государя, а также причин ее «вырождения» в тиранию.

¹⁹ Ibid. *Distinctio X*. Cap. 6. Col. 54.

²⁰ Ullmann W. *The Growth of Papal Government in the Middle Ages*. L., 1970. (P. 437–446). P. 439.

²¹ «*Nimirum sancta Ecclesia quae illius capitis corpus est, quae etiam contra mundum certamen suscepit*» (цит. по: Courtney F. *Cardinal Robert Pullen. An English Theologian of the Twelfth Century*. R., 1954. P. 259).

²² Ibid. P. 260.

Правитель, как пишет мыслитель, должен не только подчиняться законам, но и сохранять установленную Господом справедливость²³. Он — подобие Бога на земле²⁴. Облеченный верховной властью монарх лишь тогда праведен и угоден Творцу, когда согласовывает поступки с волей церкви. Если же государь осуществляет свою политику в ущерб правам и свободам церкви, то он становится тираном, достойным смерти²⁵. Ведь нечестивый правитель, попирая законы, не только себя, но и свой народ приводит к смятению и гибели. Именно поэтому государю, поставленному управлять подданными, следует испрашивать советов духовенства, имеющего милость и благодать от Бога. На него возложена особая миссия, которую он может осуществить только объединившись с церковью.

Проблема союза и противостояния королевской власти и церкви являлась для Иоанна чрезвычайно актуальной²⁶. Именно поэтому он в очередной раз обратился к историческому опыту античной культуры. Излагая собственную позицию по данному вопросу, схоласт привлек один малоизвестный источник, который, по его мнению, должен был убедить европейских монархов в богоизбранности и, следовательно, исключительном положении духовенства.

²³ *Ioannis Saresberiensis episcopi Carnotensis. Policratici sive de nugis curialium et vestigiis philosophorum libri VIII / Recognovit et Prolegomenis, Apparatu Critico, Commentario, Indicibus Instruxit Clemens C.I. Webb / Introd. by P. McNulty. N. Y., 1979. Vol. I–II (1 изд. — 1909). Vol. I. Lib. IV. Cap. 1. P. 235–237.*

²⁴ *Ibid. Vol. II. Lib. VI. Cap. 25. P. 73.*

²⁵ *Ibid. VIII. 20. Col. 793; Rouse R.H. and M.A. John of Salisbury and the Doctrine of Tyrannicide // Speculum. 1967. Vol. 42. P. 693–709; Nederman C.J. A Duty to Kill: John of Salisbury’s Theory of Tyrannicide // Review of Politics. 1988. Vol. 50. P. 365–389; Гладков А.К. «Убийство тирана не грех, но благодеяние». Представление о несправедливой власти в «Поликратике» Иоанна Солсберийского // Средние века. Исследования по истории Средних веков и раннего Нового времени / Отв. ред. П.Ю. Уваров. М., 2008. Вып. 69 (3). С. 81–96; Он же. Persecutor ecclesiae: европейские тираны в произведениях Иоанна Солсберийского // Известия Саратовского государственного университета. Серия «История, Международные отношения». 2009. Т. IX. Вып. 1. С. 31–34.*

²⁶ Подробнее см.: *Dickinson J. Introduction // The Statesman’s Book of John of Salisbury. Being the Fourth, and Sixth Books, and Selections from the Seventh and Eighth Books, of the Policraticus / Transl., and introd. by John Dickinson. N. Y., 1963. P. XVII–LXXXII; Sivers P., von. John of Salisbury: Königtum und Kirche in England // Respublica Christiana. Politisches Denken des Mittelalter. Sacerdotium ac Imperium. John of Salisbury, Thomas von Aquin, Wilhelm von Ockham Konzilstheoretiker / Hrsg. von P. von Sivers. Münch., 1969. S. 47–72; Miczka G. Das Bild der Kirche bei Johannes von Salisbury. Bonn, 1970; Guth K. Johannes von Salisbury (1115/20–1180). Studien zur Kirchen-, Kultur- und Sozialgeschichte Westeuropas im 12. Jahrhundert. St. Ottilien, 1978.*

Схоласт акцентирует внимание на функцию «души» («*anima*»), которую исполняет церковь. Даже император Август находился в подчинении у языческих понтификов, олицетворявших собой «душу», пока сам не стал первосвященником Весты («*Vestalis creatus est pontifex*»)²⁷. Так и государь, по примеру правителей древности, должен повиноваться только Господу, или, как подчеркивает Иоанн, внимать его слугам²⁸, возносящим к Нему ежедневные молитвы.

В рассуждениях схоласта исследователи увидели очередное противоречие. С одной стороны, Иоанн пишет о том, что государь, как «глава», обладает свободой выбора, властью «судить и миловать», и его слово «имеет силу закона», а с другой — светский правитель находится в прямом подчинении у священства и, тем самым, как раз теряет «независимость» в политических решениях.

Церковь как «тело Христово» и «община верных» живет по «Божественному закону» и несет его в мир. Устами священника говорит сам Господь²⁹, поэтому не отдельные клирики и даже не папа римский советуют государям, а сам Бог через них руководит светским правителем. Не только в Священном Писании, но и в сочинениях языческих авторов³⁰ Иоанн черпал свои представления о душе как «божественном начале». В «Поликратике» и в «Металогике» схоласт, ссылаясь на мнения философов древности, создает апологию души, единственно разумной части человека³¹.

Дж. Дикинсон верно подметил одно важное обстоятельство учения Иоанна о церкви³². Схоласт нигде специально не развивает тезис об исключительной, довлеющей над государством власти «*mater-ecclesia*». Как подчеркнул исследователь, примат церкви состоит не столько в «политическом», сколько в «моральном» плане³³.

Иоанн Солсберийский констатирует очевидный для него факт превосходства «*ecclesia Dei*» над светскими институтами, приводя в качестве веского аргумента метафору «души» и «тела». В то же

²⁷ *Policraticus*. Vol. I. Lib. V. Cap. 2. P. 282.

²⁸ «*Princeps uero capitis in re publica obtinet locum uni subiectus Deo et his qui uices illius agunt in terris, quoniam et in humano corpore ab anima uegetatur caput et regitur*» (*Policraticus*. Vol. I. Lib. V. Cap. 2. P. 282–283).

²⁹ *Ibid.* Vol. I. Lib. V. Cap. 5. P. 282.

³⁰ См., например: *Цицерон*. Тускуланские беседы. I. 65 / Пер. М.Л. Гаспарова // *Цицерон*. Избранные сочинения. М., 2000. С. 230.

³¹ *Ioannis Saresberiensis*. *Metalogicon* / Ed. by J.B. Hall and K.S.B. Keats-Rohan // *CCCM*. Vol. 98. Turnhout, 1991. Lib. III. Cap. 7. P. 124.

³² *Dickinson J.* *Op. cit.* P. LXIV.

³³ *Ibid.* P. LXV.

время в этой метафоре заложено скрытое оправдание «законного» сопротивления церкви притязаниям государства. Ведь в античной и средневековой антропологии тело традиционно воспринималось как «темница» («застенок»)³⁴ и даже «гробница» души³⁵, от пут которых она стремится освободиться. Таким образом, греховное «тело», персонификацией является тиран, вынуждает «душу» искать пути своего избавления. Так мог возникнуть один из косвенных аргументов в пользу тираноубийства.

Меч («gladium») — символ верховной власти — правитель получает из рук духовенства, которое, тем самым, избавляет себя от несения «кровавого орудия» и благословляет его на служение Богу и церкви³⁶. Близкую мысль схоласт развивает в одном из поздних писем. Иоанн упоминает о двух мечах: «духовном», принадлежащем папе римскому и церкви, а также «материальном», коим пользуется государь. Это орудие должно служить только общему благу, оберегая праведников и наказывая грешников³⁷.

Иными словами, автор «Поликратика» в целом придерживается устоявшегося толкования теории «gladius spiritualis et gladius materialis», согласно которой меч «материальный» призван вести войны во благо государства и церкви, предавать смерти врагов Христовых, а меч «духовный», также имеющий карающее назначение и олицетворяющий «Слово Божье» («verbum Dei»), вершит суд иного порядка (отлучение и т. п.).

Только благодаря душе живет тело, а государство — процветает, монарх же — слуга Господа и церкви³⁸. Хотя он не имеет такого высокого достоинства, как священник³⁹, но, тем не менее, вправе управлять

³⁴ Платон. Кратил. 400с. / Пер. Т.В. Васильевой // Платон. Собрание сочинений в четырех томах. М., 1990. Т. I. С. 634; Цицерон. О дружбе. IV. 14. / Пер. В.О. Горенштейна // Цицерон. О старости. О дружбе. Об обязанностях / Изд. подгот. В.О. Горенштейн, М.Е. Грабарь-Пассек и С.Л. Утченко. М., 1974. С. 34; Лукан. Фарсалия или поэма о гражданской войне. VI. 721–722 / Пер. Л.Е. Остроумова. М., 1993. С. 142.

³⁵ Отсюда, например, игра слов: σωμα — σψμα. См.: Платон. Горгий. 493а / Пер. С.П. Маркиша // Платон. Собрание сочинений: В 4 т. М., 1990. Т. I. С. 533; Плотин. Энеады. 8.1 / Пер. Т.Г. Сидаша. СПб., 2004. Четвертая Энеада. С. 378.

³⁶ «Hunc ergo gladium de manu Ecclesiae accipit princeps, cum ipsa tamen gladium sanguinis omnino non habet» (Policraticus. Vol. I. Lib. IV. Cap. 3. P. 239).

³⁷ The Letters of John of Salisbury. Vol. II. №. 269. P. 542–544.

³⁸ «Est ergo princeps sacerdotii quidem minister et qui sacrorum officiorum illam partem exercet quae sacerdotii manibus uidetur indigna» (Policraticus. Vol. I. Lib. IV. Cap. 3. P. 239).

³⁹ Ibid.

«телами людей»⁴⁰ и призван защищать интересы «Невесты Христовой». В этих суждениях Иоанна прослеживается интересная логика: «материальная» (временная и бременная) власть распространяется только над «телом», а «духовная» (вечная) — над «душой».

Иоанн Солсберийский, как и Бернард Клервоский, наделял римского понтифика всей полнотой власти («plenitudo potestatis»), однако, в отличие от своего великого современника, не умалял роли светского государя, становившегося «законным» правителем лишь после получения одобрения церкви. В то же время Иоанн не разделял положений «Йоркского анонима» («Нормандского анонима»)⁴¹, в котором власть, как духовная, так и светская, напротив, концентрировалась исключительно в руках короля⁴². Схоласт развивал идею союза между священством и государем. Не случайно он использовал метафору «макрокосма», соединившую «душу» — церковь и «тело» — государство. Достичь «высшего блага» можно только при условии сплочения всего «политического тела». Как «тело» не должно сковываться грехом «душу», так и государю не следует покушаться на исконные права и привилегии церкви⁴³.

Следуя христианской традиции, Иоанн различает два вида церкви — «земную» и «небесную». И хотя «в идеале» «ecclesia Romana» должна быть «матерью всех церквей», в жизни она скорее «мачеха»⁴⁴. Книжники («scribae») и фарисеи («pharisaei») за деньги, а не ради правды и справедливости, готовы сделать что угодно⁴⁵, фактически подменяя добро злом. Не только рядовые, но и высокопоставленные члены «ecclesia Romana» страдают жадностью и алчностью. Иоанн не критикует церковь как таковую, а осуждает отдельных клириков за их порочную и незаконную практику отпущения грехов за плату, а также за чрезмерную любовь к роскоши.

⁴⁰ «Habet tamen et istum, sed eo utitur per principis manum, cui cohercendorum corporum contulit potestatem, spiritualium sibi in pontificibus auctoritate seruata» (Ibid. Vol. I. Lib. IV. Cap. 3. P. 239).

⁴¹ Подробнее см.: *Lapparent P.de. Un Précurseurs de la Réforme Anglaise: L'Anonyme d'York // Archives d'histoire doctrinale et littéraire du Moyen Âge. 1946. Vol. 46. P. 149–168.*

⁴² *Kantorowich E.H. The King's Two Bodies. A Study in Medieval Political Theology. Princeton, 1957. P. 42–61.*

⁴³ *Ullmann W. The Growth of the Papal Government in the Middle Ages. A Study in the Ideological Relation of Clerical to Lay Powers. L., 1970. P. 420–426.*

⁴⁴ «Romana Ecclesia, quae mater omnium ecclesiarum est, se non tam matrem exhibit aliis quam nouercam» (Policraticus. Vol. II. Lib. VI. Cap. 24. P. 67).

⁴⁵ «Iustitiam non tam ueritati, quam pretio reddunt. Omnia namque cum pretio hodie; sed nec cras aliquid sine pretio obtinebis» (Policraticus. Vol. II. Lib. VI. Cap. 24. P. 68).

«Земная» церковь, возглавляемая папой римским, которого схоласт именует «наместником св. Петра»⁴⁶ и «викарием Христа»⁴⁷, состоит как из праведников, так и из грешников. Понтифик, находящийся над «человеческим» законом, тем не менее, подсуден «божественному»⁴⁸. Автор «Поликратика» проводит четкую аналогию между развитием светского и духовного государств. Как нечестивый правитель, отвергая закон, становится тираном, так и папа, ведущий неправедный образ жизни⁴⁹ и не соблюдающий священные каноны, теряет благодать Божью. Ни одного грешника не минует наказание. Тем не менее, право исправления нравов общины христиан и устранения недостатков вероучения принадлежит только понтифику. По своему разумению⁵⁰, но в согласии с канонами св. Церкви, он будет вести людей к спасению.

Любой человек может поддаться искушению и нарушить заповедь, однако его поступки не должны вредить всему христианскому миру. В противном же случае такого отступника (схизматика, еретика) ожидает скорое наказание. Церковь для Иоанна подобна «кораблю» («navis»)⁵¹ в бушующем море⁵², его одолевают шторм и непогода, но, руководимый Христом, он достигнет заветного берега. Помимо этого понятия, схоласт, вслед за раннехристианскими и средневековыми писателями⁵³, употребляет также термины «тело Христово» («corpus Christi») и «Невеста Христова» («Sponsa Christi»).

«Земная», т.е. «римская», церковь должна стремиться в своей жизни к идеалу «небесной». Священникам следует исполнять долг, вести паству к спасению, а не вредить ей. Епископам и всему клиру необходимо поддерживать мир и согласие в «теле Христовом», а не ударяться в раскол и смуту.

⁴⁶ The Letters of John of Salisbury. Vol. II. № 242. P. 472.

⁴⁷ Ibid. № 186. P. 312.

⁴⁸ Dickinson J. Op. cit. P. LXI.

⁴⁹ Policraticus. Vol. II. Lib. VI. Cap. 24. P. 69–70.

⁵⁰ Ср. суждение папы римского Геласия I: «...quodcunque plenae fidei catholicae deesse compergo, pro meo modulo suggestionibus opportunis supplere contendo» (*Gelasius I. Epistola VIII ad Anastasium Imperatorem* // PL. 1846. T. 59. Col. 42).

⁵¹ Подробнее см.: *Miczka G. Das Bild der Kirche bei Johannes von Salisbury*. Bonn, 1970. S. 81–99.

⁵² Об этом распространенном в христианской литературе мотиве см.: *Каждан А.П. «Корабль в бурном море». К вопросу о соотношении образной системы и исторических взглядов двух византийских писателей* // Из истории культуры Средних веков и Возрождения. М., 1976. С. 3–16.

⁵³ *Robinson I.S. Church and the Papacy* // The Cambridge History of Medieval Political Thought. с. 350–с. 1450 / Ed. by J.H. Burns. Camb., 2005. (P. 252–305). P. 255–260.

Построения Иоанна Солсберийского, касающиеся сущности светской и духовной властей, а равно и их соотношения с точки зрения «бóльшего веса» («*gravius pondus*»), значения в деле спасения людей, являются своеобразным итогом развития западноевропейской политической мысли, достигшей к XII столетию исключительной высоты. Схоласт, создавший в 1159 г. знаменитый трактат «Поликратик», оказавшийся известным далеко за пределами Англии и Франции, все же принадлежал к умеренному лагерю интеллектуалов: с одной стороны, он не придерживался взглядов, например, Готшалка Ахенского, утверждавшего полную самостоятельность двух властей, их политико-правовую независимость друг от друга, а с другой — не разделял категорический пафос «Йоркского анонима», декларировавшего сосредоточение всех потестарных функций в руках короля. Иоанн Солсберийский транслировал иную позицию: «*regnum*» и «*sacerdotium*», как два института, отображающие различные реальности — мирскую и духовную, в функциональном отношении независимы («*potestates distinctae*») (отсюда употребление образа «меча» — орудия земного суда), однако в онтологическом плане — взаимосвязаны — как «тело» и «душа» единого организма. Более того, «священство» выше «царства», но при этом не в ущерб, а во благо последнему.

Подобная «компромиссная» логика нашла достаточно последователей в XII–XIII вв., однако в начале XIV столетия в период острого противостояния римского папы Бонифация VIII и французского короля Филиппа IV Красивого западноевропейская интеллектуальная элита вновь разделилась на два враждующих лагеря⁵⁴, представители каждого из которых настаивали на том, что уместно говорить не о двух властях, а об одной, причем сосредоточенной в руках единственного легитимного (с точки зрения «Божественного закона») владыки — либо короля, либо понтифика.

⁵⁴ См., в частности, о содержании и контексте полемики: *Гладков А.К.* «*Ioannis magister parisiensis doctissimus et eloquentissimus est...*» Иоанн Парижский и его время: политика, философия и культура в средневековой Франции // *Вестник Удмуртского университета. Серия 5. История и филология.* 2014. Вып. 1. С. 7–14.

Алангасары и фольклорная генеалогия древних народов

DOI 10.31168/91674-485-5.3

Алангасары — фольклорный образ первобытных великанов, широко распространенный у народов Поволжья. Обычно отмечается распространение этого образа у тюркоязычных народов (татары, башкиры и др.) и финнов Поволжья (южные удмурты). Этимология имени традиционно увязывается с фольклорной памятью о господстве хазар и союзных им аланов на юго-востоке Восточной Европы и в Поволжье в VIII–X вв. (Ахметьянов 1981. С. 15); о культурной и «государственной» близости этих народов свидетельствует не только материальная культура (аланская составляющая салтово-маяцкой культуры Хазарии), но и восточные авторы, описывающие страну хазар и аланов (ал-Масуди, ал-Табари и др.: *bilād al-Hazarwal’Lān*, Алемани 2003. С. 350–352, 356). Дарьяльское ущелье на Северном Кавказе именовалось восточными авторами «Воротами хазар и алан» (Калинина 1988. С. 72). Для этой привязки существенно, что персонаж по имени Аланкасар сохранился в фольклоре караимов Крыма (и крымских татар): хазары некогда претендовали на власть над полуостровом¹. Правда, в легенде, помещенной караимским востоковедом С. Шапшалом в

Работа выполнена в рамках проекта программы Президиума РАН «Этнические, конфессиональные, социокультурные компоненты идентичности славянских народов в Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европе: от раннего Нового времени до наших дней».

¹ См. дискуссию о степени этой власти, «кондоминиуме» с Византией в Хазарском альманахе (Киев; Харьков, 2014. Т. 12. С. 160–194).

приложении к Караимско-русско-польскому словарю (КРПС), караимские богатыри Зарах и Аланкасар упоминаются как воины, служившие в литовском Тракае Ватат-бию (князю Витовту, т. е. уже в конце XIV в.). М. Кизилов (Kizilov 2004) считает легенду одной из подделок Шапшала, но имя Аланкасар (Алангасар), как уже говорилось, распространено в эпосе тюркоязычных народов Восточной Европы. Фольклорный образ оставался столь же продуктивным для конструкции предыстории разных народов, сколь популярной оставалась средневековая этимологическая традиция, в соответствии с которой элита позднесредневековых обществ возводилась к древним предкам (см. Флоря 2014; Флоря 2017).

Наиболее развернутый сюжет, указывающий на роль великана по имени Алангсар, сохранился не у тюрков, а у монголоязычных калмыков; если учесть, что контакты калмыков (ойратов) с тюрками стали интенсивными с XVI в. (Пилипчук 2016), то сюжет можно отнести к достаточно ранним заимствованиям из поволжско-тюркского фольклора. Первобытный великан Алангсар в калмыцком мифе участвует в творении мира: он был растерзан врагами, части его тела разбросаны по земле; жена великана пыталась воскресить его, развезая на телеге, запряженной волами, и собирая части тела; но волы лишь создали овраги, разрывая землю рогами, голова же великана так и не была найдена (Неклюдов 1982. С. 248).

Схожий сюжет, связанный с эпохой творения рельефа, сохранился на другой — северной — окраине «тюркского мира» (Поволжья) у удмуртов. Первобытные существа — алангасары скитались по лесам, питаясь сырой рыбой и греясь только во время лесных пожаров. Столкнувшись с настоящими людьми, выжигающими леса, алангасары ушли на север, оставляя по дороге свои следы — реки и озера, древние городища, и там окаменели, превратившись в горные утесы северного Урала (ср. Владыкин 1994. С. 99; Петрухин 2003. С. 232). Схожий сюжет известен соседним поволжским финнам — марийцам, в связи с образом великанов онаров (Тойдыбекова 2007. С. 183; Петрухин 2003. С. 290), и др. народам Европы (Афанасьев 2000. С. 296; Топоров 1983).

Этимологии удмуртского *Алангасар* посвятил специальную работу В.В. Напольских, отметивший фиксацию этого имени великана в известии исторически более раннем, чем эпические тексты, причисляющие богатыря Аланкасара к беям Тохтамышша (союзника упомянутого Витовта) — противникам главного героя татарского эпоса Едигея (Эдиге — конец XIV в.). Это известие принадлежит немецкому рыцарю Иоганну Шильтбергеру, оказавшемуся в конце XIV — начале XV в. в Золотой Орде: он упоминает великана, который на «языке язычников (так именовались золотоордынские кипчаки) звался Аланкассар (Allankassar)». Он обитал в Каире (Миср),

свидетельством чему — его гигантская кость, которая лежит в Аравии в качестве моста между двумя горами, над скалистым ущельем. Напольских справедливо указывает на кипчакский контекст этого фольклорного сюжета — в Египте правили мамлюки, имевшие по преимуществу кипчакское происхождение. Имя великана Напольских производит из языка золотоордынских кипчаков, как состоящее из «композитивов *alaŋ ‘удивленный, сомневающийся’ и *äsär ‘тупой, ленивый’» (Напольских 2015. С. 511–512). Популярность этого имени (в эпическом сюжете! — В.П.) этимолог связывает с функцией оберега, защитой младенца от злых сил. Традиционная этимология, предложенная Г.Н. Потаниным, признается им безосновательной. Действительно, Потанин записал предание в связи с исследованием городища Карчеткер у с. Верхний Утчан: до появления людей возвышенность, занимаемую городищем, заселяли великаны-алангасары (ср. Потанин 1884. С. 190–195, 256–259; Шутова 2001. С. 58); популярность образа алангасара в современной литературе Напольских увязывает с художественным творчеством, а не с фольклором (Напольских 2015. С. 510; ср. опыт создания удмуртского эпоса с образом допотопных исполинов-алангасаров: Атаманов 2009).

Сложность анализа фольклорного образа и этимологии слова *алангасар* (в сравнительном аспекте) заключается в том, что первобытные великаны действительно наделяются чертами лишенных человеческого разума и свойств чудовищ. При этом мотивы, связанные с алангасарами, относятся не к их первобытной глупости, а к творению рельефа; великанам приписываются курганы и городища, характерным мотивом свидетельства их древнего существования оказываются гигантские кости (см. тот же мотив в славянской традиции — Белова 1995). Стало быть, происхождение алангасаров относится в фольклоре к предыстории «нормального» человеческого общества (ср. Веселовский 2006. С. 611–612).

К предыстории фольклорная память относит и имена древних завоевателей — таковы авары-обры в славянской традиции (ст.-польск. *olbrzym* ‘великан’). Замечу, что знаменитое летописное предание о великанах-обрах, запрягавших в телегу славянских женщин, имеет аналогию в собственно тюркском — огузском эпосе: после удачного похода огузы получили столько добычи, что должны были запрячь в телеги пленников (Короглы 1976. С. 102). Летописная «притча», характеризующая обров как исчезнувших первобытных великанов — «погибоша аки обрѣ, их же нѣсть племени, ни наслѣдка» (ПВЛ. С. 10), — может быть соотнесена с мотивом былинного эпоса о Козарине: богатырь Михаил Козарин (как и многие герои эпоса, чей образ восходит к мифологическим представлениям о первочеловеке) не знает о своем происхождении (Неклюдов 2015. С. 67).

Авары, как и хазары, были не просто кочевыми ордами: те и другие создали в Европе «имперские» объединения — каганаты, подчинившие соседние народы; это обеспечило их роль в фольклорной памяти разных народов. Союзником хазар в строительстве Хазарского каганата были аланы, создавшие материальную основу государственной культуры каганата (салтово-маяцкую культуру). Представляется неслучайным слияние их имен в образе древних великанов — алангасаров.

К принципиально иной — не фольклорной — традиции принадлежат историографические этногенетические легенды о происхождении народов, восходящие к средневековым этимологическим конструкциям, основанным на созвучии этнонимов. Сходство наименований *казак* (*козак*) — *хазар* (*хозар*) привело к генеалогической конструкции, возводящей казачество к хазарам: «исторической» основой этой конструкции было сходство быта воинственных степняков, историографической основой — польские позднесредневековые генеалогии, возводящие шляхетскую элиту Речи Посполитой к древним сарматам. Идеологи казачества, настроенного против власти Польши, не всегда следовали прямо «сарматской теории» (ср. о «савроматийском казацко-русьском народе»: Флоря 2014; Яковенко 2012. С. 579 и сл.) — Григорий Грабянка (1710) избрал нейтральный вариант генеалогии, возводящей казачество к «аляно-хазарам»/алано-хазарам (Кизилов, Михайлова 2004. С. 37–38; Яковенко 2012. С. 578–582; Флоря 2014. С. 35–36). Совпадение с эпической традицией — именем *алангасары* — было, скорее всего, случайным, не связанным с эпическим творчеством тюркоязычных степняков (в том числе татар).

Принятые сокращения

Алемани 2003 — *Алемани А.* Аланы в древних и средневековых письменных источниках. М., 2003.

Атаманов 2009 — *Атаманов-Эргани М.Г.* Христианские и языческие мотивы в эпосе «Тангыра» // Ежегодник финно-угорских исследований '08. Ижевск, 2009. С. 75–82.

Ахметьянов 1981 — *Ахметьянов Р.Г.* Общая лексика духовной культуры народов Среднего Поволжья. М., 1981.

Афанасьев 2000 — *Афанасьев А.Н.* Поэтические воззрения славян на природу. Справочно-библиографические материалы. М., 2000.

Белова 1995 — *Белова О.В.* Великан // Славянские древности. Этнолингвистический словарь под ред. Н.И. Толстого. М., 1995. Т. 1. С. 301–302.

Веселовский 2006 — *Веселовский А.Н.* Избранное: Историческая поэтика. М., 2006.

Владыкин 1994 — *Владыкин В.Е.* Религиозно-мифологическая картина мира удмуртов. Ижевск, 1994.

Калинина 1988 — *Калинина Т.М.* Сведения ранних ученых Арабского халифата. Тексты, перевод, комментарий. М., 1988.

КРПС — Караимско-русско-польский словарь. М., 1974.

Кизилов, Михайлова 2004 — *Кизилов М., Михайлова Д.* Хазары и Хазарский каганат в европейских националистических идеологиях и политически ориентированной научно-исследовательской литературе // Хазарский альманах. Киев; Харьков, 2004. Т. 3. С. 36–37.

Короглы 1976 — *Короглы Х.* Огузский героический эпос. М., 1976.

Напольских 2015 — *Напольских В.В.* Очерки по этнической истории. Казань, 2015.

Неклюдов 1982 — *Неклюдов С.Ю.* Ойрат-калмыцкая мифология // Мифы народов мира. М., 1982. С. 247–248.

Неклюдов 2015 — *Неклюдов С.Ю.* Поэтика эпического повествования: пространство и время. М., 2015.

Петрухин 2003 — *Петрухин В.Я.* Мифы финно-угров. М., 2003.

Пилипчук 2016 — *Пилипчук Я.* Когда, как и где калмыки появились в Европе? // Известия Национального Центра Археографии и Источниковедения. 1/2016. Астана. 2016. С. 38–46.

ПВЛ — Повесть временных лет. СПб., 1996. 2-е изд.

Потанин 1884 — *Потанин Г.Н.* У вотяков Елабужского уезда // Известия Общества археологии, истории и этнографии при Императорском Казанском университете. Казань, 1884. Т. 3 (1880–1882).

Тойдыбекова 2007 — *Тойдыбекова Л.С.* Марийская мифология. Йошкар-Ола, 2007.

Топоров 1983 — *Топоров В.Н.* Русск. Святогор: свое и чужое (к проблеме культурно-языковых контактов) // Славянское и балканское языкознание. М., 1983. С. 89–126.

Хазарский альманах. Киев; Харьков, 2014. Т. 12.

Шутова 2001 — *Шутова Н.И.* Дохристианские культовые памятники в удмуртской религиозной традиции. Ижевск, 2001.

Флоря 2014 — *Флоря Б.Н.* Формирование новой социальной элиты украинского общества (вторая половина XVII — первая треть XVIII века) и два ее идеолога // Славяноведение. 2014. № 2. С. 25–46.

Флоря 2017 — *Флоря Б.Н.* Марин Бельский о древней истории славян и Польши // Славяноведение. 2017. № 2. С. 55–53.

Яковенко 2012 — *Яковенко Н.* История Украины в Средние века и раннее Новое время. М., 2012.

Kizilov 2004 — *Kizilov M.* The Arrival of the Karaites (Karaims) to Poland and Lithuania: A Survey of Sources and Critical Analysis of Existing Theories // Archivum Eurasiae Medii Aevi 12 (2003–04). P. 29–45.

Славяне в текстах ранней кирилло- мефодиевской традиции

DOI 10.31168/91674-483-5.4

В многогранном научном творчестве Бориса Николаевича Флори важное место принадлежит трудам по кирилло-мефодиевской проблематике, среди которых выделяются комментированные переводы житий свв. Константина-Кирилла и Мефодия, сочинения древнеболгарского книжника Черноризца Храбра «О письменах», коллективная монография о судьбах кирилло-мефодиевской традиции после Кирилла и Мефодия¹ и др.

Предлагаемые заметки, по сути, являются маргиналиями к этим замечательным трудам, а их публикация в юбилейном сборнике — знак искренней благодарности автора юбиляру за добрые советы и консультации. Речь пойдет о значениях термина «словѣне» и производных от него в сочинениях ранней кирилло-мефодиевской традиции — Прогласе к Евангелию, житиях, службах и похвалах свв. Кириллу и Мефодию, а также в немногих сохранившихся текстах учеников и последователей Солунских братьев, работавших в Болгарии.

Повод к постановке такой темы дает современный этап дискуссий об этнониме «славяне / словѣне». В послесловии одного из коллективных трудов по истории этнического самосознания славянских народов, написанном В.Д. Королюком и Г.Г. Литавриным, появление

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, проект «Историзм, историческая культура и историописание в болгарской книжности Средневековья и раннего Нового времени» (№ 17.01.00302).

¹ Сказания о начале славянской письменности. М., 1981.

этого этнонима в греческих и латинских источниках VI в. оценивалось как четкое и определенное свидетельство общеславянского сознания его носителей². Сейчас все большую популярность в научной литературе приобретает безапелляционное и спорное в применении даже к раннему Средневековью суждение, что «славяне никогда не называли себя этим именем»³. Противоречивым видится само объединение в этом утверждении посылки о существовании древней общности славян и утверждения, что эти славяне сами себя никогда так не называли.

При скудости свидетельств источников выглядит излишней любая категоричность, и, разумеется, было бы не менее спорным счесть аутентичным заявлением моравского князя текст послания Ростислава Михаилу III в житии св. Мефодия: «Мы, славяне, проста чадь»⁴, и на этом основании утверждать обратное. Однако комплексное сравнительное рассмотрение употребления славянского этнонима и производных от него в первых текстах, написанных на древнецерковнославянском языке, на наш взгляд, дает основания для более взвешенных выводов, отчасти согласующихся как с «примордиалистским», так и с «конструктивистским» подходами.

Тезис о «внешнем» происхождении этнонима славян не нов, хотя повторяющаяся в современных работах формулировка о его «навязы-

² Развитие этнического сознания славянских народов в эпоху раннего Средневековья. М., 1982. С. 252.

³ А. Месяркин (*Mesiarkin A.* The name of the Slavs: etymology and meaning // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana.* 2017. No. 1. P. 5), придавая утверждению «The Slavs never called themselves by this name» статус «простого исторического факта», указывает в качестве его автора Р. Венскуса (*Wenskus R.* Stammesbildung und Verfassung. Die Werden der frühmittelalterlichen gentes. Köln, 1961. P. 233). Ф. Курта считает этноним славян «в большей степени ученой конструкцией, нежели результатом систематического взаимодействия через этнические границы (result of systematic interaction across ethnic boundaries)» (*Curta F.* The Making of the Slavs. History and Archaeology of the Lower Danube Region. 500–700. Cambridge University Press, 2001. P. 350). По мнению А.П. Толочко, «в течение всего Средневековья славяне — если и не вполне ученый, то безусловно книжный термин... Во всех случаях это — категория, навязываемая извне» (*Толочко А.П.* Очерки начальной Руси. Киев; СПб., 2015. С. 73). На тех же позициях стоит автор обзора упоминаний о славянах в средневековых источниках Э. Мюле (*Mühle E.* Die Slawen im Mittelalter. Berlin, 2016).

⁴ *Лавров П.А.* Материалы по истории возникновения древнейшей славянской письменности. Л., 1930. С. 72. Р. Пиккио сравнивал слова «проста чадь» с обычным в практике западной церкви оборотом «simplex populus», восходящим к евангельским «нищим духом» (Мф. 5: 3) и «людям некнижным и простым» (Деян. 4: 13) (*Пиккио Р.* Православното славянство и старобългарската културна традиция. София, 1993. С. 150).

вании извне» придает ему акценты, видимо, навеянные современностью. Часто цитируемый сторонниками данной формулировки вывод Ф. Курты, между тем, менее категоричен и допускает как внешнее происхождение славянского этнонима, так и его усвоение в процессе «систематического взаимодействия через этнические границы». Схожее предположение высказал выдающийся болгарский языковед Й. Заимов. Его тезис, что один из этнонимов — *словене* — посредством Византии был распространен на многочисленное население центра, юго-востока и востока Европы, говорившее на схожих со «славяно-болгарскими» наречиях, — был принят во внимание в цитированном выше коллективном труде Института славяноведения⁵.

Как известно, к началу деятельности Константина Философа и Мефодия проживавшие в империи и соседней Болгарии «славяноязычные» общности в грекоязычных источниках уже долгое время именовались как разнородными «племенными»⁶ названиями, так и славянским этнонимом. В надписях болгарских государей первой половины IX в. «славянами» (Σκλάβοι) называются либо славянские подданные империи, либо обитатели спорных с Византией территорий⁷. С постепенной инкорпорацией отдельных славян и их общностей в языческое Болгарское государство славянский этноним, видимо, еще в IX в. был поглощен общим обозначением подданства («болгары»). В то же время славянские имена в сочетании с болгарскими титулами носили не только представители аристократии (Славна, Даргомир); они закрепились в ономастическом репертуаре правящей династии потомков Крума (Воин, Звиница, Маламир, Владимир, Боян)⁸.

Упомянутое выше житие св. Мефодия упоминает о славянах в «письме Ростислава» наряду с соседними языковыми общностями — латинской, греческой и германской (*изъ влахъ, и изъ гръкъ, и изъ немць*⁹), — противопоставляя их этим сообществам как «некнижных» и не имеющих «наставников» на своем языке. Характерно, во-первых, что славяне отнесены к языковым общностям, и, во-вторых, что все

⁵ Заимов Й. «СЛОВЕНЕ» и «БЛЪГАРЕ» в старобългарската книжнина и в българската топонимия // Константин-Кирил Философ. Юбилеен сборник по случай на 1100-годишната от смъртта му. София, 1969.

⁶ Употребление термина «племя» в данном случае обусловлено исключительно его наличием в ранней кирилло-мефодиевской лексике и не связано с отношением автора к текущей дискуссии о применимости термина к ранней славянской истории. Например, в «Азбучной молитве» епископа Константина фигурирует «словѣнское племя», а в одной из его воскресных проповедей — «словѣнскыи род» (см. далее).

⁷ Бешевлиев В. Първобългарски надписи. С. 201.

⁸ История на България. София, 1999. Т. 1. С. 695.

⁹ Климент Охридски. Събрани съчинения. София, 1970. Т. III. С. 188.

три остальные перечисленные в тексте языковые общности принадлежат тому же миру книжных абстракций, к какому современные ученые относят славян. Отметим также, что «внешнее» название одной из них — «немцы» — дано славянами.

В данном месте жития Мефодия, сохранившегося в древнерусском Успенском сборнике XII–XIII вв., на наш взгляд, имплицитно отражен принцип культурно-языкового деления окружавшего славянские земли европейского мира в сознании автора, писавшего в конце IX — начале X в. В приводимом в житии св. Кирилла ответе Михаила III на письмо Ростислава желание моравян обрести от Византии «закон добрый» и письменность становится основанием права быть «причтенными к великим народам, что славят Бога на своем языке»¹⁰. Через письменность, Божьим изволением обретенную Константином Философом «въ наша лета», подданные моравского князя должны были получить то, что им «не бѣ дано было» в «первые лета»¹¹, что ставило Константина-Кирилла в один ряд с прямыми учениками Христа. Детальным опровержением заблуждения, «будто наши времена уступают древним», на примере Константина и Мефодия начинается греческое житие их ученика св. Климента, написанное Феофилактом Охридским¹².

Обоснование значения новой письменности как достояния нового Божьего народа в полной мере представлено в «Прогласе» («Пригласии») к Евангелию, авторство которого большинство ученых связывает с Константином-Кириллом Философом. Давно отмечена исследователями подчеркиваемая здесь многократным повторением аллитерация: «Слышите, Словѣне, си... слышите оубо, народи Словѣнести. Слышите Слово, от Бога бо приде»¹³. Смысловая нагрузка названия «словѣне» как имени новонареченного «народа Слова»¹⁴ противопоставляла образ новой христианской общности «этническим» представлениям о языческом или не обладавшем письменным языком славянстве и подчеркивала апостольское значение деятельности Кон-

¹⁰ Лавров П.А. Материалы... С. 60.

¹¹ Там же. С. 27.

¹² Флоря Б.Н., Турилов А.А., Иванов С.А. Судьбы кирилло-мефодиевской традиции после Кирилла и Мефодия. М., 2000. С. 164–165.

¹³ Лавров П.А. Материалы... С. 196.

¹⁴ Как предполагает польский ученый З. Бабик (*Babik Z. Wspólnota językowa prasłowiańska // Przeszłość społeczna. Próba konceptualizacji / Ed. by S. Tabaczyński et al. Poznań, 2012. P. 842*), источником славянского этнонима могло быть праславянское «*sluti slova» — стать славным, известным. См.: *Mesiarkin A. The name of the Slavs. P. 10*. Этноним «словѣне», на наш взгляд, полисемантичен, и такое его значение могло отразиться в 47-й воскресной проповеди ученика Мефодия — епископа Константина (см. об этом далее в статье).

стантина-Кирилла, Мефодия и их учеников среди славян. Присвоенное Солунским братьям последующей традицией прозвание «Учителей Словенном» или «Учителей Словенских» закрепило этот статус.

В заглавии «Похвального слова Кириллу и Мефодию», созданного в кругу учеников Солунских братьев в Болгарии, заслуги славянских просветителей представлены шире: «На память святым и преславным Учителям словенского народа, сотворившим письмена ему и переложившим Новый и Ветхий Завет на язык их»¹⁵. По доктринальным причинам братьям не мог быть усвоен реальный результат их труда — создание славянского церковного языка, адекватного греческому языку Св. Писания.

Вполне объяснима и атрибуция многими исследователями «Прогласа» ученику Мефодия епископу Константину (в научной литературе часто называемому Преславским). В цикле триодных песнопений, переведенном им в конце IX — начале X в., из букв, которыми начинаются строки перевода, сформирован акростих, открывающийся заглавием «Гранеса добра Константинова» и содержащий призыв: «Съберете се Словѣне!»¹⁶, который перекликается как с текстом, так и с основной идеей «Прогласа». В другом тексте епископа Константина — воскресной проповеди на Евангелие — автор радуется тому, что его усилиями пастве стали доступны слова Иоанна Златоуста: «Не гръци бо тъчью обогатиша ся отцьм сим, нъ и словѣнскыи род мънимый попыран бысть всѣми»¹⁷. Аналогичный мотив содержит похвала Кириллу, сохранившаяся в сербском списке XIV в.: «Словенську языку въ неразумии и въ мраще сущу»¹⁸.

Автор «Сказания о письменах» Черноризец Храбр также начинает свой полемический трактат с отсылки к тому времени, когда славяне, будучи язычниками, не имели своей письменности («Прежде оубо словѣне не имѣху книгъ... погани суще»), а «словѣнска речъ» записывалась греческими и латинскими буквами «без устроения». Характерно, что автор указывает как на причину их непригодности на невозможность передать фонетику славянской речи греческими буквами. Затем Бог помиловал «родъ Словѣнскыи», послав им св. Константина Философа, «нарицаемого Кирила», который и создал им буквы — одни «по чиноу гръчскихъ письменъ», а другие — «по словѣнстей речи»¹⁹.

¹⁵ Лавров П.А. Материалы... С. 79.

¹⁶ Попов Г. Триодни песнопения на Константин Преславски. София, 1985. С. 35.

¹⁷ Антоний (Вадковский), архиеп. Из истории христианской проповеди. Очерки и исследования. СПб., 1895. С. 178.

¹⁸ Лавров П.А. Материалы... С. 97.

¹⁹ Там же. С. 162–164.

Житие св. Мефодия предваряет упоминания о славянах пространным библейским экскурсом, содержащимся во вводной части: «Авраам после разделения языков... принял обещание: благословенны будут все народы, происходящие от семени твоего»²⁰. Следующие далее упоминания о том, как прозорливый «кесарь» Михаил III дал будущему просветителю «княжение... Словѣнско... како и хотяше учителем Словѣниемъ (так! — *Д. П.*) посълати, дабы проучилъся въ сѣмь обычаемъ Словѣнскимъ», вкупе с заявлением императора, что все сограждане Солунских братьев «чисто словѣнскы беседуютъ»²¹, и цитированным выше «славянским признанием» Ростислава, определенно имеют в виду «первоначальных» славян, их язык, земли и обычаи.

На них же указывает и упоминание о «славянских странах» («И в руке его суть от Бога и от апостольскаго стола вся Словѣнскыя страны»²²) в приводимой в житии в пересказе папской буллы Ростиславу, Святополку и Коцелу. Это выражение по-латински (*in partes Sclavogum*) трижды (наряду с однократным употреблением «*Sclaviniam*») встречается и в «Обращении баваров и карантанцев» (873)²³ в применении к территориям славянских княжеств. Как указал Б.Н. Флоря, в сохранившемся тексте буллы упоминаются «как славяне, так и принадлежащие к какому-либо другому народу», которые живут в границах области Святополка²⁴.

В то же время, после того, как «явил Бог Философу славянское письмо», житие Мефодия говорит о «славянском Евангелии», «славянских книгах» и «славянских учениках», имея в виду уже новое качество славянства. Житие св. Кирилла, более скупое на «славянские» акценты, в XVII главе говорит о «словенских книгах», освященных папой Адрианом, и о посвященных в сан «словенских учениках», которые «пеша святую литургию словенскы» в храме св. Петра²⁵.

На наш взгляд, частое использование деривата славянского этнонима как прилагательного имеет существенное значение. «По-славянски» читали, писали и пели не «этнические» славяне, но представители нового от «великих языков», о котором упомянул император, — ведь, как и само чудо обретения письмен, эти умения были

²⁰ Сказания о начале славянской письменности. С. 94.

²¹ Лавров П.А. Материалы... С. 70–71.

²² Там же. С. 76.

²³ Бильбасов В.А. Кирилл и Мефодий. Ч. 1: Кирилл и Мефодий по документальным источникам. СПб., 1868. С. 11.

²⁴ Сказания о начале славянской письменности. С. 164.

²⁵ Лавров П.А. Материалы... С. 70–72, 74, 78.

обретены от Бога. «Азбучная молитва», которая также принадлежит Константину, видит в принявших христианство и письменность славянах новый Божий народ: «Летить бо нынѣ и Словѣньско племя, къ крещению обратиша ся вси, людие твои нареши се хотяще»²⁶. В дискуссии с западным духовенством в Венеции Константин Философ в ответ на вопрос: «Како ты еси ныне (то есть не в «первые лета») створил словенем (хорошо известному «безъязычному» народу. — Д. П.) книги?» перечислил многие народы, которые воздают славу Богу «своим языком кождо», ссылаясь на новозаветный пример чуда Пятидесятницы²⁷.

Апофеоз славянской темы жития св. Мефодия — заупокойная служба, которую над гробом Учителя отслужили его ученики «латиньскы, гръчьскы и словѣньскы»²⁸ в отличие от молебна у гроба св. Кирилла в Риме, где пение было лишь латинским и греческим²⁹. В лице славянских учеников духовенство «нового Божьего народа» во главе с Климентом и Гораздом на канонической территории диоцеза Мефодия вполне политкорректно, соблюдая иерархию языков, заявило о себе как о равном с латиноязычным и грекоязычным клиром. В ранних службах св. Мефодию наряду с «языком Словѣнским» (в значении «народ») и «Стадом Словѣнским» упоминаются, как и в «Азбучной молитве» Константина, «Словенсти народи», воссылающие славу Богу³⁰.

Таким образом, в житиях свв. Кирилла и Мефодия отражены оба уровня трактовки славянства — как народа, восходящего к «разделению языков» после разрушения Вавилонской башни, и как нового Божьего стада, на своем языке славящего Христа. Такая трактовка славянства задавала деятельности Кирилла, Мефодия и их учеников также и эсхатологический контекст, в пятой строке «Прогласа», которая пропущена в большинстве сохранившихся списков: «Се ся събысть в седмый век съ». Как указал В.Н. Топоров, эта строка практически дословно повторяется в двух других текстах ранней кирилло-мефодиевской традиции — «Житии св. Кирилла» и «Похвале свв.

²⁶ Там же. С. 200.

²⁷ Там же. С. 30.

²⁸ Там же. С. 78.

²⁹ Исследования древнейшего канона св. Кириллу Философу («О раце стоящих твоего тела») указывают на его строгое следование греческим образцам. Возможно, и весь канон первоначально был составлен по-гречески. См.: *Крысько В.* Служба первоучителю Кириллу по Палаузовскому списку // Text — Sprache — Grammatik. Schrifttum der Vormoderne. Festschrift für Eckhard Weiner. München; Berlin, 2009. S. 112.

³⁰ *Лавров П.А.* Материалы... С. 115.

Кириллу и Мефодию»³¹. Эсхатологическое звучание присутствует и в другом месте «Прогласа»: «Къ Богу явльше ся яко храбъри, стояште одесную божия стола, егда огнем судить языки»³².

С упомянутыми здесь «храбрами», видимо, несколько десятилетий спустя идентифицировал себя и младший современник Климента — автор цитированного выше «Сказания о письменах». По его словам, первой из обретенных букв был «аз», данный «родоу Словѣнскому на отврѣстие оустъ»³³. Черноризец Храбр возводит происхождение языков к Вавилонскому столпотворению, но видит особое Божье благоволение к славянскому языку в том, что, «делая все по ряду», Господь послал святого мужа для создания славянам письменности. Это, с его точки зрения, делает ничтожными претензии тех, кто ограничивает число священных языков теми тремя — древнееврейским, греческим и латинским, — которые были использованы для надписи «на доске» над Распятием «титла Господнего».

В заключение Черноризец Храбр противопоставляет греческих «книгочеев», из которых лишь редкие знают имена создателей их букв, и «словѣнския букаря», которые уверенно называют и имена создателей письмен — Константина-Кирилла Философа и Мефодия, и время их создания — при «греческом царе» Михаиле III, болгарском князе Борисе, моравском князе Растице-Ростиславе и блаженском князе Коцеле в 6363 году от сотворения мира.

«Пролог» к Шестодневу Иоанна Экзарха, о связях которого с деятельностью кирилло-мефодиевских учеников в Болгарии данных нет, открывается повествованием о деятельности Кирилла и Мефодия по созданию «письмен словенских книг» и «преложении» с эллинского языка, «еже есть гръчьскъ, в словѣнскъ». Их пример, указывает Иоанн, побудил его «в него места ... преложити *въ свой языкъ* съказания оучительская»³⁴. Вряд ли Иоанн имел в виду собственный идиолект, и данное место указывает на то, что кирилло-мефодиевский «словѣнский» язык считался своим в сообществе книжников, пополнившимся в Болгарии выходцами из местного населения, за которыми к этому времени прочно закрепился этноним «болгары». Таким образом, в упоминании о «своем языке» у Иоанна Экзарха можно видеть один из первых признаков перехода к его последующему названию. В других

³¹ *Топоров В.Н.* Святость и святые в русской духовной культуре. М., 1995. Т. 1. Первый век христианства на Руси. С. 33.

³² *Лавров П.А.* Материалы... С. 197–198.

³³ Там же. С. 162. В глаголической письменности, святость которой отстаивал Черноризец Храбр, графема «аз» представляла собой крест. Возможно, это имел в виду автор.

³⁴ Там же. С. 160.

современных этому древнеболгарских примерах — глоссе к переводу жития Антония Великого, записи пресвитера Григория в Архивском сборнике и послесловии к переводу «Слов против ариан» Афанасия Александрийского — указания на перевод на славянский язык соседствуют с упоминаниями о болгарской земле и болгарском князе, а в первом из них переводчик заявляет о своем стремлении «преодолеть нашу грубость, чтобы не остался славянский народ без житий... великих чудотворцев»³⁵.

Обзор «словенских» тем и терминов в творчестве учеников Кирилла и Мефодия позволяет предположить, что термины «славяне» и «славянский народ» употреблялись в двух значениях. Первое указывало на «первобытное» состояние тех общностей, которые впоследствии приняли «в свой язык» письма, обретенные св. Кириллом, и переводы с греческого, второе — на новое «Божье стадо», каковым делала их возможность славить Бога на славянском языке. «Споспешники» и ученики Константина Философа и Мефодия, «иже бяху того же духа, его же и си»³⁶, считали себя частью нового Божьего народа — славян. Паству их болгарских последователей-учеников, служивших литургию по-славянски, продолжали, тем не менее, именовать болгарями, но за языком литургии и проповеди на многие столетия закрепилось название славянского.

Видимо, такое значение вкладывалось и в термин «епископ славянского языка», четвертым из которых в житии св. Наума Охридского назван ученик Марк Девольский³⁷. В то же время в письме папы Иоанна VIII Борису-Михаилу (879) упоминается епископ принадлежавшего болгарскому князю Белграда Сергей, «родом из славян» (*genere Sclabus*)³⁸, что позволяет видеть в сведении жития Наума возможное указание на славянское происхождение самого епископа Марка³⁹.

Приведенные свидетельства ранней славянской книжности, на наш взгляд, свидетельствуют о наличии двух трактовок славянства — этнической и конфессиональной, которые могли сосуществовать раздельно, а могли и находиться в позициях взаимодополнения и

³⁵ Бележки на българските книжовници. X–XVIII век. София, 2003. Т. 1. X–XV век / Б. Христова и др. С. 25–27.

³⁶ Там же. С. 72.

³⁷ Там же. С. 182.

³⁸ Латински извори за българската история. Т. II. София, 1960. С. 150–151.

³⁹ На основе этих упоминаний выстроена гипотеза о наличии «этнических епископов» Болгарской церкви на территории Македонии. См.: *Петровски Б.* Свети Климент Охридски, кан/кнез Борис-Михаил и кнез/цар Симеон: исторически аспекти // *Словѣне — Slověne. International Journal of Slavic Studies.* 2016. Vol. 5. No 2. С. 10–53.

контаминации. Такая ситуация, на наш взгляд, отразилась и в составленном Феофилактом Охридским пространном житии св. Климента: Архиепископ разъясняет, что «народ словен, в сущности, болгар (Σθλοβενῶν γένος εἶπουν Βουλγάρων)» пишет славянскими буквами («σθλοβενικά γράμματα») на болгарском языке, первым епископом (Βουλγάρων γλώττη πρῶτος ἐπίσκοπος) которого (т. е. служащим на этом языке) был Климент⁴⁰. Как отмечал Феофилакт в другом сочинении — «Мученичестве пятнадцати тивериупольских мучеников» — подготовленный им клир был обучен «на болгарском языке» (Βουλγάρων γλώττη — употреблено то же словосочетание, что и в житии св. Климента. — *Д. П.*) служить во вновь построенном храме в Брегалнице, куда были перенесены мощи мучеников из византийского Тивериополя⁴¹.

Таким образом, в текстах ранней кирилло-мефодиевской традиции отражены различные коннотации терминов «словѣне» и «словѣнскыи». Наряду с «ученой абстракцией» языческого славянства ученики и последователи Кирилла и Мефодия были уверены в своей принадлежности к одноименному «новому Божьему стаду». В Болгарии конца IX — начала X в. такой способ идентификации, однако, вступал в противоречие с формирующимся протонациональным болгарским дискурсом и в силу этого продолжил существование лишь в именовании языка книжности «славянским», не ведя к идентификации даже самих книжников — подданных болгарских государей — как «славян».

Вместе с тем в текстах ранней кирилло-мефодиевской традиции усилиями учеников и последователей Кирилла и Мефодия была сформирована совокупность терминов, понятий и образов, касающихся славянской темы и впоследствии использовавшихся на протяжении долгого времени не только в болгарской книжности, но и в книжности других народов, принявших кирилло-мефодиевское наследие при болгарском посредстве.

⁴⁰ Гръцки извори за българската история. София, 1994. Т. IX. Ч. 2. С. 34.

⁴¹ Там же. С. 12–14, 72.

Туров и Туровское княжество в X–XIII вв.

DOI 10.31168/91674-483-5.5

Небольшой по своим размерам, как показали археологические исследования, древнерусский город Туров впервые упоминается в X в. Самое раннее свидетельство о нем сохранилось в Лаврентьевской и Ипатьевской летописях, в их начальных частях, восходящих к Повести временных лет. В Лаврентьевской летописи под 6488 (980) годом говорится, что будущий тесть князя Владимира Святославича Рогволод «пришел и-заморья, имяше власть свою в Полотьскѣ, а Туры Туровѣ, от него же и Туровци прозвашася»¹. Объединение в одной летописной фразе Рогволода «и-заморья» и Туры (Тура других летописей) позволяет полагать, что Тур также был из заморья. Во всяком случае, имя Тур (Тор) является не славянским, а скандинавским, оно существует и по сей день в Норвегии, Швеции, Дании, а также Финляндии. Хотя Лаврентьевская летопись говорит о Туре под 980 г., точное время его прибытия в Восточную Европу определить трудно. Во-первых, разбивка летописных сообщений по годам произошла в древнерусских летописных сводах относительно поздно — в конце XI в., поэтому вполне доверять дате X в. — 980 г. — не следует. Во-вторых, ничего неизвестно о жизни самого Тура, обстоятельства которой позволили бы определить время его появления в восточнославянских землях. Поэтому приходится довольствоваться только косвенными данными, указывающими на то, что Туров существовал еще при жизни Яропол-

¹ ПСРЛ. Л., 1926–1928. Т. I. Стб. 76. А.А. Шахматов относил текст о Туре и Турове к первой редакции Повести временных лет. См.: *Шахматов А.А. Повесть временных лет. Т. I. Вводная часть. Текст. Примечания. Пг., 1916. С. 91.*

ка Святославича, а брат Ярополка Владимир добивался руки полоцкой княжны Рогнеды без участия своего отца. Такое могло быть примерно после 970 г., когда Святослав Игоревич ушел в очередной поход на болгар, из которого уже не вернулся. По-видимому, можно считать, что Рогволод и Тур пришли из-за моря на славянские земли не ранее 50–60-х гг. X в.

Древний город Туоров располагался в правобережье р. Припяти, правого притока Днепра. Он стоял на мысе, образованном течением рр. Струмени, Язды и Домухи. Главная крепость Туорова имела площадь в 1 га. Она была окружена земляной стеной, а с напольной стороны ее оборонял еще и ров. С юго-востока к этой крепости примыкал окольный город, площадь которого достигала 1,5 га. Окольный город также был укреплен оборонительными валами и рвом². В целом же защищенная площадь поселения равнялась 2,5 га. На таком пространстве по среднестатистическим данным в Средние века могло проживать 275 человек. Взрослых мужчин среди них должно было быть менее четверти, примерно 62–63 человека. По-видимому, Тура при его приходе на Припять сопровождала небольшая дружина в несколько десятков человек, которая и поселилась с ним в Туорове. Безопасность их проживания на новом месте обеспечивалась не столько силой оружия, сколько труднодоступностью места, расположенного по рекам, вблизи лесов и болот, и хорошо укрепленного.

С приходом к власти в Киеве Владимира Святославича правление в Туорове Тура, как и правление Рогволода в Полоцке, закончилось. Эти города вошли в состав Древнерусского государства, и распоряжаться в них стал киевский князь. При распределении между своими сыновьями древнерусских городов с относившимися к ним территориями Владимир Святославич Туоров отдал Святополку³. Опираясь на Туоров, Святополк после смерти отца сумел захватить в 1015 г. власть в Киеве. Однако борьба за Киев с братьями закончилась для Святополка поражением, бегством из Руси и гибелью. В Киеве

² Древняя Русь. Город, замок, село. М., 1985. С. 78.

³ ПСРЛ. Т. I. Стб. 121. Существует достаточно раннее указание, что Святополк получил от отца не Туоров, а Пинск. Такое указание есть в некоторых списках Сказания о Борисе и Глебе. Однако, как показал А.А. Шахматов, это указание вместе с именами князей, братьев Бориса и Глеба, появилось в Сказании при его переработке между 1095 и 1110 гг., при княжении в Киеве Святополка Изяславича. В источнике Сказания, так наз. Начальном своде, говорилось, что Святополку был дан Туоров, а не Пинск. Замена в Сказании Туорова на Пинск произошла во избежание аналогий между Святополком Изяславичем и окаянным Святополком Владимировичем. См.: *Шахматов А.А.* Разыскания о древнейших русских летописных сводах // Летопись занятий Археографической комиссии. СПб., 1908. Вып. XX. С. 35 и примеч. 1.

утвердился победитель — Ярослав Мудрый. К нему перешел и Туров. В год смерти Ярослава (1054 г.) в Турове находился его старший сын Изяслав⁴. Поскольку есть сведения о правлении Изяслава перед смертью отца в Новгороде⁵, пребывание Изяслава в Турове следует расценивать как его перевод в более близкий к Киеву город для беспрепятственного занятия киевского стола. Туров, таким образом, стал местом временного пребывания князя, намеченного в преемники киевскому правителю.

Ценные упоминания о Турове содержатся в «Поучении» Владимира Мономаха. Рассказывая о своем совместном походе с Олегом, сыном Святослава Ярославича, на чехов в 1075 г., Мономах отметил, что в поход его отправил Святослав Ярославич. Поход в чужие земли продолжался 4 месяца, после чего Мономах вернулся «оттуда Турову, а на весну та Переяславлю, таже Турову»⁶. Из этих скупых сведений следует, что верховной властью в Турове обладал Святослав Ярославич, в марте 1073 г. захвативший киевский стол, а потому получивший право отправить Мономаха воевать с чехами. Очевидно, что Туров продолжал быть частью Киевского княжества. Однако туровский стол занимал племянник Святослава Владимир Мономах. Это указывает на то, что внутри Киевского княжества было образовано особое Туровское княжение. Судя по всему, Туров был уступлен Святославом отцу Мономаха Всеволоду за поддержку в борьбе с их старшим братом Изяславом. Поездка Мономаха весной 1076 г. из Тулова в Переяславль к отцу, скорее всего, была связана с передачей ему собранной с туровцев дани. Когда в 1078 г. киевским князем стал Всеволод, он перевел Мономаха в Чернигов, а Туров вместе с Владимиром Волынским отдал Ярополку Изяславичу, своему племяннику. Судя по последующим событиям, передача состоялась на тех же условиях, что и передача Тулова в 1073 г. от Святослава его племяннику Владимиру Мономаху: последний должен был служить своему сюзерену и не имел полных прав на Туров. В 1085 г. Ярополк Изяславич начал борьбу с Всеволодом Ярославичем, в результате чего лишился своих владений. Туров вновь стал составной частью Киевского княжества. Под 1088 годом Лаврентьевская летопись сообщает, что брат Ярополка Святополк «иде... из Новагорода к Тоурову жити»⁷. «Жити» Святополку Изяславичу нужно было до кончины Всеволода Ярославича, после чего он должен был занять киевский стол. Таково было соглашение Всеволода с сыном

⁴ ПСРЛ. СПб., 1908. Т. II. Стб. 150.

⁵ ПСРЛ. Пг., 1915. Т. IV. Ч. I. Вып. I. Стб. 118; ПСРЛ. М., 2000. Т. VI. Вып. I. Стб. 182.

⁶ ПСРЛ. Т. I. Стб. 247.

⁷ Там же. Стб. 207.

старшего брата, о чем впоследствии вспоминал Владимир Мономах. Туров снова оказался местом пребывания главного кандидата на киевский стол. И когда в 1093 г. Всеволод Ярославич скончался, этот стол перешел к Святополку Изяславичу. Длительное ожидание Святополком киевского стола, видимо, повлияло на расширение Туровской территории. В 1097 г. владимири-волинский князь Давыд Игоревич уверял княжившего в Киеве Святополка, что теребовльский князь Василько Ростиславич намеревается захватить у него Туров и Пинск⁸. В более позднее время Пинск прямо считался туровским городом⁹. Очевидно, пребывание в 1088–1093 гг. Святополка в очень скромном по сравнению с Новгородом Турове настолько не соответствовало материальным потребностям князя и его дружины, что пришлось к Турову присоединять Пинск. Последний был расположен на другом, левом берегу р. Припяти при впадении в нее р. Пины, примерно в 112 км по прямой к западу от Турова. Это свидетельствует о том, что к концу XI в. возросло значение водного пути по р. Припяти, связывавшего древнерусские земли с польскими, а через них — с немецкими. По переходе Святополка Изяславича из Турова в Киев туровская и пинская земли сохранились за ним, и особый княжеский стол в Турове перестал существовать.

После 1097 г. письменные источники долгое время ничего не сообщают о Турове. История его развития во времена княжения в Киеве Святополка Изяславича (1093–1113) и Владимира Мономаха (1113–1125) почти неизвестна. И только упоминание в 1127 г. сына Мономаха Вячеслава, посланного своим старшим братом киевским князем Мстиславом «ис Турова» воевать полоцкий город Изяславль¹⁰, позволяет пролить некоторый свет на историю Турова в конце XI — первой четверти XII в. Очевидно, в указанное время Туров продолжал оставаться киевским городом, но в нем сидел князь, один из сыновей Мономаха, который подчинялся киевскому князю и ходил в походы по его повелению.

Не очень энергичный и не очень честолюбивый, но и не лишенный вовсе желания стать киевским князем, Вячеслав Владимирович прожил долгую жизнь¹¹ и сумел сыграть заметную роль в истории

⁸ Там же. Стб. 258.

⁹ ПСРЛ. Т. II. Стб. 429.

¹⁰ Там же. Стб. 292.

¹¹ Вячеслав родился между 1081 и 1084 гг., а умер в начале 1155 г., когда ему было уже за 70 лет — возраст, весьма почтенный для Средневековья. См.: *Кучкин В.А.* Чудо св. Пантелеймона и семейные дела Владимира Мономаха // *Россия в Средние века и Новое время. Сборник статей к 70-летию чл.-корр. РАН Л.В. Милова.* М., 1999. С. 61; ПСРЛ. Т. II. Стб. 472–473. Юрий Долгорукий получил известие

Туровского княжества. После смерти отца он до поры до времени послушно ходил в походы, в которые посылали его старшие братья — сначала Мстислав, а позднее Ярополк. Не возражая, он по договоренности с Ярополком зимой 1132/33 г. поменял свой Туров на Переяславль, а Ярополк посадил в Турове их племянника Изяслава Мстиславича. В принципе Переяславль был много значимее Турова. Но вскоре выяснилось, что Туров гораздо безопаснее. На Переяславль постоянно нападали черниговские князья и их союзники половцы. Зимой в начале 1134 г. «выиде Вячеславъ ис Переяславля и иде опять Турову, не послушавъ брата своего Ярополка»¹². Из Турова он изгнал племянника Изяслава и вновь вокняжился в тихом городе на р. Струмени. Однако смерть в 1139 г. княжившего в Киеве Ярополка заставила Вячеслава вновь включиться в междукняжескую борьбу за киевский стол. Нагрыв в Киев, Вячеслав объявил себя киевским князем. Но соперники у Вячеслава были серьезные: собственные родственники и черниговские князья во главе со Всеволодом Ольговичем. Последний собрал войска, захватил киевский Вышгород и начал осаду Киева. Оказать сопротивление Вячеслав не смог, оставил Киев Всеволоду и ушел «в свою волость» в Туров¹³.

Став в начале 1139 г. киевским князем, Всеволод решил изгнать всех сыновей и внуков Мономаха из Переяславского и Киевского княжеств, но наткнулся на ожесточенное сопротивление. Всеволод вынужден был заключить с Мономашичами мир, однако полностью от своих планов не отказался. В 1142 г. он заявил Вячеславу Туровскому: «Сѣдѣши во Киевьской волости, а мнѣ достоить; а ты поиди

о смерти брата Вячеслава по пути из Суздаля в Киев, находясь в Смоленске. В Киев же он вошел 20 марта 1155 г. См.: *Бережков Н.Г.* Хронология русского летописания. М., 1963. С. 157. Путь от Смоленска до Киева (по прямой примерно 500 км) был недолгим. Летопись описывает зимний поход 1187/1188 г. киевских князей Святослава Всеволодовича и Рюрика Ростиславича с их ближайшими князьями-родственниками на половцев. Русские дружины из-за очень снежной зимы двигались от Киева по руслу Днепра. Они дошли до р. Снепорода (позднейшей р. Самары), находившейся по прямой примерно в 450 км от Киева. В походе они были 10 дней. См.: ПСРЛ. Т. II. Стб. 654; Летопись по Ипатскому списку. СПб., 1871. С. 440. Здесь указана длительность похода 1187/1188 г. — 10 дней. Цифра оказалась пропущенной в издании 1908 г. Следовательно, от Смоленска до Киева надо было идти немногим более 10 дней, и Вячеслав умер в начале 1155 г., а не в конце 1154 г., как пишут многие исследователи.

¹² ПСРЛ. Т. I. Стб. 302. Запись об этом помещена в Лаврентьевской летописи после известия о смерти 6 января переяславского епископа Маркела. Для 6642 ультрамартовского года — это 6 января 1134 г. Вячеслав оставил Туров после этой даты.

¹³ ПСРЛ. Т. II. Стб. 303.

въ Переяславль, отчину свою»¹⁴. Вячеслав вынужден был оставить Туrow, где Всеволод посадил своего сына Святослава. Очень скоро выяснилось, что подобные перемещения князей не укрепляют положения Всеволода, а ослабляют его. Уже через несколько месяцев Вячеслав предложил киевскому князю перевести сына Святослава во Владимир Волынский, княжившего там Изяслава Мстиславича — в Переяславль, а ему самому вернуть Туrow. С некоторыми изменениями предложение было принято. Это укрепило отношения между Всеволодом и Вячеславом. Последний принимал участие в дальних походах Всеволода, а Всеволод явно был причастен к поставлению в 1144 г. на Туrowскую епархию епископа Иоакима, что делало более прочными позиции Вячеслава внутри княжества. Смерть Всеволода в 1146 г. привела к острой борьбе его брата Игоря с переяславским князем Изяславом Мстиславичем за киевский стол, а затем того же Изяслава со своим дядей Юрием Долгоруким за то же киевское верховенство. Вячеслав Туrowский не остался в стороне от этой борьбы. В самом ее начале он выступил против Изяслава Мстиславича. Вячеслав «не приложи чести ко Изяславоу, отъя города опять, иже бяше от него Всеволодь отъяль; не токмо же то, но и Володимирь (Волынский. — *В. К.*) зая и посади в немь Андрѣвича (родного племянника Долгорукого. — *В. К.*)»¹⁵. В ответ новый киевский князь послал своего брата Ростислава Смоленского и Святослава, сына Всеволода Ольговича, войной на Вячеслава. В результате у него были отняты Туrow и Пинск, епископ Иоаким и посадник Жирослав Иванкович были уведены в плен, а Туrow был отдан сыну Изяслава Ярославу. Вячеслав, по-видимому, получил в управление Пересопницу и Дорогобуж.

Этот удар образумил князя, которому шел уже седьмой десяток лет. Летом 1147 г. он посылал Изяславу Мстиславичу, воевавшему с черниговцами, военную помощь. Однако когда в 1149 г. началась война за Киев между Изяславом и Юрием Долгоруким, Вячеслав перешел на сторону последнего. Когда в 1149 г. Юрий стал киевским князем, он лишил Ярослава Изяславича Туrowского княжения, но не возвратил его и Вячеславу. У последнего он отнял Пересопницу и Дорогобуж, дав вместо них киевский Вышгород. Успех Юрия Долгорукого в 1149 г. оказался кратковременным, Изяслав Мстиславич вернул себе Киев, и Вячеслав снова начал искать сближения с ним. Прошло несколько месяцев, и на киевском столе вновь оказался Юрий Долгорукий. Теперь с владениями Вячеслава Владимировича он поступил куда жестче, чем в 1149 г. Осенью 1150 г. он передал Туrow, Пинск и Пересопницу своему сыну Андрею Боголюбскому. Андрей

¹⁴ ПСРЛ. Т. II. Стб. 310.

¹⁵ Там же. Стб. 330.

владел этими городами чуть более полугода. Изяслав в очередной раз вернул себе Киев, закрепив это возвращение разгромом Юрия Долгорукого на р. Руте в мае 1151 г. Одержав победу Изяславу помог Вячеслав Владимирович, которому в марте 1151 г. Изяслав формально передал высшую власть в Киевском княжестве, оставив в своих руках власть фактическую¹⁶. Обладание верховной властью в Киевском княжестве, видимо, делало для Вячеслава излишним существование внутри последнего особого Туровского княжества, и вплоть до его смерти Туров своего князя не имел.

Положение изменилось при новом возвращении в Киев Юрия Долгорукого. Сразу же при появлении в Киеве в марте 1155 г. Юрий посадил в Турове своего сына Бориса¹⁷. Однако Борису не суждено было закрепиться в Туровском княжестве. Вскоре после смерти отца (15 мая 1157 г.) он был вынужден покинуть Туров и вернуться в отчинную Суздальскую землю. Оставшийся без князя Туров немедленно был захвачен Юрием Ярославичем, сыном убитого в 1123 г. владимиро-волинского князя Ярослава Святополковича. Княживший в 1158 г. в Киеве черниговский князь Изяслав Давыдович сразу же организовал поход против дерзкого захватчика. В походе приняли участие сам Изяслав и 6 его союзников, включая князей Смоленска, Полоцка и Галича. Осажденный в Турове Юрий Ярославич тщетно молил Изяслава: «Брате, прими мя в любовь к собѣ»¹⁸ — тот упорно продолжал осаду, встречая не менее упорное сопротивление другой стороны. Так продолжалось долгие 10 недель. В лагере киевского князя начал распространяться конский мор. Изяслав не выдержал и увел войска. От заключения мира с туровским князем он отказался.

Через 2 года сыновья Изяслава Мстиславича и Андрея Владимировича совершили новое нападение на Туровское княжество, но вновь безрезультатное. Тем временем туровцы в разных местах искали себе союзников. В 1160 г. туровский князь Юрий Ярославич ходил походом на далекий Путивль, видимо, помогая местному князю Олегу Святославичу в борьбе с врагом Туровского княжества Изяславом Давыдовичем¹⁹.

Туровским князьям стало много легче, когда в Киеве начал править смоленский князь Ростислав Мстиславич. Новый киевский правитель решил, что туровцы должны стать его союзниками, а не открытыми или тайными врагами. В 1161 г. между сторонами был заключен договор, по которому, как следует из дальнейшего изложения событий

¹⁶ Там же. Стб. 399.

¹⁷ Там же. Стб. 478–479, 488, 489.

¹⁸ Там же. Стб. 492.

¹⁹ Там же. Стб. 505; ПСРЛ. Т. XXV. М.; Л., 1949. С. 67.

в летописи, Ростислав признал права Ярославичей на Туоровское княжество, в том числе и наследственные, а те согласились считать Ростислава своим сюзереном²⁰. Туоровские князья стали ходить в походы по требованию киевских князей, а походы на Туоров прекратились. Это способствовало развитию Туоровского княжества. В 1183 г. в летописи упоминается князь Глеб Дубровицкий, брат князя Ярослава Пинского. Глеб — второй сын Юрия Туоровского. Очевидно, что свое прозвище Глеб получил по населенному пункту. Таким пунктом была Дубровна. Видимо, Туоровское княжество приросло еще одним городом²¹. На правление в Туорове Юрия Ярославича приходится пребывание во главе Туоровской епархии знаменитого Кирилла, одного из виднейших писателей домонгольской Руси. Выходец из местной состоятельной семьи, обладатель обширнейшей библиотеки, Кирилл в определенном смысле олицетворял собой тот общий высокий уровень, которого достигло Туоровское княжество в последней трети XII в.

Юрий Ярославич Туоровский последний раз упоминается в источниках в 1166 г. После него в Туоровском княжестве правил его старший сын Святополк, а после его смерти в 1189 г.²² другой сын Юрия — Глеб. Глеб скончался в 1196 г.²³ Оба брата были похоронены в Киеве, в Михайловской Златоверхой церкви Выдубицкого монастыря, которую основал их прадед Святополк Изяславич²⁴. Туоровское княжество продолжало существовать и в первой половине XIII в. Под 1228 г. летопись сообщает об отдельном войске туоровцев, судя по летописному тексту, под командованием своего князя²⁵. Туоровские князья упоминаются и в 70-х гг. XIII в.²⁶ Это позволяет говорить о существовании самостоятельного Туоровского княжества не только к моменту вторжения монголов, но и через несколько десятков лет после установления их власти над русскими землями.

²⁰ ПСРЛ. Т. II. Стб. 520.

²¹ ПСРЛ. Т. II. Стб. 631. Отнесение к числу пинских городов Небля (см.: *Кучкин В.А. Города Древней Руси (на 1237 г.) // Древняя Русь в средневековом мире. М., 2014. С. 949*), включенного в состав Туоровского княжества вместе с Пинском, кажется, надо признать ошибочным. Небль, скорее всего, был городом Киевского княжества.

²² ПСРЛ. Т. II. Стб. 665–666. О дате см.: *Бережков Н.Г. Хронология русского летописания. С. 205.*

²³ ПСРЛ. Т. II. Стб. 694. О дате см.: *Бережков Н.Г. Хронология русского летописания. С. 207.*

²⁴ ПСРЛ. Т. I. Стб. 283.

²⁵ ПСРЛ. Т. II. Стб. 753.

²⁶ Там же. Стб. 872.

В 80-х гг. XII в. из Туровского княжества выделяется Пинское. В Пинске стали править сыновья туровского князя Святополка Юрьевича²⁷. Но действовали они отдельно от своих туровских родственников. Эпизод с захватом пинским князем Ростиславом Святополковичем в 1226 г. Черторыйска из состава завещанного Мстиславом Немым Даниилу Романовичу Галичскому Пересопницкого княжества ясно свидетельствует о том, что пинские князья руководствовались только собственными интересами. Оценка этой акции князем Даниилом Галичским: «Не подобаеть пиняномъ держати Черторыиска»²⁸, прямо говорит об этом. На то же указывает и упоминание в летописи отдельно войска пинян и войска туровцев при описании событий 1228 г.²⁹ Свидетельство о пинских князьях после 1241 г.³⁰ говорит о существовании Пинского княжества и в предшествующий этому году период. Но как бы ни были разделены сыновья Святополка Юрьевича, тот факт, что и Туров, и Пинск оставались под их властью, свидетельствует о том, что эти центры из условных держаний превратились в наследственное владение потомков киевского князя Святополка Изяславича.

²⁷ Там же. Стб. 720, 753.

²⁸ Там же. Стб. 752.

²⁹ Там же. Стб. 753.

³⁰ Там же. Стб. 872.

Замечания о первых митрополитах киевских

DOI 10.31168/91674-483-5.6

Каталоги митрополитов «с летописанием вкратце»

«Ряд митрополитов весьма не короткий; но мы совершенно избавлены от труда излагать и обозревать деятельность не только всех их, многих или некоторых между ними, но хотя бы одного из них»¹. В таких словах подытожил свои разыскания о первых киевских митрополитах Евгений Голубинский. Вероятно, именно по этой причине — оттого, что для первого столетия после крещения мы знаем преимущественно только имена митрополитов, которые можно выстраивать в ряд, а правильный порядок следования уже полагать научным результатом — Голубинский придал собственному исследованию форму известного в старой учености жанра «каталога митрополитов». Собственно, знаменитый историк церкви и не скрывал образцов, перечислив в примечании своих предшественников на этом поприще: Захарию Копыстенского, Сильвестра Косова, Димитрия Ростовского и других². От начала XV в.,

¹ Голубинский Е. История русской церкви. М., 1901. Т. 1: Период первый, киевский или домонгольский, первая пол. тома. 2-е изд. С. 291.

² Голубинский Е. История русской церкви. С. 284. Прим. 1. Первый подобный каталог составил Лев Кревза и опубликовал в трактате *Obrona iednosci cerkiewney* (1617) (изд.: Русская историческая библиотека. СПб., 1878. Т. 4: Памятники полемической литературы, кн. 1. С. 228–238; *Lev Krevza's Obrona iednosci cerkiewney and Zaharija Kopystensk'kyj's Palinodija, with an introduction by Omeljan Pritsak and Bohdan Struminsky* [Harvard Library of Early Ukrainian Literature, Texts. Vol. 3]. Cambridge, MA, 1987). Ответный каталог Захарии Копыстенского помещен в завершенном им к 1621 г. полемическом трактате *Палинодия* (изд.: Русская историческая библиотека. Т. 4. С. 1007–1049; *Lev Krevza's Obrona iednosci cerkiewney and*

когда появляются первые известные каталоги, и до XVII в. списки митрополитов существовали в виде сухих перечней имен, занесенных либо в помянники, либо в летописи. Названные Голубинским авторы разрабатывали совершенно отличный жанр — каталога с ученым рассуждением. Он возникает в украинской письменности в рамках полемики с униатами и представляет собой, как говорили во времена Голубинского, «плод латинско-польской образованности». Здесь авторы не довольствуются набором имен и их порядком, но пытаются представить свои резоны и доказательства, привести свидетельства и оценить их надежность. В результате каждый персонаж оказывается со своей краткой историей, и, воспользовавшись заглавием, данным Димитрием Ростовским, определим этот жанр как «каталог митрополитов с летописанием вкратце»³.

При всей пропасти, разделяющей критический инструментарий Голубинского и названных авторов, метод их работы сходен и определялся условностями жанра. Врученный от предшественников каталог просеивается на предмет отделения митрополитов «несомнительных» от «не несомнительных» при помощи свидетельств «совсем надежных», а также «не совершенно надежных»⁴. Всякий следующий автор, принимая каталог за исходную точку собственных изысканий, тем самым ставит себя в зависимость от традиции и налагает на себя неявные, но труднопреодолимые ограничения: споря о деталях, авторы не подвергают сомнению унаследованную структуру. Таким образом, каталоги могут транслировать давние недоразумения, ошибки

Zacharija Kopystens'kyj's Palinodija, with an introd. by Omeljan Pritsak and Bohdan Struminsky [Harvard Library of Early Ukrainian Literature, Texts. Vol. 3]. Cambridge, MA, 1987. На основании разысканий Копыстенского Сильвестр Косов поместил аналогичный каталог в польской версии *Патерика печерского*, изданной в 1635 г.: PATERIKON, abo zywoty ss. oycow pieczarskich (изд.: Seventeenth-Century Writings on the Kievan Caves Monastery, with an introd. by Paulina Lewin [Harvard Library of Early Ukrainian Literature, Texts. Vol. 4. Cambridge, MA, 1987]). «Каталог митрополитов с летописанием вкратце» Димитрия Ростовского составлен в начале 1690-х гг. Он не был издан при жизни автора, но разошелся в большом количестве рукописных копий (изд.: Московский любопытный месяцеслов на 1776 год. Издал в свет В.Г. Рубан. М., 1775. С. 54–108). Традиция компилирования подобных каталогов продолжалась в среде ученых клириков в продолжение всего XVIII в. и была унаследована научной историографией, см.: *Евгений (Болховитинов)*. Описание Киево-Софийского собора и киевской иерархии. К., 1825. С. 68–91.

³ Ср. определение Голубинского: «Под каталогом разумеется то, что не только перечисляет имена митрополитов, но и сообщает о них сведения хронологические и (большие или меньшие) исторические (таков каталог Копыстенского, таковы и другие каталоги)» (*Голубинский Е.* История русской церкви. С. 283. Прим. 3).

⁴ *Голубинский Е.* История русской церкви. С. 285.

или же заблуждения, ставшие от постоянного повторения предметом конвенции⁵.

Каталоги митрополитов «с летописанием вкратце» соединили непрерывной традицией раннюю ученость с наукой. Вершинным достижением этого жанра, зародившегося в начале XVII в., являются каталоги киевских митрополитов, опубликованные на рубеже 80–90-х гг. прошлого столетия известным исследователем церковной истории Анжеем Поппэ⁶. Каталог Поппэ (два варианта которого разнятся незначительными деталями) можно считать наиболее дистиллированным отображением научного знания о первых иерархах Киева. Его и сделаем отправным пунктом наших замечаний. Нас будет интересовать тот сегмент каталога, что заключен между именами митрополитов Иоанна и Георгия, то есть последовательность: Иоанн — Феопемпт — Иларион — Ефрем — Георгий.

Ефрем

«Практическое отсутствие сведений о «митрополите Росии» Ефреме в древнейшем русском летописании обратно пропорционально количеству заблуждений на его счет в литературе,» отметил новейший исследователь⁷.

О митрополите Ефреме в каталоге Поппэ читаем:

Ефрем был киевским митрополитом с 1054/1055 г. по приблизительно 1065 г., являясь в то же время членом императорского сената с высоким придворным рангом *πρωτοπρόεδρος* (возможно, даже *πρωτοπρόεδρος τῶν πρωτοσυγγέλλων*), как видно из надписи на принадлежавшей ему свинцовой

⁵ Ср.: «Не признавая существования лишних митрополитов Копыстенского и списков за совершенно несомнительное, с другой стороны, мы вовсе не находим возможным и основательным и того, чтобы относиться к ним с совершенным неверием. Мы внесем их в наш нижеследующий каталог, предоставляя окончательно решить вопрос о них (конечно, не особенно важный) будущему времени» (Голубинский Е. История русской церкви. С. 284).

⁶ Опубликованы в качестве приложений к двум книгам: *Щанов Я.Н.* Государство и церковь Древней Руси XI–XIII вв. М., 1989. С. 191–206 (прилож. I: «Митрополиты киевские и всея Руси (988–1305 гг.); *Герхард Подскальски.* Христианство и богословская литература в Киевской Руси (988–1237 гг.): 2-е изд., испр. и доп. для русского перевода / Пер. А.В. Назаренко, под ред. К.К. Акентьева. СПб., 1996. С. 446–471 (прилож. 16: «Митрополиты киевские и всея Руси (988–1305 гг.)). См.: *Поппэ А.* Студиты на Руси.

⁷ *Чичуров И.С.* Антилатинский трактат киевского митрополита Ефрема (ок. 1054/62 гг.) в составе греческого канонического сборника Vat. gr. 828 // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия I: Богословие, философия, религиоведение. 2007. № 3. С. 119.

печати. Известен его суд над новгородским епископом Лукой Жидятой в 1055 г., а 4 ноября неизвестного года Ефремом был заново освящен Софийский собор в Киеве⁸.

Таким образом, Ефрем — один из митрополитов, вопреки сетованиям Голубинского, наделенных хотя бы некоторыми чертами биографии. Самым ярким ее эпизодом оказывается необычный (а если вдуматься, дикий и нелепый) случай: Ефрем осудил новгородского епископа Луку по доносу его же (Луки) собственного холопа и продержал в заточении три года⁹.

Легко установить, что традиционные каталоги митрополитов не знают этого Ефрема, и не случайно. Митрополита Ефрема не знают и древнейшие летописи: ничего о нем не найдем в *Повести временных лет*, полным молчанием обходит его также *Синодальный список Новгородской первой летописи*. До начала XV в. ни один источник не упоминает киевского митрополита Ефрема.

Впервые сведения о нем появляются в летописях так называемого Новгородско-Софийского круга, из которых исследователи, разумеется, предпочитают ссылаться на младший извод *Новгородской первой летописи* ввиду его репутации кладовой летописания более древнего, чем ПВЛ. Но даже здесь митрополит Ефрем является второстепенным персонажем и возникает только в контексте биографии новгородского епископа Луки Жидяты. Присмотримся к этим известиям внимательно.

Под 1055 г. *НПЛмл* сообщает:

В семь же лѣтъ клевета бысть на епископа Луку от своего холопа Дудикы, и изиде изъ Новагорода и иде Киеву, и осуди митрополит Ефримъ, и пребысть тамо 3 лѣта¹⁰.

Под 1058 г. читаем завершение истории:

Сем же лѣтъ архиепископъ Лука прия свои столъ в Новѣгородѣ и свою область. Дудицѣ же холопу оскомины: урѣзаша ему носа и обѣ руцѣ, и бѣжа в Нѣмци¹¹.

⁸ *Поннэ А.* Митрополиты киевские и вся Русь (988–1305 гг.). С. 451.

⁹ Детальная биография Ефрема содержится в: *Поннэ А.* Студиты на Руси. Истоки и начальная история Печерского монастыря [Ruthenica. Supplementum 3]. К., 2011. С. 42–43.

¹⁰ *НПЛ*. С. 183.

¹¹ Там же.

Этому сюжету уделила внимание Т.В. Вилкул в контексте исследования о сложении текста *НПЛМл*. Поскольку возникновение этой летописи достаточным образом объясняется как результат контаминирования текстов *ПВЛ* и *Синод.*, ни в одном из которых истории Луки Жидяты нет¹², исследовательница пришла к выводу о поздней и инвентивной природе всего рассказа¹³. Наблюдения Вилкул можно развить.

История епископа Луки присутствует во всех ключевых летописях Новгородско-Софийского круга: в первой подборке *Новгородско-Карамзинской* летописи¹⁴, в *Софийской первой*¹⁵ и *Новгородской четвертой*¹⁶ летописях. Здесь биография епископа даже несколько расширена: приводится его поучение «к братии»¹⁷, а также сообщение о смерти по дороге из Киева и погребении в Новгороде. Кроме того, под 1036 г. находим заимствованное из *ПВЛ* сообщение о поставлении, сопряженное с важнейшим актом в жизни Новгорода: дарованием Ярославом очередной грамоты:

И иде Ярослав к Новуграду, и посади сына своего Володимира в Новѣградѣ, и епископа постави Жирыту; и людемъ написа грамоту, рекъ: «По сеи грамотѣ дадите дань»¹⁸.

То, что этого «Жирыту» идентифицировали как епископа Луку, ясно из сообщения о смерти епископа под 1060 г., где сказано, что

¹² В *ПВЛ* под 1036 г. читаем только о поставлении в новгородские епископы некоего Жидяты: «иде Ярославъ Новугороду . и посади сна своего Володимера Новѣгородѣ . еписпа постави Жидату» (ПСРЛ 1: 150; ПСРЛ 2: 138).

¹³ *Вилкул Т.В.* Новгородская первая летопись и Начальный свод // *Palaeoslavica*. 2003. № 11. С. 5–35.

¹⁴ ПСРЛ. Т. 42. С. 65–66.

¹⁵ ПСРЛ. Т. 6.4.1. С. 183.

¹⁶ ПСРЛ. Т. 4. С. 118–120.

¹⁷ В *Соф I* опущено. О нем см.: *Евсеев И.Е.* Поучение Луки Жидяты, архиепископа Новгородского. Памятники древнерусской церковно-учительной литературы. Вып. 1, содержащий поучения: Луки Жидяты, митр. Илариона, Феодосия Печерского и Кирилла Туровского. СПб., 1894. С. 7–24; *Никольский Н.К.* Материалы для повременного списка русских писателей и их сочинений (X–XI вв.). СПб., 1906. С. 144–149; *Бугославский С.* Поучение еп. Луки Жидяты по рукописям XV–XVII вв. (Из филологического семинария проф. В. Н. Перетца). СПб., 1913 г. (Отд. оттиск из: Известия отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук. 1913. Кн. 2. Т. XVIII.)

¹⁸ ПСРЛ. Т. 42. С. 63; ПСРЛ. Т. 4. С. 114; ПСРЛ. Т. 6.4.1. С. 177.

тот находился на епископии 23 года. При том, что арифметика не вполне совпадает (Лука должен был быть поставлен в 1037 или 1038, по включающему счету), это отождествление удостоверяет список новгородских епископов (в «приложениях» к НПЛ), составленный несомненно на основании текста *Новг.-Соф.*: «Лука Жидята бысть епископомъ лѣт 23»¹⁹.

Отметим анахронизм в истории Луки. Наказанный за клевету холоп Дудика бежит «в немци». Естественный в условиях XV в. маршрут бегства (из Новгорода — сразу через границу) в 1058 г. выглядит нелепым: никаких «немцев» поблизости от Новгорода еще нет, и они не появятся вплоть до статьи 1217 г. (в предыдущем тексте НПЛ «немци» фигурируют только в сюжетах Владимирового «выбора веры»).

Наконец, предложенная сообщением процедура суда над Лукой, где свидетельствует холоп, представляется невозможной. Свидетельство холопов прямо воспрещалось *Пространной правдой*: «А послушства на холопа не складають, но оже будетъ свободнаго, но по нужи сложити на боярьска тивуна, а на инѣ не складывати»²⁰. Правда, здесь речь идет о княжеском, а не митрополичьем суде, но маловероятно, чтобы церковный суд мог пренебречь социальной нормой.

Таким образом, история новгородского епископа Луки, в контексте которой появляется киевский митрополит Ефрем, по всем признакам представляет собой сочинение новгородских летописцев начала XV в., созданное, по справедливому предположению Вилкул, в русле общего стремления к изобретению новгородской государственной и церковной истории. Киевский митрополит Ефрем — часть этой исторической мифологии²¹. Источники НПЛ сведений о митрополите Ефреме не содержали.

Этот вывод можно протестировать. Комиссионный список НПЛ содержит, как известно, два перечня киевских митрополитов: среди «приложений» (помещенных до и после собственно летописного текста), а также в статье 989 г. В части, нас интересующей, они выглядят следующим образом:

¹⁹ НПЛ: 473. Отметим в этом перечне любопытную рифмовку истории Луки, пострадавшего от собственного холопа, с судьбой двух последующих ему епископов: «А Стефана в Киевѣ свои холопѣ удавиша [...] А Феодора свои песь уяде и с того умре [...]».

²⁰ Правда русская. М.; Л., 1940. Т. 1: Тексты / Под ред. Б.Д. Грекова. С. 112.

²¹ Коль скоро так, можно бы поискать первообраз истории Луки и Ефрема в событиях, близких по времени к составлению *Новг.-Соф.* летописей. Полагаем, что таковым послужила история митрополита Киприана и новгородского архиепископа Иоанна, рассказанная в той же НПЛ. В 1401 г. митрополит вызвал Иоанна в Москву «о святительских дѣлехъ», но задержал его там и отпустил обратно в Новгород только через три года (см.: НПЛ. С. 396, 398).

«Приложения»:

А се русьстии митрополити: Леонтии, Михайль, Иоан, Феопемень, Ларион, Ефремель, Георгии, Иоаннь, Иоан

Статья 989 г.:

А се русѣи митрополиты: пръвыи митрополит рускый Феопентъ, Ларионъ, Георгии, Иоан, Иоан

Как видим, перечень из «приложений», помещающий митрополита Ефрема между Иларионом и Георгием, составлен с учетом сведений, накопившихся в процессе создания *Новг.-Соф.* летописей. Напротив, перечень, находящийся *внутри* НПЛ, представляет собой выборку из ее непосредственных источников (именно текста ПВЛ, где Феопемпт, действительно, оказывается «первым митрополитом») и не знает Ефрема. Первый перечень отражает состояние после *Новг.-Соф.* летописей, второй — до их составления.

Итак, древнейшие источники Ефрема — митрополита киевского не знают. Они знают другого митрополита Ефрема — переяславльско-го, документированная деятельность которого приходится на 1090-е гг. В литературе уже высказано предположение, что главное свидетельство историчности — свинцовая печать с изображением архангела на одной стороне и греческой надписью, упоминающей Ефрема, протопроэдра и митрополита Руси, на другой — принадлежит, скорее всего, именно этому Ефрему, «так как титул “протопроэдр” более уместен во второй половине, чем в середине XI в.»²².

²² Назаренко А.В. Древняя Русь и славяне (Историко-филологические исследования). М., 2009. С. 231. Прим. 97 (статья: «Митрополии Ярославичей во второй половине XI века»); Назаренко А.В. Ефрем. Православная энциклопедия. М., 2008. Т. 19. С. 53 (<http://www.pravenc.ru/text/182085.html>). См. также: Хрусталева Д.Г. Разыскания о Ефреме Переяславском. СПб., 2002. С. 308–339.

До последнего времени был известен единственный экземпляр печати, ныне утраченный (см.: Янин В.Л. Актовые печати Древней Руси X–XV вв. Т. 1: Печати X — начала XIII в. М., 1970. № 42. С. 174). Однако выяснилось, что еще один экземпляр, хорошей сохранности, находится в коллекции А. Шереметьева (Киев). Этот экземпляр также происходит из днепровского Левобережья. Легенда печати гласит: +Κ(ύρι)ε β(οή)θ(ει) Έφραϊμ (μον)αχ(ῶ) πρωτοπροέδρ κ[α]ὶ μητροπολίτη [Ρ]ω[σ]ί[α]ς («Господи, помози Ефрему монаху, протопроэдру и митрополиту России»). На лицевой стороне печати — изображение архангела Михаила с подписью Μ(ι)χ(α)ήλ Ἄ(ρ)χ(άγγελος). Последнее обстоятельство делает отнесение печати к Ефрему переяславльскому еще более убедительным. Благодарю Федора Андрощука и Вернера Зайбта, готовящих к изданию каталог византийских печатей названной коллекции, за консультацию.

Еще одним свидетельством деятельности киевского митрополита Ефрема традиционно считается запись в месяцеслове *Мстиславового евангелия* под 4 ноября об освящении Софийского собора в Киеве: «въ тѣхъ днѣхъ сщениє стѣа софіе. иже єсть въ кыєвѣ гра^а сщна Ефремѣ митрополитѣмъ»²³. Поскольку к предполагаемому времени святительства Ефрема (1055–1065) Софийский собор, как полагают, был уже завершен, эту запись справедливо называют несколько «загадочной». Впрочем, еще в середине XIX в. К.И. Невоструев признал эту запись близкой по времени к дате создания рукописи и связал ее с переяславльским митрополитом Ефремом, освятившим Софию (повторно) в 1090–1096 гг.²⁴ К той же мысли недавно пришел А.В. Назаренко, предположивший, что освящение могло состояться 4 ноября, в воскресенье, что указывало бы на 1089 г.²⁵

Это мнение недавно было неявно оспорено. Комментируя надпись № 3541 из Софийского собора в Киеве (издателем интерпретированную как запись о поставлении митрополитом некоего священника Арсения в игумены), А.А. Гиппиус справедливо усомнился в ее прочтении и предложил иную расшифровку, из которой следует, что митрополит Ефрем освятил Софию в 6560 г.²⁶

Предполагаемое содержание надписи прямо противоречит известию ПВЛ о том, что митрополит Иларион был поставлен в Софии, следовательно, уже до того освященной: «В лѣтѣ . . . ѿсѣ . . . ѿ . . . нѣ . . . Постави Ярославъ . Ларишна митрополитомъ . Руси въ стѣи Софьи . собравъ еписѣпы»²⁷. Противоречит также и ясному утверждению самого Илариона (сделанному в глаза Ярославу), что к моменту произнесения *Слова о законе и благодати* Софийский собор уже был закончен постройкой, украшен и снабжен богослужebными сосудами, следствен-

²³ Апракос Мстислава Великого / Под ред. Л.П. Жуковской. М., 1983. С. 234.

²⁴ *Биллярский П.С.* Состав и месяцеслов Мстиславова списка евангелия (Извлечено из сочинения проф. К.И. Невоструева) // Известия Императорской Академии наук по Отделению русского языка и словесности. СПб., 1861. Т. X. Вып. 2. С. 118.

²⁵ *Назаренко А.В.* Древняя Русь и славяне. Прим. 56 (статья: «Новороссия», «Великороссия» и «вся Русь» в XII веке: церковные истоки этнополитической терминологии). Развивая эту догадку, С.М. Михеев предположил, что повторное освящение храма состоялось в 50-летний юбилей строительства, отсчитывая от 1039 г., когда 4 ноября также приходилось на воскресенье (*Михеев С.М.* Когда был построен Софийский собор в Киеве? // Именослов. История языка. История культуры. М., 2012. С. 239).

²⁶ Гиппиус реконструирует надпись следующего содержания: «Въ лѣтѣ SФѣѣ свашена стѣа Софіа Ефремомъ митрополитѣмъ ----- ноабра в дѣ».

²⁷ ПСРЛ. Т. 2. С. 143.

но, действовал как освященный храм²⁸. Разумеется, эпиграфический памятник имеет преимущество перед нарративным источником, но в нашем случае имеем дело с реконструкцией, чей статус пока неясен²⁹. Может статься, что уверенное опознание имени Ефрема в плохо сохранившейся надписи, где даже «надежно определить буквенный состав граффито [...] не представляется возможным»³⁰, было подсказано единственно его традиционным местом в каталоге митрополитов, в непосредственном соседстве с Иларионом.

Итак, оказывается, что бесспорных свидетельств историчности киевского митрополита Ефрема нет: летописный рассказ поздний и недостоверный, а внелетописные свидетельства с большей вероятностью относятся к переяславльскому митрополиту Ефрему³¹.

²⁸ Ср.: «дѣмъ бжїи великїи стїи его прѣмждрости създа [...] юже съ всакою красотою оукраси. златомъ и сребромъ. и каменїемъ драгїимъ. съ съсѣды честными» (*Молдован А.М.* «Слово о законе и благодати» Илариона. К., 1984. С. 97).

²⁹ Гиппиус «разбор исторических следствий, вытекающих из предложенного чтения граффито», благоразумно предложил до времени отложить, и мы не будем на нем настаивать. Однако исследователь заметил, что в предполагаемый им год освящения Софии митрополичий стол занят Иларионом, и все же указал на одно из следствий: «поставленный в 1051 г. Иларион занимал митрополию не более года» (*Гиппиус А.А.* К прочтению надписи № 3541 Софии Киевской. С. 81).

³⁰ *Гиппиус А.А.* К прочтению надписи № 3541 Софии Киевской. С. 80.

³¹ В таком случае и антилатинский трактат «митрополита русского Ефрема», написанный его первооткрывателем киевскому митрополиту Ефрему (*Чичуров И.С.* Антилатинский трактат киевского митрополита Ефрема. С. 107–132), должен быть переадресован Ефрему переяславльскому, как это ранее произошло с антилатинским трактатом переяславльского митрополита Льва (см.: *Поннэ А.* Русские митрополии Константинопольской патриархии в XI столетии // *Византийский временник.* 1968. Т. 29. С. 95–104; *Назаренко А.В.* Древняя Русь и славяне. С. 211 (статья: «Митрополии Ярославичей во второй половине XI века»).

Время пребывания Ефрема на переяславльской кафедре недавно вновь обсуждалось с связи с проблемой так наз. «титularных» митрополий Чернигова и Переяславля (см.: *Цукерман К.* Дуумвираты Ярославичей. К вопросу о митрополиях Чернигова и Переяславля // *Дньсслово: Збїрка праць на пошану дїйсного члена Національної академії наук України Петра Петровича Толочка з нагоди його 70-річчя.* К., 2008. С. 40–50; *Назаренко А.В.* Древняя Русь и славяне. С. 207–245 (статья: «Митрополии Ярославичей во второй половине XI века»). Назаренко определяет митрополию Ефрема как «не позднее 1076 г.» — 1090-е гг.; Цукерман иначе: 1086–1101. Не имея нужды вступать в этот спор, основанный исключительно на косвенных указаниях, отметим, что достоверно Ефрем упоминается впервые в известной статье ПВЛ 6598/1090 г. об освящении Михайловского собора в Переяславле (1089 г. *Лавр.-Радз.* есть очевидная ошибка вследствие пропуска статьи 6594 г. о закладке церкви св. Андрея в Киеве, из-за чего хронология сместилась на один год), а также в статье 6599/1091 г. о перенесении мощей

С исключением Ефрема из каталога киевских митрополитов открывается неестественно продолжительный отрезок времени (от удаления Илариона в нач. 1050-х гг. и до 1072 г., в котором источники фиксируют на киевской кафедре митрополита Георгия), не заполненный никаким именем. Есть ли возможность исправить это положение?

Иоанн

«Иоанн — второй достоверно засвидетельствованный киевский митрополит», читаем в каталоге Поппэ³². Впрочем, из аргументации исследователя, обосновывающей достаточно ранние даты служения Иоанна, оказывается, что, собственно, порядковый номер ниоткуда не следует. Митрополиту приписывается печать с греческой легендой, по эпиграфическим признакам датированная рубежом X–XI вв., а кроме того, в анонимном *Сказании* и *Чтении* Нестора о Борисе и Глебе Иоанн титулуется «архиепископом», «то есть выступает как глава русской церкви в первые годы княжения Ярослава Мудрого (после 1019 г.)», из чего якобы следует, что «именно Иоанн был тем киевским архиепископом, о котором идет речь у Титмара Мерзебургского в рассказе о событиях 1018 г.»³³. На основании этих косвенных соображений отвергается прямое текстуальное свидетельство — Иоанн известен как автор древнейшей службы Борису и Глебу, но эта атрибуция должна быть ошибочной, поскольку указывает в направлении более позднего времени служения митрополита.

Надо думать, не эти, не самые твердые, данные определили место Иоанна в каталоге. Напротив, уже известное и унаследованное из предыдущих каталогов место митрополита заставило подыскивать соответственные резоны. На втором месте находим Иоанна, например, в каталоге Голубинского, не без колебаний допускавшего поставление митрополита при Владимире (на основании упоминания в *Никоновской* летописи под 1008 г.), но более вероятным считавшего, что Иоанн занимал кафедру «в первые годы правления Ярослава»³⁴.

Феодосия Печерского (ПСРЛ. Т. 2. С. 199, 202). Природа этих сообщений — освящение церкви и перечень иерархов — таковы, что красноречивыми оказываются умолчания о Ефреме в аналогичных сообщениях: в перечне иерархов, принимавших участие в освящении Успенского собора Печерского монастыря в 1089 г., а также среди присутствовавших на освящении Михайловской церкви Выдубицкого монастыря в 1088 г. (ПСРЛ. Т. 2. С. 199), где Ефрему всего естественнее было бы присутствовать, как переяславльскому архиерею и печерскому постриженнику. Впрочем, отложим разбор следствий, вытекающих из этого предположения.

³² Поппэ А. Митрополиты киевские и всяя Руси (988–1305 гг.). С. 448.

³³ Там же. С. 449.

³⁴ Голубинский Е. История русской церкви. С. 285.

Главный аргумент Поппэ, в сущности, циклический: что в первые годы княжения Ярослава глава русской церкви носил титул «архиепископа», мы знаем, потому что приурочиваем именно к этому времени святительство Иоанна. Иоанн, действительно, выступает с титулом «архиепископ» в чудесах, присоединяемых к анонимному *Сказанию* о Борисе и Глебе (трижды, против семи случаев именованного митрополитом)³⁵. Несколько более последователен Нестор, восемь раз именуя Иоанна архиепископом (дважды, впрочем, митрополитом)³⁶. Но ровно с этими же взаимозаменяемыми титулами фигурирует у Нестора митрополит Георгий (1070-е гг.): архиепископ — дважды, митрополит — четырежды³⁷.

³⁵ *Бугославський С.* Україно-руські пам'ятки XI–XVIII вв. про князів Бориса та Гліба (Розвідка й тексти) [Пам'ятки мови та письменства Давньої України, 1]. К., 1928. С. 158–160.

³⁶ *Бугославський С.* Україно-руські пам'ятки XI–XVIII вв. про князів Бориса та Гліба. С. 197–200.

³⁷ Там же. С. 160–161. Титул «архиепископ митрополии Руси» находим на печати митрополита Кирилла I (1224–1233) (см.: *Янин В.Л.* Актовые печати Древней Руси X–XV вв. № 53. Т. 1. С. 176). В 1245 г. на Лионском соборе некий Петр, в котором исследователи видят (самочинного) киевского митрополита, объяснял свой статус как «архиепископ рутенский» (см.: *Матузова В.И.* Английские средневековые источники XI–XIII вв. Тексты, перевод, комментарий. М., 1979. С. 180, 183–184). «Возлюбленным Богом архиепископом» называет митрополита Кирилла II в своем письме болгарский деспот Святослав-Яков (1260–1270-е гг.), заимствуя, как предположил Поппэ, титул из интитуляции послания самого Кирилла (*Поппэ А.* Митрополиты киевские и всея Руси (988–1305 гг.). С. 470, прим. 15). Это весьма вероятно, так как в летописной передаче одной из грамот Кирилла говорится: «Тако мнѣ поручилъ бгѣ архиепсью в Руской земли» (ПСРЛ. Т. 6.4.1. С. 351). Также с титулом «архиепископ» выступает в Симеоновской летописи (отражающей Троицкую) преемник Кирилла митрополит Максим: «В лѣто 6791 поставленъ бысть пресвященныи архієпископъ Максимъ Гречинъ митрополитомъ на всю Русскую землю» (ПСРЛ. Т. 18 С. 79; *Приселков М.Д.* Троицкая летопись. Реконструкция текста. М.; Л., 1950. С. 340).

Систематический обзор титулов митрополитов см.: *Konstantinos Vetrochnikov.* «Le titre officiel des métropolités russes au Moyen Âge». Le patriarcat oecumenique de Constantinople et Byzance hors frontières, 1204–1586. Paris, 2014. P. 273–302, а также сводную табл. в конце статьи.

В византийской церкви некоторые митрополиты, например афинский, фессалоникийский, ефеский (см.: *The Oxford Dictionary of Byzantium* / Ed. Alexander Kazhdan. New York and Oxford, 1991. P. 1359), а также кесарийский (см.: *Соколов И.И.* Епархии Константинопольской церкви в XV–XVIII веках // *Христианское чтение.* 1916. № 2. С. 147), носили титул архиепископа. Формула «имярек архиепископ, митрополит киевский» содержится в титуле киевских митрополитов начиная с XV века. Удержание обоих санов, вероятно, связано с исторически

Само по себе титулование киевского митрополита архиепископом, видимо, не ведет ни к последним годам Владимира, ни к «первым годам» Ярослава. Напротив, судя по чудесам в анонимном *Сказании*, совместная деятельность князя Ярослава и митрополита Иоанна (хотя и без ясных хронологических приурочиваний) происходила, скорее, ближе к окончанию княжения Ярослава, если не перед смертью князя (ср.: «по сихъ же дньхъ Йрославъ престависа поживъ добръ»³⁸).

Сказание чудес все же содержит традиционно игнорируемое, но совершенно определенное хронологическое указание на время деятельности митрополита Иоанна, на которое не так давно обратила внимание Н. И. Милютенко³⁹: перенесение мощей Бориса и Глеба Ярославичами (1072 г.) состоялось через двадцать лет после сооружения церкви Ярославом («и миноувъшемъ лѣтомъ к̄. и цркви оуже обетъшавъши: и оумысли Изяславъ възградити цркъвь новоу стьма страсотърпыцома»)⁴⁰. Впрочем, для своих подсчетов исследовательница избрала не это ясное указание, а другой указанный в тексте интервал — время, истекшее от Владимира до смерти Ярослава. Мотивы этого решения понять трудно, как и последующую арифметику, довольно капризную. Отнимая от 1054 г. 38 лет, получаем 1016 г. (а не 1015, как ожидалось бы). Так что смерть Ярослава оказывается

различным их происхождением (митрополит — епископ столичного города; архиепископ — начальствующий над епископами) и, следовательно, не вполне совпадающими аспектами церковной власти (см.: *Гидулянов П.* Митрополиты в первые три века христианства. М., 1905; *Болотов В. В.* Лекции по истории Древней Церкви. СПб., 1913. С. 336–340). Митрополит Киева был, в сущности, архиепископом для Руси.

³⁸ *Бугославський С.* Україно-руські пам'ятки XI–XVIII вв. про князів Бориса та Гліба. С. 160.

³⁹ *Милютенко Н. И.* Святые князья-мученики Борис и Глеб. Исследования и тексты. М., 2006. С. 45.

⁴⁰ *Бугославський С.* Україно-руські пам'ятки XI–XVIII вв. про князів Бориса та Гліба. С. 160. Полное, насколько можно судить, пренебрежение этим указанием в историографии связано с двумя обстоятельствами. Во-первых, с общими представлениями исследователей о времени канонизации Бориса и Глеба, относимой то к очень раннему времени (1020–1030-е гг.), то к 1072 г. Двадцатилетний интервал между канонизацией и перенесением мощей в 1072 г. казался какой-то необъяснимой ошибкой. Мюллер, например, вычислял собственный интервал, составивший 33 года (см.: *Мюллер Л.* О времени канонизации святых Бориса и Глеба // *Russia mediaevalis*. 1995. VIII. 1. С. 8). Во-вторых, с представлениями о порядке следования митрополитов. Получаемый год канонизации был неприемлем, так как «не попадал» в предполагаемый срок Иоанна, а кроме того, оказывался прочно занят митрополитом Иларионом.

«удобнее» передвинуть на 1053 г.⁴¹ Строительство и освящение церкви должны были состояться в предыдущем, 1052 году. Тем не менее, исследовательница пишет о «1051–1052 гг.» как времени перенесения мощей, а в дальнейшем и просто о 1051 г. Даже принимая эту логику, нам недостает в расчетах года, а на самом деле — трех лет⁴². Относительно занятия Иоанном киевской кафедры оказалось «все просто: Иоанн был предшественником Илариона и незадолго до своей смерти в 1051 г. участвовал в перенесении мощей святых»⁴³.

С этим расчетом согласился Назаренко. Согласился он и с предполагаемой Милютенко очередностью митрополитов: «О том, что Иларион в 1051 г. сменил на кафедре именно того митрополита, при котором был построен первый храм в честь свв. Бориса и Глеба, прямо сообщает Сказание чудес»⁴⁴. На самом деле, *Сказание чудес*, разумеется, не сообщает «прямо», что Иларион сменил Иоанна. Такой вывод основан на хронологическом расчете, который представляется не вполне точным.

Каким образом исследователь пришел к дате 1050/51 г.? В отличие от Милютенко он кладет в основу подсчетов 20-летний интервал между строительством церкви. Вычитанием двадцатилетнего срока из 1072 г. дата 1050/51 не достигается. Необходимо сделать допущение: «Если церковь Изяслава была заложена ок. 1069/70 г., после его вторичного вокняжения в Киеве (что могло быть вызвано стремлением Изяслава укрепить свой пошатнувшийся статус киевского сениора), то освящение Иоанном I церкви, построенной Ярос-

⁴¹ Милютенко полагает, что дата смерти Ярослава в летописи дана по сентябрьскому стилю, и февраль 6561 г. должен соответствовать 1053 г.

⁴² Расчеты Милютенко должны были дать погрешность в два года против истинного состояния дел, так как интервалы всегда даны по так наз. «включающему счету», учитывающему первый и последний год промежутка. Поэтому при указании на 38 лет отнимать, конечно, нужно 37. Например, между 1015 и 1054 был бы указан интервал в 40 лет (а не 39, как следует из простого вычитания). Но, настаивая на дате 1051 г., исследовательница каким-то образом потеряла еще один год.

⁴³ Милютенко Н.И. Святые князья-мученики Борис и Глеб. С. 50.

⁴⁴ Назаренко А.В. Киевский митрополит Иоанн I // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2007. № 3 (29). С. 76. В более ранней работе Назаренко отрицал значимость хронологического указания *Сказания чудес*, которое «едва ли можно соотносить с моментом построения Ярославовой церкви, т. к. оно пришлось бы в таком случае на точно засвидетельствованное время святительства митр. Илариона (1051 — не позднее 1054), а не Иоанна. Очевидно, это указание имеет в виду кончину Ярослава, что больше оправдано и контекстом повествования» (Назаренко А.В. Борис и Глеб // Православная энциклопедия (<http://www.pravenc.ru/text/153171.html>)).

лавом, должно было состояться 24 мая (вероятно, опечатка вместо «июля». — *А. Т.* 1050/51 г.)⁴⁵.

Если же допущений не делать, а следовать буквальному содержанию текстов *Сказания чудес*, хронология выглядит несколько иначе. Ничто не говорит, что на сооружение церкви Изяслава должно было уйти до трех лет. Напротив, в отличие от построенной Ярославом, описанной как большое сооружение о пяти верхах, новая церковь была скромных размеров: «въ върхъ въ одинъ»⁴⁶. Нестор дополнительно сообщает, что строительство не заняло много времени: «старейшина древоделам» «събра вса сѣщаа подь нимъ древодѣла. сконцав же повеланюе емѡ. ѿ блговѣрнаго кнѣза и в малѣ днии. възгради цркъв на назнаменѣ мѣстѣ»⁴⁷.

Церковь построили быстро, и отсчитывать, следовательно, нужно все же от 1072 г. Отнимая от этого года двадцать лет, получаем (по включающему счету⁴⁸) 1053 год. 24 июля в тот год приходилось на субботу, что удовлетворяет одному из условий, традиционно выдвигающихся в литературе: канонизация Бориса и Глеба должна была состояться не в будничный день. Именно подбором воскресного дня (внутри предполагаемого срока святительства Иоанна) находил дату канонизации, например, А.А. Шахматов, остановившийся на 1026 г.⁴⁹ Шахматов правомерно ссылался на аналогию: последующие перенесения 1072 и 1115 гг. происходили в воскресенье. Он, однако, упустил из виду, что в этих двух случаях у устроителей была возможность произвольно избирать день, так как они не были связаны никакой датой. Такой свободы у Ярослава не было: канонизация должна была состояться (и состоялась) в день убийства св. Бориса⁵⁰. Помимо особой торжественности, связанной с символикой воскресенья или субботы, здесь, разумеется, играли роль и практические соображения. Торжественные

⁴⁵ Назаренко А.В. Киевский митрополит Иоанн I. С. 76.

⁴⁶ Бугославський С. Україно-руські пам'ятки XI–XVIII вв. про князів Бориса та Гліба. С. 160.

⁴⁷ Там же.

⁴⁸ То, что употреблен именно включающий счет, доказывается находящимся тут же расчетом лет княжения Ярослава после отца — 38 лет, следовательно, от вступления на киевский стол в 1017 году: «В лѣт . ҃҃҃ . ҃҃ . ҃҃ . кѣ . Ярославъ . ввоиде в Кыевъ . и погорѣша цркви» (ПСРЛ. Т. 2. С. 130).

⁴⁹ Шахматов А.А. Разыскания о древнейших русских летописных сводах. СПб., 1908. С. 58, прим. 1.

⁵⁰ По иронии, отложивши канонизацию на год, Ярослав достигал бы требуемого исследователями воскресенья. Увы, у него уже не было такой возможности: в феврале 1054 г. он умер.

события, и в особенности чрезвычайные — перенесение и канонизация святых, — сопровождалась празднествами, обедами, раздачами милостыни и под. Нестор отмечает небывалые масштабы торжеств: «празднюще до осмаго днѣ»⁵¹, от субботы до субботы⁵².

В отличие от второго перенесения (1072 г.), первое потребовало большего времени для осуществления. Церковь была задумана немалая и, как утверждает Нестор, приготовления к строительству начались осенью предыдущего года: «Потомъ же (князь. — А.Т.) повелѣ дрѣводѣламъ. приготовить древо на согражение цркви. бѣ бо оуже время зимно. они же повелѣнои имъ ѿ холоубца приготовиша древо. и наставшу лѣтоу възградившу црквь»⁵³. Следовательно, все описанные *Сказанием чудес* предшествовавшие события, приведшие в конечном итоге к канонизации, а именно: пожар в старой церкви св. Василия, сооружение князем и митрополитом Иоанном «клетки малой» на месте сгоревшей церкви, первое открытие мощей святых, — происходили в течение 1052 года (вероятно, осенью).

Итак, по крайней мере с осени 1052 г. митрополит Иоанн находился в Киеве.

Иларион

Трудно отрешиться от впечатления, что Милютенко и Назаренко, интерпретируя элементарный расчет *Сказания чудес*, непременно пытались попасть на 1050 год, с тем чтобы митрополит Иоанн «разминулся» с Иларионом, поставленным, как полагают, в 1051 г. То, что Иоанн должен предшествовать Илариону (а не следовать за ним), подсказывало «занятое» Ефремом место в каталоге митрополитов непосредственно после Илариона. Последнее обстоятельство, как мы уже знаем, ни к чему не обязывает.

В отличие от неясных и все еще дискутируемых еkkлезиастических и политических обстоятельств поставления Илариона, хронологическая сторона дела, как правило, представляется простой. Как утверждает ПВЛ, Иларион был поставлен в 6559 году, и притом определенно по мартовскому стилю (что определяется из предыдущего датированного известия, обозначенного предшествующим годом: «В лѣтѣ . . . ѿ . . . ни . Престависа жена Йрославла . кнагинѣ феврала . въ . 1 . »)⁵⁴.

⁵¹ *Бугославський С.* Україно-руські пам'ятки XI–XVIII вв. про князів Бориса та Гліба. С. 200.

⁵² Это обстоятельство, кстати говоря, совершенно исключает из числа возможных 1050 год, когда 24 июля приходилось на среду.

⁵³ *Бугославський С.* Україно-руські пам'ятки XI–XVIII вв. про князів Бориса та Гліба. С. 199.

⁵⁴ ПСРЛ. Т. 2. С. 143.

Впрочем, Л. Мюллер убедительно предположил, что летописная дата не-самостоятельна и заимствована из известной собственноручной записи о поставлении Илариона, где выставлен тот же номер года, но, с высокой долей вероятности, по сентябрьскому стилю⁵⁵, и, следовательно, 6559 г. соответствует сентябрю 1050 — августу 1051 года. То есть Иларион оказывается на киевской кафедре ровно в тот год, которого хотели бы избежать Милютенко и Назаренко, помещая здесь Иоанна.

Обстоятельства и время ухода Илариона лишены даже такой определенности. Угадывая их, исследователи придавали особое значение тому факту, что после смерти Ярослава, патрона и протектора Илариона, сведения о митрополите полностью пропадают. Из этого делали вывод, что с исчезновением светского защитника Иларион был смещен и заменен присланным из Константинополя митрополитом⁵⁶. Но известия об Иларионе исчезают еще при жизни Ярослава. Из со-бытий времени святительства Илариона мы твердо знаем только одно: 26 ноября некоего года Иларион в качестве митрополита освятил Георгиевский собор в Киеве⁵⁷, следовательно, либо в том же 1050-м году поставления, либо в следующем 1051 году. Осенью 1052 года, как мы видели, в Киеве действует уже другой митрополит.

В историографии обстоятельства смещения Илариона так или иначе оказывались производными от понимания интенций, стоящих за его не вполне каноническим поставлением. Мнения, как известно, распределялись в широком спектре, постепенно смещаясь от утверждений о намеренном «антивизантийском» шаге правительства до признания его благочестивой ошибкой, спровоцированной устаревшим текстом *Номоканона*, которым единственно и располагали в Киеве⁵⁸.

⁵⁵ Ludolf Müller. Ilarion und die Nestorchronik // Harvard Ukrainian Studies 1988–1989. 12–13. P. 337–338. Большинство дат поставлений иерархов, даже в летописи, где в целом господствует мартовский стиль, оказываются сентябрьскими, см.: Толочко А. П. Софийские граффити и дата поставления митрополита Илариона // Археологія і давня історія України. Вип. 1. Проблеми давньоруської та середньовічної археології. К., 2010. С. 513–516.

⁵⁶ Несколько особняком стоит догадка Пл. Соколова, что Иларион, должно быть, умер еще при жизни Ярослава, поскольку не упоминается в связи с отпеванием и погребением последнего (*Соколов Пл.* Русский архиерей из Византии и право его назначения до начала XV века. К., 1913. С. 52, ср. идентично: *Турилов А. А.* Иларион // Православная энциклопедия (<http://www.pravenc.ru/text/389115.html>)).

⁵⁷ См.: *Лосева О. В.* Жития русских святых в составе древнерусских прологов XII — первой трети XIII веков. М., 2009. С. 167–168.

⁵⁸ По странному стечению обстоятельств, две наиболее влиятельные книги, обосновывавшие крайние точки зрения, были изданы в один год: *Соколов Пл.* Русский архиерей из Византии и право его назначения до начала XV века. К., 1913.

Преступление или ошибка, случай с Иларионом определенно выглядел для Константинополя как непорядок, требующий исправления. Исследователи иногда пишут об «атмосфере дружественных отношений между Византией и Русью» около времени Илариона⁵⁹. Собственно, единственным свидетельством добрых отношений есть брак Всеволода Ярославича и «цесарицы». В литературе существует традиция толкования этого события как акта замирения или, по крайней мере, компенсации Ярославу за отказ от Илариона⁶⁰. Для нашей темы важно полное совпадение хронологии этого брака с восстанавливаемой хронологией деятельности митрополита Иоанна.

Под 1053 г. в ПВЛ читаем: «В лѣѣ . ѡс . ѡ . ѡ . ѡ . ѡу Всеволода родиса снѣ Володимирь . ѡ црцѣ Грѣчькое»⁶¹. Эта дата подтверждена самим новорожденным, много лет спустя в *Поучении* утверждавшим, что появился на свет при жизни деда и им был назван Василием и Владимиром⁶². Посольства, переговоры о браке и собственно женитьбу нужно, следовательно, положить на предыдущий год. Иными словами, византийская принцесса прибывает в Киев в тот же 1052 год, что и митрополит Иоанн, после ухода со сцены Илариона. Компенсация для Ярослава оказалась щедрой: он не только породнился с императорским домом⁶³, но и получил (не взамен ли за неудачную попытку канонизировать отца Владимира, прочитываемую в *Слове* Илариона?) святых из собственного семейства⁶⁴.

С. 46–50; *Приселков М.Д.* Очерки по церковно-политической истории Киевской Руси X–XII вв. СПб., 1913. С. 93–110.

⁵⁹ *Поппэ А.* Русские митрополии Константинопольской патриархии. С. 96.

⁶⁰ См., например: *Приселков М.Д.* Очерки по церковно-политической истории Киевской Руси. С. 110–111.

⁶¹ ПСРЛ. Т. 2. С. 149.

⁶² ПСРЛ. Т. 1. С. 240.

⁶³ Кем бы ни была эта «цесарица» (см. сомнения в том, что она была дочерью Константина IX: *Alexander Kazhdan. Rus'-Byzantine Princely Marriages in the Eleventh and Twelfth Centuries // Harvard Ukrainian Studies. 1988–1989. 12–13. P. 416–417*), она явно происходила из семейства Мономахов и в Киеве ее считали императорского рода.

⁶⁴ Передвижение митрополита Иоанна на 1050/51 г., как справедливо отметил Назаренко, разъясняет давнее недоумение исследователей: каким образом Иларион, в своем *Слове* пытающийся обосновать святость Владимира, ни словом не обмолвился о якобы уже канонизированных его сыновьях? Впрочем, в рассуждениях исследователя «ззор», вызванный тем, что Иоанн предшествует Илариону, все же остается, ведь существуют авторитетные мнения (Мюллера, Поппэ), что митрополит произносил Слово именно летом 1050 г. Если же Иоанн канонизировал Бориса и Глеба в 1053 г., уже за пределами деятельности Илариона, исчезает и этот незначительный хронологический просвет.

Каталог

Традиционные каталоги киевских митрополитов открываются именами персонажей легендарных: Михаила и Леонтия. Поппэ обосновал, что первым митрополитом в Киеве должен быть признан Феофилакт, прежде бывший митрополитом севастиийским⁶⁵. Далее ряд поименно известных митрополитов (в свете изложенных выше наблюдений) должен выстраиваться следующим образом: Феопемпт (упом. под 1039 г.) — Иларион (пост. 1050 г.) — Иоанн (пост. 1052 г.) — Георгий (упом. под 1072 г.)⁶⁶.

⁶⁵ *Andrzej Poppe*. The Political Background to the Baptism of Rus': Byzantine-Russian Relations between 986–89 // *Dumbarton Oaks Papers*. 1976. 30. P. 204–205, 225, 228.

⁶⁶ К этому ряду нужно добавить еще два свидетельства, которые могут иметь, а могут не иметь отношение к названным митрополитам: о неизвестном по имени «архиепископе», упоминаемом под 1018 г. в хронике Титмара Мерзебургского, а также некоем митрополите, поставившем в 1036 г. новгородского епископа Жидяту.

«Немирье» между Свейном и Ярицлейвом: русско-норвежские отношения второй половины 1020-х — первой половины 1030-х гг.

DOI 10.31168/91674-483-5.7

«Теперь немирье (*vfriþr*) между Свейном Альвивусоном и конунгом Ярицлейвом... и некоторое время не было между ними торгового мира (*caupfriþr*)» — таково исключительное для исландских саг описание русско-норвежских отношений первой половины 1030-х годов. Это утверждение автора саги, несколько раз повторенное и в последующем тексте, недвусмысленно наводит на мысль, что в предшествующее время, т. е. в период правления Олава Харальдссона, отношения между Русью и Норвегией были дружественными и между ними существовал мир (*fríðr*), более того, имелся и некий «торговый мир» (*kaupfríðr*), иначе не было бы смысла констатировать отсутствие того и другого в период наместничества (1029–1035) в Норвегии Свейна, сына Кнута Великого, датского и английского короля, и его наложницы Альвивы. Таким образом, уже один этот зачин — а в действительности и все повествование, вводимое им, — представляет большой интерес, поскольку позволяет, пусть и предположительно, восстановить одну из самых ранних страниц внешнеполитической истории Древней Руси — одной из областей в обширной сфере научных интересов юбиляра — Бориса Николаевича Флори.

Рассказ, вводимый процитированной фразой, содержится в «Саге о Магнусе Добром и Харальде Суровом Правителе» («*Magnúss saga góða ok Haralds harðráða*») по рукописи «Гнилая кожа»¹, включен в

¹ *Morkinskinna*, GkS 1009 fol., ок. 1275, с лакунами, восстанавливаемыми по рукописям «Хульда» и «Книга с Плоского острова»: *Morkinskinna* // Ármann Jakobsson ok Þóður Ingi Guðjónsson gáfu út (Íslenzk fornrit, XXIII–XXIV). Reykjavík, 2011. В. 1–2; пер. на англ. яз.: *Morkinskinna: The Earliest Icelandic Chronicle of the Nor-*

повествование о пребывании Магнуса Олавссона, будущего конунга Норвегии Магнуса Доброго, на Руси и посвящен перипетиям его возвращения на норвежский трон². Два ключевых момента повествования: оставление Магнуса на воспитание у Ярослава Мудрого его отцом, норвежским конунгом Олавом Харальдссоном, бежавшим из Норвегии с сыном в 1029 г., в 1030 г. вернувшимся обратно и погибшим в борьбе за норвежский трон, а также приезд в 1035 г. к Ярославу посольства норвежской знати, чтобы вернуть Магнуса в Норвегию, сомнений не вызывают, так как упоминаются в поэмах скальдов Сигвата Тордарсона и Арнора Скальда Ярлов, «Истории о древних норвежских конунгах» монаха Теодорика, сводах королевских саг, включая «Круг земной» Снорри Стурлусона. Сведения же «Гнилой кожи» (и зависящих от нее сводов), не нашедшие отражения в других источниках, требуют особого рассмотрения.

Повествование о пребывании Магнуса на Руси

Рассказ о детстве Магнуса на Руси (в 1029–1035 гг.) — по свидетельству Арнора Скальда Ярлов, Магнус вернулся в Норвегию возрасте около 11 лет³ — в «Гнилой коже» состоит из четырех эпизодов. Первые три не представлены ни в латиноязычных «Историях» Норвегии второй половины XII в., ни в других сводах саг, где лишь кратко отмечено, что «Магнуса, своего сына, он (Олав) оставил там у конунга (Ярицлейва. — *Е.М.*)»⁴. Во всех остальных источниках

wegian Kings (1030–1157) / Transl. with Introd. and Notes by Th.M. Andersson and K. Gade. N.Y., 2000. К ней восходит «Сага о Магнусе Добром» в сборниках «Книга с Плоского острова» (*Flatøyjarbók*, GkS 1005 fol., 1387–1394; saga написана на дополнительных листах второй половины XV в.: *Flatøyjarbók* / Udg. av S. Nordal. Akranes, 1944–1945. В. I–IV) и «Хульда» (*Hulda*, AM 66 fol., между 1320 и 1380 гг.: *Hulda: Sagas of the Kings of Norway 1035–1177* / Ed. J. Louis-Jensen. Copenhagen, 1968). Предполагается, что свод саг «Гнилая кожа» был составлен в начале XIII или даже конце XII в. и отредактирован в 1220–1230 гг. Основным источником для автора сборника, включая «Сагу о Магнусе Добром», послужили скальдические стихи и устная традиция (*Andersson Th.M. Kings' Sagas (Konungasögur) // Old Norse-Icelandic Literature. A Critical Guide* / Ed. C.J. Clover, J. Lindow. Ithaca; London, 1985. P. 217–218; *Andersson Th.M., Gade K. Introduction // Morkinskinna. The Earliest Icelandic Chronicle*. P. 58–65; *Джаксон Т.Н.* Исландские королевские саги о Восточной Европе. Тексты, перевод, комментарий. 2-е изд., испр. и доп. М., 2012. С. 46–49 (Древнейшие источники по истории Восточной Европы). Далее — ИКС.

² ИКС. С. 393–394/401–402. Страницы, на которых напечатаны текст и перевод, указаны через косую черту.

³ ИКС. С. 397/406.

⁴ «Сага об Олаве Святом» по «Кругу земному», гл. 192: ИКС. С. 271/283; по «Красивой коже»: ИКС. С. 258/260.

в развернутом виде содержится лишь один, четвертый сюжет — о норвежском посольстве, прибывшем к Ярославу, чтобы отвезти Магнуса в Норвегию.

Первый сюжет объясняет причину приезда Магнуса на Русь в качестве воспитанника Ярослава: построенный Ярославом дворец был сопоставлен Ингигерд с жилищем Олава Харальдссона не в пользу первого, что вызвало ссору между супругами, и Ярослав, чтобы компенсировать нанесенную жене пощечину, вынужден был согласиться на поставленное Ингигерд условие — пригласить сына Олава на воспитание. Это условие ставило Ярослава в неловкое положение, поскольку считалось — и автор саги подчеркивает это обстоятельство, — что принимающий на воспитание ребенка по своему статусу ниже отца ребенка (что, впрочем, соответствовало действительности далеко не всегда).

Все остальные прозаические источники единодушны в том, что Магнус был привезен Олавом на Русь после бегства из Норвегии через Свеаланд, где он не рискнул оставлять своего единственного (хотя и незаконного) сына, и поручил его заботам Ярослава и Ингигерд, когда принял решение вернуться в Норвегию и бороться за владение ею. Вряд ли можно сомневаться в том, что именно таковой и была причина появления Магнуса на Руси — желание Олава сохранить жизнь своему наследнику. Эпизод же в «Гнилой коже» развивает широко распространенную в Исландии (и, вероятно, не только в ней) литературную «романтическую» традицию о любви Ингигерд и Олава Харальдссона, сватавшегося к ней до Ярослава⁵.

Второй эпизод рассказывает о пребывании малолетнего Магнуса на Руси и состоит из ряда традиционных «героических» мотивов, регулярно использовавшихся авторами саг при описании деятельности скандинава (особенно конунга) на Руси, в Византии и других странах⁶. В саге отмечаются успехи Магнуса в спорте и военных играх, подробно рассказывается об убийстве им на пиру своего обидчика, за что Ярослав выплачивает виру.

Третий и четвертый эпизоды тематически взаимосвязаны и посвящены событиям, обусловившим возвращение Магнуса в Норвегию.

⁵ Мельникова Е.А. Брак Ярослава и Ингигерд в древнескандинавской традиции: беллетризация исторического факта // XIII Всесоюзн. конф. по изучению... Скандинавских стран и Финляндии. Тезисы докладов. М.; Петрозаводск, 1997. С. 151–153; ИКС. С. 361–362.

⁶ Джаксон Т.Н. Исландские королевские саги как источник по истории Древней Руси и ее соседей. X–XIII вв. // Древнейшие государства на территории СССР. 1988–1989 гг. М., 1991. С. 70–79; Она же. Четыре норвежских конунга на Руси. Из истории русско-норвежских политических отношений последней трети X — первой половины XI в. М., 2000.

Именно они и вводятся цитированной в начале статьи фразой. Третий эпизод составляет рассказ о торговой поездке на Русь (*i Austrveg savpferþ*) двух норвежцев, Бьёрна и Карла, предпринятой несмотря на то, что «из-за заявлений конунга Свейна и конунга Ярицлейва и того немирья, которое существует между ними, это нельзя назвать безопасным»⁷. Прибыв в «большой торговый город», очевидно Ладогу, купцы подвергаются нападению местных жителей, как только те узнают в новоприбывших норвежцев. Карлу с трудом удается остановить их, апеллируя к возможному гневу Ярицлейва, к которому он и отправляется за разрешением торговать. Однако, узнав, что Карл норвежец, Ярицлейв велит заковать его в цепи и поутру казнить. Магнус просит Ярицлейва освободить Карла, так как «не скоро, думается мне, Норег станет моим, если начать убивать всех, кто оттуда родом»⁸. Ярицлейв соглашается с Магнусом и наутро в беседе с Карлом предлагает ему провести на Руси зиму с тем, чтобы весной «взять на себя некое трудное дело» и вернуться в Норвегию. Карл принимает предложение, и весной Ярицлейв дает Карлу деньги, которые Карл должен раздать «лендрманнам в Нореге и всем тем людям, у которых есть какое-нибудь влияние и которые хотят быть друзьями Магнуса, сына Олава»⁹. По прибытии в Норвегию Бьёрн и Карл начинают переговоры с наиболее знатными и влиятельными людьми, прежде всего теми, кто был обижен на Кнута Великого, не выполнившего свои обещания. Через некоторое время Бьёрн «тайно» едет к Ярицлейву доложить о достигнутых успехах, тогда как Карл, приехавший, видимо, в Тронхейм, схвачен людьми Свейна и должен быть казнен, но ему удается бежать и вместе с одним из лендрманнов, перешедших на сторону Магнуса, он также уезжает на Русь.

Четвертый эпизод, представленный с разной степенью полноты во всех сводах королевских саг, посвящен норвежскому посольству на Русь. Воспользовавшись отъездом Свейна на юг, жители Трёндалёга собирают тинг, «и показалось им теперь, что лучше всего было бы возместить теперь его (Олава. — *Е. М.*) сыну то, что они ему самому сделали во зло»¹⁰. Чтобы «возместить зло», т. е. избрать конунгом Норвегии Магнуса Олавссона, снаряжается посольство во главе с самым влиятельным из лендрманнов, Эйнараром Брюхотрясом (к нему первому обратились Бьёрн и Карл по приезде в Норвегию), которое приезжает к Ярицлейву, приносит клятву с 12 соприсяжниками

⁷ ИКС. С. 394/401.

⁸ ИКС. С. 394/402.

⁹ ИКС. С. 395/403.

¹⁰ ИКС. С. 396/404.

(наивысшая форма клятвы¹¹) хранить верность Магнусу и вместе с ним возвращается в Норвегию (с отъезда Магнуса из Руси начинается «Сага о Магнусе Добром» в «Круге земном»).

Третий и четвертый сюжеты отличаются от предшествующих двух отсутствием традиционных мотивов и стереотипных ситуаций и образов, что может говорить в пользу достоверности если не конкретных деталей, то самого упомянутого события. Однако если достоверность рассказа о посольстве не подвергается сомнению, то история Бьёрна и Карла — особенно их «вербовка» Ярославом для подготовки почвы к возвращению Магнуса и подкупа норвежских лендрманнов — априорно считается невероятной и, соответственно, вымыслом автора «Гнилой кожи». Представляется, тем не менее, что более внимательный анализ этих сюжетов говорит против этого мнения.

Поездка Бьёрна и Карла образует на первый взгляд более или менее законченный сюжет, стилистически несколько отличающийся от остального повествования, что дало основание определить эту часть саги как отдельную прядь — «Прядь о Карле Несчастном», вознившую независимо от «Саги о Магнусе Добром» и включенную в сагу при ее редактировании¹². Однако, как отметил Т.М. Андерссон, «Гнилая кожа» — целостное произведение, которое изначально включало значительное число прядей, и потому повествование о Карле и Бьёрне, если такая прядь когда-либо существовала самостоятельно, могло быть включено уже в древнейшую редакцию саги о Магнусе. Однако рассказ о Бьёрне и Карле не имеет характерных признаков пряди¹³ и, по мнению Т.М. Андерссона, является органической частью основного текста¹⁴. К аргументации Т.М. Андерссона надо добавить, что третий сюжет не является самодостаточным и законченным: он обретает завершенность только при его соединении с четвертым сюжетом. Оба эпизода объединяет общая тема возвращения Магнуса в Норвегию, причем не только тематически, но и сюжетно. Именно приезд этих двух норвежцев на Русь открывает цепь событий, приведших к возвращению Магнуса: выполняя обещание Ярославу и получив от него деньги, они, приехав домой, начинают переговоры со знатными норвежцами, в том числе с обиженными Свейном Эйнараром

¹¹ ИКС. С. 413.

¹² *Inderbo G. Nokre merknader til den norrøne kongesoga // Ariv för nordisk filologi. 1938–1939. B. 54. S. 58–79; Louis-Jensen J. Kongesagastudier: Kompilationen Hulda-Hrokkinskinna (Bibliotheca Arnemagnæana. Vol. XXXII). København, 1977. S. 79–82.*

¹³ См. о прядях: *Гуревич Е.А. Древнескандинавская новелла: поэтика «прядей об исландцах»*. М., 2004.

¹⁴ *Andersson Th.M. The Unity of Morkinskinna // Sagas and the Norwegian Experience. 10th International Saga Conference. Preprints. Trondheim, 1997. P. 1–10; ИКС. С. 47–48.*

Брюхотрясом и Кальвом Арнасоном, убеждая их в выгодах возвращения Магнуса. Представляется поэтому, что рассказ о поездке Карла и Бьёрна и их участии в возвращении Магнуса является не отдельной прядью, включенной в «Гнилую кожу» либо при ее редактировании в 1220-е гг., либо вообще при ее переписке ок. 1275 г., а органической частью устной исторической традиции о Магнусе Добром.

Однако насколько может быть достоверна эта традиция, а соответственно и информация о политических отношениях Руси и Норвегии после смерти Олава Харальдссона, о русско-норвежской торговле в 1020-е — 1035 г. и об активном участии Ярослава Мудрого в установлении власти в Норвегии сына Олава Харальдссона?

Úfriðr между Свейном и Ярицлейвом

«Теперь немирье (*vfriþr*) между Свейном Альвивусоном и конунгом Ярицлейвом, потому что конунг Ярицлейв полагал, что норвежцы повели себя недостойно по отношению к святому конунгу Олаву, и некоторое время не было между ними торгового мира (*cavpfríþr*)», — так начинается третий эпизод рассказа о пребывании Магнуса на Руси. Этот же зачин в рукописи «Хульда» читается более подробно: «После гибели конунга Олава Святого случилось большое немирье между конунгом Ярицлейвом и Свейном Альвивусоном, который был тогда конунгом над Норегом, потому что конунг Ярицлейв полагал, что норвежцы повели себя недостойно по отношению к конунгу Олаву; не было тогда торгового мира между ними, поэтому каждый убивал людей другого, как только они встречались вместе»¹⁵. И далее на протяжении всего рассказа о поездке Карла и Бьёрна на Русь неоднократно упоминается отсутствие «мира» как в форме авторских замечаний, так и в описаниях событий, вызванных к жизни сложившейся ситуацией.

Отношения между Свейном и Ярицлейвом автор саги характеризует словом *úfriðr*, антонимом к *friðr*, значение которого широко и охватывает как мир вообще, т.е. состояние общественного спокойствия, отсутствия войны и крупных конфликтов (ср., например, прозвище одного из первых Инглингов — *Frið-Fróði*, при котором не было войн и царили порядок и благоденствие), так и устанавливаемый верховной или местной властью на определенное время и на определенном пространстве и регулируемый рядом условий общественный порядок, а также договор, определяющий этот порядок¹⁶. Как показы-

¹⁵ ИКС. С. 393–394/401.

¹⁶ См.: *Fell Chr. Unfriðr: an Approach to a Definition // Saga-Book of the Viking Society for Northern Research. 1982–1985. Vol. XXI. P. 85–100*: автор делает основной упор на регулируемость «мира-договора». Более взвешенную позицию занимает Н. Лунд: *Lund N. Peace and Non-Peace in the Viking Age — Ottar in Bjarmaland*,

вает большое количество древнескандинавских и древнеанглийских узусов, эти значения зачастую пересекаются, и установить, какое из них доминирует, подчас затруднительно.

Близко по значению к *friðr* слово *gríð*, в котором, однако, в большей степени проявляется договорной, регламентированный характер «мира» (первое словарное значение — «перемирие, договор о перемирии»¹⁷). Это слово употреблено для обозначения мира, данного Ярицлейвом Карлу: «...и так хочет Магнус, сын конунга, чтобы тебе был дан мир (*gríð*)»¹⁸. Поскольку в данном случае речь о прекращении военных действий не идет, употребление слова *gríð*, видимо, должно подчеркнуть, что мир дается определенному человеку (группе людей) на некоторое время и действует на определенной территории.

Соответственно отсутствие мира (*úfriðr*) предполагает войну или вражду между сторонами. В контексте рассматриваемого повествования *úfriðr* не соотносится с военными действиями, а характеризует враждебные отношения между сторонами, причем введенные, как можно полагать, в одностороннем порядке Ярославом Мудрым.

Одновременно автор саги подчеркивает отсутствие *kaupfriðr* «торгового мира», проводя различие между «миром» вообще и «торговым миром» в частности. Термин *kaupfriðr* встречается в сагах неоднократно. Из контекстов его употребления следует, что торговый мир устанавливается конунгом или местным правителем. Он дается на оговоренный срок и может распространяться на всех купцов из какой-либо страны или лишь на некоторых лиц. Давая торговый мир, конунг гарантирует безопасность купцов и их товаров. Действие торгового мира распространяется, видимо, либо на определенную область, либо на торговый город¹⁹. Таким образом, введение *kaupfriðr* является государственной акцией с целью обеспечить безопасность купцов и их товаров, а также зафиксировать (и тем самым ограничить?) места возможной торговли²⁰.

the Rus in Byzantium, and Danes and Norwegians in England // Proceedings of the Tenth Viking Congress / Ed. J.E. Knirk. Oslo, 1987. S. 255–269.

¹⁷ Cleasby R., Vigfusson G. The Icelandic-English Dictionary. Oxford, 1975. P. 214–215.

¹⁸ ИКС. С. 395/402.

¹⁹ См., например: Легендарная сага об Олаве Святом, гл. 53; Сага о Хаконе Добром, гл. 12; Сага об Олаве Святом в «Круге земном», гл. 133, 137; Сага о Кнютлингах, гл. 70.

²⁰ Ср. «мир» новгородских договоров с немецкими городами и о Готланд конца XII — XIII в.

Заявление автора об отсутствии мира между Свейном и Ярославом резко отличается от огромного количества «русских известий» в сагах. Общая оценка политической ситуации в странах за пределами Скандинавии почти не встречается в королевских или родовых сагах. Не интересовали авторов саг ни политическая ситуация на Руси, ни отношения Руси с какой-либо скандинавской страной, Швецией ли, Норвегией или Данией. Поездки скандинавов на Русь и в восточную Прибалтику всегда изображались частными предприятиями, организованными и выполняемыми на личной основе без вмешательства властей²¹.

Единственный другой случай описания политической ситуации на Руси представлен в «Саге об Эймунде». Решение Эймунда отправиться на Русь и служить Ярославу мотивировано борьбой сыновей Владимира после его смерти, обстоятельства которой описаны довольно подробно. Этот политический «обзор», довольно точный по существу, хотя и содержащий ряд неточностей (например, путаница с именами Владимировичей)²², был уместен в саге, рассказывающей о викинге, который участвовал во всех этих событиях, извлекая выгоду из конфликта интересов русских князей. Однако это описание не имеет отношения к международным связям Руси — поездка Эймунда была его личным делом, не затрагивавшим интересы правителя Норвегии Олава Харальдссона.

В «Саге о Магнусе Добром и Харальде Суровом Правителе», напротив, ситуация изображается как межгосударственная: «немирье» (*úfriðr*)²³ существует между правителями двух стран, Руси и Норвегии, и его последствия распространяются на всех норвежцев, подданных Свейна Альвивусона. Инициатором «немирья», по саге, является Ярицлейв, и именно на подвластной ему территории осуществляются гонения на норвежцев. Автор «Хульды» полагает, что «немирье» сопровождалось подобными же акциями против русских: «каждый убивал людей другого, как только они встречались вместе». Однако никаких свидетельств о плаваниях русских купцов в Норвегию (как, впрочем, и в более близкую Швецию, и на Готланд) в начале XI в. не имеется. Главным местом возможных столкновений русских и норвежцев был север Восточной Европы — Кольский п-ов, Беломорье, Подвинье — Бьярмаланд скандинавских источников²⁴. С конца IX в.

²¹ Исключение составляют случаи, когда норвежские конунги сами посылают купцов, иногда входя с ними в партнерские соглашения, за предметами роскоши на Русь.

²² ИКС. С. 295–296/308.

²³ О понятии *friðr* см.: Lund N. Peace and Non-Peace in the Viking. S. 255–260.

²⁴ Историографию и возможные локализации Бьярмаланда см.: ИКС. С. 639–641.

появляются сообщения о плаваниях сюда скандинавов, в XI в. начинается новгородская колонизация этой территории. Однако ни один из рассказов о поездках в Бьярмаланд не содержит упоминаний о столкновениях с новгородцами: противниками героев этих рассказов могут быть бьярмы или другие отряды скандинавов. Конфликты с новгородцами начинаются существенно позже, видимо только в XIII в., и связаны прежде всего с обложением данью местного населения²⁵. Не исключено поэтому, что автор саги привнес — для полноты и законченности описания — реалию своего собственного времени.

Причина «немирья» четко сформулирована автором саги: это месть Ярицлейва норвежцам за их выступление против Олава Харальдссона. Как явствует из самого факта бегства Олава с малолетним наследником на Русь, отношения между ним и Ярославом были вполне дружественными. Неприятие Ярославом нового, датского правителя Норвегии отчетливо выразилось в том, что на Русь приходят и находят здесь прибежище преследуемые датскими властями сторонники Олава после его гибели 30 июля 1030 г., в том числе его сводный брат Харальд Сигурдарсон. Поэтому указанная в саге причина «немирья» представляется вероятной и может рассматриваться как продолжение политики Ярослава на Балтике предшествующего времени²⁶. При этом «месть» Ярицлейва носит не индивидуализированный (тем самым норвежцам, которые участвовали в изгнании Олава), а генерализированный характер: отсутствует мир Ярицлейва не с конкретными норвежцами, а с их правителем — Свейном, персонифицирующим страну, и на Руси преследуются все и любые норвежцы. Тем самым автор саги рассматривает «немирье» как конфликт на межгосударственном уровне, а отсутствие «торгового мира» — как одно из его проявлений.

Торговый договор между Ярославом и Олавом Харальдссоном²⁷

Состояние «немирья», декларированное вначале, раскрывается далее в саге литературными способами: описанием обращения Ярицлейва с Карлом после его прибытия ко двору князя, речами

²⁵ См. сообщение в «Саге о Хаконе Хаконарсоне»: ИКС. С. 529/531–532, 537–538.

²⁶ Мельникова Е.А. Балтийская политика Ярослава Мудрого // Ярослав Мудрый и его эпоха / Отв. ред. И.Н. Данилевский, Е.А. Мельникова. М., 2008. С. 78–133.

²⁷ См. подробнее: Мельникова Е.А. «Торговый мир» Руси и Норвегии 1024–1028 гг. // Восточная Европа в древности и средневековье. Чтения памяти чл.-корр. АН СССР В.Т. Пашуто. М., 1997. 35–41; Melnikova E. Þar var eigi kaupfríðr imilli Sveins ok Jarizleifs: A Russian-Norwegian Trade Treaty Concluded in 1024–1028? // Archiv und Geschichte im Ostseeraum. Festschrift für Sten Körner. Kiel, 1997. S. 15–24.

Ярицлейва и Магнуса. Другим проявлением «немирья» было приостановление торговли. Автор саги неоднократно подчеркивает отсутствие торгового мира (*kaupfriðr*) на протяжении некоторого времени (*noccora stvnd*). Это единственный случай, насколько мне известно, упоминания в сагах разрыва торговых отношений между Русью и скандинавскими странами. Торговые поездки на Русь, как и все другие, представлены в сагах частными предприятиями, даже если конунг и участвует в партнерстве (*félag*) своими деньгами. Успех или неудача купца поэтому всегда зависят от его собственных возможностей и удачи. В рассматриваемом же случае подчеркивается официальный статус разрыва торговых отношений. Прерван торговый мир между Свейном и Ярославом, т.е. между двумя государствами, правителями которых они являются. Как и *úfriðr*, отсутствие *kaupfriðr* рассматривается автором саги как государственное действие, причем введенное Ярославом в одностороннем порядке. В контексте действительного ухудшения политических отношений с «датской» Норвегией запрещение торговли с ней представляется вполне вероятным, тем более что временная приостановка новгородскими властями торговых отношений с конкретным партнером была довольно обычной практикой, во всяком случае в XII в. Под 1188 г. Новгородская первая летопись рассказывает о конфликте новгородцев и немцев на Готланде (в Висбю?), который привел к прекращению торговых операций. Русские купцы не получили разрешения плыть в заморье, а немцы покинули Новгород «без мира» и сопровождающих лиц, т.е. без гарантий целостности их имущества, да и их личной безопасности²⁸.

Однако, как говорилось в начале статьи, подчеркивание отсутствия торгового мира было бы бессмысленным, если бы таковой мир не был заключен между правителями Норвегии и Руси в какое-то время до 1028 г. Нет специальных оснований полагать, что подобный мир появился до времен Ярослава: главным приоритетом внешней политики Владимира, насколько можно судить по крайне скудным известиям летописей, была Византия. Напротив, Ярослав проводил чрезвычайно активную политику на Балтике, и заключение торговых соглашений, ставящих интенсивную торговлю с северными партнерами под государственный контроль, было бы вполне в русле этой политики. Однако время, когда такой договор именно с Норвегией мог

²⁸ Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов // Под ред. А.Н. Насонова. М., 2000. 2-е изд. С. 39, 229–230. Об интерпретации этого сообщения см.: Рыбина Е.А. Иноземные дворы в Новгороде XII–XVII вв. М., 1986. С. 27–29; Lind J. Varæger, nemtser og novgoroder år 1188. Hvor var Choruzek og Novotorzec? // Historisk tidsskrift for Finland. 1981. S. 145–177; Линд Дж. Загадочная статья Новгородской первой летописи. Что случилось в 1188 году? // Архив русской истории. 1994. Вып. 4. С. 191–206.

быть заключен, ограниченно. Соглашение с Олавом Харальдссоном было невозможно, когда Ярослав поддерживал дружеские отношения с Кнудом Великим и Олавом Шётконунгом — противниками Олава норвежского. Связи Ярослава с Норвегией могли установиться только после смерти Олава Шётконунга (ок. 1020 г.), воцарения его сына Анунда-Якоба (1022), примирения последнего с Олавом Харальдссоном и разрыва с Кнудом. Поражение Олава в 1028 г. и его бегство на Русь определяет *terminus ante quem*.

Точное время присоединения Ярослава к шведско-норвежскому союзу против Кнута неизвестно, но можно предположить наиболее вероятный для этого момент. 1023–1024 гг. были тревожными для положения Ярослава: в 1023 г. Мстислав Владимирович воспользовался пребыванием Ярослава в Новгороде и попытался захватить Киев; собрав войско, Ярослав на следующий год пришел на юг и встретился с Мстиславом у Листвена; потерпев поражение, он вернулся в Новгород, где провел следующие два года. Только в 1026 г. по предложению Мстислава сферы влияния князей были разграничены, и Ярослав переехал в Киев. Таким образом, наиболее подходящим временем для заключения договора с Норвегией был период между 1024 и 1026 гг., когда Ярослав постоянно находился в Новгороде. Укрепляя свое политическое и экономическое положение, Ярослав мог именно в это время пересмотреть свои связи со Скандинавскими странами и, продолжая традицию своих многообразных связей со Швецией, включая брак с Ингигерд, присоединиться к ее альянсу с Норвегией (против Дании). Таким образом, наиболее вероятным временем заключения русско-норвежского торгового договора являются 1024–1026 гг.

Отсутствие текста договора не позволяет полностью восстановить его содержание, однако саговое повествование дает основание для некоторых предположений. Сам термин *kaupfriðr*, соответствующий др.-рус. *торговьи мирь* и также обозначающий и состояние торгового мира, и торговый договор, подразумевал прежде всего свободу торговли иностранных купцов в определенных договором местах и гарантии их личной безопасности и сохранности их товаров. Именно отсутствие обусловленной договором безопасности купцов подчеркивается в саге: жители «большого торгового города» (Ладоги) намереваются расправиться с норвежскими купцами и отобрать их товары. О запрете торговли именно с Норвегией, а не об общей приостановке торговой деятельности в Новгороде говорит упоминание саги о том, что жители города проявили враждебность лишь после того, как узнали, что Карл и Бьёрн норвежцы. Как и в 1188 г., акция властей была направлена только против одного из партнеров. Запрет на торговлю распространялся, очевидно, не только на крупные транзакции, но и на мелкие покупки: по рассказу саги, норвежцы не могли «купить себе всего необходимого».

Возможно, что договор содержал также статьи, определявшие компенсации за убийство купца, нанесение ему увечий, повреждение имущества и т. п. Включение такой группы статей в древнейший торговый договор Руси предполагает А.Л. Хорошкевич²⁹, сопоставляя его с Русской Правдой Ярослава и исходя из содержания первого сохранившегося договора, датируемого 1191/92 г.³⁰

Таким образом, представляется вероятным, что между 1024 и 1026 (или 1028) гг. между Ярославом Мудрым и Олавом Харальдссоном был заключен торговый мир, который обеспечивал свободу и безопасность проезда к месту торговли, самой торговли и гарантировал личную неприкосновенность купцов и сохранность их товаров. Обеспечение регулярной торговли было выгодно Новгороду, но в еще большей степени оно было важно для Норвегии. Притязания на власть в Норвегии датского и английского короля Кнута Великого существенно осложнили возможности торговли норвежцев в Англии — главном рынке сбыта норвежских товаров. Единственным открытым для норвежских купцов путем был путь на восток в Балтийское море, и Новгород, крупнейший центр балтийской торговли, не мог не рассматриваться как выгодный торговый партнер. Не случайно «Сага об Олаве Святом» содержит целый ряд упоминаний о торговых поездках норвежцев на Русь, в части из которых Олав принимал участие деньгами в качестве компаньона-складника (*félagi*).

Практика договорного регулирования торговли вообще была не чужда Олаву. В двух рукописях исландского суддебника «Серый Гусь» сохранился текст договора Олава, определявшего права, в том числе имущественные, исландцев в Норвегии, порядок выплаты и размер пошлин и т.п.³¹

Содействие Ярослава возвращению Магнуса в Норвегию

Рассматривая сообщение о помощи Ярослава в утверждении власти Магнуса в Норвегии, Е.А. Рыдзевская полностью отказала ему в достоверности, исходя из общих представлений о русско-скандинавских отношениях эпохи Ярослава Мудрого: «...исследователями

²⁹ *Horoszkiewicz A.L.* Zagadkowe okoliczności powstania kopii najdawniejszych umów Nowogrodu z Gotlandią niemcami z końca XII i z połowy XIII wieku // *Balticum. Studia z dziejów polityki, gospodarki, kultury XII–XVII wieku.* Toruń, 1992. S. 105–111; *Khoroschkevitsch A.L.* Der Ostseehandel und der deutsch-russisch-gotländische Vertrag 1191/1192 // *Der Hansische Sonderweg? Beiträge zur Social- und Wirtschaftsgeschichte der Hanse.* Köln; Weimar; Wien, 1993.

³⁰ Грамоты Великого Новгорода и Пскова / Под ред. С.Н. Валка. М.; Л., 1949. С. 55. См. о нем: *Рыбина Е.А.* Иноземные дворы... С. 27–31.

³¹ Grågås // *Norske middelalder documenter / Utg. ved S. Bagege, S. Holstad Smedsdal, K. Helle.* Bergen; Oslo; Tromsø, 1973. S. 12–15.

саг давно установлено, что именно вмешательство Ярослава — вымысел составителя *Morkinskinna*. Обстоятельство, что такая роль была приписана русскому князю, конечно, далеко не лишено интереса и значения, но это все-таки не исторический факт»³². Мнение Е.А. Рыдзевской на долгое время определило игнорирование этого рассказа в отечественной историографии. Однако последние исследования русско-скандинавских отношений в 1015–1020-х гг. показали, что Ярослав Мудрый проводил чрезвычайно активную политику на Балтике и, вступая в альянсы то с одними скандинавскими странами, то с другими, преследовал при этом собственные, часто связанные с внутривосточной обстановкой цели³³. Достаточно упомянуть, что во второй половине 1010-х гг. Ярослав, вероятно, присоединился к датско-шведской коалиции, направленной против норвежского конунга Олава Харальдссона: в 1018 или 1019 г. он женил своего сына Илью на сестре Кнута Великого Эстрид³⁴, и сам в 1019 г. взял в жены Ингигерд, дочь Олава Шётконунга, получив военную помощь в борьбе против Святополка и польского короля Болеслава за киевский стол. Распад шведско-датского союза после 1020 г. и последовавшая агрессия Кнута против Норвегии и Швеции вызвали перегруппировку сил — объединение Швеции и Норвегии против Дании; после бегства Святополка перестал нуждаться в датской помощи и Ярослав, что привело к радикальному улучшению его отношений с Норвегией — настолько, что в 1029 г. Олав Харальдссон бежит к Ярославу и получает от него помощь. Антидатская позиция Ярослава, направленная прежде всего против датского наместника в Норвегии, после гибели Олава в 1030 г. отчетливо проявляется в приеме сводного брата Олава Харальда Сигурдарсона, бежавшего в 1031 г. на Русь, где он провел несколько лет, затем около 10 лет служил в Византии, по пути домой женился на Елизавете Ярославне и в 1046 г. разделил норвежский трон с Магнусом. В этом контексте стремление Ярослава посадить на норвежский трон сына Олава, своего воспитанника, выглядит естественным продолжением его предшествующей политики на Балтике — стремлением восстановить и углубить связи с Норвегией.

Согласно «Саге о Магнусе» по «Гнилой коже», помощь Ярослава Магнусу была оказана в двух формах. Во-первых, Ярослав, видимо, принял участие в снаряжении Магнуса при его возвращении в Норвегию. Во-вторых, он использовал норвежских купцов, Карла и

³² Рыдзевская Е.А. Древняя Русь и Скандинавия в IX–XIV вв. М., 1978. С. 227 и примеч. 237.

³³ Мельникова Е.А. Балтийская политика Ярослава Мудрого.

³⁴ Назаренко А.В. О русско-датском союзе в первой четверти XI в. // Древнейшие государства на территории СССР. 1990 год. М., 1991. С. 167–189.

Бьёрна, в качестве своих агентов для подкупа влиятельных людей в Норвегии, чтобы привлечь их на сторону Магнуса.

Оказание помощи Магнусу при его возвращении в Норвегию — далеко не единственный подобный случай. Так, несколькими годами ранее Ярослав «предлагает [Олаву] всю ту помощь в подготовке к поездке, какую он хотел бы от них получить», снаряжает отряд Олава, состоящий из 200 человек, и дает «им всем вьючных животных и то снаряжение, в котором они нуждались»³⁵. Аналогичным образом Владимир Святославич помогает снарядить корабли Олаву Трюггвасону. Таким образом, сообщение об активном участии Ярослава в снаряжении Магнуса вряд ли следует приписывать фантазии автора саги, тем более что упоминания об этом, как кажется, имеются в скальдических поэмах, посвященных Магнусу. Автор «Гнилой кожи» цитирует «Драпу о Магнусе» Арнора Скальда Ярлов, который говорит о том, что Магнус «снарядил великолепный боевой корабль из Гардов» и «созвал мужей в поход. Смелая дружина воина отправилась в боевом снаряжении на корабли», а в поэме «Хрюнхенда» он же упоминает корабль Магнуса с «гардской оснасткой» (*skeiðarhúf með girzku skrúði*), на котором Магнус приплыл в Свитьод, и о «приведенных с востока людях, призванных для славных дел, с белыми щитами и с заостренными копьями»³⁶. Хотя посольство прибыло к Ярославу на своих кораблях и на них же мог быть увезен Магнус, Арнор неоднократно подчеркивает наличие у Магнуса своего корабля «с гардской оснасткой», вероятно имея в виду, что Магнус получил корабль в дар от своего приемного отца³⁷. Также и упоминание дружины Магнуса, собранной «на востоке», очевидно свидетельствует об участии Ярослава в экипировке «приведенных с востока людей», если не о найме их на службу Магнусу. Распространенность подобной практики вкупе с замечаниями Арнора, как кажется, дают достаточно оснований полагать, что Ярослав действительно принял участие в снабжении Магнуса собственным кораблем и отрядом воинов при его возвращении в Норвегию.

Вряд ли заслуживает априорного отказа в достоверности и рассказ о подкупе Ярославом норвежских лендрманнов. Норвежские купцы по предложению Ярицлейва проводят у него зиму. «И когда наступает весна, случилось однажды, что конунг и Карл беседовали вдвоем. Тогда говорит конунг Карлу: “Вот деньги, — говорит он, — которые ты должен взять с собой... Ты должен раздать эти деньги

³⁵ ИКС. С. 271/283.

³⁶ ИКС. С. 398/406.

³⁷ Наделение сына, как родного, так и приемного, кораблем при достижении им юношеского возраста было нормой для скандинавской знати и богатых бондов.

лендрманнам в Нореге и всем тем людям, у которых есть какое-нибудь влияние и которые хотят быть друзьями Магнуса, сына Олава»³⁸. Это сообщение действительно уникально, но практика подкупа влиятельных людей была широко распространена, и подобные ситуации нередко описываются в сагах. Так, каждый избираемый на тингах конунг, вплоть до Олава Харальдссона включительно, давал обещания собравшимся сохранить их земельные владения, а также свободы и традиционные порядки, привлекая тем самым бондов на свою сторону. Использовался и прямой подкуп, в том числе Кнудом Великим в его борьбе с Олавом Харальдссоном. В «Саге об Олаве Святом» по «Кругу земному» дважды рассказывается о «покупке» Кнудом «друзей»-норвежцев с помощью своих агентов. «Разведчики Кнута конунга постоянно находились в войске Олава конунга. Они заводили разговоры со многими, предлагали им стать друзьями Кнута конунга и давали деньги. Многие поддавались на их уговоры и обещали стать людьми Кнута конунга и помочь ему захватить страну, если он придет в Норвегию. Сначала все это оставалось в тайне, но потом многие были разоблачены. Одни уже тогда взяли деньги, другим деньги обещали. Много было среди них и тех, кто и раньше получал богатые подарки в знак дружбы от Кнута конунга»³⁹. Подготовка к вторжению в Норвегию велась Кнудом больше года, и на всех ее этапах подкуп играл важную роль, обеспечивая Кнуду поддержку внутри страны: «с Эрлингом на север, в Норвегию, отправились люди Кнута конунга. У них было с собой много денег. Зимой они разъезжали по всей стране и раздавали деньги тем, кому Кнут конунг обещал их осенью за помощь. Они раздавали деньги и многим другим, и за деньги те становились друзьями Кнуду конунгу»⁴⁰.

Таким образом, в рассказе «Гнилой кожи» нет ничего экстраординарного: Ярицлейв прибегает ровно к тем же средствам обеспечить поддержку своему воспитаннику, что и Кнут, когда ему потребовалось привлечь на свою сторону норвежскую знать. Надо отметить, что, согласно «Саге об Олаве Святом» по «Кругу земному» и «Саге о Магнусе» по «Гнилой коже», одни и те же люди получали деньги и от Кнута (и участвовали в свержении Олава), и от Ярицлейва (и участвовали в возведении на трон Магнуса): к ним прежде всего принадлежал самый влиятельный из лендрманнов Норвегии того времени Эйнар Брюхотряс. Правда, и он, и Кальв Арнасон остались не удовлетворены, согласно Снорри Стурлусону, наградами Кнута и потому перешли на сторону Магнуса.

³⁸ ИКС. С. 395/403.

³⁹ Сага об Олаве Святом, гл. CLVI // Снорри Стурлусон. Круг Земной. С. 317.

⁴⁰ Сага об Олаве Святом, гл. CLXI // Там же. С. 320.

Заключение

Рассказ «Саги о Магнусе Добром и Харальде Суровом Правителе» по рукописи «Гнилая кожа» о торговой поездке норвежцев на Русь в условиях немирья между Свейном Альвивусоном и Ярославом Мудрым и использовании их Ярославом с целью вернуть Магнуса на норвежский трон, как представляется, не заслуживает того, чтобы априорно рассматривать его как вымысел составителя саги. Отсутствие возможности верифицировать содержащуюся в нем информацию, равно как и ее наличие только в одной из редакций саги, не может являться основанием для признания ее недостоверной. Как заключение торгового мира с Олавом Харальдссоном, так и участие Ярослава в привлечении норвежской знати на сторону Магнуса и в снаряжении Магнуса при его отъезде из Руси полностью вписываются в распространенную в начале XI в. политическую практику. Значительно вероятнее, что этот рассказ отражает устную нарративную традицию о пребывании Магнуса Олавссона на Руси, которая была основана на воспоминаниях о действительно происходивших событиях и — по крайней мере частично — поддерживалась скальдическими стихами.

О новгородских «вольностях в князьях»

DOI 10.31168/91674-483-5.8

Явление, выраженное формулой «вольности в князьях», согласно отечественной историографической традиции, считается эксклюзивной особенностью государственного строя Новгорода. При этом не как составной части Древнерусского государства, но как отдельного образования. По мнению В.Л. Янина, внесшего наибольший вклад в изучение новгородских древностей и его социальной истории, неверно было бы включать Новгород в число древнерусских княжеств, как это было сделано в одном из коллективных сборников¹.

Правда, немногим ниже и в том же блестящем исследовании «главного института политической власти новгородского боярства» В.Л. Янин высказал и другую мысль, представляющуюся более справедливой, — что новгородская государственность была чисто русским явлением — одним из вариантов феодального государства, вызванного к жизни теми же историческими закономерностями, которые действовали повсюду на территории раздробленной Русской земли².

По существу, до 30-х гг. XII в. Новгород находился в тесной и неразрывной политической связи с Киевом, являясь его органическим продолжением. После этого рубежа и до разгрома Руси монголо-татарскими ордами в 40-е гг. XIII в. постоянно пребывал в сфере интересов великих киевских и владими́ро-суздальских князей.

¹ Речь идет о книге «Древнерусские княжества X–XIII вв.», изданной в Москве в 1975 г.

² Янин В.Л. Новгородские посадники. М., 2003. С. 7–8.

Главная причина частой сменяемости князей на новгородском столе заключена не в какой-то особой свободоловности боярской знати города и земли, а в особом наследственном их статусе. В этом смысле Новгород очень близок к Киеву. Оба эти центра стояли у истоков Древнерусского государства и оба, на протяжении всего домонгольского периода, являлись важнейшими его семейно-родовыми скрепами. И тот, и другой не превратились в наследственные вотчины каких-либо семейных ветвей Рюриковичей, но рассматривались ими как их общединастическое наследие.

В подтверждение сказанного приведу лишь два примера отношения князей к Киеву и Новгороду. На заявление великого киевского князя Ярослава Изяславича — «Чему тобѣ наша отчина? Тобѣ си сторона не надобѣ» — черниговский князь Святослав Всеволодович ответил: «Я не угринь, ни ляхъ, но одного дѣда есмы внуци, а колико тебѣ до него, толико и мнѣ»³. Приглашенный на новгородский стол, Мстислав Ростиславич вначале отказался на том основании, что не может уйти из своей отчины. Но братья его уговорили, объяснив, что Новгород тоже их отчина. «Но понудиша и (его. — П. Т.) братья своя, и мужи свои, рекучи ему: “Брате! Аже зовуть тя съ честию, иди; а тамо ци не наша отчина”»⁴.

Новгородцы, действительно, нередко изгоняли неугодных им князей. По летописной терминологии, показывали путь от себя. Но точно так же вели себя и киевляне. Когда в 1149 г. к Киеву подошли полки Юрия Долгорукого и его союзников, киевляне отказали Изяславу Мстиславичу и его брату Ростиславу в поддержке, заявив: «Поѣдита въ свои волости; а вы вѣдаета оже намъ съ Гюргемъ не ужити: аже по сихъ днешъ кде узримъ стягы ваю, ту мы готовы ваю есмы... Изяславъ же, обратився, с женою и дѣтьми поѣха Володимирю»⁵. Еще раз киевляне, вместе с черными клобуками, отказали в поддержке Изяславу Мстиславичу в 1150 г. «Кияне начаша стужати ему, рекуче: “Поѣди, княже, прочь”»⁶. В таком же положении оказывались и другие великие киевские князья. Вернувшись в Киев после ухода из него Святослава Всеволодовича, князя черниговского, Ярослав Изяславич, как пишет летописец в статье 1174 г., «на гнѣвъѣхъ замысли тяготу кыянномъ, река: “подъвели есте вы на мя Святослава”»⁷.

³ Полное собрание русских летописей. М.; Л., 1962. Т. 2. Ипатьевская летопись. Стб. 578.

⁴ Там же. Стб. 607.

⁵ Там же. Стб. 383.

⁶ Там же. Стб. 401.

⁷ Там же. Стб. 579.

Аналогичные случаи имели место и в других княжествах, во Владимиро-Суздальском, Смоленском, Галицком. В 1175 г. владимирцы, осажденные ростовцами, заявили своему князю Михаилу Всеволодовичу: «Мирися, любо промыслиа собѣ», онъ же... поѣха в Русь»⁸. В том же году такая участь постигла и смоленского князя Ярополка Романовича: «Того же лѣта смольнянѣ выгнаша от себе Романовича Ярополка, а Ростиславича Мстислава въведоша Смоленську княжить»⁹. «Безбожные» галичане неоднократно сажали малолетнего Данила Романовича на галицком столе и изгоняли его оттуда. При очередном их предательстве, рассказанном в статье 1235 г. Ипатьевской летописи, они заявили князю: «“Не погуби себя, поиди прочь”». Данилови увѣдавшоу крамолу ихъ изииде»¹⁰.

Длительное время считалось, что начало принципа «вольности в князьях» восходит к событиям 1136 г., когда новгородцы, обиженные «предательством» Всеволода Мстиславича, искушенного великим киевским князем Ярополком Владимировичем переяславским столом, отказали ему в возвращении на княжеский стол Новгорода. Более того, арестовали и заключили вместе с семьей в епископском дворе. Отпустили только тогда, когда в Новгород прибыл новый князь Святослав Ольгович, ими же и приглашенный. Согласно В.Л. Янину, в 1136 г. имело место окончательное торжество принципа «вольности в князьях», выразившееся в приглашении князя не из Киева и не Мономаховича, но черниговского Ольговича. В реальной жизни право новгородцев выбирать себе князя, не сообразуясь с волей Киева, будто бы определилось уже в 1117 г., когда, в связи с уходом Мстислава Владимировича на белгородский стол, новгородским князем стал его сын Всеволод¹¹. Считается, что инициатива замещения княжеского стола принадлежала новгородцам и что условия его были оговорены в специальном договоре с Всеволодом.

Ссылки на ранние ряды-договоры, согласно которым князья занимали новгородский стол, в исторической литературе по Новгороду столь же постоянны, как и сетования на то, что они не дошли до нашего времени. Некоторые основания для подобных утверждений как будто дают нам договоры Новгорода с князьями второй половины XIII в., но никакой гарантии, что так было и в XII — первой половине XIII в., конечно, нет. Трудно представить, чтобы из четырех десятков договоров Новгорода с князьями этого времени, если они действи-

⁸ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 597.

⁹ Там же. Стб. 598.

¹⁰ Там же. Стб. 774.

¹¹ Янин В.Л. Новгородские посадники. М., 2003. С. 90.

тельно имели письменное оформление, ни один не дошел до нас, хотя бы в летописном пересказе.

По мнению В. Л. Янина, на существование договоров или условий, формирующих новгородские «свободы», указывают упоминания «всей правды», содержащиеся в летописных статьях НПЛ 1172 и 1197 гг.¹² Из буквального прочтения этих свидетельств сделать такой вывод трудно. В первом случае речь идет о том, что «на всю правду» к Андрею Боголюбскому ходил архиепископ новгородский Илья, но вряд ли он имел полномочия от города заключить какой-то договор с суздальским князем. Во втором — новгородцы («передние мужи») очередной раз привели в Новгород князя Ярослава Владимировича «съ всею правдою и честию», что равнозначно заверению их в искреннем к нему расположении.

Больше оснований видеть указания на письменное оформление новгородских вольностей в ссылках летописцев на уставы старых князей. И, тем не менее, ни одна из них не позволяет предполагать, что это были ряды-договоры Новгорода с князьями. Скорее речь может идти о княжеских жалованных грамотах. Всеволод Юрьевич, одарив новгородцев за их участие в его походе на Рязань, «вда имъ волю и уставы старых князей, его же хотяху новгородци»¹³.

Позже в новгородской летописи стали появляться ссылки на какие-то «грамоты Ярославли». В статье 1228 г. рассказывается, что князь Ярослав Всеволодович был приглашен на княжение в Новгород на условиях новгородцев: «И на всеи волѣ нашей и на всех грамотах Ярославлих»¹⁴. Аналогичная крестоцеловальная формула содержится и в случае с вокняжением Михаила Черниговского. «И цѣлова крестъ на всеи воли новгородской и на всех грамотахъ Ярославлих»¹⁵. При очередном занятии новгородского стола, как сказано в статье 1230/31 гг., Ярослав Всеволодович вновь клялся «на всех грамотах Ярославлих и на всей волѣ новгородчкой»¹⁶.

В свое время Л. В. Черепнин высказал предположение, что под «грамотами Ярослава» следует понимать какие-то не дошедшие до нас соглашения времен Ярослава Владимировича (внука Мстислава Великого)¹⁷. Каких-либо свидетельств на этот счет в летописи нет.

¹² Там же. С. 161.

¹³ Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л., 1950. С. 50, 248.

¹⁴ Там же. С. 57, 272.

¹⁵ Там же. С. 68, 274.

¹⁶ Там же. С. 70, 278.

¹⁷ Черепнин Л. В. Русские феодальные архивы XIV–XV вв. М.; Л., 1948. Ч. 1. С. 239–254.

Прочностью своего княжеского положения в Новгороде он не обладал. Со времени первого утверждения на новгородском столе в 1172 г. и до окончательной его потери в 1199 г. Ярослав Владимирович еще дважды обретал и терял Новгород. Особой лояльности новгородцев не заслужил. Наоборот, как свидетельствует летопись, уже через год после вокняжения он рассорился с новгородцами — «негодовахуть бо ему новгородьци, зане много творяху пакости новгородские»¹⁸ — и был лишен стола Всеволодом Юрьевичем. В статье 1195/96 гг. вновь сказано, что новгородцы, «негодующе» на Ярослава, обратились с просьбой к Всеволоду прислать им вместо него своего сына. Так что заниматься какой-либо нормотворческой деятельностью у Ярослава Владимировича не было ни времени, ни условий.

Более успешным новгородским князем был Ярослав Всеволодович, но связать с ним «грамоты Ярославли» не позволяет то обстоятельство, что он сам дважды присягал на них новгородцам. Можно предположить, что это литературное клише было внесено в летопись позднейшими летописцами, хорошо знавшими о существовании договорных грамот Новгорода с тверским князем Ярославом Ярославичем 1264, 1266 и 1270 гг., но содержательно они целиком новгородские и вряд ли могли войти в летопись под названием «грамот Ярославлих».

К сожалению, не находит сколько-нибудь убедительных аргументов и версия, относящая появление каких-то актов, данных Ярославом Владимировичем Новгороду в 1016–1019 гг., включенных по мнению А.А. Шахматова¹⁹, в позднейшие своды. Запись в Комиссионном списке Новгородской первой летописи о том, что Ярослав дал новгородцам «правду, и уставъ списавъ» и наказал им «по сеи грамотѣ ходите, яко же списах вамъ, такоже держите»²⁰, не имеет подтверждения ни в одном летописном своде. Даже и в новгородском Синодальном, считающемся более исправным по сравнению с Комиссионным.

Не исключено, что «грамоты Ярославли» — это всего лишь красивая легенда, сочиненная новгородскими сводчиками XIV–XV вв. и возводившая таким образом происхождение новгородских свобод и вольностей еще к Ярославу Мудрому.

А теперь обратимся к факту замещения новгородского стола в 1117 г. Всеволодом Мстиславичем и посмотрим, дает ли он основание для утверждения о начале новгородской практики «вольности в князьях». Укор новгородцев Всеволоду после неудавшейся попытки

¹⁸ НПЛ. С. 37.

¹⁹ Шахматов А.А. Разыскания о древнейших русских летописных сводах. СПб., 1908. С. 215 и сл., 507 и сл.

²⁰ НПЛ. С. 177.

утвердиться на переяславском столе и возвращения в Новгород, что он нарушил крестное целование и обещание «хощю у вас умрети», указывает на то, что ни о какой «вольности в князьях» новгородцы в 1117 г. и не помышляли. Наоборот, принимали его пожизненное княжение в Новгороде. Поэтому и были оскорблены уходом Всеволода из Новгорода в 1132 г.

Собственно, и к его посажению на столе они не имели прямого отношения. Это было фактически решение Владимира Мономаха, что и констатировали русские летописцы. «В лѣто 6625. Приведе Володимиръ Мъстислава из Новагорода, и дасть ему отецъ Бѣлгородъ, а в Новѣгородѣ сѣде Мъстиславичъ сынъ его, внукъ Володимеровъ», — записано в Ипатьевской летописи²¹. Практически так же об этом событии сообщил и новгородский летописец: «В лѣто 6625. Иде Мъстиславъ въ Киевъ на столъ из Новагорода марта въ 17, а сына посади в Новѣгородѣ Всеволода на столъ»²². Как видим, в приведенных сообщениях нет ни слова о каком-либо участии новгородцев в посажении Всеволода.

Не больше оснований и для утверждения, что окончательное торжество принципа «вольности в князьях» определилось событиями, связанными с изгнанием из Новгорода Всеволода Мстиславича в 1136 г. Из содержания летописного пересказа следует, что его отрешение не было связано с реализацией новгородцами своих исключительных полномочий в решении судьбы княжеского стола. Такой юридической нормы в новгородском договорном праве не было. Фактически речь здесь может идти о банальном перевороте, осуществленном, к тому же, не всем Новгородом, а лишь частью бояр, оказавшихся в данный момент более влиятельной политической силой. Первая попытка лишить Всеволода стола относится к 1132 г. Но одни его — «выгониша из города», а другие — «сдумавше, въспятиша и (его. — П. Т.) опять»²³.

Аналогичная ситуация имела место и в событиях после его изгнания. Оказалось, что это тоже не было всеобщим волеизъявлением новгородцев. Неожиданно в 1138 г. Всеволод появился в Пскове, приглашенный новгородцами вновь занять княжеский стол. «Хотя сѣсти в Новѣгородѣ опять на столъ своем, позван отаи новгородчкими мужи и плесковици, приятели его: “поиди, княже, тебе хотять опять”»²⁴. На этот раз противники Всеволода оказались сильнее, подняли в

²¹ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 284.

²² Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М., 2000. С. 204.

²³ НПЛ. С. 207.

²⁴ Там же. С. 209–210.

Новгороде «мятежь великъ», разграбили дворы сторонников Всеволода, бежавших к нему в Псков, и не позволили ему вернуться на «стол свой», как заметил летописец.

Не согласуется с принципом «вольности в князьях» и еще один эпизод, связанный с лишением Всеволода стола. Он не был немедленно выслан из Новгорода, но переселен со всей своей семьей в епископский двор. Только через два месяца новгородцы «пустиша его из города». Из разъяснений летописца следует, что такая неспешность была связана с ожиданием нового князя: «И не пустиша его, донелъже инь князь будеть»²⁵. Следовательно, если бы что-нибудь не заладилось в переговорах новгородцев относительно иного князя, Всеволод мог быть и прощен.

То, насколько вольны были новгородцы в князьях, хорошо иллюстрируют их переговоры о замещении стола с великим киевским князем Всеволодом Ольговичем. Лишив княжения Святослава Ольговича, новгородцы изгнали его из города. По пути в Чернигов его пленили «смолняне» и заключили в монастыре на Смядине. Перед этим такая же участь постигла и его жену, которая была взята под стражу в Новгороде в монастыре святой Варвары. Внешне строгость новгородцев свидетельствует, как будто, об их суверенитете в замещении княжеского стола. Однако следующее за этими свидетельствами разъяснение летописца: «ждущу Ярополку оправы съ Всеволодком»²⁶ указывает, что судьба княжеского стола в Новгороде зависела от того, как договорятся между собой великий киевский князь Ярополк Владимирович и черниговский Всеволод Ольгович, уже заявивший претензии на киевский стол. «Оправа» названных князей свелась к тому, что в Новгород был послан сын Юрия Долгорукого Ростислав. Слова летописи — «вниде (Ростислав. — П. Т.)... в Новъгород на столь» — определенно указывают на то, что новгородцы к этому посажению имели весьма опосредованное отношение.

В 1139 г. умирает великий князь Ярополк, и на киевском столе утверждается Всеволод Ольгович. Реакция новгородцев на это событие была мгновенной. Они посылают в Киев свое посольство и просят великого князя прислать им его брата Святослава, которого совсем недавно изгнали из города. Судя по летописному рассказу, новое его утверждение в Новгороде сопровождалось репрессиями по отношению к бывшим его обидчикам. «Того же лѣта поточиша в Киевѣ ко Всеволоду Костянтина Микулиница, и паки по немь поиха муж б, оковавше, Полюда Гостяница, Дѣмяна и иных колко»²⁷. Это вызвало

²⁵ НПЛ. С. 209.

²⁶ Там же. С. 211.

²⁷ НПЛ. С. 211.

волнение в городе: «по малѣ же времени почаша въставати новгородци»²⁸, напугавшее Святослава. Он заявляет Всеволоду, что больше не хочет княжить в Новгороде, и просит прислать туда другого князя. Вскоре, взяв с собой жену и дружину, Святослав бежит из города. Летописец объясняет это тем, что князь «убоявъся новгородцовъ: аще мя прельстивше имут»²⁹.

После этого новгородцы направляют в Киев епископа с «мужами лучшими» просить на новгородский стол сына великого князя. Всеволод удовлетворил их просьбу, но неожиданно они передумали и заявили, что хотят князя из «племени Володимеря». Назвали и кандидатуру — Святополка Мстиславича. Это вызвало гнев у Всеволода, который отказался вообще от посылки князя в Новгород: «Ать сѣдять сами о своей силѣ, кдѣ князя они налѣзоуть»³⁰. При этом задержал у себя на «зимоу же и лѣто» новгородцев во главе с епископом. Как уточнил летописец, Новгород оставался без князя девять месяцев.

Всеволод Ольгович, в конечном итоге, отправил в Новгород Святополка Мстиславича, но случилось это не потому, что так решили, как казалось В.Л. Янину³¹, новгородцы, а потому, что об этом позаботилась жена великого князя. «В то же лѣто (1141 г. — П. Т.) посла Изяславъ (Мстиславич. — П. Т.) къ сестрѣ своей, рече: “испроси ны у зяте Новгородъ Великий брату своему Святополку”, она же тако створи»³².

Примечательное свидетельство об относительной вольности новгородцев в князьях содержится в статье 1161 г. НПЛ. «Въ лѣто 6669. Уладися Ростислав съ Андрѣем о Новѣгородѣ». В Комиссионном списке сказано «урядися»³³. Результатом этого соглашения явилось выведение из Новгорода Мстислава Андреевича и вокняжение в нем Святослава Ростиславича. Как видим, в данном случае судьба новгородского стола целиком зависела от решения киевского и владими́ро-суздальского князей, а не от желания новгородцев. В летописи нет даже традиционной ремарки о том, что они были «рады своему хотению». Наоборот, сказано, что утверждение Святослава произошло «на всѣи воли его», то есть на его условиях. Не исключено, что одним из них была его вольность в новгородском столе. В 1167 г. Святослав ушел из Новгорода, заявив: «Не хоцю у васъ княжити, не

²⁸ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 307.

²⁹ НПЛ. С. 211.

³⁰ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 308.

³¹ Янин В.Л. Новгородские посадники. С. 141.

³² ПСРЛ. Т. 2. Стб. 309.

³³ НПЛ. С. 31, 218.

любо ми есть»³⁴. Правда, из последующего разъяснения летописца становится ясно, что таковым было и желание новгородцев: «Не хощемъ его».

С 1141 г. и вплоть до начала 70-х гг. XII в. на новгородском столе, как правило, сидели князья из племени Мономаха, о симпатиях к которому неоднократно заявляли новгородцы. И причина этому проста, в этот период в их руках находился и Киев. При этом новгородцы зорко следили за переменами на великом киевском столе. После смерти Ростислава Мстиславича и утверждения в Киеве Мстислава Изяславича новгородцы пригласили его сына. «А новгородци послаша в Русь ко Мъстиславу по сынъ»³⁵. И сколько ни пытались Роман и Мстислав Ростиславичи в союзе с Андреем Юрьевичем отстоять права на новгородский стол Святослава, новгородцы остались непреклонны. «В лѣто 6676. Приде князь Романъ Мъстиславиць, вѣнукъ Изяславль, Новугороду на столъ, априля въ 14 день; и ради быша новгородци своему хотѣнню»³⁶.

По мнению В.Л. Янина, правление Мстиславичей производит впечатление реставрации старых порядков. Князья уходят из Новгорода по своему желанию или по желанию великого князя. Договор с Новгородом как будто не имеет для них значения. Поддерживающие Мстиславичей круги новгородского боярства борются за власть не с помощью постоянного контроля князя и поддержания ряда, а с помощью услужливого союза с князем, прощая ему нарушения договора³⁷.

Отмеченные В.Л. Яниным факты соглашательства новгородского боярства с князьями Мстиславичами в 40–70-е гг. XII в. действительно имели место, однако видеть в них какую-то реставрацию старых порядков вряд ли приходится. Они, скорее, продолжили традиционные. Такими были боярско-княжеские отношения в Новгороде и в период так называемого торжества принца «вольности в князьях» (1117–1136). Свою «вольность в князьях» новгородцы выказали за этот период только раз, когда в 1136 г. сместили Всеволода со стола, да и то не были единодушны в таком решении.

Большие возможности влиять на посажение князей у новгородцев появились в последние десятилетия XII и в первые XIII в. Вызваны они были тем, что кроме Киева в борьбу за Новгород активно включился и Владимир. Его князья, будучи также представителями

³⁴ Там же. С. 32, 219.

³⁵ НПЛ. С. 219.

³⁶ Там же. С. 220.

³⁷ Янин В.Л. Новгородские посадники. С. 142.

«Владиминова племени», пытались распространить на Новгород свои отчинные права. В годы княжения сильного Всеволода Большое Гнездо их признавали и новгородцы. Убедительным свидетельством этому является статья 1200 г. Лаврентьевской летописи, рассказывающая о посольстве новгородцев к Всеволоду Юрьевичу с просьбой дать им на княжение его сына. «Тое же осени придоша Новгородци, лѣпшиѣ мужи, Мирошьчина чадь, к великому князю Всеволоду с поклономъ и с молбою всего Новгорода, рекучи: “Ты господинъ князь великыи Всеволодъ Горгевичь, просимъ у тебе сына княжить Новугороду, зане тобѣ отчина и дѣдина Новѣгородъ”»³⁸. Признание новгородцами отчинных прав владимирово-суздальских князей на Новгород, по существу, равнозначно отрицанию формулы «вольности в князьях».

В целом в процедуре замещения новгородского стола и в этот период не произошло принципиальных изменений, если не считать того, что теперь новгородцам приходилось ориентироваться не только на Киев, но и на Владимир. При Андрее Боголюбском и Всеволоде Юрьевиче, рассматривавших себя соправителями великих киевских князей, Новгород в большей мере окормлялся князьями из их семейств, но имела место и практика замещения его стола южнорусскими Мономаховичами.

По-прежнему смена князей в Новгороде зависела от смены князей в Киеве и Владимире. Когда в 1175 г. был убит Андрей Боголюбский и на владимирово-суздальском столе сел его племянник Мстислав Ростиславич, новгородцы немедленно отреагировали на это изгнанием сына Боголюбского Юрия и приглашением сына Мстислава. «Выведоша из Новгорода князя Юрья Андрѣевича; а Мьстиславъ сынъ свой посади Святослава в Новѣгородѣ»³⁹. В 1180 г. новгородцы приводят на княжий стол сына Святослава Всеволодовича, который к этому времени стал соправителем на киевском великокняжеском столе. Расчет новгородцев на то, что киевский князь окажется победителем в конфликте с Всеволодом Юрьевичем, по-видимому, не оправдался, и они вскоре отказываются от услуг Владимира Святославича. «Показаша путь Володимеру Святославичу... а послашася по князь ко Всеволоду»⁴⁰. Вскоре такая же участь постигла и присланного в Новгород Всеволодом Ярославом Владимировича.

Из летописных свидетельств последних десятилетий XII в. об изгнании из Новгорода князей как будто явствует, что в это время они чаще, чем раньше, пользовались правом «вольности в князьях».

³⁸ Полное собрание русских летописей. Л., 1926–1928. Т. I. Лаврентьевская летопись. Изд. 2-е. Стб. 415.

³⁹ НПЛ. С. 223.

⁴⁰ НПЛ. С. 227.

Их изгнанию подверглись шесть князей: Владимир Святославич (1181), Ярослав Владимирович (1184), Мстислав Давыдович (1187), Ярослав Владимирович (1195), Ярополк Ярославич (1197), Ярослав Владимирович (1199).

Удивительно, что неугодный князь через некоторое время становился вновь угодным. Ярослава Владимировича, свояка Всеволода Юрьевича, новгородцы приглашали и изгоняли трижды. Определенно причины этого были не столько в своеволье князей, сколько в противоборствующих партиях новгородского боярства. Приглашали одни, а изгоняли другие. Обращает на себя внимание и еще одна особенность частых перемен на новгородском княжеском столе. «Вольность» новгородцев имела половинчатый характер. Их суверенитет распространялся только на неугодность князей. Угодность определялась не ими, но теми князьями, будь то великие киевские или владими́ро-суздальские, у которых они просили кандидата на новгородский стол. В такой практике было много случаев, когда новгородцы просили одного князя, а получали другого.

Иногда и неугодность зависела не от них. Показательным примером может быть смена князей в 1205 г. Всеволод Юрьевич, учитывая частые нападения на новгородскую землю соседних народов, забирает из Новгорода младшего сына Святослава и сажает там старшего — Константина. Конечно, это произошло по воле владими́ро-суздальского князя, но летописец не преминул подчеркнуть, что этого хотели и новгородцы: «И радъ бысть весь великий Новъград своему хотѣнью»⁴¹.

Чрезвычайный интерес для постижения новгородской престолозаместительной практики представляет княжение в Новгороде Мстислава Мстиславича Удалого, сына Мстислава Ростиславича, княжившего в Новгороде в 1177–1178 гг. Он не был приглашен на стол новгородцами, но пришел к ним в 1210 г. по собственной инициативе, чтобы защитить их от насилия Святослава Всеволодовича. «Пришель есмь к вамъ, — заявил Мстислав новгородцам, — слышавъ насилие от князь, и жаль ми своя отчины»⁴². По существу, пришел по праву отчинного наследия, при этом выказав уважение святой Софии и гробу отца своего, находящемуся в ней. Новгородцы с радостью приняли его. Не возразил против этого и Всеволод Юрьевич, попросив только отпустить его сына с дружиною.

Ни с одним из предыдущих князей, может быть со времен Мстислава Владимировича, у новгородцев не складывались столь добрые отношения, и поэтому решение Мстислава Мстиславича оставить в 1215 г. Новгород и уйти в Русь кажется не очень логичным.

⁴¹ НПЛ. С. 246.

⁴² Там же. С. 249.

Судя по всему, это озадачило и летописца, особо отметившего, что он ушел «по своей воле». Перед уходом князь собрал вече, объявил свое решение и заявил: «А ви волнѣ во кнезех»⁴³.

Не прошло и года, как Мстислав Мстиславич вновь появился в Новгороде. На этот раз мотивировал свой приход тем, что хотел помочь новгородцам в трудное время неурожая и голода. «Тогда же учювь Мьстислав Мьстиславич великое то зло прииде в Новьгород мѣсяца февраля в 11 день»⁴⁴. Реакция новгородцев ничем не напоминала ту, которую они проявили по возвращении Всеволода Мстиславича в 1132 г. Ни обиды, ни оскорбленности, только радость. При взаимном целовании креста на Ярославовом дворе новгородцы поклялись, что готовы «с нимъ в живот и въ смерть»⁴⁵. Но через три года Мстислав в очередной раз засобирился в Русь. Собрав вече на Ярославовом дворе, он объявил новгородцам свое решение. «Кланяюся святѣи Софѣи и гробу отца моего и вамъ; хощю поискатѣ Галица, а вас не забуду, дай Богъ лѣць у святѣи Софѣи у гроба отца своего кость своя положити»⁴⁶. Сколько ни умоляли новгородцы Мстислава не уходить из Новгорода, он остался непреклонен.

Внешне решение князя выглядит спонтанным и немотивированным, но, как свидетельствует Ипатьевская летопись, оно было подготовлено заранее. Мстислав получил предложение занять галицкий стол от польского князя Лешка, принимавшего участие, вместе с венгерским королем Андреем, в разделе власти над Галичиной и Волынью при малолетних князьях Романовичах. «Лестько же сжалиси о срамотѣ своей, и посла к Новугороду по Мьстислава, и реки: “братъ ми еси, поиди и сяди в Галичѣ”». Мьстислав же поиде на Галичъ со свѣтомъ Лестьковымъ»⁴⁷.

После Мстислава поочередно уходят из Новгорода по своей воле приглашенные новгородцами владими́ро-суздальские князья Всеволод Юрьевич и Ярослав Всеволодович. Можно думать, что причиной тому были интриги неверных бояр, но в случае с Ярославом это, как будто, не подтверждается. Они умоляли его, как раньше Мстислава, не оставлять их. «Новгородци же кланяхуться ему: “Не ходи, княже”»⁴⁸. Последующие события также не очень согласуются с суверенным правом новгородцев выбирать себе князя. В 1219 г. великий

⁴³ Там же. С. 252.

⁴⁴ Там же. С. 253.

⁴⁵ Там же. С. 254.

⁴⁶ НПЛ. С. 259.

⁴⁷ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 731.

⁴⁸ НПЛ. С. 263.

киевский князь Мстислав Романович отозвал из Новгорода Святослава Ростиславича и послал туда Всеволода, с чем новгородцы и согласились. «Новгородци же паку створиша волю его»⁴⁹. Аналогичная ситуация имела место и в 1224 г. Попросив у Юрия Всеволодовича в третий раз сына Всеволода, они получили отказ. Вместо него владими́ро-суздальский князь предложил им Михаила Всеволодовича Черниговского: «Поимите у мене шюрина моего Михаила»⁵⁰. Новгородцы также согласились с этим.

По форме княжение Михаила Всеволодовича напоминало княжение Мстислава Мстиславича. После его прихода в Новгород в 1225 г. летописец с удовлетворением отметил: «И бысть легко по волости и по городу»⁵¹. Однако неожиданно для новгородцев Михаил, в том же году, объявил им, что возвращается в Чернигов. «Не хоцю у вась княжити, иду к Чернигову». При этом заявил, что рассматривает оба княжества как единое целое и рассчитывает на активное участие в торговле с Черниговом новгородских купцов. «А вы ко мнѣ гость пускаите, а яко земля моя, якоже земля ваша, а ваша земля, якоже земля моя»⁵². Попытка новгородцев отговорить Михаила от ухода в Чернигов не имела успеха: «молящеся ему, и не могоша его умолити, и тако проводиша его с великою честью»⁵³.

В 1228 г., после очередного оставления Новгорода Ярославом Всеволодовичем, новгородцы вновь посылают «по Михаила в Черниговъ». В Смоленске, по просьбе Ярослава, новгородские послы были задержаны, но Михаилу это стало известно, и он поспешил на север. Сначала в Торжок, а затем и в Новгород, где его с воодушевлением встретили новгородцы. Через непродолжительное время, и также без видимых причин, он ушел в Чернигов. Как будто не отказывался и от Новгорода, в котором оставил сына Ростислава и даже обещал «исправити вся правда новгородчкая»⁵⁴. В 1230 г. он вернулся в Новгород, совершил постриги сыну, посадил его на новгородском столе и вновь ушел в Чернигов. Наверное, полагал, что тем самым решил свое прежнее желание объединить обе земли. Из последующего разъяснения летописца следует, что Михаил обещал к Воздвиженью вернуться в Новгород с военной подмогой, но не сдержал крестного целования. Из-за этого новгородцы заявили

⁴⁹ Там же. С. 260.

⁵⁰ Там же. С. 268.

⁵¹ Там же.

⁵² Там же.

⁵³ Там же. С. 269.

⁵⁴ Там же. С. 275.

княжичу Ростиславу, чтобы он покинул новгородский стол: «А ты поиди прочь, а мы собѣ князя промыслимъ»⁵⁵.

Промысление это свелось к тому, что они в очередной раз пригласили Ярослава Всеволодовича, который уже неоднократно покидал Новгород по своей воле, оставляя в нем своих малолетних сыновей. Как и Михаил Черниговский, Ярослав был свободен в своих поступках потому, что приходил в Новгород, имея за собой переяславльский стол, который он никому не передавал. Считаясь и князем новгородским, значительную часть времени проводил в Переяславле. В его отсутствие неспокойные новгородцы подымали мятежи в городе, и тогда Ярослав спешил в Новгород для их усмирения.

Под 1236 г. Новгородская летопись сообщает, что Ярослав Всеволодович пошел на стол в Киев, а в «Новѣгородѣ посади сына своего Александра»⁵⁶. По-видимому, к этому времени инициатива замещения новгородского стола оказывается целиком в руках владими́ро-суздальских князей. Разумеется, конфликты с новгородским боярством имели место и теперь, но их князья — Ярослав Всеволодович и его сын Александр — не изгоняются из Новгорода, а сами из него уходят, оскорбленные поведением своевольных бояр. После этого новгородцы, как бы извиняясь, вновь просят их на княжеский стол.

После предложенного исторического обзора событий по замещению новгородского княжеского стола попытаемся прояснить время появления и содержательное наполнение словосочетания «вольности в князьях». Была ли это юридическая норма, зафиксированная в каких-либо договорных рядах Новгорода с князьями, или речь может идти о своеобразном обычаемом праве, не имевшем письменного оформления? При этом апеллировать будем не к несохранившимся рядам-договорам, которых, судя по всему, в домонгольское время новгородская престолозаместительная практика и не знала, а к тем свидетельствам, которые сохранились в летописях.

Первые глухие упоминания о княжеском пожаловании Новгороду содержатся в статье 1016 г. Новгородской первой летописи. В знак благодарности за помощь в овладении киевским столом Ярослав одарил новгородцев гривнами и отпустил их домой. Об этих «пожалованиях» Ярослава исследователи спорят уже многие десятилетия. Одни полагают, что они в полном объеме отражены в следующей за приведенным сообщением «Правде русской»⁵⁷, другие считают, что

⁵⁵ Там же. С. 278.

⁵⁶ Там же. С. 285.

⁵⁷ *Тихомиров М.Н.* Русская Правда. К 200-летию открытия памятника // Историк-марксист. 1938. № 5. С. 138–155; *Он же.* Исследование о Русской Правде. Происхождение текстов. М.; Л., 1941. С. 36–78.

ее текст был внесен в летопись только в XV в. и представляет собой сокращенную имитацию Пространной Русской правды⁵⁸.

Однако если бы «Правда руская» и была творением Ярослава, возводить к ней истоки новгородских вольностей нет никаких оснований. В ней нет статей, которые бы как-то особо нормировали жизнь Новгорода и новгородцев. Что касается принципа «вольности в князьях», то его не могло быть по определению. В столь раннее время, как, впрочем, и в продолжение всего XI в., новгородцы не могли и помышлять о суверенитете в замещении княжеского стола. Это было исключительной прерогативой Киева.

Интересное свидетельство о новгородских свободах, которое редко привлекается исследователями, находится в статье 1169 г. Лаврентьевской летописи. Оно не очень четкое. В нем говорится о каком-то освобождении новгородцев, но не уточняется, в чем оно проявлялось. Более того, летописец не совсем уверен, что такое «освобождение» вообще когда-либо было. «Не глаголем же, — замечает он, — прави суть Новгородци, яко издавна суть свобожени Новгородци прадѣды князь наших, но аще бы тако было, то велѣли ли имь преднии князи крестъ преступати или внуки, или правнуки соромляти, а крестъ честный цѣловавше ко внуком ихъ и к правнукомъ то преступати»⁵⁹. Из буквального содержания сказанного явствует, что владими́ро-суздальский летописец не знает о существовании каких-либо документов, подтверждающих новгородские свободы. Ему понятна только крестоцеловальная практика, в несоблюдении которой он и обвиняет новгородцев.

Судя по тому, что приведенная сентенция содержится после рассказа о зимнем походе Андрея Боголюбского на Новгород, в котором подчеркнута преданность новгородцев князю Роману Мстиславичу, чьего отца суздальский князь перед этим изгнал из Киева, речь в ней идет, по-видимому, о неверности жителей града на Волхове по отношению к своим князьям.

Если следовать летописным свидетельствам, а не догадкам и предположениям, то о формуле «вольности в князьях» можно говорить не ранее конца XII в. Под 1196 г. в Новгородской первой летописи рассказывается о мире между Новгородом и Всеволодом Юрьевичем. Главным его пунктом было согласие владими́ро-суздальского князя с правом новгородцев самим выбрать себе князя. «И взяша миръ между собою, а Новьгород выложиша вси князи въ свободу: кдѣ имь любо, ту собѣ князя поймают»⁶⁰. Из приведенного текста, однако, не следует, что согласие

⁵⁸ Толочко А.П. Краткая редакция Правды Руской. Происхождение текста. К., 2009.

⁵⁹ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 362.

⁶⁰ НПЛ. С. 43, 236.

Всеволода Юрьевича на право новгородцев выбрать себе князя отражало реально сложившуюся практику или устанавливало ее на будущее.

Последующие события свидетельствуют, что признание Всеволодом за новгородцами права самим решать, кто должен у них княжить, было номинальным. В 1200 г. он вывел из Новгорода Ярослава, а на его место посадил другого сына — Святослава. Причем представил это так, будто таково желание новгородцев. Во Владимир он вызвал из Новгорода епископа и посадника «с мужами лучшими», которые должны были сопроводить Святослава в Новгород. «Всеволод выведе Ярослава из Новагорода и веде и къ собѣ; а из Новагорода позва владыку и посадника Мирошъку и вячшии мужи по сынѣ»⁶¹. После его посажения «на столѣ въ святѣи Софѣи», как заметил летописец, обрадовался весь Новгород. Также радовались новгородцы, когда в 1205 г., о чем шла речь выше, Всеволод отозвал из Новгорода Святослава и посадил там старшего сына Константина.

Вторым князем, констатировавшим новгородские «вольности в князьях», был Мстислав Мстиславич Удалой. Уходя в 1215 г., «по своей воли», в Киев, он обратился к новгородцам, собравшимся на вече на Ярославовом дворе, со следующими словами: «Суть ми орудя в Руси, а вы вольни въ кнезѣхъ»⁶². Смысл сказанного не в ссылке на более раннее оглашение новгородцев со Всеволодом Юрьевичем, но в том, что Мстиславу было все равно, где новгородцы найдут себе нового князя.

Еще одно любопытное свидетельство о вольностях новгородских содержится в летописной статье 1219 г., в которой рассказывается о конфликте Святослава Ростиславича с посадником Твердиславом. Желание князя отобрать у последнего посадничество натолкнулось на сопротивление новгородцев. Узнав о том, что князь не может предъявить ему какую-либо вину, Твердислав напомнил новгородцам об их праве избирать себе не только князя, но и посадника. «Тому есмь радъ, яко вины моя нѣту; а вы, братье, въ посадничествѣ и во князех вольнѣ есте»⁶³.

Вольны-то вольны, но, оказывается, если бы князь смог предъявить вину посаднику, он бы и распорядился его судьбой. Это четко следует из ответа новгородцев Святославу. «Новгородцѣ же отвѣтъ даша князю: “Аще вины его нѣту, и ты к намъ крестъ цѣловаль без вины мужа не лишити; тобѣ ся кланяемъ, а се есть нашъ посадникъ, и в то ся не вдадимъ”»⁶⁴.

⁶¹ Там же. С. 44, 238.

⁶² Там же. С. 53, 252.

⁶³ Там же. С. 59, 260.

⁶⁴ Там же.

Таким образом, наличествующие источники не дают сколько-нибудь убедительных свидетельств о том, что новгородцы обладали исключительным правом на замещение княжеского стола, облеченным в договорную формулу «вольности в князьях». Никаких указаний на то, что она зиждется на какой-то юридической норме, содержащейся в «уставах старых князей», «грамотах Ярославлих» или в не дошедших до нас договорах Новгорода с князьями XII — нач. XIII в., нет. В княжеских грамотах такого пункта не могло быть по определению. Он мог быть только в условиях новгородцев, на которых они приглашали князей на стол, но, как свидетельствуют более поздние договорные грамоты Новгорода с тверскими князьями, нет его и там.

В заключение несколько слов об особенностях древнерусской договорной и уставной практики. Она никогда не отличалась сколько-нибудь продолжительной юридической обязательностью. В реальной жизни, как свидетельствуют сохранившиеся ряды-договоры Новгорода с тверскими князьями, срок юридической силы договоров ограничивался сроком пребывания князя на столе. Утверждение в Новгороде нового князя всегда сопровождалось заключением и нового договора. Нередко новые договоры составлялись также после второго или третьего приглашения на новгородский стол одного и того же князя, как это имело место с тверским князем Ярославом Ярославичем. Казалось, он мог бы исполнить крестоцеловальный акт при очередном занятии стола на первой договорной грамоте, но делал это всякий раз на новой.

У нас нет оснований утверждать, что в XII — первой половине XIII в. было по-другому. Это справедливо даже и в том случае, если договорные условия этого времени еще не обрели письменного оформления. Князья не могли совершать крестоцеловальные клятвы на каких-то преданиях об «уставах старых князей» или «грамотах Ярославлих». Эти летописные клише явились, по-видимому, осмыслением неизменной договорной реплики, что на таких же условиях целовали крест «дѣди и отци».

Анонимный рассказ о пленении Иерусалима персами и его славянский перевод

DOI 10.31168/91674-483-5.9

Вскоре после 614 г. один из монахов лавры св. Саввы Освященного описал взятие Иерусалима персами, случившееся на его глазах. Будучи, подобно многим жителям и самому патриарху Захарии, уведен в плен, чернец вскоре бежал на родину, где и составил скорбный рассказ о произошедшем. Это сочинение, носящее заглавие «Пленение Иерусалима», обладает немалыми литературными достоинствами, а многочисленные подробности осады, последовавшей резни мирных жителей и судьбы пленников делают его ценным историческим источником¹. Автор приводит, между прочим, и послание патриарха Захарии к пастве, оставшейся в Святом Граде, которое само по себе является незаурядным памятником эпистолярной словесности.

Полностью «Пленение Иерусалима» на греческом языке не сохранилось. Известно несколько редакций арабского перевода (старшие списки — X в.)², где текст атрибутируется некоему Евстафию, и грузинский перевод (старший список — XI в.)³, который надписан именем

¹ Дионисий (Шленов), иером. Антиох Стратигий // Православная энциклопедия. М., 2001. Т. 2. С. 542; Kazhdan A. Antiochos Strategos // The Oxford Dictionary of Byzantium. New York; Oxford, 1991. P. 119–120.

² Garitte G. Expugnationis Hierosolymae AD 614. Recensiones Arabicae, I: A et B (CSCO. Vol. 340–341 = Scriptorum Arabici. T. 26–27). Louvain, 1973; *Idem*. Expugnationis Hierosolymae AD 614. Recensiones Arabicae, II: C et V (CSCO. Vol. 347–348 = Scriptorum Arabici. T. 28–29). Louvain, 1974 (с латинскими переводами).

³ Март Н.Я. Антиох Стратиг: Пленение Иерусалима персами в 614 г. СПб., 1909 (с русским переводом); Garitte G. La prise de Jérusalem par les Perses en 614 (CSCO. Vol. 202–203 = Scriptorum Iberici. T. 11–12). Louvain, 1960 (с латинским переводом).

Стратигия (встречается неверное написание «Стратиг»). Последнее имя и принято в литературе для обозначения авторов всех версий памятника. Некогда отстаивавшаяся исследователями гипотеза о тождестве автора с Антиохом, составителем широко известных «Пандект»⁴, теперь не считается правдоподобной. Поэтому, как указывает Г. Бауэрсок, распространенное в литературе имя «Антиох Стратигий» (или «Антиох Стратиг») — не более чем «неудачный гибрид»⁵.

Греческая традиция сохранила лишь отрывки трактата, каковых Н.Я. Марр называет три («Моление» Антиоха из «Пандект» — не в счет): 1) найденный В.Н. Бенешевичем и изданный Н.Я. Марром⁶ фрагмент, читающийся (в несколько различном объеме) в двух патериковых сборниках XI и XIV вв. (CPG 7846/3); 2) послание патриарха Захарии (CPG 7825 = CPG 7846/1); 3) анонимное повествование о персидском пленении (CPG 7846/2). Два последних отрывка были некогда опубликованы Ф. Комбефизом⁷ по единственному, притом дефектному (без конца) греческому списку (ныне: Национальная библиотека Франции, Ггес. 760. Конволют из манускриптов XIV и XII в.; интересующие нас тексты читаются в старшей части)⁸. Порядок листов в рукописи нарушен, что было принято во внимание издателем, но почему-то не отмечено в позднейшем описании⁹: после л. 181 (которым кончается первая часть конволюта) листы должны располагаться следующим образом: 182–183; 214–256; 206–213; 184–205. На л. 182–183 и 214–256 располагаются слова Ефрема Сирина с утраченным началом, на л. 206–209об. читается послание Захарии, а на 209об.–213об. и 184–205об. — анонимный рассказ о персидском пленении с утраченным концом (текст л. 183об. продолжается без перерыва на л. 214, а 213об. — на л. 184).

Благодаря базе греческих рукописей «Pinakes»¹⁰ удалось выяснить, что отрывок из послания Захарии читается в рукописи Коро-

⁴ Марр Н.Я. Антиох Стратиг... С. 41.

⁵ Bowersock G.W. Polytheism and Monotheism in Arabia and the Three Palestines // *Dumbarton Oaks Papers*. 1997. Vol. 51. P. 9.

⁶ Марр Н.Я. Антиох Стратиг... С. 42–44.

⁷ Sancti Ioannis Chrysostomi. De educandis liberis liber aureus. Parisiis, 1656. P. 314–408. Текст этого издания был перепечатан Ж.-П. Минем (PG. Vol. 86. Col. 3227–3268).

⁸ Фотокопия рукописи доступна в Интернете: <http://gallica.bnf.fr/ark:/12148/btv1b10721901d.r=760%20Grec>

⁹ Omont H. Inventaire sommaire des manuscrits grecs de la Bibliothèque nationale et des autres bibliothèques de Paris et des Départements. Paris, 1886. Part. I. P. 128–130.

¹⁰ <http://pinakes.irht.cnrs.fr>

левской библиотеки в Турине *Varia 484*, относящейся к XV в.¹¹ Имя патриарха фигурирует также в коллекции отеческих изречений в афонском манускрипте XVI в. (Ивирон 329)¹². Во всяком случае, ясно одно: повествование, следующее за посланием Захарии в рукописи BNF Grec 760, известно в греческой традиции в одном лишь этом списке.

Анонимный текст получил в литературе наименование *Incerti de Persica captivitate opusculum* и приписывался, как правило, преемнику патриарха Захарии Модесту, пока Н.Я. Марр не высказал предположения, что в основе дошедшего до нас греческого текста лежала какая-то версия того самого сочинения Стратигия, что послужило оригиналом грузинского перевода¹³. Действительно, из приводимых ученым сопоставлений очевидно, что обе переводные версии — грузинская и арабская, — а также греческий текст содержат общие фрагменты. При этом в переводах, как полагал Марр, совершенно «опущена» громадная «назидательная речь»¹⁴, составляющая основной объем анонимного греческого текста¹⁵. Впрочем, ученый не исключал и обратной возможности — позднейшей интерполяции в греческий оригинал. Гипотеза Марра воспроизводится до сих пор с некоторыми вариациями. Так, например, М.В. Кривов полагает, что текст BNF Grec 760 представляет собой «разрозненные фрагменты» сочинения Стратигия¹⁶.

Более осторожный подход был применен Б. Флюзенем, который оценивает имеющийся в нашем распоряжении *opusculum* как вполне самостоятельный памятник, считает его атрибуцию невозможной и предлагает называть автора Анонимом¹⁷. Французский ученый обращает внимание на несколько обстоятельств. Во-первых, Аноним менее информативен в сравнении со Стратигием: вместо подробного рассказа о погребении убитых он ограничивается приблизительным числом жертв. Во-вторых, памятник как будто является завещанием лица, наделенного учительским саном (автор предлагает принять его

¹¹ Датировка из: *Parpulov G. Toward a History of Byzantine Psalters ca. 850–1350 AD. Plovdiv, 2014. P. 246.*

¹² *Lambros S.P. Catalogue of the Greek Manuscripts on Mount Athos. Cambridge, 1900. Vol. 2. P. 86.*

¹³ *Марр Н.Я. Антиох Стратиг... С. 40.*

¹⁴ Там же.

¹⁵ Кажется, в литературе еще не отмечалось, что эта «назидательная речь» в значительной мере основана на первой беседе Псевдо-Златоуста о терпении (CPG 4620).

¹⁶ *Кривов М.В. Историк Антиох Стратиг: творчество и мировоззрение // Византийский временник. М., 2014. Т. 73 (98). С. 53.*

¹⁷ *Flusin B. Saint Anastase le Perse et l'histoire de la Palestine au début du VIIe siècle. Paris, 1992. Т. II. P. 135–136.*

проповедь «не как от учителя, но как от брата»), между тем о Стратигии ничего подобного не известно. Кроме того, Аноним не упоминает о своем участии в произошедшем, в то время как Стратигий прямо говорит, что бежал из плена. Таким образом, тождество Анонима и Стратигия не исключено, но недоказуемо. Атрибуция рассказа патриарху Захарии невозможна, так как о том говорится в третьем лице. Преемник Захарии, Модест, скончался в декабре 630 г. по возвращении Животворящего Креста в Иерусалим, в то время как Аноним, видя свое близкое схождение в гроб, скорбит о пленниках и призывает народ к покаянию. Поэтому, как заключает Флюзен, вынести окончательное решение об авторстве и датировке памятника на основании доступного греческого текста нельзя.

Между тем послание Захарии и анонимный рассказ дошли до нас также в славянском переводе, который никем до сих пор не был замечен. Читается он в сборнике середины XV в. (РГБ, Тр. 757 на л. 112–136об.)¹⁸; одна из тетрадей в рукописи попала не на свое место, так что л. 120–127 должны находиться между л. 135 и 136. Главная ценность славянского текста в том, что он, в отличие от дефектного греческого списка, сохранил конец произведения (около десяти страниц ин-кварто, начиная с середины л. 124); кроме того, перед посланием Захарии сохранилось пространное заглавие, отсутствующее в парижской рукописи: +Ѡ плѣна ієрлѣмьска. посланіе прпбѣна^д захаріа... (Тр. 757, л. 112). В отличие от в BNF Grec. 760, на полях читаются названия главок, на которые разделен текст (w ієрєw^x л. 119; w властєлєхъ л. 129 и т.д.) — вероятно, они восходят к антиграфу славянского перевода.

По иронии судьбы, Тр. 757 не позволяет восстановить текст памятника вполне. В главке о нищи^x (л. 124) имеется пропуск (отмечаю соответствующее место вертикальной чертой): златѡ^м и жємчюгѡ^м красиши свою выю. рѣцѣ. и носѣ. | и прочита. гастє. и пїєтє. чю даны^x намъ даровъ... В греческом списке обращение к «красящейся» женщине продолжается: χρυσῶ καὶ μαργαρίταις κατακοσμήσαι σου τὸν τράχηλον, τὰς χεῖρας, τοὺς πόδας, | τὴν ξωγὴν, βλέπουσα τοὺς σοὺς ἀδελφοὺς, ἴσως δὲ καὶ εὐγενεστέρους, σιδήροις, καὶ κλοιοῖς, καὶ ζύλοις πεπεδημένους... (следует значительный фрагмент, отсутствующий в славянском, после чего рукопись BNF Grec. 760 обрывается)¹⁹. В Тр. 757 сразу после отмеченного места начинается текст, не сохранившийся в греческом манускрипте. Таким образом, в рукописной

¹⁸ Описание см.: *Арсений, иером., Иларий, иером.* Описание славянских рукописей библиотеки Свято-Троицкой Сергиевой Лавры. М., 1879. Ч. III. С. 159–162. Сборник был датирован по филиграммам («колокол» и «якорь») еще в 1854 г. лаврским библиотекарем, чья запись читается на л. I: «Выход бумаги по знакам в оной. Знаки 203, 226, 230, 231 — к 1450 году» (ссылки здесь даются на альбом К.Я. Тромониной).

¹⁹ PG. Vol. 86. Col. 3265, 3268.

традиции имело место сокращение (его признак можно видеть в словах **и прочая**) или, что менее вероятно, механическая утрата. В остальном текст довольно точно соответствует оригиналу (там, где он доступен), встречаются лишь некоторые незначительные сокращения.

Язык дает мало материала для гипотез о происхождении перевода. В тексте встречается тюркизм **жемчюгъ**^М (л. 124) — это заимствование известно только восточным славянам²⁰. Других лексических русизмов в тексте нет. Косвенно с древнерусской традицией можно связать редкое чтение в парафразе стиха Ин. 1:27 **нѣсмь достоинъ да въстѣгъ ѿрѣши сапогъ хѣвѣ** (л. 130об.): из всех редакций славянского евангельского текста слово **въстоугъ** (или его более архаичная форма **въстоугы**) читается лишь в переводе толкового Евангелия Феофилакта Болгарского, осуществленного на Руси в конце XI — начале XII в.²¹, а также в Чудовском Новом Завете, который мог ориентироваться, в частности, на названный толковый перевод²².

Обращает на себя внимание и следующее место: **или въ разѣмѣ прѣстониши члвче** (л. 124). В греческом оригинале, который в данном случае доступен, читаем *ἐν μακέλλῳ* ‘на мясном рынке’. Очевидно, что чтение Тр. 757 — искажение из первоначального **въ раземъницѣ**: именно эта лексема (надежно выводимая из *jĕti²³) передает греческое *μάκελλον* в кирилло-мефодиевском переводе Апостола (1 Кор. 10:25), причем уже в древних рукописях встречается ошибочное **въ разоумъници** (так, например, в ростовском толковом Апостоле 1220 г.²⁴). Слово известно и по архаическому переводу канона великомученице Варваре, переписчики которого испытывали в этом месте не меньшие затруднения. В болгарской Скопльской минее XIII в. в соответствии с *ἐν μακέλλῳ* читается **въ разоумѣ** — точно так же, как в Тр. 757²⁵.

²⁰ Пичхадзе А.А. Переводческая деятельность в домонгольской Руси: лингвистический аспект. М., 2011. С. 91–92.

²¹ Там же. С. 32.

²² Федорова Е.В. Толковое Евангелие Феофилакта Болгарского в древнейшем славянском переводе: лингвотекстологический анализ. Дисс. ... канд. филол. наук. М., 2017. С. 72–73.

²³ Janyšková I. Etymologické výklady Frana Miklošiče ve světle Etymologického slovníku jazyka staroslověnského // Miklosichiana bicentennialia. Зборник у част двестоте годишњице рођења Франца Миклошича. Београд, 2013. С. 93.

²⁴ Срезневский И.И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. СПб., 1902. Т. 2. Стб. 55.

²⁵ Петрова-Танева М., Йовчева М., Малчев Р., Рангочев К. Св. Варвара // Encyclopaedia slavica sanctorum (<http://eslavsanct.net/viewobject.php?id=1181>). Оригинал см.: Μηναίον του Δεκεμβρίου. Εν Βενετία, 1852. Σ. 16.

Сочетание крайне редкой архаической лексемы *разъмьница с русизмом жъмьчюгъ позволяет выдвинуть осторожное предположение, что изучаемый текст принадлежит к числу русских переводов домонгольского времени.

Обнаружение славянского перевода данного комплекса текстов — послания Захарии и анонимного рассказа — позволяет говорить о необходимости нового (критического) издания. Впрочем, подготовку такого издания следует отложить в надежде на разыскание новых славянских списков. Мне же хотелось бы вернуться к вопросу об атрибуции анонимного рассказа.

От взгляда исследователей ускользнула еще одна возможность, а именно, что греческий Аноним и переводной рассказ Стратигия представляют собой не разные версии, а разные части одного памятника. Здесь надо пояснить структуру всех дошедших до нас текстов. Грузинский и арабский переводы Стратигия состоят из основного повествования и трех «дополнительных» разделов: послания патриарха Захарии, повести о поиске и погребении убитых (со ссылкой на иерусалимлянина Фому и его супругу — «новых Никодима и Магдалину») и повести о возвращении Животворящего Креста императором Ираклием. Греческий и славянский тексты содержат послание патриарха Захарии, повесть о поиске убитых (описание их погребения почти опущено, зато сильно расширена полемика с «самаритянами») и анонимный рассказ. Важно, что повесть о возвращении Креста (где сказано и об освобождении пленников) не написана от первого лица, стилистически расходится с предшествующим текстом и, по всей вероятности, Стратигию не принадлежит. Это допускали еще Р. Уилкен и Б. Флюзен²⁶, а К. Цукерман в недавней работе высказал обоснованное суждение, что повесть не могла быть написана ранее 650-х гг.²⁷ Таким образом, эта повесть, как позднее дополнение, не может служить препятствием для датировки «Пленения Иерусалима» временем, предшествующим победе Ираклия над персами.

Кроме того, до сих пор не придавалось особого значения тому факту, что рассказ Стратигия, *предшествующий* посланию Захарии, не содержит *никаких* текстуальных пересечений с Анонимом. Общими для текстов являются упомянутое послание и значительная часть повести о поиске убитых. Таким образом, греческий анонимный рассказ начинается фактически там, где оборвалось повествование Стратигия, — а оно как в грузинском, так и в арабских текстах именно

²⁶ Wilken R.L. The Expugnatio Hierosolymae AD 614 // Parole de l'Orient. 1990–1991. Vol. 16. P. 75; Flusin B. Saint Anastase le Perse... T. II. P. 300.

²⁷ Zuckerman C. Heraclius and the return of the Holy Cross // Travaux et Mémoires (du Centre de Recherche d'Histoire et Civilisation byzantines). Paris, 2013. Vol. 17. P. 201.

обрывается перед посланием Захарии, так что риторически образцовое введение не уравновешено каким-либо заключением. Предположение, что греческий анонимный рассказ представляет собой *продолжение* рассказа Стратигия, объяснило бы и отсутствие имени автора, которое сообщается только в начале текста, не сохранившемся в оригинале.

Высказанная гипотеза подтверждается некоторыми местами анонимного рассказа. Так, в самом начале автор заявляет: **се бо ми є послѣднѣа моа вса. к ва^м. мѣтѣа си. къ братїи моен. и завѣтѣтѣ. и конецъ моего сказанїа. и начатокъ є^ѣ к вамъ моленїе** (Тр. 757, л. 118–118об.); этот фрагмент доступен и по-гречески: Αὐτῆ γάρ ἐστὶν ἐσχάτη μου πρὸς ὑμᾶς παρακλήσις· αὐτῆ ἢ πρὸς τοὺς ἀδελφούς μου διαθήκη. Τοῦτο τὸ τέλος τῆς ἐμῆς διαλέξεως, καὶ ἀρχὴ τῆς πρὸς ὑμᾶς παρακλήσεως²⁸. Едва ли под *διάλεξις* ‘речь, беседа и т.п.’ можно понимать краткую повесть о поиске убитых, особенно если учесть более чем обширные размеры последующего «завещания» и «моления». В конце текста (который по-гречески не сохранился) снова встречаем подобную отсылку к подробностям, которых в тексте нет: **сѣ вами. и азъ же конецъ житїю вѣ вѣдѣа сѣтворю. и наказанїе видѣвѣ. и мало ѿ него вѣкѣсвѣ. чѣлоубїа же видѣти недостоинѣ бывѣ. тѣкмо же вѣдѣа сѣписатель бывѣ. и сѣрбемѣ повѣстникѣ. крѣвѣ сказа-тель. изсѣчени. и впоустѣвши. и пѣвнени. вѣстникѣ напастѣ. проповѣдникѣ сѣкорвѣ. слова. твари (τῷ κόσμῳ?) вставлама. имѣже страшно и волѣзньно послѣ[ш]анїе²⁹** (Тр. 757, л. 126об.). В словах и азъ... наказанїе видѣвѣ. и мало ѿ него вѣкѣсвѣ можно видеть указание на личное участие автора в описанных событиях, а Стратигий, как уже говорилось, испытал ужасы плена. Далее книжник описывает себя как **вѣ пѣстынѣ живѣща. и кѣ бѣ стенищѣ^а** (л. 127). Таким образом, нет сомнений в его принадлежности к монашескому званию, а значит, атрибуция памятника патриарху Модесту должна быть окончательно исключена. В то же время вероятность тождества автора со Стратигием увеличивается.

Еще ниже (этот фрагмент в греческой рукописи также утрачен) читаем следующее обращение: **прѣждѣ всѣ^х їерее за ма молите. прѣвыхѣ во васѣ. азъ вѣ плачи вѣчнини. акы главы тѣблѣ цркви сѣще. черноризци не забываютѣ мене. и азъ бо ва^{сѣ} заввенїю не да^х оумомъ. нѣ вѣ свои чинѣ лѣпотнѣ оучини. за вса паче вѣды. ваши страстен плачу. и рыдаю. Кнази. и цри. и вса сѣ^{дѣ} земныа <...> моланте за ма. тако мнѣ ва^{сѣ} плачь принешѣ. и вы вѣци за моа блазны мланте. вѣсте бо како ва^{сѣ} тако весчѣны вплака^х <...> ещѣ и мѣри <...> паче всѣ^х наши страстен. таже ва^{сѣ} бывша пространнѣе пода^х <...> мланци.**

²⁸ PG. Vol. 86. Col. 3240.

²⁹ В рукописи: послѣжанїе.

зане чѣтыа дѣша. <...> васѣ молю паче всѣхъ <...> и мою пѣмать къ хѣоу прѣдваривше донесѣте. не да всоудитъ. нѣ да проститъ (Тр. 757, л. 127об., 136). В тексте, сохранившемся по-гречески и по-славянски, автор обращается к иереям и светским властям, но не со слезами, а лишь с наставлениями в благочестии; о монахах, «отцах», «матерях» и младенцах нет никаких упоминаний. Рассказ Стратигия, напротив, переполнен эпизодами мученичества священников, черноризцев и мирян, в том числе детей. Неоднократно применяемое Анонимом слово «плач» прямо соотносится с тем, как обозначает (вслед за пророком Иеремией) жанр своего повествования Стратигий: «назову ее не книгой, а плачем о пленении; назову ее не письмом, а стоном о погибели; назову ее не посланием, а рыданием об опустошении»³⁰.

Наконец, как уже было сказано, в самом начале славянского текста сохранилось пространное заглавие, отсутствующее в греческом тексте. Это заглавие (по существу, краткий комментарий к помещенному ниже посланию патриарха Захарии) начинается следующим образом: +Ѡ пѣвна іерлѣмьска. посланне прѣовна^д захарїа. Ѡ вилона... (Тр. 757, л. 112). На мой взгляд, нельзя истолковать слова Ѡ пѣвна іерлѣмьска иначе, как ссылку на произведение, из которого сделана выписка. В грузинском и арабском переводе рассказ Стратигия озаглавлен именно «Пленение Иерусалима».

Текст заглавия приблизительно соответствует словам Стратигия, предваряющим послание Захарии. Славянский перевод здесь более пространный, но имеет совпадения как с грузинской, так и с арабской версиями:

«Послание патриарха Захарии, которое он написал из Вавилона в Иерусалим тем, кто избежал пленения»³¹.

посланне прѣовна^д захарїа. Ѡ
вилона къ соуши^м вѣ іерлѣмѣ^ж
писа. намѣ не имѣше^м. да ни сего^ж
васѣ ѣтан. естѣ бо по истинѣ
естѣ^ж. на весь оуспѣх^х исплѣнено.
и пачѣ къ нештѣ вѣ пѣвенїи.
нѣ по сѣдѣ неизреченноу. гнѣва
ѣвѣжавши. има бо съставленїе
таково...

(Тр. 757, л. 112)

«Патриарх... написал послание из земли Персии и Вавилона жителям Иерусалима; и в нем было записано следующее сочинение...»³²

³⁰ CSCO. Vol. 203. P. 2.

³¹ Ibid. P. 46.

³² CSCO. Vol. 340. P. 66.

³³ Так в рукописи.

Добавлю, что фраза **ни сего^ж васъ ѿтай^м** была бы неуместна в случае, если приведенному тексту ничего не предшествовало.

Если сказанное верно, то следует признать, что уже на греческой почве имело место бытование фрагмента «Пленения Иерусалима», начинающегося с послания Захарии. При этом оформление текста в BNF Grec 760 оставляет мало сомнений в причинах утраты в греческом оригинале заглавия-комментария, принадлежащего перу Стратигия. Переписчику, который готовился скопировать послание Захарии (в Grec 760 его начало оформлено орнаментом), отрывок перед внушительным обрамлением показался, очевидно, малозначительным и ненужным.

Между рассказом Стратигия и Анонимом можно найти также немало стилистических параллелей, сопоставление которых, впрочем, не столь доказательно.

Подводя итог, можно констатировать, что давней гипотезой Н. Марра о тождестве Стратигия и греческого Анонима не следует пренебрегать. Если в настоящей статье и не удалось ее полностью подтвердить, то были, по крайней мере, предложены новые аргументы в ее пользу. Так или иначе, найденный перевод Анонима представляет собой тот несчастный случай, когда славянский текст позволяет в значительной мере восполнить утрату в раритетном памятнике, ранее известном по единственной дефектной греческой рукописи.

Сокращения

CPG — *Clavis patrum graecorum*. Turnhout, 1974–2003. Vol. 1–5.

CSCO — *Corpus Scriptorum Christianorum Orientalium*. Louvain, 1903–2017. Vol. 1–665.

PG — *Migne J.P. Patrologiae cursus completus series graeca*. Parisiis, 1857–1866. Vol. 1–162.

Переводчик «Истории Иудейской войны» Иосифа Флавия — читатель «Повести временных лет»?

DOI 10.31168/91674-483-5.10

В последнее время утвердилось мнение о XII в. как наиболее вероятной дате древнерусского перевода «Истории Иудейской войны» Иосифа Флавия (далее: «История»). Этот тезис обосновывал В.М. Истрин, он поддержан современными исследователями и издателями Флавия¹. Вместе с тем неоднократно предпринимались попытки возвести текст к XI или даже X в.² Датировку XI в. отстаивал Н.А. Мещерский, опираясь преиму-

¹ «История Иудейской войны» Иосифа Флавия. Древнерусский перевод / Изд. подг. А.А. Пичхадзе, И.И. Макеева, Г.С. Баранкова, А.А. Уткин. М., 2004. Т. 1. С. 10, 12.

² Последнее наиболее популярно у болгарских коллег. Напр.: *Славова Татьяна*. Библейского Осмокнижие в Архивният хронограф // *Palaeobulgaria*. 2010. 34. № 3. С. 26–48; *Пеев Димитър*. Архивският хронограф и Летописец Елински и Римски I редакция // *Старобългарска литература*. 2008. Кн. 39–40. С. 105. В своей основе оно имеет вопрос, относить ли Архивский, т.е. Иудейский, хронограф (в котором сохранилась хронографическая редакция «Истории») к древнеболгарскому или же древнерусскому наследию. Поскольку в составе Иудейского хронографа, который дошел до нас в Архивском (XV в.) и Виленском (XVI в.) основных списках, имеются тексты Никиты Ираклийского, византийского автора 2-й пол. XI — нач. XII в., переведенного не ранее середины XII в., а также приписка, которая ведет ко 2-й пол. XIII в., то датой его создания не могут быть X или XI вв. О сочинениях Никиты Ираклийского см., напр.: *Иванов С.А.* Мифологический конвой «басни о Совии» в составе Иудейского хронографа // *Славяноведение*. 2010. № 2. С. 63–71; *Вилкул Т.Л.* Створення легенди про Совія в Іудейському хронографі 2 пол. XIII ст. // *Український історичний журнал*. 2012. № 4. С. 188–200. Однако многими исследователями «Архивский хронограф» традиционно зачислен среди памятников древнеболгарской литературы «золотого века» Симеона.

щественно на данные об архаичности языка перевода³. Действительно, если сравнить по этим параметрам оригинальные исторические сочинения — летописи — и переводные византийские хроники и истории, то сочинение Флавия ближе к Повести временных лет (ПВЛ), а не, например, Киевскому летописному своду нач. XIII в.

Некоторые сближения текста Флавия и ПВЛ, частично уже отмеченные в литературе⁴, позволяют предполагать, что переводчик был читателем Начальной летописи, и она оказала на него заметное влияние. Вырисовывается серия параллелей и микрозаимствований, тем более вероятных, что в большинстве случаев греческих соответствий⁵ для них в «Истории» нет. Если предположение о знании и

³ *Мещерский Н.А.* «История Иудейской войны» Иосифа Флавия в древнерусском переводе. М.; Л., 1958. С. 32, 107–108, 115–118. По мнению А.А. Пичхадзе, язык перевода не столь архаичен, ряд черт сближает «Историю» с «Пчелой» и некоторыми др. памятниками и довольно резко ограничивает от таких восточнославянских переводов XI в., как Студийский устав, Хроника Георгия Амартола, Житие Василия Нового: *Пичхадзе А.А.* Переводческая деятельность в домонгольской Руси. Лингвистический аспект. М., 2011. С. 51–82.

Кроме языковых данных, Н.А. Мещерский опирался на некоторые высказывания, особенно в глоссах переводчика. Ср. о сравнительно благожелательной оценке «латинь», упоминаниях печенегов и «ясыского языка» (алан). Впрочем, из благожелательного отношения к латиноязычным соседям совершенно не следует ранняя датировка памятника до Великой схизмы 1054 г. Ср., напр., более чем благожелательную запись конца XII в. о крестовом походе, 1190 г.: «В то же лѣто иде цѣрь немѣцкыи со всею своею землею битися за гробъ гѣнь . проявилъ бо бяшетъ емоу гѣь аңглмъ веля емоу ити . и пришедьшимъ имъ . и бьющимся крѣпко . с богостоудными тыми агаряны... сии же нѣмци яко моченици стѣии . прольаша кровь свою за хѣа . со цѣри своими о сихъ бо гѣь бѣ нашъ знаменія прояви . аще кто от нихъ в брани от иноплемьныхъ оубьени быша . и по трехъ днѣхъ . телеса ихъ невидимо из гробъ ихъ аңглмъ гѣнмъ взята бывахоуть». *Ипатьевская летопись // ПСРЛ. М., 2000. Т. 2. Стб. 667–668* (далее при цитировании Ипатьевского свода к номеру столбца добавляю И; напр., 1190 г. 667–668И). Что касается упоминаний печенегов и «ясыского языка», о них см. ниже.

⁴ Большую близость языка и стиля «Истории» в целом к «летописям» в связи с очень свободным переводом предполагали Е.В. Барсов и Н.А. Мещерский: *Барсов Е.В.* «Слово о полку Игореве» как художественный памятник Киевской «дружинной Руси». М., 1887. Т. 1. С. 255; *Мещерский Н.А.* История... С. 84 и др.

⁵ Греческая традиция Флавия достаточно сложна. Как отмечают издатели, «в основе древнерусского перевода лежит контаминированный греческий текст, наиболее близкий кодексам VR... но отражающий варианты и других списков» (*История Иудейской... 2004. Т. 1. С. 13*). Основные дополнения в древнерусском по отношению к греч. отражены во вступительной статье: там же. С. 13–18. Однако интересующие нас добавки менее значительны, поэтому обнаруживаются при сравнении с греч. текстом (там же. Т. 1), а также отмечены в славянском словоуказателе (т. 1–2) знаком пустого множества: ∅.

использовании ПВЛ (конечно, наряду с иными авторитетными текстами⁶) переводчиком Флавия подтверждается, то в числе прочего станет возможным иное объяснение архаизмам языка. В землях Руси, как и других регионах *Slavia Orthodoxa*, книжный древнеславянский был выученным, родной диалект или диалекты отличались. Однако нормированным выученный язык был не по грамматикам, каковых в то время просто не существовало, а согласно референтному кругу чтения⁷. Строгое или не слишком строгое следование образцам могло сдвигать в ту или иную сторону планку архаичности.

Отдельные параллели ПВЛ и «Истории» выявил еще Е.В. Барсов в последней четверти XIX в. Сопоставлялись тексты сражения Ярослав со Святополком на Лъте 1019 г. и сторонников Симона и Иоанна под стенами Иерусалима против Тита из 5-й книги⁸. Перечень существенно расширил Н.А. Мещерский. Ученый подбирал соответствия для ранних статей Начальной летописи — рубежом служил конец 1070-х гг. Поскольку предполагалась датировка перевода серединой — 3-й четвертью XI в., то речь шла преимущественно о прямом влиянии несохранившегося предшествующего ПВЛ свода. Вместе с тем исследователь готов был принять предположение об обратном влиянии, т.е., наоборот, о копировании в перевод «Истории» из ранних сводов⁹. Интрига состоит в том, что никаких упоминаний о сближениях ПВЛ и «Истории» в современной литературе не встретим вообще¹⁰.

⁶ Н.А. Мещерский отмечает «фразеологию, заимствованную либо из церковнославянских переводов Библии... либо... гимнологических памятников: служебных миней, триодей, октоихов» (*Мещерский Н.А. История... С. 119–120*). А.А. Пичхадзе отмечает предположительное заимствование из «Александрии Хронографической», хотя точных текстуальных соответствий нет: *Пичхадзе А.А. Переводческая деятельность в домонгольской Руси. Лингвистический аспект. М., 2011. С. 41–42.*

⁷ Оценка архаичности / инноваций для определения даты создания литературных и сакральных текстов, переводов или слоев в одном тексте далеко выходит за пределы русистики. См., напр.: *Rezetko Robert, What Happened to the Book of Samuel in the Persian Period and Beyond? // A Palimpsest: Rhetoric, Ideology, Stylistics, and Language Relating to Persian Israel (Gorgias Press, 2009). P. 237–252; Polak Frank H. Story Telling and Redaction: Varieties and Vagaries of Language Usage in the Exodus Narrative // The Formation of the Pentateuch: Bridging the Academic Cultures of Europe, Israel and North America (FAT 111, Tübingen; Mohr-Siebeck, 2015). P. 443–475.*

⁸ *Барсов Е.В. «Слово о полку Игореве»... С. 254.*

⁹ *Мещерский Н.А. История... С. 109–112.*

¹⁰ В издании 2004 г. отмечены только параллели к Галицко-Волинской летописи 2-й пол. XIII в.: *История Иудейской... Т. 1. С. 8–9. То же: Алексеев А.А. Интерполяции славянской версии «Иудейской войны» Иосифа Флавия // ТОДРЛ. 2008. Т. LIX. С. 112. О заимствованиях из «Истории» в Киевском своде нач. XIII в.:*

Между тем, хотя полностью принять гипотезу Н.А. Мещерского невозможно, некое рациональное зерно в ней есть. ПВЛ и «История» действительно сближаются друг с другом на уровне окказиональных микроцитат. Как увидим далее, сближения не ограничиваются в летописи статьями середины или 70-х гг. XI в. Видимо, речь идет о знании переводчиком ПВЛ приблизительно в том объеме, как она доступна исследователям сейчас.

Привожу несколько отмеченных параллелей. Сравнение отталивается от текста «Истории», фрагменты поданы последовательно от 1-й книги до 7-й. Вначале выписана I) серия предположительных микрозаимствований, затем II) серия редкой лексики, характерной для перевода Флавия и ПВЛ и нехарактерной для позднейших летописных сводов. В перечне листы и строки указываются по Архивскому списку (напр., Арх.355.20–21) на основании издания «Истории» 2004 г. Для греческого текста отмечены № книги и параграфа (например, 1, 229). В соответствующем пассаже ПВЛ приводится год летописной статьи и номер столбца летописи по Лаврентьевскому списку (например, 980 г. 79Л¹¹). При погрешностях в основном списке текст из иных летописей приводится в квадратных скобках.

I. 1. Арх.355г.20–21 послание Малиха Ирканы: «се Иродь *идеть* ни на кого же яко на тя . *а не пуцаи* въ градъ вои его» — греч. *ο*: 1, 229. — В то же время в ПВЛ видим подобное послание Володимира Святославича к греческому царю 980 г. 79Л: «*идуть* к тебѣ варязи... расточи я разнo . *а сѣмо не пуцаи* ни единого». Собственно, параллель сюжетная, однако заслуживает внимания потому, что все это послание в греческом тексте отсутствует. Вообще нет обмена письмами, упоминания Ирода и наказа «не пуцать»¹².

Вилкул Т.Л. О хронографических источниках Киевского летописного свода // ТОДРЛ. 2010. Т. LXI. С. 393. Заимствования в Галицко-Волынской летописи и Киевском своде отмечены в кн.: *Пичхадзе А.А.* Переводческая деятельность... С. 41.

¹¹ Лаврентьевская летопись // ПСРЛ. М., 1997. Т. 1; варианты в Радзивиловском и Московско-Академическом списке приведены в том же томе; текст по Ипатьевскому и Хлебниковскому спискам см.: ПСРЛ. Т. 2. М., 2000. Варианты списков ПВЛ также: *Ostrowski Donald.* The Povest' vremennykh let: an interlinear collation and paradosis. Cambridge, Massachusetts, 2003. P. I–III.

¹² Ср. более пространный фрагмент Арх.355: «и очютивъ малихъ яко на того поидеть . и написа къ арканови глѣя . яко се иродь идеть ни на кого же яко на тя . а не пуцаи въ градъ вои его . тѣм же ирканъ посла къ иродови . и рече празъникъ есть гънь . а не подобаетъ вести иноплеменикъ въ градъ чистымъ соушимъ . — 1, 229 ἐνῆγεν γὰρ δεδοικῶς τὴν ἔφοδον Μάλιχος, ἐκώλυεν τοὺς ἀλλοφύλους εἰσαγαγεῖν ἐφ' ἀγνεύοντας τοὺς ἐπιχωρίους. Следует добавить, интонации «ни на кого же яко же на тя» близки к Киевскому своду, 1196 г. 701И: «онъ же нынѣ ворогъ ми ся оучинилъ . ни про кого же яко же про тя».

2. Арх.356г.14–16 «фасаиль же *надѣяся на свою правдоу* . и на простосердие . и на клятвоу» — греч. *σ*: 1, 255 — 1096 г. 237Л об Олеге Святославиче в конфликте с сыновьями Володимира Мономаха: «Олег же *надѣяся на правду [свою]* яко правъ бѣ в семь Олегъ»¹³. Вновь-таки, в греческом имеются соответствия для предыдущего и предшествующего пассажей, но не самого интересующего нас фрагмента¹⁴.

3. Арх.360г.15–17 «иродъ же свою чясть выкримся по . ѿ . талантъ *на лѣто даяти*» — греч. 1, 362: *μισθοῦται δὲ καὶ τὰ τῆς βασιλείας ἀπορραγέντα χωρία διακοσίων τάλαντων εἰς ἕκαστον ἐνιαυτόν* — 882 г. 24Л «дань *даяти* от Новагорода гривень . ѿ . *на лѣ^м* (мира дѣля)». Кроме ПВЛ, несколько раз аналогичные выражения встречаются в Хронике Амартола¹⁵.

4. Арх.372в.25–26 «...оубиевѣ оцѣ . и подажъ намъ *оружие* градское . и имѣние» — греч. 1, 528: *κτείναντα τὸν πατέρα, καὶ παράσχη τοῖς ὀπλοῖς χρήσασθαι* — 1068 г. 170Л «*даи* княже *оружье* и кони . и еще бьемся с ними». Опять параллель скорее сюжетная, и примечательна тем, что перевод небуквален и неточен. Речь идет о повелении взять (передать) стражу, устроить убийство отца и подготовке и использовании воинов, а не об оружии и имуществе¹⁶.

5. Арх.375а.21–23 «оже приимахоу дары не от *всего сердца прияхоутъ* емоу . но имъ же даяше . ти же врази емоу быша» — греч. *σ*: 1, 555, использовано совершенно иное выражение «принимавшие ничуть не становились более доброжелательными»: *συνέβαινε δὲ τοὺς μὲν λαμβάνοντας οὐδὲν μᾶλλον εὖνους γίνεσθαι, χαλεπωτέρους δ' ἐχθρούς οἷς μὴ δίδοι.* — Между тем, в речах Святополка Окаянного вышгородским «боярцам» находим нужный оборот, 1015 г. 132Л: «и *ре^ч* имъ *пріяете* ли *ми встѣмъ ср^оцмъ*».

6. Арх.374б.39–40 «оже александровъ снѣ дѣда имѣя архелаа . а феророу тстя . *възрастеть и възмоужаетъ*» — перевод небуквален,

¹³ Кроме того, еще в продолжении ПВЛ по Ипатьевскому списку, см. о самом Володимире Мономахе, 1116 г. 282И: «Володимеръ же *надѣяся на бѣ и на правду* . поиде къ Смоленску».

¹⁴ Ср. Арх.356 шире: «...ни яти вѣры варваромъ . аще и кленоутся . *фасаиль же надѣяся на свою правдоу* . и на простосердие . и на клятвоу . поимъ иркана и иде безъ блюденія» — 1, 255 *φύσει γὰρ ἀπίστους εἶναι τοὺς βαρβάρους, ἔξεισιν Ὑρκανὸν παραλαβόν...*

¹⁵ *Истрин В.М.* Книги временныя и образныя Георгия Мниха. Хроника Георгия Амартола в древнем славяно-русском переводе. Т. 1: Текст. Пг., 1920. С. 180 («*емля оу него дань по вся лѣ^т*»), с. 564 («и *всѣмъ* манастиремъ на вся *лѣта* роугы»).

¹⁶ Ср.: 1, 528 *πρὸς τὸν Ἀλεξανδρείου φρούραρχον ἐπιστολῇ παρὰ Ἀλεξάνδρου παρακαλοῦντος, ἵνα αὐτὸν δέξηται τῷ φρουρίῳ μετὰ Ἀριστοβούλου τοῦ ἀδελφοῦ κτείναντα τὸν πατέρα, καὶ παράσχη τοῖς ὀπλοῖς χρήσασθαι καὶ ταῖς ἄλλαις ἀφορμαῖς.*

ср. греч. 1, 561–562: εἰ πρὸς Ἀρχελάῳ πάπῳ καὶ Φερώραν κηδεστὴν ὁ Ἀλεξάνδρου παῖς προσλάβοι — но в известной характеристике Святослава Игоревича видим то же редкое выражение, 964 г. 64Л: «Князю Стѣославу *възрастѣишо . и възмужавши^о* . нача вои совкупляти».

7. Арх.384г.33–34 о ессеях и их отношении к путешествующим из той же секты: «аще же и из ынехъ градъ приходять тоуж^иии, и незнами . но то же житие дръжаше , то идоуть къ нимъ . якоже и къ своимъ . и *питиѣ и ядениѣ не бранять* имъ» — перевод небуквален: греч. 2, 124: ...πάντ' ἀγαπέπταται τὰ παρ' αὐτοῖς ὁμοίως ὡσπερ ἴδια, καὶ πρὸς οὓς οὐ πρότερον εἶδον εἰσίσαιν ὡς συνθηεστάτους — см. панегирик князю Мстиславу Черниговскому, 1036 г. 150Л: «любяше дружину по велику . имѣнья не щадяше ни *питья . ни гденыя браняше*».

8. Арх.415а.6–9 и некоторые др.¹⁷: «*кровь зъ забралъ течаеше* яко рѣкы» — греч. 3, 249: αἵματι δ' ἐρρεῖτο πᾶς ὁ πρὸ τῆς μάχης περιβόλος... — ср. 1015 г., сражение Святополка и Ярослава, 144Л: «и стсупашася трижды . яко по удольемъ *крови теци*».

9. Арх.420а.14–17 «и паки *не* можаше ихъ *оубити* въ градѣ . блюдая ать не скотораються *гражане* . зане роукоу вдаль имъ . и оувѣрився с ними» — греч. нет точного соответствия, 3, 535¹⁸ — 980 г. 77Л о Володимире Святославиче: «а самъ мысля оубити Ярополка . *гражены* же *не* бѣ лъзѣ *оубити* его».

10. Арх.427в.33–36 о не пожелавших несправедливо осудить на смерть судьях: «лѣплѣ имъ *с* нимъ *оумрети* . *негли жити* без него» — перевод неточен: греч. 4, 341: καὶ σὺν αὐτῷ τεθνάναι μᾶλλον ἢ τῆς ἀναίρεσεως αὐτοῦ (λαβεῖν τὴν ἐπιγραφὴν) — ср. слова св. Глеба: 1015 г. 136Л «луче бы ми *оумрети* съ братомъ . *нежели жити* на свѣтѣ семь».

11. Арх.432в.20–22 угроза Симона, если не отдадут ему его жену: «раздрюшу стѣны и внидоу . и тако *сътворю* всеѣмъ *гражаномъ* . *яко* вамъ *сътворихъ*» — греч. нет соответствия сравнению «яко...», 4, 543: ῥήξας τὸ τεῖχος τοιαῦτα διαθήσειν πάντα τοὺς κατὰ τὴν πόλιν (μηδεμιᾶς φεισάμενος ἡλικίας...). Однако последнее имеется в угрозе князя Володимира 988 г. 109Л: «слышу же се яко сестру имата двѣю да аще еѣ не вдаста за мя . *сътворю* граду вашему *якоже* и сему *сътвори^{хъ}*».

12. Арх.441г.38–442а.2 описание «лютой сечи»: «и вопль възвышашесе от обоих незнаемъ . и от мечь искры вылѣтаахоу . и *за роуки емлющесе съчяхоу* . и мноси прѣдстоатели падоша» — греч. ѵ: 5, 286 — см. битва на Лыте Ярослава и Святополка 1019 г. 144Л: «и стсупишася обои . бы^с съча зла . *яка* же не была в Руси . и *за руку емлю*

¹⁷ Ср. Арх.422б.16–18 и кровь съ горы текоущи погроузи весь градъ; 452б.37–38 кровополитие бысть въ обоихъ аки рѣка; 458б.23–25 кровь же течаеше аки рѣка.

¹⁸ καὶ γὰρ αὐτόθι κτεινὼν ἐκπολεμώσιν ὑφωρᾶτο τοὺς ἐπιχωρίους, οὐ γὰρ ἀνέξεσθαι φονευμένων ἱκετῶν τοσοῦτων παρ' αὐτοῖς, καὶ μετὰ πίστεις ἐπιθέσθαι προελθοῦσιν οὐχ ὑπέμενεν.

че стѣяхуся . и сступашася трижды . яко по удольемъ крови тещи». В греч. имеются начало и окончание, но нет соответствия выражению «и от мечь... емлющеся сѣяхоу»¹⁹.

13. Арх.445в.3–7 обличительные речи Иосифа: «творяще дѣла . яже *нелзѣ казати* . врѣху своего безакониа» — греч. иначе, 5, 393: *παροξυνόμενοι πρὸς τὰς ὑπομνήσεις τῶν ἀμαρτημάτων καὶ μηδὲ τοὺς λόγους φέροντες ὡν τάργᾳ δρᾶτε (καθ' ἡμέραν)* — ср. описание местной аномалии, 1065 г. 164Л: «на лицѣ ему срамнии оудове . иногo *нелзѣ казати* срама ради».

14. Арх.462в.39–40 «и вся продаша съ женами и с чяды на малѣ цѣнѣ по десяти златникъ» — греч. *σ*: 6, 384²⁰ — но именно «10 златникъ» отмечены в договоре Игоря с греками (при том что вообще «златникъ» используется в ПВЛ всего трижды и только в этом договоре, и еще несколько раз отмечено «золотникъ», там же). См. 945 г. 50Л: «аще будеть оуноша или дѣвица добра . да вдадять *златникъ . і*. и поимуть и»; «аще ли суть плѣнницы . да исконають [искоупають] е русь . по . і . *златникъ*».

II. Далее перечислены несколько примеров редкой лексики или словосочетаний, которые сближают «Историю» Флавия и ПВЛ и не встречаются в иных летописях. Впрочем, имеем и противоположные случаи, с параллелями к Киевскому своду и Галицко-Волынской летописи, которых нет в ПВЛ (что, разумеется, неудивительно, так как южнорусские летописцы знали «Историю» Флавия).

Арх.348б.1–3 «всю силоу свою погоуби *непроходимымъ мѣстомъ*» (1, 90 ...κατὰ βαθείας φάραγγος) — ср. 1096 г. 235Л: «есть же путь до горъ тѣхъ *непроходи^м пропастьми . снѣго^м и лѣсо^м*». Правда, здесь в Начальной летописи, в свою очередь, заимствование из «Откровения Мефодия Патарского».

Арх.359г.33–34 «постави *лѣпшиюу хитреишоую дружиноюу*» (1, 344 ...τοὺς ἀνυτικωτάτους τῶν ἐταίρων) — 1095 г. 227Л «а Итларь бы^с въ градѣ с *лѣпшию друженоюу*». В иных сводах «лѣпшие» только «моужи».

Арх.377в.21–22 «иже быша *смысленѣише* от отрокъ его» (1, 611 οἱ... προμηθέστεροι τῶν φίλων) — в ПВЛ для «смыслень»²¹

¹⁹ 5, 286 *κ*ραυγῆ τε παρ' ἀμφοτέρων ἀσήμαντος ἦν, καὶ πολλοὶ τῶν προαγωνιζομένων ἐπιπτον. Н.А. Мещерский, со ссылкой на Е.В. Барсова, пишет о сближении «Истории» и летописи, а также паримейного чтения на память свв. Бориса и Глеба, но не отмечает отсутствие соответствия в греч. тексте Флавия. *Мещерский Н.А.* «История», с. 110.

²⁰ 6, 384 (τοὺς γὰρ δημοτικὸς καταλιπόντες μόνους) τὸν ἄλλον ὄχλον ἐπόλουν σὺν γυναιξὶ καὶ τέκνοις, ἐλαχίστης τιμῆς ἕκαστον (πλήθει τε τῶν πιπρασκομένων καὶ ὀλιγότητι τῶν ὄνουμένων).

²¹ «Смыслень» характерно именно для ПВЛ. Слово отсутствует в Киевском своде и Галицко-Волынской летописи, но один раз использовано в Лаврентьевской за XII в. См. 1138 г. 306Л: «Всеволод же то слышавъ яко *смыслень* сыи».

можно подобрать несколько соответствий, от недатированного Введения о полянах, 9Л: «бяху мужи мудри и *смыслени*», до 1093 г. о советниках Володимира Мономаха и Святополка 218Л: «и рѣша ему мужи *смыслени* . не кушаися; 219Л «и рѣша има мужи *смыслени* . почто вы распря имате»; 219Л «пристояху совѣту сему *смыслени* мужи».

Арх.420в.35–36 «еосуспасианъ же вѣста от маоуса . идеже ся бяше *обрывль* прѣд тивириадомъ» (4, 11 ... πρὸ τῆς Τιβερίადος ἐστρατοπεδεύκει)²² — в ПВЛ о Володимире Святославиче 980 г. 76Л: «стояше Володимеръ . *обрывся* на Дорогожичи»²³.

Арх.441б.2–3²⁴ «и воемъ *повель* *приспоу* дѣлати» (5, 262 ἐκέλευσε τὴν ὕλην ἐγεῖρειν ῥώματα) — ср. 988 г. 116Л о корсунянах: «иже съсыпаша средѣ града . кридуше [крадоуше] *приспу*»; а также более близкое, но испорченное в основном Лаврентьевском списке, 109Л: «и *повель* *приспутити* [*присъпу* соути / *приспу* сыпати]²⁵ къ граду».

Арх.465в.9–11 «и възложь на нь вѣнецъ злать и *гривноу* *златоу*» (7, 14 καὶ στεφάνου ἐπέτιθει χρυσοῦς, περιανυχενία τε χρυσῶ) — пример из ПВЛ касается единственного описания отрока (слуги) св. Бориса, 1015 г. 134Л: «бѣ бо възложилъ на нь *гривну* *злату* велику». При этом, правда, к данному выражению можно подвести сразу несколько библейских параллелей.

Все отмеченные примеры из серий I и II касаются ярких эпизодов истории Руси, которые на слуху не только у специалистов по этому периоду, но и у любителей и читателей летописей. Вообще говоря, для облегчения своих рабочих заданий славянские переводчики охотно брали уже накопленные в предыдущей книжности сочетания. В том числе сказанное коснулось текстов исторического жанра²⁶. В нашем случае зависимость от ПВЛ не была линейной и всеобъемлющей. Например, переводчик «Истории» Флавия не опирался на уже известный вариант рассказа о знамениях падения Иерусалима, скопированный в ПВЛ с

²² В целом в переводе «Истории» «обрывиться» появляется ок. 2-х десятков раз, см.: История Иудейской... Т. 2. С. 187.

²³ При этом не используется не только в иных летописных сводах, но также и в хрониках Амартола, Малалы и др.

²⁴ Кроме приведенного выражения, «присъпа» в переводе «Истории» встречается несколько десятков раз, см.: История Иудейской... Т. 2. С. 292–293.

²⁵ Первый вариант из Новгородской первой летописи младшей редакции, второй — из Ипатьевского и Хлебниковского списков; в Лаврентьевском, Радзивилловском и Академическом порча.

²⁶ В Хронике Амартола использованы варианты библейских цитат из Паримейника, из толковых пророков, вставлен большой фрагмент Жития Афанасия Александрийского, совпадающий с версией Супрасльского сборника, и т.д.

несколькими сокращениями и изменениями из Амартола²⁷, а сделал собственный перевод. Для наглядности привожу тексты:

Арх.459в.25–30	1065 г. 164Л	Хроника Амартола, с. 200
« <u>явишася по аероу</u> <u>и по нбоу</u> по всеи иоудѣистей земли, <u>колесници</u> и пол- ци <u>съ</u> оружиемъ <u>скачюще сквозѣ</u> <u>облаки</u> . и <u>обстоупа-</u> <u>юще грады</u> »	«случися [ключися] внезапу по всему граду за 40 днѣи . являтися на въздусть . на конихъ рицюющимъ . въ оружьи златы имуца одежъ . и полкы обоя являемы . и оружьемъ двизающи ^с я»	«ключися по всемоу граду въскорѣ за днѣи 40 являтися на въздоусть на конихъ ри- цююще въ оружьи, златыя одежа имоуце, и полци обо- ямо бываемы, и оружиемъ двизания и златыя красоты блистанія, всякъмъ видомъ облечены въ брнѣя»

Не взволновали его и многие «идеологические», если можно так сказать, материи. Подобные вопросы обычно сложно обсуждать на материале переводных текстов, но в нашем случае имеем довольно любопытные примеры. Так, для составителя ПВЛ «великая Скуфь» соответствует объединению племен Руси: от полян, сидящих по Днепру, и до тиверцев, севших по Дунаю и Днестру²⁸, сам же оборот заимствован у Епифания Кипрского. Переводчик «Истории» Флавия выводит из названия Σκῦθαι «печенѣжский родъ», предлагая типичную для средневекового периода фантастическую генеалогическую связь осетин (аланов / «ясов») с печенегами. Ср. Арх.472г.28–31 «языкъ же я[с]ескыи вѣдомъ е^с . яко от печениженска /Отдельная редакция: *печенѣжска*/ рода родися . живоуще подлѣ, танаи . и меотскаго моря» — греч. 7, 244: Τὸ δὲ τῶν Ἀλανῶν ἔθνος ὅτι μὲν εἰσι Σκῦθαι περὶ τὸν Τάναϊν καὶ τὴν Μαϊῶτιν λίμνην κατοικοῦντες. Попутно изменен синтаксис, так как буквальный перевод звучал бы: «... народ аланов, которые ведь есть скифы, возле Дона и Азовского моря обитающие». Т.е. книжника интересовало происхождение печенегов, а не «Великой Скуфии», распространившейся по Днепру, Днестру и Дунаю. Н.А. Мещерский считал, что само по себе появление печенегов свидетельствует о раннем переводе XI в. Ученый усматривал последнее упоминание печенегов в летописи под 1146 г., «ясов» же отнес к еще более раннему времени — 1116 г. (ср. «яського князя дщерь» в продолжении ПВЛ по Ипатьевской редакции)²⁹. Это утверждение неверно. Далее печенеги упомянуты под

²⁷ Если говорить о греческих оригиналах, то Хроника Амартола в конечном итоге здесь восходит к Флавию.

²⁸ 12–13Л «иже бяху в мирѣ поляне . и деревляне ... а оулучи [оуличи] тиверьци . сѣдяху бо по Днѣстру . присѣдяху къ Дунаеви бѣ мнѣжество ихъ . сѣдяху бо по Днѣстру . или до моря . [и] суть гради ихъ . и до сего днѣ . да то ся зваху от грекъ . Великая Скуфь».

²⁹ Мещерский Н.А. История... С. 108.

1151, 1152, 1162, 1169 гг.³⁰ «Ясь» — название гораздо более редкое, но еще под 1175 г. в повести об убиении князя Андрея Боголюбского говорится о некоем «Аньбале / Амбале *ясине*». Печенеги в сер. XII в. обитали южнее Киева, и вопросом их генеалогии, видимо, мог заинтересоваться человек, знакомый с реалиями Киевской и Переяславской земель.

Несмотря на все оговорки, параллели «Истории» и ПВЛ примечательны. Как кажется, переводчик Флавия позаимствовал из Начальной летописи яркие запоминающиеся выражения, используя их в основном в своих амплификациях. Для получения общей картины необходимо отследить как можно точнее весь референтный круг чтения нашего книжника, и, не исключено, влияние ПВЛ в конечном итоге окажется даже более значительным³¹. В свою очередь, гипотеза о внимательном прочтении ПВЛ связана с иным тезисом — что степень архаичности или, наоборот, инноваций в языке древнеславянских текстов сильно зависела от образцов, бывших авторитетными для их авторов и составителей. Если позволить себе отвлечься от основной темы, мы сталкиваемся с надежной и достаточно яркой иллюстрацией этого явления на примере более позднего исторического текста — Галицко-Волынской летописи. Замечено, что ее язык существенно разнится для двух основных частей, галицкой и волынской. Между их составлением (2-я половина 1250-х — начало 1260-х и 1290-е гг., соответственно) пролегает не более 40 лет, но по языку они тяготеют к текстам, разделенным двумя-тремя сотнями лет³². Вызвано это тем, что «галицкий» составитель опирался на переводные хронографические тексты, основной корпус которых сложился ко 2-й пол. XI в., тогда как «волынский» более всего подражал Киевскому летописному своду нач. XIII в. Разумеется, задача определения взаимоотношений памятников еще более усложняется в связи с необходимостью учитывать не только прямые, но и обратные влияния.

³⁰ 427И, 339Л, 517И, 533И.

³¹ Для чего, как уже говорилось, необходимо фронтальное сопоставление многих текстов, доступных южнорусским книжникам в домонгольское время. Не со всеми проведенными Н.А. Мещерским параллелями сейчас можно согласиться именно по той причине, что не учтен ряд текстов. Напр., «громы и блистания» характерны не только для «Истории» и Лиственской битвы 1024 г. (*Мещерский Н.А.* История... С. 110), но и для нескольких библейских книг: Исхода, Толкового Апокалипсиса и др.

³² *Юрьева И.С.* Лингвистические параметры стилистических различий между Галицкой и Волынской летописями // Письменность Галицко-Волынского княжества: историко-филологические исследования. Olomouc, 2016. С. 65–77.

Формирование чешского этногосударственного пространства: идеологизация территории по данным хронистики

DOI 10.31168/91674-483-5.11

Чехия, с XVI в. географически образно рассматриваемая как «сердце Европы», определила свое место на континенте еще в Средневековье, когда автохтонная династия Пршемысловцев сформировала основное пространство чешского государства, что прямо отразилось в идеологии и топонимии. Возник идеологический комплекс представлений, синтезный по своей природе, включавший в себя кирилло-мефодиевскую традицию, трактуемую как политическое и в определенной мере церковное преемство от Великой Моравии, включенность в систему Священной Римской империи при сохранении в ней одного из ведущих мест (как княжество, затем королевство) и сознание этноязыковой идентичности.

Сформировавшаяся государственная идеология, отраженная в памятниках письменности и искусства, уделяла значительное внимание местам (локусам), которые связывались с этногенезом чехов (гора Ржип), династическим преданием Пршемысловцев (Стадице, Прага, Вышеград, Либушин и др.) и ранней (мифологической) историей страны (Шарка, Либице, места, связанные со св. Вацлавом и св. Людмилой). В почитании этих локусов как сакрализованных по преимуществу светских объектов этно-государственно-исторического наследия обнаруживается глубокий синтез таких понятий, как пространство, историческое время, этнос, правящая династия, культ национальных святых. Этот синтез определял характер чешского средневекового этнопатриотизма, где чешский этнос был неотделим от пространства, им занимаемого, как оно сформировалось на протяжении IX–XIII вв.

В процессе формирования этноисторического сознания чехов, начиная с X в., одним из важнейших компонентов их идентичности

становится именно топографическая локализация, связывающая исторические предания с конкретными локусами на территории страны. Они в свою очередь становятся объектами почитания, что оказывает влияние на складывание устойчивой историко-патриотической традиции. Ландшафт насыщается историческими реминисценциями и в этом смысле идеологизируется. Идеологизация территории облегчает укоренение и трансляцию в сознании чехов континуитета национально-исторического развития, следы которого отпечатаны на родной земле, присутствуют «здесь и сейчас» и являются зримым подтверждением славного (в основном) прошлого. Именно так стал трактоваться чешский пейзаж гораздо позднее, в культуре эпохи Национального возрождения, прежде всего в живописи, и позднейших реминисценциях этой культуры.

Основные сведения по данной теме содержатся в чешской средневековой хронистике, прежде всего в первой чешской хронике, написанной Козьмой Пражским на рубеже XI–XII вв. Заложенную им традицию продолжили хронисты XIV в., такие как так называемый Далимил, Пршибик Пулкава и др. В новых исторических условиях, когда после гуситской революции стало необходимым сплочение конфессионально раздробленного чешского общества, Вацлав Гаек в своей «Чешской хронике» (написана на чешском языке, издана в 1541 г.) вернулся к этой традиции, объединявшей всех чехов. Как и предыдущие хронисты, но более красочно и беллетризованно, он дает объяснения очень многим топонимам, прямо связывая их с чешской историей. Во многом это не столько фиксация преданий, сколько плод творчества самого хрониста. Общая патриотическая направленность его хроники здесь проявилась в полной мере, и именно это представляет для нашей темы главный интерес. У Гаека в этом плане много взял Павел Странский — автор сочинения «О чешском государстве», представлявшем Чехию в 1620-е гг. европейскому читателю.

Обобщая материалы чешской средневековой хронистики, сделаем попытку создать целостную картину идеологизированной интерпретации чешского пространства.

Сама географическая Чехия еще до прихода туда племени чехов описывается Козьмой Пражским и еще более так наз. Далимилом по библейскому образцу как «земля обетованная», в изобилии наделенная всяческими природными благами. Первые поселенцы, пришедшие в эту страну, — чехи, назвавшиеся так по имени их предводителя праотца Чеха. Первоначально они поселились, как сообщает Козьма Пражский, на горе Ржип в междуречье Огрже и Влтавы. Ассоциация с библейским сказанием об обретении богоизбранным народом израильским земли Ханаанской заложила идеологему богоизбранности чехов, позднее приобретшую большие масштабы, и задним числом христианизировала чешское этногенетическое предание. Таким образом, Ржип — точно географически определенный локус первого

центра племени чехов. Современная археология, однако, не выявила на Ржипе культурных слоев ранее X в., поэтому предание о первом поселении чехов следует считать историческим вымыслом¹.

Гора Ржип занимает значительное место в чешском историко-патриотическом сознании. Уже с раннего Средневековья она почитается как священное для чехов место. Его христианизация была внешне маркирована постройкой в XII в. романского храма на месте обветшавшего, что свидетельствует о более раннем, с XI в., почитании этого локуса. Храм был освящен в 1126 г. на очень высоком уровне. В присутствии князя Собеслава I церемонию проводил оломоуцкий епископ Здик. Хотя Ржип не относился к его диоцезу, он провел освящение храма по просьбе монарха, который в это время конфликтовал с пражским епископом, которому и надлежало бы совершить этот акт². Постройка костела была прямо связана с битвой при Хлумце в 1126 г., завершившейся победой чешского войска князя Собеслава I над войсками моравского князя Оты и императора Лотаря III. Ясно, что инициатива новой сакрализации Ржипа исходила от княжеской власти, т.е. являлась частью государственной идеологии. Привлечение оломоуцкого (моравского) епископа могло символизировать то, что Моравия является частью Чешского государства, что имело тогда политическое значение.

Высота горы Ржип — 456 м. Романский костел состоит из трех объемов, расположенных по схеме «лестница в небо»: низкий притвор, более высокий главный объем и высокая колокольня. Все объемы построены в форме цилиндра. Это очень типично для чешской храмовой архитектуры романского периода³. Таким образом визуально воплоти-

Гора Ржип. Современный вид.

¹ Přemyslovci. Budování českého státu / Eds. P. Sommer, D. Třeštík, J. Žemlička. Praha, 2009. S. 71, 152.

² Об этом сообщает Каноник Вышеградский: Pokračovatelé Kosmovi. Praha, 1974. S. 40.

³ Merchautová A., Třeštík D. Romanské umění v Čechách a na Moravě. Praha, 1983. S. 90, 110.

лась идея богоизбранности чешского народа, намеченная в тексте Козьмы Пражского, где «обретение родины» подано как реминисценция библейского сюжета о приходе древних иудеев в Землю обетованную. Первоначальный костел был посвящен св. Войтеху, второму значимому чешскому «национальному» святому, пражскому епископу и мученику. Новый костел сменил свою патронимию и стал костелом св. Георгия. Замена епископа на воителя, как можно предположить, перемещала акцент на боевую славу Чехии, дававшей отпор своим врагам, что подтвердила недавняя победа под Хлумцем. Новая патронимия также соотносила храм на Ржипе с монастырем св. Георгия на Пражском Граде. Монастырь был основан для женщин из рода Пршемысловцев, поэтому был особенно близок к правящей династии.

Гаек гору называет *Zříp*, что по-славянски означает *Vrch* — «холм», «возвышенность»⁴. Странский особо подчеркивает символику Ржипа: «В этом крае известна и прославлена гора, издалека видная на равнине, названная *Zřít* (Стража)», отсюда искаженное *Říp*. Предки чешского народа поселились там около 450 г. (Гаек дает другую мифическую дату — 644 г.⁵) и «заложили начало нашего государства»⁶.

Почему «пупом чешской земли» был выбран именно Ржип? Гора Ржип находится в гряде северочешских гор и до сих пор видна издалека. Ржип расположен вне «удельных» княжеств династии Пршемысловцев, довольно далеко (по чешским масштабам) от Праги, поэтому в начале XII в. вполне мог служить символом единства чешского этногосударственного пространства. Поэтому костел закладывает пражский князь, а освящает моравский епископ.

Место генезиса этногосударственного пространства чехов (локальная точка) по легенде возникло в дохристианскую эпоху, поэтому после утверждения христианства в Чехии она требовала христианизации, освящения. Так задним числом христиански сакрализировалось «обретение родины». В итоге возник синтез этнического, государственного и сакрального начал, который станет типичным для чешского средневекового сознания. К тому же Ржип стал символом целостности чешского этнического и государственного пространства и чешской идентичности.

Новое актуальное патриотическое значение этот локус приобрел в эпоху Национального возрождения. Ржип как символ в определенной мере подвергается реинтерпретации, становясь прежде всего символом чешскости, национально-исторической традиции и в таком виде источником чешского патриотизма Нового времени. В XIX в. на стене костела на Ржипе была сделана надпись: «Что для Магомета Мекка, то

⁴ *Hájek z Libočan V. Kronika česká. Praha, 2013. S. 33.*

⁵ *Ibid.*

⁶ *Stránský P. O státě českém. Praha, 1940. S. 50.*

для чеха Ржип». Изображение горы с расположенным на ней храмом св. Георгия приобретает не только символический, но и эмблематический характер, выражая идеологию чешского патриотизма Нового времени. В таком качестве Ржип присутствует на знаменитой работе крупнейшего чешского художника эпохи Национального возрождения Йозефа Манеса «Св. Георгий поражает дракона» (1863), которую следует интерпретировать как призыв к освобождению Чехии от австрийского гнета. Это не картина, а знамя патриотического объединения «Ржип» в городе Роуднице, расположенном не так далеко от горы. Изображение Ржипа занимает левую часть полотна, справа находится фигура спасаемой св. Георгием принцессы, явно символизирующая Чехию. Реалистический пейзаж Й. Манеса «Ржипский край» (1863) не несет такой прямой идеологической нагрузки. На нем знаменитая гора лишь виднеется на заднем плане, но именно она служит центром перспективной композиции. Обратим внимание на то, что обе работы созданы в 1863 г., в период нового чешского общественного подъема⁷.

В 1830–40-е гг. среди молодого поколения чехов, прежде всего из пражского образованного круга, студентов и литераторов, становятся модными «вылеты» — воскресные и летние экскурсии на гору Ржип, сопровождаемые лекциями историко-патриотического содержания, пением чешских песен, чтением патриотических стихов, собиранием цветов с исторической горы в гербарии пражских барышень, объяснениями молодых людей в любви прежде всего к Родине, а потом уже друг к другу. Такой «патриотический завтрак на траве» изображен, уже в свою очередь как историческое воспоминание об эпохе Национального возрождения, на картине художника Адольфа Ляйбшера «Výlet na Říp» (1902), отражающей авторефлексию ностальгирующего по временам романтизма чешского общества начала XX в.

Историко-патриотическими реминисценциями, которые должны были вызывать у зрителя сильные патриотические чувства, пронизаны на первый взгляд «чистые» пейзажи Ржипа, выполненные в 1880-е гг. главой чешской школы пейзажистов Юлиусом Маржаком. В них нашел свое выражение специфически чешский «ландшафтный патриотизм», понятный далеко не сразу иностранному зрителю, русскому в том числе. Открыто патриотическое звучание тема приобретает в живописном панно, написанном Ю. Маржаком для здания Национального театра в Праге, где оно заняло соответствующее место в идеологически строго продуманной концепции декора этого храма чешской культуры и главного символа чешской идентичности Нового времени. Конечно, Ржип в анализируемом плане встречается во многих произведениях чешской культуры XIX–XX вв., анализ которых может составить тему самостоятельного исследования.

⁷ *Lamač M. Josef Mánes. Praha, 1952. S. 86, 92.*

Храм св. Георгия на горе Ржип. 1126 г.

В начале XXI в. Ржип вновь реанимировал свой патриотический статус. Вошли в моду семейные экскурсии выходного дня на эту гору, в ходе которых дети в ненавязчивой форме приобщаются к чешской традиции. Очевидно, такое возобновление интереса к этому историко-патриотическому локусу связано с интеграцией современной Чешской Республики в евроструктуры, что сопровождается дискуссиями о сохранении чешской идентичности в эпоху глобализации. Непосредственно этой проблеме посвящен спектакль пражского Театра на Виноградах «Фидловачка» по знаменитой пьесе классика Национального возрождения Й.К. Тыла, где впервые прозвучал будущий чешский гимн «Где мой дом». Автор инсценировки и режиссер спектакля, поставленного в 2010 г. (автор этих строк был на премьере, собравшей чешскую художественную и политическую элиту), Иржи Гавелка добавил к пьесе сцены, основанные на протоколах заседаний Европарламента по вопросу о гимне Евросоюза. В финале спектакля, анализ которого сделан мною в другой публикации⁸, все члены Европарламента поют «Где мой дом», опускается задник, на котором мы видим большое изображение горы Ржип, взятое у Й. Манеса, как символа чешской идентичности и культурно-патриотических традиций.

⁸ Проблема национально-культурной идентичности в самосознании чешской культуры начала XXI в. (Реинтерпретация классических текстов Сватоплука Чеха и Йозефа Каэтана Тыла в современном чешском театре) // *Obraz člověka v súčasnej slovenskej literatúre* / Ed. D. Podmaková. Bratislava, 2013. S. 56–70.

С другой легендой, этатизационной, называемой в чешской традиции Пршемысловской повестью, связана деревня Стадице. Из этого локуса пошла династия Пршемысловцев, поскольку оттуда был призван на княжение основатель династии Пршемысл-пахарь. Сам акт призвания на трон Пршемысла-пахаря красочно описан у Козьмы Пражского. Последующие чешские хронисты лишь дополняли и корректировали его рассказ. Сама легенда о происхождении чешской государственности и династии, правившей Чехией с IX в. по 1306 г., конечно, имеет первостепенное значение для чешского историко-патриотического сознания. Важно отметить, что автохтонность и простое крестьянское происхождение династии прямо связываются с конкретным местом на карте. Хронисты отмечают почитание Стадиц последующими чешскими правителями. Так, король Пршемысл Отакар I выделил членам династии особые земельные наделы в Стадицах, которые назывались наделами самого Пршемысла. Позднее крестьяне Стадиц на протяжении многих веков имели специальные привилегии, подтверждавшиеся монархами, уже не относившимися к династии Пршемысловцев (Карл IV, Сигизмунд, Иржи из Подебрад и др.)⁹. Таким образом, этот локус сохранил свое идеологическое значение и в чешском королевском предании. Во второй половине XIX в. в Стадицах был поставлен памятник.

Особо выдающееся место в хрониках отводится Праге. Козьма Пражский в уста пророчицы Либуше, передавшей власть над племенем чехов своему мужу Пршемыслу, вкладывает поэтическое пророчество об основании и будущем величии Праги как столицы чехов:

Вижу великий я град, славой достигший до неба.

В чаще стоит он, в трехстах стадиях от этой деревни (Стадице. — Г. М.),
Широкая Влтава-река границею служит ему¹⁰.

За точной локализацией следует подробное описание топографии будущей столицы, как она сложилась к началу XII в.: изгиб реки Влтавы, гора Петршин и т.д.

Далее следует пророчество о святых Вацлаве и Войтехе: это две золотые лозы, которые вырастут в Праге, и «все области чешской земли и остальные народы будут их почитать»¹¹. Следовательно, новый город — столица Чехии Прага, которую хронист далее называет «владычицей всей Чехии», — прославится на весь мир, и слава эта будет связана с правителем чехов святым князем Вацлавом и пражским

⁹ Подробнее см.: Мельников Г.П. Чешская этатизационная легенда в средневековой хронистике // Вестник славянских культур. 2014. № 2. С. 9–31.

¹⁰ Kosmova Kronika česká. Praha, 1972. S. 23–24.

¹¹ Ibid. S. 24.

епископом святым Войтехом, т.е. со светской и церковной ветвями власти. Таким образом, Чехия утвердится в Европе и как государство, и как сакральный центр, а Прага станет центром чешского государственно-церковного пространства. Также необходимо отметить идеологему согласия (симфонии) государственной, светской и церковной, духовной властей. На самом деле этого не было, временами было даже противостояние, особенно при Войтехе, но для читателя была гораздо важнее сама идеологема согласия как эталон.

Огромное значение Праги для истории Чехии верно и точно сформулировал современный чешский историк Йозеф Жемличка. Он пишет: «Прага — это феномен, который (с момента ее возникновения) с самого начала является стержнем всей чешской истории. История Праги — это, собственно, история всей страны, целого чешского государства. С раннего Средневековья существовал принцип: кто хозяин Праги, тот и владеет Чехией». Прагу основал первый исторически известный князь Борживой в IX в. как крепость (град). Пражский Град с этого времени стал резиденцией князей, королей и епископов, местом коронаций и сеймов. С IX в. до наших дней Прага выполняет функцию столицы. Такая длительность функционирования в Европе уникальна. При Пршемысловцах Прага стала одним из крупнейших и значительных городов Европы. Прага являлась первым по времени возникновения городом в собственном смысле этого слова в чешском государстве как центр, изъятый из правомочий местных феодальных властителей¹². Поэтому пророчество Либуше, сочиненное Козьмой Пражским, ретроспективно воспринималось как важнейший элемент чешской исторической традиции, так как Прага реально на протяжении всего существования чешского государства являлась центром государственного, церковного, экономического и культурного пространства.

В чешских хрониках часто фигурируют локусы, прямо производные от имени княгини Либуше: град Либушин, Либушин лес и т.п. Хронист Пулкава локализует смерть Либуше в граде Либуш — современном населенном пункте Либице недалеко от Праги. При этом особо интересно, что это мифическое сведение, противоречащее сообщениям других авторов, хронист связывает с дальнейшей судьбой этого града. Он перешел в собственность вельможи Славника — отца св. Войтеха, который там вместе со своей женой, матерью св. Войтеха, и погребен. Сам же Войтех родился в Либице¹³. Таким образом, у хрониста возникает новый сакральный локус. Чешские ученые считают данное сообщение просто неточностью хрониста¹⁴, однако представляется, что

¹² Přemyslovci. S. 172–178.

¹³ Kroniky doby Karla IV. Praha, 1987. S. 275, 286.

¹⁴ Ibid. S. 413.

здесь скрыт идеологический смысл: примирение двух родов — Пршемысловцев и Славниковцев — путем общего локуса — Либице, которая объединяет государственную и церковную традиции территориально. В настоящее время в Либице, раскопки крепости которой были музеефицированы в 1960-е годы, находятся два памятника св. Войтеху: как ребенку на месте предполагаемого дома Славника и как епископу, вместе со сводным братом Радимом, будущим первым польским епископом и святым, покидающим Либице после того, как по приказу пражского князя был вырезан весь род Славниковцев.

Пять локусов, что довольно много, связанных с Либуше, приводит в своей хронике Гаек. Это град Liběhrad, деревня Libčice, град Libín, двор Libodům, Libice, упоминаемая весьма часто, в том числе как место погребения Либуше¹⁵.

В хронике Гаека появляется новый княжеский локус, неизвестный его предшественникам и явно им придуманный. Это княжеский некрополь, называемый им Княжеская гробница, под Вышеградом, где хоронили всех пражских князей языческого периода начиная с Пршемысла и кончая Гостивитом¹⁶. Первый князь-христианин Борживой уже был похоронен по-другому — в построенном им костеле св. Михаила у града Тетин, где он провел свои последние дни с женой Людмилой, передав власть своим сыновьям¹⁷. Такая родовая гробница Пршемысловцев дохристианского периода в глазах читателя отделяла их от простых смертных и одновременно воплощала в себе континуитет верховной власти и династии, поэтому существование этого локуса, хотя бы чисто литературное, являлось чрезвычайно важным для государственной идеологии.

В «Чешской хронике» Козьмы Пражского присутствует гендерная локализация. Правый берег реки Влтавы — мужской, на нем была построена крепость Вышеград как резиденция князя Пршемысла. Это военно-политический центр страны. Левый берег — женский, там после смерти Либуше начала войну чешских амазонок против мужчин племени чехов женщина из бывшей свиты Либуше по имени Шарка. Исторически это место называлось Девин, в современной топонимике Праги это урочище под названием Дикая Шарка, имеющее статус памятника природы. Таким образом, легендарная «девичья война» четко локализована в пространстве большой Праги.

Значительное внимание хронисты уделяют локусам, связанным с христианством. Крещение Чехии обретает в хронистике свою локализацию. У Пулкавы за сообщением о крещении чешского князя

¹⁵ *Hájek V.* Op. cit. S. 46, 47, 58, 65.

¹⁶ *Ibid.* S. 79, 100, 112, 126, 138, 153, 164.

¹⁷ *Ibid.* S. 179.

А. Либшер. Посещение горы Ржип. 1902 г.

Борживоя в Великой Моравии самим св. Мефодием сразу следует рассказ о «перенесении веры» св. Мефодием, которого оскорбил великоморавский князь, из Великой Моравии в Чехию, куда он переехал¹⁸. Позднее св. Кирилл проезжал через Чехию с мощами святого

¹⁸ Мельников Г.П. Политический миф в чешской хронистике. («Перенесение веры» из Великой Моравии в Чехию в хрониках XIV–XVI веков) // Культура и история. Славянский мир. М., 1997. С. 159–170.

папы Климента в Рим и задержался в ней, поэтому мощи три года хранились в костеле, названном в честь св. Климента, на Вышеграде. Такой маленький романский костелик действительно там существует, но построен он позднее — в XI в. Представляется, что хронист своей легендой стремится повысить статус Чехии в христианском мире, а локус княжеской власти — Вышеград становится также новым сакральным центром. Здесь мы вновь видим идеологему согласия государства и церкви, вообще характерную для хроники Пулкавы, причем обретающую четкую локализацию.

У Гаека есть целый рассказ о христианизации Чехии. Первым костелом, основанным Борживоем, он называет храм св. Климента в Градце Кралове, который стоит «до сегодняшнего дня»¹⁹. На самом деле костел был построен в Левом Градце (ныне в черте Праги), но хронист не ошибается, ему, в соответствии с общей идеологической направленностью хроники, требуется повысить статус объекта, поместив его в большой и славный город. Сам прием повышения статуса он использует весьма часто. Мифическое пребывание св. Кирилла в Праге Гаек насыщает событиями. В частности, Кирилл в сане епископа освящает главный костел города — храм Девы Марии (Тынский), стоящий рядом с главной площадью, и служит там²⁰. Так главный сакральный объект столицы прямо связывается с деятельностью почитаемого святого.

С XI в. идет формирование святовацлавских локусов. Главными становятся Стара Болеслав, где он был убит, и храм св. Вита на Пражском Граде, где он погребен. В этих местах происходят чудеса, связанные с явлениями св. Вацлава. Поскольку св. Вацлав стал трактоваться не только как небесный патрон Чехии, но и как ее «вечный правитель», а сами чехи составляли его «семью», то всё пространство земель Чешской короны, т.е. Короны Святого Вацлава, с ее населением являлось «земельным владением св. Вацлава» и получало через него характер сакрализованного этногосударственного пространства. При Карле IV в новом готическом пространстве собора св. Вита особо выделяется как малое сакральное помещение внутри большого капелла св. Вацлава, роскошно декорированная, где хранятся мощи святого и чешская корона. Этот сакральный локус стал в сущности главной этногосударственной святыней.

Локализовалось также почитание св. Людмилы — жены князя Борживоя и бабушки св. Вацлава. Это град (впоследствии город с замком) Мельник, где она родилась, и град Тетин, где она была убита, а также локус Сваты Иван, где жил отшельник св. Иван, которого она посещала для духовных бесед. С XII в. ее сакральным локусом

¹⁹ *Hájek V.* Op. cit. S. 167.

²⁰ *Ibid.* S. 170–171.

становится также костел монастыря св. Георгия на Пражском Граде, где она погребена²¹. Гаек в присущей ему манере повышает сакральный статус Мельника, сообщая, что Людмилу со всей ее семьей крестил именно там св. Кирилл в сане епископа²².

В хрониках локусы, связанные со всей династией Пршемысловцев, весьма многочисленны. Из-за разветвленности и большого количества Пршемысловцев («слишком много князей») все «уделы» принадлежат им. Старых племенных и местных вождей (князей) давно уже нет. Таким образом, вся Чехия является и рассматривается как земля Пршемысловцев. Государственное пространство начинает трактоваться как династическое.

Своеобразный итог развития чешского средневекового этногосударственного пространства подвел Гаек. К своей «Чешской хронике» он приложил списки городов, местечек, епископств, замков и крепостей, монастырей, костелов, часовен. Всего у него вышло 2033 приходских костела²³. Список деревень он не приводит, но указывает их общее число — 30 363²⁴. Городов разного статуса в списке насчитывается 209, местечек 312²⁵. Эти цифры свидетельствуют об очень плотном заселении страны, об ее интенсивном демографическом и экономическом освоении, о высоком уровне цивилизации. В хронике Гаека, как ни в какой другой, имеется избыток топонимов. Все они объясняются автором исторически, т.е. связываются с конкретными людьми и конкретными событиями. В результате вся чешская страна предстает как поле деятельности ее людей, как пространство исторического континуитета, что, безусловно, способствовало формированию чувства «национальной гордости» чехов.

В итоге следует отметить, что чешский хронотоп, сложившийся в Средневековье, сохранял свою устойчивость и главные черты на протяжении столетий. Это позволило авторам раннего Нового времени (Вацлав Гаек, Павел Странский и др.) с гордостью излагать историю и географию пршемысловской Чехии, видя в ней ту основу, на которой успешно развивался чешский этнос и Чешское государство. Также мы видим, что чешская этногосударственная и патриотическая символика, выраженная в локусах, является константой чешской идентичности.

²¹ *Nominam Liudmilam*. Mělník, 2006.

²² *Hájek V*. Op. cit. S. 170.

²³ *Ibid*. S. 1111.

²⁴ *Ibid*. S. 1112.

²⁵ *Ibid*. S. 1099–1103.

Основание Лавришевского монастыря в свете рукописной продукции книжника Иева (вторая половина XIII в.)

DOI 10.31168/91674-483-5.12

Точное время возникновения Свято-Елисеевского Лавришевского монастыря, находящегося в Новогрудском районе Гродненской области Белоруссии и известного с XIV в., неизвестно. В относительно поздних письменных источниках (XV–XVI вв.)¹ его основателями называются:

Искренне благодарю Народный музей в Кракове за разрешение опубликовать в данной статье с. 28 Лавришевского евангелия.

¹ См. их недавний обзор: *Кузьмин А.В., Котельников А.* Лавришевский мужской монастырь // *Православная энциклопедия* / Под ред. Кирилла. М., 2015. Т. 39. С. 623–627. Об истории обители также см.: *Никалаеў М.* Лаўрышаўскі манастыр як цэнтр беларускай культуры // *Życie monastyczne w Rzeczypospolitej* / Ed. by A. Mironowicz, U. Pawluczuk, P. Chomik. Białystok, 2001. S. 161–171; *Лабынцев Ю.А., Щавинская Л.Л.* Библиотека Лаврышевского монастыря // *Беларуская кніга ў кантэксце сусветнай кніжнай культуры: зборнік навуковых артыкулаў* / Ред. Т.А. Дзем'яновіч, Л.І. Доўнар, Т.А. Самайлюк. Мінск, 2006. Ч. 1. С. 158–163; *Chomik P.* Początki monasteru ławryszewskiego koło Nowogródka // *Średniowiecze Polskie i Powszechnie*. 2012. Nr. 4 (8). S. 42–57; *Gudmantas K., Ručkov A.* Demetrijaus Zankiewicziaus *Notifikacija apie Laurušavo vienuolyną, išrašyta iš senos rusiškos rankraštinės kronikos* (šaltinio tyrimas ir publikacija) // *Senoji Lietuvos literatūra*. Vilnius, 2012. Kn. 34. P. 153–184 (белорусская версия: *Гудмантас К., Рычкоў А.* «Натыфікацыя пра Лаўрышаўскі манастыр, выпісаная са старой летапіснай хронікі» Дзяметрыя Занкевіча. Даследаванне і публікацыя крыніцы // *Arche*. Пачатак. 2016. № 2 (147). С. 329–349); *Мікульскі Ю.М.* Miscellanea з архіўных і бібліятэчных сховішчаў (XIV–XVII ст.) // *Беларуская даўніна*. Мінск, 2014. Вып. 1. С. 124–131 (Прывілеі польска-літоўскіх манархаў з Евангелляў Лаўрышаўскага манастыра (XIV–XVI ст.)).

1) легендарный литовский князь Римунт — сын великого литовского князя Тройдена, принявший монашество с именем Василий и якобы имевший прозвище Лаврыш (Лавр, Лаврентий);

2) литовский великий князь Войшелк (ум. в 1268) — старший сын литовского короля Миндовга, носивший крестное имя Давид (монашеское имя не установлено);

3) литовский князь прп. Елисей (ум. в 1250) — сын великого литовского князя Тройната (Треняты).

Все это создает впечатление, что монастырь был основан в XIII веке литовскими князьями, стихийно принимавшими православие до официального крещения Литвы в католичество (1387 г.). Судя по названию обители, ее основателем был некий Лавриш, т.е. Лаврентий, происхождение которого считается неясным². Несмотря на выдвинутые в начале XIX в. обвинения в вымышленном характере этого персонажа³, он, как я постараюсь показать, был вполне реальным историческим лицом, упоминаемым в современных ему источниках.

Мы располагаем вполне надежными сведениями о начале Лавришевского монастыря, которые уже опубликованы, но не были опознаны как таковые. Они содержатся в пергаменной рукописи Паренесиса Ефрема Сирина (Санкт-Петербург, Российская национальная библиотека, собр. М.П. Погодина (ф. 583), № 71а)⁴. Ее пространный колофон, выполненный переписчиком Иевом, сообщает, что книга создавалась в правление Владимира Васильковича (владимиристо-волинский князь ок. 1269–1288 гг.) по заказу княжеского тиуна Петра на спасение души его самого, его не названной по имени супруги и детей Лаврентия и Варвары. Далее сообщается, что тиун Петр отдал своего сына Лаврентия учиться святым книгам и постоянно наставлял его апостольским заповедям, а сам внимательно заботился о переписчике данной книги.

Колофон содержит датирующее выражение в лѣто семоѹ тысящѣ (и далее в тексте: семоѹ тысящѣ), без уточняющих указаний. Мнения специалистов о времени написания рукописи разделились: ее датируют второй половиной XIII в. (если указанная дата считается обобщенной — указано лишь тысячелетие) либо 1492 г. (если указанная дата считается точной), причем в последнем случае колофон считается копиям. Недавно поздняя датировка подверглась аргументированной

² См.: Кузьмин А.В., Котельников А. Указ. соч. С. 624.

³ Подробнее см.: Gudmantas K., Ryčkov A. Op. cit. P. 164 (nuoroda 42).

⁴ Описание рукописи: Рукописные книги собрания М.П. Погодина: каталог / Под ред. О.В. Творогова, В.М. Загребина. Л., 1988. Вып. 1. С. 60–61; Сводный каталог славяно-русских рукописных книг, хранящихся в России, странах СНГ и Балтии: XIV век / Под ред. А.А. Турилова. М., 2002. Вып. 1. С. 644–646 (с лит.).

критике⁵, а раняя получила дополнительное обоснование⁶.

Ранее отмечалось, что «кодекс предназначался вкладом в какую-то неизвестную нам духовную корпорацию»⁷, и это, несомненно, был Лавришевский монастырь. Такая локализация основана на том, что тот же самый писец Иев выписал Канон на плач Богородицы на с. 28 и 30 (первоначально оставленных чистыми)⁸ пергаменного Лавришевского полноапракосного евангелия (Краков, собрания Народного музея в Кракове / Музей князей Чарторыйских, 2097 IV)⁹, датируемого рубежом XIII–XIV вв.¹⁰ либо, согласно новейшим данным, последней четвертью XIII в.¹¹ Рукопись содержит немало вкладных записей¹², наиболее ранняя из которых относится к 1341–1366 гг.¹³

⁵ Мошкова Л.В., Турилов А.А. Плоды ливанского кедра. [М.,] 2003. С. 48–51.

⁶ Турилов А.А. О времени и месте создания пергаменного Евангелия «Мемнона-книгописца» // Турилов А.А. *Slavia Cyrillomethodiana: Источниковедение истории и культуры южных славян и Древней Руси. Межславянские культурные связи эпохи средневековья*. М., 2010. С. 330–332 (= Турилов А.А. *Межславянские культурные связи эпохи Средневековья и источниковедение истории и культуры славян: Этюды и характеристики*. М., 2012. С. 632–633).

⁷ Столярова Л.В. Свод записей писцов, художников и переплетчиков древнерусских пергаменных кодексов XI–XIV веков. М., 2000. С. 122.

⁸ Friedelówna T. Kanon w Ewangeliarzu Ławryszewskim // *Studia z filologii polskiej i słowiańskiej*. Warszawa, 1972. T. 11. S. 187–199.

⁹ Этой рукописи посвящена значительная литература, из последних работ см.: Семянчук А. Лаўрышаўскае евангелле // *Silva rerum nova: Штуды ў гонар 70-годдзя Георгія Я. Галенчанкі* / Ред. А. Дзярновіч, А. Семянчук. Вільня; Мінск, 2009 (*Athenaeum Commentarii Historiae et Culturae*. Vol. 12). С. 236–246; Любащенко В. Люмінвані богослужбові пам'ятки Галичини і Волині XII–XIV ст. Лавришівське евангеліє // *Апологет: Богословський збірник Львівської духовної академії УПЦ КП*. Вип. 29: Матеріали IV Міжнародної наукової конференції «Християнська сакральна традиція: віра, духовність, мистецтво» (м. Львів, 24–25 листопада 2011 р.). Львів, 2011. С. 108–117.

¹⁰ Friedelówna T. *Ewangeliarz Ławryszewski: monografia zabytku*. Wrocław etc., 1974 (*Polska Akademia Nauk, Komitet Słowianoznawstwa, Monografie Sławistyczne*, t. 28). S. 228.

¹¹ Smorąg Różycka M. *Ewangeliarz Ławryszewski*. Kraków, 1999. S. 115.

¹² Русіна О.В. До атрибуції вкладних записів Лавришівського евангелія // *Український археографічний щорічник: Нова серія*. Київ, 1999 (*Український археографічний збірник*. Т. 6–7). Вип. 3–4. С. 98–102; Jaworski R. *Ewangeliarze ruskie jako księgi wpisów. Próba zarysowania problemu na przykładzie Ewangeliarza Ławryszewskiego* // *Polska kancelaria królewska czasów nowożytnych: Między władzą a społeczeństwem* / Eds. W. Chorążyczewski, W. Krawczuk. Cz. 2: *Materiały konferencji naukowej* (Kraków, 14 kwietnia 2004). Kraków, 2006. S. 87–95.

¹³ Груша А.И. Вкладные записи XIV века в книгах Евангелия: акты или протоакты? // *Русский книжник [Сборник Российской государственной библиотеки]* / Под ред. А.В. Кузьмина. М., 2015. С. 48.

Действительно, почерк Иева в Паренесисе¹⁴ и в Каноне Лавришевского евангелия¹⁵ один и тот же¹⁶. Несколько различным оказывается лишь начерк буквы З, но он вариативен даже в пределах первой страницы Паренесиса (равно как и в Каноне) и потому вряд ли показателен для отождествления почерка. При этом совпадают: весьма характерное асимметричное написание Ж; разомкнутое К; провисающее донизу в своей средней части М; разомкнутое Ё с перечеркнутой правой вертикальной чертой; Ч с маленькой чашечкой; ять с маленькой нижней петлей и мачтой, выходящей за верхнюю перекладину, завершающуюся с обеих сторон небольшими горизонтальными штрихами; асимметричная омега с чуть большей правой частью. Очень показательно также совпадающее до деталей начертание уставной буквы К в заголовках. Таким образом, принадлежность почерка обоих памятников одному писцу несомненна. На этом фоне различное правописание имени писца (Иѣвъ) в Паренесисе и Іѣвъ в Каноне) представляется малозначимым, в отличие от необычной огласовки данного имени.

Отождествление почерка в обоих источниках позволяет окончательно решить давний спор о времени написания Паренесиса: совпадение не только почерка, но и имени писца (Иев)¹⁷, фигурирующего в приписке к этому кодексу, однозначно свидетельствует об оригинальном (не копияном) характере последней и, следовательно, о датировке самой рукописи (а не ее антиграфа) временем правления Владимира Васильковича. Ведь если бы рукопись вместе с припиской писалась в 1492 г., то копияное имя писца в сочетании с гораздо более поздним почерком не могло бы иметь полной параллели в пергаменном Лавришевском евангелии.

С другой стороны, то же отождествление служит дополнительным аргументом в пользу датировки самого Лавришевского евангелия не началом XIV, а по крайней мере последней четвертью XIII в. Действительно, Иев вписал Канон о плаче Богородицы на страницах этой рукописи, первоначально оставленных чистыми (с. 28, 30), — уже после создания рисунка на с. 29 (Ангел с мироносицами на гробе Господнем). Однако в последнее время он, вместе с большинством

¹⁴ См. публикацию снимка первой страницы: *Запаско Я.П.* Пам'ятки книжкового мистецтва: Українська рукописна книга. Львів, 1995. С. 303.

¹⁵ См. уменьшенное цветное изображение страницы с началом этого канона: *Smorąg Różycka M.* Op. cit. S. 49.

¹⁶ Искренне благодарю А.А. Турилова за выполненный по моей просьбе анализ почерка в обоих сравниваемых памятниках, подтвердивший его идентичность.

¹⁷ Он внесен в новое энциклопедическое издание: *Карпов А.Ю.* Русская Церковь X–XIII вв.: Биографический словарь. М., 2017. С. 190.

иных иллюстраций этого евангелия, широко датирован XIV веком¹⁸, что вряд ли верно в свете произведенного отождествления писца. Скорее всего, иллюстрации (по крайней мере евангельского содержания) выполнялись вскоре после создания самой рукописи, и писец Иев вписал в нее гимнографический канон еще до конца XIII в. Последнее тем более вероятно, что в месяцеслове под 6 мая помещено изображение св. Иова с надписью «Иевъ» (с. 363), для которого была оставлена нижняя половина страницы. При этом изображение не обусловлено формальными причинами и, вероятно, имеет патронимический характер: связано с одноименным книжником, вписавшим в евангелие Канон на плач Богородицы¹⁹. Следовательно, текст месяцеслова создавался уже с оглядкой на этого книжника.

Иное следствие из отождествления писца касается локализации обоих кодексов. Лавришевское евангелие отмечено в рукописном монастырском инвентаре 1824 года (*Ewangelia guska stara, w ahamit oprawna*)²⁰, в той же обители оно находилось уже в XIV веке (о чем свидетельствуют многочисленные вкладные записи), но место написания этой рукописи считается неизвестным²¹. Теперь же можно уверенно утверждать, что кодекс писался для Лавришевского монастыря: монах Иев, пребывавший, как мы видели, в ее стенах (и имевший доступ к пергаменному Лавришевскому евангелию), в колофоне писанного им Паренесиса рассказал об основании этой обители, не назвав ее — вероятно, потому, что у новооснованного монастыря еще не было устоявшегося названия (см. ниже): тиун Петр, служивший волынскому князю Владимиру Васильковичу (ок. 1269–1288), смолоду учил православной вере своего сына Лаврентия, заказал написание этой рукописи, монашеской по содержанию и предназначенной для некой церковной конгрегации, проявляя заботу об ее писце Иеве. Княжеский тиун наверняка обладал достаточными средствами, чтобы выступить ктитором монастыря, хотя бы скромного. В этом он следовал блестящему примеру своего князя²².

¹⁸ *Smorąg Różycka M.* Op. cit. S. 115.

¹⁹ *Ibidem.* S. 60–62.

²⁰ Инвентарь Лавришевского монастыря 1824 г.: Библиотека Вильнюсского университета, F4-20225 (A-439), f. 9. Мнение Ю.А. Лабынцева и Л.Л. Щавинской о том, что в данном инвентаре Лавришевское евангелие не зафиксировано, может быть основано на несформулированном ожидании исследователей обязательного указания на пергаменный характер кодекса, см.: *Лабынцев Ю.А., Щавинская Л.Л.* Указ. соч. С. 159.

²¹ Ср.: «Nie wiemy czy Ewangeliarz ten od początku był przeznaczony dla Ławryszewskiego monasteru czy trafił tam nieco później» (см.: *Smorąg Różycka M.* Op. cit. S. 115).

²² См.: *Назаренко А.В.* Владимир (Иоанн) Василькович // Православная энциклопедия / Под ред. Алексия II. М., 2004. Т. 8. С. 724–725.

Эту информацию колофона следует понимать именно как основание Лавришевского монастыря, построенного волынским триуном Петром для своего сына Лаврентия, именем которого эта обитель впоследствии и назвалась. Типологически подобные примеры известны: так, киевский женский монастырь св. ап. Андрея Первозванного, выстроенный в 1086 году великим князем Всеволодом Ярославичем для его дочери Анны (Янки, ум. в 1112 г.), в котором она, приняв постриг, была игуменьей, еще долго называли Янчиным монастырем²³. Примечательно, что княжеский тиун выстроил монашескую обитель не во Владимире-Волынском, а на северной границе Галицко-Волынского княжества (сформировавшейся к середине 1250-х гг.).

Таким образом, изначально Лавришевский монастырь не был ни княжеским, ни связанным с Литвой, но с течением времени приобрел покровительство православных литовских князей и, видимо, тогда же получил статус архимандрии (впервые упоминается в 1424 г.). Дошедшие до нас легенды, связывающие основание этой обители именно с литовской княжеской средой, являются результатом ретроспективных исторических реконструкций, но время создания монастыря было определено анонимными средневековыми историками довольно точно.

В заключение отмечу, что сейчас известны уже две пергаменные кириллические рукописи, написанные в Лавришевской обители, но если Лавришевское евангелие пребывало в ней по крайней мере до начала XIX в., то Паренесис Ефрема Сирина покинул ее значительно раньше, о чем, очевидно, свидетельствуют польские маргинальные записи с упоминанием пана Яна Подгурского. С учетом изложенных выше сведений об основании монастыря кажутся вполне естественными замечания специалистов о наличии в этих рукописях волынских региональных черт²⁴.

²³ Назаренко А.В. Анна // Православная энциклопедия / Под ред. Алексия II. М., 2001. Т. 2. С. 453.

²⁴ Friedełówna T. Ewangeliarz Ławryszewski... S. 228; Запаско Я.П. Указ. соч. С. 302; Smorąg Różyska M. Op. cit. S. 115.

Сказание о верных святых князьях русских и внелетописная статья «А се князи русстии»

DOI 10.31168/91674-483-5.13

«Сказание о верных святых князьях русских» (далее — Сказание) — историческое сочинение нелетописного жанра, которым начинается текст в двух литовско-русских летописях XV–XVI вв. — Никифоровской и Супрасльской¹. Полностью этот текст читается в Супрасльской летописи, которая известна в списке начала XVI в. Никифоровская летопись не имеет начальных листов, и в ней текст Сказания читается только с середины. Однако датировка Никифоровского списка второй половиной XV в. свидетельствует о более раннем происхождении Сказания².

В Сказании повествуется о ранней истории города Владимира на Клязьме: основании его крестителем Руси князем Владимиром Святославичем, церковном строительстве князей Юрия Долгорукого, Андрея Боголюбского, Всеволода Большое Гнездо и потомках последнего вплоть до вокняжения во Владимире Александра Невского (в тексте он ошибочно назван Андреем Боголюбским).

Впервые на Сказание обратил внимание А.А. Шахматов и соотнес его с внелетописной статьей «А се князи русстии» (далее — Статья). Их общий протограф А.А. Шахматов возводил к Полихрону митрополита Фотия, который датировал 1423 г.³, но допускал,

¹ ПСРЛ. СПб., 1907. Т. 17. Западнорусские летописи. С. 1.

² О датировке Супрасльской и Никифоровской летописей см.: *Улащик Н.Н.* Предисловие // ПСРЛ. М., 1980. Т. 35. Летописи Белорусско-Литовские. С. b, d.

³ *Шахматов А.А.* Обзорение русских летописных сводов XIV–XVI вв. М.; Л., 1938. С. 343–345; *Он же.* История русского летописания. СПб., 2011. Т. 2. Обзорение летописей и летописных сводов XI–XVI вв. С. 550–551.

что архетипный текст был создан во времена Ивана Калиты⁴.

Статья читается в составе конвоя Новгородской I летописи младшего извода в Комиссионном списке 40-х гг. XV в.⁵, в летописи Аврамки (в двух ее списках — Виленском и Синодальном) и в рукописном сборнике второй половины XVI в. БАН, собр. П. Доброхотова 18⁶. Действительно, оба текста, Сказание и Статья, родственны и, следовательно, связаны общим происхождением.

Статья «А се князи рустии» входит в состав комплекса справочных материалов (списки князей, церковных иерархов, новгородских посадников и тысяцких), которые предваряют текст Комиссионного списка Новгородской I летописи. Подобного рода источники (хронологические списки должностных лиц) дают, как правило, широкие возможности для датировки. В данном же случае в их тексте содержится несколько прямых хронологических указаний, рассмотрение которых, правда, выходит за рамки настоящей статьи. Однако одно из таких указаний читается в тексте Статьи и потому дает возможность судить о составлении не других частей и не всего комплекса, а только интересующего нас текста. Имеем в виду следующее чтение Статьи: «А Иванова княжения Даниловича до преставления князя Ивана Васильевича, и тогда минуло великому князю Ивану Даниловичю 100 лет и 8». Первым на него обратил внимание А.А. Шахматов и предложил отсчитать 108 лет от начала святительства митрополита Петра (1316 г.), поскольку именно об этом идет речь после рассматриваемого хронологического указания. В таком случае получается 1424 г., когда, по мнению Шахматова, был составлен Полихрон Фотия⁷.

В.Л. Янин предложил отсчитывать 108 лет от начала княжения Ивана Калиты, т.е. от 1325 г., считая упоминание кончины Ивана Васильевича следствием порчи текста. Получался 1423 г.⁸ На эту же дату

⁴ Шахматов А.А. Общерусские летописные своды XIV–XV веков // ЖМНП. 1901. № 11. С. 61.

⁵ См. об этом: Бобров А.Г. Новгородские летописи XV века. СПб., 2001. С. 68–74.

⁶ Шахматов А.А. Обзорение русских летописных сводов XIV–XVI вв. С. 237–238; Бобров А.Г. Новгородские летописи XV века. С. 233–234. В Доброхотовском списке текст Статьи несколько сокращен (см. концовку на л. 33об.: «и Петр был митрополит. Аминь»), но в целом, по-видимому, восходит к Комиссионному списку НИЛ (в перечислении потомков Даниила Московского отсутствует Иван Иванович Красный (л. 33) — в Комиссионном списке НИЛ его имя написано на поле и знаком вставлено в текст). А.А. Шахматов отмечал, что Статья содержится также в некоторых списках хронографа (Шахматов А.А. Общерусские летописные своды XIV–XV веков. С. 61).

⁷ Шахматов А.А. Общерусские летописные своды XIV–XV веков. С. 61.

⁸ Янин В.Л. Новгородские посадники. М., 1962. С. 25.

имеется указание в предыдущей статье, где отсчитывается 97 лет от Тураковой рати, которая была в 1327 г.⁹

В.А. Кучкин и Т.А. Сумникова, рассматривая известия о чудесах от иконы Владимирской Богоматери в составе Статьи, по-новому истолковали указание количества лет от Ивана Калиты до кончины князя Ивана Васильевича: «100 и 8». Они вслед за В.Л. Яниным предположили, что речь идет о расчете лет от вокняжения Ивана Калиты (1325 г.), но считали до смерти Ивана Васильевича (1417). При правильном подсчете получается не 108 лет, а 92 года. По мнению В.А. Кучкина и Т.А. Сумниковой, изначально в тексте читалось не «100 и 8», а «100 без 8», т.е. 92 года¹⁰.

По нашему мнению, в тексте сказано, что к моменту кончины князя Ивана Васильевича его предку Ивану Даниловичу было бы 108 лет: «и тогда минуло великому князю Ивану Данильевичю 100 лет и 8». Действительно, в таком виде данное указание смысла не имеет. Однако, если вычислить дату, когда со дня рождения Ивана Калиты (он родился, вероятно, в 1288 г.) исполнилось 108 лет, то получим год рождения князя Ивана Васильевича — 1396 год. Полагаем, что изначально в тексте шла речь не о кончине, а о рождении Ивана Васильевича. Характерно, что именно на этом завершается текст статьи. Князь Иван Васильевич представлен в ней, таким образом, как последнее звено в династической цепочке владимирских и московских князей. Наследником своего отца московского князя Василия Дмитриевича Иван Васильевич стал в 1401 г., после смерти старшего брата. В Духовной Василия Дмитриевича 1406–1407 гг. его сын Иван был официально провозглашен наследником¹¹. Промежуток 1406–1417 гг. — это время, на которое указывает рассматриваемое чтение.

Обратим внимание на письменный источник, привлеченный при создании Статьи. Это Житие Александра Невского, из которого в текст Статьи попала характеристика Александра Невского: «...ему была брань шестью с немци, и поможе ему Бог, и короля уби. И того ради князи русстии держать честно имя великого князя Александра Ярославича, внука Всеволожа. Царь Батый, слышав его мужьство, и возлюбил его паче всех князей, и призва его к собе любовно, и первое

⁹ См. об этом: *Шахматов А.А.* Обзорение русских летописных сводов XIV–XVI вв. С. 171.

¹⁰ *Кучкин В.А., Сумникова Т.А.* Древнейшая редакция Сказания об иконе Владимирской Богоматери // Чудотворная икона в Византии и Древней Руси / Ред.-сост. А.М. Лидов. М., 1996. С. 482–483.

¹¹ *Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв.* М.; Л., 1950. С. 55.

и другое, и отпусти его с великою честью, издарив». Отметим, что текст Жития Александра Невского автором Статьи пересказывается довольно-таки верно, в полном соответствии с текстом источника. Например, указание «ему была брань шестью с немци, и поможе ему Бог, и короля уби» отражает соответствующий пассаж жития: «и бысть сеча великая над римляны, и изби их множество безчислено от них, и самому королеви возложи печать на лица острым своим копием. Зде же в полку в Олексанъдрове явишася 6 мужей храбрых и сильных и мужествовав с им крепко»¹². Как выяснил В.П. Мансикка, шесть богатырей Александра Невского появились в тексте жития как отсылка к Библии — ко Второй книге Царств, где рассказывается о богатырях Давида¹³, поэтому в данном случае можно со всей определенностью утверждать, что использовано именно Житие Александра Невского. По наблюдениям А.А. Шахматова, Житие Александра Невского привлекалось в нескольких статьях Комиссионного списка Новгородской I летописи¹⁴, поэтому данную вставку можно предположительно отнести не к первоначальному тексту, а к позднейшим редакторским вставкам.

Таким образом, в Статье первоначальный текст претерпел некоторые изменения. А.А. Шахматов считал, что в Сказании дошел более ранний вариант текста. Так, к первоначальному тексту исследователь относил первое известие Сказания об основании города Владимира князем Владимиром Святославичем, которое отсутствует в Статье. А.А. Шахматов возводил протограф Статьи и Сказания к летописному своду митрополита Фотия, повлиявшему на летописи Новгородскую IV, Софийскую I и Новгородскую Карамзинскую, в которых данное известие появляется впервые. Однако если принять эту точку зрения, то следует объяснить отсутствие данного известия в тексте Статьи, где основание города Владимира приписывается Владимиру Мономаху. Получается, что автор Статьи намеренно объявил город Владимир более молодым, чем это следовало из его источника. На наш взгляд, более вероятна другая ситуация: известия о Владимире Святославиче изначально в тексте не было. Оно появляется только в Сказании, куда попало из летописи новгородско-софийской группы. Само известие имеет испорченный текст — основание деревянной богородичной церкви упомянуто два раза, что получилось, по нашему мнению, в результате заимствования из летописи:

¹² Мансикка В.П. Житие Александра Невского. Разбор редакций и текст. СПб., 1913. С. 4 (вторая пагинация).

¹³ Там же. С. 21–22 (первая пагинация).

¹⁴ Шахматов А.А. Обзорение русских летописных сводов XIV–XVI вв. С. 164.

Новгородская Карамзинская летопись	Сказание
И пришед ис Киева в Словенскую землю, и постави град во свое имя Володимир, и спом осыпа, и церковь святую Богородицу зборную древяну постави. И вси люди крести рускыя, и наместници ¹⁶ .	Потом поиде в Словенскую землю, на рече на Клязме постави город именем Владимир, во сее имя ветшано город, и постави и зборную церковь святую Богородицу древяную, и спом осыпа и стави церковь, и крести люди и посади наместники, и иде в Киев ¹⁷ .

Написав об основании города и сооружении церкви, редактор Сказания вернулся к тексту своего источника и выписал оттуда известие о возведении валов, далее продолжил следовать источнику и вторично написал о поставлении церкви. В результате в данном известии Сказания о строительстве деревянного Успенского собора написано дважды, что, на наш взгляд, свидетельствует о восхождении этого чтения к летописному известию. В тексте Сказания можно указать еще один случай правки по летописи. Известие Статьи о прибытии Всеволода Большое Гнездо из Солуни во Владимир и необычный способ казни им убийц Андрея Боголюбского («в коробы саждая, в озере истопил») заменены в Сказании вариантами, приближенными к летописному рассказу: Всеволод прибыл из Киева, Кучковичей «поби», а других бояр у Юрьева-Польского «изыма и поби».

Имеющиеся в общем тексте Статьи и Сказания даты отличаются путанностью и неконкретностью. Создается впечатление, что среди источников произведения летописи не было. Это обстоятельство тем более странно, что в тексте идет речь о событиях, относящихся к истории Руси XII–XIV вв., т.е. к тому периоду, который получил отражение в летописях.

Целый ряд известий, имеющихся в Статье и Сказании, можно охарактеризовать как уникальные. Они либо не встречаются в других источниках, либо попали туда из Статьи и Сказания. С другой стороны, отдельные известия присутствуют в Сказании, но их нет в Статье, а некоторые — наоборот. Представим соотношение уникальных известий рассматриваемого комплекса в таблице:

¹⁵ ПСРЛ. СПб., 2002. Т. 42. Новгородская Карамзинская летопись. С. 98.

¹⁶ ПСРЛ. Т. 17. С. 1.

Уникальное известие	Присутствие в Статье	Присутствие в Сказании
Строительство Владимиром Мономахом в городе Владимире на Клязьме городских укреплений и церкви Спаса за 50 лет до постройки Успенского собора (т.е. в 1108 г.)	+	+
Строительство Юрием Долгоруким Георгиевской церкви во Владимире за 30 лет до постройки Успенского собора (т.е. в 1128 г.)	+	+
Отъезд Андрея Боголюбского в 1157 г. из Вышгорода во Владимир «без отча повеления» по совету Кучковичей с иконой Богоматери и с вышегородскими клириками священником Миколой и его зятем Нестором	+	–
Строительство Андреем Боголюбским двух городичных церквей в Боголюбове	+	–
Остановка коня, везшего икону Богоматери, на месте основания Боголюбова	+	–
Строительство Андреем Боголюбским 30 церквей в Боголюбове	+	–
Строительство Андреем Боголюбским одноглавого Успенского собора во Владимире через 11 лет после основания Боголюбова и освящение собора 8 мая	+	+
Участие в убийстве Андрея Боголюбского его жены, происходившей из Болгарии	–	+
Прибытие во Владимир Всеволода Большое Гнездо из Солуни	+	–
Казнь Всеволодом Юрьевичем убийц Андрея Боголюбского: «в коробки саждая, в озере истопил»	+	–
Перестройка Всеволодом Юрьевичем Успенского собора из одноглавого в пятиглавый	+	+
Собирание Всеволодом Большое Гнездо дани у татар	+	–
Строительство Всеволодом Юрьевичем Дмитриевского собора на своем дворе	+	+

Основание Всеволодом Юрьевичем Рождественского монастыря одновременно со строительством одноглавого Рождественского собора	+	–
Происхождение жены Всеволода Большое Гнездо княгини Марии Шварновны от чешского князя	+	+
Строительство князем Святославом Всеволодовичем Георгиевского собора в Юрьеве-Польском, причем с личным участием князя («и самъ быше мастер»)	–	+
Строительство князем Святославом Всеволодовичем Воздвиженской церкви во Владимире	–	+
Строительство князем Юрием Всеволодовичем двух богородичных церквей во Владимире и Суздале, одна из которых (судя по тексту — владимирская) посвящена Рождеству Богоматери и имела три главы	–	+
Строительство князем Борисом Михалковичем, племянником князей Андрея Боголюбского и Всеволода Большое Гнездо, церкви Бориса и Глеба и земляных укреплений в Кидекше, а также укреплений в Городце на Волге	–	+
Происхождение рода суздальских князей от Андрея Александровича Городецкого	+	–
Перемещение суздальским князем Александром Васильевичем владимирского вечевое колокола, который являлся колоколом Успенского собора, из Владимира в Суздаль и обратно	+	–
Получение Иваном Калитой ярлыка на великое княжение при содействии Албуги	+	–

Как видим, цепочка уникальных известий, в которых преобладает строительная тематика, продолжается до событий XIV в., а именно до известия о получении Иваном Калитой ярлыка на великое княжение в 1331 г. Полагаем, что все эти известия читались в общем источнике Сказания и Статьи. Обратим внимание на последнее уникальное известие. Здесь упомянут знатный татарин Албуга. Отметим, что к выехавшему из Орды в XIV в. Албуге возводили свой род Мячковы, и исследовавший их родословную легенду А.В. Кузьмин полагает, что в рассматриваемом известии упомянут именно

родоначальник Мячковых¹⁷. В 2007 г. в московском Кремле при археологических раскопках была найдена берестяная грамота XIV в., в которой упоминается некий влиятельный житель Москвы Елбуга. Публикаторы грамоты предположительно отождествляют его с родоначальником Мячковых, правда, датируют грамоту по почерку второй половиной — концом XIV в.¹⁸ Информация о помощи Албуги при получении Иваном Калитой ярлыка была актуальна и значима для современников. В конце XIV — начале XV в. этот факт едва ли стали бы упоминать, особенно учитывая антитатарскую риторику, имевшую место в памятниках литературы того времени. Исходя из приведенных соображений, полагаем, что общий источник Статьи и Сказания был составлен вскоре после 1331 г.¹⁹ После упоминания Албуги в тексте Статьи читается традиционная концовка текста: «В сих прославим в Троице Единого Бога и православных великих князей, заступников наших всея Русьския земля». Видимо, здесь общий источник Статьи и Сказания завершился. Весьма вероятно, что его заглавие сохранил текст Сказания — «Сказание о верных святых князьях русских».

Обратим внимание на одну немаловажную деталь. В обоих текстах скрупулезно перечислены практически все существовавшие в XIV–XV вв. каменные памятники Владимира (включая Боголюбиво) и Суздаля (включая Кидекшу). Из других городов упомянуты только Юрьев-Польский и Городец на Волге. Белокаменные храмы Переславля-Залесского, Нижнего Новгорода, Ярославля и Твери в тексте не фигурируют. При этом каждый упомянутый памятник атрибутирован тому или иному князю. Из владимирских каменных храмов не упомянуты только две надвратные церкви — во владимирском детинце церковь Иоакима и Анны и в Боголюбове церковь Андрея Первозванного. Полагаем, что эти постройки автором не воспринимались в качестве самостоятельных. Так, в опубликованном архим. Леонидом (Кавелиным) кратком летописце XVI в. (ныне ГИМ, собр.

¹⁷ Кузьмин А.В. Крещеные татары на службе в Москве: к истории Телебугиных и Мячковых в XIV — первой половине XV века // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2002. № 3 (9). С. 14–19.

¹⁸ Гиппиус А.А., Зализняк А.А., Коваль В.Ю. Берестяная грамота из раскопок в Московском Кремле // Московский Кремль XV столетия: Сб. статей. М., 2011. Т. 1. Древние святыни и исторические памятники. С. 455. А.В. Кузьмин полагает, что для такого отождествления достаточных оснований нет, Елбуга и Албуга — это разные люди (Кузьмин А.В. На пути в Москву: очерки генеалогии военно-служилой знати Северо-Восточной Руси в XIII — середине XV в. М., 2015. Т. 2. С. 221).

¹⁹ На это же время указывал и А.А. Шахматов (*Шахматов А.А. Общерусские летописные своды XIV–XV веков*. С. 61).

А.С. Уварова 206, л. 263об.–271²⁰), основанном на рассматриваемом тексте, сохранилась наиболее подробная характеристика строительной деятельности Андрея Боголюбского в Боголюбове: «и постави две церкви камены, и ворота камены, и палаты»²¹. Фортификационные сооружения (каменные стены, башни и ворота), по-видимому, автором специально не рассматривались (за исключением внушительных по своим размерам Золотых ворот). Непонятным остается указание на две богородичные церкви, якобы построенные князем Юрием Всеволодовичем в Суздале и Владимире. Относительно владимирской церкви сказано, что она Рождественская и трехглавая. Эти характеристики относятся к церкви, построенной Юрием Всеволодовичем в Суздале. Поэтому полагаем, что здесь имеет место порча текста, и изначально речь шла об одной суздальской церкви.

Специальное внимание автор уделяет древним постройкам Владимира, стремясь приурочить каждую из них к деятельности какого-либо домонгольского князя. Перечислим упомянутые в тексте статьи сооружения: две богородичные церкви в Боголюбове (видимо, Рождественский собор и церковь Покрова на Нерли), владимирские церкви Спасская, Георгиевская и Воздвиженская, соборы Рождественского и Княгинина монастырей, Успенский и Дмитриевский соборы, Золотые ворота.

Обратим внимание на Спасскую церковь. Существовавшая в XIV в. белокаменная Спасская церковь относится к эпохе Андрея Боголюбского. Она была разобрана только в XVIII в., и к настоящему времени ее местонахождение определено локализуется²². Автор же рассматриваемого произведения не упоминает Спасскую церковь времени Андрея Боголюбского, но зато пишет о Спасской церкви, построенной основателем города Владимиром Мономахом. Если принять наше предположение, что автор пытался связать с тем или иным домонгольским князем все значимые древние храмы Владимира, то получается, что он ошибочно отнес Спасскую церковь к деятельности Владимира Мономаха, тогда как в действительности она была построена в правление Андрея Боголюбского.

²⁰ Леонид (Кавелин), архим. Систематическое описание славяно-русских рукописей собрания графа А.С. Уварова. М., 1894. Ч. 4. С. 23–27; Тихомиров М.Н. Краткие заметки о летописных произведениях в рукописных собраниях Москвы. М., 1962. С. 67; Павлова Р. Нов Владимирский летописец // Език и литература. 1980. № 5. С. 1–11.

²¹ Тихомиров М.Н. Малоизвестные летописные памятники // Исторический архив. М., 1951. Т. 7. С. 211.

²² См. об этом: Заграевский С.В. К уточнению даты и статуса церкви Спаса во Владимире // Памяти Андрея Боголюбского: Сб. ст. М., 2009. С. 126–130.

Текст начинается известием об основании города Владимира князем Владимиром Мономахом. Примечательно, что дата этого события не указывается, сказано лишь, что это произошло «за 50 лет до Богородичина ставления». Имеется в виду строительство Успенского собора в 1158 г. Таким образом, дату основания Владимира можно вычислить как 1108 г. Что и было сделано составителем Львовской летописи. Так появилось летописное известие об основании Владимира князем Владимиром Мономахом в 1108 г. и о строительстве первой каменной церкви Спаса²³. Не следует удивляться тому обстоятельству, что до настоящего времени не удается отыскать никаких следов каменного храма начала XII в. во Владимире²⁴. Такого храма попросту не было! А известие Львовской летописи представляет собой рецепцию Статьи, составитель которой ошибочно атрибутировал Владимиру Мономаху Спасскую церковь, построенную полустолетием позже Андреем Боголюбским²⁵.

Отдельные атрибуции более правдоподобны, а другие — менее. Так, известие о личном участии Святослава Всеволодовича в строительстве Георгиевского собора Н.Н. Воронин выводил из надписи на так называемом «Святославове кресте» — композиции из резных камней, вынутых из стен Георгиевского собора²⁶. Один из этих камней содержит надпись о поставлении «сего креста» князем Святославом. Относительно изначального расположения камня с надписью определенности нет. В.В. Кавельмахер считал этот камень происходящим из Троицкого придела, возведенного при жизни князя Святослава как место его будущего погребения²⁷. Так или иначе, но предположение Н.Н. Воронина следует признать весьма вероятным. Совершенно недостоверна атрибуция князю Святославу владимирской церкви Воздвижения на торгу, которая согласно летописному известию была построена его старшим братом Константином. Нельзя согласиться и с указанием на строительство Борисоглебской церкви в Кидекше князем Борисом Михалковичем. Эта церковь относится к постройкам времени Юрия Долгорукого. В самом храме был погребен сын Юрия

²³ ПСРЛ. СПб., 1910. Т. 20. Львовская летопись. Ч. 1. С. 103.

²⁴ Воронин Н.Н. Зодчество Северо-Восточной Руси XII–XV веков. М., 1961. Т. 1. С. 44.

²⁵ См. об этом: Новоселов Н.В., Хрусталева Д.Г. О двух Спасских храмах начала XII века // Истоки славянства и Руси: Сб. ст. X чтений памяти А. Мачинской. СПб., 2012. С. 319–329.

²⁶ Воронин Н.Н. Зодчество Северо-Восточной Руси XII–XV веков. М., 1962. Т. 2. С. 121–122.

²⁷ Кавельмахер В.В. Краеугольный камень из лапидария Георгиевского собора в Юрьеве-Польском (к вопросу о так называемом Святославовом кресте) // Древнерусское искусство. Русь, Византия, Балканы. XIII век. СПб., 1997. С. 185–197.

князь Борис, и его погребение в нетронутном виде сохранялось еще в XVII в.²⁸ По-видимому, факт погребения в Борисоглебской церкви некоего князя Бориса был известен в XIV–XV вв. Можно предположить и существование надгробной надписи. Автору рассматриваемого текста или его современникам следовало только определить, какой именно князь Борис имеется в виду. Сейчас нам очевидно, что предпринятая в те времена атрибуция оказалась неверной. Никак не удастся аргументировать и отнесение земляных укреплений в Кидекше и Городце тому же Борису Михалковичу.

В заключение зададимся вопросом о месте создания архетипного текста Сказания о верных святых князьях русских. По предположению, высказанному в статье В.А. Кучкина и Т.А. Сумниковой, этот текст (исследователи рассматривали его как текст Статьи и датировали началом XV в.) был составлен в окружении митрополита Фотия²⁹. Судя по наличию реалий, связанных с Успенским собором, а также интересу автора к довольно узкому в географическом отношении региону (Владимир — Суздаль — Юрьев-Польский), наиболее вероятным следует признать составление текста при владимирском Успенском соборе, который в то время, во второй четверти — середине XIV в., был кафедральным собором Киевской митрополии. В интересующее нас время начиналась святительская деятельность митрополита Феогноста, которая сопровождалась активным храмовым строительством в Москве (Успенский и Архангельский соборы, храм Спаса на Бору, церковь Иоанна Лествичника). Причем храмы возводились из дорогостоящего белого камня, воскрешая традицию домонгольского владими́ро-суздальского зодчества. Выскажем осторожное предположение, что Сказание о верных святых князьях русских было написано в окружении Феогноста для него и для Ивана Калиты, проявлявших интерес к белокаменному зодчеству, которое в Сказании напрямую связывалось с политической деятельностью киевских и владимирских князей.

²⁸ *Анания Федоров*. Историческое собрание о богоспасаемом граде Суждале // *Временник ОИДР*. М., 1855. Кн. 22. С. 91.

²⁹ *Кучкин В.А., Сумникова Т.А.* Древнейшая редакция Сказания об иконе Владимирской Богоматери. С. 483.

Московские «ордынцы» и «делюи»

DOI 10.31168/91674-483-5.14

В нескольких договорных и духовных грамотах московских князей второй половины XIV — XV в. упоминаются две загадочные категории населения Московского княжества — *ордынцы* и *делюи*. Первое упоминание содержится в договоре великого князя Дмитрия Ивановича со своим двоюродным братом серпуховским князем Владимиром Андреевичем (1364–1365¹): «А что наши ординци и дѣлюи, а тѣмъ знати своа служба, како было при нашихъ о(т)цѣхъ»². Позже эта формулировка повторяется в договорах тех же князей 1372³ и 1389 гг.⁴ и, с некоторыми изменениями, в договоре с Владимиром Андреевичем Василия I Дмитриевича 1390 г.: «А ординци и дѣлюи, а тѣмъ знати своа служба, како то было при нашемъ о(т)ци, при великомъ князи, а земля ихъ не купити»⁵. Следующее по времени упоминание содержится в завещании Владимира Андреевича Серпуховского (датируется исследователями по-разному

¹ О дате см.: Кучкин В. А. Первая договорная грамота Дмитрия Донского с Владимиром Серпуховским // Звенигород за шесть столетий. Сб. статей. М., 1998.

² Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. М.; Л., 1950 (далее — ДДГ). № 5. С. 20.

³ О дате см.: Кучкин В. А. Договор 1372 г. великого князя Дмитрия Ивановича с Владимиром Андреевичем Серпуховским // Древняя Русь: вопросы медиевистики. 2007. № 1 (27).

⁴ ДДГ. № 7. С. 23 (слово «ордынцы» приходится на утраченную часть грамоты); № 11. С. 31.

⁵ Там же. № 13. С. 37.

в пределах 1401–1410 гг.⁶), но там называются (в перечне зависимых людей князя) только *делюи*: «А с(ы)на Ивана бл(а)г(о)словляю на старешыи пут(ь) ему в Москвѣ и в станѣх конюшеи пут(ь), бортници, садовници, [псары], бобровники, барыши и дѣлюи. А тѣх бортников, или садовников, или псарей, или бобровников, или барышов, делноее не всхочет жыт(и) на тѣх землях, инѣ земли лишон, поиди проч(ь), а сами с(ы)ну, кн(а)зю Ивану, не надобѣ, на которого грамоты полные не будет, а земли их с(ы)ну, кн(а)зю Ивану»⁷. Позднее *ордынцы* и *делюи* упомянуты в четырех договорах великого князя Василия II Васильевича с внуком Владимира Андреевича серпуховским князем Василием Ярославичем (рубежа 1420–30-х и второй половины 1440-х — начала 1450-х гг.⁸): «А ордынцы и делюи, тѣм знати своа служба по старинѣ, а земля их не купити»⁹. В духовной грамоте Василия II (1461–1462) фигурируют только *ордынцы*: «А даю ему (старшему сыну, т.е. Ивану III. — А.Г.) треть в Москвѣ и с путми, с моими жеребыи, чѣмъ мя бл(а)гословил от(е)ць мои, и Добрятинским селом з бортью, и Василцовым стом, и численными людми, и ординцы»¹⁰. Последним документом, в котором *ордынцы* и *делюи* поставлены рядом, является договор Ивана III Васильевича с братом — углицким князем Андреем Васильевичем (между 1464–1472 гг.): «А что наши ордынцы и делюи, тѣм знат(и) [своа служба по старинѣ]»¹¹. Позднее, в начале XVI в., в ряде актов (в том числе в завещании Ивана III) упоминаются только *ордынцы*: речь идет как о жителях Москвы и прилегающей к ней территории, так и о группах населения территорий, пограничных между переяславскими, дмитровскими, звенигородскими, рузскими и можайскими волостями¹². Кроме того, в посольской книге по связям с Крымским ханством *ордынцы* называются как участники посольств в Крым (1516, 1517 и 1521 гг.) великого князя Василия III,

⁶ См.: *Фетищев С.А.* К истории договорных грамот между князьями Московского дома конца XIV — начала XV в. // *Вспомогательные исторические дисциплины*. СПб., 1994. Вып. 25. С. 68–69.

⁷ ДДГ. № 17. С. 46.

⁸ О датах см.: *Кучкин В.А.* Московско-серпуховские договоры второй — начала третьей четверти XV в. // *Древняя Русь: вопросы медиевистики*. 2017. № 3 (69).

⁹ Там же. № 27. С. 70 (с опиской — «людеи» вместо «делюи»); № 45. С. 130, 133, 136, 139; № 56. С. 170, 173; № 58. С. 181, 184.

¹⁰ Там же. № 61. С. 194.

¹¹ Там же. № 66. С. 215.

¹² Там же. № 89. С. 354; № 94. С. 373, 374, 378; № 95. С. 382, 386, 395; № 96. С. 397, 400; *Акты феодального землевладения и хозяйства: Акты Московского Симонова монастыря*. Л., 1983. № 15. С. 22–23.

причем отмечается, что они привозили «казну», т.е. дары-«поминки» хану и его окружению¹³.

В историографии насчет *ордынцев* и *делюев* высказывались неоднозначные суждения. В.И. Сергеевич и С.Б. Веселовский полагали, что и те и другие выполняли одну и ту же функцию: обслуживание должностных лиц, приезжавших из Орды¹⁴. Другие исследователи считали, что обязанности у *ордынцев* и *делюев* были разные. По мнению Л.В. Черепнина, *делюи* являлись дворцовыми княжескими слугами, жившими в подмосковных «станах»; сам термин происходит от слова «делить», так как появилась данная категория в результате раздела дворцовых слуг между сыновьями Ивана Калиты¹⁵. *Ордынцев* же Л.В. Черепнин считал (вслед за В.Е. Сыроечковским¹⁶) категорией населения, ответственной за доставку дани в Орду¹⁷. К такой трактовке *ордынцев* и *делюев* присоединился А.А. Зимин¹⁸. Однако в работе И.Г. Добродомова и В.А. Кучкина, посвященной *делюям*, было убедительно показано, что слово «делюй» является тюркизмом (со значением «храбрый»). По поводу сущности данной категории авторы пришли к выводу, что обязанностью *делюев* было сопровождение в качестве военной охраны дани, отвозимой в Орду¹⁹. В другой работе В.А. Кучкин, не разделяя *ордынцев* и *делюев*, относит к обязанностям тех и других обслуживание поездок князей в Орду, пересылку туда ордынской дани, охрану «путешественников и пересыльщиков», возможно, изготовление подарков ханам и их окружению²⁰.

Между тем до сих пор не обращалось должного внимания на то, что вместе *ордынцы* и *делюи* упоминаются почти исключительно в договорах великих князей московских с Владимиром Андреевичем

¹³ Сборник Русского исторического общества. СПб., 1895. Т. 95. С. 284, 380, 414–415, 697.

¹⁴ Сергеевич В.И. Древности русского права. СПб., 1909. Т. 1. С. 302–306; Веселовский С.Б. Феодальное землевладение в Северо-Восточной Руси. М., 1947. Т. 1. С. 210.

¹⁵ Черепнин Л.В. Образование Русского централизованного государства в XIV–XV вв. М., 1960. С. 346–351.

¹⁶ Сыроечковский В.Е. Гости-сурожане. Л., 1935. С. 87.

¹⁷ Черепнин Л.В. Указ. соч. С. 351–352.

¹⁸ Зимин А.А. Холопы на Руси (с древнейших времен до конца XV в.). М., 1973. С. 287–289.

¹⁹ См.: Добродомов И.Г., Кучкин В.А. Делюи средневековой Руси // Древнейшие государства Восточной Европы. 1998. М., 2000.

²⁰ История Москвы с древнейших времен до наших дней. М., 1997. Т. 1: XII–XVIII века. С. 72.

Серпуховским и его потомками. В завещании Владимира Андреевича фигурируют только *делюи*, *ордынцев* среди его зависимых людей нет. Причем *делюи* проживают в пределах принадлежащей серпуховскому князю московской «трети» — в Москве и околгородных «станах»: они названы только в статье, говорящей о передаче этой «трети» старшему сыну Владимира Андреевича Ивану («А с(ы)на Ивана бл(а)г(о)словляю на старешьи пут(ь) ему в Москвѣ и в станѣх»). Напротив, в завещании Василия II упоминаются только *ордынцы*, и тоже в составе московской «трети» — того, что передается старшему сыну, Ивану III («А даю ему треть в Москвѣ»). Правоммерно предположить, что *делюи* жили в московской трети Владимира Андреевича и его потомков, а *ордынцы* — в великокняжеской части Москвы и прилегающих «станов». Такому выводу на первый взгляд противоречит упоминание *делюев* (рядом с *ордынцами*) в договоре Ивана III с братом Андреем Углицким, но противоречие здесь кажущееся. Дело в том, что к Андрею отошла, по завещанию его отца Василия II, московская «треть» Владимира Андреевича и его потомков (конфискованная великим князем после опалы внука Владимира — Василия Ярославича — в 1456 г.)²¹. То есть *делюи*, упоминаемые в договоре Ивана III с Андреем Углицким, — это бывшие *делюи* серпуховских князей, проживавшие в их московской трети. Таким образом, можно полагать, что терминами *ордынцы* и *делюи* обозначались не разные по своим функциям категории населения, а одинаковые²²: разница между ними состояла в том, что те, кто выполнял эти функции в великокняжеской части Москвы, назывались *ордынцами*, а те, кто делал это в «трети» Владимира Андреевича и его потомков, — *делюями*²³. Поскольку иных отличий между этими группами населения не было,

²¹ ДДГ. № 61. С. 195: «А сына своего Ондрѣя благословляю, даю ему съ старшим его братом съ Юрьем треть в Москвѣ княжу Володимеру...».

²² Соответственно упоминание в междукняжеских договорах «службы» ордынцев и делюев в единственном числе («тѣмъ знати своя служба») подразумевает не несение каждой из этих категорий своей «службы», а именно одну и ту же «службу» и для тех и для других.

²³ Недавно была выдвинута версия, что ордынцы и делюи были населением, составлявшим некие «земские рати», подчинявшиеся не русским князьям, а ханам Золотой Орды (Селиверстов Д.А. «А ординцы и делюи, а темъ знати своя служба, како то было при нашемъ о(т)ци, при великомъ князи...») (К вопросу об ориентализации московского войска середины XIV — начала XV века) // Военное дело улуса Джучи и его наследников. Астана, 2012; Он же. Войны и войско Дмитрия Донского // Золотоордынская цивилизация. Казань, 2015. Вып. 8). Фантастичность ее очевидна: данные об ордынцах и делюях свидетельствуют, что это достаточно узкие категории населения и зависимые от московских и серпуховских князей.

после ликвидации удела серпуховских князей слово *делюи* быстро вышло из употребления, и в начале XVI столетия их потомки, превратившиеся в категорию крестьянского населения, именовались, как и потомки великокняжеских *ордынцев*, тоже *ордынцами*.

При рассмотрении вопроса о том, в чем состояла первоначально «служба» *ордынцев* и *делюев*, следует принять во внимание время их появления. В духовных грамотах Ивана Калиты эти категории еще не фигурируют, но договоры Дмитрия Ивановича с Владимиром Андреевичем прямо указывают на их существование при отцах договаривающихся князей, т.е. при Иване Ивановиче и Андрее Ивановиче. Таким образом, появились *ордынцы* и *делюи* в период между окончанием княжения Ивана Калиты (1340) и смертью Андрея Ивановича (1353)²⁴. Учитывая явную связь названий этих категорий населения с Ордой (слово «ордынцы» происходит от слова «орда», а «делюи» является тюркизмом), их возникновение правомерно связывать с явлением, которое отмечается в московско-ордынских отношениях начиная с 1340-х гг. Новацией в отношениях с Ордой в это время было то, что в Москву стали приезжать ханские послы²⁵. Ранее имеются известия о посещениях послами Владимира, Твери, Переяславля, но о появлении посла в Москве упоминаний нет²⁶. Первое сообщение о приезде ханского посла именно в Москву относится к 1347 г. (посол Кога); в следующем, 1348 г. посольство хана Джанибека также прибыло в Москву²⁷. Поэтому вероятнее всего, что *ордынцы* и *делюи* стали группами населения, чьей обязанностью было обслуживание ордынских послов, появляющихся на территории Московского княжества.

Сведения посольской книги по связям с Крымом, упоминающие в начале XVI в. великокняжеских *ордынцев*, отвозивших дары-поминки в Крымское ханство, дают основания допустить, что ранее, когда платилась дань в Золотую Орду, этой категории лиц была свойственна функция доставки туда дани. Однако выплату дани производили великие князья, а не удельные. Между тем Андрей Иванович и его потомки являлись удельными князьями, удельным

²⁴ Ср.: Добродомов И.Г., Кучкин В.А. Указ. соч. С. 94.

²⁵ См.: Маслова С.А. Институты ордынской власти над Русью (баскаки, даруги, послы): дисс. ... канд. ист. наук. М., 2015. С. 112–117.

²⁶ В 1333 г. к Ивану Калите приезжали два ханских посла, но куда именно они прибывали, летописные известия не сообщают (ПСРЛ. Пг., 1922. Т. 15. Вып. 1. Стб. 47). Можно допустить, что эти послы заезжали в Москву, но как минимум не меньше оснований предполагать, что они встречались с Иваном во Владимире — столице великого княжения.

²⁷ ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. Стб. 57–58.

князем был при жизни своих братьев Семена и Андрея Ивановичей, когда появляются *ордынцы* и *делюи*, и отец Дмитрия Донского Иван Иванович. У удельных князей в принципе не должно было быть людей, чьей обязанностью являлся отвоз дани в Орду. Поэтому о данной функции у *делюев* (которые служили Андрею Ивановичу и его потомкам) говорить оснований нет, а в отношении *ордынцев* остается неясным, исполняли ли они эту функцию, и если да, то с какого времени.

В целом же *ордынцы* и *делюи* являлись категориями населения, относящимися к так наз. «служебной организации», исследованной Б.Н. Флорей²⁸.

²⁸ Флоря Б.Н. «Служебная организация» и ее роль в развитии феодального общества у восточных и западных славян // Отечественная история. 1992. № 2. Группы населения со схожими названиями фиксируются с XV столетия в Галицкой земле в составе Польского королевства («ордынцы») и в Великом княжестве Литовском («слуги ордынские»). Первые исполняли извозную и почтовую повинности, вторые помимо тех же обязанностей несли сторожевую службу и могли сопровождать посольства в Крымское ханство (см.: Линниченко И.А. Черты из истории сословий в Юго-Западной (Галицкой) Руси XIV–XV веков. М., 1894. С. 98–107). Вполне возможно, что первоначально те и другие выполняли те же функции, что и московские *ордынцы* и *делюи*, — обслуживания ордынских послов.

Гроза во Владимире 13 июля 1340 г. и кровельные работы в Успенском соборе

DOI 10.31168/91674-483-5.15

«Храм неподобнь бес покрова»

Изборник 1076 г.

В 1890 г. при реставрации кровли и куполов Успенского собора Владимира обнаружилось, что средняя глава пятикупольного храма крыта, в отличие от угловых четырех, не «белым железом», а листами меди со следами золочения¹. Общий вес меди составил гигантскую цифру в 127 пудов, с которых, несмотря на плохую сохранность позолоты, удалось снять 9 фунтов старого золота².

Покрытие это, как выяснилось, не было первоначальным. Листы меди не лежали на каменном своде купола, а держались на железных «журавцах»³, что значительно увеличило размер центральной главы, полученной храмом при строительстве времени великого князя Всеволода Юрьевича Большое Гнездо в 1185–1189 гг.⁴

Старая позолоченная медь была употреблена для покрытия центрального купола заново, для чего медные листы были перевальцованы в новые и вновь позолочены.

¹ *Виноградов А., прот. (сост.)*. История кафедрального Успенского собора в губ. гор. Владимире. Владимир, 1905. С. 80, 102–103. О реставрационных работах в Успенском соборе см.: *Тимофеева Т.П.* Исследования по истории Владимирского Успенского собора. М.; СПб., 2013. С. 143–169.

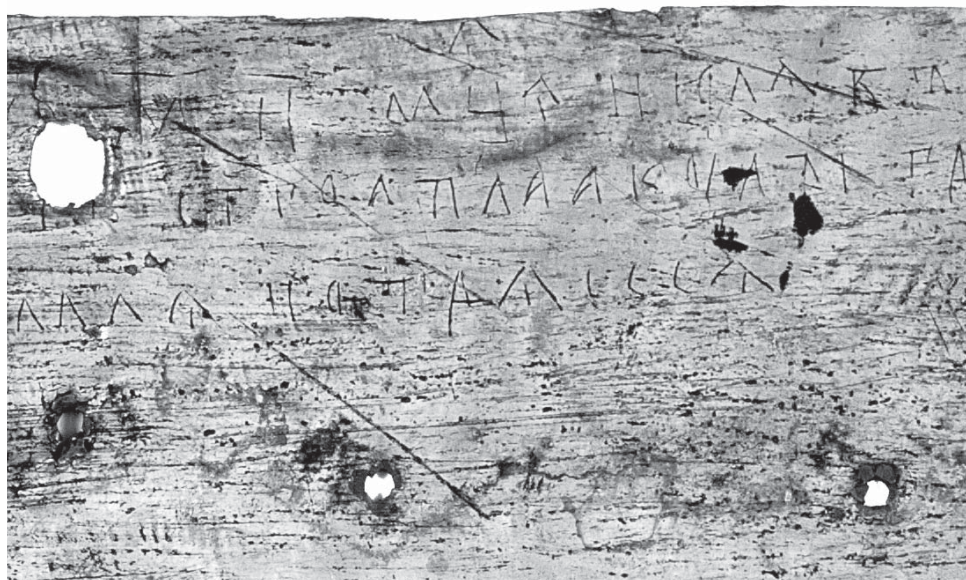
² *Виноградов А., прот.* Указ. соч. С. 103–104.

³ Там же. «Журавль, журав или журавец — железный наугольник» (*Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1978. Т. 1. С. 547).

⁴ Об архитектурной истории Успенского собора см.: *Воронин Н.Н.* Зодчество Северо-Восточной Руси XII–XV вв. М., 1961. Т. 1. С. 149–157.

Медная пластина покрытия купола Успенского собора Владимира с граффити 1340 г. (БАН).

Никаких специальных наблюдений, какой-либо фиксации старых медных листов, их формы, веса, взаимного расположения и пр. в процессе разборки 1890 г. произведено не было, неизвестно даже их число. Все это тем более прискорбно, потому что на листах некогда позолоченной меди остались многочисленные граффити, буквенные пометы. Часть помет безвозвратно пропала, но более сотни граффити были вырезаны из первоначальных медных листов и сохранены⁵.

⁵ «Можно пожалеть, что не было сделано... наблюдений над мерою, формою и весом древних листов... а, главное... не были сохранены все пометы без исклю-

Судьба вырезок, а также истолкование помет (среди граффити есть и цифры, и знаки, явным образом к «цифири» не относящиеся) могли бы стать объектом отдельного исследования⁶. Предмет настоящей публикации — одно из граффити Успенского собора, единственная пространная надпись, обнаруженная в 1890 г. на центральном купле.

«Нет сомнения, — полагал Н.П. Лихачев, — что кровля... начиная с восстановления храма после монгольского разрушения... подвергалась неоднократным поправкам и частичным исправлениям». «Следом одного такого ремонта» автор счел трехстрочную надпись, «нацарапанную сквозь позолоту каким-то острым орудием»: «В ЛѢ[ТО] ЗѠМИ М[ЕСЯ]ЦА ІЮЛА ВЪ ГІ НА ПАМАТЬ С[ВЯ]Т[О]ГО АП[ОСТО]ЛА АКВЛЫ ГРОМЪ БЫ[СТЬ] И ЗЕМЛА ПОТРАСЕСА»⁷. Таким образом, граффити отмечает, что 13 июля 1340 г. во Владимире была сильная гроза. По мнению Н.П. Лихачева, с которым трудно не согласиться, «вероятнее всего предположить, что кровельщик, застигнутый грозой на крыше собора, излил собственное душевное потрясение в записи на одном из листов».

«Необыкновенное, загадочное, можно сказать, происхождение Владимирской надписи и ее странное местонахождение делают ее... памятником, весьма интересным и в историческом отношении», — заключил исследователь⁸.

чения и такие вырезки были оставлены лишь в виде образцов» (*Лихачев Н.П.* Владимирская эпитафическая запись XIV в. // *ИОРЯС.* СПб., 1901. Т. 6. Кн. 3. С. 292). Автором приведено полное воспроизведение печатным шрифтом уцелевших помет (там же. Прим. 1).

⁶ По сведениям Н.П. Лихачева, было сохранено 106 вырезок, 59 из которых остались во Владимире, в соборной ризнице, а 47 были переданы Историческому музею в Москве (Там же. С. 292. Ср.: *Виноградов А., прот.* Указ. соч. С. 13. Прим. 1). Между тем в коллекциях Владимиро-Суздальского музея-заповедника эти предметы отсутствуют, они хранятся в Санкт-Петербурге, в рукописном отделе Библиотеки Академии наук (этой информацией автор обязан любезности зав. сектором изучения памятников архитектуры ВСМЗ Т.П. Тимофеевой). В ГИМ, наоборот, вырезки из медных листов с граффити действительно поступили в составе коллекции «предметов строительной древности» Успенского собора (*Тимофеева Т.П.* Фрагменты древних надглавных крестов Дмитриевского и Успенского соборов. Каталог. Владимир, 2014. С. 46). Однако в фондах отдела археологических памятников музея на сегодняшний день числится 37 экземпляров из указанных Н.П. Лихачевым 47-и (за сведения сердечно благодарю научных сотрудников ГИМ Л.Л. Савченкову, И.В. Сумину и С.В. Шполянского).

⁷ *Лихачев Н.П.* Указ. соч. С. 293–294; фото надписи издано в качестве иллюстрации к статье (Табл. II и III). В настоящее время надпись хранится в РО БАН (см. прим. 6).

⁸ Там же. С. 294, 296. А.М. Сахаров ошибочно отнес дату граффити к 13 июля 1341 г. (*Сахаров А.М.* Города Северо-Восточной Руси XIV–XV веков. М., 1959. С. 47).

Со времени публикации Н.П. Лихачева владимирские граффити специального внимания не привлекали, если не считать лишенного всяких комментариев второго издания надписи о грозе во Владимире 13 июля 1340 г., предпринятого Б.А. Рыбаковым⁹. Сами же медные листы покрытия Успенского собора, наоборот, фигурировали в исследованиях, посвященных архитектуре и ремеслам Древней Руси.

Выдающийся исследователь древнерусского зодчества Н.Н. Воронин счел найденные в 1890 г. медные «доски» относящимися ко времени великого князя Всеволода Большое Гнездо¹⁰, т.е. изготовленными для вновь отстроенного храма. Также XII веком, т.е. временем строительства Успенского собора, датировал медные пластины и Б.А. Рыбаков¹¹.

Оба автора, разумеется, были осведомлены о наличии среди граффити датированной надписи, но, очевидно, сочли ее не синхронной позолоченной меди купольного покрытия. Именно поэтому Н.Н. Воронин оценил находку не так восторженно, как Н.П. Лихачев, определив граффити всего лишь как свидетельство каких-то работ по ремонту кровли, имевших место в Успенском соборе летом 1340 г.¹²

Единственным, кто счел золоченые листы синхронными надписи и отнес их к XIV в., был А.М. Сахаров, впрочем, свое мнение никак не аргументировавший¹³. На самом деле, вопрос о связи буквенных граффити с надписью 1340 г., с одной стороны, и позолоченными «верхами», с другой, достаточно непрост. Единственное, что можно утверждать наверняка, так это то, что 13 июля 1340 г. как минимум один купол, центральный, в любом случае украшала золоченая медь.

Существенный интерес с этой точки зрения представляет история покрытия «верхов» Успенского собора. Н.Н. Воронин предпринял попытку отследить ее в летописных памятниках, обнаружив всего два свидетельства о «верхах» в послемонгольское время.

Первоначально златоглавый, в 1280 г. храм был заново покрыт «оловом», т.е. получил свинцовое покрытие¹⁴, а 1536 г. в городе слу-

⁹ Рыбаков Б.А. Русские датированные надписи XI–XIV веков. М., 1964. (Археология СССР. Свод археологических источников. Е 1-44). С. 43.

¹⁰ Воронин Н.Н. Указ. соч. С. 185–186.

¹¹ Рыбаков Б.А. Ремесло Древней Руси. М., 2015. С. 252.

¹² Воронин Н.Н. Указ. соч. С. 185–186.

¹³ Сахаров А.М. Указ. соч. С. 47.

¹⁴ Олово в данном контексте означает свинец (см.: СлРЯ XI–XVII вв. М., 1987. Вып. 12. С. 359).

Б.А. Рыбаков, впрочем, считал, что «кроме свинца иногда применялось олово», единственным примером чего, правда, останется владимирское известие 1280 г. (Рыбаков Б.А. Ремесло Древней Руси. С. 555. Прим. 3).

чился пожар, в результате которого на храме сгорела половина кровли. Как полагал исследователь, сгореть могло только деревянное покрытие Успенского собора. Следовательно, заключает Н.Н. Воронин, между 1280 и 1536 гг. «свинцовая кровля была заменена деревянной»¹⁵.

Как представляется, вывод нуждается в нескольких уточнениях.

Если сообщение о «покрытии» собора в 1280 г. свинцом, несомненно, имело в виду и купола, и кровлю, то совершенно неясно, включала ли в себя сгоревшая в 1536 г. половина кровли также и покрытие куполов. Возможно, в летописной статье говорится только о сгоревшей крыше, которая, вполне вероятно, могла быть в этот момент и деревянной¹⁶.

Кроме того, сгореть вообще-то могло не только дерево или свинец, но и медь. Во время пожара 1259 г. в г. Холм, например, полы собора, изготовленные из медных плит, расплавились, «и мѣдь отъ огня яко смола ползущь»¹⁷, так что во время пожаров медные кровли вполне могли, как отмечал Б.А. Рыбаков, плавиться¹⁸.

Возвращаясь к 1340 г., в котором, как следует из наличия граффити, центральный купол собора покрывала золоченая медь, то последняя явным образом могла появиться только сменив предшествующую ей «оловянную» 1280 г. К «истории вопроса» о «верхах» Успенского собора следует вернуться снова.

Б.А. Рыбаков заметил, что «везде в источниках, где мы встречаем указания на позолоту, нужно предполагать наличие кровельной меди»¹⁹. Проще говоря, технически «золотые верхи» всегда выглядели одинаково.

Уже в статье под 1158 г. Ипатьевской летописи о строительстве великим князем Андреем Юрьевичем Боголюбским во Владимире первого Успенского собора отмечено, что «сверши же ц(е)рк(о)вь... и... верхи золотомъ оукраси»²⁰. «Верхи» в данном случае — единственный купол (храм был однокупольным)²¹.

¹⁵ Воронин Н.Н. Указ. соч. С. 355–356.

¹⁶ В 1724 г. Священный Синод констатировал бедственное состояние прогнившей деревянной крыши собора (Виноградов А., *прот.* Указ. соч. С. 55).

¹⁷ Цит. по: Аристов Н.Я. Промышленность Древней Руси. М., 2011. С. 118.

¹⁸ Рыбаков Б.А. Ремесло Древней Руси. С. 252. Прим. 1.

¹⁹ Там же. С. 556.

²⁰ ПСРЛ. М., 2000. Т. 2. Стб. 491. Ср. сведения о последовавшей после строительства росписи храма: «Почата бысть писати ц(е)ркы в Володимери *Золотоверхая*» (Там же. Т. 1. Стб. 351).

²¹ Ср.: «Заложы... церковь камену святыя Богородица о единомъ вѣрсе... и *верхъ ея позлати*» (Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов / Под ред. А.Н. Насонова. М.; Л., 1950. С. 467).

Собор уничтожил страшный владимирский пожар 1185 г., «сборная ц(е)ркви с(вя)тая Б(огороди)ца Златоверхая... сгорѣ»²². Уцелевшие остатки храма Андрея Боголюбского обстроили новыми стенами, собор, значительно увеличившийся в размерах, приобрел пятикупольное завершение и был освящен в 1189 г.²³ Все пять куполов нового Успенского собора тоже были позолочены²⁴. Золоченая медь в 1185–1189 г. использовалась не только как материал кровли, но и в отделке интерьера Успенского собора²⁵.

Позолоченные «верхи» XII в., скорее всего, не пережили страшного погрома февраля 1238 г., когда Владимир был взят ордами Батыя, а Успенский собор сожжен и ограблен. Нет особых сомнений в том, что храм был довольно быстро восстановлен (в 1239 г. в Успенском соборе перезахоронили тело погибшего годом ранее в битве на р. Сить брата великого князя Ярослава Всеволодовича, великого князя Юрия Всеволодовича²⁶). Как выглядели купола и чем были крыты в ходе этого спешного ремонта — неизвестно.

Первое после катастрофы 1238 года упоминание «верхов» действительно относится, как выяснил Н.Н. Воронин, к 1280 г., и покрывала их совсем не золоченая медь, а свинцовые плиты.

В статье под этим годом летописи сообщают об очередном приезде главы русской церкви, митрополита Кирилла, из Киева «на Суздалскую землю», конфликте и последующем примирении первосвященника с ростовским епископом Игнатием, кончине митрополита в Переяславле-Залесском и отправке его тела для похорон в Киев²⁷. Во время этого визита митрополит «въ Володимерѣ

²² ПСРЛ. М., 2000. Т. 2. Стб. 630.

²³ Подробнее см.: *Воронин Н.Н.* Указ. соч. С. 354–355. Т. П. Тимофеева оспорила точку зрения Н.Н. Воронина, приведя аргументы в пользу пятиглавия храма, построенного при Андрее Боголюбском (*Тимофеева Т.П.* К вопросу о пятиглавии Успенского собора во Владимире // Материалы краеведческой конференции 2004 г. Владимир, 2005. С. 27–34).

²⁴ «Въ лѣто 6720. Преставися... великїи князь Всеволодь... положиша его въ церкви Пречистыя Богородица... юже созда братъ его Андрѣи, *преже обь единомъ връсь, потомъ же онъ пристави 4 връхы и такоже позлати ихъ*» (ПСРЛ. М., 2001. Т. 7. С. 117–118). Ср.: «Сии же благовѣрнии князь Всеволодь Юрьевичъ *пристави святѣи Богородицы 4 верхы и позлати*» (Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. С. 468).

²⁵ *Воронин Н.Н.* Указ. соч. С. 157–158; *Тимофеева Т.П.* Фрагменты древних надглавных крестов Дмитриевского и Успенского соборов. Каталог. Владимир, 2004. С. 42.

²⁶ ПСРЛ. М., 2004. Т. 25. С. 130.

²⁷ ПСРЛ. М., 2000. Т. 15. Стб. 34, 405; Там же. Т. 25. С. 153.

святую Богородицу съборную покры оловомъ»²⁸, т. е. свинцовыми пластинами²⁹.

Митрополит Кирилл, как видим, в летописном известии назван не только инициатором покрытия «верхов» храма свинцовыми плитами, но и ктитorem работ, притом что во Владимире был и собственный епископ, и великий князь — держатель Владимирского княжения.

Владимир был кафедральным городом епископии, и в год визита митрополита Кирилла епископом «Володимерю, и Суздалю, и Новгороду Нижнему» был Федор, рукоположенный из игуменов местного Константино-Еленинского монастыря³⁰.

Но во Владимире регулярно и подолгу бывал и сам митрополит. Поставленный в чин в 1250 г., Кирилл избрал местом своего пребывания не Киев, а Владимир, не переноса туда, однако, митрополичьей кафедры³¹. Тем не менее свинцовые «верхи» появились, стараниями митрополита, только в 1280 г., что, наверное, неслучайно.

Пастырская поездка Кирилла включала посещение Ростова, где, буквально накануне визита митрополита, в этом же году епископ Игнатий «покры церковь святую Богородицу оловомъ»³². Митрополит, надо думать, принял решение об обновлении «верхов» Успенского собора и оплатил работы под впечатлением нового свинцового покрытия Успенского собора Ростова.

Что же до другого потенциального ктитора обновления «верхов», великого князя Владимирского, то с 1276 г. им был переяславский князь Дмитрий Александрович, между 1277 и 1281 гг. живший постоянно не во Владимире, а в Новгороде и более в этот момент озабоченный ситуацией на северо-западных границах Руси³³.

Возвращаясь к истории «верхов» владимирского храма, констатируем, что между 1280 г., когда Успенский собор получил свинцовую кровлю, и 1340 г., датой граффити, помещенного на позолоченной меди центрального купола храма, ни о каких ремонтных работах в храме летописи не сообщают. Тем не менее в этом промежутке времени он должен был снова стать «златоверхим».

²⁸ Там же. М., 2000. Т. 16. С. 55; Там же. М., 2000. Т. 4. Ч. 1. С. 244.

²⁹ Ср. известие в редакции Владимирского летописца: «Кирилл митрополить покры церковь свинцомъ» (ПСРЛ. М., 1965. Т. 30. С. 96).

³⁰ *Маштафаров А.В.* Владимирская и Суздальская епархия // Православная энциклопедия. М., 2005. Т. 9. С. 42.

³¹ *Макарий, митр.* История русской церкви. М., 1995. Кн. 3. С. 16–17.

³² ПСРЛ. Т. 16. С. 55; Т. 4. Ч. 1. С. 244.

³³ *Экземплярский А.В.* Великие и удельные князья Северной Руси в татарский период, с 1238 по 1505 г. СПб., 2015. Т. 1. С. 46–47.

Летописное свидетельство о том, что золоченая медь вновь, как и во времена Всеволода Большое Гнездо, покрывала, причем не один центральный, а все пять куполов храма, относится к 1408 г.

Летом этого года на службу к великому князю Василию Дмитриевичу выехал литовский князь Свидригайло Ольгердович, получивший в управление «грады мнози, мало не половину великого княжения». Великий князь, в числе прочих, «даша... ему... многославны Володимер, еже есть столъ земля Русскыя и градъ Пречистыя Богоматери, в немъ же и князи величїи Русстїи первосѣданїе и столъ земля Русскыя прїемлютъ, иже великїи князь всея Руси наименоваться, ту бо первую честь прїемлетъ, въ немъ же и... *соборная церкви Пречистыя Богоматери... златоверха же именуема, пять бо верховъ златыхъ имгья*»³⁴ (здесь и далее курсив мой. — А.Л.).

Самый вероятный ответ на вопрос, когда крытый в 1280 г. свинцом храм вновь получил, согласно древней традиции, «златыя верхы», — год надписи о грозе, 1340 г. В этом году безымянный кровельщик, оставивший на золоченом листе меди известие о «громе» и «трясении» во Владимире 13 июля, вероятно, был занят не текущим ремонтом кровли, а участвовал в полномасштабных работах по возвращению Успенскому собору изначального, «златоверхого» облика.

Как выглядели новые золоченые купола храма, неизвестно. При реставрационных работах 1890 г., кроме позолоченных медных листов, с центрального купола Успенского собора были сняты также остатки свинцового покрытия 1280 г. (спекшиеся фрагменты пластин и слитки металла), ныне хранятся в Историческом музее³⁵. Возможно, прежнее покрытие или его часть было как-то использовано при работах 1340 г.³⁶

Если высказанное выше предположение о том, что Успенский собор Владимира в 1340 г. получил новые золоченые «верхи», верно, то кто, в таком случае, мог быть инициатором и ктитorem этого масштабного и явно дорогостоящего мероприятия?

Н.Н. Воронин считал появление на купольном покрытии в 1340 г. граффити как свидетельства ремонта «верхов» храма и роспись его

³⁴ ПСРЛ. Т. 15. Стб. 181. О Свидригайло — держателе Владимира между июлем и декабрем 1408 г. см.: Лаврентьев А.В. К истории появления фресок Андрея Рублева и Даниила Черного в Успенском соборе Владимира (в печати).

³⁵ ГИМ. Отдел археологических памятников. № 25283. Оп. В 2364/88-108.

³⁶ Проезжавший в 1584 г. через Киев наблюдательный современник, описывая соборный храм Михайловского Златоверхого монастыря, отметил, что купол храма «очень ярко позолочен, но края вокруг [покрыты] свинцом, так как золота было недостаточно» (Мартин Груневег (отец Венцеслав): духовник Марины Мнишек. Записки о торговой поездке в Москву в 1584–1585 гг. / Сост. А.Л. Хорошкевич. М., 2013. С. 173).

«повелением великого князя Василия Дмитриевича» в 1408 г. знаменитыми иконописцами Андреем Рублевым и Даниилом Черным явлениями одного порядка, определив их как «реставрационные работы московского правительства по памятникам Владимиро-Суздальского княжения, являвшимся в сознании людей того времени священными как создания предков московской династии»³⁷. Это было бы верно, если бы какие-нибудь сведения о внимании московских князей к памятникам владимирского зодчества в XIV в. были бы известны³⁸. Но их нет, что вполне объяснимо.

Владимир являлся столицей великого княжения, «особой территории... поступающей в правление великого князя владимирского, не смешиваясь с его личными владениями, территорией его княжества — отчиной. Когда князь лишался великокняжеского ярлыка, он лишался и великокняжеских полномочий, и великокняжеской территории»³⁹.

В 1328 г. ханский ярлык получил московский князь Иван Данилович Калита, но великое княжение совсем не закрепилось гарантированно за его наследниками⁴⁰, и только в 1363 г., с обретением великого княжения внуком Калиты, московским князем Дмитрием Ивановичем, Великое княжество Владимирское прекратило свое существование, слившись с владениями московских Калитовичей. Согласно великокняжеской духовной 1389 г., Дмитрий Иванович уже целиком распоряжался Владимирским уделом, впервые завещав его, вместе с Москвой, старшему сыну, Василию Дмитриевичу⁴¹.

В 1340 г., таким образом, Владимир московским князьям не принадлежал. Вопрос о передаче великого княжения новому суверену и в это время, и позднее решался не путем реализации наследственных владельческих прав, а в Орде. Более того, между 1358 и 1363 гг. великим княжением и, соответственно, Владимиром будут владеть князья суздальско-нижегородского дома. Так что в статусном отношении город для московских князей был в 1340 г. временным «держанием» с неясными перспективами наследования, в любом случае зависевшими от воли ханов.

³⁷ Там же. М., 1962. Т. 1. С. 356.

³⁸ Подробнее см.: *Лаврентьев А.В.* Указ. соч.

³⁹ *Насонов А.Н.* «Русская земля» и образование территории Древнерусского государства. Историко-географическое исследование. Монголы и Русь. История татарской политики на Руси. СПб., 2002. С. 290.

⁴⁰ *Горский А.А.* Москва и Орда. М., 2001. С. 66–67.

⁴¹ *Кучкин В.А.* Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X–XIV вв. М., 1984. С. 144.

Возвращаясь к цели работ по возвращению Успенскому собору «златых верхов», видимо, стоит признать, что если великого князя Симеона Ивановича в 1340 г. что и заботило в древнем владимирском наследии, то только Успенский собор. Обретение, точнее восстановление некогда существовавшего, золоченого покрытия было связано, скорее всего, с политическими событиями 1340 г.

Бытует мнение, что «с возвышением Москвы Владимир постоянно утрачивал свое прежнее значение; с ним вместе постепенно утрачивал свое значение и соборный Владимирский храм», а «по перенесении в Москву великокняжения... причисление Владимира к области Московской лишило соборный храм Владимирский и этой славы»⁴². Тем не менее, политического значения древняя столица Северо-Восточной Руси не утрачивала, «в XIV–XV вв. русские князья... получали ярлык (на великое княжение. — *А.Л.*) в Орде, после чего поставлялись на княжение в Успенском соборе во Владимире (очевидно, под присмотром ордынских мурз)»⁴³. Но обычай этот существовал и до монгольского нашествия и, по летописным рассказам, с Успенским собором как будто бы никак связан не был.

Первым, кто «седе» во Владимире, был великий князь — основатель владими́ро-суздальской династии, Всеволод Юрьевич Большое Гнездо: в 1177 г. владимирцы, «вышедше передь Золотая ворота, цѣловаша кр(ес)ть ко Всеволоду... и на дѣтехъ его посадиша и на ѡтни и на дѣдни столѣ в Володимери»⁴⁴. Как видим, Успенский собор как храм, как-то причастный к «посажению», не упоминается.

Летопись вообще ничего не сообщает о каких-то «действиях» по случаю посажения на великое княжение наследников Всеволода Большое Гнездо, его сыновей Константина и Юрия Всеволодовичей. С гибелью последнего в 1238 г. в битве с татарами на р. Сить великое княжение Владимирское перешло к Ярославу Всеволодовичу (1238–1246).

При этом ситуация с наследованием владимирского и иных «столов» претерпела серьезное изменение: с установлением на Руси ордынского ига наследники не могли занять «стол» без ханского ярлыка.

⁴² *Виноградов А., прот.* Указ. соч. С. 45.

⁴³ *Бочаров Г.Н.* Сделано в Москве // *Родина.* 1992. № 8–9. С. 127.

⁴⁴ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 379–380. Возможно, княжеский путь в подобных торжественных случаях как-то украшался, что тоже было частью церемонии. В рассказе Ипатьевской летописи о владимирском пожаре 1185 г. среди потерь, понесенных ризницей Успенского собора, значатся, между прочим, шитые золотом и жемчугом куски дорогих тканей, «порты», «яже вѣшали на празникъ въ двѣ вѣрви ѿ золотыхъ воротъ до Б(огороди)цѣ до вла(ды)цнихъ сѣнии» (там же. Т. 2. Стб. 630).

В 1243 г. Ярослав Всеволодович первым из русских князей отправился в ханскую ставку «про свою отчину». Миссия оказалась успешной, «Батыи... Ярослава почивъ отпусти на Роусь»⁴⁵. Московский летописный свод делает важное уточнение — Ярослав Всеволодович в 1243 г. получил от Батыя «старейшинство во всем Руском языке»⁴⁶. Таким образом, первенство владимирского стола было теперь подтверждено и ханами.

Рассказывая о сидевших на великом княжении после кончины Ярослава Всеволодовича его брате и сыновьях, летописи не сообщают о каких-либо торжествах во Владимире по случаю их вокняжения. Только третий из сыновей Ярослава Всеволодовича, Александр Ярославич Невский, в 1252 г. получивший в Орде «старѣишинство во всеи братѣи юго», «приде... ис Татаръ в... Володимер», и его, как некогда его деда, Всеволода Большое Гнездо, «оусрѣтоша... у Золотых ворот митрополить и вси игумени и гражане и посадиша и на столѣ... Ярослава»⁴⁷.

О каких-либо «действиях» во Владимире, сопровождавших вокняжение первых держателей великокняжеского стола из дома московских князей, Юрия Даниловича и Ивана Даниловича Калиты, летописи также ничего не сообщают.

Первым и, забегая вперед, заметим, последним великим князем Владимирским, чье вокняжение было связано с Успенским собором, был Симеон Иванович Гордый (1340–1353). По получении ярлыка он, вместе с двумя братьями, князьями Иваном и Андреем Ивановичами, отправился из Орды во Владимир «и сѣде... на столѣ в Володимерѣ *въ велицѣи и соборнѣи церкви святѣи Богородици*... мѣсяца октября въ 1»⁴⁸. Рассказ о событиях 1340 г. остается, повторимся, единственным упоминанием владимирского Успенского собора в контексте великокняжеских «посажений».

После кончины от чумы Симеона Гордого его брат, племянник и внучатый племянник, великие князья Иван Иванович в 1353 г., Дмитрий Иванович в 1363 г. и Василий Дмитриевич в 1389 г., по получении ярлыка, приезжали специально во Владимир⁴⁹, но о какой-либо причастности Успенского собора к посажению на великое княжение летописи не говорят. Аналогичным образом дело обстоит

⁴⁵ Там же. Т. 15. Стб. 31. Ср.: «Поиде Ярославъ к Батыю... и прииде пожалованъ» (Там же. Т. 1. Стб. 523).

⁴⁶ Там же. Т. 25. С. 136.

⁴⁷ Там же. Т. 1. Стб. 473.

⁴⁸ Там же. Т. 18. С. 93.

⁴⁹ Там же. Т. 15. Стб. 62, 73–74, 157.

и с получением в 1358 г. великокняжеского ярлыка князем не из московского дома, Дмитрием Константиновичем Суздальским⁵⁰.

На Василии Дмитриевиче цепочка «владимирских посажений» московских Калитовичей обрывается. Получивший в 1432 г. в Орде ярлык на великое княжение его сын, Василий Васильевич, не поехал во Владимир, а вернулся в Москву в сопровождении «царева посла», который «его садиль» в кремлевском Успенском соборе, «у Пречистые у Золотыхъ дверей»⁵¹. Визиты во Владимир не упоминаются в летописных рассказах о вокняжении последних великих князей московского дома, Ивана III (1462), Василия III (1505)⁵² и Ивана IV (1533)⁵³, будущего первого русского царя.

Таким образом, посажение 1 октября 1340 г. на великое княжение Симеона Ивановича Гордого остается единственным летописным указанием на то, что «действие» имело место в Успенском соборе Владимира. Но, в отличие от царских венчаний XVI–XVII вв., церемониал которых подробно расписан в особых «чинах»⁵⁴, как выглядели посажение на великое княжение в домонгольское время в Киеве⁵⁵, в послемонгольское во Владимире и, с 1432 г., в Москве, неизвестно.

Е.В. Барсов обратил внимание на наличие в Трехнике XIV в. молитвы «еже благословити князя», «которая, вероятно... читалась епископом на амвоне», обряд же считал схожим с посажением епископа⁵⁶. Тем не менее ни в одном из случаев летопись не сообщает о присутствии в храме церковных иерархов. И в 1340 г., если бы посажение осуществляло высшее церковное лицо, им был бы митрополит Феогност, епархиальный архиерей Владимира. Но о присутствии во Владимире Феогноста в этот момент летопись не говорит.

⁵⁰ «Въ лѣто 6868 выиде изъ Орды на великое княжение... князь Дмитрей Костянтинович[ъ], а не по очинѣ, ни по дѣдинѣ. И въеха въ Володимерь за недѣлю до Петрова дни месяца июня въ 22» (ПСРЛ. Т. 15. Стб. 68–69).

⁵¹ Там же. М., 2000. Т. 12. С. 16.

⁵² Там же. С. 278; Там же. М., 2000. Т. 13. С. 1. Собственно, великим князем Василий Иванович был провозглашен еще при жизни отца, в связи с чем о «посажении» его в 1505 г. вообще речь не шла. Подробнее см.: *Лаврентьев А.В.* Принадлежал ли Ивану Грозному «шлем Ивана Грозного»? // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. 2014. № 2 (16). С. 97–98.

⁵³ ПСРЛ. Т. 13. С. 77–78.

⁵⁴ *Барсов Е.В.* Древне-русские памятники священного венчания царей на царство в связи с греческими их оригиналами, с историческим очерком чинов царского венчания в связи с развитием идеи царя на Руси. М., 1883.

⁵⁵ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 132, 140, 142, 162, 182, 204, 218, 295, 301, 348.

⁵⁶ *Барсов Е.В.* Указ. соч. С. XIII–XIV.

В противоположность Е.В. Барсову, А.А. Спицын в свое время осторожно предположил, что если царское венчание — «исключительно церковный обряд», то великокняжеское посажение «имело, может быть, совершенно гражданский характер и даже совершалось не в церкви», тем более что «при монгольском иге на княжение садили посланники хана, приезжавшие с ярлыками»⁵⁷.

Тем не менее церковная служба, очевидно, сопровождала посажение, и пример, когда церемония на самом деле имела место в храме, известен, но не в Киеве, Владимире или Москве, а в Пскове.

В 1460 г. младший брат Ивана III, Юрий Васильевич, был отправлен во Псков, где «вниде... *въ храмъ святыя Троица, священники же и пѣвцы пѣвшие ему многа лѣта, и посадиша его на столъ отца своего великого князя Василя Василовича, и знаменая его честнымъ и животворящимъ крестомъ*». По завершении «действия» «*бояря и весь Псковъ*» «*биша челомъ господину князю великому Юрию Василовичю, чтобы... пожаловаль... даль бы... намъ от князя великаго отца своего и от себе намѣстника, а во Псковъ княземъ, князя Ивана Василовича... онъ же ихъ пожалова, отпусти имъ князя Ивана Василовича княземъ во Псковъ от князя великаго... отца своего и от себе... по повѣлению отца своего и брата Ивана... И... псковичи прияша его... и посадиша его на княжении во святеи Троицы*»⁵⁸.

Отмечалось, что Юрия Васильевича вообще «возвели на княжение... с отличными от прежних обрядами»⁵⁹, что есть чистая правда. Ни об одном из других многочисленных «князей псковских», и из Рюриковичей, и из Гедиминовичей, приглашавшихся ли псковичами самостоятельно или присылавшихся с 1401 г. в Псков великими князьями московскими, летописи о подобных церемониях не сообщают⁶⁰. Многолетствование, петое в храме новому «князю псковскому», обычно завершает чин отпуста и восходит к традициям Софийского Константинопольского богослужебного устава, «вызывавшимся присутствием царей на службах»⁶¹. Дело надо понимать так, что во Пскове церковная служба с провозглашением многолетия князю и

⁵⁷ Спицын А.А. К вопросу о Мономаховой шапке // Записки Отделения русской и славянской археологии имп. АН. 1906. Т. VIII. Вып. 1. С. 3.

⁵⁸ ПСРЛ. М., 2003. Т. 5. Вып. 1. С. 59; Там же. М., 2000. Т. 5. Вып. 2. С. 51.

⁵⁹ Евгений, митр. (Болховитинов Е.А.). История княжества Псковского. М., 2012. С. 225.

⁶⁰ Ср.: ПСРЛ. Т. 5. Вып. 1. С. 17, 22, 24, 26, 33–34, 38, 46, 61, 65, 75.

⁶¹ Скабалланович М. Толковый Типикон. Объяснительное изложение Типикона с историческим введением. М., 2008. С. 722–723.

была собственно посадением. Возможно, таким же образом выглядели и прочие княжеские «посажения», включая и владимирское Симеона Ивановича.

Возвращаясь к кровельным работам лета 1340 г., отметим, что речь очевидным образом шла не просто о ремонте древнего храма, а о возвращении Успенскому собору столицы великого княжения, Владимира, того «златоглавого» облика, который он имел в эпоху расцвета Владимиро-Суздальской Руси, в правление князей — прямых предков Симеона Ивановича. Эта «реставрация» для московского князя была делом чести, ярким символическим актом, отсылающим к истокам династии. И работы эти не могли быть исполнены за несколько дней.

Великий князь Иван Данилович Калита скончался 31 марта. Наследник московского стола, князь Семен Иванович, «тое же вѣсны месяца мая въ 2 день... пошель в Ордоу» с братьями Иваном и Андреем, «и вси князи тогда въ Ордѣ были», откуда «на ту же осень выиде... на великое княженіе... и сѣде... на столѣ въ Володимери въ велициѣ съборнѣи церкви святыя Богородици... мѣсяца октября въ 1 день»⁶².

Если возвращение позолоченных «верхов» Успенскому собору во Владимире как будущему месту «посажения» старшего сына Калиты в великие князья владимирские было связано с этими первыми в московском доме торжествами такого рода, то кровельные работы могли быть начаты не раньше апреля-мая и должны были завершиться к 1 октября. Для изготовления медных листов, их золочения, доставки во Владимир и монтажа у властей было всего около четырех месяцев. Дата граффити, оставленного на позолоченной медной пластинке новой кровли собора, 13 июля, приходится практически на середину этого срока.

Если предположение о том, что «златые верхи» вернулись на соборный храм в 1340 г., верно, то, отправляясь 2 мая в Орду за ярлыком на великое княжение, Симеон Иванович должен был не сомневаться в благоприятном для себя исходе поездки. И для этого у него, похоже, были основания.

На самом деле, отец нового московского князя, Иван Данилович Калита традиционно считается верным и лояльным вассалом Орды, и его сын продолжил политическую линию отца на верность «царям». Симеон Гордый, как известно, станет своего рода «рекордсменом» среди московских князей по количеству визитов в ханскую ставку и за тринадцать лет великого княжения шесть раз побывает в Орде⁶³.

⁶² ПСРЛ. Т. 15. Стб. 53.

⁶³ Горский А.А. Указ. соч. С. 60–68.

Кроме того, и конкурентов, претендующих на великое княжение Владимирское, в 1340 г. у московского князя очевидным образом не наблюдалось.

Золочение куполов — явление на Руси нечастое в силу его высокой дороговизны: в домонгольское время летописи сообщают о существовании на Руси всего восьми златоверхих храмов и башен⁶⁴. Кровельные работы 1340 г. во Владимире были первым известным случаем покрытия позолоченной медью куполов храма в послемонгольское время. Показательно, что к началу работ ни один из пяти существовавших к этому времени каменных храмов Московского Кремля, выстроенных отцом Симеона Ивановича, великим князем Иваном Даниловичем Калитой, между 1326 и 1333 гг., не имел золоченого покрытия — кровли и купола их были, очевидно, свинцовыми⁶⁵.

Новые золочения «верхов» храмов на Руси последовали только полвека спустя после возвращения «златых верхов» владимирскому Успенскому собору, и в обоих случаях мы имеем дело с работами несравнимого масштаба.

В 1399 г. великий князь тверской Михаил Александрович «обнови» построенный в 1285–1290 гг. кафедральный Спасо-Преображенский собор «и верхъ ея чюднѣ и велелѣпотнѣ позлати»⁶⁶. Н.Н. Воронин справедливо полагал, что употребленное в единственном числе существительное «верхъ» применительно к пяти- или семикупольному тверскому собору (точное число глав неизвестно) означает, что позолочена была только одна, центральная глава храма⁶⁷. Через девять лет после тверских работ, в 1408 г., крыли купола в Софии Новгородской. Средств на золоченое покрытие у небедного Новгорода хватило только на центральную главу собора: четыре купола «поби владыка Иоан... свинцом» и только «маковицу болшую златоверху устрои»⁶⁸.

⁶⁴ Петров Д.А., Седов Вл.В. Реконструкция Троицкого собора в Пскове Борисом Годуновым // Новгородские древности. Архив архитектуры. М., 2000. Вып. 11. С. 216–218.

⁶⁵ Тихомиров М.Н. Средневековая Москва в XIV–XV веках. М., 1957. С. 19–21, 23–24.

⁶⁶ ПСРЛ. Т. 15. Стб. 166. Тверская летопись помещает сообщение о золочении главы собора под 1382 г. («позолоти князь великїи Михаилъ верхъ у святого Спаса въ Твери»), что, скорее всего, ошибка. В этом году великий князь тверской с сыном, князем Александром Михайловичем, продолжительное время провел в Орде, и путь в ставку ханов тоже занял немалое время («а пошель околицею не прямицами и не путма» — Там же. Стб. 146–147).

⁶⁷ Воронин Н.Н. Указ. соч. М., 1962. Т. 2. С. 14.

⁶⁸ Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. С. 400.

Это было третье и последнее устройство храмовых покрытий из золоченой меди на Руси в послемонгольский период.

Во второй половине XV в. пластины золоченой меди и литые свинцовые «доски» уступят в церковном зодчестве место новому кровельному материалу, кованым железным листам⁶⁹. При завершении в 1479 г. работ по возведению в Кремле нового Успенского собора храм получил, в качестве новинки, покрытие «железом немецким»⁷⁰.

Возвращаясь к кровельным работам во Владимире в 1340 г., отметим очевидную проблему для заказчика — небольшое количество мастеров, способных выполнить в сжатые сроки столь масштабный проект.

Меднолитейное дело, продукция которого включала в себя широкий спектр изделий (артиллерия, колокола, культовые предметы, предметы быта и многое другое, в том числе «доски» для покрытия храмов), носило собирательное название котельного⁷¹. Но медные листы требовалось еще и позолотить.

Техника позолоты кровельной меди Успенского собора, по наблюдениям Б.А. Рыбакова, выглядела следующим образом: пластины покрывались золотой амальгамой, смесью золота и ртути («жженое злато»), после чего лист ставился в сильный жар, и золото прочно соединялось с основой. При переделке старой кровли в новые медные листы в 1890 г. «устроен был особый горн для расплавления золота и для испарения ртути, которою вместе с золотом покрываемы были медные листы»⁷².

Технически речь идет об амальгамировании, редкой и трудоемкой технике, применявшейся для нанесения изображений и орнаментов на соборные врата, «золотом письме на меди»⁷³. Существенная же разница между золочением соборных врат и «верхов» заключалась в том, что если при нанесении изображений, орнаментов и надписей на медные листы золота уходило немного, ровно на толщину штриха, то в 1340 г. речь шла о сплошном амальгамировании медных «досок» кровли, причем вызолотить требовалось многие десятки пудов медного листа.

⁶⁹ Рыбаков Б.А. Ремесло Древней Руси. С. 542.

⁷⁰ ПСРЛ. Т. 25. С. 324 («Врѣхи же... крыти привел князь великы изъ... Новагорода Великого мастера, они же начаша крыти преже древом... и по древу желѣзом Немѣцкым»).

⁷¹ Аристов Н.Я. Указ. соч. С. 119–120; Рыбаков Б.А. Ремесло Древней Руси. С. 546–556.

⁷² Виноградов А., прот. Указ. соч. С. 104.

⁷³ Рыбаков Б.А. Ремесло Древней Руси. С. 296–299, 594–595.

Могли ли такие работы быть проведены владимирскими мастерами? Некоторые исследователи, не приводя никаких аргументов, так и полагали⁷⁴. Разумеется, наши представления о состоянии ремесла во Владимире XIV в. слишком скудны, но вплоть до конца XVII в. источники не знают ни одного владимирского литейщика⁷⁵.

При этом колокольное дело, с которым технически было связано изготовление медных досок, определенным образом процветало именно в это время в Москве, где летописям известен выдающийся профессионал литейного дела. В 1346 г. «на Москвѣ слиты быша 3 колоколы болших да два малыхъ, а лил мастеръ Бориско»⁷⁶, а в 1342 г. тот же московский мастер Борис слил «колокол великъ» для новгородского Софийского собора⁷⁷. С именем Бориски — Бориса В.В. Кавельмахер связал существование в это время в Москве крупнейшего на Руси центра меднолитейного дела⁷⁸.

Вообще покрытие глав храмов металлическими «досками» носило, надо думать, характер штучных заказов. Показателен в этом отношении сюжет с псковскими мастерами, взявшимися покрыть в 1420 г. Троицкий собор «свинцомъ новымъ досками», но не нашедшими ни среди псковичей, ни в Новгороде, городах с высочайшим уровнем развития ремесел, «такова мастера... кому лити свинчатый доски». Мастер нашелся в Москве, прибыл в Псков, «научи Федора... а самъ отъеха на Москву»⁷⁹.

Возвращаясь к Успенскому собору и его кровле, заметим, что в 1890 г. медные листы весом 127 пудов покрывали только центральный купол храма, в то время как согласно летописному рассказу 1408 г. «златоверхими» были все пять куполов собора. Совершенно очевидно, что «верхи» храма страдали от внешнего воздействия, теряя медные листы, остатки которых в какой-то момент были сосредоточены на одной, центральной главе.

Так, в 1410 г., два года спустя после упоминания Успенского собора как «златоверха..., пять бо верховъ златыхъ имгя», Владимир подвергся страшному «изгону», учиненному совместным отрядом нижегородцев во главе с воеводой князя Даниила Борисовича Семеном

⁷⁴ Сахаров А.М. Указ. соч. С. 47; Бондаренко А.Ф. История колоколов России XI–XVII вв. М., 2012. С. 202.

⁷⁵ Рубцов Н.Н. История литейного производства в СССР. М.; Л., 1947. С. 46–56.

⁷⁶ ПСРЛ. Т. 15. Стб. 57.

⁷⁷ Новгородская Первая летопись старшего и младшего изводов. С. 354.

⁷⁸ Кавельмахер В.В. Большие благовестники Москвы XVI — первой половины XVII в. // Колокола. История и современность. 1990. М., 1993. С. 78.

⁷⁹ ПСРЛ. Т. 5. Вып. 2. С. 37.

Карамышевым и татар «царевича» Талыча. Нападающие «изграбиша вся церкви», в том числе Успенский собор, «и многое множество злата и серебра взявше отъидоша»⁸⁰.

Обычно в летописных рассказах об «изгоне» 1410 г. подчеркиваются тяжелые последствия ограбления храма и героическое поведение успенского ключаря Патрикеея, ценою жизни спасшего соборную казну⁸¹, но в Новгородской I летописи дополнительно сообщается еще и о том, что пострадала золоченая кровля Успенского собора, «*церковь святую Богородицю златоверхую одраша*»⁸².

Каковы были объемы потерь золоченой меди в результате «одрания» 1410 г., мы, вероятно, никогда не узнаем. В пожар 1536 г., как помним, сгорела половина крыши, но Никоновская летопись ничего не сообщает о состоянии после пожара золоченых в 1340 г. куполов. Нет никаких сомнений в том, что «верхи» Успенского собора и до⁸³, и после пожара 1536 г. несли какие-то потери. Так или иначе, но описи собора конца XVII — начала XVIII в. отмечают, что золоченой медью к этому времени была крыта только одна, центральная глава⁸⁴. Так что 127 пудов золоченой меди, снятой в 1890 г., — далеко не весь объем покрытия собора времени великого князя Симеона Ивановича, а только его уцелевшая часть, в какой-то момент собранная и смонтированная на центральном куполе на железных «журавцах». Но даже сохранившаяся часть золоченых «верхов» свидетельствует, что масштабы работ 1340 г. по подготовке храма к «посажению» московского князя Симеона Ивановича на великое княжение Владимирское были беспрецедентными. Об этом можно судить, опираясь на скурые, но все же наличествующие данные о колокольном производстве и экспорте меди.

Размеры колоколов в России, отливавшихся из медных сплавов, в силу несовершенства технологии отливки, первоначально не превышали нескольких пудов⁸⁵. В.Я. Аристов полагал, что «3 колоколы болших» и «колокол великъ», слитые московским мастером Бориской соответственно в 1346 и 1342 гг., были около 100 пудов весом⁸⁶, но

⁸⁰ Там же. Т. 25. С. 240.

⁸¹ Там же.

⁸² Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. С. 462.

⁸³ Ср. рассказ о пожаре 1491 г., в котором Успенский собор среди пострадавших храмов как будто бы не упоминается, притом что «згорѣ град Володимерь весь» (ПСРЛ. Т. 25. С. 332).

⁸⁴ Тимофеева Т.П. Фрагменты древних надглавных крестов Дмитриевского и Успенского соборов. С. 44.

⁸⁵ Оловянинников Н. История колоколов и колоколотейное искусство. М., 1912. С. 31.

⁸⁶ Аристов Н.Я. Указ. соч. С. 118.

цифра эта ничем не подтверждается. Старейшие колокола русского производства (их три) сохранились только от XV в., и самый древний из них, отлитый в 1420 г. для Троице-Сергиева монастыря, весит много меньше, всего 20 пудов⁸⁷.

Вся медь, и в XIV в., и много позднее, была материалом совсем не дешевым хотя бы потому, что не добывалась на Руси, а импортировалась из Западной Европы, главным образом через Ливонию⁸⁸.

О том, что такое 127 пудов меди, можно судить по документу середины XVI в., грамоте 1556 г. новгородским дьякам с указом приобрести для нужд Пушечного двора «к литью меди тысячу пятьсот пуд»⁸⁹. Как видим, сохранившиеся фрагменты покрытия 1340 г. являются собой десятую часть государственных нужд в меди Пушечного двора эпохи Ивана Грозного.

Столь же впечатляют и снятые с меди девять фунтов, т.е. больше трех с половиной килограммов, золота, притом что сама «древняя позолота уцелела... только местами»⁹⁰. Объемы амальгимирования медных пластинок предполагали наличие как самого драгоценного металла, так и соответствующих возможностей у мастеров-ювелиров.

При этом, как и медь, золото на Руси в XIV в. было целиком импортным⁹¹, и обороты торговли им вряд ли были велики. В то же время золото аккумулировалось при дворе московских князей. В 1384 г. на Руси «бысть великая дань тяжкаа по всему княженію великому... Тогда же и златомъ даваша в Орду»⁹². Поскольку русский «выход» собирался в Москве и выплачивался московским князем Дмитрием Ивановичем серебром, для чего в обычных условиях готовились серебряные слитки определенного стандарта⁹³, очевидно, в данном случае серебро заменили, по его недостатку, великокняжеским золотом.

Н.Я. Аристов справедливо отмечал, что золото «не составляло потребности народной, а только обращалось в кругу князей и их приближенных»⁹⁴.

⁸⁷ *Вильямс Эдвард*. Колокола России. История и технология. М., 2012. С. 67.

⁸⁸ *Хорошкевич А.Л.* Торговля Великого Новгорода в XIV–XV веках. М., 1963. С. 309–311.

⁸⁹ ДАИ. СПб., 1846. Т. 1. С. 157.

⁹⁰ *Лихачев Н.П.* Указ. соч. С. 290.

⁹¹ *Хорошкевич А.Л.* Указ. соч. С. 298–300.

⁹² ПСРЛ. Т. 15. Стб. 149.

⁹³ *Кистерев С.Н.* Рубль Северо-Восточной Руси до начала XV в. // Очерки феодальной России. М., 1999. Вып. 3. С. 76–83.

⁹⁴ *Аристов Н.Я.* Указ. соч. С. 126.

А.Л. Хорошкевич обратила внимание на прямую связь систематического ввоза драгоценных металлов в Новгород с развитием новгородского ювелирного дела в XIV–XV вв.⁹⁵ После Батыева нашествия ювелирное дело во Владимире, возможно, и не заглохло, но памятников владимирского происхождения нет, а в XIV в. политическая и художественная активность перемещается, как замечено, из Владимира в Нижний Новгород⁹⁶. В Москве с подвозом драгоценных металлов все обстояло намного лучше, и, как следствие, «при Симеоне Гордом... работали артели русских и греческих художников... мастера прикладного искусства», плоды деятельности которых дошли до наших дней⁹⁷.

Таким образом, в 1340 г. Успенскому собору «златые върхы» делали, скорее всего, московские мастера.

Совершенно неизвестно, ограничивались ли летние работы во Владимире 1340 г. только покрытием куполов Успенского собора золоченой медью. Возможно, ремонт проводился и в самом Успенском соборе. Когда в 1469 г. московский зодчий В.Д. Ермолин отправился во Владимир для «обновления» каменных храмов города, то работы коснулись всего двух церквей⁹⁸, и Успенский собор среди объектов работ не упоминается⁹⁹. Но, кроме соборного храма, в столице великого княжения должен был существовать и великокняжеский «двор».

«Князь дворъ великыи» Всеволода Большое Гнездо упоминается еще в 1185 г.¹⁰⁰ Сооружен он был во владимирском детинце, рядом с великокняжеским Дмитриевским собором, соединявшимся с великокняжеским «двором» переходами, остатки которых были заметны еще в XIX в.¹⁰¹ Этот старый «княж двор», судя по всему, периодически обновлялся и отстраивался. Так, в 1318 г. во Владимире скончался и там же в Успенском соборе был погребен младший брат великого князя

⁹⁵ Хорошкевич А.Л. Указ. соч. С. 306.

⁹⁶ Николаева Т.А. Прикладное искусство Московской Руси. М., 1976. С. 20–23. Несмотря на полное отсутствие произведений прикладного искусства XIV в., связанных с Владимиром, А.М. Сахаров, наоборот, полагал, что «сохранилось большое количество изделий владимирских ювелиров XIV–XV вв.» (там же. С. 47).

⁹⁷ Николаева Т.А. Указ. соч. С.124-174.

⁹⁸ «Въ Володимери обновили двѣ церкви камены, Воздвиженіе въ торгу, а другую на Золотыхъ Воротехъ» (ПСРЛ. М., 2004. Т. 23. С. 159).

⁹⁹ Ср.: «Московские князья...принимали до 1432 г. великокняжеский титул под ветхими сводами владимирского Успенского собора» (Лазарев В.Н. Древнерусские мозаики и фрески. М., 1973. С. 38).

¹⁰⁰ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 630.

¹⁰¹ Тихомиров М.Н. Древнерусские города. М., 1957. С. 407.

Юрия Даниловича, Борис Данилович¹⁰², надо понимать, наместник брата на великокняжеском столе. Если это так, то московский князь должен был иметь и двор для проживания во Владимире.

Возможно, «двор» во Владимире поновляли не только держатели великокняжеского ярлыка из Москвы, но и их предшественники из других ветвей потомков Ярослава Всеволодовича. В 1307 г. державший великое княжение тверской князь Дмитрий Михайлович, готовивший поход на Юрия Даниловича Московского, «сбравъ воя многи... стоявъ Володимѣри 3 недели»¹⁰³ и явным образом где-то должен был жить.

Первое в послемонгольское время известие о существовании во Владимире двора с предназначенными для великого князя постройками относится ко времени великого княжения Василия Дмитриевича. «Хоромы на князя великого дворе въ Володимере» «ставили» митрополичьи плотники — об этом сообщает договорная грамота великого князя с митрополитом Киприаном (1392–1404 гг.)¹⁰⁴.

Великокняжеские «хоромы» и весь двор должен был обслуживать штат «людей» великого князя, и в этой же грамоте фигурируют живущие во Владимире в соседстве с митрополичьими «слугами» великокняжеские «дворчане»¹⁰⁵. «Князя великого дворъ» был в 1410 г. уничтожен при набеге на Владимир совместной татарско-нижегородской рати¹⁰⁶. Более о существовании «хором» московских князей на старом великокняжеском «дворе» во Владимире источники не сообщают. В XVI в. здесь находились изба владимирского воеводы, а также съезжая и губная избы¹⁰⁷.

Не исключено, что «хоромы» великого князя Василия Дмитриевича не были первым двором московских князей во Владимире и что в 1340 г. работы в древней столице не ограничивались только восстановлением золоченых куполов Успенского собора. На время торжеств по «посажению» на великое княжение во Владимир приехал не только сам Симеон Иванович, но и оба его брата, Иван и Андрей Ивановичи, с многочисленной свитой, которые должны были где-то

¹⁰² ПСРЛ. Т. 18. С. 89.

¹⁰³ Там же. С. 87.

¹⁰⁴ Русский феодальный архив XIV — первой трети XVI века / Сост. А.И. Плигузов. М., 2008. С. 84.

¹⁰⁵ И.И. Срезневский определил «дворчан» как «живущих при дворе (?)» (*Срезневский И.И.* Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. СПб., 1893. Т. 1. Стб. 1334).

¹⁰⁶ ПСРЛ. Т. 15. Стб. 485.

¹⁰⁷ *Тихомиров М.Н.* Россия в XVI столетии. М., 1962. С. 174.

разместиться. Скорее всего, это был приведенный в порядок старый великокняжеский двор у Дмитриевского собора.

О поездках во Владимир после 1340 г. великого князя летопись не сообщает, равно как ничего неизвестно и о визитах в древнюю столицу его брата, следующего великого князя владимирского Ивана Ивановича (не считая, разумеется, посажения его на великое княжение в 1358 г.). Следующий великий князь из московского дома, племянник Симеона Ивановича Дмитрий Иванович, после посажения в 1363 г. бывал во Владимире неоднократно. Так, в 1382 г. он «отпусти въ Орду къ царю Токтамышу сына своего стареѣишаго Василѣа изъ Володимеря»¹⁰⁸, т. е., надо понимать, лично провожал наследника до столицы великого княжения. В 1386 г. Дмитрий Иванович был во Владимире в день храмового праздника, на Успение и присутствовал в Успенском соборе при поставлении митрополитом Пименом рязанского епископа Феогноста¹⁰⁹. Так что великокняжеский «двор» во Владимире в это время должен был в том или ином виде существовать.

Возвращаясь к владимирскому граффити с сообщением о грозе 13 июля 1340 г., констатируем, что запись неизвестного кровельщика остается самым ранним и красноречивым свидетельством внимания московских Калитовичей к Владимиру как древней столице великого княжения, «граду Пречистые Богоматери» и «столу земли Русския»¹¹⁰.

¹⁰⁸ ПСРЛ. Т. 15. Стб. 148.

¹⁰⁹ Там же. Стб. 154.

¹¹⁰ Там же. Стб. 183, 186.

Легенда о ханском подворье на месте Чудова монастыря в источниках и исторической литературе

DOI 10.31168/91674-483-5.16

Мнение о том, что Чудов монастырь, просуществовавший в Московском Кремле с середины XIV столетия до 1929 г., был основан на месте татарского конюшенного двора или же золотоордынского посольского подворья, подаренного митрополиту Алексею ордынскими правителями в знак благодарности за совершенное им чудесное исцеление от слепоты ханши Тайдулы, широко отражено как в историко-краеведческой¹, так и в религиозно-просветительской литературе², а в последние два десятилетия

¹ *Иосиф, архим.* Путеводитель к святыне и священным достопамятностям Москвы. М., 1882. 9-е изд. С. 51; *Фабрициус М.* Кремль в Москве. Очерки и картины прошлого и настоящего. М., 1883. С. 276; *Кондратьев И.К.* Седая старина Москвы. М., 1893. С. 69; *Торопов С.А.* Москва. Ее прошлое и настоящее. К 750-летию основания. М., 1897. С. 13; *Георгиевский Г.П.* Москва, ее святыни и памятники. М., 1904. С. 217–218; *Забелин И.Е.* История города Москвы. М., 1905. Ч. 1. 2-е изд. С. 284; *Скворцов Н.А., протоиер.* Археология и топография Москвы. М., 1913. С. 159, и др.

² *Ратишин А.* Полное собрание исторических сведений о монастырях и церквях в России. М., 1852. С. 192; *Иоанникий, иером.* Описание Чудова монастыря. М., 1873. С. 3; Московский кафедральный Чудов монастырь. М., 1896. С. 6; *Ерמיлина Т.С.* Мир русских икон и монастырей: история, предания. М., 1997. С. 137–141; *Он же.* Мир русских монастырей. История, предания. М., 2003. С. 157–160; Русские монастыри и храмы. Историческая энциклопедия. М., 2010. С. 645; *Глухов А.Г.* Обители мудрости. Монастыри и храмы как центры книжности России. М., 2010. С. 96, и др. Не чуждо это представление и мусульманским авторам: *Хайретдинов Д.З.* Золотая Орда в златоглавой столице Руси // <http://islamrf.ru/news/culture/history/19359>; *Он же.* Подворья Золотой Орды в великокняжеских столицах — Москве и Нижнем Новгороде // Фаизхановские чтения. Н. Новгород, 2006. № 3; и др.

еще и распространилось по бесчисленному множеству интернет-сайтов. Более того, даже в сугубо научных трудах об этом ханском подарке упоминается как о чем-то само собой разумеющемся и не требующем специального подтверждения, поэтому такого рода упоминания, как правило, не сопровождаются отсылками не только к историческим источникам, но даже и к предшествующей исследовательской литературе³. Это наглядно свидетельствует о том, что представление об ордынском подворье на месте основания Чудова монастыря прочно вошло в массовое историческое сознание наших соотечественников. Значительным большинством из них оно воспринимается как несомненный исторический факт, и зачастую выступает в качестве основы для далеко идущих этно-религиозных интерпретаций.

Однако вплоть до настоящего времени практически невозможно было ни назвать время появления этой легенды, ни определить культурно-идеологический контекст ее формирования. А без этого нельзя было дать и объективную оценку ее исторической значимости. Такое положение дел определялось уже отмеченным обстоятельством: авторы, рассказывавшие во второй половине XIX — начале XXI в. на страницах своих сочинений об основании Чудова монастыря на месте ордынского подворья в Московском кремле, при этом либо совсем не указывали своих источников, либо глухо ссылались на некие «предания», что совершенно лишало эту легенду хоть какой-то исторической приуроченности.

Лишь И.Е. Забелин в данном контексте, тоже весьма неопределенно, указал на «некоторые летописцы». «Некоторые летописцы упоминают, — писал почтенный московский историк, — что на этом месте (Чудова монастыря. — Д. К.) находился Царев Ордынский Посольский двор, т.е. местопребывание приходивших в Москву царевых, иногда очень грозных и немилостивых, послов, появлявшихся время от времени за сбором даней и пошлин, а также и сверх пошлин чрезвычайных царевых запросов. Другие позднейшие свидетельства упоминают, что здесь был конюшенный двор хана Джанибека, который подарила святителю царица Тайдула (Тайтуглы). Конюшенный двор, конечно, составлял только часть всего подворья. Невозможно предполагать, чтобы в Кремле находились только одни конюшни ордынских послов»⁴. К сожалению, никаких указаний на конкретные летописные тексты, содержащиеся в рукописях или печатных публикациях, в «Истории города Москвы» не приведено. Поэтому, в каких летописцах И.Е. Забелин видел приведенные им сведения, оставалось только догадываться. Вслед за И.Е. Забели-

³ Малков Ю.Т. Стенопись собора Чуда Архангела Михаила в Хонех в Московском Кремле // Древнерусское искусство. Проблемы и атрибуция. М., 1977. С. 368; Кирпич В.А. История развития застройки и планировки территории Чудова монастыря // Кадашевские чтения. Сборник докладов конференции. М., 2011. Вып. 8. С. 129.

⁴ Забелин И.Е. История города Москвы. С. 284.

ным на некие неопределенные летописи ссылались и некоторые другие исследователи⁵. Однако конкретных летописных памятников никто из них тоже не называл. Очевидно, позднейшие историки целиком полагались на авторитет своего уважаемого предшественника.

Лишь в начале XXI столетия была предпринята целенаправленная попытка выявления источников, способных подтвердить достоверность легенды о подарке ордынского подворья митрополиту Алексею для постройки Чудова монастыря. Эту попытку осуществила Т.Д. Панова, являвшаяся на тот момент главным археологом Государственного историко-культурного музея-заповедника «Московский Кремль». Как профессиональный археолог она решительно отвергла возможность подтвердить легенду о татарском (ордынском) подворье в Кремле имеющимся археологическим материалом⁶. Анализ летописей и актового материала также привел ее к выводу об отсутствии там прямых указаний на существование подобного подворья⁷. В конечном итоге Т.Д. Панова пришла к убеждению, что версия об основании Чудова монастыря на месте ханского подворья является мифологическим стереотипом, появившимся в русской исторической литературе в середине XIX в.⁸ При этом Т.Д. Панова указала и на того человека, который, по ее мнению, породил этот исторический миф, — исследователя московских древностей И.М. Снегирева⁹.

Действительно, И.М. Снегирев в 1843 г. в пятой тетради своих «Памятников московских древностей» писал, что «место Чудова монастыря занимал конюшенный двор хана Джанибека, который подарила святителю (Алексею. — Д. К.) излеченная им ханша Тайдула, или Тайбола»¹⁰. В том же году увидела свет и еще одна работа И.М. Снегирева — «Новоспасский монастырь», где также утверждалось, что «до святителя Алексия место Чудова монастыря занято было ханским двором с конюшнями»¹¹. Позднее это утверждение неоднократно

⁵ См., например: *Скворцов Н.А., протоиер.* Археология и топография Москвы. С. 159; *Выголов В.П.* О первоначальной архитектуре собора Чудова монастыря // Средневековое искусство. Русь, Грузия. М., 1978. С. 63–82.

⁶ *Панова Т.Д.* Татарское подворье в Московском Кремле: миф или реальность? // Столичные и периферийные города Руси и России в Средние века и раннее Новое время (XI–XVIII вв.). Доклады Второй научной конференции (Москва, 7–8 декабря 1999 г.). М., 2001. С. 30–31.

⁷ Там же. С. 28–31.

⁸ Там же. С. 31.

⁹ Там же. С. 25–26, 28.

¹⁰ *Снегирев И.М.* Памятники московских древностей. М., 1842–1843. С. 131.

¹¹ *Снегирев И.М.* Новоспасский монастырь. М., 1843. С. 9.

повторялось И.М. Снегиревым в его работах 50–70-х гг. XIX в.¹² И именно к этому автору восходит практически вся последующая литература вплоть до настоящего времени.

Сам же И.М. Снегирев ссылаясь при этом на «Измарагд диалектовый от создания мира, оканч[ивающийся] 1697 г. писан полууставом, в 12, принадлежал К. Аверину»¹³. Упомянутый в данной отсылке К.И. Аверин был зарайским купцом и коллекционером-любителем начала XIX в. Его сравнительно небольшая коллекция древнерусских рукописей не сохранилась как единое целое, но оказалась рассредоточена по иным рукописным собраниям. Большая часть аверинских рукописей была передана в библиотеку Московского общества истории и древностей российских при Московском университете и в Румянцевский музей¹⁴. Но ни в этих, ни в каких бы то ни было других рукописных собраниях указанный И.М. Снегиревым «Измарагд диалектовый» никто из исследователей никогда не встречал. Это и дало Т.Д. Пановой повод заподозрить И.М. Снегирева в мистификаторстве.

К подобного рода подозрениям подталкивает и само название рукописи, будто бы принадлежавшей купцу Аверину. Если это был какой-то список «Измарагда» — сборника церковных поучений устойчивого состава, — то почему он «диалектовый»? «Диалектовыми» в древнерусской письменности назывались рукописи, содержащие словари. «Измарагд» никак не может быть «диалектовым» словарем. Равным образом к «Измарагду» не применима характеристика «от создания мира, оканчивающийся 1697 г.». Это указание уместно для хронографа или (в меньшей степени) для летописи, но не для сборника святоотеческих гомилий, каковым являлся «Измарагд». Смещение нескольких совершенно несовместимых жанровых признаков в заглавии рукописи, которую после И.М. Снегирева никому не приходилось видеть, волей-неволей заставляет задуматься: а могла ли существовать такая рукопись в реальности? Тем более что М.П. Погодин, близко

¹² *Снегирев И.М.* Русская старина в памятниках церковного и гражданского зодчества. Год 3. М., 1852. С. 78–79; *Он же.* Новоспасский ставропигиальный монастырь. М., 1863. С. 5; *Он же.* Москва. Подробное историческое и археологическое описание города. М., 1875. Т. 1. С. XIII; М., 1873. Т. 2. С. 201.

¹³ *Снегирев И.М.* Памятники московских древностей. С. 131. Прим. 1; *Он же.* Новоспасский монастырь. С. 9. Прим. 7.

¹⁴ См.: Роспись книгам и монетам, принесенным в дар Обществу истории и древностей российских зарайским купцом К.И. Авериным // Труды и записки Общества истории и древностей российских. М., 1827. Ч. III. Кн. II. С. 17–28, 79–81, 113–114, 150–151; *Козлов В.П.* К истории комплектования Румянцевского собрания русских и славянских рукописей // Записки Отдела рукописей. М., 1980. Вып. 41. С. 5, 18 (№ 118), 23 (№ 307), 27 (№ 420), 28 (№ 445); *Он же.* Колумбы российских древностей. М., 1985. С. 80, 81.

знавший И.М. Снегирева как человека и исследователя, отмечал за ним такую особенность: «Он часто запутывается и запутывает читателя, даже иногда как будто с умыслом, по особенному складу ума: ему как будто приятнее бывает туман, чем свет. **К десяти верным сведениям он приложит непременно с ветру одиннадцатое неверное, и вы затруднитесь разобрать, которое же из одиннадцати известий никуда не годится** (выделено нами. — Д. К.). По этой причине многочисленными сочинениями и разысканиями Снегирева должно пользоваться как богатым материалом, но с особенной осторожностью и не употреблять его показаний без проверки»¹⁵.

К счастью, в нашем случае И.М. Снегирев все-таки оставил некоторую возможность для проверки добросовестности его информации о ханском дворе на месте будущего Чудова монастыря. Кроме аверинского «Измарагда диалектового», существование которого так и остается на его совести, он сделал ссылку еще на — «Сочинения А. Сумарокова, Ч. VI, 289»¹⁶. Нам было доступно второе издание «Полного собрания сочинений в стихах и прозе» А.П. Сумарокова, шестая часть которого была издана в 1781 г. Там на странице 307 (а не 289, как у И.М. Снегирева, который пользовался более поздним изданием сумароковских «Сочинений» 1787 г.) сказано: «Митрополитом был при нем (великом князе Иване Ивановиче. — Д. К.) Алексей, опочивающий в Чудове монастыре, им самим созданным, на котором месте был прежде двор татарских посланников»¹⁷. Это утверждение содержится в статье А.П. Сумарокова «О первоначалии и созидании Москвы». Данная статья впервые была опубликована в январской книжке сумароковского журнала «Трудолюбивая пчела» за 1759 г. Очевидно, сочинена она была А.П. Сумароковым незадолго до публикации — в конце 50-х гг. XVIII в.¹⁸ Таким образом, версия о первоначальном существовании ордынского подворья на месте Чудова монастыря удревняется по отношению к публикациям И.М. Снегирева почти на столетие. Поэтому его теперь нельзя считать «мистификатором», придумавшим чудовскую легенду «с ветру», по выражению М.П. Погодина.

¹⁵ *Погодин М.П.* Судьбы археологии в России // Труды I Археологического съезда в Москве. 1869 г. М., 1871. Т. I. С. 25–26 (перепечатано в кн.: *Погодин М.П.* Сочинения. М., 1872. Т. III. Речи. 1830–1872. С. 504–505). См. также аналогичные замечания у И.Е. Забелина: *Забелин И.Е.* Опыты изучения русских древностей и истории. М., 1873. Ч. II. С. 119–122.

¹⁶ *Снегирев И.М.* Памятники московских древностей. С. 131. Прим. 1.

¹⁷ *Сумароков А.П.* О первоначалии и созидании Москвы // *Он же.* Полное собрание сочинений в стихах и прозе. М., 1781. 2-е изд. Ч. VI. С. 307.

¹⁸ *Салмина М.А.* Древнерусские повести о начале Москвы в переработке А.П. Сумарокова // Труды отдела древнерусской литературы. М.; Л., 1958. Т. XV. С. 381.

Правда, обращает на себя внимание довольно заметная разница в изложении деталей этой легенды. У А.П. Сумарокова речь идет о дворе татарских посланников, а у И.М. Снегирева он уже превращается в конюшенный двор хана. Как мы помним, И.Е. Забелин относил вариант с посольским двором к сведениям «некоторых летописцев», а вариант с конюшенным двором связывал с какими-то «позднейшими свидетельствами». Но из-за отсутствия ссылки на источники в его «Истории города Москвы» мы лишены возможности узнать, что это за свидетельства. Скорее всего, И.Е. Забелин как раз и подразумевал под ними писания И.М. Снегирева, явно вступал с ними в полемику на страницах своей «Истории города Москвы». Точно так же и в отношении И.М. Снегирева мы пока не можем сказать, действительно ли он располагал источником, в котором упоминался именно ордынский конюшенный двор на месте Чудова монастыря, или же это его произвольное, «с ветру», переосмысление прочитанного у А.П. Сумарокова.

Поскольку ссылки на источники в статье А.П. Сумарокова не приведено, то мы рисковали бы остановиться в распутывании генезиса чудовской легенды на середине XVIII в. Но на сегодняшний день мы можем указать целый ряд текстов, в которых еще на столетие раньше говорилось о создании митрополитом Алексеем Чудова монастыря на месте подаренного ханом «посольского двора».

В собрании рукописей РГАЛИ имеется сборник житий русских святых — РГАДА, Ф. 187. Собр. РГАЛИ. № 61, в 4^о, который можно датировать первой половиной XVII в.¹⁹ Там на л. 329об.–335 читается краткая редакция Жития митрополита Алексея, которая известна еще по двум спискам, введенным в научный оборот Р.А. Седовой (РГБ, собр. Усова. Ф. 651 № 84 (М 5199), Сборник посл. четв. XV в. Л. 80–84; РГБ, Музейное собр. № 10301, Пролог тр. четв. XVI в. Л. 518об.–521)²⁰. Данная редакция представляет собой сокращение Жития свт. Алексея, написанного Пахомием Сербом ок. 1459 г. Ни в Пахомиевой редакции Жития, ни в ее сокращенной переделке изначально никаких сведений о подарке митрополиту Алексею ордынского подворья в Москве не содержалось.

Но в списке из собрания РГАЛИ имеются две заметные интерполяции, отсутствующие в списках, указанных Р.А. Седовой. На л. 333 го-

¹⁹ Последнее по времени описание рукописи и датировку ее первой половиной XVII в. см.: *Минеева С.В.* Рукописная традиция Жития преподобных Зосимы и Савватия Соловецких (XVI–XVIII вв.). М., 2001. Т. I. С. 468.

²⁰ *Седова Р.А.* К вопросу о первоначальной редакции Жития митрополита Алексея, созданной пермским епископом Питиримом // Макариевские чтения. Можайск, 1998. Вып. 5. С. 351–364. Представление Р.А. Седовой о найденной ей краткой редакции Жития свт. Алексея как о произведении епископа Питирима Пермского, предшествовавшем агиографическому труду Пахомия Серба, нами не разделяется.

ворится, что слава о свт. Алексее «до того нечестиваго царя Жанибека доиде. Имяше же царь той дщерь царицу имянемъ Тайбулу 3-х лет слепоу сущу». Вторая вставка сделана в сцене одарения митрополита Алексея ханом за чудесное излечение «девицы»: «И даде ему под м[о]н[а]стырь и посолскіи двор иже бе на Москве» (л. 334об.). «По сих же» свт. Алексей «воздвизает на томъ месте ц[е]рк[о]вь каменную во имя архистратига Михаила ч[е]стнаго его Чюда|| и предель во имя Пр[е]ч[и]стыя вл[а]д[ы]ч[и]цы нашея Б[о]горо[д]ица ч[е]стнаго ея Бл[а]говещенія, ту себе и гробъ сотвори своими рукама, и трапезу сотвори, еже дон[ы]не есть, и общее житіе состави и м[о]н[а]стырь возгради» (л. 334об.–335). Мы не можем сейчас судить о том, сделаны ли были отмеченные нами вставки в списке РГАЛИ № 61 переписчиком именно этого списка или они уже находились в его протографе. Но можно достаточно определенно указать на круг источников, откуда они могли быть позаимствованы.

О слепой Джанибековой царице Тайдуле сообщается в редакциях Жития свт. Алексея, составленных в XVI в. для Никоновской летописи и Степенной книги. В Пахомиевой редакции Жития и ее сокращениях действуют не Джанибек и Тайдула, а «царь Амурат» и его не названная по имени «царица». И в списке РГАЛИ № 61 везде, кроме процитированной вставки на л. 333, говорится не о Жанибеке и Тайбуле, а об Амурате с его царицей. (Комичным образом интерполятор принял трехлетний срок болезни царицы за ее возраст и превратил ее в малолетнюю «девицу», «дщерь» Джанибека.) Таким образом, интересующие нас вставки могут восходить к текстам либо Никоновской летописи, либо Книги степенной царского родословия; к каким-то их спискам, в которых имелось дополнение о подарке ханом Джанибеком своего посольского двора митрополиту Алексею.

Дополнительные данные для решения этого вопроса позволяют внести обращение к группе летописных текстов, так или иначе связанных с Летописным сводом 1652 г. Во-первых, это Летописец, содержащийся в рукописи ГИМ, Музейское собр. 3058. А.Н. Насонов определял его как отдельную («другую») редакцию свода 1652 г., возможно, восходящую к новгородскому летописному своду конца XVI в.²¹ По мнению же А.В. Лаврентьева, Музейский летописец представляет собой свод, созданный в 1649–1652 гг. в окружении новгородского митрополита Никона и послуживший источником для никоновского патриаршего Летописного свода 1652 г., составленного после возведения Никона на Всероссийскую кафедру²².

²¹ *Насонов А.Н.* История русского летописания XI — начала XVIII в. Очерки и исследования. М., 1969. С. 485–486.

²² *Лаврентьев А.В.* К вопросу о списках свода 1652 г. в связи с историей его создания // Проблемы изучения нарративных источников по истории русского средневековья. М., 1982. С. 45–46.

Собственно Летописный свод 1652 г. был доступен нам по рукописям московских хранилищ: НИОР РГБ. Ф. 37. Собр. Большакова № 423 (XVII в.). Ф. 178. Музейное собр. № 9476 (XVIII в.); ГИМ. Собр. Уварова № 543 (XVIII в.). Собр. Черткова № 272 (XVIII в.); РГАДА. Ф. 181 Собр. МГАМИД № 13/14 (XVIII в.). В интересующих нас фрагментах они содержат практически идентичный текст. Далее мы будем опираться на старейший список этой группы — РГБ, Собр. Большакова № 423.

Список НИОР РГБ. Ф. 205. Собр. ОИДР № 128 (XVIII в.) представляет собой вторую редакцию Летописного свода 1652 г., которая, по наблюдениям А.В. Лаврентьева, могла быть составлена между 1657 и 1673 гг. в окружении рязанского митрополита Иллариона²³.

Наконец, это Мазуринский летописец, составленный в первой половине 1680-х гг., возможно, иноком Чудова монастыря Исидором Сназиным²⁴. В основе этого летописного памятника также лежит один из текстов, входящих в круг Летописного свода 1652 г. (подробнее об этом будет сказано ниже).

Источником для всех этих летописцев так или иначе послужила Книга степенная царского родословия. Прямые ссылки на Степенную имеются в их текстах, да и без ссылок хорошо заметны более или менее обширные заимствования из Степенной книги. В частности, во все эти памятники вошло Житие митрополита Алексея в редакции Степенной. При этом оно было сильно сокращено, превратившись в рассказ о двух его шествиях в Золотую Орду, обрамленный лаконичными известиями о его происхождении и поставлении на Русскую митрополию и о преставлении. История ордынских поездок митрополита Алексея в этих летописцах весьма последовательно следует за текстом Степенной книги, с тем лишь отличием, что среди ханских даров святителю за исцеление ханши Тайдулы упоминается царский посольский двор.

Впрочем, в списке ГИМ, Музейское собр. 3058, отражающем, вероятно, источник свода 1652 г., у двора нет определения «посольский». Там сказано: «Дасти же царь и двор свой, идеже ныне Чудов монастырь, и отпущен бысть с миром. И прииде святыи на святыи на престол свой с великою честию и устрои на том месте церковь каменну во имя Чюдо архистратига Михаила, идеже даст ему царь место, и обитель устрои на том месте» (л. 116об.) Однако это может быть всего лишь пропуск слова «посольский» именно в данном списке, тогда как в архетипе этого летописного памятника оно имелось. Подозревать это

²³ Лаврентьев А.В. Свод 1652 г. — памятник русского летописания XVII в.: дисс. ... к.и.н. М., 1984. Приложение. С. 12–18.

²⁴ Чистякова Е.В., Богданов А.П. «Да будет потомкам явлено...». Очерки о русских историках второй половины XVII века и их трудах. М., 1988. С. 60–75; Богданов А.П. Исидор Сназин // Словарь книжников и книжности Древней Руси. СПб., 1993. Вып. 3 (XVII в.). Ч. 2. И–О. С. 124.

заставляет сравнение Летописца Муз. 3058 с Мазуринским летописцем. В последнем мы находим очень близкий вариант интерполяции о царевом дворе, но с указанием — «посольский»: «Даст же ему царь и двор свой **посолской** на Москве, идеже ныне Чюдов монастырь, и отпущен бысть с миром. И прииде святыи на престол свой с великою честию и устрои на том месте церковь каменну во имя архистратига Михаила, идеже даст ему царь место, и обитель устрои на том месте»²⁵.

В Летописном же своде 1652 г. этот фрагмент выглядит немного иначе: «Царь же даст ему и двор свой посолской, и отпусти его с миром. || И прииде святыи к Москве на престол свой с великою честию. И того ради воздвиже церковь каменную во имя Чюдо архистратига Михаила, и обитель устрои на том месте, идеже был двор посолской, иже даде ему царь» (РГБ. Ф. 37 Собр. Большакова № 423. Л. 63–63об.). Во второй редакции свода 1652 г. читается практически то же самое: «Царь же даде ему и двор свой посолской, и отпусти его с миром. И прииде к Москве на престол свой с великою честию. И того ради воздвиже церковь каменную во имя Чюда архистратига Михаила, и обитель устрои на том месте, идеже был двор посолской, иже даде ему царь» (РГБ. Ф. 205 Собр. ОИДР № 128. Л. 45).

Детальное сопоставление фрагментов Жития митрополита Алексея в списках РГБ. Ф. 37. Собр. Большакова № 423, ГИМ, Музейское собр. № 3058 и Мазуринского летописца показывает, что в целом они весьма близки друг другу (поскольку восходят к одному источнику — Степенной книге), различия между ними носят не содержательный, а лишь лексический характер. Однако индивидуальные чтения Больш. 423, отражающего основную редакцию Летописного свода 1652 г., все-таки заметно отличают его от Муз. 3058 и Мазуринского летописцев, которые последовательно сходны между собою.

С другой стороны, употребление в Летописном своде 1652 г. формы «**воздвиже** церковь каменную» (РГБ. Ф. 37 Собр. Большакова № 423. Л. 63об.), отличающей его от Муз. 3058 и Мазуринского летописцев, где находится — «**устрои** на том месте церковь каменну», сближает до определенной степени свод 1652 г. с рассмотренным выше списком Жития митрополита Алексея РГАДА. Ф. 187. Собр. РГАЛИ № 61, где читается: «**воздвизает** на томъ месте ц[e]рк[о]вь каменную». Впрочем, это настолько малые по объему фрагменты, что строить на их основании какие-либо текстологические конструкции не представляется сколько-нибудь надежным.

Безнадежными оказались и поиски списка Степенной книги, в котором бы уже читалась интерполяция о подарке митрополиту Алексею царского двора. А.В. Лаврентьевым был указан тот список

²⁵ Мазуринский летописец // Полное собрание русских летописей (далее — ПСРЛ). М., 1968. Т. 31. Летописцы последней четверти XVII века. С. 87.

Книги степенной царского родословия, который, по его мнению, мог использоваться патриаршими книжниками при составлении летописного свода 1652 г. Он полагал, что это могла быть Степенная книга из личной библиотеки патриарха Никона, который и являлся заказчиком свода 1652 г. и который позднее вложил эту Степенную в Воскресенский Новоиерусалимский монастырь. В настоящее время эта книга хранится в библиотеке Академии наук — БАН, 32.8.¹²⁶ К сожалению, вставки о ханском дворе там не оказалось²⁷. Не оказалось ее и в тех списках Степенной книги, которые А.В. Сиренов считает восходящими к общему протографу с БАН, 32.8.1. Из этой группы списков нами были просмотрены НИОР РГБ. Ф. 256 Собр. Румянцева № 413 (кон. XVII в.) и РГАДА. Ф. 357 Собр. Саровской пустыни № 59 (1687 г.). Все они очень точно воспроизводят текст Чудовского списка Книги степенной царского родословия. Поэтому текстологически не представляется возможным даже доказать, что именно списки этой группы привлекались для составления Летописного свода 1652 г. (а не тот же Чудовский, например).

Выявленный на сегодняшний день круг памятников XVII столетия, отражающих легенду об основании Чудова монастыря на месте ханского подворья в Московском кремле, позволяет прояснить и ситуацию с теми источниками, которыми могли пользоваться историки XVIII–XX вв. для своих сочинений. Очевидно, что «некоторые летописцы», на которые ссылался И.Е. Забелин, относятся к кругу списков Летописного свода 1652 г. и родственных ему летописных памятников.

А применительно к статье А.П. Сумарокова «О первоначалии и создании Москвы» мы можем со всей определенностью говорить не только о том, что при ее написании использовался свод 1652 г., поскольку из примерно полусотни исторических фактов, упомянутых в этой статье, три десятка легко отыскиваются в обеих редакциях этого Летописного свода. Но и о том, что А.П. Сумароков пользовался второй редакцией этого свода. Дело в том, что сумароковская статья открывается переделкой двух текстов, входящих в цикл легендарных повестей о начале Москвы. Автор XVIII в. явно использовал в своей работе «Повесть о зачале Москвы» и «Сказание о зачале Москвы и Крутицкой епископии»²⁸. А как раз эти два легендарно-исторических сочинения и находятся в списках второй (младшей) редакции патри-

²⁶ *Лаврентьев А.В.* Свод 1652 г. — памятник русского летописания XVII в. С. 32–33.

²⁷ Текст интересующего нас фрагмента Жития митрополита Алексея в этом списке по нашей просьбе любезно проверил А.В. Сиренов, за что автор настоящей статьи выражает ему самую искреннюю признательность.

²⁸ *Салмина М.А.* Древнерусские повести о начале Москвы в переработке А.П. Сумарокова. С. 379–380.

аршего летописного свода 1652 г.²⁹ С учетом того, что летописный свод 1652 г. пользовался популярностью и в XVIII в. — большинство дошедших до нас списков данного свода относятся именно к этому столетию (один из них был даже специально переписан в 1736 г. для канцлера А.П. Вольнского)³⁰, — нет ничего удивительного в том, что им мог воспользоваться в своих исторических трудах и А.П. Сумароков. Следовательно, и известие про двор татарских посланников, бывший прежде на месте Чудова монастыря, он, вероятнее всего, мог почерпнуть именно из этого летописного источника.

В этой связи можно высказать осторожную догадку и о том, что же все-таки мог представлять собой аверинский «Измарагд диалектовый», на который ссылался И.М. Снегирев. Если этот памятник реально существовал, то не мог ли «Измарагд от создания мира, оканчивающийся 1697 г.» быть поздним списком летописного свода 1652 г. или восходящего к нему Мазуринского летописца с продолжением текста до 1697 г.? Возможность использования И.М. Снегиревым какого-то реального древнерусского источника подкрепляется до некоторой степени редкой формой имени исцеленной ордынской царицы — Тайбола. В известных нам текстах точно такая форма не встречается нигде. Но наиболее близка ей оказывается форма Тайбула (Тайбулу), которую мы находим в интерполяции в краткое Житие митрополита Алексея в списке РГАЛИ № 61, где упоминается и пресловутый «посольский двор». А если принять во внимание, что в оригинале этого списка написано было «Тайбълъ», то легко представить себе, что графема ѱ в каком-то другом списке «потеряла» со временем верхние «рога», сохранив только нижнюю петлю, и поэтому в таком дефектном варианте имя царицы вполне могло быть прочитано в середине XIX в. как Тайбола (Тайболу). Не в этом ли «Измарагде диалектовом» посольский двор превратился в конюший?

Таким образом, самым ранним известным нам документальным свидетельством, фиксирующим предание о построении Чудова монастыря на месте ордынского подворья, возможно, является список сокращенной редакции Жития митрополита Алексея в сборнике РГАЛИ № 61, который датируется довольно широко — первой половиной XVII в. В следующий раз это предание проявляется в летописце Муз. 3058, связанном с трудами книжников новгородского митрополита Никона на рубеже 40–50-х гг. XVII в. После перехода Никона на всероссийскую патриаршую кафедру и эта чудовская легенда переходит в общерусский патриарший летописный свод 1652 г.

²⁹ Лаврентьев А.В. Свод 1652 г. ... Приложение. С. 15–16.

³⁰ Археографический обзор списков летописного свода 1652 г. см.: Лаврентьев А.В. Свод 1652 г. ... Приложение. С. 1–6.

А затем, в начале 80-х гг. XVII столетия, снова проявляется в Мазуринском летописце. В целом же можно говорить о том, что предание о подарке митрополиту Алексею ханского двора в Москве за чудесное исцеление Тайдулы изначально могло существовать в устном виде, как элемент чудовского монастырского фольклора; а в эпоху патриарха Никона это предание обратило на себя внимание патриарших книжников, которые занесли его на страницы своих церковно-исторических сочинений.

Из вышесказанного с очевидностью вытекает, что письменная фиксация чудовской легенды патриаршими книжниками в XVII в. никак не была связана с историческими реалиями XIV столетия, но использовала легендарные «припоминания» о тех давно минувших временах для решения актуальных духовно-идеологических задач своего времени. Придание этой легенде официального статуса, через помещение ее в тексты важнейших письменных памятников патриаршего двора, превращало Чудов монастырь в материальный знак и постоянное напоминание об опасной поездке митрополита Алексея в Золотую Орду, увенчавшейся триумфом чудесного исцеления слепой ханши и избавлением Руси от грозившего ей нового ордынского погрома. В контексте этой легенды русские первоиерархи выступали не просто активными участниками вполне светской государственно-дипломатической деятельности, но и до некоторой степени приобретали в этой сфере пальму первенства, поскольку им удавалось решить такие внешнеполитические проблемы, перед которыми бессильно отступала верховная светская власть³¹. Через обращение к чудовской легенде русские патриархи XVII в. получали «исторический аргумент», существенно подкреплявший их стремления играть самостоятельную и активную роль в светских политических делах вообще и внешнеполитических в особенности. А подобные устремления, несомненно, имелись у патриарха Никона (особенно на фоне русско-польской и русско-шведской войн середины XVII в.).

³¹ Подробнее о коллизиях царско-митрополичьих противоречий в дипломатической сфере середины XVI в., отразившихся в составленной для Степенной книги редакции Жития митрополита Алексея, см.: *Кривцов Д.Ю.* Рассказ Степенной книги о «шествиях» в Орду митрополита Алексея и царско-митрополичьи отношения 60-х гг. XVI в. // Мининские чтения: Материалы докладов научных конференций, проводившихся в Нижегородском государственном университете им. Н.И. Лобачевского 22 мая 1998 г., 21 мая 1999 г. и 21 мая 2000 г. Н. Новгород, 2001. С. 67–84.

О времени создания и некоторых особенностях миниатюр Сказания о Борисе и Глебе в Сильвестровском сборнике

DOI 10.31168/91674-483-5.17

Цикл миниатюр в Сильвестровском сборнике (РГАДА. Ф. 381. Оп. 1. № 53), иллюстрирующий Сказание о св. князьях Борисе и Глебе, широко известен как среди историков и филологов, так и среди искусствоведов¹. Факсимильное издание рукописи, предпринятое в 1985 г.², значительно облегчает изучение миниатюр. Задача данной заметки — уточнить место этого иллюстративного цикла в истории древнерусской миниатюры.

Обратимся, прежде всего, к тематике сюжетов этого произведения. В русской книжной иллюстрации XIV в. преобладают изображения отдельных фигур. Это авторские портреты, помещающиеся в начале рукописи: образы евангелистов, пророков (преимущественно Давида), отцов церкви. В иллюстрированных Прологах — это отдельные фигуры святых, почитающихся в первый день того или иного месяца. Между тем интересующие нас миниатюры Сильвестровского сборника принадлежат к относительно редким исключениям. Это серия изобра-

¹ *Айналов Д.В.* Очерки и заметки по истории древнерусского искусства, IV. Миниатюры Сказания о свв. Борисе и Глебе Сильвестровского сборника // ИОРЯС. СПб., 1910. Т. XV. Кн. 3. С. 1–128; *Смирнова Э.С.* Отражение литературных произведений о Борисе и Глебе в древнерусской станковой живописи // ТОДРЛ. М.; Л., 1958. Т. XV. С. 312–324; *Поппэ А.В.* О роли иконографических изображений в изучении литературных произведений о Борисе и Глебе // ТОДРЛ. М.; Л., 1966. Т. XXII. С. 24–45.

² Сказание о Борисе и Глебе. М., 1985. Т. 1. Факсимильное воспроизведение житийных повестей из Сильвестровского сборника (2-я половина XIV века). Т. 2. Научно-справочный аппарат издания.

жений, которые иллюстрируют, эпизод за эпизодом, один целостный сюжет: историю мученической гибели святых князей и их прославления. Цикл содержит 41 сцену, которые расположены, за одним исключением, попарно на 20 листах, идущих не подряд друг за другом, а чередующихся со страницами текста. Цикл миниатюр Сказания о Борисе и Глебе, с его многофигурными композициями и повествовательностью, перекликается с другими сериями русских книжных иллюстраций XIV в. Таковы изображения ветхозаветных событий в тверской Хронике Георгия Амартола (РГБ. Ф. 173/1, МДА № 100), начала XIV в.³, а также иллюстративные циклы в новгородской Симоновской Псалтири (ГИМ, Хлуд. 3), второй четверти XIV в.⁴ (сцены из истории царя Давида, иллюстрации к Библейским песням, а также многочисленные маргинальные миниатюры, иллюстрирующие святоотеческие комментарии на псалмы)⁵. К той же категории относятся композиции на ветхозаветные темы в Толковой Палее, которые частично находятся в Сильвестровском сборнике, а частично — в рукописи, хранящейся в РНБ, СПб. Дух. Акад., А. I. 119⁶. Среди этих изобразительных комплексов миниатюры Сказания занимают особое место, поскольку они иллюстрируют не тексты Священного Писания, а события совсем другой эпохи — историю мученической кончины и посмертного прославления русских святых. За миниатюрами Сказания в Сильвестровском сборнике стоят другие прообразы и образцы, другая типология сюжетов, отражающая именно русскую христианскую историю.

³ Матвеевко В., Щеголева Л. Книги временные и образные Георгия Монаха. М., 2006. Т. 1. Ч. 1. Интерпретированный текст Троицкой летописи. Издание сопровождается прорисьями всех миниатюр.

⁴ Турилов А.А. Об одной группе каллиграфических рукописей первой половины — середины XIV в. (к вопросу о датировке Симоновской Псалтири) // Искусство рукописной книги. Византия, Древняя Русь. Тезисы докладов международной конференции. Москва, 17–19 сентября 1998. СПб., 1998. С. 36–37.

⁵ Смирнова Э.С. Иллюстрации к Библейским песням в Симоновской Псалтири (ГИМ, Хлуд. 3, вторая четверть XIV в.) в контексте византийской традиции. С. 345–362; *Smirnova E.* Illumination of Bible Odes in the Simonov Psalter of Novgorod, Moscow, State Historical Museum, Chlud. 3, and the Byzantine tradition // *Mélanges Catherine Jolivet-Lévy (Travaux et mémoires, vol. 20/2).* Paris, 2016. P. 537–553.

⁶ О древнем лицевом сборнике, куда входили оба фрагмента, см.: Грибов Ю.А. О реконструкции новгородского иллюстрированного сборника XIV в. // Хризограф. М., 2009. Вып. 3. С. 253–267. О датировке истоков стиля миниатюр той части Палеи, которая находится в составе Сильвестровского сборника, 1350–1360-ми гг., см.: Лифшиц Л.И. Об одной группе произведений новгородской живописи середины XIV века // Новгород и Новгородская земля. Искусство и реставрация. Великий Новгород, 2005. Вып. 1. С. 132–134.

Долгое время Сказание о Борисе и Глебе в Сильвестровском сборнике относили ко второй половине XIV в.⁷, а в последние годы была предложена датировка более узкая — концом XIV в.⁸ Развернувшееся в недавние десятилетия изучение русской живописи второй половины XIV в. — стенописей⁹, икон¹⁰, а в меньшей степени — рукописных иллюстраций, дает искусствоведам возможность более тонкой периодизации памятников этого времени на основании стилистических признаков. Мы можем, опираясь на художественные особенности, подтвердить недавнюю датировку памятника, сделанную на основании палеографических данных, и отнести изобразительный цикл Сказания о Борисе и Глебе к концу XIV столетия.

Рассмотрим композиционную структуру миниатюр Сказания. В настоящее время стало ясно, что классицистические традиции, сохранявшиеся в византийской живописи второй половины XIV в., отразившиеся в искусстве Новгорода и сказавшиеся, в частности, в росписях новгородских храмов (активная передача условного пространства и мощных объемов), к самому концу столетия уже во многом меняют свои особенности, утрачивают энергию и вариативность, приходя к более обобщенным решениям, к иным художественным интонациям. Именно стабилизация в изображении объема и пространства проявляется в миниатюрах Сказания о Борисе и Глебе. Глубина композиции передается в них, по традиции, рисунком построек и группировкой фигур. Однако постройки, несмотря на ракурсы их постановки и на отголоски «кубистического» решения их форм, образуют сравнительно неглубокий пространственный слой (л. 117, 130об.). Это сказывается и в рисунке гробниц-рак (л. 146, 148, 149 и 150). Во многих случаях объемность в рисунке построек сильно уменьшена, они развернуты фронтально, выявлен их плоский силуэт

⁷ Белоброва О.А. Миниатюры «Сказания о Борисе и Глебе» // Сказание о Борисе и Глебе. М., 1985. Т. 1. С. 90–101.

⁸ Грибов Ю.А. Значение палеографических особенностей для определения состава и генеалогии четых сборников // История и палеография. М., 1993. Ч. 1. С. 42, 48 (примеч. 26). По наблюдению исследователя, основной почерк Сильвестровского сборника близок к одному из почерков Пролога, ГИМ, Увар. 326-1° — рукописи, относящейся к концу XIV в.

⁹ См., например: Царевская Т.Ю. Церковь Рождества Христова на Красном поле близ Новгорода. М., 2002; Она же. Роспись церкви Феодора Стратилата на Ручью в Новгороде и ее место в искусстве Византии и Руси второй половины XIV века. М., 2007; Дмитриева С.О. Фрески храма Спаса Преображения на Ковалеве в Новгороде 1380 года. М., 2011.

¹⁰ См., например: Иконы Успенского собора Московского Кремля. XI — начало XV века. М., 2007; Иконы Великого Новгорода XI — начала XVI века. М., 2008.

(л. 128, 128об., 147, 150). На л. 117 слуги, возлагающие тело св. Владимира на сани («Святополк потаи смерть отца своего»), изображены за невысокой стеной, перегибаясь через нее вперед, но это не усиливает ощущения композиционной глубины (ил. 1). Сдержанность в передаче пространства очень заметна в пейзажных сценах: там справа и слева зеркально изображены узкие ступенчатые горки, словно беседующие друг с другом, опуская свои уступы диагонально по направлению к центру (л. 123об., 128, 132, 132об., 135).

Своеобразно передается пространственный слой в тех композициях, где нет ни построек, ни «горок». В войске князя Бориса на л. 117об. («Святой Борис идет на печенег») кони изображены почти в профиль, а всадники — иначе, с тенденцией к фронтальному развороту, что сообщает композиции внутренний ритм и ощущение того, что конное войско пребывает в некоем неглубоком, компактном пространстве.

В трех случаях — л. 117 (ил. 1), 123об. и 130об., где представлен князь, восседающий на престоле, в беседе со своими подданными или явившимися посланниками, изображается красная ткань — полог, перекинутый между зданиями, которые фланкируют композицию. Этот мотив, восходящий к Античности, в нашем случае создает намек на изображение интерьера. Полог — неширокий, что соответствует небольшой глубине изображенной композиции.

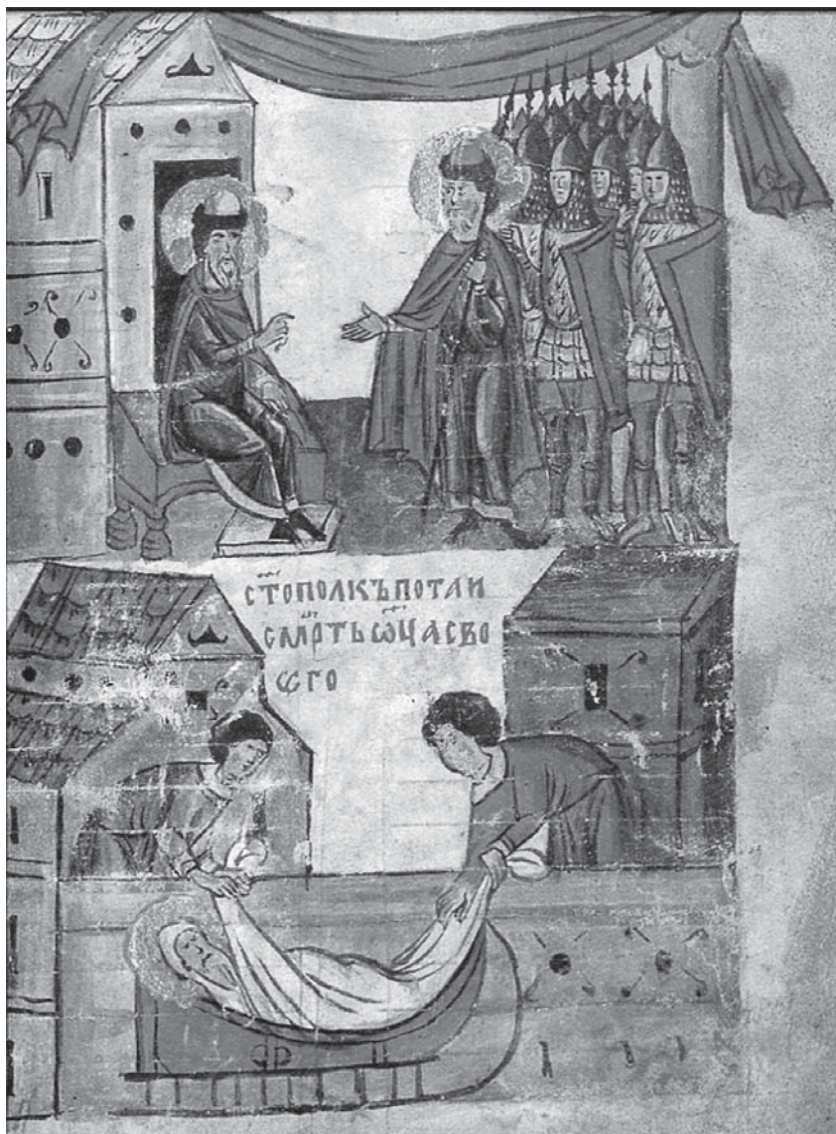
Сравнительно узкое пространство между передним и задним планами композиции стало характерным для искусства византийского мира конца XIV в., в том числе и для памятников Новгорода, связанных с этим миром. Существует различие в трактовке художественного пространства между, с одной стороны, фресками церкви Спаса на Ковалево, 1380 г., где пространственные слои хотя и сближены, но еще ясно ощутимы¹¹, и росписями церкви Рождества Христова на Красном поле, исполненными, скорее всего, в 1390-х гг., где эти слои уже в значительной степени (но не полностью) нивелируются и где ставится акцент не на условном пространстве, а на плавности силуэтов¹². «Сплющивание» пространственных планов, причем в упрощенной форме, наблюдается в новгородских иконах, например в «Св. Николе, с житием», из Борисоглебской церкви в Плотниках (Новгородский музей)¹³, и в одноименной иконе из Никольской церкви Вяжищского монастыря близ Новгорода (Успенский собор Московского Кремля)¹⁴.

¹¹ См., например: *Дмитриева С.О.* Указ. соч. Ил. на с. 88, 91, 94, 135, 189.

¹² *Царевская Т.Ю.* Церковь Рождества Христова на Красном поле близ Новгорода. Ил. 28, 29, 33–35, 40, 41.

¹³ Иконы Великого Новгорода... С. 206–221 (авт. Е.В. Гладышева).

¹⁴ Иконы Успенского собора Московского Кремля... Кат. 15 (авт. Е.Я. Осташенко).

1. «Володимиръ посылаетъ Бориса противу печенегъ»;
«Святополкъ потаи смерть отца своего».
Миниатюры Сильвестровского сборника. Л. 117.

Показательна икона «Покров», из Зверина монастыря, около 1399 г. (Новгородский музей), где одни фигуры вынесены на самый первый план, полностью нивелируя глубину композиции, а другие располагаются вплотную за престолом, все-таки обозначающим наличие некоторого неглубокого пространства¹⁵. Если обратиться к новгородской миниатюре, то фигуры стоящих евангелистов в Евангелии ГИМ, Муз. 3651, с разворотами их фигур, с мощными драпировками их гиматиев, бесспорно, еще связаны с искусством третьей четверти XIV в.¹⁶, а миниатюры Псалтири Ивана Грозного (РГБ. Ф. 304. Троицк., III, № 7) сближаются, скорее, с росписями церкви Св. Феодора Стратилата, около 1380 г.¹⁷ Иначе говоря, существует разница между передачей композиционного пространства в новгородских памятниках 1350–1380 гг., с одной стороны, и произведениями последних двух десятилетий XIV в., с другой. С учетом этих обстоятельств миниатюры Сказания о Борисе и Глебе будет справедливо отнести ко второму из названных этапов, к 1380–1390-м гг.

Коснемся еще одной художественной особенности миниатюр Сказания о Борисе и Глебе, которая отчасти связана и с вопросом их датировки. Для большинства русских миниатюр раннего периода, включая XIV столетие, характерен тщательный рисунок, длинные гибкие контуры, замкнутая форма, прорисовка фигур и ликов, отчетливые силуэты. Это относится не только к «авторским портретам» в рукописях XIV в., где сказывается классическая традиция византийского палеологовского искусства, но и к названным нами композициям в повествовательных сериях, даже к маргинальным миниатюрам Симоновской Псалтири, где мы имеем дело с поздним преломлением художественного наследия XIII в., с его цельностью форм.

Совсем иначе исполнены миниатюры Сказания о Борисе и Глебе. Изображенные там фигуры — относительно короткие и большеголовые, в их кривоватых силуэтах и резких жестах нет ничего общего с классической традицией. Совсем упрощенно изображаются лики: по теплому охристому фону — короткие черные штрихи и точки. В некоторых случаях на щеки нанесены пятна подрумянки. В приемах наблюдается вариативность: сцены на л. 141, 146–151 имеют более протяженные линии рисунка, чем композиции на предыдущих

¹⁵ Иконы Великого Новгорода... С. 197–201 (авт. Е.В. Гладышева).

¹⁶ Попова О.С. Новгородские миниатюры второй половины XIV в. и второе южнославянское влияние // Попова О.С. Византийские и древнерусские миниатюры. М., 2003. С. 231–250. Ил. XV, 171, 172.

¹⁷ Смирнова Э.С. Заметки о миниатюрах и орнаменте «Псалтири Ивана Грозного» // София. Сборник статей по искусству Византии и Древней Руси в честь А.И. Комеча. М., 2006. С. 405–426.

2. «Молится святой Борис в шатре святому Спасу».
Миниатюра Сильвестровского сборника. Л. 123.

листах, но это не вносит больших стилистических различий между этими миниатюрами. Одна из примет композиций — «колючие» контуры некоторых фигур и групп, что зависит, в том числе, и от очертаний выставленных вперед кистей рук, а также от поднятых копий многочисленных воинов.

Такие особенности миниатюр Сказания о Борисе и Глебе, свойственные именно книжной иллюстрации, а не монументальной живописи или иконописи, могут объясняться знакомством мастера с традицией византийских иллюстративных серий XIV в. на историческую тематику. В качестве одного из примеров можно привести миниатюры болгарской Манассиевой летописи (Ватиканская библиотека, cod. Vatic. Slav. II), 1344–1345 гг.¹⁸ В помещенных там изображениях исторических событий мы видим ту же остроту контуров, «колючесть» силуэтов, что и в Сильвестровском сборнике. Но в русской рукописи эти приемы носят более упорядоченный характер.

Приведем еще один — косвенный — аргумент в пользу датировки миниатюр Сказания поздним XIV столетием. Для русского искусства XIV–XV вв., как и для памятников более позднего периода, характерны — в большей мере, чем для искусства собственно византийского мира, — сцены моления перед иконой, включенные в ту

¹⁸ Дуйчев И. Миниатюры на Манасиевата летопис. София, 1962 (о датировке — с. 32).

3. Половчин молится перед образом св. Николая. Клеймо икон «Св. Никола, с житием».

Из церкви Св. Бориса и Глеба в Плотниках. Конец XIV в. Новгородский музей.

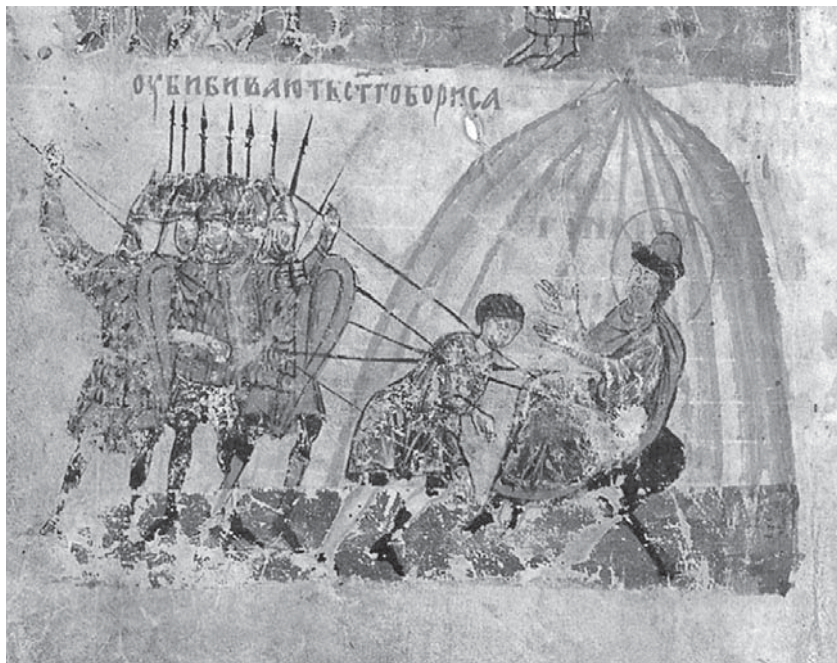
4. Убийство св. Бориса и его слуги Георгия Угриня. Миниатюра Сильвестровского сборника. Л. 125 об.

или иную композицию¹⁹. Такие сцены имеются и в Сильвестровском сборнике, где князь Борис трижды представлен молящимся перед иконой Христа. На л. 123 (ил. 2) вверху икона с поясным изображением Христа изображена внутри шатра в центре, князь предстоит перед иконой в левой части композиции, а его юный слуга Георгий Угрин показан справа, с раскрытой книгой («Молится святой Борис в шатре святому Спасу»). На том же листе внизу князь изображен коленопреклоненным перед той же иконой. На л. 125об. князь Борис также представлен в молитии перед этой иконой, которая в данном случае находится не на подставке, а словно висит в шатре. Снаружи изображены убийцы, готовящиеся напасть на св. Бориса.

Сцены моления перед иконным образом мы видим и среди клейм новгородской житийной иконы св. Николая, конца XIV в., происходящей из церкви Св. Бориса и Глеба в Плотниках (Новгородский музей)²⁰. Там в двух сценах на боковых полях изображено моление половчина перед образом св. Николая, причем пропорции

¹⁹ Смирнова Э.С. «Смотря на образ древних живописцев...». Тема почитания икон в искусстве Средневековой Руси. М., 2007.

²⁰ Иконы Великого Новгорода... С. 206–221 (авт. описания Е.В. Гладышева).

этого образа и рисунок деревянной подставки под икону на редкость близко напоминают соответствующие детали в миниатюрах Сильвестровского сборника (ил. 3)²¹. Такое сходство объясняется не только новгородским происхождением обоих циклов, но и близостью времени их создания и наличием общих образцов для прорисовки деталей.

Косвенное указание на создание рукописи ближе к концу XIV в. дает миниатюра на л. 125об., с изображением убийства Бориса и его слуги Георгия Угрина (ил. 4). Установлено, что эта сцена по своей иконографии восходит к византийским изображениям убийства св. Димитрия Солунского и его юного ученика Луппа²². Среди сохранившихся параллелей наибольшую композиционную

²¹ Смирнова Э.С. Миниатюры Сказания о Борисе и Глебе в Сильвестровском сборнике. Сюжет Киевской Руси в искусстве Новгорода конца XIV века и вопрос византийских и русских иконографических прототипов // Софійські читання. Київ, 2015. Вип. 7. С. 144 (в иллюстрации на той же странице ошибочно воспроизведен другой сюжет).

²² Смирнова Э.С. Заметки о связях иконографии св. Димитрия Солунского и свв. благоверных князей Бориса и Глеба (мотивы уподобления) // Искусство христианского мира. М., 2002. Вип. 6. С. 115–122.

близость к нашей миниатюре обнаруживают не памятники первой половины — середины XIV в.²³, а икона рубежа XIV–XV вв. в Лавре св. Афанасия на Афоне²⁴.

Отметим немаловажное обстоятельство. Тератологический орнамент в инициалах Жития и Сказания о Борисе и Глебе (л. 89, 118, 129, 144, 147об., 148об., 149об., 150об., 151об., 153, 154об., 156об., 160об.) — схематичный, плоскостный, «упорядоченный» — не может быть отнесен к более раннему времени, чем конец XIV в.

Несколько слов о возможном отражении древнейших житийных икон св. Бориса и Глеба в миниатюрах Сильвестровского сборника. Существование таких житийных икон вытекает, как обоснованно предполагается, из текста «Слова похвального на пренесение мощей святых Бориса и Глеба», второй половины XII в., где сказано: «И святых сих мученик чудеса лежат пред очима нашими...»²⁵ Разумеется, в древнейших иконах не могло быть такого множества сцен, как в серии миниатюр Сильвестровского сборника: в иконах столь развернутые житийные циклы временами встречаются на Руси лишь в XVI–XVII вв. Но сами миниатюры своим «диалогическим» построением лапидарных композиций живо напоминают сцены из циклов житийных клейм²⁶.

Что было изображено в среднике предполагаемых древнейших житийных икон св. Бориса и Глеба? Там не обязательно должны были помещаться лишь две фронтальные фигуры св. братьев, как мы это видим на самых ранних сохранившихся иконах этих святых, в том числе в среднике житийных образов. Это могла быть и композиция, подобная верхней миниатюре на л. 117об.: «Хсъ подает венци Борису и Глебу» (ил. 5). (Эта композиция, можно утверждать, была первой, «заглавной» в том цикле, репликой которого является

²³ Например, фреска церкви Двенадцати апостолов в Фессалониках, 1328–1334 гг. (Χρυόλολος Α. Η τοιχογραφία του μαρτύριου του αγίου Δημητρίου εις τους Αγίους Αποστόλους Θεσσαλονίκης ΔΧΑΕ. Т. 8. Αθήναι, 1975–1976. Σελ. 1–18); фреска церкви Вознесения в Дечанах (*Pažuh* С. Циклус св. Димитрија // Зидно сликарство манастира Дечана. Грађа и студије. Београд, 1995. С. 356. Сл. 5).

²⁴ *Chatzidakis M. L'icône byzantine // Saggi e memorie de storia dell'arte Vol. 2. Venezia, 1959. P. 128. Fig. 25* (переизд. в кн.: *Chatzidakis M. Studies in Byzantine Art and Archeology. London, 1972. No. XVI*).

²⁵ *Абрамович Д.И.* Жития святых мучеников Бориса и Глеба и службы им. (Памятники древнерусской литературы. Вып. 2). Пг., 1916. С. 131; *Поннэ А.В.* Указ. соч. С. 25.

²⁶ Для понимания композиционной специфики иконных житийных циклов в искусстве византийского мира важна книга американской исследовательницы Н. Шевченко (N.P. Ševčenko), «The Life of Saint Nicholas in Byzantine Art» (Torino, 1983), русский перевод которой готовится к изданию.

5. «Христос подаютъ венци Борису и Глебу».
Миниатюра Сильвестровского сборника. Л. 117 об.

серия иллюстраций Сильвестровского сборника.) Однако изображения венцов святости, получаемых двумя «парными» святыми с неба, хотя и известны в памятниках книжной миниатюры, в том числе древнерусской²⁷, в стенописях²⁸, но в сохранившихся произведениях иконописи встречаются редко и лишь в относительно позднее время.

²⁷ Например, в изображении двух святителей в новгородской Уваровской Кормчей, второй четверти, середины XIII в. (ГИМ, Увар. 124); в композиции с апостолами Петром и Павлом в ростовском Апостоле 1220 г. (ГИМ, Син. 7). См.: *Попова О.С.* Новгородская рукопись 1270 г. (миниатюры и орнамент) // *Попова О.С.* Византийские и древнерусские миниатюры. М., 2003. С. 162. Ил. 150; *Popova O.* Les miniatures russes du XIe au XVe siècle. Leningrad, 1975. P. 24, ill. 10.

²⁸ Например, в композиции со св. Козьмой и Дамианом в росписи храма Св. Бесребренников в Кастории, XII в. (*Pelekanidis S., Chatzidakis M.* Kastoria. Athens, 1985. III. 32). Ср. также парные изображения св. Феодора Тирона и Феодора Стратилата (*Trifonova A.* The iconographical type of saints Theodore Teron and Theodore Stratelates facing each other and its diffusion during the Byzantine and Post-Byzantine period // *Зорграф.* Београд, 2010. Т. 34. С. 53–64).

Единственная житийная икона св. Бориса и Глеба, сохранившаяся от относительно раннего времени, второй половины — конца XIV в. (?), и происходящая из Борисоглебской церкви в Коломне (ГТГ)²⁹, значительно отличается от новгородского Сильвестровского сборника и рисунком клейм, и даже их составом (сцена «Борис видит сон о смерти своей», с изображением зверя), что свидетельствует о существовании в XIV в. другой, неновгородской иконографической традиции в иллюстрировании сюжета.

²⁹ Государственная Третьяковская галерея. Каталог собрания. М., 1995. Т. I. Древнерусское искусство X — начала XV века. Кат. 58.

«Речь тонкословия греческого» как исторический источник

DOI 10.31168/91674-483-5.18

Сочинение, озаглавленное в рукописях «Речь (или “Речи”) тонкословия греческого» (далее — РТГ), представляет собой последовательность из примерно 2500 русско-греческих соответствий, иногда отдельных слов, иногда синтагм или целых фраз. Оно дошло до нас в четырех списках: А — ГПБ, Софийское собр., № 1474, 1510-е гг., из Кирилло-Белозерского монастыря («Сборник Генадиев пустынников»); В — ГПБ, собрание Петербургской Археографической Комиссии, № 454, середины XVI в., названное в самой рукописи «Сборник Васьяновской»; С — ГПБ, Азбуковник из собрания Погодина, № 1655, XVII в.; D — ГПБ, Соловецкое собр., № 860, конец XVI в. Коль скоро списки А и В не зависят друг от друга, необходимо предположить, что их протограф относится к более раннему времени — возможно, середине XV в. Текст был издан трижды: Н.К. Никольским в 1896 г.¹, П.К. Симони в 1908 г.² и М.Р. Фасмером в 1922 г.³ Издание Фасмера, выпущенное им уже в эмиграции, в Лейпциге, явно было подготовлено значительно раньше, судя по его же обстоятельнейшей рецензии на издание Никольского, вышедшей в 1907 г.⁴

¹ *Никольский Н.К.* Речь тонкословия греческого. Русско-греческие разговоры XV–XVI века [Памятники древней письменности, № 114]. СПб., 1896.

² *Симони П.К.* Памятники старинной русской лексикографии по рукописям XV–XVII столетий // Известия Отделения русского языка и словесности АН. 1908. Т. XIII. Вып. 1. С. 175–212.

³ *Vasmer M.* Ein russisch-byzantinisches Gesprächsbuch. Leipzig, 1922.

⁴ *Фасмер М.Р.* «Рѣчь тонкословія греческаго» — памятник среднегреческаго языка XIII в. // Византийский временник. 1907. Т. 14. С. 446–462.

Мы будем в дальнейшем пользоваться изданием Фасмера (ссылки на издание будут даваться в тексте), который реконструировал греческую часть текста из ее древнерусской транскрипции. Единственное подробное филологическое исследование нашего памятника было проведено Л.Е. Ковтун в 1963 г.⁵ Историки не исследовали памятник никогда.

Датировка РТГ вызвала споры: Н.К. Никольский относил его возникновение в XV в. Поначалу М. Фасмер был категорически не согласен с ним и даже писал: «Общие замечания, на основании которых Никольский относит текст к XV в., мне кажутся столь мало обоснованными, что я не считаю нужным при последующем изложении вступать с ним в полемику по этому поводу»⁶. В публикации 1907 г. ученый приводит многочисленные доказательства того, что РТГ относится к XIII в.: здесь и греческая и древнерусская фонетика, и появление тех или иных грамматических форм, и лексика⁷. Удивительным образом, в публикации 1922 г. Фасмер решительно поменял свою точку зрения и, никак этого не оговорив, даже не упомянув о своей предыдущей позиции, принял датировку Никольского (с. 137–138). Теперь общепризнано, что лингвистические особенности русской части памятника указывают на XIV–XV вв.⁸ Появление таких слов, как *Кордованци* (с. 56⁹), *Терликъ* (с. 55), *Черкасинъ* (с. 55), *Отлас* (с. 93), *Шафран* (с. 40) — подталкивают к более поздней дате. Впрочем, уже сам по себе разброс в датировке свидетельствует о том, что наш памятник имеет сложную природу, ибо в нем переплелись противоречивые языковые черты. Огромное число архаичных форм как церковнославянских, так и древнерусских, встречающихся в РТГ¹⁰, вроде бы должно подталкивать к более ранней датировке — но одна-единственная форма *говорят* (с. 46) в значении «разговаривают»,

⁵ Ковтун Л.С. Русская лексикография эпохи Средневековья. М.; Л., 1963. С. 326–374. Ср.: Она же. Древние словари как источник русской исторической лексикологии. Л., 1977. С. 62–66.

⁶ Фасмер М.Р. Рѣчь тонкословія греческаго. С. 450.

⁷ Там же. С. 450–453.

⁸ Ковтун Л.С. Русская лексикография. С. 327–328.

⁹ Слово считают галицийским заимствованием из польского, однако в самой Польше лексема фиксируется не ранее XVI в. (*Bochnakowa A. Kurdyban et Kurdwanów à Cracovie // Contrabandista entre mundos fronterizos: hommage au professeur Hugues Didier / Dirigé par N. Balutet et al. Paris, 2010. P. 401–402*).

¹⁰ Часто автор приводит дублетные формы: *перст* и *палец* (с. 96), *детородные члены* и *муде* (с. 96–97).

относящаяся не ранее чем к XIV в.¹¹, доказывает, что все архаизмы текста суть сознательная стилизация под старину¹².

Эта архаизация русской половины «разговорника» пребывает в вопиющем противоречии с неслышанной лексической новизной его греческой половины: тамошний словарный состав тяготеет к обиходному уровню, насколько мы можем о нем судить по таким памятникам, как акты монастырей, Птохопродромика, Спанос, Пулологон, Порикологон, Опсарологон, позднейшие димотические версии Александрии, эпос о Дигенисе Акрите, пособие Иппиятрика и т.д. Более поздняя датировка памятника может быть теперь подтверждена на новом уровне наших знаний о византийской лексикографии: по меньшей мере семнадцать слов, встречающихся в РТГ, фиксируются базой данных Thesaurus Linguae Graecae впервые в XIV в., три в XV в., а три с еще более позднего времени. Около десятка лексем не зафиксировано в древних письменных памятниках, но живут в новогреческом языке или его диалектах. Еще около двадцати слов вообще являются «гапаксами», т.е. не фигурируют более нигде.

Если время создания памятника определяется лишь приблизительно, то место его создания выяснено с точностью. Фасмер, опираясь на фракийские и македонские диалектные черты, заключил, что информантами составителей РТГ выступали греки северного ареала¹³. Можно подтвердить эту локализацию фигурирующим в РТГ списком из 17 культурных растений: там нет ни оливок, ни апельсинов, ни любой другой из знаменитых культур, выращиваемых к югу от 40-й параллели.

Составителем, а вернее составителями, РТГ были русские люди. Русское, а не южнославянское (с. 126–127) происхождение памятника доказывается такими лексемами, как *Арбузь*; *Булатъ*; *Белка*; *Горностай*; *Жемчюг*; *Жесть* и пр.¹⁴ При этом, хотя авторы давно живут в грекоязычной среде, греческие соответствия (записываемые кириллическими буквами) не всегда безупречны, во фразеологизмах встречается масса русских калек (с. 124–125), случаются и попросту ошибочные переводы с русского, к примеру: «мучение вечное» — *μαρτυριον αιωνιον* (с. 110), т.е. «вечное мученичество». Ср. еще невозможные в греческом выражения типа *αγορασον εαυτον σου* «купи то себе» (с. 57) и т.д. В каких-то случаях информантом мог выступать славянин, переведивший с письменного текста: иначе нельзя объяснить, каким образом он принял слово «просыпал» за слово «проспал» и передал его как

¹¹ Ср.: Словарь древнерусского языка XI–XIV вв. М., 1989. Т. 2. С. 342.

¹² Сердечно благодарю А.А. Пичхадзе за консультацию.

¹³ Фасмер М.Р. Речь тонкословия греческаго. С. 453–456.

¹⁴ Там же. С. 459.

εκοισει (с. 89). В том, что автор владел как разговорным, так и книжным греческим, убеждают такие его пояснения, как «*где живешь поу υρρεβεσαι а по книжному поу котоικεις а ичче поу менεις*» (с. 92) и т.д.

РТГ гетерогенна: в ней есть разделы, представляющие собой глоссарии, т.е. собрания отдельных слов из определенных областей жизни (домашние животные — 42 слова, кухня — 32, звери — 29, рыбы — 20 слов и т.д.) или пары слов по смежности: «*Высоко — низко — широко — узко — пространно — тесно*» (с. 30) и т.д.; есть оставленные вообще без русского перевода транскрипции греческих молитв («Свят, свят, свят», фраза из Молитвы верных и Псалом 21 стих 27); есть глагольные парадигмы; есть что-то вроде письмовника; есть собственно разговорник, т.е. типичные диалоги для часто возникающих ситуаций, например, «*Благослови, отче мои святой, — добре ты обретохом, да увемы како имат святыни ти, еси ли добре въ здравии твоём? — и ты какъ имаши? — живу телесне за молитвъ ти — мируеши ли добре? — когда так, когда инако — да брат мирует ли? — уведал еси о немъ, любо ти*» (с. 72–73). Или: «*Добро еси пришесть — како пребываеши? — добре, господине, за святых твоих молитвъ — моли бога, отче святыи, о мне грешном*» (с. 82). Иногда функции глоссария, парадигмы и разговорника сведены воедино: «*Где еси был? — где ходил еси? — не был есмь нигде — не бывал — не ходил — не ходих — правда — неправда — учился — чернильница — чернило — трость — перо — пиши — писал — пишет — писано — писало — не стало — кончалося — книга*» (с. 29–30). Как и в современных языковых пособиях, грамматический экзерсис в РТГ может драпироваться под псевдиалог: «*Много спишь — спалъ еси много — еще хочу спать — мало посплю — спи, брате*» (с. 15–16).

В свое время Эрика Гюнтер заметила, что РТГ отличается от разговорников Нового времени: «*Zeitlich, inhaltlich und sprachlich unterscheidet sich dieses Gesprächsbuch von denen des 16 und 17 Jh. in Westeuropa*»¹⁵. Однако никто никогда не взялся сформулировать, в чем же эти отличия состоят. Современный разговорник предназначен для человека, не только не знающего, но и не собирающегося учить иностранный язык. Обычно выражения в нем сконцентрированы по темам, чтобы сократить время на поиск нужной фразы, и все равно живая коммуникация невероятно замедляется. Поскольку читать и произносить длинные бессмысленные наборы звуков чужого языка очень непросто, составители разговорников обычно пытаются сделать фразы максимально короткими и емкими. Сама направленность коммуникации в разговорнике — в одну сторону: пользователь задает вопросы и высказывает пожелания, а гипотетический носитель языка

¹⁵ Günther E. Zwei Russische Gesprächsbücher aus dem 17 Jh. Berlin, 1965. S. 16–17. Anm. 1.

лишь реагирует. Всем этим критериям соответствуют средневековые разговорники, хорошо известные с самых ранних времен, чьими основными потребителями были купцы и паломники¹⁶. Однако РТГ, именно в своей «разговорной» части, сильно отличается от выше нарисованного стандарта. Иные разделы представляют собой разбитые на синтагмы и отдельные слова короткие рассказы: «Тяжко бо ходити — а далече — не медли — умедлих — приходиль — тесто месят» (с. 42). Или проповеди: «Добро жити с старцем — полезно въ общем житии — посреде многия братья — младому — не полезно единому жить — впадет в уныние — в леность» (с. 113). Или экфрасисы: «Церковь велика — красна — много икон — златом окованы — книги — книг много — книга едина — игумень нашъ добръ человекъ, братия мнози, братия добры — попове добри — поют красно — пения много — красен монастырь наш — красны келии» (с. 83). Или «репортажи»: «Поп облачился — ризы — облекся — кланяется — принесли ему воду — възливают ему на руки — умывается — умылся — утерся — убрусом — ... — покрыл святой потир — святое блюде — начали ли обедню? — пред евангелием — по евангелию — евангелие чет — кончал — перенос поют — пред изрядною — достойно поют — пели — отпели — кончали обедню» (с. 32–33). В сочинении, которое принято считать «разговорником», большое место занимают сугубо монологические фрагменты. На 16 «диалогов» (или псевдиалогов) в РТГ приходится 27 чистых монологов. Мало того, значительный процент монологов — как раз от имени греков. Это касается как благожелательных [«Побывай в нашем монастыре — видишь монастырь — познаешь нашу келью — вниди в нащу келью — благослови нас — посети нас» (с. 84)], так и неласковых [(«Что сидишь? — ленишься — встани, поиди на дело — приспе время — а дела много — вьставаи рано — не спи много») (с. 15)] реплик. Кстати, сама последовательность греческих и русских колонок эквивалентов постоянно меняется¹⁷.

Если искать какого-либо аналога нашему памятнику, то самым близким окажутся античные греко-латинские «Герменевмата» Псевдо-Досифея¹⁸. В этом сочинении так же, как в РТГ, есть учебно-грам-

¹⁶ Thomas F.W., Giles L. A Tibeto-Chinese Word-and-Phrase Book // Bulletin of the School of Oriental and African Studies. 12.2–3 (1948). P. 753–769; Haubrichs W., Pfister M. «In Francia fui». Studien zu den romanisch-germanischen Interferenzen und zur Grundsprache der althochdeutschen 'Pariser (Altdeutschen) Gespräche'. Stuttgart, 1989; Blusch M. (Hrsg.) Ein italienisch-deutsches Sprachlehrbuch des 15. Jahrhunderts. Frankfurt am Main, 1992; Pausch O. (Hrsg.). Das älteste italienisch-deutsche Sprachbuch. Eine Überlieferung aus dem Jahre 1424. Nach Georg von Nürnberg. Wien, 1972; etc.

¹⁷ Ковтун Л.С. Русская лексикография. С. 333.

¹⁸ The Colloquia of the Hermeneumata Pseudodositheana: Colloquia Monacensia-Einsidlensia, Leidense-Stephani, and Stephani from the Hermeneumata Pseudodositheana /

матическая часть, а есть «разговорная», которая, однако, состоит из длинных, развернутых предложений, причем организованных в непредсказуемом порядке, так что быстро найти в них нужное место не представлялось бы возможным. В «Герменевмата», как и в РТГ, часто можно встретить недружественную коммуникацию. Как утверждает издатель этого сочинения Эленор Дики, невозможно себе представить такую ситуацию, в которой человек, желающий воспользоваться ругательством, полез бы в разговорник и долго искал нужное слово, прежде чем оскорбить собеседника. Двухязычные таблицы фраз, как считает Э. Дики¹⁹, использовались совершенно не в целях немедленной коммуникации, а для изучения иностранного языка. Такие же функции выполнял и раннеосманский турецко-греческо-сербский «разговорник», опубликованный В. Лефельдтом²⁰. Видимо, эту же цель преследовали и «разговорные» фрагменты РТГ. Кто, не владея языком и не имея намерения его выучить, стал бы обращаться к разговорнику, чтобы отыскать эквивалент для столь сложных высказываний: «*Еже глаголахом с тобою, ничтоже утаилося от него — мы тайнорекохом, а се явлено есть — како мощно такового утаитися? — аще въпрошает тя кто, не являи ему, тоя вещи никому не являи*» (с. 77)? Ясно, что перед нами учебные тексты, предназначенные не для заезжего «туриста», а для тех, кто хочет поселиться в Византии навсегда. О постоянном статусе русского переселенца свидетельствует такой диалог: «*Почто еси пришеель семо? — хочю жити zde — оставил еси свою землю и пришел еси въ чужу землю?*» (с. 22). «Псевдоразговорники» в действительности призваны были помочь в изучении иностранного языка, предлагая, наряду с лексикой, тематические «топики» для вызубривания.

Все ученые согласны в том, что наш памятник создан духовными лицами на Афоне, в ходе общения русских монахов и паломников в византийских монастырях. В самом деле многие темы соответствуют ситуациям, характерным для монастыря²¹. Очевидно, что жизнь

Ed. with introduction, translation, and commentary by Eleanor Dickey. Cambridge, 2012–2015. Vol. I–II.

¹⁹ Dickey E. *Stories of Daily Life from the Roman World: Extracts from the Ancient Colloquia*. Cambridge, 2017. P. 142–143.

²⁰ Lehfeldt W. (Hrsg.). *Eine Sprachlehre von der Hohen Pforte: ein arabisch-persisch-griechisch-serbischer Gesprächslehrbuch vom Hofe des Sultans aus dem 15. Jahrhundert als Quelle für die Geschichte der serbischen Sprache*. Köln; Wien, 1989.

²¹ Например: «*Празден пребывает — печален — скорбен — что ему, о нем же печален? — старец его не здравит — велми болен — при смерти уже*» (с. 17–18) или «*Аще имаши к нам любовь — веру — всегда приходи — келья наша — буди яко и твоя — а твоя келья, яко же и наша — а мы есмы братья тебе*» (с. 18–19).

русского монаха проходила не без катаклизмов: *«Ажь ми благословишь — прости мя отче мои, утаихся от тебя — пиян — слезы — плачет — без твоего благословения сътворих — повеление — ажь бых бога боялся, не бых тебе потаиль — но диаволь прелстиль мя — таити велить — еже не исповедати твоеи святыни — брате возлюбленнии, не боися мене, но бога боися, и заповеди его съблуди — аще мене утаишися, а бога како утаишися? — блюдися брате, не твори ничто ж без благословения, да не порадуется дияволь о падении твоём — отче святыи, моли бога о мне»* (с. 69–70).

Впрочем, даже в сугубо церковной части РТГ проявляется бытовой уклон: сцена, начинающаяся за литургией, кончается в трапезной: *«Пошли обедати — да ямы хлеб — звали их? — незваны пришли — позовите их — всех ли звати? — а много ли их — много — мало — позови всех — позови единого — не зови — пришли — пришел — велите гостем сести — ... — сели — возмите — ядите — принесите — взяли — не взяли — ставите — поставили — ядите — примете — полюбите — ядят — яли — сыти — пьют — голоден — въстаните, пойте стих — богородицин — въстали — пели — не въстали — налей то — подавайте пити — пейте, гости — не пили — не хотят — не могут — челом бьют — бьет — хотят прочь — хочет — ударили челом — пошли прочь — идут — идет»* (с. 32–35). Обратим, кстати, еще раз внимание на то, что вся сцена «увидена» глазами греков, а не русских.

В других ситуациях участниками могут быть как монахи, так и миряне: *«Пришел некто брат — предстоит — у двери — ударяет — иди отвори ему дверь — отопри — не затворена — о чем пришел — что просит? — что хочет? — что глаголет? — кого ищет? — кого зовет? — что ему дело? — иди сътвори ему ответ — отпусти его — дай ему что просит — говори с ним — что ми говорити — огня просит — свечи просит — есть ли огонь?»* (с. 19–20).

Если РТГ и была создана на Афоне, то языковой мир памятника — по преимуществу светский. Утверждение Фасмера, будто «большая часть греческого текста РТГ составлена из евангельских отрывков»²² — совершенно несправедливо. Лишь около 400 словарных статей посвящено церковно-монастырской и богословской тематике, мирской же — около 2000. Значительная часть текстов не имеет ни к монахам, ни к паломникам вообще никакого отношения:

Или еще: *«Послушници твои в кельи суть — днес не видех их — здрави суть — не бе их в кельи — послах их на работу монастырскую»* (с. 24–25). Или: *«Присла мя старецъ — моли о нас — к твоей святыни, да уведавъ како есть святыня ти — болен — ... како повелишь, господине — ... ты еси учитель — наставник — ужели хоцещи отити къ старцу? — еще не время — что ти старецъ велел — слушаи старца — что суть помышления твоя — наставник зовет»* (с. 86–87).

²² Фасмер М.Р. Рѣчь тонкословія греческаго. С. 449.

«Пришел один корабль — великъ... — тяшко им было на мори — много блудили по морю — хлеба не достало — земля далече — купить негде — пристанища несть — страх был велик — отчаялись и живота их — боялись и смерти — а попа не было — покаяться некому — причастится не у кого — но Бог не презре своего создания — не забы дела руку свою — печаль их на радость премени — и бысть им свои ветрь — и возрадовашася — и дошли пристанища — и товар свои испродали — а иные покупили — и пошли паки въ свою землю — радующеся — и благодаряще Бога» (с. 20–22). Этот рассказ очевидным образом рисует злоключения купцов, плывущих в торговый порт, и отсутствие на борту священника специально подчеркнуто.

Как уже было отмечено выше, РТГ рассчитана на людей, намеревающихся надолго остаться в Византии: *«Познайся с нами — а мы с тобою — добро есть друга имети на чюжей земли — емли с насъ что ти надобе — еще не познался еси — приходи к нам часто — не зазрися нас — у нас много — а у тебя несть ничтож»* (с. 23). В этой перспективе мне не кажется убедительным мнение Фасмера, что РТГ «заканчивается отделом: названия ветром, очевидно составленным автором уже на обратном путешествии из Византии в Россию, морским путем»²³. Названия ветров не имеют для автора никакого практического значения, поскольку в РТГ вопиющим образом отсутствует раздел корабельной лексики, обычно имеющийся в «торговых» словарях.

Положение русского среди греков рисуется в нашем памятнике весьма дискомфортным. *«Не тяжко ли им? — Языка не знают — не тяжко — научатся — познают — много время учитися — мудра речь греческая — не хотят научитися»* (с. 25). *«Не борзо навькнути — не у кого научитися нам — рады есмы учитися — тяжко ми: языка не знаю — кто мя о чем вопрошает, не умею, что ему отвецати, повелевает ми, а я не знаю, что ми сътворити — познавай, учися — надобе учитися»*. *«Земля чюжа — язык чюж — речь чюжа — человеци суть иным обычаем — греки тяжкы суть — не приветливы — не любовни — Рци ми господине Бога ради как зовешь то гречьски — не братолюбци — суть и добри человеци не вси един имут нрав — обретаются и добри человеци — а зли мнози — тако тии обретаются въ всяком языке»* (с. 26–27). *«Гневливи суть — скупи — не истинни — неправы — обидливы — разбойнищии — татие — пияници — грабители — лживи — добрых много, а злых такоже»* (с. 28–29). Аргументы в греческую пользу явно звучат здесь не вполне убедительно.

Даже когда русский человек не только выучивал греческий, но и вовлекался в постоянное деловое общение с византийцами, он, видимо, страдал от переживания своей чуждости: *«Бога ради, господине мои, не прогневайся на мя, что есмь не успеть тебе много писати,*

²³ Там же. С. 461.

... — *Се же писах ти, сколько знаю, а где будет ложно и ты въспраши-
ваи от того, кто гораздее мене умеет, а на мене о том не диви понеже
несъмь гречин, но русин есмь»* (с. 58–59). Каким-то весьма неприятным
опытом веет от такой последовательности вокабул: «Целование — це-
лует — любовь — люблю — имя — како ти имя? — космат — мжит
(т.е. «моргает») — иже въ главе плоть (т.е. «перхоть») — задремах —
распотихся — смердит» (с. 97–98). Ясно, что мы опять-таки видим
эту явно неудачную интимную коммуникацию глазами грека (гре-
чанки?), поскольку изначальным здесь было, конечно, византийское
разговорное слово *liturgia*, а слова *иже въ главе плоть* лишь объясня-
няют его.

В первую очередь РТГ предназначена не столько для монахов,
сколько для купцов: «Начни — поиди на торг — былъ есми на тор-
гу — купих си да ям — хошу купити — продати — да не купишь —
купих — не купих — купите — купи ми — купим — не купим — купил
ли еси? — продал ли еси? — продай — продалъ есмь — поидем въ
торгъ — ходил есмь в торгъ — продаи ми, куплю у тебе — продам
ти — не продам, надобе себе — не требую его — купи ти собе — тре-
буеши его — годно — подобает — се продаси ли — аще бы кто ку-
пиль — продам то — многа естъ цена тому — чего достоин? — доро-
го — дешево — даром — дешевле ныне — сегодни дороже дорожня —
глад — что принял еси? — наложил есмь и своим — много молвишь —
к такому торгу таковая и надобе — даи ми без денег — не смею ти
дати ... не дам — проси — не проси — не взяти — не дастъ — хочет
ли — не хочет» (с. 56–59). И еще: «Продаи — не продам — продал —
хочю — продаешь ли — продал бых — аже бы кто — колико хочешь —
что цена ему? — много цена ему» (с. 82–83).

Среди групп названий товаров самое значительное место зани-
мают статьи русского «люксового» экспорта. Во-первых, это прес-
новодная рыба, притом что ни одного термина для морской рыбы,
водящейся в Эгейском море (вроде тунца, макрели или рыбы-меч) в
списке нет: «рыба — свежая рыба — просолная рыба — сухая рыба —
белуга — осетръ — хребтина — стерляга — сом — щука — крапъ —
головль — язи — угорич — окуни — плотици — уклеи — моль — икра»
(с. 47–48). Во-вторых, пушной зверь: «звери — ... — лисица — рыс —
заец — соболь — куница — белка — горностаи и ласица» (с. 50). Ясно,
что все эти дорогие товары не предназначались монахам, да и вообще
тот факт, что они находили спрос в обнищавшей, терзаемой войнами
Импери, не может не вызвать изумления.

Что же русские купцы вывозили из Византии? Этот перечень бо-
лее скромнен: тут немного пряностей («перецъ — шафран — спець»,
с. 40), немного драгоценностей («золото — сребро ... драгии камыкы —
жемчюгъ», с. 40–41). Раздел об одежде мог бы считаться частью «раз-
говорника», но тот факт, что в нем фигурирует сукно, шелк и дорогие

яловые сапоги, названные их международным именем «кордованцы», свидетельствует, что мы и здесь имеем дело скорее с торговым каталогом: «шолк — багряно — круто — с(т)кано — отлас, рекше шестолочно — червено — сине — нестро — желто — зелено» (с. 93); «гачник — пояс — терликъ — бугай — опашен — кожух, шуба — сукна дорогая — и порты от дорогых сукон — киверь, шапка — черкасин — сапогы — кордованци — въступни — ногавици — рукавици» (с. 55–56). Почти все русские слова второй из перечисленных серий — очень поздние, их греческие соответствия вызывают вопросы: скажем, *φορστανι* — женская одежда, тогда как приравненный к нему *терликъ* — мужская. Но главное — многие предметы одежды носили только представители высших классов Московии; значит ли их появление в РТГ, что шили эти вещи в Византии? Или через русские соответствия составители РТГ помогали пользователю представить себе одежду высших классов Империи? Кстати, о самом существовании какого бы то ни было социального неравенства мы можем догадаться лишь из одного краткого обмена репликами: «Истина ли будет тако глаголют о нем, яко скуп есть? — мало кормит челядь — за се бегают от него — отпроводи его — жаль ми на него — тошно ми на него» (с. 77).

Итак, обширная торговля вроде бы предполагает, что пользователи РТГ жили в крупных городах Империи. И вот здесь начинаются загадки нашего памятника: дело в том, что город как феномен, с его улицами, архитектурой, инфраструктурой, наймом жилья, бытовыми удобствами, развлечениями и опасностями — в РТГ напрочь отсутствует²⁴. Совершенно непонятно, откуда Фасмер почерпнул убеждение, что «судя по содержанию РТГр., автор ее — ...лицо духовного звания... на пути остановившееся в Константинополе»²⁵. Вот уж столица Империи в нашем памятнике не угадывается ни в единой статье! Словосочетание «Град мал (πολις, καστρον)» (35) встречается дважды, но нигде город не составляет отдельного раздела — в первом случае сразу после него следует лишь «стена», а потом идет длинейший перечень природных объектов, никак не относящихся к городской жизни. Из этого списка постепенно выдвигается на первый план гнездо слов вокруг «болота»: «искалялся — исчернился — изрудился — рудно — кално — черно — мутно — гнушается мя — гнусно» (с. 36). То есть

²⁴ Единственный имеющийся атрибут города — это медицинская помощь: к примеру, на него намекает тема медицины: «зубныя клещици» (с. 52); «Неможет ми — не здравь есмь — чимь не здоровиши? — что тя болит? — глава ми болит — все ми тело не здраво — душею не здравею» (с. 100), «Болит — не болит — здравь — не может — может» (с. 63) и даже более специализированно: «Неможется — хошу себе кровь пустити — кровь — добро ли ныне? — пусти ми кровь сегодня — пусках — пуцу — а ты хочешь ли? — ажь велишь» (с. 68).

²⁵ Фасмер М.Р. Рѣчь тонкословія греческаго. С. 459.

воображаемый пользователь разговорника путешествует где-то по дикой природе, приходит к людям в непотребном виде, а город, если ему и виден, то где-то издалека, с внешней стороны. Еще один раз слово «град кастро» опять встречается в странном контексте: он соседствует со словами «поле, гумно, град, хоромы, окно, тынь» (с. 49). Ясно, что речь здесь может идти лишь о чем-то совершенно незначительном. И это при том, что подавляющее большинство русских известий о Византии XIV–XV вв. касается именно Константинополя, а все паломники считали нужным посетить Царьград и полюбоваться не только его святынями, но и его урбанистическим великолепием.

В ту эпоху, когда, предположительно, создавался наш памятник, территория Византии была столь ничтожна, что трудно понять, где, если не в городе, мог жить составитель РТГ. В тексте широко представлена дикая природа²⁶. Но ведь не в лесу и не в горах обитали пользователи РТГ. Может быть, в деревне?

Деревня в РТГ присутствует главным образом в виде животноводства («стадо — конь — коневое стадо — вол — крава — кравь — овцы — овечье — свиньи — свиное — виволь — вепрь — баран — коза — бравь — свинья — овца — скотина — поросята — курята — кура — курь — кокош — голуби — голубь — гус — гусыни — сука — пастухи — птица — утка», с. 36–38) и его продуктов («млеко — сыр — яйце — масло — сало», с. 41–42), но также огородничества («огород — огородник — капуста — свекла — ретка — репа — лук — чеснок — копрь [укроп] — огурцы — дыни — арбузы — тыквы», с. 49), садоводства («сад — ... цвет — виноград — орехи — яблоко», с. 39); «лезговые орехи — груши — сливы — чершни — праскви — кидониш», с. 51–52) и бортничества («пчелы — мед, воск — свеча малая — свеча великая», с. 51), но не виноделия²⁷ и не земледелия, которое не упомянуто ни единым словом. Между тем во Фракии и Македонии в поздневизантийское время активно сеяли именно злаки²⁸. Быть может, земледельческий оборот был длительным циклом, и в условиях политической нестабильности заниматься им было рискованно?

²⁶ «На мори — при мори — поле — поля — равнина — гора — горы высоки — на горе — под горою — в горах — в долинах — в удоли — врагы, дебри — пропасти — песок — тростие — блато — мокро — тина — грязь — кал» (с. 35–36); «глубина — валы — река — кладези, родники — езеро» (с. 47); «земля — персть — назем и гной — лес» (с. 48); «сосна — ель — липа — ольха — лыка — ясень» (с. 48–49); «щеня — выжля — пес взенечный — змеи — ужь — скорпия — ящерица — жаба — желва — клещь — чрьви — смолже» (с. 50–51); «дрозды черныя — соловеи — синица — горлица — соя — иволга — ластовица — дятель — нетопыр» (с. 54–55).

²⁷ Встречается лишь «кислый мед» — возможно, русские предпочитали его вину.

²⁸ Laiou A. The Agrarian Economy. Thirteenth–Fifteenth Centuries // Economic History of Byzantium. Washington, 2002. P. 326–328.

Деревенские ремесла включают кузнечное дело: «ковач — ковальна — куи — мехи ковачевы — наковална — млат — малый млат — а добр малый млат — клещи — пила, что трут железо — терпуз» (с. 52); плотницкое и столярное дело: «пила великая, что трут древо — пила ручная — топор — плотный топор — плотник — кирка — тесла... токарь — токарня — трезуб — резци» (с. 53–54); мельницу: «мельница — мелник — жерновы — колесо, коло» (с. 64); швейное дело: «швецъ портной — игла — наперсток — нити — сапожный швец — древо сапожное — шило — верви — щетины — крояльник — ножици» (с. 54). У нас есть и независимые свидетельства источников о расцвете деревенских ремесел в данном регионе²⁹, но мельчайшие детали, например, сапожного дела, включая свиную щетину для пришивания подошв, свидетельствуют, что русских, возможно нанимали в подмастерья. В целом византийская деревня предстает в РТГ как вполне процветающая, хоть и не зернопроизводящая.

Но тем большим парадоксом выглядит отсутствие города — ведь не крестьяне же покупали у русских купцов их сверхдорогие товары. Как объяснить этот парадокс? Возможно, РТГ создавалась для торговых представителей, ориентированных не на городские рынки, а на загородные ярмарки. Трудно сказать, сохранились ли в рассматриваемый период те ярмарки при монастырях Афона, например в Стеллярии на полуострове Халкидики, которые существовали там раньше³⁰. Однако точно известно, что ярмарка в этом ареале, имевшая международный статус и проходившая перед городскими стенами, продолжала существовать в Фессалонике³¹. Этот город имел давние торговые связи с Русью³². Он к тому же располагался недалеко от Афона.

Впрочем, главный сюрприз, который преподносит исследователю РТГ, — это полное отсутствие в ней каких бы то ни было следов государства. Мы не узнаем ни единой лексемы, связанной с названиями титулов, должностей, с чиновниками, с судом, с армией или ее снабжением, с налогами, или с идеологией. Даже тот диалог, который можно было бы счесть за допрос иностранца пограничным чиновником³³, —

²⁹ Lefort J. The Rural Economy. Seventh–Twelfth Centuries // Economic History of Byzantium. Washington, 2002. P. 309.

³⁰ Поляковская М.А. Городские владения провинциальных монастырей в поздней Византии // Византийский временник. 1964. Т. 24. С. 208.

³¹ Matschke K.-P. Commerce, Trade, Markets, and Money // Economic History of Byzantium. Washington, 2002. P. 781.

³² Капитанов Д.В. Русь и Фессалоника в XII–XIII веках: люди, идеи, пути // Византийский временник. 2006. Т. 65 (90). С. 94–106.

³³ «Когда пришел еси? — в который день? — в кое время? — в кои час? — где еси был? В коей стране? В коем граде? — В коем дому? — в коем месте? — что ради

оказывается в действительности, если читать дальше, расспросами, обращенными игуменом к подозрительному странствующему монаху³⁴. В другом диалоге начальник, заканчивающий разговор скандалом, опять оказывается не чиновником, а (скорее всего) игуменом³⁵.

Столь красноречивое отсутствие государства представляется особенно кричащим на фоне всех остальных русско-иностранных разговорников³⁶, в которых присутствует и русская высшая власть, и полиция, и таможня, но главным образом, судейские, с которыми иностранцу, особенно купцу, постоянно приходилось иметь дело. РТГ потому-то так и трудно датировать, что этот памятник будто нарочно лишен всего сиюминутного, исторически-конкретного, он не дает нам ни одного хронологического репера. К примеру, правоприменительная система мелькает лишь однажды, и в совершенно абстрактном контексте: «*Бех... в темнице — приидосте*» (с. 45).

Единственное государство, с некоторыми его социально-политическим атрибутами, которое встречается на страницах РТГ, это отнюдь не Византия и не Османский султанат, а далекая Русь. В разговорнике есть один диалог о возможности вернуться на родину. На пространстве небольшого «эссе» точка зрения несколько раз меняется, на первый план выходит то притягательность родины, то отвлечение к ней. Текст местами звучит как стихи — а конечный

прииель еси? — своим ли делом или послань еси? — кто послалъ? Ким послан еси? — много ли имаши пребыти зде? — что ти есть дело? — каково орудие? — тайно ли? — явно ли? — яви мни — не утай от мене — слышати хошу — видети хошу» (с. 84–85).

³⁴ *«Друг ми еси — брат ми еси — отец мои еси — не стерезися мене — не срамляися — без числа согреших — испием вина — не зазрися — не блюдися — не явлю ти — не явлено — обезстрашилися — обеспечалили ся — въпрошаю тя... — не скажеть — таить — не явить — не хочет явити»* (с. 85).

³⁵ *«Поуди брате — не ходи брате — не время — время ли есть? — когда будет время? — скажи ми — сам поиду — поуди со мною — побываем у него — видимся с ним — въпрошаем его — добре ли есть въ здравии своем? — здоров ли пришел? — каковъ есть? — како пребывает? — стар ли? — млад ли? — хочет ли ся видети с нами? — с тобою — с ним — сам не иду — и ты не ходи — и азъ не иду — далеко есть — не бываем у него — не видаемъ с ним — не хочет нас видети — виделся есмь с ним? — гневается — ... — грех есть — еже гневатися — незаконное дело — безумие великое — безумен человекъ — не смирен»* (с. 65–66).

³⁶ *Gernentz H.J.* (Hrsg.). Untersuchungen zum Russisch-niederdeutschen Gesprächsbuch des Tönnies Fenne. Pskov 1607 // Ein Beitrag zur deutschen Sprachgeschichte. Berlin 1988; *Günther E.* (Hrsg.). Das deutsch-russische Sprachbuch des Heinrich Newenburgk von 1629. Frankfurt am Main, 1999; *Ларин Б.А.* Парижский словарь московитов 1586 г. Рига, 1948; *Он же.* Русско-английский словарь-дневник Ричарда Джемса. Л., 1959 и т.д.

вывод делается не в пользу возвращения: «*Да поидем на Русь — аще поиду, что хошу приобрести? — не или все суета? — язык отверзается — умиление отбегае — дерзновение приходит — собраная расточаются — обычная пременяются — и что реку? — что благо да вижу тамо? — Точию скорбь — к своим любовь — родителей воспоминание — о православии попечение — о митрополии — о устроении христианства — о монастыри — печаль — в селех притяжания — къ князю хождение — с бояры знатие — с людьми смешение — с миряны съединение — с лукавыми съплетение — среди сих не иссякнет ли любви божия? — Но отселе седаи — да усмотрю тамо что деется — от великих неправда — убиение — татба — лжа — клевета — лихоимание — и прочая» (с. 116–118). Возможно, этот «плач» имел то практическое значение, что призван был разжалобить греческих гостеприимцев. Но как бы то ни было, именно русским князьям и боярам находится место в разговорнике, тогда как политическая реальность Византии не оставила в РТГ никаких следов. А ведь, к примеру, гражданский беспорядки в Константинополе во время переворота 1390 г. русский паломник Игнатий Смолятич описал весьма подробно и толково³⁷.*

Может быть, из отсутствия в РТГ любых следов византийского государства нужно сделать простой вывод, что к моменту создания памятника Империя уже погибла? Но тогда в нем должны были бы отразиться хоть какие-нибудь признаки либо османского владычества, либо господства «латинян». Не нужно было дожидаться падения Константинополя, чтобы ощутить турецкое влияние: в конце XIV — первой половине XV в. почти вся Фракия и Македония уже были подвластны османам. В 1369 г. те перенесли свою столицу в Андрианополь. Уже в 1387 г. в турецкий плен угодил один из афонских игуменов. Еще задолго до 1453 г. Святая Гора поднесла султану 1400 золотых и изъявление полной покорности³⁸. И тем не менее, не только турецкой или итальянской лексики в сколько-нибудь значительном количестве, но и малейшего намека на османскую угрозу мы не найдем в РТГ. Невозможно себе представить, чтобы составители, да и любые русские путешественники в Византию, будь то в Константинополь или на Афон, — никогда не сталкивались с судьями, военными или таможенниками, будь то византийскими, венецианскими или османскими. Можно разве что предположить, что оригинал нашего сочинения подвергся цензуре и из него намеренно были вычищены все упоминания о политике.

³⁷ *Majeska G.* Russian Travelers to Constantinople in the Fourteenth and Fifteenth Centuries. Washington DC, 1984. P. 101–105.

³⁸ *Успенский П.* История Афона. М., 2007. Т. 1. С. 764–767.

Однако только лишь изъятием политической информации невозможно объяснить то умиротворение, которым веет от РТГ. Там нет упоминаний ни о резне, набегах, ни о выкупе пленных. Допустим, торговля шла и в самые неблагоприятные времена — Зосима рассказывает, что в 1420 г. в Скутари «на оной стране моря торговли: съезжаются турчане, а сея страны греки и фрязове и торгуют меж собою»³⁹. И все же вселенная РТГ кажется слишком «приторной»: вот предлагаемый там образец светской беседы: «*Что слышал еси? — не слышах ничтож — видех? — не видел есмь ничего — что за вести слышал еси? — слышах добру весть — дал бог повсюду мир, по земли и по морю — земля мирна, море тихо — кораблей пришло много и всего принесли много*» (с. 28). Как такой диалог совместим с тем, что мы знаем о жизни на Балканах в эту эпоху? Это тот вопрос, на который лишь предстоит найти ответ.

³⁹ *Majeska G. Russian Travellers to Constantinople. P. 191.*

Сретение Владимирской иконы Богоматери в Москве в 1395 г. Исторический сюжет и особенности иконографии

DOI 10.31168/91674-483-5.19

В годы правления московского князя Дмитрия Ивановича (Донского) великое княжество Владимирское стало «вотчиной московских князей»¹. В конце XIV столетия московский князь получил новый титул великого князя Владимирского, Московского и всея Руси, что привело к изменению приоритетного соотношения двух столиц — древнего Владимира и молодой Москвы. Благодаря изменившейся исторической ситуации стало возможным перемещение древней почитаемой владимирской святыни из Владимира в Москву. О первом принесении чтимой Богородичной иконы в новую столицу нет сведений в летописях, но это великое событие русской истории подробно описано в Повести «О иконе Пречистыя Володимерския» (О Темир-Аксаке), составленной в XV в. Согласно Повести, икона была принесена в Москву в 1395 г., когда с юга на Русь двинулся Темир-Аксак (Тимур, Тамерлан), и великий князь Василий Дмитриевич, не надеясь на военные силы, послал во Владимир за чудотворной иконой Богородицы.

Повесть «О иконе Пречистыя Володимерския» дошла в двух сотнях списков XV–XIX вв. (в некоторых она именуется Сказанием и Словом). Исследователи разделяют списки на несколько редакций; первоначальную редакцию датируют от конца XIV до середины XV в. По мнению И.Л. Жучковой, краткий летописный рассказ создан между 1408 и 1446 гг.; основные редакции и расширенные варианты Повести относятся к 1470–1480-м гг.²

¹ *Филюшкин А.И.* Титулы русских государей. М.; СПб., 2006. С. 46.

² *Жучкова И.Л.* Повесть о Темир-Аксаке // *Словарь книжников и книжности Древней Руси.* Л., 1989. Вып. 2 (вторая половина XIV — XVI в.). Ч. 2. С. 283–287.

В. П. Гребенюк выделил как основные Митрополичью и Княжескую редакции, полагая, что первоначальная, Митрополичья, составленная между 1402 и 1408 гг., содержалась в Троицкой летописи; Княжеская редакция возникла не позднее 1412 г.³

Иную точку зрения на происхождение Повести высказал в своих работах Б.М. Клосс. Подробно рассмотрев и сопоставив списки, он выстроил несколько иную историю создания и распространения Повести о Темир-Аксаке. Исследователь полагает, что это произведение было написано известным книжником Епифанием Премудрым для Троицкой летописи (1412–1414); сохранилось в Типографской летописи (Ростовский свод 1489 г.) и в составе различных сборников⁴. Новая (первая, сокращенная) редакция Повести («Слово о чуде...») составлена Пахомием Логофетом для Московского летописного свода 1477 г. (источник Свода 1479 г. и Ермолинской летописи) на основе Троицкой летописи; в заглавии впервые сообщается, что Владимирскую икону Богоматери написал евангелист Лука⁵. Вторая Пахомиевская редакция (вариант Повести Епифания Премудрого, дополненный извлечениями из Повести о нашествии персидского царя Хоздроя (Хосроя) на Царьград) создана между 1477 и 1480 гг. В эту редакцию, получившую наибольшее распространение в списках, включено Сказание о написании Владимирской иконы Богоматери апостолом Лукой⁶. Вторая Пахомиевская редакция Повести вошла в августовский том Великих Четых Миней митрополита Макария, древнейший список которых — Софийский — датируется ок. 1538 г.⁷ Еще один вариант Повести был составлен для Никоновской летописи конца 1520-х — начала 1530-х гг.; в нем появился эпизод о явлении Темир-Аксаку в «страшном сне» Пресвятой Богородицы с воинством и святителями, который использован в последующих летописях⁸. В середине XVI в. возникла Проложная редакция Повести для чтения под 26 августа, озаглавленная «В той же

³ Гребенюк В.П. Икона Владимирской Богоматери и духовное наследие Москвы. М., 1997. С. 39–78.

⁴ Клосс Б.М. Избранные труды. М., 2001. Т. 2. С. 63–92; см. рецензию: Кучкин В.А. Антиклоссицизм // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2002. № 2 (8). С. 113–123; № 3 (9). С. 121–129; № 4 (10). С. 98–113; 2003. № 1 (11). С. 112–118; № 2 (12). С. 127–133; № 3 (13). С. 112–130; 2004. № 4 (14). С. 100–122.

⁵ Клосс Б.М. Избранные труды... С. 91–92.

⁶ Там же. С. 93–105.

⁷ РГАДА. Ф. 201 (собр. М.А. Оболенского). № 161. Л. 345–347 (Клосс Б.М. Избранные труды... С. 105–107; Каталог славяно-русских рукописных книг XVI в., хранящихся в РГАДА / Под ред. Л.В. Мошковой. М., 2014. Вып. 2. № 113. С. 114–115, 131).

⁸ Клосс Б.М. Избранные труды... С. 126–128.

день Стретение иконы Владимирския...» (древнейший список датируется 1560-ми гг.⁹); в ее основе — сокращенный список второй Пахомиевской редакции. Первое печатное издание появилось 6 декабря 1643 г.; Повесть помещена под 26 августа (л. 848–849об.), заглавие: «В той день празднуем Сретению иконы... Владимирския»¹⁰.

Особое мнение имеют немецкие ученые, подвергающие сомнению как подлинность древней Владимирской иконы¹¹, так и раннюю датировку Сказания о Темир-Аксаке¹². Немецкий филолог А. Эббингхаус посвятил ранней истории Владимирской иконы Богоматери критическую статью¹³; свою точку зрения, согласно которой Сказание о Темир-Аксаке и праздник в честь Владимирской иконы Богоматери появились только после стояния на Угре в 1480 г., он изложил и в монографии о древнерусских сказаниях о Богородичных иконах в целом¹⁴. А.А. Турилов, изучивший эту проблему и проанализировавший работы немецкого ученого, дал им в целом высокую оценку. Вместе с тем он отметил, что страницы, посвященные литературной истории Владимирской иконы, принадлежат к числу наиболее слабых и спорных в монографии А. Эббингхауса. Относительно исследования сказаний о Владимирской иконе Богоматери он убедительно показал, что мнение немецкого филолога является лишь историографическим фактом, не имеющим основополагающего значения для реконструкции ранней (до последней четверти XV в.) истории почитания святыни¹⁵.

Среди работ последних лет отметим монографию С.А. Фетищева. Рассмотрев различные точки зрения, он принял мнение исследователей, что Владимирская икона Богоматери была принесена в Москву

⁹ РНБ. Собр. Н.М. Михайловского. № 223. Л. 438–440; прибытие иконы в Москву ошибочно отнесено к 15 августа.

¹⁰ Клосс Б.М. Избранные труды... С. 135–136.

¹¹ *Onasch K.* Die Ikone der Gottesmutter von Vladimir in der Staatlichen Tret'jakov Galerie zu Moskau // *Wissenschaftliche Zeitschrift der Martin-Luther-Universität. Halle-Wittenberg.* Jahrg. 5. 1955. Heft 1. S. 51–62; *Bentchev I.* Zum Verhältnis von Original, Kopie und Replik am Beispiel der Gottesmutter von Vladimir und anderer Russischer Ikonen // *Russische Ikonen. Neue Forschungen.* Recklinghausen, 1991. S. 141–169.

¹² *Miller D.B.* Legends of the Icon of Our Lady of Vladimir: A Study of the Development of Moskovite National Consciousness // *Speculum.* Vol. 43. Nr. 4 (Oct. 1968). S. 657–670.

¹³ *Ebbinghaus A.* Andreij Bogoljubskij und die «Gottesmutter von Vladimir» // *Russia Mediaevalis.* 1987. T. 6/1. S. 157–183.

¹⁴ *Ebbinghaus A.* Die altrussischen Marienikonen-Legenden. Berlin, 1990. S. 139–159.

¹⁵ См.: *Щенникова Л.А.* Великая святыня России. Чудотворная икона «Богоматерь Владимирская» в русской истории. М., 2010. С. 35–36.

в 1395 г. в связи с наступлением Темир-Аксака, но Повесть была составлена значительно позже, возможно, в третьей четверти XV в.¹⁶

Новый взгляд на проблему возникновения и развития празднований Владимирской иконе Богоматери, ее Сретения в Москве в 1395 г. и службу 26 августа изложила в своем обобщающем труде итальянская исследовательница М.Б. Плюханова¹⁷. Согласно ее концепции, «в конце XIV в. церковными кругами был соединен с чествованиями Одигитрии в контексте Успения и Спаса и в дальнейшем развит культ Владимирской иконы как величайшей святыни христианского сообщества»¹⁸. Одним из источников службы Владимирской иконе было «Последование похвално к Пречистей Богородице Владычицы нашей певаемо во все лета, месяца августа внегда великое и паче надежд избавление наше бысть преславным образом Богоматере от нашествия безбожных агарян», самый ранний из ныне известных списков которого содержится в Каноннике 1407 г. из библиотеки преподобного Кирилла Белозерского; на поле рукописи напротив заглавия поставлена дата «26»¹⁹. По мнению исследовательницы, «Последование похвално» подтверждает «факт существования ежегодного молебствия 26 августа уже в конце XIV в.», но не свидетельствует, что в нем отражено конкретное событие (1395), связанное с Владимирской иконой Богоматери; это молебствие могло иметь внеисторический характер, как ежегодное или время от времени организованное сретение некой Богородичной иконы (Одигитрии) «в надежде, что она поможет, защитит православный мир от агарян»; такой иконой вначале, возможно, была двусторонняя «Богоматерь Умиление» («Донская») с «Успением» на обороте, по мнению исследовательницы имевшая отношение, как и «Последование похвално», к Куликовской битве, поскольку, согласно одной из версий повести о Мамаевом побоище, она произошла 26 августа²⁰. Составление службы Владимирской иконе М.Б. Плюханова относит к довольно позднему времени — началу XVI в. — и видит в ней прославление «не конкретного чуда исторической победы, а прихода образа Богоматери как самой Богоматери,

¹⁶ Фетищев С.А. Московская Русь после Дмитрия Донского. 1389–1459. М., 2003. С. 180.

¹⁷ Плюханова М.Б. «Кипение света». Русские Одигитрии в литургической поэзии и в истории. СПб., 2016. С. 251–321.

¹⁸ Там же. С. 321.

¹⁹ М.Б. Плюханова приводит заголовок по рукописи: РГБ. ТСЛ. № 593. Л. 152. Древнейший список Последования похвального в Каноннике Кирилла Белозерского 1407 года (ГРМ. Др. гр. 15. Л. 300–319об.).

²⁰ Плюханова М.Б. «Кипение света»... С. 210, 245–250. Об иконе «Богоматерь Умиление (Донская)» см.: Щенникова Л.А. Икона «Богоматерь Умиление Донская» — святыня эпохи Куликовской битвы // Московский Кремль XIV столетия. Древние святыни и исторические памятники. М., 2009. С. 252–283.

источника спасения, побед и света»²¹. Она полагает, что «нет никаких данных о существовании праздника в честь чудесного спасения Москвы от Темир-Аксака чудом от Владимирской иконы вплоть до времени составления Московского летописного свода»²². Вместе с тем исследовательница склоняется к мнению, что икону носили в Москву при Киприане действительно 26 августа; выбор этой даты и сама организация (ежегодной?) встречи иконы с целью противостояния христианского мира мусульманскому принадлежат именно митрополиту Киприану, намеревавшемуся (после его побега из Москвы при нашествии Тохтамыша в 1382 г. — 26 августа!) «показать свою эффективность в деле организации русской церковно-исторической жизни»²³. Поход Темир-Аксака на Москву в 1395 г. она ставит под сомнение, поскольку об этом нет упоминаний в ранних летописях, а в Симеоновской летописи краткое сообщение об угрозе отнесено к 1398 г.²⁴

М.Б. Плюханова тщательно рассмотрела богослужебные тексты и другие литературные источники, сделала много важных наблюдений и верных выводов, ввела Владимирскую икону Богоматери в круг великих общехристианских святынь, показала основной смысл ее почитания — «озарение высшим светом христианского народа», «укрепление православных сил, способных помочь в борьбе против мусульманской угрозы». Главная задача ее фундаментального труда о великих Богородичных культах, выраженных в церковных службах и сказаниях о их чудесах, заключалась в выявлении в них «символических форм большой смысловой глубины». Она замечательно воплощена во всех разделах книги. Однако исследовательница, по нашему мнению, не смогла понять живую русскую историю, мировосприятие русских людей XIV–XV вв., их отношения к святыням, к почитанию икон, и поэтому для нее остался закрытым вопрос об исторической памяти поколений, сохранявшейся в устных преданиях, которые изначально не были тождественны вымышленным, специально сочиненным «на потребу дня» политическим легендам или высоким богословским идеям о спасении христианского мира. Владимирская икона Богоматери была особо прославленной русской святыней начиная с XII в., но до 1380-х гг. она принадлежала великому княжеству Владимирскому. Наименование этого образа «Владимирским» неотделимо от истории именно этого княжества, но даже там она обычно именовалась Пресвятой Богородицей, Владычицей и лишь

²¹ Плюханова М.Б. «Кипение света»... С. 274.

²² Там же. С. 304.

²³ Там же. С. 304–306.

²⁴ Там же. С. 305.

изредка — «Богородицей Владимирской». В отличие от сказаний, в празднествах в честь чудотворных икон прославляется Божия Матерь, а не икона как материальный объект, что хорошо показала М.Б. Плюханова. Поэтому в богослужебном тексте Последования похвального отсутствие эпитета «Владимирская», как и в других ранних богослужебных текстах, вполне объяснимо и соответствует литургической традиции²⁵. Еще одно доказательство — новая волна прославления святых в конце XIV — начале XV в., что нашло выражение в реставрации и украшении древнего образа обновленным золотым окладом, в создании первых копий-списков²⁶. Поэтому, как и многие другие российские историки и искусствоведы, мы принимаем достоверность фактов неожиданного отступления Темир-Аксака от Москвы в 1395 г. и принесения в том же году из Владимира древней иконы Богоматери, послуживших реальным источником для составления Повести (Сказания) о Темир-Аксаке в хронологический период начала — первой половины XV в.

В Повести рассказывается, что великий князь Василий Дмитриевич, ища защиты от нападения Темир-Аксака, обращается мыслью к начальным временам: он вспоминает чудесное изобавление «царствующего града» (Константинополя) от нашествия «зловерного царя Хоздроя» заступничеством Богородицы и решает повторить опыт греков. Он посылает за чудотворной иконой Богородицы во Владимир, надеясь на Ее покровительство. Из владимирского Успенского собора икону унесли в праздник Успения (15 августа). Двадцать шестого августа близ Москвы на поле ее встретили с крестным ходом митрополит Киприан со «всем клиросом и причтом церковным», с князьями и народом. В тот же день Темир-Аксак повернул войска и ушел в свою землю. В списках Повести впервые появилось сказание о написании Владимирской иконы евангелистом Лукой, возникшее благодаря ее сопоставлению с главной

²⁵ При этом необходимо заметить, что предлагаемая Г.М. Прохоровым (Библиотека литературы Древней Руси. СПб., 1999. Т. 6. С. 432–436 (Подг. текста Г.М. Прохорова); Преподобные Кирилл, Ферапонт и Мартиниан Белозерские / Изд. подг. Г.М. Прохоров, Е.Г. Водолазкин и Е.Э. Шевченко. СПб., 1993. С. 35) связь упоминания чудесной помощи Богородицы в послании преп. Кирилла Белозерского кн. Андрею Дмитриевичу с событиями 1395 г. является недоразумением. Кирилл в 1395 г. был иноком пригородного Симонова монастыря, а Андрей еще не получил удела и до начала 1410-х гг. жил в Москве. Более обоснована в этом отношении точка зрения М.Б. Плюхановой, которая связывает данный текст с явлением 9 июля 1414 г. Колочской иконы (*Плюханова М.Б. «Кипение света»...* С. 338–349).

²⁶ См.: *Щенникова Л.А. Древнейшая икона-список чудотворного образа «Богоматерь Владимирская» // Московский Кремль XIV столетия. Древние святые и исторические памятники. М., 2009. С. 284–301; Стерлигова И.А., Щенникова Л.А. Золотые оклады Владимирской иконы Богоматери: оклад с Деисусом // Московский Кремль XV столетия. Древние святые и исторические памятники. М., 2011. Т. 1. С. 314–339.*

чудотворной иконой Константинополя — «Одигитрией письма евангелиста Луки»²⁷. Согласно Повести, великий князь Василий Дмитриевич повелел устроить на месте встречи иконы монастырь и установить празднование Богоматери Владимирской 26 августа²⁸.

По мнению Б.М. Клосса, празднование собственно Сретения Владимирской иконы 26 августа началось не ранее 1470-х гг., «когда были написаны Пахомиевские редакции Повести»; в редакции Повести Епифания Премудрого празднование иконы «приурочено ко дню Сретения Господня — 2 февраля»²⁹. Первые сведения об особом праздновании Владимирской иконы 26 августа относятся к 1480-м гг., в церковных уставах праздник упоминается с конца XV в.³⁰

Исследователи предполагают, что первый иконописный образ Сретения Владимирской иконы Богоматери появился в Сретенском монастыре³¹, каменная церковь которого была построена и расписана в 1480-е гг.³² Это теоретическое предположение основано на том факте, что иконография перемещения реликвий, восходящая к «церемониалу *adventus*'а — прибытия и вступления в город византийского императора», основанному на античном образце и закрепленному в схеме Входа Христа в Иерусалим, в древнерусском искусстве воплотилась в композиции переноса чудотворных икон, известных с XV в.³³ Так, в первой половине этого столетия возникло изображение «Чудо от иконы

²⁷ Щенникова Л.А. Чудотворная икона «Богоматерь Владимирская» как «Одигитрия евангелиста Луки» // Чудотворная икона в Византии и Древней Руси / Ред.-сост. А.М. Лидов. М., 1996. С. 252–286.

²⁸ Текст публиковался многократно. Основные изд.: Повесть о Темир-Аксаке // ПЛДР: XIV — середина XV в. М., 1981. С. 230–243, 563–565; Гребенюк В.П. Икона Владимирской Богоматери... С. 162–179; Клосс Б.М. Избранные труды... С. 78–90, 128–132.

²⁹ Там же. С. 124.

³⁰ Пролог на март – август Зональной НБ им. В.А. Артисевич при Саратовском ГУ, № 90, написан ок. 1485 г.; месяцеслов сборника РГБ. Собр. ТСЛ. I, № 762 (Ростов, 1487 г.). Подробнее об установлении праздника см.: Плеханова М.Б. «Кипение света»... С. 251–321.

³¹ Гребенюк В.П. Икона Владимирской Богоматери... С. 122; Шалина И.А. Реликвии в восточнохристианской иконографии. М., 2005. С. 55; Смирнова Э.С. «Смотря на образ...». С. 148.

³² О Сретенском монастыре см.: Беляев Л.А. Чудотворная икона в сакральной топографии средневекового города: первый престол иконы Владимирской Богоматери в Москве // Чудотворная икона... М., 1996. С. 303–315. В Софийской II летописи строительство каменного собора отнесено к 1482 г., а его роспись «Долматом иконником» — к 1485 (ПСРЛ. СПб., 1853. Т. 6. С. 233, 237; ПСРЛ. М., 2001. Т. 6. Вып. 2 (Софийская вторая летопись). Стб. 313, 321).

³³ Шалина И.А. Реликвии в восточнохристианской иконографии... С. 43, 54–55.

Богоматери Знамение», в котором чудотворную новгородскую икону выносят из храма в торжественной процессии³⁴. Но никаких «следов» предполагаемого раннего изображения Сретения Владимирской иконы Богоматери не осталось; по всей вероятности, в Сретенском монастыре подобного образа не имелось, храмовой иконой был список чудотворной «Богоматери Владимирской».

Самые ранние из ныне известных образов Сретения Владимирской иконы относятся ко второй четверти — середине XVI в.; их появление могло быть связано с включением Второй Пахомиевской редакции Повести в Софийский список ВМЧ, датируемый ок. 1538 г. (см. выше). Первые сохранившиеся изображения, возможно, были действительно связаны с этим событием: клеймо минейной иконы из Музея икон в Реклинхаузене в Германии³⁵, икона-пядница из Музея имени Андрея Рублева³⁶.

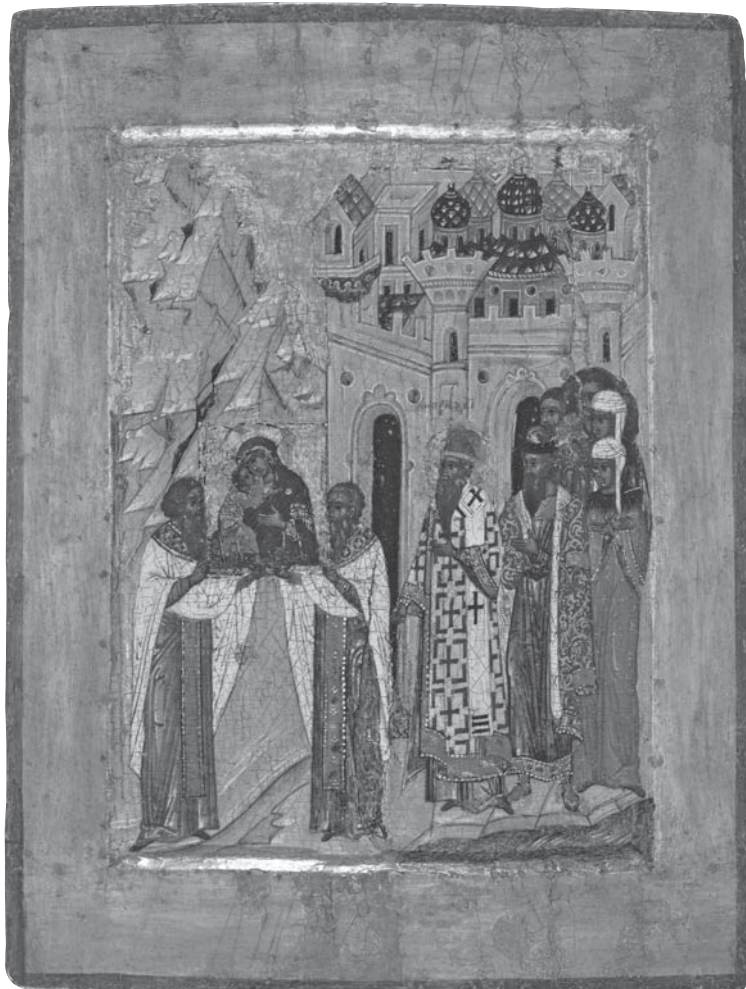
В основу композиции Сретения Владимирской иконы положена схема двенадцатого праздника Сретения Господня: в обоих изображениях святыню (образ Младенца Христа, чудотворная икона Богоматери с Младенцем Христом на руках) встречают, точнее, принимают-передают представители двух групп шествующих лиц. В этой схеме можно было бы видеть прямое соотношение духовного смысла двух событий: праздник Сретения Господня как прообраз Сретения Богородичной иконы. Возможно, в этом есть взаимосвязь и с первоначальным посвящением храма, с днем празднования Сретения Владимирской иконы в день Сретения Господня (см. выше).

На иконе-пяднице (ил. 1) главные действующие лица — митрополит Киприан и московский государь. Композиция разделена по вертикали на две части. В правой части, занимающей большую площадь, на фоне светло-зеленого города-крепости с башнями и храмами внутри изображен митрополит Киприан с нимбом и митрой на голове, он облачен в крестчатый саккос, в опущенной руке кадило; над нимбом киноварью начертана надпись с именем «*Киприанъ*». Рядом с ним стоит князь в богатой узорчатой шубе, с шапкой на голове. Они молитвенно простирают руки к Владимирской иконе Богоматери.

³⁴ Смирнова Э.С. «Смотря на образ древних живописцев...» С. 134–146.

³⁵ *Haustein-Bartisch E.* Ikonen-Museum Recklinghausen. München, 1995. Ill. S. 11; *Сорокатый В.М.* К вопросу о сложении иконографии Сретения иконы Богоматери Владимирской // Иконографические новации и традиция в русском искусстве XVI в. Тезисы докладов научной конференции / ЦМиАР. М., 2004. С. 23. В.М. Сорокатый датирует минейную икону второй четвертью XVI в.

³⁶ Богоматерь Владимирская. К 600-летию Сретения иконы Богоматери Владимирской в Москве 26 августа (8 сентября) 1395 г.: Сб. материалов. Каталог выставки. М., 1995. Кат. 10. С. 102; *Щенникова Л.А.* Великая святыня России... С. 77. Ил. 36.

1. Сретение Владимирской иконы Богоматери в Москве.
Икона-пядница. Вторая четверть — середина XVI в.
Музей имени Андрея Рублева.

Третья, крайняя, фигура в правой группе — жена в красном платье и белом плате на голове, со скрещенными на груди руками. Над ней видна голова второй жены в таком же плате и еще несколько голов встречающих икону людей. В левой части иконы, на фоне охряной горы со скалистыми отрогами, — два священнослужителя в светлых фелонях, представленные в симметричных позах; между их головами возвышается большая икона Богоматери Владимирской, которую они держат на поднятых руках. Симметричная композиция

этой трехчастной группы торжественно-церемониальная, но образ Владимирской иконы выделяется лишь темным силуэтом мафория Богородицы, очертания иконы с охряно-золотистым фоном почти полностью сливаются с охряным цветом горы. Сцена представлена не «на поле», но в условном временном пространстве: священнослужители с иконой находятся «на поле» (на фоне охряной горы), а встречающие святыню знатные представители Москвы стоят у стен града, на берегу Москвы-реки, показанной в правом нижнем углу иконы. Создавший этот образ мастер не следовал тексту Повести, но дал свое творческое решение сюжета.

Во второй половине XVI в. изображения Сретения Владимирской иконы Богоматери появились в искусстве Вологды, что было связано с почитанием списков древней святыни в этом городе³⁷. Показательно, что в тот период образ сугубо русского праздника уже занял прочное место среди наиболее значимых Богородичных сюжетов, помещавшихся в одном ряду с праздниками вселенскими. Так, Сретение Владимирской иконы Богоматери включено в число десяти христологических и Богородичных образов, написанных в левой половине многосюжетной иконы мастера Дионисия Дмитриева Гринкова «Воскресение — Сошествие во ад, со сценами земной жизни Христа и праздниками» 1567/68 г.³⁸ Эта же композиция завершает цикл из восемнадцати Богородичных сюжетов, окружающих средник иконы «Рождество Богоматери, с житием Иоакима, Анны и Богоматери и праздниками», выполненной мастером Милово Сухим в 1565/66 г.³⁹

Образы Сретения Владимирской иконы Богоматери на обоих вологодских произведениях совершенно одинаковые, отличия касаются лишь цвета фона нарисованной чудотворной иконы — белого у Дионисия Гринкова, сине-зеленого у Милово Сухого. Вероятно, они воспроизводят один и тот же образец, которым могла быть аналогичная вологодская икона. Композиция Сретения «Богоматери Владимирской» в клеймах вологодских икон, как и в рассмотренной выше иконе-пяднице, разделена по вертикали на две части, с образом Богородицы, несомом священниками, в левой части и градом с группой встречающих в правой части (ил. 2). Но на этом их сходство заканчивается, композиционные особенности и содержание клейм вологодских мастеров и московской иконы-пядницы совершенно разные. В вологодских клеймах нет «главного героя», в них представле-

³⁷ Щенникова Л.А. Иконы Богоматери «Владимирской» в храмах города Вологды // Искусство христианского мира: Сб. статей. М., 2004. Вып. 8. С. 152–161.

³⁸ Там же. С. 157–158. Цвет. ил. 3; Иконы Вологды XIV–XVI вв. М., 2007. Кат. 91. С. 587–606 (текст Л.В. Нерсеяна).

³⁹ Иконы Вологды... Кат. 86. С. 544–557 (текст Л.А. Щенниковой).

2. Сретение Владимирской иконы Богоматери в Москве.
Клеймо иконы «Рождество Богоматери, с житием Богоматери
и праздниками». 1566 год. Мастер Сухой Милово.
Из церкви Леонтия Ростовского в Вологде. Вологодский музей.

но «народное празднество». Справа, на фоне белого города-башни простых обобщенных форм, с черным арочным проемом, плотная монолитная группа людей с двумя священниками, один из которых с развернутым белым свитком, другой — с закрытой книгой в покровенных руках; на первом плане — три группы детей в белых и цветных одеяниях; взрослые и дети в молении простирают руки к образу Богоматери Владимирской. Над головами многочисленной группы встречающих, на белом фоне города-башни, — большой выносной четырехконечный крест, над ним оглавный образ Спаса, справа от креста — выносная икона с погрудным образом Богоматери (типа «Петровской») и две хоругви в виде серафимов. Слева, на фоне

охряной горы, у самого края клейма, небольшая плотная группа: впереди — священник в белой фелони, с непокрытой головой, держит в покровенных руках небольшой образ Богоматери Владимирской, прижимая его к себе. Рядом с ним — человек в сине-зеленом хитоне и охряно-желтом гиматии, с поднятой в молитве рукой. Между ними видна голова духовного лица в белом клобуке. Обе группы разделены большим пустым пространством. Икона Богоматери, несмотря на малый размер, нарисована довольно точно, при этом она напоминает местнотимый образ «Богоматерь Владимирская, с праздниками» 1549 г.⁴⁰, отличающийся ярко-красным поясом Младенца Христа.

Вероятно, в Вологде во второй половине XVI в. существовала большая местная икона с изображением Сретения «Богоматери Владимирской». Об этом свидетельствует сохранившийся одноименный крупный храмовый образ, первоначальная живопись которого скрыта под записями XIX — начала XX в.; судя по реставрационным пробам, икона была выполнена в XVI в.⁴¹ В левой части иконы, где изображены священники с Владимирским образом, вырезана ниша, в которую была вставлена икона-пядница «Богоматерь Владимирская». Она была раскрыта из-под записей и оказалась первоклассным произведением вологодской живописи второй половины XVI в.⁴² Показательно, что иконография и композиция большой иконы «Сретение Богоматери Владимирской», в общих чертах повторенные в поздних записях, полностью соответствуют двум рассмотренным выше одноименным клеймам вологодских икон.

В 1570-е гг. художниками «макариевской» мастерской были выполнены миниатюры в «Повести на Сретение Владимирской иконы Богоматери» (Сказании) в Лицевом летописном своде⁴³. Текст и миниатюры этого литературно-изобразительного произведения второй половины XVI в. были детально изучены В.П. Гребенюком⁴⁴. Сто пятнадцать миниатюр подробно иллюстрируют основные эпизоды Повести. Их расположение соотносено с текстом, мастера стремились как можно нагляднее передать содержание иллюстрируемых эпизодов.

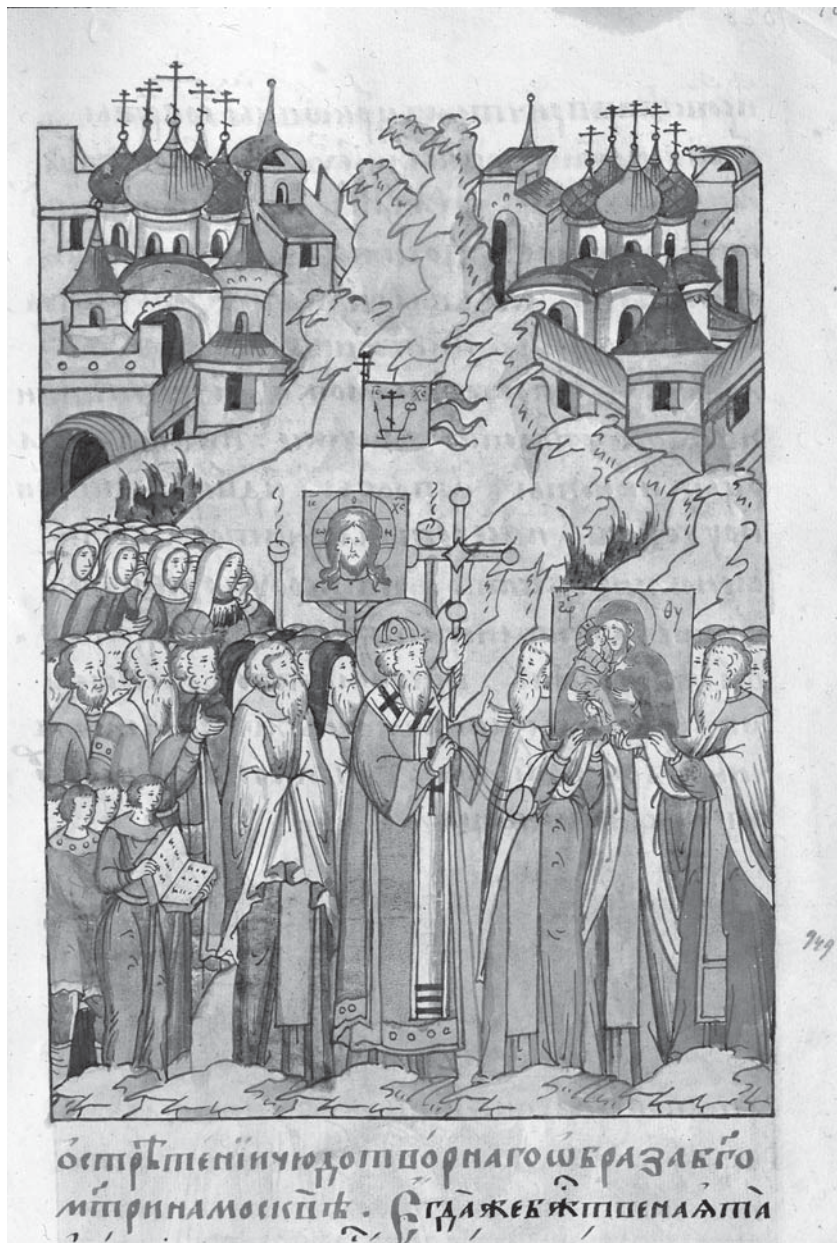
⁴⁰ Об иконе см.: *Щенникова Л.А.* Иконы Богоматери «Владимирской»... С. 155–157; Иконы Вологды... Кат. 82. С. 508–513 (текст Л.А. Щенниковой).

⁴¹ *Щенникова Л.А.* Иконы Богоматери «Владимирской»... С. 158–160. Цвет. ил. 4.

⁴² Там же. С. 158–160. Цв. ил. 6; Иконы Вологды... Кат. 94. С. 614–616 (текст Л.А. Щенниковой).

⁴³ БАН. 30.7.31. Древний летописец. Т. 3.

⁴⁴ *Гребенюк В.П.* Лицевое «Сказание об иконе Владимирской Богоматери» // ДРИ. Рукописная книга. М., 1972. С. 338–363; *Он же.* Икона Владимирской Богоматери... С. 79–147.

3. Сретение чудотворного образа Богоматери в Москве.
 Миниатюра лицевого Сказания об иконе Богоматери Владимирской.
 1570-е гг. БАН. Древний летописец (II Остермановский том). Т. 3. Л. 541.

«Сретение чудотворного образа Богородицы на Москве» (ил. 3) изображено на л. 541. Анализируя Повесть, В.П. Гребенюк отметил, что «описание встречи иконы торжественно и чинно», встречающие изображены «в богатых одеждах, позы их напряженно-парадные»; в тексте этого эпизода главным является «церемония встречи божественной иконы»⁴⁵. Миниатюра в точности отражает все детали повествования, но содержательный момент — всеобщая молитва перед святыней со слезами, воздыханием сердечным и рыданием (не было человека не плачущего!) и всенародное упование на заступничество Богородицы, Ее милосердие — никак не выявлен. Главным действующим лицом в этой сцене является митрополит Киприан. Он занимает центральное положение, его фигура несколько крупнее других, на голове, окруженной нимбом, митра, на епитрахили тщательно выписаны черные кресты и полосы-источники; в одной его руке кадило, другая рука с раскрытой ладонью молитвенно обращена к Владимирской иконе Богородицы, которую держат два священника, принесшие чудотворный образ из Владимира. Образы Богородицы и Младенца Христа на Владимирской иконе нарисованы обобщенно, почти эскизно; на охряном фоне поля иконы никак не обозначены. Одежды Христа, зарукавье хитона Богородицы, нимбы и фон со скорописно начертанными «монограммами» покрыты жидкой охрой. Икона «Богородица Владимирская» непропорциональных размеров, она мало отличается от оглавной иконы Спаса в группе встречающих святыню москвичей. Чудотворная икона в этой миниатюре «не видная», ее изображение почти сливается с монохромными фигурами процессии, мастер не применил никак художественных средств, чтобы выделить святыню, подчеркнуть ее величие. Над головой митрополита Киприана возвышаются осеменяющие его четырехконечный выносной крест, крупный оглавный образ Спаса и две горящие кадила на высоких древках, вверху в центре — хоругвь с Голгофским крестом. Рядом с митрополитом — священник с закрытыми мантией руками, между ними — монах в черном клобуке, возглавляющий группу иноков. В толпе светских лиц, стоящих слева от монашеского чина, выделяется средовек в княжеской шапке — князь Владимир Андреевич, названный в этом тексте Повести. На переднем плане слева — отроки-певчие, в руках первого из них — большая раскрытая книга. На заднем плане — жены с платами на головах. Вершина горы с двумя симметричными скатами подчеркивает центральное положение митрополита Киприана; за ее склонами видны два города с пятиглавыми Успенскими соборами: справа — град Владимир, слева — Москва.

В последних десятилетиях XVI века, после создания миниатюр лицевого Сказания, стали писать иконы Богородицы Владимирской с

⁴⁵ Там же. С. 105–107.

клеймами аналогичных сюжетов на полях. Первая ныне известная подобная икона — «Богоматерь Владимирская, со сказанием в 18-ти клеймах» — была создана государевым иконописцем Истомой Савиным по заказу Н. Г. Строганова; в последней публикации она датирована 1580-ми гг.⁴⁶, в предшествующих — началом XVII в.⁴⁷ Икона происходит из церкви Похвалы Богоматери села Орла Усольского района. Орел-городок (первоначальное название Каргедан) был возведен «именитыми людьми» Строгановыми в 1550–1560-е гг. для защиты своих прикамских владений от «ногайских и иных орд»⁴⁸. Церковь Похвалы Богоматери строилась в 1564–1580 гг.⁴⁹ Осенью 1581 г. Н. Г. Строганов одержал победу над нападавшими на Орел-городок сибирскими татарами, возглавляемыми пелымским ханом Бехбелей Ахтаном; потерпев поражение, он попал в плен к Строгановым и умер от ран⁵⁰. Вероятно, с этими событиями связано строительство церкви во имя Похвалы Богоматери и заказ для нее икон Богоматери Владимирской — «Взбранной воеводи», избавившей Москву от нашествия «агарянина» Темир-Аксака в 1395 г. и впоследствии неоднократно помогавшей русским людям одерживать победу над «злочестивыми варварами».

На обороте иконы «Богоматерь Владимирская, со Сказанием» в 18-ти клеймах» в две строки фрагментарно сохранившаяся темно-коричневая надпись: «...ПОСТАВЛЕНИЕ НИКИТЫ ГРИГОР... СТРОГАНО... ПИСМО ИСТОМЫ САВ...»⁵¹. В восемнадцати клеймах,

⁴⁶ Иконы Строгановских вотчин XVI–XVII вв. По материалам реставрационных работ ВХНРЦ им. И.Э. Грабаря. Каталог-альбом. М., 2003. Кат. 73. С. 76–77.

⁴⁷ Словарь русских иконописцев XI–XVII вв. / Ред.-сост. И.А. Кочетков. М., 2009. С. 567–569.

⁴⁸ См.: Памятники истории и культуры Пермской области. Пермь, 1976. С. 48; *Введенский А.А.* Дом Строгановых в XVI–XVII вв. М., 1962.

⁴⁹ В эти десятилетия Строгановы неоднократно отражали нападения сибирских татар и организовывали успешные походы на их земли. В 1573 г. на вотчины Строгановых совершил набег брат сибирского хана Кучума Маметкул. В 1574–1578 гг. Никита Григорьевич и Максим Яковлевич подготовили поход Ермака на Сибирь, послав с его ратью и свое войско.

⁵⁰ Русский биографический словарь. СПб., 1909. С. 508–509; *Каменская Е.Ф.* Исторический сюжет в клеймах иконы «Владимирская Богоматерь» Истомы Савина // ГТГ: Мат-лы и исследования. М., 1956. Т. 1. С. 45; *Введенский А.А.* Дом Строгановых...

⁵¹ Фон средника иконы (свет) покрыт серебряной золоченой басмой. На лузгу средника и края полей наложены тонкие полосы басмы. На полях басма обрамляет фигурные завершения клейм, на верхнем и нижнем полях разделяет их по вертикали. В среднике представлена «Богоматерь Владимирская», повторяющая, как и другие иконы второй половины XVI — XVII вв., иконографию древней чудотворной иконы Успенского собора Московского Кремля.

окружающих средник иконы, впервые вместо Господских и Богородичных праздников⁵² помещены композиции сюжетов, содержащихся в Сказании о Богородице Владимирской в Лицевом летописном своде; они иллюстрируют историю чудесного спасения Москвы от нашествия Темир-Аксака. По всей вероятности, замысел иконы с клеймами Сказания принадлежал заказчику и был связан с военными событиями, происходившими на землях Строгановых. Но иконография «Богородицы Владимирской» с сюжетами клейм, в которых прославляется Богородица-Заступница, имеет свою идейную и художественную предысторию. В последней четверти XVI в. по особым случаям были созданы две памятные иконы Богородицы Владимирской. Одна из них, с клеймами Акафиста на полях (единственная из ныне известных), в очень дорогом убранстве, была написана в 1580-е гг. по заказу знатного суздальского вотчинника, «думного дворянина» Дементия Черемисинова, участника Ливонской войны, спасенного из плена и отблагодарившего Божию Матерь многоценным подношением: икона была вложена в Спасо-Евфимиев монастырь⁵³. Вторая икона — «Богородица Умиление Владимирская», с клеймами жития Иоакима, Анны и Богородицы» последней четверти XVI в. (ил. 4) — была создана в память об избавлении города Пскова от осады войсками Стефана Батория в 1581 г.⁵⁴

В этой псковской иконе среди житийных сюжетов изображены две сцены из Сказания о Богородице Владимирской — «Моление перед чудотворной Владимирской иконой» и «Сретение чудотворной иконы в 1395 г.»⁵⁵. Интересующий нас сюжет помещен в 10-м клейме (ил. 5). В левой части композиции на фоне горы представлены два священнослужителя в белых фелонях; они держат икону «Богородица Владимирская», украшенную реальным серебряным басменным

⁵² Сравни с иконой «Богородица Владимирская, с Господскими и Богородичными праздниками в 18-ти клеймах» конца XVI в. из Благовещенского собора Соляного городка (Иконы Строгановских вотчин... Кат. 14. С. 33).

⁵³ Иконы Вологды... Кат. 86. С. 544–557 (текст Л.А. Щенниковой).

⁵⁴ Псковская икона XIII–XVI вв. / Авторы вступ. статей М.В. Алпатов, И.С. Родникова. Сост. альбома и автор каталога И.С. Родникова. Л., 1990. Кат. 104. С. 3–9; *Родникова И.С.* Об иконографии псковской иконы «Богородица Владимирская с житием» // Псков. 2003. № 18. С. 30–35; *Щенникова Л.А.* Чудотворные иконы Богородицы в Псково-Печерском монастыре и городе Пскове: «Успение», «Умиление Владимирская», «Одигитрия» // Искусство христианского мира: Сб. ст. М., 2007. Вып. 10. С. 376–381.

⁵⁵ Семнадцать клейм (из двадцати одного) иллюстрируют житие Богоотца Иоакима и Анны и их дочери Девы Марии; два клейма посвящены прославлению чудотворного образа «Богородица Владимирская»; в центре верхнего поля — «Св. Троица»; на нижнем поле среди житийных сцен — образ «Спас Недреманное Око».

4. Богоматерь Умиление Владимирская, с клеймами жития Иоакима, Анны и Богородицы. Икона. Последняя четверть XVI в. Псковский музей.

окладом и золоченым гравированным венцом, с красной узорчатой подвесной пеленой. Икона в окладе опирается на головы иереев, их простертые в молении руки нарисованы на фоне красной пелены. Благодаря такому изображению чудотворная икона как будто вознесена «на воздухе». Слева стоит еще один священнослужитель в такой же белой фелони, за ним — плотная толпа людей (видны только головы). В центре клейма, близко к группе священников в белых фелонях, иерей в такой же фелони держит в руках древко с развилкой, на котором укреплен поясной образ Спасителя, также в реальном серебряном

5. Сретение чудотворной Владимирской иконы Богоматери в Москве. Клеймо иконы «Богоматерь Умиление Владимирская, с клеймами жития Иоакима, Анны и Богоматери». Последняя четверть XVI в. Псковский музей.

басменном окладе. Икона Спаса немного меньше иконы «Богоматерь Владимирская». Рядом, справа, иерарх в саккосе, с омофором и митрой на голове, с кадиллом (?) в руке (согласно Сказанию — митрополит Киприан). За ним — толпа народа: «мужи и жены», выходящие из ворот города. Красная кирпичная стена с высокими башнями, увенчанными зелеными шатрами, создает образ Московского Кремля. Вместе с тем трехглавый храм за городской стеной вызывает ассоциации с главным псковским собором Святой Троицы, архитектура в целом похожа на «палатное письмо» в псковских иконах XVI в. В общих чертах этот образ Сретения напоминает «зеркальный перевод» одноименной миниатюры в Лицевом сказании (см. ил. 3), но отличается от нее композицией и многими деталями, представляя еще один «самостоятельный извод»⁵⁶, дополняющий рассмотренные выше варианты.

В названной выше иконе «Богоматерь Владимирская, со сказанием» в 18-ти клеймах» (см. ил. 4) все восемнадцать сюжетов посвящены иллюстрации только одного события — нашествия Темир-Аксака на Русскую землю и чудесного спасения Москвы. Клейма расположены в традиционном порядке: изображения помещаются на верхнем поле слева направо, затем поочередно на левом и правом полях по сторонам средника, завершаются на нижнем поле в том же порядке, как на верхнем поле⁵⁷. В.П. Гребенюк, рассмотрев клейма иконы, установил их источники и соотношение с миниатюрами Лицевого свода; при этом

⁵⁶ И.А. Родникова отметила, что «композиция сцены особенно совпадает с редакцией текста подлинника из собр. С.Т. Большакова и представляет, видимо, самостоятельный извод, отличающийся несколькими иконографическими деталями, точной аналогии которым в их совокупности не найдено...» (*Родникова И.С. Об иконографии псковской иконы... № 18. С. 33*).

⁵⁷ Сюжеты клейм следующие: 1. Темир-Аксак, восседающий на троне, в окружении старейшин и воинов, замышляет поход на Русь в 1395 г.; 2. Князь Василий Дмитриевич выступает с московским войском в поход; во вратах града его встречает с крестами епископ Коломенский; 3. Митрополит Киприан призывает народ к усердной молитве об избавлении; 4. Князь Василий Дмитриевич совещается с боярами в походном шатре; митрополит Киприан (на его голове — нимб) благословляет идти во Владимир за иконой; 5. Митрополит Киприан с народом встречает Владимирскую икону на Кучковом поле близ Москвы (Сретение иконы); 6. Поставление иконы в Успенский собор Московского Кремля; 7. Взятие Темир-Аксаком города Ельца и пленение князя Елецкого; 8. Явление Богоматери Темир-Аксаку во сне; 9. Пробуждение от сна устранившегося Темир-Аксака; 10. Совет Темир-Аксака со своими воеводами; 11. Бегство Темир-Аксака в Орарь; 12. Возвращение князя Василия Дмитриевича с войском в Москву; благодарственный молебен в Успенском соборе перед чудотворной иконой Богоматери; 13. Напутствие Темир-Аксаком своего военачальника; 14. Мор в татарском стане Темир-Аксака; 15. Темир-Аксак осматривает свое «измершее» воинство; 16. Болезнь и лечение Темир-Аксака; 17. Оплакивание умершего Темир-Аксака; 18. Бегство и распад татарского войска.

он отметил их своеобразие, самостоятельное решение мастером некоторых композиций, не имеющих аналогий в Лицевом своде⁵⁸. Текст Сказания, вероятно, был хорошо известен и заказчику, и иконописцу. Из него они выбрали те сюжеты, которые прямо ассоциировались с военными событиями в приуральских землях Строгановых. Назидательный рассказ «в лицах» о поражении «злочестивых агарян» и гибели их предводителя Темир-Аксака в 1395 г. благодаря заступничеству Богородицы вдохновлял на борьбу с подобными им неверными язычниками XVII в., являлся своеобразным благодарственным приношением Божией Матери, прославлением Ее неизменного покровительства христианскому роду. Возможно, заказчик принимал участие и в художественном решении клейм. Черный фон, на котором вырисовываются яркие цветные шатры, многоглавые белые церкви и охряные горки, усиливает напряженный драматизм сюжетов, создает соответствующий эмоциональный настрой⁵⁹.

«Сретение чудотворной Владимирской иконы Богоматери» представлено в 5-м клейме (ил. 6). В центре композиции два священнослужителя держат на своих плечах икону, поддерживая ее руками. Слева от них, на фоне крепостной стены «града Москвы» с темным арочным проемом, стоит иерарх с нимбом на голове, простирая к иконе руки; за ним видны два иерея и толпа народа с красным выносным крестом. Слева, в некотором отдалении от центральной группы, на фоне горы («на поле»), — коленопреклоненные и припавшие к земле молящиеся люди, за ними — плотная толпа народа (видны только головы). Икона «Богоматерь Владимирская» нарисована относительно крупной, но она не выделена цветом и почти сливается с охряным фоном горы.

Изображение «Сретения» в этом клейме по иконографии близко одноименной иконе-пяднице, выполненной в конце XVI — начале XVII в. другим мастером «строгановской школы» — Семеном Бороздиным, вероятно, также по заказу «именитых людей Строгановых»⁶⁰. Мастер дал интересное творческое решение сюжета. В отличие от изображения в клейме рассмотренной выше иконы, здесь четко

⁵⁸ Гребенюк В.П. Икона Владимирской Богоматери... С. 123–126.

⁵⁹ Эта икона, как ни одна другая, раскрывает творческую роль Строгановых-заказчиков (см.: Власова О.М. Строгановские иконы в собрании Пермской государственной художественной галереи // Искусство строгановских мастеров: Каталог выставки. М., 1991. С. 85). По нашему мнению, она является оригинальным произведением, не имеющим какого-то конкретного образца, творением одного из самых известных иконописцев своего времени — «государева изографа» Никиты Савина, создавшего образ с чудесной победоносной историей «в соавторстве» с ее заказчиком — Н.Г. Строгановым.

⁶⁰ «Пречистому образу Твоему поклоняемся...». Образ Богоматери в произведениях из собрания Русского музея. СПб., 1994. Кат. 92. С. 162–163 (текст М. Федосеевой).

6. Богоматерь Владимирская, со сказанием в 18-ти клеймах. Икона. 1580-е гг. Мастер Истома Савин. Из церкви Похвалы Богоматери села Орла Усольского района. Поставление Никиты Григорьевича Строганова. Пермская государственная художественная галерея.

выделена главная идея произведения — прославление чудотворной Владимирской иконы Богоматери, ее торжественное молебное чествование священством, всенародное поклонение великой святыне (ил. 7). В соответствии с этой идеей композиция построена симметрично, акцент поставлен на чудотворном Владимирском образе, «стоящем на воздухе» — на охряном фоне горы и розовой крепостной стены — и занимающем центральное положение, формат нарисованной иконы квадратный. Силуэт Богоматери в вишнево-коричневом мафории выделяется на охряном (золотом) фоне Владимирской иконы, обведенной ярко-красной рамкой. К иконе подвешена розовая «парчовая» пелена с пышным золототканым растительным орнаментом. Два священнослужителя, представленные в симметричных позах, в белых фелонях с цветными подкладками, с орнаментальными оплечьями и свисающими лентами-орарями, в розовом (у левого) и сине-зеленом (у правого) подризниках, поддерживают возвышающуюся над их головами «невесомую, парящую» икону за углы подвесной пелены.

Слева от священнослужителя в розовом подризнике стоит митрополит с нимбом, с шапкой на голове, в роскошном узорчатом саккосе, он простирает руки к священнослужителю, повернувшему к нему слегка склоненную голову; в поднятой правой руке митрополита кадило. Рядом с митрополитом изображен иерарх в аналогичном узорчатом одеянии, в шапке; между их головами виден лик еще одного иерарха. За группой иерархов — плотные ряды москвичей, выходящих из черного арочного проема стены; они несут образ Богоматери Владимирской, укрепленный на тонком древке-развилке. Эта выносная Владимирская икона-список нарисована точно так же, как несомая священнослужителями чудотворная святыня, она отличается лишь меньшим размером и другим, удлиненным, форматом доски. За розовой стеной Москвы возвышается белый, с аркатурным поясом на фасаде, пятиглавый Успенский собор, справа от него — светло-зеленая палата. В правой части композиции, внизу за священнослужителем в сине-зеленом подризнике, — припадающие к земле, коленопреклоненные и стоящие люди, поклоняющиеся святыне и осеняющие себя крестным знамением; за ними плотные ряды идущих людей, от которых видны только лики и макушки голов. Эта группа, представленная на фоне горы, нарисована почти симметрично левой группе москвичей, выходящих из ворот города.

Для наиболее полного выражения идеи всенародного прославления великой святыни мастер совместил два сюжета — торжественный крестный ход с чудотворной «Богоматерью Владимирской», регулярно совершавшийся в дни ее празднования, и всенародное поклонение иконе в день ее исторической встречи за городом «на поле» 26 августа 1395 г., о котором так рассказывается в «Повести на Сретение Владимирской иконы»: *«И яко узреша пречюдный образ Богоматери...*

7. Сретение Владимирской иконы Богоматери в Москве.
Икона-пядница. Конец XVI — начало XVII в. Мастер Семен Бороздин.
Из коллекции С. Г. Строганова. ГРМ.

*вси падоша ницы на землю со многосугубными слезами, из глубины сердца воздыхающе и молящися прилежно*⁶¹.

Среди икон XVII в. «Богоматерь Владимирская, со Сказанием» одним из наиболее значительных и интересных произведений является двойной образ: икона-список «Богоматерь Владимирская», вставленная в раму с двадцатью шестью клеймами⁶² (ил. 8). Эта двойная икона была создана для кремлевской церкви Ризположения в 1642–1644 гг., вероятно, по заказу патриарха Иосифа⁶³. В клеймах рамы подробно проиллюстрированы основные сюжеты Повести XVI в. от написания иконы евангелистом Лукой (клеймо 1) до благодарственного молебна перед святыней в 1395 г. (клеймо 26). Составитель иконографической программы точно следовал тексту, за основу брал миниатюры лицевой Повести, но не копировал их, а давал свои творческие решения композиций.

В 20-м клейме представлено торжественное перенесение иконы из града Владимира в град Москву после совершения литургии на праздник Успения «*со кресты и со иконами и со свечами и с кадилы*». В 21-м клейме (ил. 9), отделенном от 20-го клейма тонкой белильной разгранкой и составляющем с ним единое целое, представлено «Сретение чудотворного образа на Москве» — его встречает «*преосвященным Киприяном митрополитом со всем освященным собором, со епископы и архимандриты и игумены и ереи и дяконы и со всем причьтом церковным, со кресты и со иконами...*». Справа из врат града Москвы выходит крестный ход с иконой Спаса. Возглавляющие процессию иерархии соединяются со священнослужителями, несущими икону Богоматери Владимирской, изображенной на

⁶¹ Цит. по: Гребенюк В.П. Икона Владимирской Богоматери... С. 198.

⁶² Музеи Московского Кремля, инв. № Ж-4 / 1–2. Размер средника 105 × 71 см, рамы — 180 × 132 см. Об иконе см.: Богоматерь Владимирская. К 600-летию Сретения иконы: Сб. материалов. Каталог выставки. М., 1995. Кат. 22. С. 120–121 (текст Е.Я. Осташенко); Христианские реликвии в Московском Кремле / Ред.-сост. А.М. Лидов. М., 2000. Кат. 81. С. 251–252 (описание Л.А. Щенниковой); Италия и московский двор. М., 2004. Кат. 87. С. 66 (текст Е.Я. Осташенко); Иконописцы царя Михаила Романова. М., 2007. Кат. 61. С. 152–153 (описание Е.Я. Осташенко); Смирнова Э.С. «Смотря на образ древних живописцев...». С. 159–161; Щенникова Л.А. Иконы Богоматери Владимирской в храмах Московского Кремля в XIV–XIX вв. // ГИКМЗ «Московский Кремль». Мат-лы и иссл. М., 2010. Вып. 20. С. 25–26. Ил. 12; Щенникова Л.А. Великая святыня России... С. 80–83. Ил. 37–40; Цицинова О.А. К истории иконостаса кремлевской ц. Ризположения // ГИКМЗ «Московский Кремль: Материалы и исследования. М., 2014. Вып. 24. С. 65. Ил. 8; Зыбалов Ю.М. Реконструкция иконостаса ц. Ризположения в 1965 г. // Там же. С. 252–263; Он же. О трех иконах из ц. Ризположения времени царствования первых Романовых // Там же. М., 2016. Вып. 26. С. 307–308. Ил. 3.

⁶³ Зыбалов Ю.М. О трех иконах... С. 307–308. Ил. 3.

8. Богоматерь Владимирская. В раме с клеймами сказания. 1642–1644.
Икона из церкви Ризположения. Музеи Московского Кремля.

9. Сретение чудотворного образа Богоматери в Москве. Клеймо 21.

фоне горок — «на поле». Внизу темно-зеленая лента реки Москвы. В клейме «Сретение» на раме иконы «Богоматерь Владимирская», как и в большинстве других клейм, в отличие от миниатюр лицевой Повести, главным «действующим лицом» является чудотворная Владимирская икона Богоматери. Ее изображение крупное, в большинстве клейм она занимает центральное положение. Образ нарисован

в полном соответствии с иконографией древней чудотворной иконы «Богоматерь Владимирская». Левая, обращенная к Младенцу Христу, рука Богоматери высоко поднята, пальцы касаются рукава Его одежды. Поля нарисованной иконы выделены красной рамкой (широкой опушкой), к образу подвешена большая ярко-красная пелена с золотым Голгофским крестом, с широкой зеленой каймой.

В XVII в. изображения Сретения иконы «Богоматерь Владимирская» получили значительное распространение. Но в большинстве из них представлено не описанное в Повести историческое событие, а торжественное шествие великой чудотворной Владимирской иконы Богоматери в Большом крестном «хождении», в котором принимали участие царь и патриарх, а из кремлевских храмов выносились хранившиеся там святыни⁶⁴. Во всех этих иконах об историческом Сретении напоминает лишь горный пейзаж, символизирующий «поле за городом», где в 1395 г. встречали принесенный из Владимира чудотворный Владимирский образ Богоматери.

Так, на крупной местной иконе из московской церкви Алексея Митрополита в Глинницах середины — второй половины XVII в.⁶⁵ на фоне розовой стены града Москвы и горного пейзажа в виде двух гор умбристо-зеленого и коричневого цветов изображена многолюдная толпа духовных и светских лиц в богатых одеждах (ил. 10). На первом плане слева, перед плотными рядами почитателей, возвышается большая икона «Богоматерь Владимирская» с подвесной пеленой, поддерживаемая за углы двумя священнослужителями. В правой части иконы выделяются фигуры духовного владыки и светского правителя с нимбами, молитвенно простирающие руки к чудотворному образу. Это уже не исторические изображения, согласно тексту Повести, митрополита Киприана и князя Владимира Андреевича (или великого князя Василия), а обобщенные, «собираательные» образы патриарха и царя, возглавлявших Большой крестный ход. Справа на фоне городской стены видны вынесенные из Кремля «Богоматерь Одигитрия», оглавный образ Спаса, крупный четырехконечный крест. Согласно Уставу XVII в., в Большое крестное «хождение» из Успенского собора выносили чудотворную Владимирскую икону Богоматери, ее праздничную пелену с Голгофским крестом, большой Корсунский крест, а из Вознесенского монастыря — чудотворную икону «Богоматерь Одигитрия». Изображенные на иконе святыни могут быть отождествлены с образами, упомянутыми в Уставе Большого крестного хода. Чудотворная икона

⁶⁴ Щенникова Л.А. Почитание святых икон в Московском Кремле в XIV–XVII столетиях // Искусство христианского мира: Сб. статей. М., 2000. Вып. 4. С. 161–163.

⁶⁵ Икона хранится в ГТГ. См.: Богоматерь Владимирская. К 600-летию Сретения. Кат. 28. С. 132–133.

10. Сретение Владимирской иконы Богоматери в Москве. Икона. Середина XVII в. Из церкви Алексея Митрополита в Глинцах в Москве. ГТГ.

11. Сретение Владимирской иконы Богоматери в Москве. Икона. Вторая половина XVII в. Музей «Новый Иерусалим».

«Богоматерь Владимирская» нарисована очень точно: левая рука Богородицы высоко поднята, пальцы касаются рукава одежды Младенца Христа; все детали тщательно выписаны, одежды покрыты золотым ассистом. Так же тщательно выписан золотом Голгофский крест с орудиями Страстей Христовых и буквенными обозначениями на темном фоне подвесной пелены, с широкой красной каймой, затканной густым золотым орнаментом. Главным изображением в этой иконе для создавшего ее мастера (и, вероятно, заказчика) была чудотворная Владимирская икона Богоматери, ее торжественное прославление в день праздника святыни, сопровождаемого Большим крестным ходом.

Мастер другой иконы второй половины XVII в. (ил. 11) представил Сретение чудотворного образа Богоматери Владимирской в виде

эпизода Большого крестного «хождения», во время которого процессия с древней чудотворной «Богоматерью Владимирской» останавливалась у Вознесенского монастыря, чтобы встретить другую кремлевскую святыню — выносимую из собора чудотворную икону «Одигитрию»⁶⁶. Встречу двух больших чудотворных образов Московского Кремля — «Богоматери Владимирской» и «Богоматери Одигитрии» — и запечатлел иконописец в своем произведении, возможно, вспомнив тот крестный ход, в котором он мог быть участником и свидетелем. Основная схема композиции традиционна для изображений Сретения Владимирской святыни: справа — красно-коричневая крепостная стена с белыми храмами внутри града Москвы; из широкого черного проема арки ворот выходит многолюдная толпа людей, возглавляемая патриархом с митрой на голове и царем с короной, их головы окружены золотыми нимбами. Вплотную к патриарху стоит священнослужитель с иконой «Богоматерь Одигитрия» в руках. Рядом с ним два других иерея держат икону «Богоматерь Владимирская». Обе иконы расположены на одном уровне, они почти одинакового размера («Одигитрия» чуть больше, что соответствует ее реальному соотношению с древней «Владимирской»), выделены широкими красными рамками. Патриарх кадит иконы. Иереи в белых фелонях; на первом плане, под иконой «Одигитрией», стоит отрок в белом стихаре, с горящей свечой на высоком постаменте в руках. Вверху на фоне, справа от иконы «Одигитрии», нарисованы выносной крест, рипиды и хоругвь с Голгофским крестом. Всю левую половину иконы, от верхнего поля до нижнего, занимает охряного цвета гора, сливающаяся с охряным цветом фона и выделяющаяся на нем лишь белильными линиями и штрихами, отмечающими склоны и уступы-лещадки, а также темными притенениями горных уступов. Этот пейзаж символизирует «поле за городом», где встречали святыню, но в данной композиции он воспринимается как условный фон. Впрочем, условность этого пейзажа характерна и для других изображения Сретения «Богоматери Владимирской» XVII в., в том числе и рассмотренных выше.

На некоторых иконах горный (полевой) пейзаж сцены Сретения Владимирской иконы превращался в чисто декоративный элемент, изображавшийся лишь по давно сложившейся традиции, во многом уже потерявшей свой первоначальный смысл. Такова крупная местная икона из Сольвычегодского музея (ил. 12), датированная в первой

⁶⁶ Икона хранится в музее «Новый Иерусалим». В «Сказании действенных чинов» начала XVII в., излагающем устав Большого крестного «хождения», указано, что, выйдя из Успенского собора, крестный ход останавливался у Вознесенского монастыря; архимандрит выходил с чудотворной «Одигитрией», ее встречали патриарх и царь, икону кадили и прикладывались к ней (Чиновники Московского Успенского собора и выходы патриарха Никона / Предисл. и указ. А.П. Голубцова. М., 1908. С. 185–186).

12. Сретение Владимирской иконы Богоматери в Москве. Икона. Середина XVII в. Сольвычегодский музей.

публикации серединой XVII в.⁶⁷ На ней представлен торжественный вневременной молебен перед Владимирской иконой Богородицы, стоящей под трехлопастной аркой внутри трехглавого храма; его нарядная узорчатая архитектура с многочисленными закомарами и трехчастными арочками, с прямоугольными решетчатыми окнами с красным обрамлением, осеняет Владимирский образ подобно роскошной сени или навершию киота. Икона Богородицы очень крупная, тщательно выписанная, ее поля украшены мелким орнаментом; первоначально головы окружал серебряный венец (остались следы его крепления). Под иконой висит большая, в размер чудотворного образа, красная «парчовая» узорчатая пелена с выполненным золотом Голгофским крестом и соответствующими надписями в круге, с кистями по нижнему краю. По сторонам иконы плотные ряды предстоящих светских и духовных лиц; в нижнем ряду слева — царь с короной на голове, справа — патриарх с митрой, с закрытой книгой в руках; их головы окружены нимбами; на первом плане, под пеленой иконы, — группа отроков.

В верхней части композиции, за главами храма и примыкающего к нему слева одноглавого придела, красная крепостная стена. Фон справа от храма заполнен декоративным изображением горы с черной расселиной внизу. На фоне горы видны иконы «Богородица Знамение» и «Спас Нерукотворный» на тонких древках, носимые как хоругви, с развевающимися лентами. В условной вневременной композиции сольвычегодской иконы, вероятно, нашли отражение некоторые исторические реалии. Изображение новгородской святыни, возможно, восходит к образу, созданному в Великом Новгороде в последней четверти XVI в. — после того как древняя чудотворная икона, принесенная сюда из Москвы в 1572 г. вместе с государевым двором Иоанна IV, неоднократно участвовала в «крестном хождении» по городу вместе с новгородской иконой Богородицы «Знамение»⁶⁸. На боковых полях образа «Сретения» представлены ростовые фигуры апостола Петра, вселенских и московских святителей, преподобного Сергия Радонежского, великомучеников Георгия и Димитрия, а также преподобного Феодора Сикеота (возможно, соименного святого заказчика иконы)⁶⁹, нарисованные в киотах; они также участвуют в прославлении чудотворной Владимирской иконы, вечно длящемся торжественном молебне.

⁶⁷ Иконы Строгановских вотчин... Кат. 64. С. 70, 188.

⁶⁸ См.: *Шенникова Л.А.* Культ иконы Богородицы «Владимирской» в Великом Новгороде // *Новгородский исторический сборник.* СПб., 2003. Вып. 9 (19). С. 290–315.

⁶⁹ На левом поле (сверху вниз): апостол Петр, святители Петр Митрополит, Иона Митрополит, преподобный Сергий Радонежский; на правом поле: святители Афанасий Александрийский, Кирилл Александрийский, великомученики Георгий и Димитрий, преподобный Феодор Сикеот (Иконы Строгановских вотчин... Кат. 64. С. 70).

13. Сретение Владимирской иконы Богоматери в Москве. Икона. Середина XVII в. Из церкви Сретения Владимирской иконы Богоматери в суздальском монастыре во имя Свяtitеля Василия Великого. Владимиро-Суздальский музей-заповедник.

Иконы Сретения чудотворного Владимирского образа Богоматери XVII в. отличались оригинальным творческим решением, в них соединялись особенности изображений сюжета Сретения, изложенного в Повести и проиллюстрированного в Лицевом летописном своде,

и Большого крестного хода; при этом представленные в иконах участники события иногда занимали в сцене не то место, которое им отводилось в рассказе о Сретении святыни. Так, на храмовом образе (ил. 13) Сретенской церкви в древнем суздальском Васильевском монастыре⁷⁰ справа возвышается розовая крепостная стена града Москвы, за которой виден трехглавый белый храм (Успенский собор). Из широкой проездной арки выходит многолюдный крестный ход, возглавляемый духовным владыкой (митрополитом или патриархом) в зеленом, с крестами, саккосе и белом омофоре, с митрой на голове; он кадит икону Богоматери Владимирской. По сторонам от него стоят отроки в белых одеждах, с горящими свечами в руках. Владыку сопровождают духовные лица — все в белых одеждах, при этом у некоторых на головах черные монашеские клобуки. Они несут оплечный образ Спаса (напоминающий чтимые образы Христа в Успенском соборе), Евангелие и погрудный образ Божией Матери с Младенцем, вызывающий ассоциации с чудотворной иконой Богородицы «письма митрополита Петра», в XVII в. неизменно выносимой во все крестные ходы Успенского собора. В левой части иконы, на фоне темно-зеленой горы с мелкими белильными лещадками, представлена монолитная группа светских лиц в ярких одеждах, очерченная сверху белильной линией, отмечающей край горы. Эту группу возглавляет князь (или царь) с шапкой на голове. В отличие от других икон Сретения, митрополит и князь без нимбов. В центре иконы — два иерея (или дьякона) в белых стихарях с золотыми орнаментальными накладками, они держат в руках чудотворную икону «Богоматерь Владимирская». Их фигуры примыкают к изображениям духовных лиц в аналогичных белых одеждах, выходящих с иконой Спаса из Кремля.

Мастер, создавший эту икону, не имел ясного представления об изображаемом историческом событии. Видимо, в его распоряжении были разные иконографические образцы, которые он использовал в соответствии со своими художественными представлениями. Поэтому встречающий святыню великий князь оказался в левой группе, в которой должны были быть показаны духовные лица, пришедшие с иконой из Владимира. Последние, в свою очередь, оказались в правой группе встречающих святыню духовных лиц и слились с ней в единое цветное пятно (все в белых одеждах). Чудотворная икона отличается от икон Спаса и Богоматери, вынесенных из града Москвы, лишь несколько большим размером и иконографией образа. В этой сцене она не воспринимается главной, великой святыней, но, напротив, как бы примыкает к ряду кремлевских икон: все три образа выделены красными рамками. Иконописца, видимо, интересовало не столько

⁷⁰ Иконы Владимира и Суздаля. М., 2008. 2-е изд. Кат. 84. С. 412–415 (текст Л.А. Щенниковой).

историческое содержание сюжета, которое ему следовало воплотить в своем произведении, сколько художественное воспроизведение многолюдной сцены с двумя противопоставленными группами лиц: духовными в правой группе, в белых одеяниях, и светских, в левой группе, в ярких красных и зеленых платьях. Вероятно, именно поэтому возникло столь своеобразное изображение Сретения Владимирской иконы Богоматери.

На основе рассмотренных произведений можно сделать следующие выводы. Иконописный сюжет «Сретение Владимирской иконы Богоматери в Москве в 1395 г.» возник, вероятно, во второй четверти — середине XVI в., что могло быть связано с включением Второй Пахомиевской редакции Повести о Сретении в Софийский (на август месяц) список ВМЧ, датируемый ок. 1538 г. Во второй половине XVI в. он получил значительное распространение: изображался на иконах-пялницах, на больших местных иконах, включался в состав христологических и Богородичных праздников на полях икон «Рождество Богоматери» и «Богоматерь Владимирская», а также в многосюжетные произведения. В XVII в. изображения Сретения Владимирской иконы стали многочисленными, при общей иконографической схеме они отличались композиционным разнообразием и своеобразием деталей. Иконописцы по-разному расставляли смысловые акценты в своих художественных произведениях. В миниатюре лицевого Сказания 1570-х гг. и на некоторых иконах главным действующим лицом является митрополит Киприан. В других изображениях наглядно выражена идея прославления святыни, при этом либо подчеркнута всенародное чествование чудотворного образа, либо главным героем является сама икона «Богоматерь Владимирская», торжественно несомая священнослужителями. В иконах XVII столетия заметен отход от иллюстрирования текста Сказания, сюжет Сретения чудотворного образа в 1395 г. превращается в изображение Большого крестного хода, совершаемого в дни празднования святыни, иконописные образы наполняются конкретными историческими реалиями (встреча двух чудотворных икон «Богоматерь Владимирская» и «Богоматерь Одигитрия» у Вознесенского монастыря в Кремле, появление новгородской святыни «Знамение Богоматери»). Историческое место события — «поле за градом Москвой» — становится условным, декоративным фоном. В некоторых иконах (храмовый образ Василиевского монастыря в Суздале) мастера не иллюстрируют сюжет Повести и не изображают Большой крестный ход XVII в., но дают чисто художественное решение многолюдной сцены. Рассмотренные произведения не исчерпывают всего разнообразия подобных изображений. Новые находки одноименных икон могут дать новые примеры творческого подхода к изображению исторического сюжета «Сретение Владимирской иконы Богоматери в Москве в 1395 г.»

Историческая память о временах Первого Болгарского царства в памятниках болгарской книжности XV–XVI вв.

DOI 10.31168/91674-485-5.20

Проблема исторической памяти как одного из компонентов коллективной памяти, соотношения между памятью и историей получила широкое освещение в научной литературе и остается актуальной до сих пор. Начиная с середины 1920-х гг. она является предметом исследования не только профессиональных историков, но и философов, социологов, политологов и культурологов¹. Усилиями ученых разных специальностей было вы-

Приношу глубокую благодарность ведущему научному сотруднику Отдела истории средних веков Института славяноведения РАН А.А. Турилову за неоценимую помощь при подготовке данной статьи.

Статья написана в рамках работы над проектом программы Президиума РАН «Этнические, конфессиональные, социокультурные компоненты идентичности славянских народов в Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европе: от раннего Нового времени до наших дней».

¹ См, например: *Ассман Я.* Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. М., 2004 (= *Assmann J.* Das kulturelle Gedächtnis. Schrift, Erinnerung und politische Identität in frühen Hochkulturen, С.Н. Beck. München, 1992); *Ле Гофф Ж.* История и память. М., 2013 (= *Le Goff J.* Histoire et mémoire. Paris, 1988); *Нора П., Озуф М., Пюиже, де Ж., Винок М.* Франция-память. СПб., 1999 (= *Les Lieux de mémoire*. Т. 1. La République. Paris, 1984; Т. 2. La Nation. Paris, 1986; Т. 3. Les France. Paris, 1992); *Феномен прошлого.* М., 2005; *Репина Л.П.* Культурная память и проблемы историописания (историографические заметки). М., 2003; *Хальбвакс М.* Социальные рамки памяти. М., 2007 (= *Halbwachs M.* Les Cadres sociaux de la mémoire. Paris, 1925) и др.

работано общее понимание феномена исторической памяти, которая рассматривается как «совокупность относительно устойчиво сохраняемых на протяжении двух или более поколений знаний и представлений о коллективном прошлом определенного социума»².

В последние десятилетия феномен исторической памяти и особенно ее социальные функции активно изучаются в русле болгарской медиевистики³ и отечественной исторической болгаристики⁴. Это связано, прежде всего, с особенностями исторического развития болгарских земель, длительное время входивших в состав как Византийской, так и Османской империй. Именно историческая память о своем прошлом во времена как византийского, так и османского владычества позволила населению болгарских земель сохранить идентичность и дважды возродить собственную независимую государственность. Однако в отличие от эпохи византийского господства, когда христианская Болгария оказалась «под одним ярмом» с единоверными подданными Византийской империи, включение болгарских земель в Османскую империю проходило на фоне поиска способов взаимодействия местного православного населения с завоевателями-мусульманами.

Стремясь обратить население подконтрольных им болгарских земель против католической Европы, османские султаны XV в. предпочитали придерживаться принципа веротерпимости. Тем не менее их политика по отношению к болгарской церкви носила двойственный характер. С одной стороны, уже в первой половине XV в. усилиями османских властей тырновская кафедра превращается из патриархии в подчиненную константинопольскому патриарху митрополию и приобретает отчетливо греческий «облик»⁵. С другой стороны, в начале XV в. обозначается заметное усиление и территориальное расширение

² Мельникова Е.А. Предисловие // Древнейшие государства Восточной Европы. 2001 г. Историческая память и формы ее воплощения. М., 2003. С. 3; Варьяш О.И. Право и историческая память // Там же. С. 158–159.

³ См., например: Вачкова В. Белите полета в българската културна памет. София, 2010; Каймакамова М. Власт и история в средновековна България (VII–XIV вв.). София, 2011; Она же. Ролята на Асеневици за формирането на българската историческа памет в края на XII — средата на XIII в. // Великите Асеневици. Велико Търново, 2016. С. 60–69.

⁴ См., например: Польшванний Д.И. Царь Петр в исторической памяти болгарского Средневековья // Средновековният българин и «другите». Сборник в чест на 60-годишнината на проф. дин П. Ангелов. София, 2013. С. 137–145; Она же. К изучению средневекового болгарского историописания // Българско средновековие: общество, власт, история. Сборник в чест на проф. д-р М. Каймакамова. София, 2013. С. 252–261.

⁵ Подробнее см.: Тодорова О. Православната църква и българите (XV–XVIII в.). София, 1997. С. 32–67.

автокефальной Охридской архиепископии, значение которой в XVI в. возрастает настолько, что на короткий период (с 1532 по 1557 г., т. е. до воссоздания Печской патриархии) она получает право управления всеми сербскими епархиями⁶. Рост амбиций Охрида в начале XV в. хорошо иллюстрирует тот факт, что не позднее 1433 г. на славянский язык был переведен «Завет Первой Юстинианы», хрисовул Михаила VIII Палеолога, адресованный Охридской кафедре, что должно было подкрепить притязания Охридского диоцеза на относившиеся к бывшей Тырновской патриархии Видинскую и Софийскую епархии⁷.

Именно во владения Охридской архиепископии стекаются уцелевшие представители Тырновской книжной школы и их ученики, где они вступают в тесное взаимодействие с сербской литературно-книжной традицией, вплоть до использования сербской ресавской орфографии.

В то же время старая болгарская столица Тырново, «дискредитировавшая» себя в глазах султанов непримиримой борьбой с завоевателями и в особенности активным участием тырновского митрополита Игнатия в Ферраро-Флорентийском соборе и подписанием унии, в XV в. подвергается последовательной и целенаправленной религиозно-политической дискриминации⁸. Повышенное внимание османских властей к юго-западным болгарским землям было продиктовано и экономическими интересами молодой империи, желавшей извлечь максимальные выгоды из металлургических разработок в Скопско-Кумановской области и русле реки Рилы, а также рудных месторождений в районе Скопска Црна Гора, что на первых порах было невозможно без привлечения на свою сторону местной балканской знати⁹. В глазах последней христианское благочестие становится «сословным преимуществом», а на фоне массовых разрушений монастырей и перехода значительной части населения в ислам подвиги святых отшельников и связанные с ними места символизируют христианское православное единение на Балканах¹⁰.

Этот процесс находит свое отражение в возобновлении деятельности Рильского монастыря в период между 1451 и 1460 гг. тремя братьями Иоасафом, Давидом и Феофаном из села Граница Кюстен-

⁶ Там же. С. 67–68.

⁷ *Селищев А.М.* Завет Первой Юстинианы // *Македонски преглед.* 1934. Г. IX. Кн. 2. С. 10–11.

⁸ *Ждраков З.* Пренасянето на мощите на св. Иван Рилски през 1469 г. в светлината на историческите събития // *Българският петнадесети век. Сборник с доклади за българската обща и културна история през XV век.* София, 1993. С. 86.

⁹ *Добрев И.* Иван Рилски. Linz, 2007. С. 149–152.

¹⁰ Там же. С. 154–155.

дильской области¹¹ и одобренном султанским ферманом перенесении в 1469 г. из Тырново через Софию в Рильский монастырь мощей благочестивого отшельника Х в. Иоанна Рильского, при активном содействии мачехи султана Мехмеда II, дочери деспота Георгия Бранковича, Марии (Мары) Бранкович, чья резиденция Ежево располагалась в относительной близости от монастыря¹². Несмотря на то, что еще до этого события память о святом подвижнике и покровителе династии Асений характеризуется относительной устойчивостью (о чем свидетельствует, например, включение Жития св. Иоанна Рильского Евфимия Тырновского в Панегирик дьяка Андрея 1425 г.¹³, Службы св. Иоанну Рильскому в Скопском минее 1451 г.¹⁴, появление списков так называемого Народного (безымянного) жития святого¹⁵, широкое распространение переводного жития Иоанна Рильского, написанного Георгием Скилицей¹⁶), с 1469 г. книжная традиция, связанная со святым отшельником, переживает подлинный расцвет. Одновременно с этим процессом не позднее первой четверти XV в. распространяется восприятие св. Иоанна и как заступника сербского народа, как явствующего из заключительной части его Проложного жития¹⁷.

Подвижничеству св. Иоанна Рильского и судьбе его мощей посвящают свои произведения выдающиеся книжники XV в.: насельник Жеглиговского монастыря Пресвятой Богородицы Владислав Грамматик¹⁸ и представитель славянизированной ветви некогда влиятельного

¹¹ Ангелов Б., Данчев Г., Кожухаров С., Петков Г. Димитър Кантакузин. Събрани съчинения. София, 1989. С. 39; Дуйчев И. Рилският светец и неговата обител. София, 1947. С. 278–287.

¹² Там же. С. 287–296. Подробнее о Марии Бранкович и ее роли в развитии православных славянских земель в XV в. см.: Поповић М. Мара Бранковић. Жена између хришћанског и исламског културног круга у 15. веку. Нови Сад, 2014. С. 207–252.

¹³ Пандурски В. Панегирикт на дяк Андрей от 1425 г. // Тырновска книжовна школа. 1371–1971. София, 1974. С. 225.

¹⁴ Иванов Й. Български старини из Македония. София, 1970. С. 345–358.

¹⁵ Янкова В. За двата преписа на «Народното житие на св. Иван Рилски» от XV век // Българският петнадесети век... С. 155.

¹⁶ Ангелов Б. Ст. Из историята на старобългарската и възрожденската литература. София, 1977. С. 56.

¹⁷ Ангелов Б. Ст. Старобългарско книжовно наследство. София, 1983. Т. I. С. 190.

¹⁸ Ангушева А., Атанасова Д., Бояджиев А., Гагова Н., Димитрова М., Йовчева М., Милтенова А. и др. История на българската средновековна литература. София, 2008. С. 635–641; Петканова Д. Старобългарска литература (IX–XVIII век). София, 1997. С. 557–566.

византийского рода Кантакузинов, Димитрий¹⁹, занимавший, по всей видимости, какой-то важный административный пост в юго-западных болгарских землях и, кроме того, связанный родственными узами с Марией Бранкович²⁰. По заказу игумена Рильского монастыря Феофана Владислав Грамматик составляет Рильскую повесть как продолжение Жития Евфимия Тырновского, подробно описывающую судьбу мощей св. Иоанна Рильского²¹, а Димитрий Кантакузин — Житие святого с малой похвалой²² и Службу²³ святому, включенную в 1479 г. вместе с Рильской повестью в так наз. Рильский панегирик (или Рильский сборник), составленный Владиславом Грамматиком. В него же наряду с произведениями последних входят также жития, поучения и беседы виднейших представителей Тырновской книжной школы XIV в.: Григория Цамблака, Иоасафа Бдинского и др., а также помещается Пространное житие Иоанна Рильского Евфимия Тырновского²⁴.

Именно Пространное житие Евфимия Тырновского берет за основу для своего Жития Димитрий Кантакузин, заимствуя оттуда сведения о родном для св. Иоанна «Средецком граде, одном из известных с древних времен»²⁵, обстоятельствах его подвижничества и желаний некоего «царя» (очевидно, имеется в виду Петр I (927–969), сюжет, впервые появившийся в Народном житии Иоанна Рильского, где Петр именуется не только «святым царем», но и «братом» св. Иоанна²⁶)

¹⁹ Ангушева А., Атанасова Д., Бояджиев А., Гагова Н., Димитрова М., Йовчева М., Милтенова А. и др. История на българската средновековна литература... С. 642–646; Петканова Д. Старобългарска литература (IX–XVIII век)... С. 566–576.

²⁰ Ангелов Б., Данчев Г., Кожухаров С., Петков Г. Димитър Кантакузин. Събрани съчинения... С. 31–32.

²¹ Данчев Г. Владислав Грамматик. Книжовник и писател. София, 1969. С. 90–118.

²² Ангелов Б., Данчев Г., Кожухаров С., Петков Г. Димитър Кантакузин. Събрани съчинения... С. 26–43.

²³ Там же. С. 58–71.

²⁴ Христова Б. Опис на ръкописите на Владислав Грамматик. Велико Търново, 1996. С. 64–109.

²⁵ Ангелов Б., Данчев Г., Кожухаров С., Петков Г. Димитър Кантакузин. Събрани съчинения... С. 29.

²⁶ Народное житие на Иван Рилски // Стара българска литература. София, 1986. Т. 4. Житиеписни творби. С. 127–130.

Подробнее о самом памятнике и посвященных ему исследованиях см.: Чешмеджиев Д., Турилов А.А., Орецкая И.А. Иоанн Рильский // Православная энциклопедия. М., 2010. Т. 24. С. 585–598 [доступно 10.09.2017: <http://www.pravenc.ru/text/471475.html>]; Панайотов В. За «Народното» житие на св. Иван Рилски // Преславска книжовна школа. Шумен, 1999. Т. 4. С. 75–99.

посетить благочестивого отшельника, об этом же упоминается и в его Службе, согласно которой св. Иоанн «царского видения и собеседования отрекл»²⁷.

Дальнейшее развитие книжной традиции, связанной с культом св. Иоанна Рильского, выражается в составлении Владиславом Грамматиком вместе со своим учеником Мардарием Рильским²⁸ Рильского сборника 1483 г., также содержавшего Житие Иоанна Рильского авторства патриарха Евфимия Тырновского. В XVI в. благоприятные экономические условия, предоставленные Рильскому монастырю со стороны османских властей, способствуют дальнейшей активной деятельности местных книжников и переписчиков, о чем свидетельствуют списки как Евфимиева Жития святого, так и сочинений Владислава Грамматика и Димитрия Кантакузина²⁹. В то же время почитание св. Иоанна демонстрируют и другие монастыри Юго-Западной Болгарии (как, например, Успенский монастырь на р. Струме и Слепченский), в рукописном наследии которых также зафиксировано почитание рильского отшельника³⁰. В XVI в. цикл об Иоанне Рильском неоднократно редактируется и дополняется новыми произведениями, на базе составленной Димитрием Кантакузином Службы св. Иоанну Рильскому складывается новая Рильская гимнографическая школа³¹. Новый импульс к развитию рукописной традиции, связанной с св. Иоанном Рильским, должно было придать и установление связей между Рильским монастырем и Россией, начало которому было положено в царствование Ивана IV Грозного и продолжилось и при его сыне Федоре Ивановиче³².

Итак, после восстановления Рильской обители и торжественного перенесения туда мощей св. Иоанна Рильского из Тырново культ благочестивого отшельника получает новое развитие: благодаря усилиям книжников и переписчиков Рильского монастыря регулярно обновляется Житие авторства Евфимия Тырновского, появляются новые сочинения, посвященные подвижнику, складывается Рильская гимнографическая школа, под началом Владислава Грамматика и Мардария

²⁷ Ангелов Б., Данчев Г., Кожухаров С., Петков Г. Димитър Кантакузин. Събрани съчинения... С. 63.

²⁸ Петканова Д. Старобългарска литература (IX–XVIII век)... С. 576–577.

²⁹ Дуйчев И. Рилският светец и неговата обител... С. 310; Петканова Д. Старобългарска литература (IX–XVIII век)... С. 541.

³⁰ Дуйчев И. Рилският светец и неговата обител... С. 311–314; Ангушева А., Атанасова Д., Бояджиев А., Гагова Н., Димитрова М., Йовчева М., Милтенова А. и др. История на българската средновековна литература... С. 698.

³¹ Петканова Д. Старобългарска литература (IX–XVIII век)... С. 577.

³² Дуйчев И. Рилският светец и неговата обител... С. 314–315.

Рильского в юго-западных болгарских землях формируется поколение талантливых книжников. Вместе с сохранением исторической памяти о самом св. Иоанне в памятниках книжности XV–XVI вв. постоянно присутствуют связанные с жизнеописанием святого мотивы: упоминания о Средеце как родном городе св. Иоанна и его несостоявшейся встрече с царем Петром. Мотив несостоявшейся встречи подвижника с царем в силу его частотности в более ранних Житиях, очевидно, был хорошо знаком аудитории, прежде всего по Житию Евфимия Тырновского, и именно этим можно объяснить тот факт, что в Житии и Службе Димитрия Кантакузина из Рильского панегирика этот персонаж присутствует лишь как безымянный «царь»³³. Возможно также, что и само обстоятельство несостоявшейся встречи не было для авторов этого периода столь же значимым, как судьба его чудотворных реликвий и нерушимая связь с древним Средецем (а не Тырново, например), воспетым еще Евфимием Тырновским как «один из славных и замечательных городов»³⁴.

Исключительное положение Средеца (Софии) как столицы Румелийского бейлербеяства со второй половины XV в. и его экономическое благосостояние способствовали не только расцвету книжной традиции в окружающих его многочисленных монастырях (Драгалевском, Лозенском, Кокалянском, Кремиковском, Сеславском и др.)³⁵, но и пристальному интересу книжников к его историческому прошлому. Очевидно, в XV в. все еще был актуален и «апокрифический» образ Средеца, фигурирующий в «Сказании Исаяевом» в сербском списке из монастыря Николяц (совр. Черногория) второй четверти XV в. как исключительное место, центр великих битв перед концом света³⁶. К христианской «ипостаси» Сердики/Средеца/Софии обращается в своем Житии Николы Нового, дошедшем в списке 1564 г., выдающийся представитель Софийской книжной школы Матвей Грамматик³⁷.

³³ Ангелов Б., Данчев Г., Кожухаров С., Петков Г. Димитър Кантакузин. Събрания сччинения... С. 33, 63.

³⁴ Иванов Й. Български старини из Македония... С. 371.

³⁵ Подробнее см.: Милтенова А. Тенденции към стабилизиране на книжовния процес през XVI век // Българският шестнадесети век. Сборник с доклади от конференцията, посветена на българската обща и културна история през XVI в. София, 1996. С. 265–274; Петканова Д. Старобългарска литература (IX–XVIII век)... С. 542.

³⁶ Милтенова А., Каймакамова М. Неизвестно старобългарско летописно съчинение от XI век // Palaeobulgarica/Старобългаристика. 1983. Т. VII. № 4. С. 68–69.

³⁷ Подробнее об авторе и составленном им «Житии» см.: Буюклиева А. Житие на Николай Нови Софийски от Матей Грамматик в контекста на житийната традиция. София, 2008. С. 5–53; Петканова Д. Старобългарска литература (IX–XVIII век)... С. 584–589.

Выражая восхищение «одному из знаменитых больших городов», равного которому, по его мнению, «нет во всей Македонии»³⁸, автор подробно освещает связанные с его историей факты: проведение Сардикийского Собора, мученичество св. Ферапонта Софийского — и прославляет «великого среди постников святого и преподобного... отца Ивана... как цвет, выросшего в вышеупомянутом месте и жившего в нем»³⁹. За кратким описанием подвижничества Иоанна Рильского следует подробное восхваление чудесных свойств его мощей, которые «помогают не только верным, но и неверным и язычникам, изобличая их неверие»⁴⁰.

Таким образом, память о св. Иоанне Рильском в XV–XVI вв. получает новый импульс, прежде всего благодаря политическим и экономическим реалиям своего времени. Усилиями книжников юго-западных болгарских земель сохраняются и продолжают традиции Тырновской книжной школы, связанные с почитанием святого. В то же время «исторический» контекст жизненного пути отшельника, очевидно, мало интересовал и самих книжников, и их аудиторию: в центре их повествования — не конкретный человек, живший в определенную эпоху, а широко почитаемый подвижник, родившийся в «столичной» Средецкой земле и достигший такой святости, что лицедреть ее было отказано даже «царю».

Не меньшей устойчивостью в XV–XVI вв. характеризуется и память о свв. равноапостольных Кирилле и Мефодии. На фоне разрушения крупнейших центров книжности Второго Болгарского царства, бегства ее представителей к западные болгарские и сербские земли и приобщения болгарских книжников к ресавской орфографии сохранение общеславянской православной традиции через Слово становится главной задачей уцелевших представителей Тырновской книжной школы и их учеников⁴¹. В связи с этим особую ценность в их глазах обретает объединяющее все православные славянские народы дело «солунских братьев», в лице которых они находят высочайший образец для подражания. Характерным примером такого отношения к деятельности равноапостольных братьев служит составленное между

³⁸ Стара българска литература: В 7 т. София, 1986. Т. 4. Житиеписни творби. С. 314.

³⁹ Там же. С. 316–317.

⁴⁰ Там же. С. 317.

⁴¹ Подробнее об этих процессах см.: *Турилов А.А.* Исследования по славянскому и сербскому средневековью. Београд, 2014. С. 479–490; *Ангушева А., Атанасова Д., Бояджиев А., Гагова Н., Димитрова М., Йовчева М., Милтенова А. и др.* История на българската средновековна литература... С. 617–622; *Дроснева Е.* Поглед към българското историческо познание през XV век // *Българският петнадесети век...* С. 27–38.

1424 и 1426 гг. «Сказание о письменах» уроженца болгарского Костенца и воспитанника Тырновской книжной школы, одним из первых использовавшего ресавскую орфографию, Константина Костенецкого⁴². Выказывая безусловное почтение свв. равноапостольным Кириллу и Мефодию, именуя их «дивными мужами»⁴³, «великими в слове»⁴⁴, «великими в разуме»⁴⁵, книжник не ограничивает их миссию задачами конкретной страны и категорически отрицает возможность перевода ими Священных писаний на «дебелейший» болгарский язык, вместо которого они, согласно автору, избрали русский, включающий в себя достоинства всех славянских языков⁴⁶.

Впоследствии переложение «Сказания» Константина, «Словеса вкратце»⁴⁷, получает широкое распространение как в юго-западных болгарских землях, так и в афонской традиции, о чем свидетельствует как минимум три списка «Словес» болгарского происхождения XVI в.: Охридский (Первый Виссарионов) 1547 г., Второй Виссарионов и Хилендарский список XVI в.⁴⁸

Параллельно с развитием представления об общеславянском характере деятельности свв. Кирилла и Мефодия продолжает набирать обороты процесс «болгаризации» дела «солунских братьев»⁴⁹. Так, в молдавском списке «Краткого жития («успения») Кирилла», датированном Б. Ангеловым 1437 г., св. Константин-Кирилл именуется «родом сыном болгаринном», впоследствии крестившим болгар на реке Брегалнице (совр. бывшая югославская Республика Македония) («шед в Брегалницу») и «написав им «книги словенским языком»⁵⁰.

⁴² Подробнее о нем и его произведении см.: *Лукин П.Е.* Письмена и православие. Москва, 2001. С. 30–70; *Ангушева А., Атанасова Д., Бояджиев А., Гагова Н., Димитрова М., Йовчева М., Милтенова А. и др.* История на българската средновековна литература... С. 647–651.

⁴³ *Кувев К., Петков Г.* Събрани съчинения на Константин Костенечки. Изследване и текст. София, 1986. С. 100. Л. 10а.

⁴⁴ Там же. С. 137. Л. 28б.

⁴⁵ Там же. С. 117. Л. 18б.

⁴⁶ Там же. С. 100. Л. 10а.

⁴⁷ Там же. С. 290–300.

⁴⁸ *Ангелов Б.Ст.* Старобългарско книжовно наследство... С. 84–87.

⁴⁹ Подробнее о «болгаризации» кирилло-мефодиевской миссии см.: *Чешимеджиев Д.* Къс въпроса за състоянието на Кирило-Методиевата идея през XV век // *Българският петнадесети век...* С. 129–136.

⁵⁰ *Ангелов Б.Ст.* Из старата българска, руска и сръбска литература. София, 1958. С. 38–39.

В одном из старших списков «Краткого жития Кирилла» в составе праздничной Минеи начала XV в. (сербской или западноболгарской по происхождению) из Самокова (София, БАН, № 23) этот пассаж отсутствует⁵¹, однако восприятие св. Константина как покровителя Болгарской земли отражается в употреблении переписчиком более позднего времени формулы XIII в.: «Его же молитвами да утвердит Господь Бог Царство Болгарское во веки веком»⁵². Эта же фраза фигурирует и в единственном списке жития патриарха Иоакима I (1235–1246) в составе той же рукописи⁵³. Само по себе включение «Краткого жития Кирилла» в Службу Константину-Кириллу как проложного чтения является довольно архаической чертой⁵⁴ и свидетельствует о консервативности болгарской рукописной традиции XV в.

Как покровитель Болгарской земли, очевидно, воспринимается в это время и св. Мефодий, что явствует из «параллельного» «Краткому житию Кирилла» «Успения Мефодия» в сербском списке 1560 г. не дошедшего до нас среднеболгарского извода XIII в.⁵⁵, в котором равноапостольному Мефодию также приписывается болгарское происхождение («родом сын болгарин»⁵⁶).

«Болгаризированное» представление о миссии св. Кирилла присутствует и в Дриновском списке XVI в. Синодика царя Борила, согласно которому св. Кирилл переложил «Божественное писание от греческого языка на болгарский» и просветил «болгарский род»⁵⁷. Память о св. Кирилле, «учителе болгарском», зафиксирована и в «Часословце» 1566 г.⁵⁸,

⁵¹ Лист с началом «Жития» вырван, см.: *Кодов Х.* Опис на славянските ръкописи в библиотеката на Българската Академия на Науките. София, 1969. С. 47.

⁵² Там же. Л. 175а–175б.

⁵³ *Моллов Т.* Мит — епос — история. Старобългарските историко-апокалиптични сказания (992–1092–1492). Варна, 2002 [доступно 10.09.2017: <http://liternet.bg/publish/tmollov/mei/1.htm>].

⁵⁴ *Степанов Цв.* В очакване на Края: европейски измерения, ок. 950 — ок. 1200 г. София, 2016. С. 206.

⁵⁵ Подробнее о памятнике см.: *Иванова К.* Успение Методиево // *Palaeobulgarica/ Старобългаристика.* 1999. Т. XXIII. № 4. С. 7–24; *Иванова К.* Успение Методиево // *Кирило-Методиевска енциклопедия.* София, 2003. Т. IV. С. 231–233.

⁵⁶ *Иванова К.* Успение Методиево // *Palaeobulgarica...* С. 22.

⁵⁷ *Божилев И., Тотоманова А., Билярски И.* Борилов Синодик. Издание и превод. София, 2010. С. 150, 202а.

⁵⁸ *Атанасов П.* Яков Крайков. Книжовник. Издател. График. XVI в. София, 1980. С. 72; *Цибранска-Костова М.* Сборникът «Различни потреби» на Яков Крайков между Венеция и Балканите през XVI век. София, 2013. С. 76, 96–97.

составленном первым болгарским книгопечатником, жившим в Венеции, Яковом Крайковым⁵⁹. Очевидно, была востребована и апокрифическая версия истории создания славянской азбуки, о чем свидетельствует присутствие так называемой «Солунской легенды» в составе «Тиквешского» сборника второй половины XV в.⁶⁰

Согласно «Солунской легенде», св. Кириллу, находившемуся в Александрии, является Божье знамение: голос из алтаря призывает его «идти в обширную землю к славянским народам, называемым болгарями», чтобы крестить их и «дать им закон»⁶¹. В поисках «болгарской земли» Кирилл попадает в Фессалонику, где впервые слышит болгарскую речь, от которой «устрашися» его сердце, так что был он «яко в аде и тьме»⁶². Вскоре по Божьей воле св. Кирилл забывает родной греческий и начинает понимать болгарский язык, и в это время, прослышав о его местонахождении, болгарская армия во главе с «князем Десимиром Моравским, Радивоем, князем Преславским и всеми болгарскими князьями» осаждает город⁶³. Сдавшись на уговоры врага, местные жители выдают св. Кирилла, после чего болгары увозят его в свои земли, где в «городе Равен на реке Брегалнице» св. Кирилл и создает буквы⁶⁴.

Наряду с характерными для «болгарской» версии кирилло-мефодиевской миссии мотивами крещения болгар на реке Брегалнице и причастности св. Кирилла к болгарскому народу либо по рождению, либо благодаря владению языком, «Солунская легенда» содержит в себе фольклорные мотивы. Так, устами фессалоникийского митрополита Иоанна болгары именуются «человекоядцами», хотят «извести» св. Кирилла, их язык «устрашает» так, будто пребываешь «в аде и тьме»⁶⁵,

⁵⁹ Подробнее о нем см.: *Атанасов П.* Яков Крайков. Книжовник. Издател... С. 60–65; *Цибранска-Костова М.* Сборникът «Различни потреби» на Яков Крайков между Венеция и Балканите през XVI век... С. 25–37.

⁶⁰ Подробнее о сборнике см.: *Илиева Л., Петков П., Перчеклийски Л.* Средновековни български новели. Тиквешки сборник. Текст и изследвания. Благоевград, 2010. С. 2–12. Об исследовании Солунской легенды и ее датировке см.: *Ангелов Б. Ст.* Из старата българска, руска и сръбска литература. София, 1967. Кн. II. С. 44–62; *Каймакова М.* Солунската легенда като извор за идейните настроения на българите в края на XII век // Изследвания в памет на проф. д-р Георги Бакалов (1943–2012). София, 2017. С. 284–304.

⁶¹ *Иванов Й.* Български старини из Македония... С. 282.

⁶² Там же.

⁶³ Там же. С. 283.

⁶⁴ Там же.

⁶⁵ Там же. С. 282.

и т.д. Согласно М. Каймакамовой, фольклорные черты и пророческие интонации, а также помещение легенды в «Тиквешский» сборник с другими апокрифическими произведениями позволяют отнести «Солунскую легенду» к средневековым болгарским историко-апокалиптическим сочинениям⁶⁶.

Пробуждая ассоциации и аллюзии на реалии османской эпохи, списки средневековых историко-апокалиптических сочинений должны были пользоваться широкой популярностью у завоеванного болгарского населения, особенно в обстановке эсхатологических ожиданий в 1492 г.⁶⁷ Однако единственный имеющийся в распоряжении историков памятник, свидетельствующий об интересе болгарских книжников к литературе подобного рода, относится к гораздо более позднему периоду. Речь идет о Кичевском сборнике, по-видимому, сербского происхождения, составление которого датируется рубежом XVI — началом XVII в.⁶⁸ Содержащаяся в сборнике «Болгарская апокрифическая летопись» свидетельствует не только о тесной связи с болгарской книжной традицией Македонии⁶⁹, но и о том, что апокрифы, не дойдя до нас в собственно болгарских списках, имели широкое распространение в южнославянских землях и сохранили свою актуальность в первые века османского владычества.

В сербском списке последней четверти XV в. известен и упоминавшийся выше апокриф, находящийся в рукописном сборнике № 52 (39) из монастыря Николяц (совр. Черногория) и датирующийся второй половиной XI в.⁷⁰

Как известно, «историческое» содержание апокрифических произведений традиционно связывается с перечнем представленных в

⁶⁶ *Каймакамова М.* Солунската легенда като извор за идейните настроения на българите в края на XII век... С. 286, 291–292.

⁶⁷ О широком распространении пророческой и апокалиптической книжности в XV–XVI вв. см.: *Милтенова А.* Историческите събития през XV век и съставът на Балканските кирилски ръкописи // *Българският петнадесети век...* С. 137–142. Об аллюзиях апокрифических произведений на османские реалии см.: *Цибранска-Костова М.* Етюди върху Кирилската палеотипия (XV–XVIII век). София, 2007. С. 57.

⁶⁸ Подробнее о датировке, истории списка и этнической принадлежности ее автора см.: *Турилов А.А.* Межславянские культурные связи эпохи Средневековья и источниковедение истории и культуры славян. Этюды и характеристики. М., 2012. С. 504.

⁶⁹ Там же. С. 511.

⁷⁰ *Милтенова А., Каймакамова М.* Неизвестно старобългарско летописно съчинение от XI век... С. 52, 68.

нем болгарских персонажей, часть которых исследователи пытались отождествить с реально существовавшими героями и правителями дохристианской и средневековой Болгарии: Бориса с Борисом-Михаилом I (852–889), Симеона с Симеоном I Великим (893–927), Петра с Петром I (927–969), Моисея, Аарона, Самуила — с братьями Комитопулами (997–1018)⁷¹, Гагена-Одоленя — с Петром Деляном (1040–1041)⁷² и т.д. В то же время в этих сочинениях представлены и вовсе не идентифицируемые персонажи: Арев, Тургий и т.д.⁷³ Споры вызывает и укоренившееся в болгарской историографии отождествление царя Испора с ханом Аспарухом⁷⁴, разнообразные гипотезы сложились вокруг толкования имени первого (согласно «Болгарской апокрифической летописи») болгарского правителя — Слава⁷⁵.

Очевидно, что, как отметил Д.И. Польшванный, попытки некоторых исследователей читать апокрифические произведения, прежде всего «Болгарскую апокрифическую летопись», «как своеобразный ребус, автор которого намеренно зашифровал в апокрифических образах известную ему по письменным источникам историю Первого Болгарского царства, представляется некорректными»⁷⁶. О неправомерности «экзегетического подхода» к «Болгарской апокрифической летописи» писал и С.А. Иванов⁷⁷, характеризуя ее лишь как

⁷¹ Подробнее о возможных идентификациях персонажей Болгарской апокрифической летописи см.: *Тъпкова-Заимова В., Милтенова А.* Историко-апокалиптичната книжнина във Византия и в средновековна България. София, 1996. С. 203–206.

⁷² *Милтенова А., Каймакамова М.* Неизвестно старобългарско летописно съчинение от XI век... С. 63–65.

⁷³ *Тъпкова-Заимова В., Милтенова А.* Историко-апокалиптичната книжнина... С. 206.

⁷⁴ *Турилов А.А.* К объяснению одного темного места в «Болгарской апокрифической летописи»: почему «детищ» царь Испор был «ношен три леты»? // Средновековният човек и неговият свят: Сборник в чест на 70-та годишнина на К. Попконстантинов. Велико Търново, 2014. С. 813–816; *Степанов Цв.* В очакване на Края... С. 237–251; *Тъпкова-Заимова В., Милтенова А.* Историко-апокалиптичната книжнина във Византия и в средновековна България... С. 203.

⁷⁵ См., например: *Калоянов А.* Българското шаманство. София, 1995. С. 113; *Степанов Цв.* В очакване на Края... С. 237–251; *Тъпкова-Заимова В., Милтенова А.* Коментар // Историко-апокалиптичната книжнина във Византия и в средновековна България... С. 203.

⁷⁶ *Польшванный Д.И.* Культурное своеобразие средневековой Болгарии в контексте византийско-славянской общности IX–XV веков. Иваново, 2000. С. 117.

⁷⁷ *Иванов С.А.* «Болгарская апокрифическая летопись» как памятник этнического самосознания болгар // Развитие этнического самосознания славянских народов в эпоху зрелого феодализма. М., 1989. С. 71.

«изложение истории», свидетельство об особенностях коллективной памяти, самосознания болгар, в то же время отражающее их эсхатологические настроения в конце XI в.⁷⁸

Именно в этом ключе в последнее время апокрифические памятники активно изучаются усилиями болгарских культурологов, филологов и фольклористов. Так, «Болгарская апокрифическая летопись» исследуется прежде всего как «квазиисторическое летописное произведение»⁷⁹, апокалиптическое сочинение в ожидании конца света⁸⁰, к которому неприменимы общепринятые критерии «историчности»: хронологическая последовательность, причинно-следственные связи, а зафиксированная в ней память носит циклический и «мифопоэтический» характер⁸¹.

Характерным примером «мифопоэтичности» образов представленных в «Болгарской апокрифической летописи» правителей могут служить развернутые и полные описания Бориса, Симеона и Петра. Первый «был благочестив и благоверен» и «крестил болгарскую землю и создал церкви по болгарской земле, и на реке Брегалнице; и здесь, приняв царство, в Овчем поле создал белые церкви. И пошел в Добрич и там завершил жизнь свою. И царствовал шестнадцать лет, не имея ни греха, ни жены. И царство его было благословенно, и почил с миром в Господе»⁸². Второй «брал дань со всей своей земли, по всем областям царства своего — лишь по одной кудели и ложке масла, и по одному яйцу в год; такова была дань ему с его земли и его людей, и ничего другого не хотел он. И было изобилие великое в те времена при этом царе Симеоне»⁸³. Наконец, царь Петр характеризуется как «святой... царь болгарский, муж святой и праведный отнюдь... Был [он] царем болгар, а еще и греков. И царствовал в земле Болгарской 12 лет, не имея ни греха, ни жены, и было благословенно царствование его. Ибо тогда, в дни и годы святого Петра царя болгарского, было изобилие всего, сиречь пшеницы и масла, меда, молока и вина, и все дарами Божиими грелось и кипело, и не было оскудения ни в чем, но были сытость и изобилие во всем,

⁷⁸ Там же. С. 71–72, 75–76.

⁷⁹ Моллов Т. Мит — епос — история. Старобългарските историко-апокалиптични сказания (992–1092–1492). Варна, 2002 [доступно 10.09.2017: <http://liternet.bg/publish/tmollov/mei/1.htm>].

⁸⁰ Степанов Цв. В очакване на Края... С. 206.

⁸¹ Моллов Т. Мит — епос — история...

⁸² Тъпкова-Заимова В., Милтенова А. Историко-апокалиптичната книжнина във Византия и в средновековна България... С. 196.

⁸³ Там же.

пока изволил Господь»⁸⁴. Отчетливо героизированный облик имеет и «Гаген Одолень» из «Сказания Исайтева»: «кроток и храбр и ратник», победитель «измаилтян», храбро павший в бою с «насылниками с запада»⁸⁵. В то же время в «Болгарской апокрифической летописи» «Гаган по прозвищу Оделян» изображается не столько как воин, сколько как правитель «царства болгарского и греческого» и создатель болгарских городов⁸⁶.

Несмотря на полулегендарный характер описаний героев и правителей в болгарских апокрифических произведениях, по-видимому, лишь они и отрывочные сведения из помянников типа Синодика царя Борила давали болгарскому населению XVI в. представление об их средневековом прошлом. Так, в Синодике фигурируют Борис, «первый царь болгарский, нареченный во святем крещении Михаил», который привел «болгарский род к богоразумию святым крещением», Симеон, «сын его», Петр, «царь святой», внук его Пленемир, Борис, Роман, Самуил, Гавриил Радомир, Владимир, Владислав, Мария, «древняя царица болгарская»⁸⁷.

Упоминание о царях Борисе I и Симеоне I зафиксировано и в единственном южнославянском⁸⁸ списке «Чуда о кресте и болгарине» из сборника-конволюта, происходящего из Охрида, в части, датируемой первой четвертью XV в.⁸⁹ Так, царь Борис-Михаил «иже силою Христовою», «победы крестным оружием», «вельми непокоривы род българскы» «светом благоразумия просвети» и «в правоверную христову веру приведе», «създа црквы и монастыре и поставы епископы и игумены и попы»⁹⁰. Затем упоминается его сын «Владимир князь сын его первый», однако «благословение Божие и Михаиле» было

⁸⁴ Цит. по: *Полывянный Д.И.* Царь Петр в исторической памяти болгарского Средневековья... С. 143. Текст см.: *Тълкова-Заимова В., Милтенова А.* Историко-апокалиптичната книжнина във Византия и в средновековна България... С. 196.

⁸⁵ *Милтенова А., Каймакамова М.* Неизвестно старобългарско летописно съчинение от XI век... С. 69–70.

⁸⁶ *Тълкова-Заимова В., Милтенова А.* Историко-апокалиптичната книжнина във Византия и в средновековна България... С. 198.

⁸⁷ *Божилев И., Тотоманова А., Билярски И.* Борилев Синодик... С. 149–150. С. 2016–202а.

⁸⁸ Х. Кодов предполагает, что список может иметь западноболгарское или юго-западноболгарское происхождение, см.: *Кодов Х.* Опис на славянските ръкописи в библиотеката на Българската Академия на Науките... С. 145.

⁸⁹ Там же. С. 143–144. Л. 355а–358а.

⁹⁰ Там же. С. 143.

«на Симеоне», который «прее стол съгнав брат»⁹¹ и одержал победу над венграми, благодаря заступничеству св. Георгия⁹².

Краткие сведения о правителях Первого Болгарского царства можно найти и в афонской традиции XVI в. Близкий к Синодику царя Борила список правителей зафиксирован в Зографском помяннике 1502 г.: из правителей Первого Болгарского царства в нем упомянуты Борис, Симеон, Петр, Борис, Роман⁹³. Заслуживает внимания пренебрежение автора к хронологическому порядку правления «приснопамятных царей» Второго и Первого Болгарского царства, которое, видимо, не имеет для него первостепенного значения, характеризуя ценность и древность утерянных вещей в целом. Подобная «внеисторичность» наблюдается и в «Повести о разорении латинянами афонских православных монастырей в 1280 г. (Повесть о Ксиропотамском монастыре)», где в качестве некоего общего исторического фона фигурирует самое общее упоминание о независимом Болгарском государстве: «тогда посуху царствовали болгары и был им царствующий град Тырнов, в нем же и патриарх вселенский был тогда»⁹⁴. В «Сводной Зографской грамоте» XVI в. в качестве создателей монастыря св. Георгия фигурируют три брата: Моисей, Арон, Иоанн Селима, которых исследователи традиционно отождествляют с братьями Комитопулами. Отдельно в грамоте отмечается Селима, отождествляемый с царем Самуилом, который «храбр был словом и делом»⁹⁵. Имена Петра, «святого царя», и Симеона фигурируют и во втором списке «Рассказа о Зографских мучениках» (последнее десятилетие XIII — начало XIV в.) (рукопись № 2226–2246) из собрания монастыря Драгомирна (совр. Румыния) молдавского происхождения XVI — начала XVII в.⁹⁶, широко известного и популярного, по авторитетному мнению А. Милтеновой, в славянских и особенно болгарских землях в этот период и более позднее время⁹⁷.

Отрывочность имеющихся сведений показывает, что афонская традиция XVI в. фиксировала память о болгарских правителях лишь в связи

⁹¹ Там же.

⁹² Там же. С. 144.

⁹³ *Иванов Й.* Български старини из Македония... С. 489.

⁹⁴ Повесть о разорении латинянами афонских православных монастырей в 1280 г. // Иван Вишенский. Сочинения. Подготовка текста, статья и комментарии И.П. Еремина. М.; Л., 1955. С. 334.

⁹⁵ *Иванов Й.* Български старини из Македония... С. 540.

⁹⁶ *Милтенова А.* Непроучен препис на Разказа за Зографските мъченици // Сребърният век: нови открития. София, 2016. С. 236.

⁹⁷ Там же. С. 235.

с их ролью в судьбе самих монастырей и, по-видимому, была актуальна лишь для зографских монахов, поскольку представленные памятники не имели распространения в собственно болгарских землях. Тем не менее зографская традиция также свидетельствует об устойчивости памяти о ряде правителей Первого Болгарского царства, фигурирующих как в Болгарской апокрифической летописи, так и (за некоторыми исключениями) в Синодике царя Борила: крестившем Болгарию Борисе-Михаиле, царе Симеоне, Комитопулах и, прежде всего, о праведном царе Петре.

Популярность образа последнего как в средневековой истории Болгарии, так и в эпоху раннего Нового времени давно стала предметом специальных исследований⁹⁸. Именно к царю Петру (наряду с Самуилом) демонстрирует уважение в своих грамотах Василий II Болгаробойца (976–1025)⁹⁹, к авторитету царя Петра апеллирует и царь Калоян в знаменитой переписке с папой Римским, добиваясь признания своего государства: «В качестве любимого сына мы хотим от матери нашей, Римской церкви, царскую корону и достоинство, какое имели наши древние цари. Как мы находим записанным в наших книгах, одним из них был Петр, другим Самуил, и другие, что царствовали перед ними»¹⁰⁰. Использование имени Петра предводителями крупнейших болгарских антивизантийских восстаний XI в. дало болгарской исследовательнице М. Каймакамовой основание вести речь о существовании некоей «традиционной идеологии болгарских освободительных восстаний», в которой имя болгарского святого царя «исполняло своеобразную роль “*rex perpetuum*”»¹⁰¹. Согласно Д.И. Польшванному, «историческая память о болгарском царе Петре не была цельной и непрерывной, она складывалась из нескольких устойчивых тенденций (обоснование легитимности Болгарского царства, праведность и благочестие при жизни, посмертная святость <...>), которые актуализировались в определенные эпохи в зависимости от их общественно-политических особенностей»¹⁰².

⁹⁸ См., например: *Биярски И.* Покровители на Царството. Св. цар Петър и св. Параскева-Петка. София, 2004; *Биярски И., Йовчева М.* За датата на Успението на цар Петър и за култа към него // Тангра. Сборник в чест на 70-годишнината на акад. Васил Гюзелев. София, 2006. С. 543–557; *Чешимеджиев Д.* Няколко бележки за култа към цар Петър I (927–965) // Християнската традиция и царската институция в българската култура. Шумен, 2003. С. 23–37 и др.

⁹⁹ *Иванов Й.* Български старини из Македония... С. 556.

¹⁰⁰ *Innocentii III papae et Caloiannus regis* // Латински извори за българската история. София, 1965. Т. 3. С. 310.

¹⁰¹ *Каймакамова М.* Власт и история в средновековна България... С. 223.

¹⁰² *Польшванний Д.И.* Царь Петр в исторической памяти болгарского Средневековья... С. 145.

Как бы то ни было, память о царе Петре теснейшим образом связана с древней столицей Первого Болгарского царства Преславом: так, в сербской (дуклянской) исторической традиции сохранились сведения о кончине «императора болгар по имени Петр, который сидел в городе Великом Преславе»¹⁰³. В общей службе св. Петру и св. Клименту Римскому Преслав также фигурирует как прежде всего город Петра («утверждение граду твоему Преславу»¹⁰⁴). Именно Преслав переходит под управление старшего из основателей Второго Болгарского царства, Петра, на правах «Петровой земли» и упоминается у Георгия Акрополита как «Петрова хора»¹⁰⁵.

Отдельного внимания заслуживает другая смысловая связь — между образами царя Петра и царя Константина, зафиксированная в Болгарской апокрифической летописи¹⁰⁶: «И тогда во времена св. Петра, царя болгарского, оказалась в земле Болгарской одна женщина, вдовица, молодая и мудрая, и очень праведная, именем Елена... Елена бежала в Визу, город ромейских эллинов, понеже была беременна, и там родила царя Константина. И явился тому ангел Господень и благовестил ему о Честном Кресте на востоке. И любили друг друга царь Петр и царь Константин»¹⁰⁷. Это указание болгарской «Апокрифической летописи» далеко не случайно: император Константин — единственный канонизированный император-святой, а царь Петр — единственный болгарский святой-царь, о полноценном развитии культа которого можно говорить с полной уверенностью¹⁰⁸. По мнению И. Билярского и Д. Чешмеджиева, благодаря этой связи в болгарской книжной традиции (и, по-видимому, в сознании болгар) царь Петр выступал не только как первый легитимный правитель, признанный Византией, но как, прежде всего, «новый Константин», «обновитель

¹⁰³ *Annales anonymi presbyteri de Dioclea* // Латински извори за българската история. София, 1965. Т. 3. С. 172.

¹⁰⁴ Цит. по: *Польвянный Д.И.* Царь Петр в исторической памяти болгарского Средневековья... С. 142.

¹⁰⁵ *Georgius Acropolita. Opera / Rec. A. Heisenberg. Ed. anni 1903* (= *Bibliotheca scriptorum graecorum et romanorum Teubneriana. Vol. 1*). Stutgardiae, 1978. P. 20.

¹⁰⁶ *Тъпкова-Заимова В., Милтенова А.* Историко-апокалиптичната книжнина във Византия и в средновековна България... С. 205.

¹⁰⁷ Там же. С. 196.

¹⁰⁸ Подробнее об уподоблении царя Петра Константину Великому см.: *Бадаланова-Покровская Ф., Плюханова М.* Средневековая символика власти в Slavia Orthodoxa // *Годишник на Софийския университет «Св. Климент Охридски»*. Факултет по славянски филологии. Литературознание. 1993 (1996). Кн. 2. Т. 86. С. 105–106.

царства»¹⁰⁹. Этой связью с Константином Великим объясняются и «римские следы» в почитании царя Петра: согласно «Апокрифической летописи», пока Константин пребывал в поисках Честного Креста, «пришли какие-то насильники как исполины и погубили Болгарскую землю по морю, и Петр, царь болгарский, муж праведный, оставил царство и бежал на запад в Рим и там окончил свою жизнь»¹¹⁰.

Очевидно, обе эти смысловые связи Петр — Преслав и Петр — Константин — Рим, к XVI в. довольно прочно вошли в сознание читающей болгарской аудитории, о чем свидетельствует приписка, помещенная ранее упомянутым первым болгарским первопечатником из Венеции, Яковом Крайковым, в конце составленного им сборника «Различных потребий» 1572 г., сообщающая, что «сей извод» Яков обрел в книгах Петра, «царя болгарского, иже беше тому настолни град велики Преслав и умрет в велики Рим»¹¹¹. По мнению М. Цибранской-Костовой, эта приписка могла как свидетельствовать о том, что Яков Крайков действительно располагал какими-то рукописями времен Первого Болгарского царства, так и быть своего рода «спекуляцией» на популярности образа царя Петра и созвучии имени правителя с именем апостола Петра и образом Рима как «города св. Петра», т. е. «рекламным трюком» для его потенциальных читателей¹¹².

Итак, историческая память о временах Первого Болгарского царства в памятниках болгарской книжности XV–XVI вв. была сопряжена прежде всего с церковной южнославянской традицией и исключительно активной деятельностью монастырей под юрисдикцией Охридской архиепископии, в то время как Тырновская кафедра, утратив статус патриархии, подпадает под сильное греческое влияние Константинополя и никакой роли в сохранении исторической

¹⁰⁹ Подробнее см.: *Билярски И.* Покровители на Царството. Св. цар Петър и св. Параскева-Петка... С. 25–42; *Чешмеджиев Д.* Българската държавна традиция в апокрифите: цар Петър в Българския апокрифен летопис от XI–XII в. // Българско Средновековие: общество, власт, история. Сборник в чест на проф., д-р Милияна Каймакамова. София, 2013. С. 262–271; *Он же.* Няколко бележки за култа към цар Петър I (927–965) // Християнската традиция и царската институция в българската култура... С. 23–37.

¹¹⁰ *Тъпкова-Заимова В., Милтенова А.* Историко-апокалиптичната книжнина... С. 197.

¹¹¹ *Атанасов П.* Яков Крайков. Книжовник. Издател. График. XVI в. ... С. 138; *Цибранска-Костова М.* Сборникът «Различни потреби» на Яков Крайков между Венеция и Балканите през XVI век... С. 128–129.

¹¹² Подробнее о версиях относительно появления этой приписки в сборнике Якова Крайкова см.: *Цибранска-Костова М.* Етюди върху Кирилската палеотипия (XV–XVIII век)... С. 39, 55; *Она же.* Сборникът «Различни потреби» на Яков Крайков между Венеция и Балканите през XVI век... С. 113–116.

традиции не играет. Необходимо также отметить, что болгарская историческая мысль и связанная с ней рукописная традиция в предшествующую Османскому завоеванию эпоху характеризуется плохой сохранностью, почти полным отсутствием собственных летописей на фоне переводных византийских хроник вследствие тесной вовлеченности в византийскую историю, отсутствием житий правителей¹¹³. Свою лепту в утрату ряда компонентов исторической памяти вносит и массовая гибель изображений правителей на фресках, переправка лицевых рукописей с миниатюрами, где были представлены члены царской семьи, в частности Четвероевангелия царя Ивана Александра, за пределы страны¹¹⁴.

Таким образом, в XV–XVI вв. историческая память населения завоеванных османами болгарских земель фактически свелась к трем компонентам: развитию культа св. Иоанна Рильского в связи с сохранением и распространением посвященных ему церковно-богослужебных текстов и перенесением его мощей из Тырново в Рильский монастырь; продолжению традиции почитания свв. равноапостольных Кирилла и Мефодия как общеславянских православных святых и, наконец, вниманию к отдельным правителям Первого Болгарского царства: Борису I, Симеону, Петру, братьям Комитопулам (и прежде всего Самуилу) — почитавшимся как в русле официальной церкви, так и в рамках народного христианства. Все три темы, тесным образом связанные с православной традицией, выполняли «этносохраняющие» функции и, очевидно, были проявлением «конфессионализации автостереотипа» православных болгар в мусульманском османском окружении¹¹⁵.

¹¹³ Подробнее о характере болгарского средневекового историописания и состоянии болгарской исторической мысли см.: *Польвянный Д.И.* К изучению средневекового болгарского историописания // *Българско средновековие: общество, власт, история...* С. 252–261; *Гюзелев В.* Апология на Средновековието // *Гюзелев В.* Съчинения в пет тома. София, 2013. Т. 1. С. 142–144.

¹¹⁴ Этими наблюдениями я обязана А.А. Турилову, за что приношу ему глубокую благодарность.

¹¹⁵ Подробнее об особенностях этнического самосознания болгар и происходящих в нем изменениях в XV–XVI вв. см.: *Литаврин Г.Г., Макарова И.Ф.* Этническое самосознание болгар в конце XIV начале XVI в. // *Этническое самосознание славян в XV столетии.* М., 1995. С. 191–215.

Откуда родом «полоцкая» Кормчая?

DOI 10.31168/91674-483-5.21

Церковное право в Великом княжестве Литовском, используемые в этих землях книги, их значение и степень востребованности по-прежнему остаются малоизученной темой, несмотря на пристальное внимание, которое уделяется Кормчим книгам в последние годы. Одна из наиболее необычных канонических книг, составление которой связано с деятельностью киевских митрополитов, неизменно обращает на себя внимание¹; однако это внимание связано исключительно с дополнительными статьями канонической книги, в то время как источники, обстоятельства и время создания самой Кормчей остаются неисследованными. Не меньшим вниманием пользуется другая каноническая компиляция, справедливо названная Л.В. Мошковой Западнорусской и замечательная тем, что включила в себя цикл поучений киевских митрополитов². Однако главные связанные с ней вопросы: обстоя-

¹ *Щапов Я.Н.* Восточнославянские и южнославянские рукописные книги в собраниях Польской Народной Республики. М., 1976. Т. 1. С. 136–154; *Миккульский Ю.Н.* Кормчая книга XV в. из коллекции графов Тарновских: к истории архива западнорусских митрополитов // *Беларуская даўніна. Studia et Fontes.* Мінск, 2016. Вып. 3. С. 57–68.

² *Мошкова Л.В.* Западнорусская Кормчая особого состава // *Хризограф.* М., 2005. Вып. 2. С. 231–240; Каталог славяно-русских рукописных книг XVI века, хранящихся в РГАДА. М., 2006. Вып. 1: Апостол — Кормчая. С. 318–379, 443–455; *Белякова Е.В.* Поучения киевских митрополитов как источник по истории образования духовенства // *Europa Orientalis. Studia z dziejów Europy Wschodniej i Państw Bałtyckich.* Т. 6. Р. 133–153; *Белякова Е.В.* Циклы поучений священникам в Кормчих Западнорусской редакции // *Slavistica Vilnensis.* 2016. No. 61. С. 187–255.

тельства включения в каноническую книгу наставлений священству о духовнической практике (поучений, далеких от церковного права), очевидно, еще требуют дополнительного исследования.

В ряду иных канонических книг, связанных происхождением или историей бытования с Великим княжеством Литовским или пограничными с Московским княжеством территориями, рукопись, хранящаяся в Харьковском историческом музее (инв. 21129)³, сравнительно мало известна⁴. Я.Н. Щапов отнес ее к так называемому Вольнскому изводу Кормчей книги⁵, восходящему к рукописи, переписанной в 1286 г. для владими́ро-волинского князя Владимира Васильковича. Список 1286 г. не сохранился, а его немногочисленные копии датируются концом XV — XVII в.⁶ Харьковский список среди них один из наиболее ранних, а оставленные в книге записи полууставом первой половины XVI в. говорят о том, что рукопись уже на раннем этапе была вложена в полоцкий монастырь Иоанна Предтечи на Острове. Это заставляло исследователей считать кодекс «полоцким», предполагая происхождение книги из этих же земель.

Между тем история этой книги гораздо богаче, чем можно думать, опираясь только на вкладную запись о подношении Кормчей полоцкого монастырю. Изучение рукописи показало, что она состоит из двух

³ Искренне благодарю Викторину Витальевну Булычеву (Харьковский исторический музей) за содействие в исследовании рукописи.

⁴ Рукопись кратко характеризуется в исследованиях: *Абрамович Д.И.* Несколько слов о рукописных и старопечатных собраниях Вольнской епархии, с приложением отрывка из «Церковного устава» князя Ярослава // *Христианское чтение*. СПб., 1903. № 7. С. 114; Древнерусские княжеские уставы XI–XV вв. / Изд. подг. Я.Н. Щапов. М., 1976. С. 69; *Турилов А.А.* Южнославянские памятники в литературе и книжности Литовской и Московской Руси XV — первой половины XVI в.: парадоксы истории и географии культурных связей // *Славянский альманах 2000*. М., 2001. С. 265–266. Прим. 8; *Варонін В. А.* «Книга Светого Софея» (да гісторыі полацкіх кніжных збораў XV–XVI стст.) // *Беларускі гістарычны часопіс*. 2007. № 3. С. 46–51; *Морозова Н.А.* Предварительный список рукописей, принадлежавших библиотеке Жировичского монастыря // *Славянская письменность Великого княжества Литовского: Характерные черты и специфические особенности*. Сб. ст. Вильнюс, 2014. № 57. С. 223; *Белякова Е.В., Мошкова Л.В., Опарина Т.А.* Кормчая книга: от рукописной традиции к первому печатному изданию. М.; СПб., 2017. С. 85–86; а также упоминается в: Предварительный список славяно-русских рукописных книг XV в., хранящихся в СССР (Для Сводного каталога рукописных книг, хранящихся в СССР) / Сост. А.А. Турилов. М., 1986. № 1969.

⁵ *Щапов Я.Н.* Византийское и южнославянское правовое наследие на Руси в XI–XIII вв. М., 1978. С. 270–271.

⁶ Румыния, библиотека Арадского епископства, фонд монастыря Hodoş-Bodrog, ms. 19 (кон. XV в.); Украина, Харьковский исторический музей, инв. 21129 (XV в.); РНБ, Погод. 234 (кон. XVI в.); РГБ, Рум. 235 (нач. XVII в.).

частей; наиболее ранняя из них датируется серединой XV в.⁷ К этому времени относится первая половина Кормчей; начальные листы и вторая половина книги утрачены. Кормчая была написана одним почерком, типологически сходным с севернорусскими почерками. Одним из наиболее близких аналогов, относящимся к тому же времени, являются листы из псковской Кормчей (ГПНТБ СО РАН, Тих. 536/539, л. 143а–153г, 289а–295г)⁸, написанные характерным мелким неровным и угловатым почерком, напоминающим скорее почерка грамот, чем каллиграфичное книжное письмо, с далеко вынесенными косыми хвостами букв и литерой **ч** расщепом. Те же особенности в почерке мы находим в Кормчей книге из Харьковского исторического музея: мелкие теснящиеся строки, как будто писец стремится уместить текст, не задаваясь вопросом о пропорциях листа, сильно варьирующееся число строк (от 30 до 42), угловатые буквы, далеко вынесенный хвост литеры **ѷ**, литера **ч** расщепом.

Наблюдения над почерком подтверждаются исследованием языка Кормчей книги. Для ранней части Кормчей характерно последовательное написание литеры **ѷ** через **Ѹ**, что для второй трети XV в. является архаизмом. Подобное написание известно нам по уже упомянутым листам псковской Кормчей, датированной второй четвертью XV в. (в более поздних частях той же псковской Кормчей, относящихся к третьей четверти XV в. и нач. XVI в., фиксируется исключительно буква **ѷ**); немного более ранняя параллель — рукопись РНБ, Ф.П.119 (Кормчая книга первой четверти XV в.). Подобное написание дольше всего бытовало в севернорусских и новгородско-псковских землях, сохранявших архаику в графике письма и в оформлении книг. К 1420-м гг. относится деятельность кирилло-белозерских книжников Серапиона и Мартинаиана, которые также писали литеру **ѷ** через **Ѹ**. К середине XV столетия относятся новгородские рукописи РНБ, Соф. 1129 и БАН, Арх. Д. 2, основные писцы которых сохраняли ту же графическую особенность в написании буквы **ѷ**.

⁷ ХИМ. Инв. 21129. Л. 4–172. Филигрань: Монограмма др под крестом, близко: рукопись БАН, Целепи 39 (1450-е гг.); сходно: *Шубаев М.А.* Рукописи Кирилло-Белозерского монастыря XV века. Историко-кодинологическое исследование. М.; СПб., 2013. № 356, 357 (1450-е гг.); *Шварц Е.М.* Новгородские рукописи XV века: кодикологическое исследование рукописей Софийско-Новгородского собрания Государственной Публичной библиотеки им. М.Е. Салтыкова-Щедрина. М.; Л., 1989. № 77 (1450-е гг., дефектный знак); вид: *Briquet Ch.* Les Filigranes dictionnaire historique des Marques du papier des leur apparition vers 1282 jusqu'en 1600. Amsterdam, 1968. № 9745 (1451 г.), 9771 (1448 г.).

⁸ *Корогодина М.В.* Церковное управление в Пскове и канонические сборники XV в. // Псков, русские земли и Восточная Европа в XV–XVII вв.: К 500-летию вхождения Пскова в состав единого Русского государства: Сб. трудов международной научной конференции 19–21 мая 2010 г. Псков, 2011. С. 255–273.

В ранней части кодекса в языке мы находим новгородские черты, главной из которых является мена ц/ч: **бѣлчѣмъ** (9а); **сирѣць** (12а, 12г, 13в и др., наряду с **сирѣчь**); **ѡричаѣтса** (13г, 158а); **ѡ брачѣхъ** (17в); **на далець** (17г); **скопѣцства** (23б); **нѣччи** (27в, 166г); **мертвецинѹ** (31а); **цѣновьника** (33г); **цресъ** (34б); **не рчи** (34в); [п]рѣтца (34г); **на концинѹ** (159г); **мець** (161б); **сключениа** (162а); **дѣцьскїи** (164г, 165в); **крѣпцанши** (165г); **сичѣ** (166в, 167б); **сконцаниа** (170а, 170б, 170в); **по ѡлѹцении** (170г); **не воинница. но кѹпцана** (170в), и многие другие. Отдельно следует отметить частое использование ч в качестве выносной: **ѡ черноризѣ** (16в); **блѹдниѣ** (161г); **прелюбодѣиѣ** (165а) и другие, в то время как в другой позиции те же слова пишутся через ц.

Из особенностей орфографии необходимо отметить:

– последовательное употребление **оу** в начале слова и после гласной и **ѹ** после согласной, что характерно для новгородского диалекта в XV столетии⁹. Писец не использует графему **Ѹ**; единичные случаи ее употребления связаны с исправлением ошибочного написания **о** на **Ѹ**, например, в словах **содѸ** (159а), **ножно** (32г) (что можно толковать также как мену **о/ѹ**, рассматриваемую писцом в качестве недопустимой в книжном церковном тексте). Исправление **о** на **Ѹ** свидетельствует о том, что писец знает эту графему, но сознательно отказывается от нее;

– мену **и/ѣ**: **свѣдѣтельствѹюща** (159г, 35в); **непокоилѣмъ** (165г); **бѣемѹ** (160г); **оприснока** (31г); **цѣновьника** (33г); **повеливаемъ** (34в); **прозвѣтиром** (37г);

– постановку редуцированного и проясненного гласного с обеих сторон плавного: **ѡлѣтаръ** (24в); **долѣжнѹ** (168в); **мерѣтва** (172а)¹⁰;

– древнерусское написание: **собѣ** (165б, 35в).

Эти наблюдения не оставляют сомнений в севернорусском происхождении ранней части Кормчей. Отсутствие таких черт псковского говора, как мена свистящих и шипящих (**ш/с** и **з/ж**), не позволяет относить создание рукописи к Пскову; в Кормчей отразился новгородский диалект в широком смысле слова. Однако означает ли это, что рукопись была написана в новгородских землях? Признавая, что профессиональный писец в зрелом возрасте мог трудиться далеко от тех мест, где он вырос и выучился книжному мастерству, часто исследователи, за неимением иных данных, по умолчанию считают локализацию языковых особенностей указанием на место создания рукописи. Вероятно, так было бы и в этот раз, если бы предположению о новгородском происхождении кодекса не противоречили сведения о ее источнике.

Харьковский список Кормчей представляет собой редкий случай, когда мы можем указать непосредственный источник, с которого

⁹ Зализняк А.А. Древненовгородский диалект. М., 2004. С. 28–31.

¹⁰ Там же. С. 63.

была скопирована книга, — и это отнюдь не список Волынского извода Кормчей, к которой обычно относят рукопись. В кодексе сохранились начальные главы Кормчей, обрывающиеся на правилах Василия Великого; такие главы сходны в разных редакциях, и различить их по составу статей почти невозможно. Однако в изучаемой рукописи есть вставка, необычная для Кормчих книг: после правил шестого вселенского собора выписан фрагмент Номоканона Иоанна Постника (ХИМ, инв. 21129, л. 153в–154а). Такую же выписку мы находим в так называемом Варсонофьевском списке Кормчей кон. XIV в. (ГИМ, Чуд. 4, л. 134в–г). Варсонофьевский список — второй по старшинству полный список Кормчей книги, составленной на Руси. Над этим пергаменным кодексом, писанным искусными каллиграфами, трудилось несколько писцов; по имени одного из них названа сама рукопись. Оканчивая урок, писцы порой оставляли чистыми один-два столбца; в двух подобных местах спустя некоторое время были оставлены выписки из Номоканона Иоанна Постника¹¹. Подобные маргинальные добавления не встречаются в других списках Кормчей, за исключением рукописи ХИМ, инв. 21129, где один из дополнительных текстов переписан писцовым почерком в том же месте, где находилась вставка в Варсонофьевской Кормчей¹². При этом писец допустил ошибку, спровоцированную особенностями оригинала: в Варсонофьевском списке не были внесены киноварные инициалы в начале заглавия и текста вставки: [п]остниково ѿ номока^н · [с]на же запрѣщенья · не мы · но великыи василеи · изложи... (Чуд. 4, л. 134в). Переписчик не понял, что пропущенный инициал должен был отделять заглавие от основного текста, и, приняв и за н в слове [с]на, скопировал начало следующим образом: **постниково ѿ номоканона же запрѣщениа · не мы · но великии васїли · изложи...** Подобное чтение могло возникнуть только при копировании непосредственно с Варсонофьевского списка.

Дальнейшее сопоставление двух рукописей подтверждает наш вывод: харьковская Кормчая копирует как особенности текста Варсонофьевского списка, так и его отдельные чтения. Так, номоканон XIV титулов, служивший своеобразным тематическим указателем к Кормчей книге, в Варсонофьевской рукописи отличается некоторыми сокращениями¹³ и перестановками текста¹⁴; все эти особенности повторены в харьковском

¹¹ Почерк вставок отличается от писцовых почерков; однако палеографические признаки заставляют относить их также к кон. XIV столетия.

¹² В ранней части Кормчей ХИМ, инв. 21129 утрачен фрагмент, где должна была находиться вторая вставка.

¹³ Текст сокращен в грани 1, главе 24; грани 2, главе 3; грани 3, главе 10; грани 8, главе 8; грани 11, главах 14–16.

¹⁴ Переставлены главы 34 и 35 грани 9; глава 22 грани 3 перенесена в конец номоканона и составляет главу 6 грани 14.

списке. Кроме того, Варсонофьевская рукопись имеет палеографическую особенность, отличающую ее от иных списков Кормчих, — в ней обильно используется замена отдельных слов буквенным обозначением, при котором вместо слова пишется его начальная буква, обычно имеющая соответствующее наименование в алфавите¹⁵. Такое буквенное обозначение известно по некоторым другим рукописям кон. XIV — нач. XVI в.; однако наиболее широко оно используется в Варсонофьевской рукописи, хотя в целом нехарактерно для Кормчих книг. Харьковский кодекс копирует несколько подобных написаний своего оригинала¹⁶. Наконец, харьковская Кормчая повторяет отдельные чтения Варсонофьевского списка; в том числе ошибочное чтение **вѹдрѹ** (вм. **вѹдрѹ**) в уже знакомой нам выписке из Номоканона Иоанна Постника. Все это недвусмысленно указывает на то, что Варсонофьевская рукопись, сохранившая состав Кормчей в том виде, как она была создана в 70-е гг. XIII в. при митр. Кирилле II, была переписана в середине XV в., причем это единственный известный нам случай непосредственного копирования Варсонофьевского списка.

Однако ответ на вопрос, где могло происходить копирование Варсонофьевского списка, далеко не однозначен. Наиболее ранние сохранившиеся на нем пометы относятся к XVI столетию и фиксируют пребывание рукописи в Чудовом монастыре. Кодекс отличается исключительной исправностью текста, а его язык, согласно выводам Г.С. Баранковой, не имеет сколько-нибудь выраженных диалектных черт. Предположение о новгородском происхождении Варсонофьевской рукописи необходимо отвергнуть не только из-за отсутствия статистически значимых новгородизмов в языке¹⁷ или

¹⁵ Баранкова Г.С. Редкий способ сокращения слов, связанный с названиями кириллических букв // Лингвистическое источниковедение и история русского языка. 2012–2013. М., 2013. С. 115–134.

¹⁶ Некоторые из них: **ч.** = человек (22б); **е.** = есть (164г, 165а, 165г); **с.** = слово (165б, 166в, 172в).

¹⁷ По наблюдениям Л.М. Костюхиной, основными писцами рукописи были три книжника (см.: Сводный каталог славяно-русских рукописных книг, хранящихся в России, странах СНГ и Балтии. XIV век. Вып. 1 (Апокалипсис — Летопись Лаврентьевская). М., 2002. № 356. С. 515–519). На долю каждого из основных писцов, согласно выводам Г.С. Баранковой, приходится по одному случаю мены **ц/ч** (наблюдения сделаны в ходе совместной работы по подготовке издания Кормчей книги по древнейшим спискам, проводившейся Г.С. Баранковой, Е.В. Беляковой, И.И. Макеевой, Е.В. Ухановой и автором данной статьи, и будут опубликованы в издании Кормчей). Четвертый писец, которым выполнено менее 20 листов Варсонофьевской Кормчей, допустил мену **ц/ч** девять раз. Вероятно, он сам или его родители были родом из новгородских земель; однако его роль в изготовлении кодекса явно была незначительной. Подобное распределение языковых особенностей между писцами, на наш взгляд, недвусмысленно указывает, что

использования неизвестного в новгородских рукописях буквенного сокращения слов. В Новгороде была собственная архиепископская Кормчая книга, хранившаяся с 1280-х гг. в Софийском соборе и почитавшаяся как величайшая ценность. Создание еще одной точно такой же по составу Кормчей книги в кон. XIV в. для архиепископа (а в этот период каноническая книга была исключительной прерогативой архиереев) было явным излишеством. Немаловажным является то, что Варсонофьевский список восходит не к Софийским «Правилам», а к иному оригиналу; это также является косвенным указанием на то, что рукопись создана не в Новгороде.

Варсонофьевский список, в XVI в. хранившийся в кремлевском Чудовом монастыре, написанный писцами высокопрофессионального уровня и в высшей степени исправный, украшенный богатой тератологической заставкой, на тонком белом пергамене прекрасной выделки, очевидно, предназначался для архиерейской кафедры. Достоверных сведений о месте его пребывания у нас нет. Упоминания Кормчих до XV в. скудны, и их, по большей части, невозможно отождествить с Варсонофьевским списком. Кормчей книгой пользовался архиеп. Суздальский Дионисий¹⁸; из описей известно о пергаменных Кормчих, одна из которых («в полдесть») находилась в XVII в. в Успенском соборе Коломны¹⁹, другая в XVIII в. хранилась

Варсонофьевская рукопись была создана не в Новгороде, но в другом крупном книжном центре, где могли находиться выходы из иных земель.

¹⁸ Еп. Суздальский Дионисий упоминается как знаток «святых божественных канун» в грамоте патр. Константинопольского Нила (см.: Русская историческая библиотека. СПб., 1880. Т. 6. Стб. 199–204, № 23). Об обращении к Кормчей еп. Дионисий писал в грамоте в Снетогорский монастырь: «възрев в Номоканон во правила святых отец», еп. Дионисий обнаружил, что в нем отсутствуют некоторые постановления, что побудило его «поновить и уставишь препущенаа небрежением в обиду святых отец уставы» (см.: РИБ. Т. 6. Стб. 205–210, № 24). Казус был вызван тем, что в Сербской редакции Кормчей вместо 6-го правила константинопольского Двукратного собора (861 г.) было переведено толкование к нему Алексея Аристина (*Ράλλης Γ.Α., Ποτλής Μ. Σύναγμα τῶν θεῶν καὶ ἱερῶν κανόνων τῶν τε ἁγίων καὶ πανευφύμων ἀποστόλων, καὶ τῶν ἱερῶν οἰκομενικῶν καὶ толκῶν συνόδων, καὶ τῶν κατὰ μέρος ἁγίων πατέρων*. Т. 2. С. 673), которое и вошло во все русские редакции Кормчей под названием правила 6. Еп. Дионисий, очевидно, обнаружил, что славянский текст не соответствует греческому правилу, и подготовил собственный перевод настоящего постановления 6 правила Двукратного собора (ср.: *Ράλλης, Ποτλής Μ. Σύναγμα...* Т. 2. С. 667–668). Это означает, что у еп. Дионисия был как греческий номоканон, из которого он переводил; так и славянская Кормчая, в которую он «възрел» и обнаружил «препущенаа небрежением... уставы».

¹⁹ Города России XVI в. Материалы писцовых описаний / Изд. подг. Е.Б. Французовой. М., 2002. С. 8.

в Дионисиево-Глушицком монастыре²⁰. Я.Н. Шапов связывал создание Варсонофьевского списка с владимиристо-суздальской землей²¹. Нет данных, которые говорили бы о том, что в первой половине XV в. Варсонофьевский список отвозился в Новгород, бывший в то время независимым от московского князя политическим объединением, которое и в церковном управлении сохраняло значительную долю самостоятельности; поэтому, несмотря на особенности языка, мы предполагаем, что безвестный новгородец переписывал Варсонофьевскую Кормчую не в Новгороде, а в московских или владимиристо-суздальских землях.

При этом само копирование такого списка, как Варсонофьевская Кормчая, является делом экстраординарным. Нам неизвестно иных копий древнейших архиерейских канонических книг. Несомненно, они привлекались, наряду с иными книгами, при создании новых переработок Кормчих книг, но в целом авторитет новгородских Софийских «Правил», Рязанской или Варсонофьевской Кормчих был столь высок, что они не отдавались на копирование. Несомненно, изготовление копии Варсонофьевского списка в середине XV в. могло состояться только с ведома архиерея и только ради особого случая.

Между тем у скопированной Кормчей была необычная судьба: она оказалась в чужой стране, где православие в кон. XV — XVI в. было далеко не основной религией, а церковь возглавлялась митрополитом, противопоставлявшим себя московскому. Попасть в западную часть Киевской митрополии Кормчая могла только в исключительном случае. Даже тогда, когда митрополия была единой, такая взаимная проницаемость была редкостью: в отличие от четых или богослужебных книг, которые заказывались, покупались и перевозились частными лицами²², Кормчие (независимо от степени практической применимости) воспринимались как хранилище церковных законов, сакральный гарант чистоты церкви. Все известные случаи перемещения Кормчих книг из одного княжества в другое до XVI столетия связаны с церковно-политическими казусами: посылка Кормчей митрополитом Киевским Кириллом владимиристо-волынскому князю Владимиру Васильковичу в

²⁰ Ссылка на рукопись находится в сочинении старовера Даниила Битюговского (БАН. Друж. 739. Л. 141). Судя по цитатам Даниила Битюговского, рукопись принадлежала к Мясниковской редакции Кормчей и не может быть отождествлена с Варсонофьевским списком.

²¹ Шапов Я.Н. Варсонофьевская Кормчая // Археографический ежегодник за 1968 год. М., 1970. С. 93–101.

²² Свидетельства подобных контактов уже после разделения митрополий сохранились в письме Василия Дмитриевича Ермолина пану Якову, «писарю» вел. кн. Литовского и короля Польского Казимира IV Ягеллончика, заказывавшему в Москве ряд четых и богослужебных книг. См.: Русский феодальный архив XIV — первой трети XVI века. М., 1986. № 56. С. 196–197.

1286 г.; изготовление списков для новгородского и рязанского епископов в 1280–1282 и 1284 гг. по благословию киевского митрополита; перемещение списка Кормчей во владимирские земли при переезде туда киевского митрополита, спасающегося из разоряемого татарами Киева; привоз около 1461 г. списка Кормчей еп. Евфимием, покинувшим Брянскую епископию из-за нежелания подчиниться митр. Григорию Болгарину и нашедшим убежище в Московском княжестве²³. После разделения митрополий и на протяжении XVI столетия, когда между Великим княжеством Литовским (позже — Речью Посполитой) и Московским государством шла война лишь с небольшими перерывами, у нас нет достоверных сведений о перемещении Кормчей книги в ту или иную сторону. Новая волна перемещений началась в годы Смуты, когда рукописи рассматривались как трофей. Именно поэтому попадание копии Варсонофьевской Кормчей в Великое княжество Литовское представляется нам связанным с особыми событиями в истории Киевской митрополии, когда она еще сохраняла свое единство.

Именно с последним периодом единства Киевской митрополии, наступившим в 1451–1459 гг., можно связать создание харьковского списка Кормчей и его посылку в Великое княжество Литовское. В 1451 г. митр. Иона был признан Киевским митрополитом не только в Москве, но и польским королем и вел. кн. Литовским Казимиром IV Ягеллончиком, киевским кн. Александром Владимировичем и епископами литовских епархий²⁴. На протяжении десяти лет митрополит пытался издали управлять западными епископиями, отправляя туда грамоты, послания и наместников. Однако скудные возможности для личного участия²⁵ в делах западных епископий привели к провалу воссоединения митрополии. Король все больше склонялся к союзу с Римом, а литовские епископы практически не видели митрополита и не участвовали в созывавшихся им соборах. В 1459 г., с приходом в Великое княжество Литовское Григория Болгарина, митр. Иона окончательно потерял киевскую часть митрополии. В 1460-м г. он слал последние письма литовским епископам по поводу заявлявшего о своих правах митр. Киевского Григория Болгарина.

²³ Русский феодальный архив. № 52. С. 189–190; *Щанов Я.Н.* Византийское и южнославянское правовое наследие. С. 153–154.

²⁴ Об управлении митр. Киевским Ионой единой митрополией см.: *Абеленцева О.А.* Митрополит Иона и установление автокефалии Русской церкви. М.; СПб., 2009. С. 234–273.

²⁵ Митр. Иона писал о западных епископиях, что «бывал паки есмь неоднова тамо для управления ради святягы церкви»; однако сведения о его поездках ненадежны. О.А. Абеленцева предполагает, что митрополит ездил в Литву несколько раз для поставления епископов. См.: *Абеленцева О.А.* Митрополит Иона и установление автокефалии Русской церкви. С. 249.

Можно полагать, что именно в этот период, когда митр. Иона еще пытался наладить управление дальними епископиями, посылая туда наставления, книги и доверенных лиц, был скопирован один из наиболее авторитетных списков Кормчей книги и отправлен в Великое княжество Литовское, возможно, в Вильну, бывшую столицей и центром церковно-политической жизни западной части митрополии.

Однако когда бы и при каких обстоятельствах ни оказалась в Великом княжестве Литовском Кормчая, здесь она не имела того значения и авторитета, которым пользовалась в московской части митрополии. В Великом княжестве Литовском, безусловно, Кормчие книги тоже имели хождение; но значение действующего судебника, обосновывавшего права церкви на отправление суда и взимание десятины, имел так называемый «Свиток Ярославль»; в 1498 и 1502 г. великий князь Литовский Александр дал церкви грамоты, подтверждающие действенность «Свитка Ярославля»²⁶; это не единственное, но наиболее приближенное по времени к интересующему нас сюжету свидетельство того, что именно Свиток (и только он) принимался во внимание как памятник права. Менее чем через полстолетия после своего создания копия Варсонофьевской Кормчей утратила значительную свою часть; возможно, это говорит о том, что изначально рукопись не имела переплета. Кормчая, потерявшая начальные листы и обрывавшаяся на правилах Василия Великого, была дописана уже в литовских землях, как о том свидетельствуют языковые особенности рукописи. Оригиналом для дополнений стала Кормчая книга Вольнского извода, восходящая к рукописи, подготовленной в 1286 г. для владимиро-волинского кн. Владимира Васильковича. Это произошло на рубеже XV–XVI вв.²⁷; возможно, создание кодекса связано с деятельностью Иосифа Солтана, ставшего митрополитом Киевским в 1507 г. и уделявшего много внимания каноническим вопросам. Им были подготовлены постановления виленского собора 1509 г., открывавшиеся выписками из русской редакции Кормчей книги²⁸.

²⁶ *Щанов Я.Н.* Древнерусские княжеские уставы. М., 1976. С. 187–193; Полоцкие грамоты XIII — начала XVI в. / Сост. А.Л. Хорошкевич; отв. ред. А.А. Зимин. М., 1978. Вып. 2. № 253. С. 191–194.

²⁷ ХИМ. Инв. 21129. Л. 1–3, 173–292. Филиграния: 1) Перчатка под розеткой, сходный: Piccard XVII, № 1032 (1495 г.); 2) Голова быка под крестом со змеей, с лигатурой сбоку, два вида, в том числе сходный: Лихачев, № 1278 (1498 г.); другой вид сходный: Piccard II, XVI, № 405 (1497–1499 гг.), Briquet, 15391 (1496 г.). Над восполнениями трудилось три писца: первому принадлежит основная часть работы (л. 1–3г, 173–220а₁₀, 223а–237г₂). Участие второго книжника, переписавшего менее трех листов, было совсем незначительным (л. 220а₁₁–222г); роль третьего, завершившего работу над рукописью, была более существенной (л. 237г₆–292а).

²⁸ При подготовке правил виленского собора использовалась русская редакция Кормчей, отличающаяся от харьковской рукописи, поскольку перечисленные далее

Однако если Кормчая и была восполнена по инициативе митр. Иосифа Солтана, она не рассматривалась как книга для церковного управления. Список Кормчей, скопированный с авторитетной рукописи Московской митрополии и поновленный в Литовском княжестве, в начале XVI в. воспринимался в Киевской митрополии как ценная книга для монастырского вклада, и не более того. В первой половине XVI в. Кормчая стала лишь одной из книг в ряду иных вкладов иеромонаха Алексея в полоцкие церкви и монастыри. В.А. Воронин предположил, что вкладчика можно отождествить с архимандритом виленского Троицкого монастыря Алексеем Торопчанином²⁹. Это убедительное отождествление позволяет предполагать, что Кормчая попала в Полоцк из Вильны, где ветхая рукопись и была восполнена на рубеже XV–XVI или в начале XVI в. Показательно, что если иные четьи книги были вложены Алексеем в епископский Софийский собор, то Кормчая была определена им как монастырский вклад³⁰; это наглядно показывает, что она отнюдь не рассматривалась как памятник права, необходимый для архиерейской службы.

На листах рукописи остались пометы скорописью конца XVI — XVII в.; возможно, книга покинула Предтеченский монастырь на Острове в неспокойные для Полоцка годы, когда он был razoren сначала московскими войсками в 1563 г., а потом Стефаном Баторием в 1579 г.; именно тогда была вывезена в Краков библиотека полоцкого

тексты в нее не входят. Правила виленского собора открываются цитатой из Диалогов Псевдо-Кесария («Всяко даание благо и всяк дар совершен, свыше исходя от Отца светом»); далее обильно используются выписки из Правил собора 1273 г.: «Преблагый Бог наш, иже вся творит промышлением нашему спасению... дарованныя его силы святительския», «Тем же, иже неведанием прочее Бог да сохранит, а грех да простит», «Бог да просветит и вразумит нас... сия вся бывають нам, зане не храним правил святых наших и преподобных отец». Ср.: РИБ. Т. 4. Стб. 5–7; Т. 6. Стб. 83–86.

²⁹ Еще четыре книги XV — первой четверти XVI в., вложенные иеромонахом Алексеем в Софийский Полоцкий собор, названы Я.Н. Щаповым: *Щапов Я.Н.* Библиотека полоцкого Софийского собора и библиотека Академии Замойской // Культурные связи народов Восточной Европы в XVI в. М., 1976. С. 262–282. Обзор вкладов иеромонаха Алексея и некоторые наблюдения над историей бытования Кормчей приведены в статье: *Воронин В.А.* «Книга Светого Софея» (да гісторыі полацкіх кніжных збораў XV–XVI стст.) // Беларускі гістарычны часопіс. 2007. № 3. С. 48–51.

³⁰ ХИМ. Инв. 21129. Л. 1–2об. — «Се аз, рабъ Божии убогии ермонах Алексеи, дал есмь книгу сию, нарицаемую Правило святых Отець, въ церковь святому пророку и Предтечи и Крестителю Господню Иоанну на остров в монастырь въ богоспасаемом граде Полоцьку на память мне и родителем моим. Кто коли отнимати будет книгу сию от церкви святого Иоана Предтечи, судить ему и мьстит Богъ и святыи пророкъ Иоан Предтеча, занъже аз дахъ въ церковь святого Иоанна Предтечи вечно и непорушно въ славу Богу и святому пророку Иоанну и всем святым, аминь».

Софийского собора³¹. Однако Кормчая книга, очевидно, не покинула Полоцк; в середине XVII в. она принадлежала полоцкому архиепископу, ставшему киевским митрополитом, Антонию Селяве, который оставил запись на полях рукописи и заглавие на ее корешке³². Вероятно, при нем была сделана попытка снабдить рукопись тематическим указателем, листы для которого были приплетены в конце книги³³, а на полях основного текста оставлены глоссы, характеризующие тематику правил; однако работа над указателем так и не была доведена до конца. Позже рукопись была передана в собрание Жировицкого монастыря, владевшего крупнейшей библиотекой Полоцкой епархии. В 1758 г. в Жировицком монастыре была проведена ревизия книг; Кормчая сохранила номера и библиотечные записи этого времени³⁴. Именно из Жировицкого монастыря вывез Кормчую книгу Прокопий Нилович Доброхотов, бывший в 1839–1845 гг. преподавателем (позже — ректором) Литовской семинарии, которая располагалась в Жировицком монастыре. В 1892 г., уже в сане еп. Олонецкого, Павел Доброхотов подарил рукопись Владимиро-Волынскому братству по случаю 900-летия православия в Волынской епархии. Вместе с другими книжными сокровищами Волынского братства рукопись была перевезена в Харьков в годы Первой мировой войны, однако, в отличие от других книг, не поступила в собрание Харьковской научной библиотеки, а перешла в частные руки. В годы, когда с легкостью гибли и люди и книги, рукопись была бережно сохранена в оккупированном Харькове во время Второй мировой войны и приобретена Харьковским историческим музеем в 1954 г.

Таким образом, рукопись, известная по вкладной записи как «полоцкая», с Полоцком была связана меньшую часть своей истории. Кодекс соединил в себе два независимых извода Кормчих, скопированных в разное время, в разных землях.

³¹ Шапов Я.Н. О судьбе полоцкого Софийского собора // Вспомогательные исторические дисциплины. 1974. № 6. С. 200–204; *Он же*. Библиотека полоцкого Софийского собора и библиотека Академии Замойской. С. 262–282.

³² ХИМ. Инв. 21129. Л. 1 — «Ex libri Antony Siela Metropolitae Kieven, Archiep. Polocen...» (конец записи на л. 2 вырезан). Антоний Селява был архиеп. Полоцким в 1624–1652 гг. и митр. Киевским и Галицким в 1640–1655 гг.

³³ ХИМ. Инв. 21129. Л. 293–301. Филигрань: Орел в круге со щитом на груди (герб Радзивиллов), сходный: Лауцявичус, № 165 (1631 г., Вильнюс).

³⁴ Морозова Н.А. Библиотека Жировицкого монастыря: история книжного собрания // Славянская письменность Великого княжества Литовского: Характерные черты и специфические особенности: Сб. ст. Вильнюс, 2014. С. 169–204; *Она же*. Предварительный список рукописей, принадлежавших библиотеке Жировицкого монастыря // Там же. С. 205–226.

Ханское послание литовскому князю в прусском архиве (1432 г.)

DOI 10.31168/91674-483-5.22

Всякий, кто знаком с трудами Бориса Николаевича Флоры, обращал внимание на их характерную черту — глубокое знание и мастерское использование широчайшего круга разноязычных источников по истории Восточной Европы Средних веков и раннего Нового времени. Среди них весьма важное место занимают немецкие источники — «Хроника Констанцкого собора» Ульриха фон Рихенталя и переписка сановников Тевтонского ордена между собой и с иноземными властями. Их использование в сочетании с русскими летописями, польскими анналами и другими источниками позволило Б.Н. Флоре воссоздать картину взаимоотношений Орды с соседями в период ее кризиса первой половины — середины XV столетия¹.

Статья написана в рамках проекта «Документы Брестского мира от 31 декабря 1435 г. между Польшей, Литвой и Тевтонским орденом — критическое издание» («Dokumenty pokoju brzeskiego z 31 XII 1435 r. między Polską, Litwą a Zakonem Krzyżackim — edycja krytyczna»), грант Национального центра науки (Narodowe Centrum Nauki) UMO-2013/11/B/HS3/01462. Приношу искреннюю благодарность Секретному государственному архиву Прусского культурного наследия (Берлин) за разрешение опубликовать репродукции архивных материалов, его сотруднику д-ру Дитеру Хекманну — за помощь при подготовке их транскрипции и перевода, а В.В. Трепавлову (Москва), В.П. Гулевичу (Киев) и И.М. Миргалееву (Казань) — за ценные консультации, указание литературы и снабжение ее копиями.

¹ Флора Б.Н. Орда и государства Восточной Европы в середине XV века (1430–1460) // Славяне и их соседи. Вып. 10. Славяне и кочевой мир. К 75-летию акад. Г.Г. Литаврина. М., 2001. С. 172–196; Флора Б.Н. Татарские послы на Констанцском соборе // Русское Средневековье. Источники. 2000–2001 гг. М., 2002. С. 17–22.

Переписка сановников Тевтонского ордена сохранилась главным образом в архиве его великих магистров, который до 1457 г. находился в Мариенбурге, в 1457–1722 гг. — в Тапиау, в 1722–1944 гг. — в Кенигсберге, откуда был эвакуирован в Германию². В 70-е годы прошлого века он был перевезен в Секретный государственный архив Прусского культурного наследия (Geheimes Staatsarchiv Preußischer Kulturbesitz) в Берлине, где образовал XX главный отдел (Hauptabteilung), сохранивший историческое название Кенигсбергского архива. Уже после этого выяснилось, что многие письма из архива великих магистров сохранились лишь в виде пересказов в его инвентаре, предположительно начала XVI в., оказавшемся после Второй мировой войны в Вильнюсе³.

К сожалению, огромный массив орденской переписки, посвященной ситуации в странах Восточной Европы — Великом княжестве Литовском (ВКЛ), русских землях, Молдавии, Орде, — до сих пор введен в научный оборот крайне неравномерно. Если для периода до 1430 г. много документов⁴

² Подробнее см.: *Forstreuter K.* Das Preußische Staatsarchiv in Königsberg. Ein geschichtlicher Rückblick mit einer Übersicht über seine Bestände. (Veröffentlichungen der Niedersächsischen Archivverwaltung. H. 3.) Göttingen, 1955.

³ Lietuvos Mokslų akademijos Vrublevskių bibliotekos Rankraščių skyrius, F 15–73. См. об этой рукописи: *Kwiatkowski K.* Neue Quellen aus dem Kreis des Deutschen Ordens zum Krieg von 1409–1411 (Teil 1) // *Zapiski Historyczne*. 2010. Т. 75. Zesz. 4. S. 67–112; *Idem.* Eine Sammlung von Quellenregesten und Quellenabschriften aus dem Kreis des Deutschen Ordens (1. Hälfte des 16. Jh.). Inhaltsübersicht und Editions Perspektiven // *Editionswissenschaftliches Kolloquium 2015: Die Geschichte im Bild / Hrsg. von H. Flachenecker, K. Kopiński und J. Tandecki.* (Publikationen des Deutsch-Polnischen Gesprächskreises für Quellenedition. Bd. 8.) Toruń, 2016. S. 343–354.

⁴ Под документами я вслед за С.М. Каштановым понимаю «источники, создаваемые с целью воздействия непосредственно на социально-экономические, политические или правовые отношения» (*Каштанов С.М.* Русская дипломатика. М., 1990. С. 12; там же эта мысль разъясняется подробнее). К их числу относятся и послания, создаваемые с целью передать информацию в пространстве (там же. С. 150–154) и имеющие ряд сходных черт с другими разновидностями документов с точки зрения внешней и внутренней формы. Что касается ханских документов, то, согласно определению М.А. Усманова, «послания (*битики*) — это официальные письма, адресованные золотоордынскими или другими государями к равноправным по положению, независимым от них монархам, а ярлыки — письменные указы, приказания, повеления, предписания собственным подданным или главам зависимых (возможно, лишь фиктивно) стран» (*Усманов М.А.* Жалованные акты Джучиева улуса XIV–XVI вв. Казань, 1979. С. 7–8; об особенностях их формуляра см. также: *Усманов М.А.* Термин «ярлык» и вопросы классификации официальных актов ханств Джучиева улуса // *Актовое источниковедение*. М., 1969. С. 218–244). Термин «послание» применительно к ордынской дипломатике используется и в специальной работе: *Султанов Т.И.* Письма золотоордынских ханов // *Тюркологический сборник*. 1975. М., 1978. С. 234–251. Поэтому для определения публикуемого здесь документа используется термин «послание».

издано в «Кодексе писем Витовта»⁵ (который, несмотря на многочисленные поправки и дополнения⁶, до сих пор незаменим для всех исследователей эпохи), то при изучении событий последующих лет, чрезвычайно насыщенных событиями, историки вынуждены опираться на публикации по совершенно другой тематике — истории Ливонии, отношениям Ордена с папством⁷ и т. д., а также на пересказы документов в трудах XIX в. (в первую очередь Августа фон Коцебу, Йоханнеса Фойгта и Игнатия Даниловича), зачастую неточные и неполные. Проекты издания этих источников, предлагавшиеся польскими учеными Яном Адамусом и Оскаром Халецким в межвоенную эпоху⁸, не были реализованы. Точно так же практически не был реализован потенциал списков неопубликованных документов Кенигсбергского архива, сделанных в первой половине XIX в. для Теодора Нарбута и Адама Ежи Чарторыйского и хранящихся в собраниях Вильнюса⁹, Львова¹⁰ и Москвы¹¹.

⁵ Codex epistolaris Vitoldi, magni ducis Lithuaniae 1376–1430 / Ed. A. Prochaska. Cracoviae, 1882.

⁶ Ряд таких поправок и дополнений был предложен уже издателем «Кодекса писем Витовта» Антонием Прохаской и его современниками. См. о них подробнее в примечаниях к подготовленному мною итinerary Витовта, который находится в печати.

⁷ LUB. Bd. 8–9 / Hrsg. von H. Hildebrand. Riga; Moskau, 1884–1889; BGDO. Bd. 4. Hbd. 1–2 / Hrsg. von K. Forstreuter. (Veröffentlichungen der Niedersächsischen Archivverwaltung. H. 32, 33.) Göttingen, 1973–1976.

⁸ Adamus J. W sprawie kodeksu dyplomatycznego Litwy // Sprawozdania Towarzystwa naukowego we Lwowie. R. 12: 1932. Zesz. 3. S. 159–162; *Idem*. Kodeks dyplomatyczny Litwy // Ateneum Wileńskie. R. 8: 1931–1932. S. 428–435; *Idem*. Wydawnictwa źródła do historii Litwy // Pamiętnik VI Powszechnego Zjazdu Historyków Polskich w Wilnie 17–20 września 1935 r. T. 1: Referaty. Lwów, 1935. S. 439–449; *Semkowicz W.* Koreferat // *Ibid.* T. 2: Protokoły. Lwów, 1936. S. 196–202.

⁹ Lietuvos valstybės istorijos archyvas. F. 1135. Apug. 4. B. 24, 25. См. об этом комплексе списков: *Ekdahl S.* Archivalien zur Geschichte Ost- und Westpreußens in Wilna, vornehmlich aus den Beständen des Preußischen Staatsarchivs Königsberg // Preußenland. 1992. Jg. 30. № 3/4. S. 46–47.

¹⁰ Львівська національна наукова бібліотека України ім. В. Стефаника. Ф. 5. Оп. 1. Спр. 2937/III. Эта рукопись была использована для издания некоторых документов Кенигсбергского архива в сборнике: Codex epistolaris saeculi XV. T. 2 / Ed. A. Lewicki. (Monumenta mediae aevi historica res gestas Poloniae illustrantia. T. 12.) Cracoviae, 1891.

¹¹ ОР РГБ. Ф. 68. Ед. хр. 358. Т. 1–16. См. об этом комплексе списков: *Балязин В.Н.* История одной коллекции документов (страничка археографии) // Вестник Московского университета. Сер. 9: История. 1963. № 3. С. 34–36; *Сагановіч Г.М.* Маскоўская калекцыя дакументаў па гісторыі адносін ВКЛ і Нямецкага ордэна // Беларускі археографічны штогоднік. Вып. 6. Мінск, 2005. С. 69–75; *Baranov A.* Der Dienstnachlass von Johannes Voigt (Staatsarchiv Königsberg) in der Russischen Staatsbibliothek in Moskau // Preußenland. Jg. 2 (2011). Osnabrück, 2012. S. 91–113.

В итоге публикация нескольких сотен документов по-прежнему остается насущной задачей¹². Цель настоящей статьи — ввести в научный оборот один из источников 30-х годов XV в., который отложился в архиве великих магистров Тевтонского ордена и наверняка заинтересует специалистов по истории не только ВКЛ, но и Орды. На этом небольшом примере хорошо видно, сколь необходима целостная публикация обширного комплекса источников по истории ВКЛ 30-х гг. XV в.

Объем сведений о Восточной Европе в орденской переписке 30-х гг. XV в. и интенсивность обмена этими сведениями становятся понятными, если учитывать особенности политической истории этого региона. После смерти великого князя литовского Витовта (27 октября 1430 г.) освободившийся престол занял Свидригайло Ольгердович¹³. Конфликт с Польшей, начавшийся в конце жизни Витовта из-за его попыток получить королевскую корону, при Свидригайле разгорелся с новой силой, несмотря на то что он приходился польскому королю Владиславу II Ягайлу родным братом. Новый великий князь принялся формировать антипольскую коалицию, одной из участниц которой стала Орда. Когда летом 1431 г. дело дошло до масштабного вооруженного польско-литовского конфликта, получившего в историографии название Луцкой войны, то хан Улуг-Мухаммед прислал на помощь Свидригайлу войска и, по сообщению Яна Длугоша, выдал ему ярлык на Западное Подолье — один из объектов территориального спора ВКЛ с Польшей¹⁴. И в следующем 1432 г. хан, несмотря на борьбу с внутриордынскими противниками¹⁵, по-прежнему оказывал помощь

¹² Очень краткий обзор писем Свидригайла и Сигизмунда Кейстутовича великому магистру Паулю фон Русдорфу см.: *Korcza L. Listy wielkich książąt litewskich do wielkich mistrzów jako źródło do stosunków Litwy z zakonem krzyżackim w późnym średniowieczu (1430–1454) // Epistolografia w dawnej Rzeczypospolitej. T. 1 (stulecia XV–XVII). (Biblioteka Tradycji. № 97) Kraków, 2011. S. 29–39.*

¹³ О рассматриваемых далее событиях подробнее см.: *Полехов С.В. Наследники Витовта. Династическая война в Великом княжестве Литовском в 30-е годы XV века. М., 2015.*

¹⁴ *Długosii J. Annales seu Cronicae incliti regni Poloniae. Liber XI et liber XII (1431–1444). Varsaviae, 2001. P. 31; Флоря Б.Н. Орда и государства Восточной Европы. С. 181.*

¹⁵ *Флоря Б.Н. Орда и государства Восточной Европы. С. 181–182.* Так, в июле 1432 г. Свидригайло писал Ягайлу «de triumpho cesaris Thartarorum», как выясняется из ответа польского короля от 26 июля (GStAPK, OBA 6169; изд. с многочисленными неточностями: *Kodeks dyplomatyczny Litwy / Wyd. E. Raczyński. Wrocław, 1845. S. 369–371*). А 10 августа 1432 г. находившийся при великом князе литовском фогт Братиана Генрих Хольт сообщал великому магистру из Липнишек, что хан одержал победу над врагом и отправил его к Свидригайлу (GStAPK, OBA 6183). Возможно, этим врагом был Сеид-Ахмед, который вместе со Свидригайлом в

Свидригайлу¹⁶. Одновременно хан пожаловал Владимирское великое княжение Василию II, а не Юрию Дмитриевичу, состоявшему в свойстве со Свидригайлом¹⁷. Ордынские правящие круги не были заинтересованы в сближении ВКЛ ни с Польшей, ни с Великим княжеством Московским, и реализация принципа «разделяй и властвуй» должна была облегчить им контроль над ситуацией в Восточной Европе¹⁸.

Эта ситуация существенным образом изменилась, когда в ночь с 31 августа на 1 сентября 1432 г. Свидригайло по пути на съезд с польским королем подвергся нападению заговорщиков в Ошмяне. Ему удалось бежать в Полоцк, где он принялся собирать войска для отвоевания великокняжеского престола и западной части ВКЛ у вокняжившегося там Сигизмунда Кейстуовича. В начавшихся боевых действиях далеко не все союзники Свидригайла поддержали его не только на словах, но и на деле: так, если великий князь тверской Борис Александрович отправил к нему на помощь городецкого князя Ярослава Ивановича (брата жены Свидригайла)¹⁹, то ливонцы опоздали на несколько дней, а татары ограничились помощью на южном театре военных действий, но к самому Свидригайлу не явились (впоследствии Улуг-Мухаммед объяснял это тем, что «снеги были велики»²⁰). Тем не менее с ними происходил интенсивный обмен посольствами и письмами.

конец августа 1432 г. направлялся на съезд с польским королем Владиславом II Ягайлом, а в 1433-м при поддержке Свидригайла был возведен на ордынский престол (*Рева Р.Ю.* Борьба за власть в первой половине XV в. // Золотая Орда в мировой истории. Казань, 2016. С. 719). Это в определенной степени объясняло бы позицию, занятую Улуг-Мухаммедом после свержения Свидригайла.

¹⁶ 22 июня 1432 г. Свидригайло писал великому магистру, что по просьбе молдавского воеводы отправил ему на помощь против его брата и «Бессарабии» (Валахии) несколько тысяч откочевавших к нему татар (GStAPK, OBA 6138; данный отрывок изд.: *Feneşan C.* Cavalerii teutonii în banatul Severinului și la Dunărea de Jos în prima jumătate a secolului al XV-lea. Documente și extrase. Der Deutsche Orden im Severiner Banat und an der niederen Donau in der ersten Hälfte des XV. Jahrhunderts. Urkunden und Auszüge. Timișoara, 2015. № 40. P. 247–249). Правда, уже в начале июля комтур Остероде сообщал главе Ордена со ссылкой на информацию священника из Добринской земли, будто поляки договорились с татарами, что они одновременно нападут соответственно на Орден и ВКЛ (GStAPK, OBA 6147). Но если такие планы и существовали, то попытка реализовать их была сделана лишь летом 1433 г.

¹⁷ *Полехов С.В.* Браки князя Свидригайла Ольгердовича // По любви, вь правду, безо всякие хитрости. Друзья и коллеги к 80-летию В.А. Кучкина. Сб. ст. М., 2014. С. 237–249.

¹⁸ *Флоря Б.Н.* Орда и государства Восточной Европы. С. 179–180.

¹⁹ *Полехов С.В.* Браки князя Свидригайла Ольгердовича. С. 260–261.

²⁰ GStAPK, OBA 6430a; опубли.: *Карамзин Н.М.* История государства Российского. М., 1993. Т. 5. Прим. 264. С. 333–334.

За происходящим внимательно следило руководство Тевтонского ордена. В отличие от ливонцев, великий магистр Пауль фон Русдорф занял выжидательную позицию: он был научен горьким опытом предыдущего года, когда нападение на Польшу во исполнение союзных обязательств перед Свидригайлом обернулось нарушением «вечного мира» 1422 г. со стороны Ордена. В ноябре со съезда прусских сословий в Эльбинге к свергнутому великому князю отправился опытный орденский дипломат, комтур Меве Людвиг фон Ландзее²¹. Свидригайла он застал уже в Витебске, куда тот явился после Ошмянской битвы. После этого комтур несколько раз сообщал главе Ордена о происходящем у Свидригайла и его союзников. 6 января он отправил Русдорфу специальное письмо, в котором переслал татарское послание хана и его немецкий перевод²². До наших дней дошли письмо Ландзее и немецкий перевод ханского послания. Судьба татарского оригинала неизвестна: либо он был отослан Свидригайлу за ненадобностью, либо утрачен в архиве великих магистров; первый вариант представляется мне более вероятным: подобные случаи известны в практике орденской канцелярии²³, тогда как было бы странным, если бы оба немецких текста — перевод ханского послания и сопроводительное письмо комтура Меве — сохранились, притом в достаточно хорошем состоянии, а татарский оригинал был бы утрачен.

Август фон Коцебу, автор первой биографии Свидригайла, следующим образом передавал содержание рассматриваемого письма: «6 Генваря (в день Богоявления Господня) *Людвик Ланце* препроводил из *Вейтвиска* Немецкий перевод одного письма от Хана Татарского, которое, однако, вероятно, по неведению переводчика, совершенно непонятно. Можно только догадываться из оногo, что Хан *Махмет* намерен сам прийти на помощь к *Свитригайлу*, или же прислать ему

²¹ См. о нем специальную статью: *Neitmann K. Ludwig von Landsee. Ein Gebietiger des Deutschen Ordens in Preußen im 15. Jahrhundert // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. 1988. Bd. 36. H. 2. S. 161–190.*

²² Нас не должно смущать слово «Соріа», которым озаглавлен текст ханского послания: этим словом в Средние века называли не только собственно списки, но и переводы, а в сопроводительном письме Ландзее недвусмысленно говорится о переводе на немецкий. В описании татарского оригинала узнается упоминание нишана — оттиска ханской тамги под текстом (*Усманов М.А. Жалованные акты. С. 143–167; Григорьев А.П. Письмо Менгли-Гирея Баязиду II // Востоковедение: филологические исследования. Вып. 13. (Ученые записки ЛГУ. № 419. Серия востоковедческих наук. Вып. 29). Л., 1987. С. 130–132.*

²³ *Čapaitė R. List jako narzędzie komunikacji wielkiego księcia litewskiego Witolda // Studia Źródłoznawcze. T. 50. Warszawa, 2012. S. 50–51.* Уже упоминавшееся письмо Ягайла Свидригайлу от 26 июля 1432 г. (GStAPK, OBA 6169) сохранилось в архиве великих магистров в подлиннике и списке. Очевидно, отсылку подлинника Свидригайлу отложили из-за его свержения с престола, а потом о ней и вовсе забыли.

многих своих военачальников и союзников. Да благоволит только Великий Князь, не медля, объявить ему, какая нужна ему помощь, и *Махмет* готов со всем войском своим “сесть на коней”. И что он Хан повелел также Князю *Кивенскому* (Киевскому?) *Михаилу* явиться к нему»²⁴. Немецкому драматургу вторил Игнатий Данилович: «Lanse, kommandora gniewskiego, list do W. Mistrza, w którym donosi o danéj Świdrygielle obietnicy przez cara tatarskiego Machmeta, iż z wielkimi siłami osobiście przyciągnie mu na pomoc, skoro tylko książę mu doniesie jakich potrzebuje posiłków; że książę kijowski Michał odebrał od niegoż rozkaz śpiesznie zdążyć na pomoc Świdrygielle ze swą jazdą. Do tego dołącza list chana bardzo ciemny, tłumaczony z tatarskiego, z którego domyślać się tylko można obiecanej przezeń pomocy. Dan w Weitwiskach, w dzień Trzech Królów (6 Stycznia) 1433 r.»²⁵. Столь же лаконичен, но чуть более точен был Йоханнес Фойгт: «Allein Switrigal hatte vom Tatarischen Kaiser Machmet die Zusage erhalten: er werde ihm mit starker Macht zu Hülfe kommen, und Herzog Michael von Kiev hatte bereits Befehl von ihm, Switrigal'n sofort mit seinem Reitervolke zuzueilen»²⁶.

Нет ничего удивительного в том, что ханское послание литовскому князю было написано по-татарски (т. е. на одном из вариантов языка тюрки). Уже при Витовте в великокняжеской канцелярии были работники, умевшие писать по-татарски, о чем недвусмысленно говорит известие Гильбера де Ланноа²⁷. И впоследствии в канцелярии ВКЛ

²⁴ *Котцебу*. С. 168–169. В немецком оригинале: «Am 6. Januar (am Tage Epiphanie) sandte Ludwig Lanze aus Withwisk die deutsche Uebersetzung eines tatarischen kaiserlichen Schreibens, die jedoch, wahrscheinlich aus Unkunde des Uebersetzers, fast verständlich ist. Nur so viel läßt sich errathen, daß der Kaiser Machmet dem Großfürsten selbst zu Hülfe kommen, oder doch viele seiner Herren und Freunde senden wolle. Er möge nur risch sagen was er bedürfe, so werde Machmet bereit seyn mit ganzer Macht “uffzusitzen uff die Pferde”. Auch habe er den Herzog Michel von Kywen (Kiew?) zu sich entboten» (*Kotzebue*. S. 100).

²⁵ SD. T. 2. № 1648. S. 147.

²⁶ *Voigt*. Bd. 7. S. 605. Далее в прим. 5: «Schr. des Komthurs v. Mewe, d. Weitwiske am T. Epiphan. 1433 Schbl. XVII. 107; er sendet dem HM. den aus dem Tatarischen ins Deutsche übersetzten Brief des Tatar. Kaisers, der noch beiliegt».

²⁷ «Этот герцог (Витовт. — С. П.) вручил мне при моем отъезде письма, нужные мне, чтобы при его содействии проехать по Турции, написаны они были по-татарски, по-русски и по-латински» (*Klimas P. Ghillebert de Lannoy. Dvi jo kelionës Lietuvon Vytauto Didžiojo laikais (1413–14 ir 1421 metais) // Praeitis. Kaunas, 1933. T. 2. P. 155*; русский перевод цит. по: *Кудрявцев О.Ф.* Великая Русь рыцаря де Ланноа. Первое западное описание Руси // *Родина*. 2003. № 12. С. 79). Исследователь канцелярии Витовта Марцелий Косман считал это известие сомнительным, поскольку, по его мнению, фламандский путешественник мог принять русские буквы за татарские письмена (*Kosman M. Kancelaria wielkiego księcia Witolda // Studia Źródłoznawcze. Warszawa,*

имелись татарские писари и толмачи²⁸, подобно Русскому государству, где татарский язык широко использовался для дипломатической переписки с восточными соседями²⁹.

Столь же нетрудно понять, почему немецкий перевод ханского послания показался ученым XIX в. «темным»³⁰. Свидригайло, застигнутый врасплох ошмянским нападением, в первые месяцы после него не располагал немецкими писцами: его послания в Орден до поздней весны 1433 г. писались либо на латыни, либо на западнорусском языке³¹. Ясно, что в этих условиях перевод с татарского на немецкий был выполнен не напрямую³², а через посредство западнорусского: на него ханское письмо перевели либо Свидригайловы люди (если в это время у него был кто-то способный читать по-татарски), либо сами татарские послы, так что русскому писцу князя-изгнанника осталось лишь запи-

1969. Т. 14. S. 102–103). Но раз ханы отправляли литовским правителям послания, написанные по-татарски, то в Орде хорошо знали, что в великокняжеской канцелярии есть люди, владеющие этим языком. Ссылка же польского исследователя на западнорусский перевод послания Тохтамыша Ягайлу 1393 г. неубедительна: как показывает его палеография, он возник не в Орде, а в Польше (см. ниже прим. 33).

²⁸ *Фиркавичюс Р.* Татарские и арабские писари в канцелярии ВКЛ // Литовская метрика. Тезисы докладов межреспубликанской научной конференции (апрель 1988 г.). Вильнюс, 1988. С. 47–48.

²⁹ *Усманов М. А.* О документах русско-восточной переписки на тюркских языках в XV–XVIII вв. и их источниковедческом значении // Восточное историческое источниковедение и специальные исторические дисциплины. М., 1994. Вып. 2. С. 123–138.

³⁰ В нем действительно обнаруживается непоследовательность, которая не способствует пониманию текста: так, местоимение *er* употребляется то в значении «вы» в обращении к адресату (ср. совр. нем. *ih*r), то в значении «он» (ср. совр. нем. *er*) — при том, что к Свидригайлу хан местами обращается также на «ты». Впрочем, чередование единственного и множественного числа первого лица изредка можно встретить и в подлинном послании: так, оно обнаруживается в письме князя Юрия Лугвевича великому магистру Тевтонского ордена Паулу фон Русдорфу и его прусским сановникам от 31 января 1440 г., сохранившемся в подлиннике (LUB. Bd. 9. № 558).

³¹ *Полехов С. В.* «Список городов Свидригайла». Датировка и публикация // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2014. № 4 (58). С. 114–115. Мое утверждение, будто письмо Свидригайла от 3 июля 1433 г. написано тем же почерком, что и послание пребывавшего при нем Людвига фон Ландзее, оказалось не соответствующим действительности: на самом деле они написаны разными почерками (см.: GStAPK, OBA 6540, 6541).

³² Это особенно очевидно, если учитывать малую численность татар в Пруссии, их рассредоточенность по ее территории и быструю аккумуляцию в первой половине XV в. (*Kwiatkowski K.* The Muslim People of Desht-i Qipchaq in Fifteenth-Century Prussia // *Fear and Loathing in the North. Jews and Muslims in Medieval Scandinavia and the Baltic Region* / Ed. by С. Heß and J. Adams. Berlin, 2015. P. 141–170).

сать их слова³³. И лишь затем западнорусский текст был переведен на немецкий — скорее всего, силами Ландзее и его спутников³⁴.

Все приведенные пересказы передают содержание посланий Улуг-Мухаммеда и Людвиг фон Ландзее не просто лаконично, но и очень выборочно. Это выясняется уже при попытке определить дату ханского письма Свидригайлу, которая в его переводе не указана³⁵. Казалось бы, определить ее нетрудно: достаточно выяснить, сколько времени занимал путь из Орды в ставку Свидригайла, и вычесть его из даты письма Ландзее³⁶. Однако более внимательное знакомство с полным текстом ханского

³³ Так возник западнорусский перевод послания Тохтамыша Ягайлу от 20 мая 1393 г.: об этом говорит тот факт, что перевод, содержащий ряд избыточных чтений по сравнению с татарским оригиналом, был переписан узнаваемой скорописью писца королевской канцелярии Малохей (см. о нем: *Груша А.И.* Документальная письменность. С. 291–292; *Sułkowska-Kurasiowa I.* Dokumenty królewskie i ich funkcja w państwie polskim za Andegawenów i pierwszych Jagiellonów (1370–1444). Warszawa, 1977. S. 233–234; *Михайловський В.М.* На маргінесі документа подільського князя Федора Коріатовича від 1392 р. // *Ruthenica*. Київ, 2016. Т. 13. С. 193–194). Несколько строк западнорусского перевода воспроизведены в издании середины XIX в. (Ярлык хана Золотой Орды Тохтамыша польскому королю Ягайлу 1392–1393 гг. / Изд. кн. М.А. Оболенским. Казань, 1850. Вклейка. Татарский и западнорусский тексты см. также: *Розов В.* Українські грамоти. Т. 1: XIV і перша половина XV в. Київ, 1928. № 26; *Радлов В.В.* Ярлыки Тохтамыша и Темир-Кутлуга // Записки Восточного отделения Императорского русского археологического общества. СПб., 1888. Т. III. Вып. I, II). Приношу искреннюю благодарность А.И. Груше (Минск), который компетентно подтвердил мою первоначальную гипотезу на этот счет.

³⁴ Напомню, что перевод с русского в первой половине XV в. представлял определенную проблему для прусских властей Ордена (см. ответ верховного маршала от 5 февраля 1419 г. на просьбу великого магистра найти человека, умеющего читать по-русски: GStAPK, OBA 2909; *Forstreuter K.* Russische Schreiber beim Deutschen Orden in Preußen // *Zeitschrift für slavische Philologie*. Leipzig, 1931. Bd. 8. S. 88–89). Недаром перевод письма Свидригайла великому магистру от 3 мая 1433 г. выполнен на средненижнемецком, на котором писали в Ливонии (LUB. Bd. 8. № 681, 685).

³⁵ Не исключено, что она была опущена при изготовлении западнорусского перевода, врученного комтуру Меве. В посланиях ордынских ханов, сохранившихся в подлинниках, — Тохтамыша польскому королю Владиславу II Ягайлу 1393 г., Улуг-Мухаммеда султану Мураду II 1428 г., Махмуда султану Мехмеду II Фатиху 1466 г., Ахмата ему же 1476/77 и 1477 гг. — хронологическая дата неизменно присутствует, хотя в одном из писем Ахмата она и сводится к указанию года хиджры (*Султанов Т.И.* Письма золотоордынских ханов. С. 250; *Зайцев И.В.* Письмо хана Большой Орды Ахмата турецкому султану Мехмеду II Фатиху 881 года хиджры // *Восточный архив*. 1999. № 2–3. С. 7–10).

³⁶ По сути, историки, упоминая о ханском письме со ссылкой на пересказы первой половины XIX в., поступают сходным образом, помещая его в своих нарративах под датой отправки послания Ландзее — 6 января 1433 г. (*Narbutt T.* Dzieje narodu litewskiego. Wilno, 1840. Т. 7. S. 131; *Флоря Б.Н.* Орда и государства Восточной Европы.

послания показывает, что все не так просто. Прежде всего хан отвечает на сообщение Свидригайлова посла Андрея, сообщившего ему о выступлении свергнутого князя в поход на Литву. Стало быть, это было первое посольство, отправленное князем в Орду после его свержения; оно могло покинуть его ставку не позднее октября 1432 г., когда он действительно выступил в поход, а может быть, учитывая стремление Свидригайла заручиться помощью союзников, уже в сентябре (в начале месяца?). Далее бросается в глаза крайне слабая осведомленность Улуг-Мухаммеда о делах Свидригайла: хан пока еще допускает возможность того, что тот находится где-то недалеко от князя Михаила Гольшанского — киевского воеводы, тогда как в действительности речь шла о двух разных театрах военных действий. Уже к концу ноября — декабрю 1432 г. Свидригайло располагал значительно более конкретными обещаниями Улуг-Мухаммеда³⁷ (несмотря на тот очевидный факт, что приводимая в источниках численность ханских войск, обещанных свергнутому князю, явно завышена). К этому времени хан успел скоординировать действия с Михаилом Гольшанским: 13 декабря 1432 г. Свидригайлов посол сообщил ливонскому магистру об отправке татарской помощи киевскому воеводе³⁸, а 20 декабря жомойтский епископ Николай писал своему соседу комтуру Мемеля, что князь Михаил и татары недавно вместе разбили поляков³⁹. В декабре 1432 г. татары сражались против поляков и на Подолье, помогая подольскому старосте князю Федору Несвицкому⁴⁰.

Весной 1433 г. путь Свидригайлова посла из Смоленска в ханскую ставку занимал около месяца⁴¹. Если допускать, что осенью скорость

С. 177; *Зайцев И.В.* Между Москвой и Стамбулом. Джучидские государства, Москва и Османская империя (нач. XV — пер. пол. XVI в.). М., 2004. С. 59). Не избежал такого соблазна и я, ошибочно отнеся ханское обещание помощи к несостоявшемуся походу на Литву начала 1433 г. (*Полехов С.В.* Наследники Витовта. С. 320–321).

³⁷ LUB. Bd. 8. № 646, 650, 661.

³⁸ LUB. Bd. 8. № 646.

³⁹ «Item eciam Poloni altera ex parte in isto certamine cum Michaelē duce Kyowiensi una cum Thartaris eosdem hostiliter prostraverunt, qui solus Michael vix evasit» (цит. по подлиннику: GStAPK, OBA 6285). Публикатор этого интересного источника о. Паулюс Ятулис (1915–1995), к сожалению, передал его текст неточно: вместо «Thartaris» напечатал «onhartanis» со знаком вопроса, а глагол привел в форме «prostravit», так что из его издания остается неясным, с кем сразились поляки и кто победил (Codex Medicinensis seu Samogitiae dioecesis / Ed. P. Jatulis. Pars I (1416. II.13 — 1609.IV.2). (Fontes historiae Lituaniae. Vol. 3.) Roma, 1984. № 40. P. 78–80). Приношу искреннюю благодарность Александру Баранову (Берлин), который по моей просьбе проверил транскрипцию послания по его подлиннику.

⁴⁰ LUB. Bd. 8. № 651; GStAPK, OBA 6291; *Полехов С.В.* Наследники Витовта. С. 317–318.

⁴¹ Там же. С. 333.

сообщения была примерно такой же (при том что местонахождение ханской ставки в это время неизвестно), и учитывать, что Свидригайло очень спешил заручиться помощью союзников в борьбе за литовский престол, то ханское послание можно датировать октябрём 1432 г., а получить его младший Ольгердович мог в ноябре. К началу 1433 г., когда оно было вручено Людвигу фон Ландзее, оно давно утратило актуальность как носитель конкретной информации, но благодаря необычному внешнему виду и расплывчатости формулировок оставалось зримым доказательством готовности Улуг-Мухаммеда прийти на помощь Свидригайлу. Это доказательство можно было предъявить руководству Ордена, чтобы убедить его в необходимости дальнейшей поддержки свергнутого великого князя, которому при помощи многочисленных союзников не составит труда отвоевать литовский престол у Сигизмунда, — подобно тому как тремя месяцами ранее орденским сановникам с той же целью был предъявлен перечень городов и территорий, остающихся под контролем Свидригайла⁴². Теперь такая задача была особенно актуальной в свете проигранной Свидригайлом 8 декабря 1432 г. Ошмянской битвы. В свою очередь, руководство Ордена, совсем недавно обвинявшее поляков в союзе с татарами «и другими неверными»⁴³, не остановилось перед тем фактом, что теперь их союзником был Свидригайло. Но вот его недавнее поражение было одним из факторов, заставивших Русдорфа всерьёз задуматься над перспективами его поддержки: орденскому послу Гансу Фоксу, покинувшему Пруссию в декабре, было предписано предложить Сигизмунду Кейстутовичу — якобы без ведома великого магистра — выделить Свидригайлу «уголок земли», после чего он должен был направиться на Подвинье к Свидригайлу, а затем в Ливонию к Цизо фон Рутенбергу⁴⁴. Из-за этого Ландзее пришлось в длинном письме убеждать главу Ордена не оставлять Свидригайла⁴⁵.

⁴² *Полехов С.В.* «Список городов Свидригайла». С. 111–125.

⁴³ BGDO. Bd. 4. Nbd. 1. № 292. S. 340.

⁴⁴ О миссии Фокса см.: LUB. Bd. 8. № 659, 661, 669; GStAPK, OBA 6320, 6329; OF 13, S. 1–2.

⁴⁵ LUB. Bd. 8. № 661. На мой взгляд, дело было не в намерении Русдорфа подогреть конфликт в ВКЛ, как полагает Ярослав Никодем (*Nikodem J. Stosunki Świdrygiełły z Zakonem Krzyżackim w latach 1430–1432 // Białoruskie Zeszyty Historyczne. Białystok, 2000. T. 14. S. 29–30*), а в попытках главы Ордена разобраться в непростой ситуации в ВКЛ (которая к тому же постоянно менялась) и одновременно подготовиться к войне с Польшей и избежать повторения инцидента 1431 г., когда его помощь Свидригайлу против Польши привела к тяжелому обвинению в нарушении «вечного мира» 1422 г. См.: *Полехов С.В.* Наследники Витовта. С. 323–324.

Рассмотренный пример показывает, что работы с пересказами источников в трудах первой половины XIX в. для дальнейшего изучения истории Восточной Европы эпохи позднего Средневековья далеко не достаточно. В свое время эти труды сыграли большую роль, они и сейчас могут служить своего рода путеводителями по очень обширному массиву источников — с одной важной оговоркой: в отсутствие современного и полного издания этих источников, снабженного указателями, которые позволяли бы быстро и точно ориентироваться в нем (или с возможностью автоматического полнотекстового поиска в электронной версии издания). Необходимо помнить, что историки первой половины позапрошлого столетия отбирали информацию по своему усмотрению: одну ее часть, которую считали важной, — приводили, а другой пренебрегали. Между тем из вышесказанного хорошо видно, что решающую роль для оценки документа сыграла та самая информация, которую историки первой половины XIX в. предпочли опустить. Из-за этого в ученых трудах логика сохранившегося комплекса источников зачастую подменяется логикой их отбора для публикаций и пересказов, осуществленного историками прошлого. Знакомство же с полным ее объемом приводит порой к неожиданным результатам. Но чтобы такое знакомство стало возможным для широкого круга исследователей, необходима масштабная публикация.

Публикуемые ниже тексты передаются согласно правилам, принятым для издания немецкоязычных источников эпохи позднего Средневековья⁴⁶: сокращения раскрываются без оговорок, исправления в тексте оговариваются (при этом удвоение согласной в начале слова не сохраняется и не отмечается), текст разбивается на предложения и абзацы по смыслу, вводится современная пунктуация.

Публикация

1

[1432 г. октябрь]. — Хан Улуг-Мухаммед — великому князю литовскому [Болеславу] Свидригайлу: отвечает на его посольство; готов оказать ему военную помощь; сообщает об отправке послов к нему и [киевскому воеводе] кн. Михаилу [Гольшанскому]

⁴⁶ Richtlinien für die Edition landesgeschichtlicher Quellen / Hrsg. von W. Heinemeyer. 2. Aufl. Marburg, 2000; *Thumser M.* Zehn Thesen zur Edition deutschsprachiger Geschichtsquellen (14.–16. Jahrhundert) // Editions wissenschaftliche Kolloquien 2005/2007. Methodik — Amtsbücher — Digitale Edition — Projekte / Hrsg. von M. Thumser, J. Tandecki u. a. (Publikationen des Deutsch-Polnischen Gesprächskreises für Quellenedition. Bd. 4.) Toruń, 2008. S. 13–19; *Heckmann D.* Leitfaden zur Edition deutschsprachiger Quellen (13.–16. Jahrhundert) // Preußenland. 2013. Jg. 3. S. 7–13.

GStAPK, OVA 6323 (ранее — XVIIa 107). Bl. 3. Приложение к посланию комтура Меве Людвиг фон Ландзее великому магистру Тевтонского ордена Паулю фон Русдорфу от 1433 г. января 6 (см. № 2). Перевод. Бумага, 30,1 × 14,8 × 31,1 × 14,4.

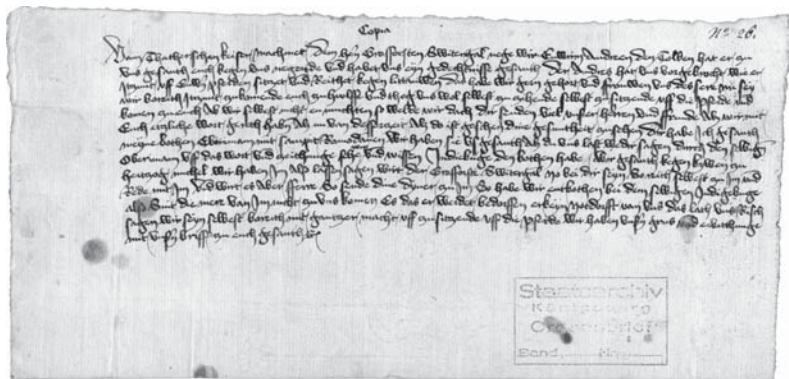
Водяной знак: *Голова быка с цветком (ближайшее соответствие — Piccard G. Die Ochsenkopf-Wasserzeichen. T. 1–3. Stuttgart, 1966. Abt. XII. № 462, фиксируется в 1429–1434 гг., в т. ч. в Ломже, Новом Корчине, Сьроде).*

Заголовок посередине строки: Соря.

В правом верхнем углу аккуратным почерком XIX в.: № 26 (такие же номера представлены на документах Кенигсбергского архива, использованных А. фон Коцебу при работе над биографией Свидригайла). Правее простым карандашом: 3 (фолиация). Под текстом печать Кенигсбергского архива. На листе застывшие капли воска.

Списки: ОР РГБ. Ф. 68. Ед. хр. 358. Т. 12. Л. 1юб.–2. Бумага, первая половина XIX в.

Упоминания: а) *Kotzebue*. S. 100; б) *Коцебу*. [№ 77]. С. 168–169; в) *Voigt*. Bd. 7. S. 605; г) *SD*. T. 2. № 1648. S. 147; д) *IA*. № 1855. S. 216.

1. [1432 г. октябрь]. – Послание хана Улуг-Мухаммеда великому князю литовскому [Болеславу] Свидригайлу. Немецкий перевод. GStAPK, OVA 6323. Bl. 3.

Vam Thatherschen keiser Machmet dem heren grosforsten Switergail nege wir.

Euwirn Andreen, den tolken, hat er czu uns gesanth, euch kegen uns negende. Unde habet uns eyn gedechtnisse gesanth. Der Andres hat uns vorgebrocht, wie er itczunt uff euwern pferden sitczet unde reithet kegen Littauwen. Das habe wir gern gehort unde frouwen uns des sere. Nu sey wir boreith, itczunt czu komende euch czu hwlffe. Unde thog uns wol, selbest czu czihende, selbest czu sitczende uff die pferde und komen czu euch. Ab wir selbest nicht en muchten, so welde wir dach dir senden viel unßer herren und frunde, alz wir mit euch etczliche wort gereth haben, alz nu van desser czeit, alz do ist goschen, dine gesuntheit czu sehen. Dir habe ich gesanth meyne bothen Ebirimam^{a)} mitsampit Romodannen. Wir haben sie usgesanth, alz du uns last wedir sagen durch denselbigen Oberimam uff das wort unde czeithunge, sehe wir^{b)} unde wissen. Indiebüge, den bothen, habe

wir gesanth kegen Kywen czu hertczog Michel. Wir haben im also lassen sagen: „Wirt der grosforste Switergail no bey dir seyn, so reith selbest czu im unde rede mit im, unde wirt es aber ferre, so sende dine dyner czu im“. So habe wir entbothen bei demselbigen Indigebuge. Also sint die mere van im nicht czu uns komen, es das er werdet bedorffen erkeyn notdorfft van uns. Das lath uns risch sagen, wir seyn selbest boreith, mit gantzer macht uffzusiczende uff die pferde.

Wir haben unsern grus unde erbitthunge mit unsern briff czu euch gesanth etc.

^{a)} первая i, вероятно, исправлена из e

^{b)} слово вписано над строкой

Перевод

От татарского хана Махмета господину великому князю Свидригайлу приветствие [досл. мы приветствуем].

Вашего Андрея толмача прислали вы к нам, приветствуя нас. И прислали вы нам памятную записку. Андрей нам сообщил, что вы сейчас садитесь на коней и выступаете в поход [досл. скачете] в Литву. Это мы с удовольствием услышали и очень этому радуемся. Теперь мы готовы прийти к вам на помощь. И нам подобает самим выступить в поход, самим сесть на коней и явиться к вам. Если же мы не сможем этого сделать, то мы желаем отправить к тебе многих наших господ и приятелей, как мы с вами говорили некоторые слова, чтобы с того времени, когда это произошло, увидеть твое здоровье. Я отправил к тебе своего посла Эбиримама вместе с Ромоданом. Мы их отправили, и что ты нам велишь сказать в ответ через того же Оберимама на это слово и известия, то мы увидим и будем знать. Инди[г]еbugу посла отправили мы в Киев к князю Михаилу. Мы велели сказать ему так: «Если будет князь Свидригайло сейчас при тебе, то отправляйся [досл. скачи] сам к нему и говори с ним; а если будет он далеко, то отправь своего слугу к нему». Так мы передали с этим Индигеbugой. И от него к нам еще не дошел слух о том, чтобы вам было что-то от нас нужно. Вели нам это быстро сообщить, мы сами готовы со всем войском [досл. силой] сесть на коней.

Мы отправили вам свое приветствие и просьбу со своей грамотой.

2

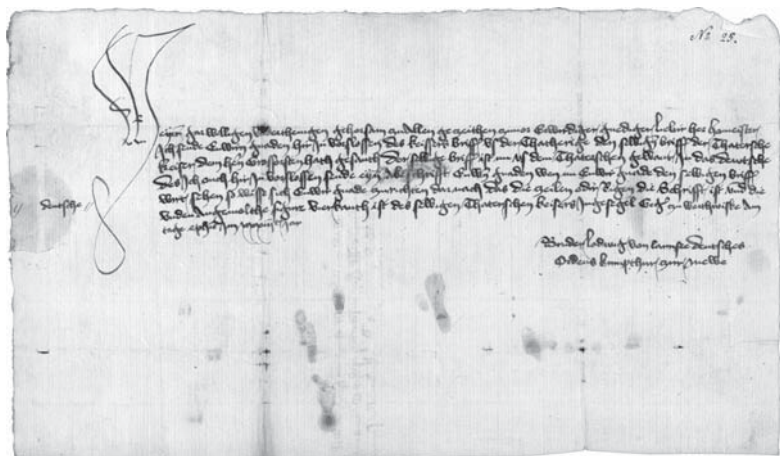
1433 г. января 6. Витебск. — Комтур Меве Людвиг фон Ландзее — великому магистру Тевтонского ордена Паулю фон Русдорфу: пересылает послание хана Улуг-Мухаммеда, адресованное великому князю литовскому [Болеславу Свидригайлу], с переводом на немецкий язык

GStAPK, OBA 6323 (ранее — XVIIa 107). Bl. 2. Подлинник. Бумага, 30,4 × 17,8, с неровными краями, без водяных знаков.

На лицевой стороне застывшие капли воска. В правом верхнем углу аккуратным почерком XIX века: № 25. В левом верхнем углу простым карандашом: 2 (фолиация). На обороте ниже адреса (левее его сверху вниз) дата 1433 и печать Кенигсбергского архива; у правого края и в левой части листа следы прикладной печати желтого воска (Д=3,4). Бумажная кустодия (3,8×4×3×3,7) с оттиском печати (Д=2,6) с надписью по окружности, сохранившаяся в том же деле, явно происходит от другого послания.

Списки: ОР РГБ. Ф. 68. Ед. хр. 358. Т. 12. Л. 1–10б. Бумага, первая половина XIX в.

Упоминания: а) *Kotzebue*. S. 100; б) *Коцебу*. [№ 77]. С. 168–169; в) *Voigt*. Bd. 7. S. 605; г) SD. Т. 2. № 1648. S. 147; д) IA. № 1855. S. 216.

2. 1433 г. января 6. Витебск. – Послание комтура Меве Людвиг фон Ландзее великому магистру Тевтонского ордена Паулю фон Русдорфу. GStAPK, OBA 6323. Bl. 2.

Meynen gar willigen underthenigen gehorsam czu allen geczeithen czuvor.
Erwirdiger gnediger liebhir her homeister!

Ich sende euwirn gnaden hirin vorslossen des keissers briff us der Thatherige, denselbigen briff der Thatersche keiser dem heren grosforsten hath gesanth. Derselbige briff ist nu us dem Thaterschen gewant in das Dewtsche, des ich ouch hirin vorslossen sende eyne Deutsche^{a)} abeschrift euwern gnaden. Wen nu euwir gnade denselbigen briff wirt sehen, so wisse sich euwir gnade czu richten darnach, das die czeilen odir rigen die schrift ist, unde die unden angemolthe figure vierkanth ist desselbigen Thaterschen keisers ingesegel.

Gegeben czu Weithwiske, am tage Epiphanie im XXXIII^{ten} jar.

Bruder Lodwig von Lannsee,
Deutsches Ordens kumpthur czur Mewe

На обороте сверху вниз адрес, написанный тем же почерком: Dem erwirdigen unde geistlichen manne, heren Pauwel van Rwsdorff, homeister Deutsches Ordens, mit aller erwirdigkeit, thag unde nacht an alles sumen.

^{a)} слово вписано на левом поле при помощи знака вставки

Перевод

Мое вполне прилежное покорное послушание во все времена наперед. Достопочтенный милостивый любезный господин великий магистр! Я шлю вашей милости вложенную сюда грамоту хана из Татарии; эту грамоту татарский хан прислал господину великому князю. Эта грамота сейчас переведена с татарского на немецкий, и немецкий список этого [перевода] я также шлю вашей милости. Когда ваша милость увидит эту грамоту, то пусть ваша милость руководствуется тем, что строки или ряды суть письмо, а нарисованная внизу фигура, четырехугольник, — это печать того же татарского хана.

Дано в Витебске, в день Богоявления в 33-м году.

Брат Людвиг фон Ландзее,
Тевтонского ордена комтур в Меве

Адрес: Достопочтенному и духовному мужу, господину Паулю фон Русдорфу, великому магистру Тевтонского ордена, со всем почтением, днем и ночью без всякого промедления.

Сокращения

Коцебу — *Коцебу А.* Свитригайло, Великий Князь Литовский, или Дополнение к историям Литовской, Российской, Польской и Прусской. СПб., 1835.

ОР РГБ — Отдел рукописей Российской государственной библиотеки.

BGDO — *Berichte der Generalprokuratoren des Deutschen Ordens an der Kurie.*

GStAPK — *Geheimes Staatsarchiv Preußischer Kulturbesitz, XX. Hauptabteilung (Königsberger Archiv).*

IA — *Index actorum saeculi XV ad res publicas Poloniae spectantium, quae quidem typis edita sunt / Coll. A. Lewicki. (Monumenta medii aevi historica res gestas Poloniae illustrantia. T. 11.) Cracoviae, 1888.*

Kotzebue — *Kotzebue A.* Switrigail. Ein Beytrag zu den Geschichten von Littauen, Rußland, Polen und Preussen. Leipzig, 1820.

LUB — Liv-, est- und curländisches Urkundenbuch.

OBA — Ordensbriefarchiv.

OF — Ordensfoliant.

SD. T. 2 — *Daniłowicz I.* Skarbiec diplomatów papieżkich, cesarskich, krolewskich, książęcych. Wilno, 1862. T. 2.

Voigt. Bd. 7 — *Voigt J.* Geschichte Preussens, von den ältesten Zeiten bis zum Untergange der Herrschaft des Deutschen Ordens. Bd. 7. Königsberg, 1836.

Московские и тверские противни договоров 1454–1456 и 1462–1464 гг.

DOI 10.31168/91674-483-5.23

Известно немало свидетельств тому, что договорные грамоты между русскими князьями, или между князьями и Новгородом, составлялись в нескольких экземплярах (по числу контрагентов). Практика нескольких экземпляров окончательно устанавливается во второй половине XIV в. Имеются и сохранившиеся в двух экземплярах ранние договоры князей с Новгородом. Согласно приведенным С.М. Каштановым данным, единой традиции их оформления еще не было: есть примеры грамот, составлявшихся в одном экземпляре — с несколькими печатями; в двух, скрепленных княжеской серебряной буллой; в двух с печатями на каждой с обеих сторон¹. Грамота 1307 г. между Новгородом и Михаилом Ярославичем сохранилась в двух экземплярах: оба — с новгородской стороны, на одном экземпляре печать князя, на другом — Новгорода².

В XV в. традиция скреплять экземпляры грамот двумя печатями устанавливается уже устойчиво, многие из них сохранились именно так — два экземпляра, соединенные вместе печатями. За XV в. (уже со второй четверти) в ряде случаев мы имеем по два экземпляра скрепленных пар (всего по 4 грамоты договора), что проливает свет на процесс заключения и дальнейшего хранения договоров: каждая сторона получала такую официально заверенную пару.

¹ См.: *Каштанов С.М.* Из истории русского средневекового источника: Акты X–XVI вв. М., 1996. С. 76–78.

² Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М.; Л., 1949. № 9–10. С. 19–22.

Каков же был процесс составления таких экземпляров? Изучение подлинников договоров, в том числе тех, которые дошли до нас в двух противнях (или в двух парах противней), проводившееся с различными исследовательскими целями, не дает возможности сделать однозначное заключение.

В.Д. Назаровым, изучавшим договор князей Шуйских с Дмитрием Шемякой, было предпринято сравнение его внешних характеристик с четырьмя актами: договором Василия II с Дмитрием Шемякой и Дмитрием Красным (1434), договорами Василия II с Дмитрием Шемякой 1436 и 1441–1442 гг., а также «крестоцеловальной записью» (перемирной грамотой) Дмитрия Шемяки и Ивана Можайского с Михаилом Верейским и Белозерским и Василием Серпуховским об условиях мира с Василием II. Задачей сравнения было определить, в какой канцелярии составлялась анализируемая грамота³. Договоры, сохранившиеся в противнях⁴, В.Д. Назаров характеризует как единый документ, не отмечая, что при совпадении вида бумаги почерки писцов противней различаются (т.е. они писались разными дьяками).

Сравнение противней договора 1496 г. между рязанскими князьями (один из них в копии) с выявлением разного рода встречающихся в них разночтений было проведено В.А. Кучкиным, и оно привело к важному выводу о том, что противни не всегда совпадают между собой⁵.

Понять истоки таких разночтений, которые вовсе не во всех случаях сводились к случайным пропускам или ошибкам, может помочь сравнительный анализ договорных грамот между московскими и тверскими князьями, которых сохранилось немало, в том числе и скрепленных пар грамот.

Всего таких договоров сохранилось 6. Из них пар — 3: договор Василия II с Борисом Тверским (1454–1456 гг.⁶, РГАДА. Ф. 135. Отд. I. Рубр. II. № 39, по ДДГ № 59) и 2 договора Ивана III с Михаилом Борисовичем (1462–1464 гг. РГАДА. Ф. 135. Отд. I. Рубр. II. № 43, по ДДГ № 63 и 1484–1485 гг. РГАДА. Ф. 135. Отд. I. Рубр. II. № 71, по ДДГ № 79).

Грамота Михаила Борисовича второго договора Ивана III с Михаилом Борисовичем середины 80-х гг. имеет утрату значительной части

³ Назаров В.Д. Докончание князей Шуйских с князем Дмитрием Шемякой и судьбы Нижегородско-Суздальского княжества в середине XV века // Архив русской истории. М., 2002. Вып. 7. С. 40–43.

⁴ ДДГ. № 35 и 38.

⁵ Кучкин В.А. К характеристике рязанского договора 1496 г. // Восточноевропейский средневековый город. Рязань, 2012. С. 90–101.

⁶ Датировка А.А. Зимина (см.: Зимин А.А. О хронологии духовных и договорных грамот великих и удельных князей XIV–XV вв. // Проблемы источниковедения. М., 1958. Вып. 6. С. 314, 324).

текста. Кроме того, сам договор отличается от предыдущих московско-тверских договоров, поскольку носит неравноправный характер, его труднее анализировать в контексте всей традиции. Привлекать же предыдущие договоры к рассмотрению необходимо — в силу устойчивости формуляра равноправных (или претендующих на равноправие) договоров тверских и московских великих князей, хотя сохранность более ранних актов весьма уступает вышеуказанным. Это сохранившаяся в копии 70-х гг. XV в. грамота Василия Дмитриевича (договор Василия I с Михаилом Александровичем Тверским, 1399 г. РНБ. ОСРК. Q. XVII. 58. Л. 51об.–55, по ДДГ № 15) и также копия, передающая текст договора не до конца, — грамота Бориса Александровича Тверского (договор Василия II с Борисом Александровичем Тверским, 1437 г.⁷ РНБ. ОСРК. Q. XVII. 58. Л. 59–61об., по ДДГ № 37).

Лишь ограниченно можно использовать в сравнительном анализе договор 1375 г. Дмитрия Донского и Новгорода с Михаилом Александровичем (РГАДА. Ф. 135. Отд. I. Рубр. II. № 3, копия первой половины XV в., по ДДГ № 9), так как он составлялся после проигранной последним войной и носил неравноправный характер.

Таким образом, есть смысл сосредоточиться на двух парах грамот московско-тверских договоров — Василия II с Борисом Александровичем (1454–1456) и Ивана III с Михаилом Борисовичем (1462–1464).

Обратимся к внешним характеристикам первой пары грамот — договора **Василия II с Борисом Александровичем** (1454–1456). По-видимому, для грамот была использована бумага одного и того же запаса. Филиграни на ней не обнаруживаются, но частота верже-ров (7 × 10 мм), ширина листа (295 мм) совпадают. Высота же листа различается. Грамота Бориса Александровича имеет высоту 370 мм, грамота Василия Васильевича написана на квадратном листе: 295 × 295 мм. Разнятся грамоты и по почеркам писцов. Почерки имеют общие черты, что закономерно для документов, написанных в одно и то же время, однако отличаются начертания многих букв, различна и орфография. В одних случаях тверская грамота в большей степени отражает особенности устной речи: последовательно встречается *што* (в московской — книжное *что*). В других, напротив, московский дьяк последовательно после шипящих пишет *ы*: *сважывати*, *нашыми* и т.п. В тверской же грамоте читается нормированное *и* после шипящих *ж* и *ш*. Столь же последовательно встречается в московской грамоте *хто* вместе книжного *кто* (так в тверской грамоте).

⁷ Следует согласиться с оценкой (в том, что текст договора приведен в копии не полностью) и с датировкой договора 1437 г. В.Г. Семенченко (*Семенченко В.Г.* Московско-тверской договор второй половины 30-х годов XV века // Исследования по источникововедению истории России (до 1917 г.) / Отв. ред. В.А. Кучкин. М., 1997. С. 4–15.

Есть отличие и среди чисто графических пристрастий писцов, в частности, тверской дьяк гораздо меньше прибегает к выносным, всегда пишет *поедет*, в то время как в московской грамоте всегда *порьдет*, и др.

Почерк московской грамоты более мелкий: если в тверской грамоте текст занимает 58 строк, то в московской — 49. Отличаются чернила (в некоторых строках имеют другой, почти черный, цвет, в тверской грамоте чернила более светлые, отчасти потому, что больше выщвели), другое перо.

Разумеется, более существенны и интересны отличия в текстах смыслового и стилистического характера. Таково различие:

Грамота тверская (1454–1456)

А што вам слышевѣ ѡ нашем лихе, што намѣ на пакость, или ѡ добрѣ, то вы нам повѣдати въ правдѣ, без примышления.

Грамота московская (1454–1456)

А что ти слышевѣ ѡ нашем добрѣ и ѡ лисѣ, что нам на пакость, то вы нам повѣдати в правдѣ, без примышления.

Отличается построение фразы. В первой грамоте сначала говорится о «лихе», а затем о «добре». Точно такая же форма фразы читается в копии предыдущего договора Бориса Александровича с Василием Васильевичем (1437 г.): «А што ти слышевѣ ѡ на|шем лисѣ, что нам на пакость, или ѡ добрѣ, | то вы нам повѣдат(и) въ правдоу, безѣ примы|шлен(ь)а».

В грамоте 1375 г. статья читается по-иному, с подробностями: «А што ти слыша ото кр(е)стьянина или | от поганина о нашем добрѣ или о лисѣ, а то ти нам повѣдати въ правду, по целованью, без хитрости»⁸, — «добро» и «лихо» идут в другом порядке. В договоре 1399 г. статья, напротив, более кратка, но «лихо» идет ранее «добра»: «А что вы слышевѣ ѡ на|шем лисѣ или ѡ добрѣ, а то вы нам по|вѣдат(и)».

Таким образом, напрашивается предположение, что писец ориентировался на образец предшествующей *тверской* грамоты. И такое построение фразы более логично, поскольку актуальней вовремя узнать о готовящемся злом замысле, а не о добром.

Следующее различие касается статьи, которая появляется лишь в этом договоре — в связи с разраставшимся военным конфликтом Василия Темного с Дмитрием Шемякой.

⁸ Близка к этой формуле и фраза в московско-рязанском договоре 1402 г.: Что ти |слышовѣ ѡ нашем добрѣ или ѡ лисѣ ѿ крестьянина ли, или ѿ поганина, то ти нам повѣдати в правдѣ, без примышлен(ь)а (копия конца XV в. РГАДА. Ф. 135. Отд. I. Рубр. II. № 10).

Грамота тверская (1454–1456)

Тако ж, брате, которои | мои брат
 молодшей и из меншии моее брат(ь)
 и згрубат мнѣ, великомѣ князю
 Борису Александровичю, и моему с(ы)
 ну, князю Михаилѣ, и меншим моим
 дѣтем, | кого ми Б(ог)ъ дасть, и тобѣ,
 великомѣ князю Василью, и твоим
 дѣтемъ, великомѣ князю Ивану и князю
 Юрью, и меншим твоим дѣтем, тѣх
вамъ | къ себѣ не приимати. А быти вам
со мною, съ великим князем Борисом, и
съ моими дѣтми на тѣх заудин.

Грамота московская (1454–1456)

Так же, брате, которои твои брат |
 молодшей и из меншыи твои брат(ь)и
 згрубит тобѣ, великомѣ кн(а)зю Борису,
 и твоемѣ с(ы)ну, кн(а)зю Михаилѣ, и
 меншым твоим дѣтем, кого ти еще
 Б(о)гъ дасть, и мнѣ, великомѣ кн(а)зю
 Васил(ь)ю, и моим дѣтем, великому
 кн(а)зю Иванѣ и кн(а)зю Юрью, и
 меншым моим дѣтем быти нам с тобою,
с великим кн(а)зем Борисом, и с
твоими дѣтми на тѣх заудин, | а тѣх нам
къ собѣ на приимати.

Более последовательным выглядит построение статьи в тверской грамоте, поскольку если уже сказано, что на неких недругов нужно быть «заодин», то заявление о том, что их к себе «не приимати», выглядит излишним. Характерно, что в следующем московско-тверском договоре каждая сторона следует своей традиции, а в последнем договоре Ивана III с Михаилом Борисовичем в грамоте Ивана Васильевича (во второй грамоте эта часть не сохранилась) воспринята оказалась «тверская версия»: сначала «не приимати», а затем «а быти... на них вездѣ заудин».

Еще одним отличием является пропуск в тверской грамоте слова «удина»:

Грамота тверская (1454–1456)

А кто сѣ промытит, ино с воза про-
 мы|ты .̄ алтын, а заповѣди .̄ алтын,
 колко бы возовъ ни было. А промыта
 то, кто шбѣдет мыть.

Грамота московская (1454–1456)

А хто сѣ промытит, ино промыты с воза
 шесть алтын, а заповѣди шесть же алтын
удина, кол(ь) бы возов ни было. А промыта
 то, гдѣ | шб(ь)ѣдет мыть.

Столь подробная роспись норм относительно торговых и таможенных пошлин характерна только для московско-тверских договоров. Упоминание мыта и пошлин имеется в московско-рязанских договорах, но их краткость и иная форма не дают возможности привлечь эти договоры для аналогий⁹.

Размеры пошлин и штрафа на материале московско-тверского договора 1399 г. подробно рассмотрены В.А. Кучкиным¹⁰. При этом

⁹ «А мыты ны держати давнии пошлыи, | а непошлых мытов и пошлин не замышлати. А мыта с воза по дензе, а с пѣшехода мыта нѣт» (Договор 1381 г. Дмитрия Донского и Владимира Серпуховского с Олегом Рязанским. РГАДА. Ф. 135. Отд. I. Рубр. II. № 6).

¹⁰ Кучкин В.А. Договорные грамоты московских князей XIV века: Внешнеполитические договоры. М., 2003. С. 310–312.

он отметил, что в последнем договоре между Иваном III и Михаилом Борисовичем сформулировано: «а заповѣди шесть жо алтын, колко бы возов ни было». То есть там тоже слово «вдина» отсутствует. Однако важно обратить внимание, что в московской грамоте договора 60-х гг. читается: «а заповеди шесть же алтын вдинако, колко бы возовъ ни было» (в тверском противне слова *вдинако* нет).

Немного яснее выглядит статья в московской грамоте о «печаловании» о княгине и детях, которое предстояло тому из двоих договаривающихся князей, кто останется в здравии:

Грамота тверская (1454–1456)

А ѡ(ѣ)имет Б(ог)ъ котороꝝ(о) из нас, и вам, брате, печаловатис(а) нашими кнаинами | и нашими дѣтми.

Грамота московская (1454–1456)

А штоимет Б(о)гъ котороꝝ(о) из нас, и вам, брате, печаловатис(а) по нашем животѣ нашими кн(а)гинами и нашими дѣт|ми.

Уточнение «по нашем животѣ» есть в грамоте 1399 г.: «А ѡ(ѣ)имет Б(ог)ъ котороꝝ(о) ѡ нас, и вам, | брат(е), печаловатис(а) нашим(и) кнегинам(и) и нашими | дѣтми по живот(ѣ) по нашем». Оно несколько снимает недостаток подробности этой необычной политической нормы. Множественное число («которого из нас») допускает толкование — смерть не только самого князя, но и его наследника, но далее оказывается, что дети попадают в категорию тех, о ком нужно печаловаться. Правильнее каждому князю было бы писать непосредственно о своей смерти, а не о «которого из нас», поскольку дальше речь идет о печаловании со стороны конкретного князя (в каждом случае — «вам, брате»).

Договор первой половины 60-х годов XV века Ивана III с Михаилом Борисовичем заключался между недавно вступившим на великокняжеский московский стол сыном Василия Темного и наследником Бориса Александровича, также недавно ставшим великим князем тверским. Обращение к образцу договоров их отцов было вполне закономерным. При этом внешние характеристики двух грамот с большей очевидностью, чем в предыдущем договоре, показывают, что бумага использована из одного комплекта. Обе грамоты написаны на листах 415 × 280 мм. Вержеры — 8 × 10 мм. Расстояние между понтюзо равно 30 мм. Филигрань Якорь — Лихачев № 2934 — 1462 г. (на листе московской грамоты видна лишь нижняя часть филиграни из-за поздней плотной подклейки листа). Однако, как и в предыдущей паре грамот, почерки писцов имеют существенные различия, в первую очередь, почерк московского дьяка намного мельче: тверская грамота занимает 61 строку, московская уместилась на 45, отличаются и характерные начертания ряда букв (з, д, ѣ и др.).

Что касается особенностей орфографии, то в этой паре отступление от книжной нормы демонстрирует московская грамота. Последовательно пишется *тобѣ*, встречается написание *кто* (хотя в той же грамоте пишется и *кто*), *х тобѣ*.

Разночтения содержательного и стилистического характера в ряде случаев фиксируются в тех же статьях, что и в вышерассмотренных грамотах. Это касается статьи об обязательствах не поддерживать, а выступить против «згрубивших» братьев:

Грамота тверская (1462–1464)

Такъ же, брате, которои мои братъ молодшой и из меншиѣ моеѣ брат(ь) и згрубит мнѣ, великому кн(а)зю Михаилу Борисовичю, и моим дѣтем, | и тебѣ, великому кн(а)зю Ивану Васил(ь)евичю, к себѣ их не примати, ни твоим дѣтем, ни твоему брату молодшому, кн(а)зю Юрью Васил(ь)евичю, ни твои бра[т(ь)е] | меншой, кн(а)зю Ондрѣю и кн(а)зю Борису, и кн(а)зю Ондрѣю Васил(ь)евичем. А быти вам со мною, с великии кн(а)з(е)мь, и с моими дѣтми на тѣх задин.

Грамота московская (1462–1464)

Так же, брате, которо|и твои брат молодшой и из меншеи твои брат(ь) и згрѣбит тобѣ, великомѣ кн(а)зю Михаилѣ, и мнѣ, великомѣ кн(а)зю Ивану, и моемѣ братѣ молодшемѣ, кн(а)зю Юрью, и нашии брат(ь)е меншеи | [быти с то]бою, с великим кн(а)з(е)мь Михаилом, и с твоею братьею с молодшею, съ кн(а)з(е)мь с-Иваном съ Юрьевичем и со кн(а)з(е)мь Михаилом Дмитриевичем, на тѣх задин. А тѣх нам к собѣ не примати.

Статья содержит достаточно много текстовых различий, но не все они имеют непосредственное отношение к формуляру, а могут трактоваться и как вполне сознательные. Так, в тверской грамоте читается «згрубит мнѣ, великому кн(а)зю Михаилу Борисовичю, и моим дѣтем», в московской же дети Михаила не упоминаются. Зато в московской быть «задин» предполагается Ивану Васильевичу с Михаилом и с его «молодшею братьею», о которой не сказано в тверской. Главное же, что обращает на себя внимание, — это то, что с порядком «не примати» и быть «задин» наблюдается та же картина, что и в договоре 50-х гг.: логичный порядок — сначала «не примати», а потом быти «на тѣх задин» — в тверской грамоте, а обратный — в московской. Это заставляет подозревать, что дяки писали противни каждый со своей предыдущей грамоты (или черновика, который оставался в местной канцелярии).

Работа канцелярий по совершенствованию статей привела, видимо, к более адекватной форме раздела о «печаловании» о семье после смерти одного из князей. Особенно вразумительным выглядит текст в московской грамоте:

Грамота тверская (1462–1464)

А отоимет Б(о)гъ которого из насъ, а которого из нас Б(о)гъ оставит, и вамъ, брате, печаловатиса нашими княгинями и нашими дѣтьми.

Грамота московская (1462–1464)

А штоимет Б(о)гъ которог(о) из нас, а которого Б(о)гъ из нас оставит, ино томъ, брате, печаловатиса по нашемъ животе нашими кн(а)г(и)нами и нашими дѣтьми.

Московский дьяк наконец нашел нужную форму выражения, чтобы читающему было ясно, что «печаловатиса» должен тот, кого Бог оставит жить. Но дальше двусмысленность остается: о чем «нашем животе» идет речь? Если видеть в выражениях «*нашыми* кн(а)г(и)нами», «*нашыми* дѣтьми» объединение обеих княгинь и всех потомков обоих князей, то все выглядит логично (о них обо всех нужно будет «печаловатиса» оставшемуся князю), но «*по нашемъ* животе» в эту смысловую конструкцию не вписывается, поскольку если оба умрут, то никто и не сможет «печаловатиса». В этом смысле было бы целесообразно использовать местоимение в единственном числе.

Статья эта имеет не больше аналогий в актах, чем статьи про мыт и промыту. На материале договора 1399 г. она исследована В.А. Кучкиным, который отметил необычность таких статей для неродственных договоров¹¹. Но и для родственных актов примеров не так уж много. В договоре великого князя Симеона Ивановича с братьями звенигородским князем Иваном и серпуховским князем Андреем 1348 года читается: «...а не обидѣти тобѣ, ни имати ничего ото княгини и отъ дети, чимъ ны кого благословиль отецъ нашъ по роздѣлу» (РГАДА. Ф. 135. Отд. I. Рубр. II. № 1). Статья обращена к великому князю и, как отмечал В. А. Кучкин, «содержит требование к великому князю в случае смерти Ивана и Андрея не отнимать у их вдов и детей того, что получили братья от отца, Ивана Калиты»¹². Неопределенность смысла самой нормы вела к неясности ее формулировок.

Имеются разночтения — пропуски, скорее всего случайного характера:

Грамота тверская (1462–1464)

...и вам са, брате, не имати [за] Дом С(ва)т(а)го | Сп(а)са, а за нашу ѿчину за великое княжен(ь)е, ни тебѣ, ни твоим дѣтем, ни твоему брату

Грамота московская (1462–1464)

...вам | [са, брате,] не имати за нашу ѿчинѣ, за великое княж(е)ние за Москву и за Великии Новгород, под мною, под великим кн(а)з(е)мъ Иваном

¹¹ Кучкин В.А. Договорные грамоты московских князей XIV века. С. 321.

¹² Кучкин В.А. Договор 1348 г. великого князя Симеона Ивановича с братьями Иваном Звенигородским и Андреем Серпуховским // Средневековая Русь. М., 2009. Вып. VIII. С. 152.

молодшому, кн(а)зю Юрью Васил(ь)евичю, ни твоєи брат(ь)е меншой, кназю О[ндр]ѣю, и кн(а)зю Борису, и кн(а)зю Ондр[ѣ]ю Васил(ь)евичем, ни под моими дѣтми, ни под моею братьею молодшою, подо кн(а)з(е)мь Иванов Юрьевичемь и подо кн(а)з(е)мь | Михаилом Дмитреевичем, ни под нашою брат(ь)ею меншою.

Василіевичем, и под моими дѣтми, и под моим братом, кн(а)зем [Юрьем, и] под | [м]еншею нашою брат(ь)ею, их ѿчин, ни твоєи брат(ь)е молодшеи, кн(а)зю Ивану Юріевич(ю) и кн(а)зю Михаилу Дмитреевич(ю), ни вашей брат(ь)е менш[ои, ни под] нашими [дѣтми.

Очевидно, что в тверской грамоте оказалось пропущено «подо мною под великим князем...» — перед словами «ни под моими дѣтми, ни под моею братьею молодшою...».

Грамота тверская (1462–1464)

Грамота московская (1462–1464)

А кормь взати, а не користовати[с]а ни|чим.

А кормь взати, не користоватис.а.

Особенность в разделе о пошлинах в московской грамоте уже отмечалась (относительно размера заповеди: «шесть же алтын вдинако»). Кроме этого есть случай, где в тверской грамоте допущен пропуск:

Грамота тверская (1462–1464)

Грамота московская (1462–1464)

А мытника Ѹ завора не будет, а проѣдет | мыт, а състижет его мытник, и онъ возмет свои мыт, а промыты и заповѣди нѣтъ.

А проѣдет мыт, а мытника Ѹ завора не бѣдет, ино мыта и промыты нѣтъ. А сѣсти|[же]т его мытник, и онъ возметъ свои мыт, а промыты и заповѣди нѣтъ.

Ясно, что подчеркнутый во второй колонке текст выпал по недосмотру писца, так как без этого фрагмента оказывается нерассмотренным случай, когда мытник не догонит проехавшего мыт в его отсутствие.

Как говорилось выше, анализ **последнего договора Ивана Васильевича и Михаила Борисовича** может носить лишь дополнительный уточняющий характер. В целом грамоты имеют между собой гораздо меньше отличий (даже незначительных), чем рассмотренные выше. Складывается впечатление, что как раз в этом случае писцы опирались на один и тот же текст. Но несколько отличий в части, где имеются параллели текстов обеих грамот, фиксируется.

В грамоте Ивана Васильевича имеет место перестановка статей — о рубеже между «отчинами» двух князей и о недействитель-

ности грамот, «что судил Киприан». По традиции статья «О рубеже» идет после «судов Киприана». По-видимому, эта перестановка была допущена в московской грамоте не намеренно, а в результате случайного пропуска писцом статьи «судов Киприана», который им был быстро замечен и восполнен в последующем тексте.

Второе разночтение между двумя противнями этой грамоты — это статья о «печаловании» о вдовой княгине при смерти одного из договаривающихся князей оставшимся в живых князем. Здесь остаются те же редакции, которые в каждом противне читались в договоре 60-х годов:

Грамота московская (1484–1485)

А штоимет Б(о)гъ которого из насъ,
а котороз(о) из нас Б(о)гъ вставит,
ино томъ, брате, печаловатиса по
нашем животѣ нашими кн(а)г(и)нами
и нашими детми.

Грамота тверская (1484–1485)

А штоимет Б(о)гъ котороз(о) из нас,
а которого из насъ Б(о)гъ вставить,
и вам, г(о)с(поди)не, печаловатиса
нашими кн(а)г(и)нами и нашими
дѣтми.

В свете уже отмеченных отличий между тверскими и московскими грамотами 50-х и 60-х гг. стоит заметить, что в отношении мыта и промыты при отсутствии мытника текст обеих грамот последнего московско-тверского договора повторяет тот самый текст с пропуском, который обнаруживается в тверской грамоте 60-х гг.:

Грамота московская (1484–1485)

А мытника ъ завора не бѣдет,
а проѣдет мыт, а състижет его
мытник, и он возмет свои мыт,
а промыты и заповеди нѣт.

Грамота тверская (1484–1485)

А мытника ъ завора не бѣдет,
а проедет мыт, а състижет егw
мытник, инъ возмет свои мыт,
а промыты и заповѣди нѣтъ.

Поскольку ведущую роль в составлении договора играла московская сторона, можно думать, что образцом для статьи послужил противень, находившийся в великокняжеской канцелярии (тверская грамота предшествующего договора).

Таким образом, можно констатировать, что работа над текстами договоров (особенно в XV в.) была тщательной и многоступенчатой. Случавшиеся упущения писцов одного противня в определенной степени нивелировались наличием другого. Делать более детальные и более общие выводы относительно процесса создания текста таких документов можно будет после изучения противней других серий грамот.

Два эпизода русско-польских книжных связей во второй половине XV в.: писарь Якуб, Василий Ермолин и Швайпольт Фиоль

DOI 10.31168/91674-483-5.24

Межславянские книжные связи преимущественно изучаются как миграция текстов между южными славянами и Русью. Между тем имеются серьезные основания говорить о таких же устойчивых связях Руси с Польшей, причем не только как воспринимавшей стороны, но и как поставившей свои различного содержания книги на территорию королевства. Давно отмечено, что польскими историками XV в. активно использовались памятники древнерусской письменности, дававшие обильный материал для создаваемых хронистами произведений¹. Имеются свидетельства интереса к русским книгам, проявлявшегося должностными лицами королевского двора, старавшимися удовлетворить собственный, не связанный с исполнением служебных обязанностей интерес.

Весьма показательным в этом отношении является эпизод личных отношений одного из видных представителей московского торгового мира с заметным польским чиновником в третьей четверти столетия. Известный московский купец второй половины XV в. Василий Дмитриевич Ермолин в своем письме секретарю литовского великого князя и польского короля Казимира IV Якову в 1460-х гг. писал: «А что ми, пане, писал на своем листу, еже ти есть тробе надобно прилог со всемы полон на весь год ви единех досках, да осмогласник по-новому, да два творца в одних досках, а к тому житья

¹ *Рогов А.И.* Основные особенности развития русско-польских культурных связей в эпоху Возрождения // Культурные связи народов Восточной Европы в XVI в. М., 1976. С. 168.

святых Христовых апостол двоюнадесять, написаны ви единых досках, ино, пане милый, того такова не издобыти купить, как ти есть излюбил держати. А купит еси много того, да не так зделано, какия тебе хочет. Много того, да все еси, пане, по опришним доскам, что обычай держит. Кто будет таково написал, ин себе то и держит, а на денги того не продаст. А коли уж пришла твоя воля по твоей к нам ласце, и тебе, пане, и нам прислать своя папер да того дела подождать. А яз многим доброписцам велю такovy книги сделать по твоему приказу с добрых списков, по твоему обычаю, как любит воля твоя»². В.Б. Перхавко заметил, что знакомство Ермолина с поляком могло состояться как в 1468 г., когда последний в составе посольства приехал в русскую столицу, так и при деловых поездках самого купца в Литву³. Стоит оговорить, что встреча посольства с Иваном III происходила в Переславле, почему пребывание Якуба и его сотоварища Ивашенца в Москве нельзя считать длительным и удобным для заведения знакомств⁴. Отсюда более верным кажется связывать возникновение товарищеских отношений Ермолина и Якуба с каким-то иным эпизодом.

Богатый купец, подрядчик осуществлявшихся в Москве строительных работ, Ермолин свои капиталы, скорее всего, мог накопить на экспортных операциях. Однако сама по себе торговая деятельность способствовала налаживанию связей в среде себе равных, таких же купцов и промысловиков, каким был сам Василий Дмитриевич. Для приятельских отношений с королевским секретарем нужны были иные причины и удобные поводы.

Необходимо учитывать, что, начиная с древнейших времен, купечество на Руси привлекалось к исполнению некоторых дипломатических функций. Отправляясь за рубеж, торговцы, преследуя собственные корыстные цели, иной раз были призваны блюсти торговые интересы великокняжеской казны или, в более позднее время, со-

² Русский феодальный архив XIV — первой трети XVI века. М., 1986. Вып. 1. С. 197. Воспроизводим с частично измененной пунктуацией. Текст письма сохранился в рукописи митрополичьего формулярника ГИМ, Син. 562, в той ее части, которая была создана в начале XVI в. (*Черепнин Л.В.* Русские феодальные архивы XIV–XV веков. М., 1951. Ч. 2. С. 20; *Клосс Б.М.* Никоновский свод и русские летописи XVI–XVII веков. М., 1980. С. 71; *Плигузов А.И.* Предисловие // Русский феодальный архив XIV — первой трети XVI века. М., 1986. Вып. 1. С. 33–37).

³ *Перхавко В.Б.* Зодчий и книжник Василий Ермолин. М., 1997. С. 66. Того же мнения придерживается Е.Л. Немировский (*Немировский Е.Л.* Возникновение славянского книгопечатания (= История славянского кирилловского книгопечатания XV — начала XVII века. Т. 1). М., 2003. С. 97).

⁴ ПСРЛ. М.; Л., 1949. Т. 25. С. 280.

провождать посольства, ведая сохранностью отсылаемых иноземным властям поминков в виде натуральных подношений, прежде всего пушниной. Сами эти подарки принимались в иностранных столицах должностными лицами казенного ведомства. В связи с этим можно допустить, что знакомство В.Д. Ермолина с королевским секретарем состоялось именно во время приезда купца ко двору Казимира IV. Один из вероятных эпизодов относится к 1449 г., когда между Василием II и Казимиром Ягеллончиком был заключен договор, но возможно относить таковое событие и к более позднему времени — 1450-м гг. или следующему десятилетию.

Фигура Василия Дмитриевича была вполне приемлема для исполнения службы московскому великому князю при дворе великого князя литовского, коим Казимир оставался и будучи польским королем. Об отце Василия Ермолина в описании посмертных чудес Сергия Радонежского говорится как о принявшем постриг «некоем от московских великих купцов», владевшем греческим и половецким языками⁵. Занятия торговлей на внешних рынках, в данном случае — явно на черноморском направлении, требовали умения общаться на чужих языках, и можно думать, что Дмитрий постарался внушить это своему сыну, который во время описываемых в рассказах о чудесах событий — периода управления Троице-Сергиевым монастырем игумена Мартемиана (1447–1455) — уже был самостоятельным хозяином, сменившим отошедшего от дел отца.

Как бы то ни было, у Василия Дмитриевича и Якуба сложились дружеские отношения, позволившие поляку обратиться с просьбой о присылке книг, набор которых попытался установить В.Б. Перхавко, посчитавший, что у Ермолина просили прислать Пролог, Октоих, Жития апостолов и творения отцов церкви⁶. Последнее исследователь усмотрел в неясном написании «да два творца». Если определение двух запрошенных книг — Пролога и Жития апостолов — не вызывает затруднений, то в отношении другой пары такой ясности нет.

Прежде всего нуждается в уточнении, что подразумевалось под осмогласником «по-новому». В XV в. на русской почве происходит преобразование Октоиха в связи с утверждением иерусалимского устава, и в последней четверти столетия окончательно формируется нотированный Октоих иерусалимской редакции⁷. Не исключено, что именно подобного рода книга имелась в виду, когда писарь Якуб

⁵ Клосс Б.М. Избранные труды. М., 1998. Т. 1. С. 442, 445.

⁶ Перхавко В.Б. Зодчий и книжник Василий Ермолин. С. 65–66.

⁷ Плетнева Е.В. Певческая книга «Октоих» в древнерусской традиции (по рукописям XI–XV веков): автореф. дисс. ... канд. искусств. СПб., 2008. С. 16.

просил прислать ему из Москвы Осмогласник. Однако это не единственный возможный вариант. Во второй половине XV столетия получают распространение и иные виды Октоиха, в частности так называемый Шестоднев служебный, который также мог заинтересовать своей новизной королевского секретаря. Следовательно, необходимо учитывать и подобную возможность, допуская, что от Ермолина требовалась присылка именно такого или близкого ему Октоиха.

Вряд ли стоит в написании «да два творца», следуя В.Б. Перхавке, усматривать сочинения отцов церкви. Более верным представляется версия Е.Л. Немировского, который отметил явную ошибку переписчика, назвавшего среди необходимых Якубу книг некие «два Творца», и предположил, что на самом деле в оригинале письма речь шла о двух Триодях⁸. Трудно сказать, хотел ли Якуб получить в виде единого фолианта делившиеся каждая на два тома Постную и Цветную триоди или мечтал, чтобы ему прислали обе книги под одним переплетом.

Остается неизвестным, был ли выполнен заказ королевского секретаря⁹, но в любом случае сохранившийся фрагмент переписки Якуба с В.Д. Ермолиным отражает существование практики пересылки переписанных в Москве книг за пределы страны, включая польские земли, в первую очередь, разумеется, столичный Краков¹⁰. Одновременно обращенная к Ермолину просьба польского королевского секретаря являет собой свидетельство серьезных затруднений в получении русской богослужебной и четьей литературы даже для относительно высокопоставленных персон Польши.

Интерес к написанным кириллицей книгам в Кракове проявлял не только королевский чиновник. Именно в этом городе выходцем из германской Франконии, немцем по национальности Швайпольтом Фиолем в 1491 г. была основана первая использовавшая соответствующий шрифт типография. Несомненно, уникальность предприятия должна была сулить ему коммерческий успех. «Славянская типография в Кракове, — справедливо подчеркивает Е.Л. Немировский, — в момент ее основания была первой и единственной в мире, конкурентов она не имела. Печатание кирилловских книг у южных славян началось лишь в 1493–1494 гг. Поэтому продукция краковской

⁸ *Немировский Е.Л.* Возникновение славянского книгопечатания. С. 97.

⁹ А.И. Рогов видел в нем пример плодотворных связей в области книжного дела (*Рогов А.И.* Основные особенности развития русско-польских культурных связей в эпоху Возрождения. С. 169).

¹⁰ Исходя из факта заказа писарем Якубом В.Д. Ермолину, А.Л. Хорошкевич считала обмен рукописными книгами в то время обычным явлением (*Пауто В.Т., Флоря Б.Н., Хорошкевич А.Л.* Древнерусское наследие и исторические судьбы восточного славянства. М., 1982. С. 146).

типографии могла рассчитывать на сбыт на колоссальных территориях Московского государства, Великого княжества Литовского, княжеств Молдавии и Валахии, на захваченных Османской империей землях южных славян»¹¹. Тем не менее типография выпустила лишь четыре издания, после чего ее работа прекратилась. Этими изданиями явились Октоих, Часослов и Постная и Цветная триоди.

Деятельность Ш. Фиоля привлекает внимание исследователей на протяжении двух столетий, и одним из важнейших и не окончательно проясненных вопросов является происхождение использованных краковским типографом оригиналов. По этому поводу высказывались различные суждения, в первую очередь основывавшиеся на лингвистическом анализе самих изданий. Так, К.Ф. Калайдович подчеркивал, что язык Часослова и Октоиха в изданиях Фиоля «есть древнеславянский, несколько искаженный не только переписчиками, но и при самом издании», причем оригинал Часослова отразил некоторые особенности простонародного белорусского выговора¹².

П.В. Владимиров отметил наличие в издании Фиоля месяцеслова с упоминанием большого числа русских святых при умолчании о южнославянских, а в Часослове — написаний, позволяющих отнести использованный рукописный оригинал к южнорусским памятникам. Исследователь предложил два варианта решения вопроса: либо привлеченные к изданию рукописи были переписаны русскими писцами, либо типографщики и корректоры Фиоля были этническими русскими из юго-западной России¹³.

А.И. Соболевский признал справедливость суждения П.В. Владимирова о национальности наборщиков и корректоров в типографии Фиоля, но, отрицая возможность работы предприятия без получения заказа от молдавских господарей и бояр, оговорил, что «это не мешает изданиям Фиоля быть по тексту среднеболгарскими или молдавскими, и не может быть никакого сомнения в том, что в основание их легли молдавские списки»¹⁴.

¹¹ Немировский Е.Л. Возникновение славянского книгопечатания. С. 204.

¹² Калайдович К.Ф. Сведения о трудах Швайпольта Феоля, древнейшего славянского типографщика. М., 1820. С. 8–9. Это сочинение занимает особое место в историографии как первый отдельно изданный русский труд по истории книгопечатания (Немировский Е.Л. Начало книгопечатания у южных славян. М., 2005. Ч. 1 (= История славянского кириллового книгопечатания XV — начала XVII века. Т. 2). С. 35).

¹³ Владимиров П.В. Доктор Франциск Скорина. Его переводы, печатные издания и язык. СПб., 1888. С. 25–27.

¹⁴ Соболевский А.И. Рецензия на: Владимиров П.В. Доктор Франциск Скорина. Его переводы, печатные издания и язык. СПб., 1888 // ЖМНП. 1888. № 10. С. 331–332.

Суждение А.И. Соболевского не осталось без возражений со стороны П.В. Владимиров, в пользу отстаиваемого им мнения снова сославшегося как на важнейшее обстоятельство на особенности языка фиолевских изданий¹⁵. Конечный вывод исследователя, нисколько не способствовавший уяснению действительного положения дел, гласил: «В руках русских сотрудников Феоля находились рукописи северо-восточной России, но, быть может, уже ранее перешедшие в южную Русь в конце XIV в., в начале XV века, затем рукописи южнорусские, как слова, прибавленные к Осмогласнику, и рукописи, списанные с южнославянских оригиналов русскими переписчиками»¹⁶.

С иных позиций подошел к решению вопроса о происхождении использованных Ш. Фиолем оригиналов Е.Л. Немировский. В этом случае основное внимание обращалось на особенности текстов книг, напечатанных краковским типографом. Исследователь заметил, что Фиоль выпустил в свет Октоих, содержащий полные воскресные службы всех восьми гласов, а также будничные, в которых каждому дню недели соответствует лишь один глас¹⁷. Этот вид сокращенного Октоиха, получивший наименование Шестоднев служебный и в студийской традиции входивший в состав сборников с Часословом, в XV в., с распространением иерусалимской редакции, воспроизводился как отдельная книга. Именно в отдельной рукописи писарь Якуб желал получить от В.Д. Ермолина Осмогласник, но нельзя утверждать, что им должен был оказаться именно Шестоднев служебный. В XV в. на Руси распространяется более полный содержанием Октоих-Параклит, переписывавшийся отдельно от иных текстов, который можно было рассматривать как написанный «по-новому»¹⁸.

Е.Л. Немировский полагал, что Шестоднев служебный не был известен у южных славян, почему и не мог быть заимствован от них для изданий Ш. Фиоля¹⁹. Однако специальные исследования показали, что из южнославянских земель происходит некоторое число

¹⁵ *Владимиров П.В.* Начало славянского и русского книгопечатания в XV–XVI вв. // Чтения в историческом обществе Нестора-летописца. Киев, 1894. Кн. 8. С. 24–25.

¹⁶ *Владимиров П.В.* Начало славянского и русского книгопечатания в XV–XVI вв. С. 29.

¹⁷ *Немировский Е.Л.* Начало книгопечатания у южных славян. Ч. 1. С. 295.

¹⁸ *Крашенинникова О.А.* Древнерусские Октоихи XIV века и проблема типологии гимнографических рукописей // Герменевтика древнерусской литературы XI–XIV вв. М., 1992. Сб. 5. С. 303.

¹⁹ *Немировский Е.Л.* Возникновение славянского книгопечатания. С. 304–305.

списков Шестоднева²⁰, что лишает аргумент Е.Л. Немировского доказательной силы.

Обращая внимание на то, что, как следует из письма В.Д. Ермолина Якубу, поляк «просил прислать ему все те книги, которые впоследствии печатал Швайпольт Фиоль»²¹, Е.Л. Немировский, видимо, придерживался мнения, прямо его не выражая, о возможности использования типографом книг, полученных из Москвы королевским секретарем, о чем, кажется, свидетельствует и его замечание относительно совпадения «рисунка» филигранный на Троицком списке Ермолинской летописи и на Октоихе Фиоля 1491 г.²² Утверждать или отрицать получение Фиолем экземпляров, присланных Ермолиным Якубу, нельзя, тем более что и сам факт исполнения заказа поляка остается неустановленным.

Таким образом, проблема происхождения использованных Ш. Фиолем рукописных оригиналов остается нерешенной. Представляется, что частично ответ на занимающий нас вопрос дает рассмотрение содержания выпущенной краковской типографией в 1493 г. Постной триоди²³. Полный экземпляр этого издания был открыт в 1822 г. К.Ф. Калайдовичем в Синодальной библиотеке (РГАДА, БМСТ, № 4), свидетельством чего, в частности, является приложенная к данному экземпляру записка самого первооткрывателя²⁴.

М.А. Момина отметила появление в русской рукописной Триоди, эпизодически, начиная с конца XIV в., и особенно часто в XVI в., синаксарных чтений, в том числе синаксаря о нашествии варваров на Константинополь, помещаемого как чтение в субботу акафиста

²⁰ О.А. Крашенинникова привела данные, свидетельствующие об отсутствии южнославянских рукописей Шестоднева служебного, относящихся к периоду до начала XV в. и отражающих студийскую редакцию, тогда как на Руси они имели широкое распространение. Для XV в. исследовательница указала на существование известных ей двух рукописей Шестоднева иерусалимской редакции (*Крашенинникова О.А. Древнерусский Октоих XII–XIV вв. как памятник средневековой гимнографии: автореф. дисс. ... канд. филолог. наук. М., 1997. С. 12*). Поправки см.: *Плетнева Е.В. Певческие параллели в южнославянских и древнерусских Октоихах студийской редакции // Греко-русские певческие параллели. К 100-летию афонской экспедиции С.В. Смоленского. М.; СПб., 2008. С. 87. Примеч. 1.*

²¹ *Немировский Е.Л. Возникновение славянского книгопечатания. С. 97.*

²² Там же. С. 98.

²³ О возможности датирования Триоди постной 1493 г.: *Немировский Е.Л. Возникновение славянского книгопечатания. С. 491.*

²⁴ Там же. С. 39, 415. Воспроизведение текста записки К.Ф. Калайдовича в архивском экземпляре Триоди постной см.: там же. С. 431.

Богородице²⁵. Краковское издание Триоди постной также содержит повествование об осадах варварами Царьграда в VI–VII вв., но это не краткий синаксарный рассказ, а пространная, как ее называли на Руси, «Повесть о неседальном».

В Москву сочинение, посвященное истории возникновения акафиста Богородице, попало в середине — второй половине 20-х гг. XV в. благодаря известному книжнику Ефрему, вместе с напарником Евсевием собиравшему в Константинополе и на Афоне книги для вывоза на Русь. Связанный тесными узами с Кирилло-Белозерским монастырем, Ефрем прислал в обитель специально изготовленный список Повести. Проведенные разыскания показывают, что московский список сочинения породил значительную рукописную традицию, тогда как белозерский, сохранившийся в виде присоединенной тетради к монастырской пергаменной Триоди постной (РНБ, Погод. 42), стал источником лишь для двух воспроизведений — в утраченном сборнике монаха Ефросина Белозерского и в созданном его же трудами Торжественнике (ГИМ, собр. Уварова № 894). При том что списки московской традиции разнятся друг от друга степенью точности передачи текста Повести, содержа иной раз ошибки или даже пропуски целых фрагментов, они имеют общее чтение, отличающее их от списка в Триоди Погод. 42 и, естественно, производного от него Увар. 894. В присланном Ефремом в Кириллов монастырь тексте при описании осады Константинополя персами и аварами в 626 г. сказано, что «скифьскыи каганъ абие ятятся дѣлоу, море оубо кораблеи наполни, еже от единого древа в долготу сотворени и того дѣля варварьскымъ языком моносила наричются». Во всех остальных известных нам списках Повести XV–XVI вв., кроме Увар. 894, вместо «моносила» в этом месте находится демонстрирующее непонимание переписчиком копируемого текста «мнози»²⁶.

Именно белозерские списки отражают чтение архетипа, о чем свидетельствует текст Повести в иноязычных рукописях. Произведение в XIV–XV вв. было хорошо известно болгарским и сербским книжникам, ни один из которых не допустил указанного искажения («мнози» вместо «моносила»). Примером может быть рукопись РНБ, собр. Гильфердинга, № 34 (Повесть помещается на л. 329об.–334об.), где читается: «скифинь хаганъ, абие ятятся дела, и море оубо корабми испольни от него, их же, заеже единостанно быти древоу и единови дноу, моносила варварьскымъ гласом на-

²⁵ *Момина М.А.* Постная и Цветная Триоди // Методические рекомендации по описанию славяно-русских рукописей для Сводного каталога рукописей, хранящихся в СССР. М., 1976. Вып. 2. Ч. 2. С. 396.

²⁶ Подробнее о списках Повести и о личности Ефрема см.: *Кистерев С.Н.* Лабиринты Ефросина Белозерского. М.; СПб., 2012. С. 182–207, 357–362.

рицаять». Равным образом изначальное «моноксила» присутствует и в оригинальном, греческом, тексте. Следовательно, разночтение «мнози» возникло уже на русской почве. Исходя из наличия верного варианта «моноксила» в белозерских списках, появление искажения следует связывать с работой столичных книжников, а отправным пунктом распространения текста с ошибочным чтением считать Москву.

В печатном тексте краковского издания процитированное выше место выглядит следующим образом: «скитьскый каганъ абие ятсѣ делу, море убо корабли наплъни, еже от единого древа длъготу сътворени и того ради варваскымъ языкомъ мнози наричѣтсѣя». Налицо практически полное сходство с русскими рукописями, содержащими ошибочное чтение «мнози», что позволяет говорить об использовании печатниками типографии Ш. Фиоля рукописного оригинала русского происхождения, принадлежащего к числу списков московской традиции²⁷.

Теперь нельзя указать конкретного способа получения Фиолем рукописи Триоди с приложенным к ней списком Повести, и если определенные трудности с приобретением книг московского письма возникли у королевского секретаря Якуба, то не меньшими они могли быть и у типографа. Стоит лишь отметить, что все было преодолено в силу целеустремленности начинавшего печатание кириллических книг немца, в своих розысках необходимых пособий, возможно, прибегшего к помощи официальных лиц, хотя говорить о произведениях его предприятия как отражениях рукописей, запрошенных некогда Якубом у В.Д. Ермолина, достаточных оснований нет.

Таким образом, в факте воспроизведения в издании Триоди постной текста «Повести о неседальном» в ее московском обличье можно видеть эпизод русско-польских связей в сфере книжного дела, к тому же имевший далекие последствия в силу импорта продукции краковской типографии через русскую границу.

Распространение изданий Фиоля на территории Русского государства в XVI в. по владельческим и вкладным записям на самих книгах отследил Е.Л. Немировский, полагавший, что Фиоль и Турзо

²⁷ Е.Л. Немировский оговорил наличие текста «Повести о неседальном» в конце краковской Триоди постной, не сравнивая его с сохранившимися рукописными вариантами (*Немировский Е.Л. Возникновение славянского книгопечатания*. С. 439). Первоначально результаты сопоставления рукописных текстов Повести и ее печатного варианта 1493 г. представлены: *Кустерев С.Н. Триодъ постная в краковском издании Швайпольта Феоля и в рукописной традиции XV века // Вспомогательные исторические дисциплины в современном научном знании. Материалы XXV Международной научной конференции. Москва, 31 января — 2 февраля 2013 г. М., 2013. Ч. 2. С. 349–350.*

печатали свои издания «если не по прямому заказу из Москвы, то, по крайней мере, рассчитывая на Москву»²⁸. По его данным, старейшая из фиксирующих нахождение на Руси изданий Фиоля запись сделана на экземпляре Часослова в 1517 г. представителем семейства Бухвостовых-Злобиных (РГАДА. БМСТ (СПК). № 819)²⁹. Правда, эта запись является первой в своеобразной семейной летописи³⁰ и, скорее всего, сделана в позднейшее время. К 1520–1525 гг. относится вклад Часослова 1491 г. в ростовский Борисоглебский монастырь от имени Григория и Алексея Федоровичей Ярцевых (ГИМ, Щап. 686)³¹. Экземпляр РГБ № 3568 на своих страницах содержит записи, однозначно свидетельствующие о пребывании книги в России во второй половине XVI в. Среди них на л. 169об. читается заметка о преставлении преподобного Саввы Сторожевского, а на л. 244 — о почитании князя Константина Муромского и его сыновей Михаила и Федора³². Канонизация Саввы Сторожевского и муромских князей стала актом деяний собора 1547 г.³³ Однако записи на книге нанесены еще позднее, поскольку только собор 1549 г. установил почитание Ефрема Перекомского³⁴, чья память отмечена на том же л. 244³⁵. К.Ф. Калайдович указал на наличие в собрании книг Ф.А. Толстого экземпляра Часослова с надписью, зафиксировавшей вклад патриарха Никона в Новоиерусалимский Воскресенский монастырь 27 мая 1658 г.³⁶

²⁸ *Немировский Е.Л.* Возникновение славянского книгопечатания. С. 264.

²⁹ *Немировский Е.Л.* Распространение краковских изданий Швайпольта Фиоля в Русском государстве в XVI–XVII вв. // Культурные связи народов Восточной Европы в XVI в. М., 1976. С. 189–190. Название книги не указано.

³⁰ *Немировский Е.Л.* Возникновение славянского книгопечатания. С. 387.

³¹ *Немировский Е.Л.* Распространение краковских изданий Швайпольта Фиоля в Русском государстве... С. 190.

³² *Немировский Е.Л.* Книги кирилловской печати. 1491–1550. Каталог. М., 2009. С. 75.

³³ *Голубинский Е.* История канонизации святых в русской церкви. М., 1903. С. 100–101.

³⁴ Там же. С. 104.

³⁵ *Немировский Е.Л.* Книги кирилловской печати. 1491–1550. Каталог. С. 75.

³⁶ *Калайдович К.Ф.* Сведения о трудах Швайпольта Феоля, древнейшего славянского типографщика. С. 5–6. Об экземпляре Ф.А. Толстого см.: *Строев П.* обстоятельное описание старопечатных книг славянских и российских, хранящихся в библиотеке ... графа Ф.А. Толстого. М., 1829. С. 2. В составленном С.К. Севастьяновой перечне книжных дарений патриарха Никона за 1658 г. вклад

В 1536 г. Постная триодь была дана в Никольский на Осовце монастырь людьми князя Д.Ф. Бельского (ГИМ, Меньш. 578)³⁷. В 1592 г. экземпляры этого же издания Фиоля находились в селе Одинцове, а в 1598 г. — в Устюжне Железопольской³⁸.

Не позднее весны 1600 г. в России оказался экземпляр Цветной триоди издания 1493 г. — РГБ № 1212, — данный вкладом в некую церковь Рождества Богородицы Иваном Андреевичем Ромейковым³⁹.

Приведенные примеры свидетельствуют о том, что книги, произведенные типографией Фиоля, привозились в Россию и использовались по прямому назначению. Ссылаясь на работы Е.Л. Немировского, А.Л. Хорошкевич утверждала, что «выходцам из Великого княжества Литовского, находившимся на севере страны вплоть до 1509 г. в качестве пленных или перешедшим на службу великому князю Ивану III, Русь обязана знакомством с изданиями 1490–1491 гг. краковской типографии Швайпольта Фиоля. Особенности проникновения книг этой типографии на Русь и объясняется тот факт, что большинство сохранившихся книг в XVI в. бытовало на севере»⁴⁰. Однако это суждение не находит необходимого подтверждения, поскольку нет никаких свидетельств о причастности неких литовских пленников к ввозу изданий Фиоля в Московскую Русь, о расселении таких полоняников на северных территориях и происхождении сохранившихся экземпляров именно из этих отдаленных от центра страны районов. Книги краковской типографии, видимо, распространялись на просторах государства Василия III в виде импортируемого товара и усваивались местным населением, конечно, в первую очередь его высшим социальным слоем.

Немец по происхождению, Ш. Фиоль печатал книги за пределами восточнославянского мира, но делал это не просто используя кириллический шрифт для воспроизведения русского наречия, но с русских оригиналов, предполагая распространение своей продукции на русских же территориях, включая и Московскую Русь. Все

Часовника не отмечен, хотя известно о пребывании Никона в Новоиерусалимском монастыре с 25 мая (*Севастьянова С.К.* Материалы к «Летописи жизни и литературной деятельности патриарха Никона». СПб., 2003. С. 174, 182).

³⁷ *Немировский Е.Л.* Распространение краковских изданий Швайпольта Фиоля в Русском государстве... С. 190.

³⁸ Там же. С. 190; *Немировский Е.Л.* Возникновение славянского книгопечатания. С. 426.

³⁹ *Немировский Е.Л.* Книги кирилловской печати. 1491–1550. Каталог. С. 89.

⁴⁰ *Хорошкевич А.Л.* Русское государство в системе международных отношений конца XV — начала XVI в. М., 1980. С. 249.

это заставляет видеть в его деятельности не только начало книгопечатания на славянском языке с применением кириллицы, но и, более узко, первый эпизод применения новой технологии в истории восточнославянского вообще и русского в частности воспроизводства книжных текстов⁴¹. Потребуется еще десятилетия для того, чтобы этими новшествами овладели собственно этнические восточные славяне, но с самой возможностью альтернативы труду «доброписцев» к востоку от Немана познакомились впервые благодаря распространению продукции типографии Фиоля. Трудно судить, насколько это на первых порах затронуло земли, подвластные Ивану III и его преемнику, но и категорически отрицать проникновение на Русь Фиолевых изданий уже на рубеже XV–XVI вв. или в первой четверти XVI столетия оснований нет.

Характеризуя деятельность первого типографа, применявшего кириллицу, и его компаньона, Е.Л. Немировский заметил: «Вульгарное, но оправданное стремление к обогащению, конечно, не было чуждо ни Яну Турзо, ни Швайпольту Фиолю. И все же было бы неправильно делать акцент только на этом. Гуманистические связи Яна Турзо и его сыновей, близость людей, стоявших у истоков типографии, к “Содружеству на берегах Вислы”, знакомство Конрада Цельтиса со Швайпольтом Фиолем и интерес прославленного гуманиста к продукции первой кирилловской типографии — все это заставляет нас говорить о своеобразной просветительской миссии предприятия. Именно эта сторона дела привлекла к нему симпатии таких людей, как Юрий из Дрогобыча или Павел из Кросно»⁴². Трудно сказать, насколько личные связи Фиоля и его товарища с европейскими гуманистическими кругами могут характеризовать деятельность типографа как просветительство. Вряд ли стоит усматривать в краковском предприятии некие «высокие» цели в противо-

⁴¹ Из этого еще не следует, что начало печатания *русских* книг можно расценивать как начало *русского* книгопечатания, о чем в свое время писал П.В. Владимиров: «...Если принять во внимание, что некоторые славяне печатали свои книги в иноземных городах (например, сербы и чехи в Венеции, поляки в Германии и во Франции) и что книги назначались по преимуществу для известной народности, то придется начало русского книгопечатания перенести не только на виленские и пражские издания Скорины 1517–1525 гг., но и на краковские издания Феоля 1491 г.» (*Владимиров П.В.* Начало славянского и русского книгопечатания в XV–XVI вв. С. 12–13). При этом следует учитывать замечание Е.Л. Немировского, что П.В. Владимиров в своих заключениях «трактовал слово “русский” расширительно, как было принято в ту пору. Наряду с великорусской — московской и псковско-новгородской — традицией он неизбежно учитывал белорусскую и украинскую» (*Немировский Е.Л.* Возникновение славянского книгопечатания. С. 262).

⁴² Там же. С. 265.

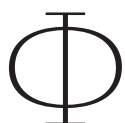
вес «приземленному» желанию упрочить собственное благополучие, поскольку об истинных помыслах Фиоля можно только догадываться, а степень их соответствия полученному итогу остается неясной. Равным образом затруднительно в издании исключительно богослужебной литературы видеть проявление стремления к просвещению целых народов. Однако поскольку результатом всякой человеческой деятельности является объективная реальность, не вполне отвечающая замыслам или вовсе отличающаяся от запланированного и желаемого, то и усилия Фиоля, пусть направленные в первую очередь на личное обогащение или хотя бы на достижение относительного материального достатка, привели к тому, о чем заранее краковские предприниматели и не помышляли. Подлинное историческое значение трудов Фиоля видится в самом продвижении новых технологий в сферу производства славянской кириллической книги вне зависимости от преследовавшихся типографом субъективных целей.

Говоря о распространении изданий Ш. Фиоля на территориях Литовской или Московской Руси, следует учитывать, что ни сам типограф, ни его компаньон не занимались организацией транспортировки своей продукции. Это было уделом купечества, реализовывавшего произведенные тиражи в среде, проявлявшей интерес к отпечатанным кириллицей книгам. Разумеется, прежде всех произведения предприятия Фиоля становились доступны именно польским торговцам, получавшим их непосредственно из типографии. В дальнейшем же распространение неизбежно переходило к их коллегам на белорусских и великорусских землях, и именно эти деятели рынка становились первыми, кто имел возможность подержать в руках экземпляры изданий и, возможно, оценить достоинства печатной книги.

Подводя итоги, можно заметить, что в двух рассмотренных эпизодах русско-польских культурных связей наблюдается существенное отличие. Если стремление королевского секретаря Якуба получить из Москвы несколько рукописных книг отражало его личный или, не исключено, служебный интерес и, судя по всему, не имело существенных последствий, если не принимать за таковое ознакомление придворных польского короля с продукцией московских книгописцев, то доставка из русской столицы рукописей, послуживших основой для подготовки в Кракове изданий с использованием кириллического шрифта, имела продолжение в обратном движении уже печатных книг на русские земли вплоть до Москвы и подвластных ей территорий к востоку и северу. В более отдаленной перспективе издания Фиоля, наряду с прочими инкунабулами, стали образцами для собственно восточнославянских типографов, усвоивших необходимые технические приемы и оценивших преимущества печатного станка.

Был ли «жидовин еретик» в свите кн. Михаила Олельковича в 1470–1471 гг.?

DOI 10.31168/91674-483-5.25

игура киевского книжника-иудея XV в. Захарии бен Аарона ха-Когена (Га-Когена) в историографии последних десятилетий, посвященной так называемой «ереси жидовствующих» (или, используя обозначение советской историографии, «новгородско-московской ереси»), приобрела особое значение, будучи связана напрямую с проблемой возможности иудейского прозелитизма на Руси. В зарубежной историографии широко распространено убеждение в преобладающем влиянии на формирование «идеологии жидовствующих» переводов еврейской литературы, выполненных в Западной Руси¹. Автор последней крупной моногра-

¹ См. работы последних лет: *Эттингер Ш.* Влияние евреев на «ересь жидовствующих» в Московской Руси // *Jews & Slavs*. Jerusalem; СПб., 1995. Vol. 4. P. 9–27; *Taube M.* The Kievan Jew Zacharia and the Astronomical Works of the Judaizers // *Jews and Slavs*. 1995. Vol. 3. P. 168–198; *Idem.* The 15th c. Ruthenian translations from Hebrew and the Heresy of the Judaizers: Is there a connection? // *Speculum Slaviae Orientalis: Muscovy, Ruthenia and Lithuania in the Late Middle Ages*. M., 2005. P. 185–208 (UCLA Slavic Studies, IV); *Таубе М.* Ересь «жидовствующих» и переводы с еврейского в средневековой Руси // *История еврейского народа в России*. Иерусалим; М., 2010. Т. 1. С. 367–397; *Romanchuk R.* The Reception of the Judaizer Corpus in Ruthenia and Muscovy: A Case Study of the *Logic* of Al-Chazzali, The ‘Cipher of Squares’, and the Laodicean Epistle // *Speculum Slaviae Orientalis: Muscovy, Ruthenia and Lithuania in the Late Middle Ages*. M., 2005. P. 144–165 (UCLA Slavic Studies, IV); *Schneider M.* The ‘Judaizers’ of Muscovite Russia and Kabbalistic Eschatology // *Jews and Slavs*. M.; Иерусалим, 2014. Vol. 24: Кенааниты: Евреи в средневековом славянском мире. P. 224–260. См. также: *Зеленина Г.С.* От мифа заражения к теории заговора: идеологизация памяти о жидовствующих

фии о русских еретических движениях А.И. Алексеев, более того, склонен разделять сложившуюся еще в XVI–XIX вв. точку зрения о непосредственном занесении приезжими евреями иудейского вероучения и обрядовой практики в Великий Новгород во 2-й пол. XV в.² Другие исследователи, при всех расхождениях в понимании истории и идеологии «еретического движения», подвергают точки зрения о переводной литературе как факторе иудейского влияния и об успешном иудейском прозелитизме, на наш взгляд, вполне обоснованной критике³. При этом, разумеется, авторы всех исследований, которые пытаются вникнуть в проблему происхождения «ереси жидовствующих», никак не могут обойти вниманием загадочную личность «жидовина», который, согласно церковным по происхождению источникам кон. XV — нач. XVI в., положил начало обращению новгородцев в «жидовство» в начале 70-х гг. XV в.

в различных дискурсах // История — миф — фольклор в еврейской и славянской культурной традиции. М., 2009. С. 105–121 (наряду с научными рассмотрены также паранаучные и публицистические концепции).

² Алексеев А.И. Сочинения Иосифа Волоцкого в контексте полемики 1480–1510-х гг. СПб., 2010. С. 95–97; *Он же*. Религиозные движения на Руси последней трети XIV — начала XVI в.: Стригольники и жидовствующие. М., 2012. С. 416–417. В последней работе см. и обстоятельный историографический обзор: Там же. С. 215–248.

³ См. прежде всего: *Luria Jakob S.* Unresolved Issues in the History of the Ideological Movements of the Late Fifteenth Century // *Medieval Russian Culture*. Berkeley; Los Angeles; London, 1984. P. 150–171 (рус. перевод: *Лурье Я.С.* Нерешенные вопросы в истории идеологических движений конца XV в. // *Он же*. Избранные статьи и письма. СПб., 2011. С. 167–189); *Турилов А.А., Чернецов А.В.* К культурно-исторической характеристике ереси «жидовствующих» // Герменевтика древнерусской литературы. [Вып. 1:] XI–XVI вв. М., 1989. С. 407–429; *Pliguzov A.* Archbishop Genadii and the Heresy of the “Judaizers” // *Harvard Ukrainian Studies*. Vol. XVI. № 3/4 (1992, December). P. 269–288; *De Michelis C.G.* La Valdesia di Novgorod: «Giudaizzanti» e prima riforma (sec. XV). Torino, 1993; *Хоулетт Я.Р.* Свидетельство архиеп. Геннадия о ереси «новгородских еретиков, жидовская мудрствующих» // ТОДРЛ. 1993. Т. 46. С. 53–73; *Pereswetoff-Morath A.* A Grin without a cat. Lund, 2002. Vol. 1–2; *Петрухин В.Я.* С чего начиналась «ересь жидовствующих»? // Народная медицина и магия в славянской и еврейской культурной традиции. М., 2007. С. 11–19 (то же: *Белова О.В., Петрухин В.Я.* «Еврейский миф» в славянской культуре. М.; Иерусалим, 2008. С. 169–179); *Чумичева О.В.* Иноверцы или еретики: понятие «жидовская мудрствующие» в полемическом контексте на Руси кон. XI — нач. XVI в. // Очерки феодальной России. М.; СПб., 2010. Вып. 14. С. 209–226; *Дмитриев М.В.* От антииудаизма к иудаизантизму в православной культуре востока Европы в кон. XV — XVI в. // *POLYSTORIA: Цари, святые, мифотворцы в средневековой Европе*. М., 2016. С. 207–264; *Мусин А.Е.* Загадки дома Святой Софии: Церковь Великого Новгорода в X–XVI вв. СПб., 2016. С. 186–204.

Напомним, что автор сочинения, считающегося до сих пор первым по важности источником по истории «жидовствующих», Иосиф Волоцкий, называл этого «жидовина» Схарией (форма имени Захарий/Захария). В «Сказании о новоявившейся ереси» — введение к «Книге на новгородских еретиков» (с XVII в. известной больше под заголовком «Просветитель») — он так излагал начальный этап формирования «жидовской ереси»: «Бысть убо в та времена жидовин именем Схариа, и сей бяше диаволов съсуд, и изучен всякому злодейства изобретению, чародействию же и чернокенижию, звездозаконию же и астрологи, живой в граде Кыеве, знаем сый тогда существу князю, нарицаемому Михаилу, христианину сущу, и христианская мудръствующе, сыну Александрову, внуку же Владимирову, правнуку же Вольгирдову. И сей убо князь Михаил в лето 6979 [1470] прииде в Великий Новгород в дни княжения великаго князя Ивана Васильевича, и с ним прииде в Великий Новьгород Схариа. И той преже прелести попа Дениса, и в жидовство отведе. Денис же приведе к нему попа Алексеа, еще тогда попа суща на Михайловской улице, и той также отступник бысть непорочныа и истинныа христианьския веры. Потом же приидоша из Литвы инии жидове, им же имена Осиф Шмойло Скарявей Мосей Хануш...»⁴

Совпадение имен Схарии/Захарии и жившего незадолго до 70-х гг. XV в. в Киеве иудейского книжника, переводчика Захарии бен Аарона ха-Когена, на что было обращено внимание еще в 1-й трети XX в.⁵, очевидно, стало базисом гипотезы об их тождестве, которая, будучи подкреплена исследованиями переводов с еврейского и их распространением в русской книжности, была принята широким кругом исследователей, в том числе современных (Ш. Эттингер, Ф. Лиlienфельд, М. Таубе, А.И. Алексеев и др.), несмотря на возражения, неоднократно звучавшие в работах Я.С. Лурье, который, не доверяя показаниям Иосифа Волоцкого в целом, считал Схарию мифическим персонажем, а имя, возникшее в сочинении Иосифа Волоцкого, производил от Захара-стригольника, «ересем начальника» согласно соборному приговору 1490 г., или от Захария-«жидовина» (на самом деле, чего не знал Иосиф, — католика Захария Гвизольфи) из «Послания на жиды и на еретикы» инока Саввы.

Когда бы ни появилось цитируемое Сказание (современные датировки составления «Книги на новгородских еретиков» в первоначальной редакции колеблются от 1492–1494 до 1502–1504 гг.⁶), очевидно, что оно

⁴ Источники по истории еретических движений XIV — начала XVI в. // *Казанова Н.А., Лурье Я.С.* Антифеодалные еретические движения на Руси XIV — нач. XVI в. М.: Л., 1955. № 28. С. 468–469, 478–479.

⁵ *Brutskus J.* Judaisierende // *Encyclopedia Judaica.* Berlin, 1930. Bd. 9. S. 520–522.

⁶ См. обзор точек зрения и обоснование своих взглядов на время составления антиеретических текстов Иосифа Волоцкого в указанных работах А.И. Алексеева.

было составлено уже после окончания первого процесса на еретиков (1487–1490), имевшего отчетливую антиновгородскую направленность.

Следует поэтому рассмотреть комплекс известий, относящихся к первому процессу над «жидовская мудрствующими». Как давно показано в историографии, сведения волоцкого игумена о «жидовине» стоят в ряду тех, которые не могут не восходить к текстам инициировавшего еретический розыск в 1487 г. архиепископа Новгородского Геннадия (Гонзова).

В грамоте Геннадия новопоставленному митрополиту Зосиме, написанной накануне антиеретического собора в Москве в октябре 1490 г., архиепископ обосновывает необходимость соборного суда, а также кратко излагает историю еретического дела, причем нередко с новыми подробностями, неизвестными по прежним его посланиям.

Поскольку Зосима потребовал у Геннадия исповедания веры (как и митрополит Геронтий в 1484 г.), Геннадий ответил, что оснований для подозрений в том, что он имеет контакты с Киевской митрополией, не имеется: «Ниже к Литвы посылаю грамоты, ни из Литвы ко мне посылают грамот, ни паки литовские ставленники служат в моей архиепископии»⁷. Далее Геннадий, развивая литовскую тему, пишет: «А что некоторые литовские ока(я)нные дела прозябли в Руской земли, в Великом Новеграде, в вотчине государя великого князя, коли был в Новеграде князь Михайло Оленкович, а с ним был жидовин еретик, да от того жидовина распростерлась ересь в Ноугородцкой земли, а держали ее тайно, да потом почали урекаться въпиани: и яз послышив то, да о том грамоту послал к великому князю да и ко отцу его Геронтию митрополиту»⁸.

Таким образом, Геннадий впервые, спустя более трех лет после начала им еретического дела, упоминает о том, что «ересь» имела внешнее происхождение — это не что иное, как «литовские окаянные дела», провокация, исходящая с территории враждебного Ивану III государства⁹. До этого на протяжении трех лет он писал о самозарождении ереси в Новгороде¹⁰.

Князь слуцкий (нередко в литературе вслед за Иосифом Волоцким ошибочно называемый киевским) Михаил Олелькович (Александрович), православный по вероисповеданию¹¹, прибыл в Великий

⁷ Источники. № 18. С. 375.

⁸ Там же.

⁹ См. также: *Pliguzov A. Archbishop Gennadii. P. 278–279.*

¹⁰ См. подробнее: *Печников М.В.* Иван III и новгородский розыск 1487–1490 гг. (ч. 1) // *Средневековая Русь* (в печати).

¹¹ Считалось, что князя Михаил Олелькович и Федор Бельский склонялись к униатству — на основании того, что их подписи стоят под опубликованным в 1605 г.

Новгород в ноябре 1470 г. по приглашению новгородского веча, против которого, очевидно, не возражал и архиепископ Иона, скончавшийся совсем незадолго до приезда князя¹². Во время пребывания Михаила в Новгороде Казимир ликвидировал киевский княжеский стол, который Михаил должен был занять после кончины 3 декабря 1470 г. своего брата, киевского князя Семена Олельковича¹³. Вполне вероятно, Михаил был не представителем вел. кн. Литовского и короля Польского Казимира IV, в оппозиции к которому он позднее находился, а одним из служилых князей, приезжавших в Новгород из Литвы и ранее. Тем не менее официальное московское летописание видело в приглашении Михаила акт измены великому князю московскому¹⁴.

Сообщение Геннадия, на наш взгляд, нельзя интерпретировать как несомненное свидетельство приезда в Новгород иудея. Историки обычно не задавались вопросом, что мог делать иудей в свите православного кн. Михаила Олельковича¹⁵. «Жидовин» у Геннадия — определенно этноним, т.е. речь идет о еврее. Но почему он еще и «еретик»?

посланием митр. Киевского Мисаила папе Сиксту IV 1476 г., однако в старшем списке послания 2-й четв. XVI в. (ГИМ. Син. 700; см.: РФА. М., 1992. Вып. 5. С. 1071–1074) их подписей нет (см.: *Лурье Я.С.* Две истории Руси XV в. С. 164–165; *Крам М.М.* Меж Русью и Литвой: Пограничные земли в системе русско-литовских отношений кон. XV — первой трети XVI в. 2-е изд. М., 2010. С. 90). После заговора против Казимира IV в 1481/82 г. князь Михаил Олелькович был казнен, а его двоюродный брат Федор Бельский, о котором пишет архиеп. Геннадий в связи с иеромонахом-«стригольником» Захаром (Источники. № 19. С. 380), бежал в Московское государство.

¹² ПСРЛ. Т. 25. С. 285; Т. 43. С. 188, 191. Иона скончался или 5 ноября (Псковские летописи. Вып. 2. С. 172), или 8 ноября 1470 г. (ПСРЛ. Т. 25. С. 284; Т. 43. С. 188). По Псковской 3-й летописи, Михаил приехал 8 ноября, «а с ним на похвалу людеи много силно» (Псковские летописи. Вып. 2. С. 172, 175). См. также: *Янин В.Л.* Новгородские акты XII–XV вв.: Хронологический комментарий. М., 1991. С. 187–188.

¹³ См.: *Лурье Я.С.* Две истории Руси XV в.: Ранние и поздние, независимые и официальные летописи об образовании Московского государства. СПб., 1994. С. 139; *Тарасов А.Е.* Церковь и подчинение Великого Новгорода // Новгородский исторический сборник. СПб., 2011. Вып. 12 (22). С. 88–89.

¹⁴ ПСРЛ. Т. 25. С. 285.

¹⁵ А.И. Алексеев предполагает, что, поскольку «кн. Михаил Олелькович был двоюродным братом Ивана III», он «мог рекомендовать московскому двору известного астролога» (*Алексеев А.И.* Религиозные движения. С. 416). По справедливому возражению В.Я. Петрухина, такого быть не могло, поскольку «призвание самого Михаила в Новгород воспринималось в Москве как враждебная и даже вероотступническая акция» (*Петрухин В.Я.* Иван III — ересиарх? К спорам о ереси «жидовствующим» // *Круги времен: В память Елены Константиновны Ромодановской.* М., 2015. Т. 2. С. 166. Прим. 166).

Поскольку в предшествующих пяти источниках (некоторые из которых довольно многословны), связанных с новгородским розыском архиепископ Геннадия и относящихся к 1487–1488 гг.¹⁶, «жидовин» ни разу не упоминается, и даже нет намек на внешнее занесение «ереси» (Новгород, как говорилось выше, предстает в первых посланиях Геннадия как склонный к искажению православия сам по себе), то сообщение о «жидовине еретике» необходимо рассматривать в контексте других сообщений Геннадия того же 1490 г.

Хорошо известен фрагмент послания Зосиме, в котором новгородский архиепископ ссылается на успешную практику испанского короля (имелся в виду Фердинанд II Арагонский) по очищению своего государства от еретиков: «А толко государь наш, сын твой князь великий, того не обыщет, а тех не казнит: ино как ему с своей земли та соромота свести? Ано фрязове по своей вере какову веру держат! Сказывал ми посол цесарев про шпанского короля, как он свою очистил землю! И аз с тех речей и список к тебе послал!»¹⁷. В конце XV в. посольства великого князя Московского в Западную Европу, как правило, проезжали через Новгород (в объезд враждебных Польши и Литвы). Этикет требовал встречи их участников с местными властями, в том числе, конечно, с архиепископом. В марте 1489 г. и в августе 1490 г. в Империю выезжали посольства Ю. Траханиота¹⁸, от которого Геннадий мог узнать подробности московской политики и придворной жизни. Очевидно, тогда же по приказу Геннадия был записан глубоко впечатливший его рассказ об испанской инквизиции, восходивший к повествованию имперского посла Г. фон Турна, который прибыл с Ю. Траханиотом в Москву 9 июля 1490 г. и с ним же отправился из Москвы 19 августа¹⁹. «Речи посла цесарева» (парадоксальным

¹⁶ Послания архиеп. Геннадия еп. Сарскому Прохору (1487), еп. Суздальскому Нифонту (1487), бывшему архиеп. Ростовскому Иоасафу (Оболенскому) (лето 1488 г.), грамоты Ивана III и митр. Геронтия архиеп. Геннадию (февр. 1488 г.). См.: Источники. С. 309–320. Новую попытку прочтения сведений этих источников см.: *Печников М.В.* Иван III и новгородский розыск 1487–1490 гг. (в печати).

¹⁷ Источники. № 18. С. 378.

¹⁸ Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными. СПб., 1851. Т. 1. Стб. 19, 46.

¹⁹ ПСРЛ. Т. 18. С. 273; Т. 20. Ч. 1. С. 355; Т. 25. С. 331; Т. 28. С. 155, 320; Т. 26. С. 280; Т. 43. С. 209; Т. 27. С. 289–290; Т. 28. С. 155, 320; Т. 6. Вып. 6. Стб. 328; Т. 24. С. 207; Иоасафова летопись. М., 1957. С. 128. Р.Г. Скрынников полагал, что «архиепископ получил информацию об испанской инквизиции из первых рук — от доминиканского монаха Вениамина, прибывшего в Новгород с Запада» (*Скрынников Р.Г.* Государство и церковь на Руси XIV–XVI вв. Подвижники Русской Церкви. Новосибирск, 1991. С. 137). Однако сам Геннадий указывал как источник информации имперского посла и Ю. Траханиота.

образом не включенные Я.С. Лурье в 1955 г. в свод источников по истории «новгородско-московской ереси») были отправлены Геннадием в Москву к собору 1490 г. Речь в этом небольшом тексте идет о гонениях подчиненной королю испанской инквизиции на тайных приверженцев иудаизма, действительных и мнимых, в 80-е гг. XV в.: «тот деи король... очистил свою землю от ересеи жидовских... Во твои земли на Шпание, те жидовские ереси почяли прозябати... то еретичество в великих людех, в бискупех, и в архимандритех, и в попех, и в церковных людех, и в мирянех во многих почало прозябати». Обвиняемых сжигали на кострах, или они вынуждены были бежать из страны, а их имущество конфисковывалось в королевскую казну²⁰. Гонения в Испании были направлены, как известно, в том числе и против крещеных евреев — «морисков», хотя Геннадий об этом не сообщает, проводя скрытую параллель с современной ему русской ситуацией, когда «еретичество», по его мнению, выраженному в посланиях 1490 г., поразило разные слои русского общества, и светские и духовные, вплоть до самых верхов.

В свете этого сообщения и необходимо, на мой взгляд, рассматривать появление сюжета о внешнем занесении гетеродоксии в Новгород. Геннадий пишет о борьбе короля с «ересями жидовскими» / «жидовскими ересями», приверженцы которых были, безусловно, людьми крещеными. Учитывая близкую схожесть определений («жидовские ереси» — «жидовин еретик»), употребленных Геннадием в источниках, написанных в одно время с одной целью, логично было бы предположить, что Геннадий имел в виду не просто этнического еврея-«жидовина», не явного иудея (как впоследствии Иосиф), а христианина, являвшегося криптоиудеем, скорее всего — еврейского происхождения (поскольку он называет его и просто «жидовином»).

В Великом княжестве Литовском крещеные евреи, конечно, были. Как писал С.А. Бершадский, изучивший обширный актовый материал, в XV в. в Великом княжестве Литовском «выдающиеся богачи евреи один за другим переходят в христианство» — это землевладельцы, мытники, откупщики²¹. Можно вспомнить и Феодора Еврея, переведшего еврейскую Псалтырь по заказу митрополита всея

²⁰ Текст «Речей посла цесарева» издан А.Д. Седельниковым по рукописи кон. XV в. РГБ. Муз. № 3271. Л. 4об.–5 (*Седельников А.Д.* Рассказ 1490 г. об инквизиции // Труды комиссии по древнерусской литературе. Л., 1932. Т. 1. С. 49–50). Под послом следует понимать Юрия Делатора (della Toggo, Георгия фон Турна), дважды проезжавшего через Новгород летом 1490 г. По словам А.Д. Седельникова, «Геннадий смотрит на “Речи” как на свежую новость, долженствующую оказать свое влияние на великокняжескую антицерковную политику» (там же. С. 51).

²¹ *Бершадский С.А.* Литовские евреи: история их юридического и общественного положения в Литве, от Витовта до Люблинской унии. СПб., 1883. С. 244.

Руси Филиппа I. К самому Геннадию приезжал из Киева «жидовин новокрещеной» Даниил, который поведал ему о толках среди иудейской общины Киева о выносе церквей из «града» при перестройке Иваном III Московского кремля²².

Еврей-христиане, конечно, могли оказаться в свите православного слуцкого князя с большей вероятностью, чем иудеи. Следует отметить, что о «жидовине» Геннадий упоминает без ссылки на информацию, полученную от «еретиков». Нельзя исключать того, что он опирался здесь на некоторые собственные воспоминания о посещении Новгорода весной 1471 г., во время пребывания Михаила Олельковича в Новгороде или спустя короткое время после того, как он 15 марта²³ покинул этот город. Некий «Генад» (вполне возможно, вскоре ставший чудовским архимандритом, а затем и новгородским архиепископом) прибыл в Новгород в марте 1471 г. из Москвы с грамотой митрополита Филиппа²⁴.

²² Источники. № 18. С. 377. Между прочим, здесь мы видим невольную проговору новгородского владыки, который только недавно, в начале послания митрополиту, заверял, что не имеет никаких отношений с Литвой. Крещеный еврей, если, конечно, не был католиком, наверняка принадлежал к Киевской митрополии Константинопольского патриархата, с которой московская митрополия не имела канонического общения.

²³ Псковские летописи. Вып. 2. С. 175.

²⁴ РИБ. Т. 6. № 102. Стб. 721–722. В заголовке послания в одном из «митрополичьих формулярников» (ГИМ. Собр. Уварова. № 512) говорится: «Грамота другая ходила с Генадом, в лето 79, марта 22» (РИБ. Т. 6. № 1–2. Стб. 721–722). Поскольку кто такой «Генад» не поясняется, это должно было быть хорошо известное в церковных кругах лицо. Учитывая позднейшую новгородскую «специализацию» Геннадия (Гонзова), наметившуюся еще до поставления его на кафедру (так, именно в Чудовом монастыре, возглавляемом Геннадием, содержался сведенный с кафедры новгородский архиепископ Феофил, а сам Геннадий дважды выступал в качестве кандидата на Новгородскую архиепископию), следует полагать, что, скорее всего, именно он был отправлен митр. Филиппом с указанной грамотой в Новгород. Если это так, то он был близок Филиппу, полностью поддерживавшему великого князя в деле покорения Новгорода, и, конечно, был знаком с содержанием этой грамоты, если сам не был причастен к ее составлению. Среди различных обвинений в адрес католиков в грамоте митрополита Филиппа особый интерес представляет сопоставление «латинства» с «жидовством», на что уже обращалось внимание в литературе (напр., в статьях Я.Р. Хоуллетт и О.В. Чумичевой): «и опресночная служить, а субботу хранить и постыть в ню, яко жидове, и водою кропятся по вся дни, тем же обычаем жидовским» (РИБ. Т. 6. № 102. Стб. Стб. 728). В посланиях Геннадия 1487–1488 гг., в соотвествии с общим «книжным» определением «ереси», между «жидовством» и «латинством», как и в 1471 г., принципиальной границы не проводилось. Введение в начале осени 1490 г. прямой ссылки на инквизицию «латинян» как на положительный пример означает, что Геннадий уже определенно обвинял «еретиков» в отступничестве в иудаизм, что вскоре отразилось и в приговоре московского собора 1490 г.

Он мог знать о недавнем пребывании в свите Михаила некоего «жидовина» (имя которого он спустя много лет не вспомнил или изначально не знал), но никаких подозрений у него, видимо, это не вызвало (что маловероятно в случае, если это был иудей). Не следует забывать, что, по собственным словам Геннадия, «ересь» в Новгороде он обнаружил только через несколько лет после поставления на архиепископскую кафедру, в 1487 г.²⁵

Следует заметить, что в условиях начавшегося в 1490 г. династического кризиса указание на косвенную причастность Михаила Олельковича к занесению «ереси» в Новгород могло быть совсем не случайным — Михаил был не только двоюродным братом Ивана III, но также дядей Елены Стефановны Волошанки (ее мать Евдокия Александровна была родной сестрой этого князя). Наследник Иван Молодой скончался в результате неудачного лечения иноземного венецианского лекаря Леона «жидовина» (скорее всего, также крещеного еврея, поскольку по церковным канонам православным лечиться у иудеев было строго запрещено). Новгородский архиепископ был близок Траханиотам, входившим в ближайшее окружение Софьи Палеолог, а в бытность чудовским архимандритом, которым он стал примерно к середине 70-х гг. XV в., Геннадий, как и его предшественники, несмотря на отсутствие прямых сведений, скорее всего был духовником великой княгини²⁶. «Литовские окаянные дела» также следует рассматривать в контексте не только отношений с Киевской митрополией, но и начавшейся необъявленной московско-литовской войны.

Итак, отвечая на вопрос, вынесенный в заголовок статьи, мы можем теперь сказать — да, вполне вероятно, что некий крещеный еврей действительно мог находиться в свите кн. Михаила Олельковича во время пребывания последнего в Новгороде в конце 1470 — начале 1471 г. Если не свидетелем этого, то получателем свежей информации мог быть первый информатор о «жидовине еретике» — будущий новгородский архиепископ Геннадий (Гонзов). Но достаточно ли этого для утверждения, что в Новгород этим крещеным евреем была занесена «жидовская ересь»? Имеющиеся сведения не дают для этого достаточно надежных оснований и скорее склоняют к противоположному выводу.

²⁵ В октябре 1490 г. он писал новому митрополиту Зосиме, что еретическое дело «протянулось длго: три годы минуло, а уже четвертый настал» (Источники. № 18. С. 378).

²⁶ См.: Давиденко Д.Г. Чудов монастырь в системе церковной и государственной власти в XIV — начале XVI в. // Московский Кремль XV столетия: Древние святыни и исторические памятники. М., 2011. С. 56–57.

Отставка митрополита Зосимы и антиеретические послания Иосифа Волоцкого

DOI 10.31168/91674-483-5.26

17 мая 1494 г. Зосима оставил митрополичий престол¹. В историографии причиной отставки митрополита традиционно считаются обвинения в ереси, которые адресовал главе русской церкви Иосиф Волоцкий в своих антиеретических посланиях. Относительно хронологии большинства антиеретических посланий волоцкого игумена и времени создания его основного труда, получившего в позднейшей традиции наименование «Просветитель», картина не выглядит отчетливой, поскольку эти сочинения могут датироваться только на основании косвенных признаков². Тем не менее, согласно утвердившемуся в науке мнению Иосиф Волоцкий вступил на поприще антиеретической борьбы, откликнувшись на призыв архиепископа Геннадия, и в 1490-х гг. стал «ударной силой воинствующих церковников»³. Обращение к другим источникам, однако, свидетельствует, что по крайней мере первоначально современники не связывали отставку митрополита с обвинениями в ереси.

В повольной грамоте на поставление митрополита Симона (хиротонисан в митрополиты в сентябре 1496) архиепископ Геннадий

¹ Биографический очерк о Зосиме см.: Алексеев А.И. Зосима, митрополит // Православная энциклопедия. М., 2009. Т. 20. С. 355–360.

² И. Панов, например, писал: «Можно заключить, что деятельность Иосифа против еретиков началась весьма рано, почти одновременно с деятельностью против них Геннадия, хотя определенно и нельзя указать времени ее начала» (Панов И. Ересь жидовствующих // ЖМНП. 1877, февраль. С. 265).

³ Зимин А.А. Россия на рубеже XV–XVI столетий. М., 1982. С. 223.

писал: «Отец Зосима митрополит... оставил стол Русския митрополия и, пришед в святую великую соборную церковь, пред всеми омофор свой на престоле положил, и свидетеля на то Господа Бога нарицаая, яко невозможно ему к тому святительская действовати, ни митрополитом нарицатися, и отойде в монастырь в смиренно иноческое жителство»⁴.

Ранние летописи объясняют оставление митрополичьей кафедры волей великого князя или собственным желанием архиерея. Вологодско-Пермская летопись сообщает: «сослал князь великий Зосиму митрополита с митропольи»⁵. Владимирский летописец указывает на добровольное оставление Зосимой кафедры⁶. Согласно Типографской летописи, «тоя же весны, мая 17, митрополит Зосима остави митрополию не по своей воли и съиде с митропольи в келью на Симаново в монастырь и оттоле къ Троици в Сергиевъ монастырь»⁷. Дискредитирующие Зосиму известия содержатся в Софийской II летописи (отражающей свод 1518 г., в котором представлена официальная точка зрения митрополичьей кафедры начала XVI в.): «Митрополит Зосима оставил митрополию не своею волею, но непомерно питья дръжашесе и о Церкви Божией не радяше»⁸. В «Книге Степенной царского родословия» сообщается, что Зосима был лишен митрополии «за некое преткновение»⁹.

Однако есть свидетельства того, что и после оставления кафедры Зосима продолжал считать себя первосвятителем. После своего смещения Зосима жил в Симоновом, затем в Троице-Сергиевом монастырях, в последнем ок. декабря 1495 г. он причащался по чину первосвятителея «на орлице во всем святительском чину»¹⁰. Это противоречило канонам и существовавшей практике¹¹. Причащение на

⁴ Русская историческая библиотека (далее — РИБ). СПб., 1908. Т. 6. № 121. Стб. 834–835.

⁵ ПСРЛ. М., 2000. Т. 26. С. 289.

⁶ Там же. М., 1965. Т. 30. С. 138.

⁷ Там же. М., 2000. Т. 24. С. 213.

⁸ Там же. М., 2001. Т. 6. Вып. 2. С. 342.

⁹ Там же. СПб., 1913. Т. 21. Ч. 2. С. 368, 568.

¹⁰ ПСРЛ. Пг., 1922. Т. 15. Ч. 1. Стб. 503; М.; Л., 1963. Т. 28. С. 160; Т. 30. С. 139.

¹¹ Голубинский Е.Е. История Русской церкви. М., 1901. Т. 1. Ч. 1. С. 355–359; М., 1900. Т. 2. Ч. 1. С. 577, примеч. 1; Ч. 2. С. 36; Отписная грамота новгородского архиепископа Сергия ок. 1484 г. // РИБ. Т. 6. № 112. 1, Стб. 751; Русский феодальный архив (далее — РФА). Ч. 2. М., 1987. № 70. С. 237; РИБ. Т. 6. № 110, 112. Стб. 747, 751, 752; РФА. Ч. 2. № 77, 79, 85, 97.1, 99. О значении этого хорошо понятного современникам акта см.: РФА. Вып. 2. № 96. II. С. 298–299.

«орлеце» свидетельствовало о том, что Зосима продолжал считать себя митрополитом и не считался еретиком.

О сохранении влияния жидовствующих и после удаления Зосимы свидетельствует, в частности, тот факт, что в 1499 г. архимандритом новгородского Юрьева монастыря и главой черного духовенства в Новгороде был поставлен Кассиан, в келье которого, по сообщению Иосифа Волоцкого, проходили собрания еретиков¹². Кассиан в 1504 г. был осужден собором за принадлежность к жидовствующим. Церковная политика Ивана III, враждебная по отношению к землевладению владык и монастырей, пережила период влияния еретиков при дворе и не претерпела изменений вплоть до церковного собора 1503 г. В 1499–1500 гг. с благословения митрополита была конфискована значительная часть земель новгородского архиепископа и крупнейших монастырей¹³.

Можно ли представить ситуацию, когда игумен монастыря из удельного Волоцкого княжества рассылает послания, в которых именует главу русской церкви убийственными эпитетами? В Послании епископу Нифонту Суздальскому Волоцкий игумен пишет, что на престоле святителей и чудотворцев Петра и Алексея «ныне сedit скверный злобесный волк, оболкийся в пастырскую одежду, иже чином святитель, а произволением Июда предатель и причастник бесом»¹⁴. В том же послании митрополит именуется «змием пагубным», «антихристовым предтечей, иже антихриста ждеть», «сын погибельный», «сатаниным сосудом и диаволовым»¹⁵. Глава русской церкви обвиняется в «содомской скверне», пропаганде «жидовства», отступничестве от Христа, «хулении» Богородицы и Христа, иконоборчестве и отрицании Евангелия, апостольских и святоотеческих писаний, неверии во Второе пришествие Христа и воскресение мертвых¹⁶. В послании

¹² Нам не кажется невероятным предположение о тождестве юрьевского архимандрита Кассиана со старцем Симонова монастыря Кассианом Брадатым, который в 1485–1490 гг. фигурирует в актах Симонова монастыря. См.: Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV — начала XVI в. (далее — АСЭИ). М., 1958. Т. 2. № 398. С. 403. Отсюда возникает серьезный довод в пользу того, что сведенный с престола митрополит Зосима смог добиться поставления своего родственника на пост главы черного духовенства Новгорода.

¹³ ПСРЛ. М., 2000. Т. 12. С. 249; М., 2000. Т. 5. Вып. 2. С. 252; АСЭИ. М., 1964. Т. 3. № 291б.

¹⁴ Послания Иосифа Волоцкого / Подг. текста А.А. Зими́на, Я.С. Лурье. М.; Л., 1959 (далее — ПИВ). С. 160–161.

¹⁵ Там же. С. 161–162.

¹⁶ Там же. С. 161.

архимандриту Евфимию¹⁷, которое также датируют периодом пребывания Зосимы на митрополичьей кафедре, Иосиф Волоцкий называет митрополита «сквернителем», «лукавым змием», «вторым Арием», «сатаниным угодником» и «сатаниным первенцем»¹⁸. В Послании брату Вассиану Санину Иосиф уподобляет еретика-митрополита, осквернившего святительский престол, «дикому вепрю»¹⁹. В том, что адресатом всех этих обвинений был именно Зосима, сомневаться не приходится — в «Сказании о новоявившейся ереси», которое является начальной частью «Просветителя», митрополит-еретик назван Зосимой с приложением всех перечисленных и нескольких новых поносительных эпитетов, среди которых: «съсуд злобе», «главня съдомьскаго огня», «огню геоньскому пища», «Манента злейший», «змый тмоглавый», «диаволов вепрь», «Арие новый»²⁰.

С точки зрения канонических правил ситуация являлась вполне однозначной. Выступление с обвинениями против своего епископа влекло для клириков, мирян и монахов извержение из клира и отлучение от Церкви. Укажем здесь 31-е, 39-е, 55-е правила святых апостол, а также 10-е правило Карфагенского собора, 13-е и 15-е правила Константинопольского Двухкратного собора²¹.

Тяжелейшие обвинения и чудовищные оскорбления, которые Иосиф Волоцкий с присущим ему талантом полемиста адресовал митрополиту Зосиме, не имеют precedентов вплоть до эпохи Раскола с его ожесточенными спорами о вере, которые часто завершались для противников церковной власти смертью на костре. Остается удивляться, что, вступив в публичную полемику с митрополитом и стоявшим за его спиной великим князем, Иосиф Волоцкий не стал жертвой гонений, которые, по его свидетельству, обрушились на православных в те годы.

¹⁷ *Кобрин В.Б.* Послание Иосифа Волоцкого архимандриту Евфимию // Записки ОР ГБЛ. М., 1966. Вып. 28. С. 227–239.

¹⁸ Там же. С. 236, 238, 239.

¹⁹ ПИВ. С. 173.

²⁰ *Казакова Н.А., Лурье Я.С.* Антифеодальные еретические движения на Руси XIV — начала XVI в. М., Л., 1955 (далее — Источники). С. 471, 472, 473.

²¹ Все указанные правила содержались в кормчих русской редакции. Укажем их в Новгородской Синодальной кормчей: ГИМ. Синод. 132. Л. 38об., 41, 45, 145об., 249об. Например, 13-е правило Константинопольского Двухкратного собора гласило: «Аще который презвитерь или дяконъ яко же се мяся сведый своего епископа съгрешьша преже суда уведения всехъ епископъ сбора отступиться от общения его и не поминаеть имене его въ служдбе, да извержется и всея священническая чести да будетъ лишень... мниси же и мирьстии чловеци да отлучаться дондеже обратятся».

Известно, что спор с митрополитом Ионою стоил учителю Иосифа Пафнутию Боровскому заточения в темнице²². Конфликт Геннадия Гонзова в бытность архимандритом Чудова монастыря с митрополитом Геронтием закончился для Геннадия заключением в митрополичьем подвале, даже несмотря на заступничество великого князя²³. Заметим, что предметом этих споров были сравнительно небольшие различия в понимании богослужебных уставов и ни один из пострадавших в этих спорах не отвергал святительскую власть и не обвинял митрополита в таких чудовищных преступлениях, как отступничество. Со своей стороны Иван III с легкостью удалял с владычных кафедр архиереев и даже митрополитов (достаточно вспомнить конфликты с митрополитами Феодосием, Филиппом, Геронтием, отставку архиепископа Иоасафа)²⁴.

Традиционное объяснение гласит, что митрополиту Зосиме не хватило характера, под влиянием обличений он запаниковал, утратил доверие со стороны великого князя и покинул кафедру²⁵. Каким же образом обличительные послания волоцкого игумена сумели превозмочь авторитет главы русской церкви, который являлся ставленником великого князя и послушным исполнителем его воли?

Хотя Иосиф был лично представлен Ивану III в качестве преемника Пафнутия Боровского еще в 1477 г.²⁶, в 1479 г. они расстались далеко не дружески. Как следует из Послания братии Пафнутьева монастыря, который во времена Пафнутия Боровского связывали особые отношения с семьей великого князя, Иосиф, будучи преемником Пафнутия,

²² Новейшую попытку проанализировать ситуацию с заточением Пафнутия Боровского см.: *Абеленцева О.А.* Митрополит Иона и установление автокефалии русской церкви. СПб., 2009. С. 193–201.

²³ ПСРЛ. Т. 6. Вып. 2. Стб. 314–315.

²⁴ См.: *Скрынников Р.Г.* Государство и церковь на Руси XIV–XVI вв. Новосибирск, 1991. С. 95–110.

²⁵ Р.Г. Скрынников видит объяснение в личных качествах Зосимы: «Если бы Зосима обладал решительным характером, он мог бы подвергнуть гонениям своих противников, сместить епископов» (*Скрынников Р.Г.* Государство и церковь на Руси XIV–XVI вв. Новосибирск, 1991. С. 151). Представляется, что ссылки на характер не могут объяснить причины безнаказанности Иосифа Волоцкого. Любой иерарх, подвергшись таким чудовищным обвинениям, был обязан принять меры к возмутителю спокойствия. Эти меры были в арсенале главы русской церкви, который пользовался полным доверием великого князя, но почему-то ни одна санкция не была задействована.

²⁶ Житие преп. Иосифа Волоколамского, составленное Саввой / Изд. К.И. Невоструев. М., 1865; Житие прп. Иосифа, написанное епископом Саввой Крутицким // ВМЧ. Сентябрь 1–13. СПб., 1868. С. 460.

неоднократно обращался с просьбами о решении конфликтов вокруг монастырских владений к Ивану III, но каждый раз получал отказы: «И сам ездил и бил челом, и он ми и отмовил, что ми не хочеть жаловати монастырских сирот, а мнить ми ся, что моего деля игуменства»²⁷. Вряд ли факт основания Иосифом монастыря в пределах Волоцкого княжества, имевший место в период резкого конфликта великого князя с братьями Андреем Углицким и Борисом Волоцким в 1479 г.²⁸, улучшил неприязненные отношения между Иваном III и Иосифом.

Еще более должна была усугубиться взаимная неприязнь в годы, когда Иосиф вел публичную полемику с еретиками. Стоит вспомнить, что позднее, в период полемики с Вассианом Патрикеевым, в 1511–1512 гг., Иосифу вообще было запрещено публично выступать против последнего («И только государь пожалует, ослободит противу его речей говорити и писати»)²⁹, а его сочинениям угрожала опасность уничтожения³⁰. Экстерриториальность Волоцкого княжества едва ли могла служить защитой от власти московского самодержца, заточившего, по-видимому, вопреки данной клятве одного брата — Андрея Углицкого³¹ и до смерти испугавшего другого — Бориса Волоцкого.

Итак, возникает закономерный вопрос: почему волоцкий игумен, публично выступая против действующего митрополита и не пользуясь заступничеством великого князя, не подвергся гонениям? С неизбежностью приходится поставить и вопрос о тех источниках, из которых игумен монастыря на Волоке Ламском получил сведения, изблещившие митрополита в еретичестве и даже в содомии. Каким образом в провинции стало известно о том, что было тайным, тщательно скрываемым, да еще с интимными подробностями — обвинениями в содомии? Каким образом информаторы Иосифа Волоцкого проникли в близкий круг общения митрополита? Почему удалось добиться отставки Зосимы и не удалось добиться удаления дьяка Федора Курицына, про еретичество которого достоверно было известно еще с 1488 года?

²⁷ ПИВ. С. 144.

²⁸ О конфликте Ивана III с братьями см.: Алексеев Ю.Г. Государь всея Руси. Новосибирск, 1991. С. 116–126.

²⁹ ПИВ. С. 228.

³⁰ Надгробное слово преподобному Иосифу, игумену Волоколамскому, ученика и сродника его инока Досифея Топоркова // Чтения ОЛДП. 1865. Кн. 2. С. 179–180.

³¹ См. мнение современного исследователя: «Можно только догадываться о том, какие крепкие клятвы и поручительства должен был получить Андрей, чтобы добровольно сунуть голову в петлю. Вероятно, здесь не обошлось без гарантий духовных лиц, и прежде всего — митрополита Зосимы» (Борисов Н.С. Иван III. М., 2000. С. 597).

Когда митрополит стал главной мишенью его нападков, заменив в этом качестве попа Дениса и дьяка Федора Курицына? Как видим, вопрос о времени публичного выступления Иосифа Волоцкого с обличениями против митрополита приобретает значение центральной проблемы, решение которой имеет принципиальное значение³².

Проблема эта может быть решена только на пути изучения полемических произведений Иосифа Волоцкого. К рассматриваемой проблематике имеют отношение 5 антиеретических посланий Иосифа Волоцкого: Послание архимандриту Вассиану о Троице, Послание епископу Нифонту, Послание брату Вассиану Санину, Послание архимандриту Евфимию и Послание архимандриту Андронниковскому Митрофану³³. Согласно принятой датировке посланий Иосифа Волоцкого указанные послания помещаются в довольно широкий хронологический диапазон: от 1470-х гг., которыми принято датировать Послание архимандриту Вассиану, до 1504 г., к которому с большой долей уверенности следует относить Послание архимандриту Митрофану³⁴.

Утвердившаяся в историографии версия в пользу зависимости «Просветителя» от текстов Посланий Иосифа Волоцкого не была в достаточной степени обоснована текстологическими аргументами. Сравнительный анализ текстов Послания о Троице и «Просветителя» позволил обнаружить, что между Посланием и 1-м «словом» есть 4 параллельных чтения, между Посланием и 4-м «словом» одно общее чтение, между Посланием и 5-м «словом» таких чтений 11, кроме того, можно говорить о близости двух мест Послания с фрагментами 6-го и 7-го «слов»³⁵.

³² *Алексеев А.И.* О времени вступления Иосифа Волоцкого в борьбу с ересью жидовствующих // Исторические записки. М., 2012. Вып. 14 (132). С. 245–267; *Он же.* О вступлении Иосифа Волоцкого в борьбу с ересью жидовствующих // Круги времен. В память Елены Константиновны Ромодановской. М., 2015. Т. 2: Исследования. Посвящения и воспоминания. С. 148–157; *Он же.* Духовная культура Средневековой Руси. М., 2016. С. 184–211.

³³ Послания неоднократно опубликованы: Послание архимандриту Вассиану о Троице // ПИВ. С. 139–144; Послание епископу Нифонту // Там же. С. 160–168; Послание брату Вассиану Санину // Там же. С. 173–175; Послание архимандриту Андронниковскому Митрофану — там же. С. 175–178. Послание архимандриту Евфимию опубликовано: *Кобрин В.Б.* Послание Иосифа Волоцкого архимандриту Евфимию // Записки ОР ГБЛ. Вып. 28. М., 1966. С. 236–239.

³⁴ Обзор мнений относительно датировки посланий см.: *Плигузов А.И.* О хронологии посланий Иосифа Волоцкого // Русский феодальный архив XIV — первой трети XVI века. М., 1992. С. 1043–1061.

³⁵ См.: *Алексеев А.И.* О «Просветителе» и посланиях Иосифа Волоцкого // Вестник церковной истории. 2008. № 2 (10). С. 145–149; *Он же.* Сочинения Иосифа Волоцкого в контексте полемики 1480-х — 1510-х гг. СПб., 2010. С. 262–272.

Если настаивать на справедливости традиционной точки зрения, то придется допустить такой характер работы Иосифа Волоцкого, при котором из разных мест небольшого по сравнению со «словами» «Просветителя» Послания о Троице выбираются четыре цитаты и вписываются в различные места 1-го «слова», следом один фрагмент включается в текст четвертого «слова» и значительно расширяется, затем 11 фрагментов выбираются и вписываются в различные места текста 5-го «слова» (почти каждый раз дополняясь!), наконец, еще по одному фрагменту включаются в состав 6-го и 7-го «слов». Вышеописанный способ работы путем использования мелких выписок из текста Послания для составления масштабной канонической компиляции, какой является «Просветитель», выглядит в высшей степени искусственным и невероятным. Напротив, гораздо логичнее допустить, что при написании Послания о Троице Иосиф постарался включить в него подходящие для доказательств истинности догмата о Святой Троице цитаты из 1-го, 4-го, 5-го, 6-го и 7-го «слов» своего трактата.

Три послания Иосифа исследователи датируют периодом 1490–1494 гг. Это — Послание епископу Суздальскому Нифонту³⁶, Послание брату Вассиану³⁷, Послание архимандриту Евфимию³⁸. Имя митрополита-еретика в этих посланиях не названо, но поскольку обличительные пассажи совпадают с теми, которые читаются в тексте «Просветителя», где в них везде фигурирует Зосима, то становится ясным, что они относятся именно к Зосиме.

В Послании Нифонту находятся выражения, которые традиционно понимались как обличения в адрес митрополита-еретика, сопровождающиеся призывами противостоять Зосиме, невзирая на все опасности. Все эти выражения кажутся уместными лишь в отношении митрополита Зосимы в 1490–1494 гг., когда он занимал митрополичий престол. В противном случае, как указывал Я.С. Лурье, эти выражения могли быть восприняты как адресованные митрополиту Симону, это тем более вероятно, что в тексте послания митрополит нигде не назван по имени³⁹.

Мне удалось представить текстологические аргументы в пользу первичности текста «Просветителя» перед текстами антиеретических посланий⁴⁰. Иосиф Волоцкий использовал текст своей книги для того,

³⁶ ПИВ. С. 160–168.

³⁷ ПИВ. С. 173–175.

³⁸ *Кобрин В.Б.* Послание Иосифа Волоцкого. С. 236–239.

³⁹ ПИВ. С. 424. Примеч. 3.

⁴⁰ Подробно: *Алексеев А.И.* Сочинения Иосифа Волоцкого. С. 204–314. Кратко см.: *Алексеев А.И.* О новых результатах исследования «Просветителя» и посланий

чтобы последовательно доказать епископу Нифонту: тяжесть совершенных еретиками преступлений, в частности митрополитом Зосимой (тема «Сказания о новоявившейся ереси»); недействительность проклятия святителя-еретика (тема 12-го «слова»); опасность для православных общения с еретиками (тема 13-го «слова»); необходимость жестокого преследования еретиков, поскольку они являются отступниками (тема 14-го «слова»); обязанность светских властей при поддержке церковной иерархии преследовать еретиков (тема 13-го «слова»).

Результаты текстологического исследования, обнаружившего зависимость Послания Нифонту от текста «Просветителя», заставляют решительно разойтись с историографической традицией, согласно которой антиеретические послания Иосифа Волоцкого следует датировать временем пребывания Зосимы на кафедре митрополита, т. е. 1490–1494 гг. Приходится признать, что Послание Нифонту написано после сведения Зосимы с митрополичьей кафедры. Формы настоящего времени в этом послании употребляются как художественное средство для усиления выразительности и вовсе не свидетельствуют о том, что Зосима в момент написания послания занимал митрополичью кафедру⁴¹. Поскольку в посланиях Иосифа Волоцкого используются цитаты из различных «слов» его антиеретического трактата, то необходимо сделать вывод, что создание «Просветителя» предшествовало периоду открытой полемики с ересью⁴².

В каноническом общении с Зосимой находились многие, если не все, из числа высшей иерархии. Согласно 10-му, 11-му, 45-му, 70-му апостольским правилам, 12-му правилу апостола Павла, извержению из сана и отлучению подлежали все, кто молился, служил и праздновал или постился вместе с еретиками⁴³. По этой причине поддержка

преподобного Иосифа Волоцкого // Преподобный Иосиф Волоцкий и его обитель. М., 2013. Вып. III. С. 17–29.

⁴¹ Подробнее см.: *Алексеев А.И.* Сочинения Иосифа Волоцкого. С. 269, 336.

⁴² По мнению И. Панова, «в то время, как Геннадий вел практическую борьбу против ереси, Иосиф занимался ее теоретическим, научно-богословским опровержением» (*Панов И.* Ересь жидовствующих // ЖМНП. 1877, февраль. С. 265, примеч. 2). Учитывая, что Панов датировал публичное выступление Иосифа Волоцкого против ереси 1493 г., то для написания 11 «слов» «Просветителя» он отводил интервал 1491–1493 гг.

⁴³ На все эти правила ссылается архиепископ Геннадий в своих посланиях митрополиту Зосиме и собору епископов (Источники. С. 375–376, 381). Укажем эти правила по Кормчим XV в. 10 апостольское правило: «Правило 10. Толк. Аще кто молиться съ еретики въ церкви или в дому съ отлученым от церкви, сам такоже отлучен будет». «Пр. 11. Толк. Аще кто молиться рекше, аще презвитер служит въ церкви съ презвитером его же епископ изверже от сана извержен будет сам с таковым» (РНБ. Q. II. 49. Л. 8об. Кормчая начала XV в.). 70-е апостольское правило:

обвинений Иосифа Волоцкого была чревата серьезной чисткой рядов духовенства, преимущественно столичного. В контексте описанной ситуации находит соответствие и использованная в Послании Нифонту ссылка на патриархов-исповедников Германа, Никифора и Мефодия. Если пример первых двух содержал в себе ясное указание на необходимость отстаивания догмата иконопочитания перед лицом высшей власти, то пример Мефодия, который ликвидировал последствия иконоборчества, проведя масштабную чистку духовенства, примкнувшего к ереси в период правления императоров-иконоборцев может быть понят как относящийся к периоду, когда актуальными являлись именно дисциплинарные меры после падения покровителей еретиков при дворе⁴⁴.

Вполне вероятно, что Иосиф Волоцкий начал работу над текстом «Просветителя» еще в годы, когда митрополичий престол занимал Зосима. Но следует признать, что эта работа велась вполне уединенно и не сопровождалась публичными обвинениями в адрес митрополита. В «Сказании о новоявившейся ереси» Иосиф писал о временах всевластия Зосимы: «Он же к державному приходит и на тыя клевететь, и абие неповиннии заточением осужаются от державного, и скорби многи и юзы и темница и разграбление именем приемлют. Овии же спострадуют тем, аще и не изнаимьем, но писанием утешительным, и телесных потреб скудость утешающе темь, еще же и противу еретических глагол, съпротивно и обличительно отвещание от божественных писаний събирающе посылаху, еретиком съпротивляющеса. И таковыя ради беды, и аз мало нечто събрахъ от Божественных писаний съпротивно и обличительно еретическим речем: аще невежа и груб есмь, но обаче длжно ми есть о сих не нерадити противу моя силы»⁴⁵.

«Рече бо аще который епископ или прозвитор или диакон или всяк священнического чину постится со иудеи или празднует с ними или примет от них праздника их честь, рекше опресноки или ино что таковых да извержется, мирский же человек да отлучится» (РНБ. Сол. 477\496 кон. XV в. Л. 322об.). 12-е правило апостола Павла: «Еленьским баснем последующе и жидовским обычаем, аще не отступят того, да извергуться» (РНБ. Ф. II. 119. Л. 149). Укажем также особую подборку этих правил в «собрании титлов» в составе кормчей: «Грань 13 Глава 15. О правоверных приемлющих благословения от еретик ли иудеи ли празднующих ли постящихся съ \ иудеи и яко недостойн в субботу упражняться и о молящихся в монастырех еретических апостол святых 65, 70 правила; собора Лаодикийского канон 29, 32» (РНБ. Ф. II. 80. Л. 24).

⁴⁴ О деятельности патриарха Мефодия см.: *Афиногенов Д.Е.* Константинопольский патриархат и иконоборческий кризис в Византии (784–847). М., 1997. С. 85–115.

⁴⁵ Источники. С. 474.

Иосиф по схожести внешних неблагоприятных обстоятельств уподобляет свой труд писаниям Антиоха из лавры Саввы Освященного, писавшего в период нашествия персов, и Никона Черногорца, создавшего свои трактаты при нашествии турок⁴⁶. Учитывая, что оба упомянутых Иосифом автора были известны как составители объемных компилятивных сочинений, полагаем, что волоцкий игумен уподоблял им свой «Просветитель».

Сам Иосиф изложил историю своего вступления в открытую борьбу с еретиками в послании духовнику Ивана III архимандриту Андронникова монастыря Митрофану. Переговоры, которые наедине вели в дворцовых покоях Кремля великий князь Иван III и игумен Иосиф Волоцкий, отличались напряженностью и носили конфиденциальный характер. Послание Митрофану было написано после Пасхи и до церковного собора декабря 1504 года, после которого состоялись казни еретиков⁴⁷. Из этого текста явствует, что Иосиф трижды посетил великого князя за сравнительно короткий период времени.

На основании вышеизложенного приходится констатировать, что великий князь и Иосиф, не питавшие, по всему, что нам известно об их отношениях, теплых чувств друг к другу, довольно неожиданно (причем — по инициативе «самодержца») стали участниками доверительной беседы, в ходе которой Иван III беседовал с Иосифом наедине и просил у него прощения, а в ответ на это выслушал какие-то условия от Иосифа и принял на себя какие-то обязательства перед собеседником. Стоит отметить, что волоцкий игумен удостоился поистине удивительных признаний. Поразительно и то, что великий князь, уже получивший прощение от митрополита и владык, стал добиваться прощения у игумена недавно основанного монастыря, который занимал скромное место в иерархии русских монастырей (19-е место в Лествице духовных властей в 1570-х гг.)⁴⁸. Возникает вопрос: в силу какой причины для великого князя важно было прощение со стороны именно Иосифа Волоцкого, а не церковных иерархов?

Скорее всего, Иван III призвал Иосифа после того, как сделал окончательный выбор престолонаследника в пользу княжича Василия. Серия встреч Иосифа Волоцкого и государя всея Руси произошла по инициативе великого князя и знаменовала собой отказ от покровительства «жидовствующим» и стремление примириться с православной партией в лице ее идеолога. В понедельник 11 апреля 1502 г. «князь велики Иван положил опалу на внука своего великаго князя Дмитреа

⁴⁶ См.: «Ныне же не перси, ниже турки, но сам диавол и все его воинство опльчившися на христову церковь...» (Источники. С. 474).

⁴⁷ ПИВ. С. 256. Комментарий Я.С. Лурье.

⁴⁸ РГБ. Волок. 564. Л. 85.

и на его мать Елену, и от того дни не велел их поминати в октеньях и в литиях, ни нарицати великим князем, посади их за приставы»⁴⁹.

Из того же Послания следует, что в первое свидание Иван III говорил о церковных делах наедине с волоцким игуменом, просил у него прощение за покровительство ереси и ссылался на то, что получил прощения у митрополита и владык. Иосиф Волоцкий, в свою очередь, не решился бить челом великому князю об обыске еретиков в Новгороде и в других городах и получил какое-то поручение Ивана III: «и князь великий послал мя на дело». Это таинственное «дело» не получило удовлетворительного объяснения в историографии⁵⁰. Упомянутые в тексте свидания приходится датировать следующим образом. Просьба обыскать еретиков имела место на втором свидании, но за год, прошедший с пасхи 1503 до пасхи 1504 года, обещание великого князя так и не было выполнено. Отсюда следует, что первое свидание, на котором Иосиф выслушал признания Ивана III в покровительстве жидовствующим, состоялось еще ранее, по-видимому, в 1502 г.⁵¹

С большой долей уверенности можно указать, что это дело являлось розыском еретиков в Симоновом монастыре. В Волоколамском патерике находим свидетельство о пребывании волоцкого игумена в Симонове монастыре по прямому приказу Ивана III. «Поведа нам отец Иосифъ: “Пребывающу ми въ честней обители преславныя Богородица на Симонове, повелениемъ державного привезоша в тот монастырь человека разслаблена и постригоша”»⁵². Рассказ патерика о приходе

⁴⁹ Иоасафовская летопись. М.; Л., 1957. С. 144; ПСРЛ. Т. 6. Вып. 2. Стб. 367; М., 2002. Т. 8. С. 242; М., 2000. Т. 12. С. 255.

⁵⁰ А.А. Зимин полагал, что «делом», о котором упоминал Иосиф, являлось его вмешательство в исправление завещания удельного князя Ивана Рузского, умершего в ноябре 1503 г. (Зимин А.А. Княжеские духовные грамоты начала XVI в. // Исторические записки. 1949. Т. 27. С. 268–273). Я.С. Лурье отрицал это, ссылаясь на хронологические несообразности, и датировал поездку «на дело» началом 1503 г. (ПИВ. С. 256).

⁵¹ С большой долей вероятности можно датировать это свидание периодом между пасхой и 9 июня 1502 г., когда великий князь выехал из Москвы в свою загородную резиденцию Воронцово (ПСРЛ. Т. 26. Вологодско-Пермская летопись. М., 2006. С. 295).

⁵² Волоколамский патерик // Древнерусские патерики. М., 1999. С. 105. Текст опубликован по списку: РГБ. Муз. 1257 (сер. XVI в.). Л. 360об. Публикаторы поставили запятую таким образом, что слова «повелением державного» относятся к призову человека в монастырь. Нам же представляется, что запятую следовало бы перенести таким образом, чтобы эти слова относились к пребыванию в Симонове монастыре Иосифа. Факт пребывания игумена монастыря из пределов Волоцкого удельного княжества в столичном великокняжеском монастыре сам по себе очень необычен и нуждается в объяснении. Ссылка на повеление «державного» ставит все на свои места.

к Иосифу Феодосия и Федора иконников также не дает усомниться в том, что Иосиф получал необходимые для организации розыска полномочия от верховной власти: «Бе же тогда обыск от державныхъ государей Руския земля на безбожныхъ еретики»⁵³. Исходя из того, что в 1502 г. архимандритом Симонова монастыря стал родной брат Иосифа Вассиан, следует отнести розыск к 1502 г.

Следовательно, первое свидание Иосифа с великим князем имело место в 1502 г., и результатом стало начало розыска еретиков в Симоновом монастыре, являвшемся оплотом сторонников бывшего митрополита Зосимы. Можно только догадываться о значении тех сведений о ереси, которые были сообщены Иосифу и его сторонникам Вассианом Саниным, занявшим пост архимандрита в Симоновом монастыре, прежде являвшемся оплотом еретиков. Во время второго свидания Иван III вынужден был уже признаться в том, что «ведал ереси их», «которую дръжал Алексей протопоп ересь, и которую ересь дръжал Феодор Курицин»⁵⁴.

На основании всего вышеизложенного полагаем, что Иосиф Волоцкий публично выступил против еретиков-жидовствующих не ранее весны-лета 1502 г.⁵⁵ Обыск ереси с целью поиска свидетелей, дискредитирующих окружение Дмитрия-внука и митрополита Зосиму, начался в Симонове монастыре после того, как его архимандритом стал брат Иосифа Вассиан Санин. Первыми памятниками этой борьбы стали два Послания брату Вассиану Санину, Послание епископу Нифонту Суздальскому, Послание архимандриту Евфимию и Послание архимандриту Митрофану. Все они были написаны в промежуток между 1502 и 1504 гг. К этому времени Иосиф имел перед собой текст «Просветителя» в объеме не менее 13 «слов», а в 1504 г. дополнил его 14-м «словом» в связи с начавшейся полемикой с нестяжателями.

Признав справедливость датировки противоеретических посланий Иосифа Волоцкого и «Просветителя» временем не ранее 1502 г., приходим к выводу о том, что вся антиеретическая полемика распадается на два комплекса. Первый из них составляют Послания архиепископа Геннадия и Спиридона-Саввы, написанные в 1487–1490 гг. Второй комплекс составляют Послания и «Книга на еретиков» Иосифа Волоцкого, написанные и получившие известность не ранее 1502–1504 гг. Складывается впечатление, что в период между 1490 и 1502 гг. публичная полемика с ересью не имела места. Вспомним, что переводы двух больших антиеретических трактатов появились

⁵³ Волоколамский патерик. С. 84.

⁵⁴ ПИВ. С. 176.

⁵⁵ Подробно см.: *Алексеев А.И.* Религиозные движения на Руси последней трети XIV — начала XVI в.: стригильники и жидовствующие. М., 2012. С. 425–440.

в кружке архиепископа Геннадия только в 1502–1504 гг. Это перевод трактата Николая Лиры «Против коварства иудеев», выполненный Дмитрием Герасимовым в 1501 г.⁵⁶ Автором перевода (1504) сочинения Самуила Евреина «Обличения на иудейские блужения» также считается Д. Герасимов. Эта пауза длиной в 12 лет, возникшая после церковного собора, осудившего еретиков в 1490 г., наряду с активностью обличителей ереси после 1502 г. заставляет задуматься о степени того влияния, которым жидовствующие пользовались при московском дворе все эти годы.

⁵⁶ *Николай де Лира*. Доказательства пришествия Христа: Латинский теологический трактат и его церковнославянский перевод, выполненный Д. Герасимовым, кон. XV в.: В 2 т. / Пер. на рус. яз., предисловие, аналитический обзор, указатель слов и словоформ Е.С. Федоровой. М., 1999. Сложность ситуации для православной иерархии доказывает сам факт обращения к переводу с латинского объемных полемических сочинений против иудеев.

Дисциплинирование духовенства и прихожан в XVI в. (по материалам поучений Кормчих западнорусской редакции)

DOI 10.31168/91674-483-5.27

В работах Бориса Николаевича Флоры впервые было начато сопоставление церковных институтов восточных и западных славян на начальном этапе их существования, а также Киевской и Московской митрополии после их разделения¹.

Для историков существование двух митрополий, претендующих на продолжение Киевской и всея Руси, — тот редкий случай, когда не надо моделировать контрфактическую ситуацию, так как она уже реально имеет место. Главное отличие двух митрополий определяется характером и ролью государственной власти в церковных делах.

Б.Н. Флоря показал, как московская княжеская власть выступала в роли «координатора отношений между разными частями духовного сословия»². В другой ситуации оказалось духовенство в Великом княжестве Литовском. Здесь епископат не мог рассчитывать на прямое участие светской власти в церковных делах, особая роль в управлении принадлежала «клиросу» — духовенству соборных церквей. В области управления церковным имуществом иерархия сталкивалась с интересами землевладельцев, что приводило к новым конфликтам³.

Новым источником для рассмотрения системы управления киевской митрополией и взаимоотношений епископата и духовенства

¹ Флоря Б.Н. Отношение государства и Церкви у восточных и западных славян (эпоха средневековья) // Флоря Б.Н. Исследования по истории Церкви. Древнерусское и славянское средневековье. М., 2007. С. 3–122.

² Там же. С. 96.

³ Там же. С. 101–104.

являются поучения киевских митрополитов, находящиеся в трех рукописных Кормчих западнорусской редакции, хранящихся в РГАДА (РГАДА. Ф. 181. Оп. 1. № 1596; Ф. 181. Оп. 1. № 1594; Ф. 196. Оп. 1. № 1620). Эти тексты были выявлены Л.В. Мошковой⁴ и недавно опубликованы автором статьи⁵.

Л.В. Мошкова считает, что так как в поучениях митрополит именуется «Киевским», то они были составлены до 1517 г., когда Иосиф Солтан начал называть себя «Киевским и Галицким». Вопрос о том, насколько последовательно употреблялся титул киевского митрополита, пока не исследован. Можно отметить, что в Деяниях собора 1509 г. митрополия называется «Киевское и Галицкое и всяя Руси»⁶, хотя сам митрополит назван «Киевский и всяя Руси»⁷.

Исследование поучений как исторического источника возможно только после определения использованных в них текстов. Как показало исследование, составитель редактировал тексты, известные в составе Кормчих русской редакции: Поучение собору епархиального духовенства, впервые появившееся в Чудовской Варсонофьевской Кормчей XIV в. и в составе Золотой цепи⁸, Поучение новопоставленному священнику (наиболее ранний текст в Новгородской Кормчей 1280 г.)⁹. Кроме того, он вставил значительные фрагменты из Окружного послания митрополита Фотия православному духовенству, написанного в связи с поставлением Григория Цамблака¹⁰. Это послание получило распространение в русской письменности, но известно в сборниках, связанных с Московской Русью. В составе западнорусских сборников оно, насколько нам известно, не выявлено, хотя тема поставления Григория Цамблака в них представлена.

⁴ Мошкова Л.В. Каталог славяно-русских рукописных книг XVI в., хранящихся в Российском государственном архиве древних актов. Вып. 1: Апостол — Кормчая. Москва. М., 2005. С. 239–255, 442–455.

⁵ Белякова Е.В. Циклы поучений священникам в кормчих западнорусской редакции (Публикация текста) // Slavistica Vilnensis. (Vilnius), 2016. № 61. С. 187–256.

⁶ РИБ. Т. 4. Памятники полемической литературы Западной Руси. СПб., 1878. Кн. 1. Стб. 12.

⁷ Там же. Стб. 7, 12.

⁸ РИБ. Т. 6. Памятники древнерусского канонического права. СПб., 1908. Стб. 111–116.

⁹ Там же. Стб. 101–110. См. об этом памятнике: Белякова Е.В. Поучения новопоставленному священнику в восточнославянской традиции // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. М.: Индрик, 2015. № 3 (61). С. 14–15.

¹⁰ Данное послание издавалось неоднократно: РИБ. Т. 6. Стб. 315–357. *Фотий, митрополит Киевский и всяя Руси*. Сочинения. Книга глаголемая Фотиос / Подг. текстов: Н.А. Кобяк, А.И. Плигузов. М., 2005. С. 115–130.

Так, в супрасльском Требнике первой половины XVI в. имеются два послания под заглавием «О изгнании митрополита Фотия, еже было при Витовте». Далее следует соборная грамота литовских епископов и грамота великого князя Витовта¹¹. Использование Окружного послания митрополита Фотия свидетельствует о том, что и оно было известно в Киевской митрополии в этот период.

В самом тексте имеется и ссылка на Номоканон («з манаканона учение берет») — это особая редакция покаянного Номоканона, остающегося неисследованным¹². Составитель располагал также собранием поучений к священникам отцов церкви, которое было им полностью скопировано в составе 3-го цикла. Это собрание поучений, адресованных священникам, представлено в значительном количестве древнерусских сборников. В него входят следующие статьи, принадлежащие или приписанные отцам церкви: 1) Поучение Григория Богослова к попам («О попове, Бога вышняго слуги...»); 2) Слово Григория Богослова к попам («Слышите, что Господь глаголеть...»); 3) Слово Иоанна Златоуста («Иже человек имыи ремество...»); 4) Поучение св. Афанасия («О пастыри, что створим, иже всегда мзды въсприемлем...»); 5) Слово Иоанна Златоуста («Аще купец на вся дни расчитаеть...»); 6) Слово Иоанна Златоуста («О прозвитере, помысли, которыи сан приял...»); 7) Поучение Иоанна Златоуста («Помыслим добре, братие...»); 8) Поучение св. Василия («Поп должен есть боле всего не имети ни гнева ни гордости...»); 9) Иоанна Златоуста («Паки же ты о прозвитере Христова стада пастуше...»)¹³. Можно предположить, что источником послужила рукопись РГБ. Егор. 245, в состав которой также входит западнорусская редакция Кормчей и сборник Зинар. Имеется этот цикл в некоторых списках Кормчей Лукашевической редакции, например РГБ. Лукаш.1 и Соловецкой Кормчей (РНБ. Солов. 858).

Поучения киевских митрополитов составлялись для прочтения на соборе духовенства в понедельник второй недели Великого поста. Священники должны были являться в этот день к епископу.

¹¹ Библиотека Академии Наук Литвы имени Врублевских. F 19. № 206. Л. 189–193об.

¹² Нам удалось найти два списка Номоканона той редакции, на которую ссылается составитель: РГБ. Рогож.342 и ГИМ. Ув.329.

¹³ Баранкова Г.С., Белякова Е.В. Влияние византийских канонических и учительных текстов на славяно-русскую литературную традицию // Традиции и инновации в истории и культуре: программа фундаментальных исследований Президиума Российской академии наук. М., 2015. С. 461–462. Поучения Григория Богослова из этого цикла были помещены как приложение к диссертации: Пихоя Р.Г. Церковь в Древней Руси (конец X — первая половина XIII в.). Древнерусское покаянное право как исторический источник: дисс. ... канд. ист. наук. Свердловск, 1974. С. 183–189. См. также: Пихоя Р.Г. Формирование удельных школ покаянной дисциплины в XII в. // Пихоя Р.Г. Записки археографа. М., 2016. С. 74–75.

В качестве адресата поучений в первом цикле назван «весь о Христе клирос»: служебники и сыны «нашего смирения», честные архимандриты, боголюбивые игумены, почестные священники и диаконы, клирошане великой соборной церкви и других церквей, соборных и несоборных, монастырских, городских и поместных, сельских («по селам сущим»), княжеских, боярских¹⁴. Очевидно, в этом тексте «клирос» употребляется в двух смыслах: все духовенство или все клирики и более узко, как клирос соборной церкви.

Автор поучения уверяет, что собираться священникам к епископу для поучения — это распространенная во всем православном мире традиция («инде везде нашее православное веры священници также приходят к своему святителю без каждого преслушания»¹⁵), которая не является нововведением («не новоуведеный день, но прежде нас бывшими святители ученены събор духовныи»¹⁶). Однако трудно представить подобную практику в Киевской Руси с ее 11 епархиями на всей огромной территории. Тем не менее необходимо отметить, что в Поучении новопоставленному священнику уже содержалось предписание священникам являться на соборы. По-видимому, это соответствовало практике греческой церкви. Но и в постановлении Виленского собора 1509 г. говорится о необходимости являться епископам на собор, а о соборах священников нет речи¹⁷. Согласно Поучениям, на собор священники должны были приносить и «хиротонии». «Хиротонией» называлось уже упомянутое Поучение новопоставленному священнику. Оно выдавалось ему на руки во время поставления, в текст могло вписываться имя священника и имя епископа, во всяком случае от 1562 г. дошел такой образец, выданный митрополитом Сильвестром¹⁸. В 1587 г. в типографии Мамониной была издана эта «хиротония», в которой было проставлено имя Кирилла, епископа Луцкого и Острожского¹⁹. Впоследствии текст издавался неоднократно как в Литве, так и в Московской Руси²⁰. По-видимому, этот текст заменял ставленные грамоты, хотя с XVI в. образцы ставленных грамот уже встречаются в рукописях.

¹⁴ Белякова Е.В. Циклы поучений священникам в кормчих западнорусской редакции. С. 199.

¹⁵ Там же. С. 194.

¹⁶ Там же. С. 195.

¹⁷ РИБ. Т. 4. Стб. 15–16.

¹⁸ Акты, относящиеся к истории Западной России. СПб., 1848. Т. III. № 31. С. 116–118.

¹⁹ В тексте «хиротония», см.: Гусева А.А. Издания кирилловского шрифта второй половины XVI века. Сводный каталог. М., 2003. Т. 2. № 105. С. 748–749.

²⁰ Белякова Е.В. Поучения новопоставленному священнику в восточнославянской традиции. С. 14–15.

В 1-м и 2-м циклах поучений появляется и новый для восточнославянской культуры текст. Он получает разные названия: «Ряд церковный»²¹ или «Список святительский осмотривальный и ряд»²², «Список митрополии осмотривалны»²³. Этот текст перечисляет обязанности священника по отношению к храму и богослужению. Это уже не поучение, а договор об обязанностях священника: «К тому ж да рядится кои же до церкви яж приял есть от святителя правити, тако и яко ж их списком святительским осмотривальным научено. Список святительское науки и ряд се есть»²⁴.

Изложение сделано таким образом, что представляет собой возможность для контроля деятельности священника по содержанию храма и исполнению обязанностей. Во втором цикле добавлены «объездные», которые контролируют состояние церквей. Так, священник обязан следить, чтобы не был поколеблен престол.

1 цикл	2 цикл
Аще ли у которой церкви, которым делом пригодится позыбаться престолу, тогда тое церкви священник мает до нас приехать ²⁵ .	Аще ли в которой церкви ком образом случится позыбаться престолу, ино тое церкви священнику не ждучи нашего обыездного до нас приехати, или подобнаго человека прислати о том пытаючися... А обыездный наш, у которой церкви знаидет престол зыблющся на тое церкви священнику намь вина ²⁶ .

Священник обязан держать на престоле целое Евангелие, крест, литон, метлицу. Во втором цикле добавлены «святость з мощми или панагия» и указан антиминос. Далее идут указания на то, как должны храниться святые дары («Божье тело»). Причем только второй цикл содержит более развернутый текст о том, как в Великий четверг священник заготавливает святые дары. Здесь упоминается

²¹ *Белякова Е.В.* Циклы поучений священникам в кормчих западнорусской редакции. С. 209.

²² Там же. С. 225.

²³ Там же. С. 229.

²⁴ Там же. С. 224–225.

²⁵ Там же. С. 209.

²⁶ Там же. С. 225.

о том, что дискос должен быть серебряный или медный («медяну лужену») ²⁷, а высушенный агнец должен храниться в железном ящике или добром деревянном. Здесь же дано указание, что для причащения больных должен быть «особный потир или поянны из белого железа съсудець» ²⁸.

Подробно расписано, что должно храниться в жертвеннике, перечисляются церковные сосуды и упомянуты «венчальные венцы», которые должны висеть в сокровенном месте. Описана уборка в церкви, которую священник должен совершать каждую субботу, и особо отмечено, чтобы не было паутины. Перечислена еда, которую нельзя вносить в алтарь, и также содержится запрет входить в алтарь мирским людям кроме пономаря. Упомянуты еще «боронки», которые должны препятствовать людям входить в алтарь, а псам — в церковь. Для историка несомненно важно упоминание об особом месте в церкви, где должны были лежать книги, и роспись этих книг: Евангелие, Апостол, Псалтирь, Октоихи, Минеи, две Триоди, Прологи. При этом предусматривается и замена Октоихов на Шестодневце, Минеи на «Трефолои» и «Общую минею», Прологов на «Соборник», по которому читать на праздники. Отдельно упомянут Служебник, который должен быть непременно исправлен.

Особое внимание уделено детскому крещению: в церкви должны быть «крестилницы», мальчиков и девочек нельзя крестить в одной купели, в церкви должны быть «куколицы», одеваемые на детей, и особые ножницы, используемые для пострижения при крещении. Вода от крещения должна быть вылита в специальное место, где не могут ходить люди или псы ²⁹.

Таким образом, этот текст мог служить и инструкцией для «объездного» при проверке церковного здания — все ли перечисленное в нем содержится в том порядке, как это указано в «ряду церковном».

Священник должен был хорошо знать и «хиротонию», и «ряд церковный» ³⁰. Во втором цикле добавлено значительное количество новых предписаний. К ним относятся запрещение держать отреченные и «глумословесные» книги ³¹, предписание правильно совершать крестный ход, так, чтобы мирских людей не пускали в ряд священнический, для чего «упросили бы доброго человека, боярина или дворянина, и да идет

²⁷ Там же. С. 226.

²⁸ Там же.

²⁹ Там же. С. 229.

³⁰ Там же.

³¹ Там же. С. 230.

подле них з лескою»³², запрет пьянства. Только во втором цикле содержится угроза наказывать «тяжкой казнью церковной»³³, под которой понимается не только духовная казнь, но и иное наказание. Для этого составлен особый список «вин» за разные «преслушания». В тексте он не приводится, но возможно, что такой список и будет найден в документах киевской митрополии, которые, несомненно, выявлены и изучены недостаточно.

Поучения содержат и ряд важных предписаний, касающихся мирян. Миряне, как и священники (клирошане и попы «посполитых церквей»), должны приходить к божественной службе, которая включает в себя часы, обедню, вечерню, павечерницу³⁴.

Способы воздействия на «непокорников», имеющиеся уже в Поучении новопоставленному священнику, здесь более детализованы, в тексте появляются «волости» (в данном случае — чиновники) архиепископские, а собор служит еще и инструментом исправления:

Поучение новопоставленному священнику	Поучение киевских митрополитов
«А духовные дети учи, исправляи по мере грехов, запрещай, епитимию давай, отлучай; непокорника, в грехы выпадающа от церкви отлучи, от себе отжени, дондеже обратиться к тебе. А от иного попа отгоненнаго ты не прими; примет ли кто такового, мне възвести»³⁵.	«Дете душевныя свои исправляите по мере греха епитемью давайте им. Запрещайте истезайте непокорников, пребывающих в гресех, таковых отлучайте от церкви и от себе отгоните, дондеже обратится к тебе и покается. А инии поп брат твои такого непослушника не может принять. Примет ли кто такового без вашего благословения и ведания, о том скажете архиепископу и волостем его, и он непокорника велит отцу душевному кляти на соборе, дондеже начнет плакаться и каатися к отцу своему прьвому. А кто его принял будет, тот да не служит, дондеже възмет от архиепископа благословение»³⁶.

³² Там же. С. 232.

³³ Там же. С. 233.

³⁴ Там же. С. 202.

³⁵ РИБ. Т. 6. Стб. 107.

³⁶ *Белякова Е.В.* Циклы поучений священникам в кормчих западнорусской редакции. С. 197–198.

Из краткого запрета Поучения XIII в. на разговоры в церкви («В церкви не даи повестити»³⁷) вырастает длинное указание, как поступать с теми, кто недостойно ведет себя в церкви: «А хто начнет у церкви повествовати. или смеятися будеть, князь или бояринъ. или един от властитель, будь богат и убог, изгоняйте такихъ смело из церкви. Аще не имуть слушати вас, и вы оставьте литоргию. дондеж тот ругатель божию изыдетъ вън. Аще ли вы священници видя такихъ шептунов и смеятелей церковных, не восхочеть выслати изъ церкви их, съромеяса сану и власти их и похлебъство чиня им, вы священници сами и с тыми осуждения примете, въ день судный в муках вечных». Из судебных дел Литовской метрики известно, что церковь могла становиться местом столкновения священника и горожан, так что дело могло доходить до судебных разбирательств в городском суде³⁸. О том, что священники нуждаются в защите от вельмож, говорится и во втором цикле: «которые коли велможи. и простые люди смущаютъ церковь божию. и насильствуютъ, и кривдятъ. и берутъ себе чого бы не мели брати. або священников не честуютъ, и бьютъ, служителей тайнъ христовых. таковыи суть вси растрители дому божиего».

В четвертом цикле, представляющем собой расширенное Поучение собору епархиального духовенства, появляется требование не почитать «лживых книг». Источником здесь послужил список книг истинных и ложных, который входит в состав сборников разного типа, Кормчих и Уставов³⁹. Использованный список отреченных книг ближе всего к редакции, обозначенной И.М. Грицевской как «вторая краткая редакция» и опубликованной исследовательницей по сборнику РНБ, Кирилло-Белозерское собр. № XIII. Хотя список истинных и ложных книг был широко распространен в книжности, но его впервые включили в состав Поучения новопоставленному священнику.

Таким образом, мы видим, что наряду с вполне традиционными сюжетами, имевшимися уже в Поучении к новопоставленному священнику, возникает значительный ряд новых требований, направленных на дисциплинирование священников и мирян.

Можно ли считать составителем поучений митрополита Иосифа Солтана? Нам удалось найти только одно дословное совпадение в утверждении ответственности священников за соблазны:

³⁷ РИБ. Т. 6. Стб. 107.

³⁸ *Старостина И.П.* Применение новеллы Юстиниана в суде Великого княжества литовского в 1538 г. (на основании материалов Книги Литовской метрики № 228) // *Z dziejów kultury prawnej. Studia ofiarowane Prof. Y. Bardachowi.* Warszawa, 2004. S. 135–147.

³⁹ *Грицевская И.М.* Индексы истинных книг. СПб., 2003. С. 169–170.

Собор 1509 г.	Поучение
«Простец съгрешив за свою душу токмо ответ дасть Богу, а поп съгрешив многи съблазнит человеки» ⁴⁰ .	«Простыи человек согрешит, за свою одну душу ответ даст, и попь согрешив съблазнит многих людей» ⁴¹ .

Тематика постановлений Собора 1509 г. несомненно близка к тематике поучений. В преамбуле к Постановлению Собора дана обширная цитата из Постановления Собора 1273 г. Это постановление входит и в состав Номоканона особой редакции, на который имеются ссылки в рассмотренных циклах Поучений, хотя в самих Поучениях оно не использовано.

В постановлении Собора 1509 г. имеется раздел «О непослушниках». В нем речь идет в основном о священниках, но упомянуты и «мирские люди, выпадиши в некоторые духовныи вещи, от своего архиепископа или епископа в неблагословении церковном буда»⁴². Но как мера воздействия здесь выдвигается только контроль отпустных грамот у священников. Ни «ряд церковный», ни «хиротония» не упомянуты в Деяниях Собора, хотя «хиротония» уже была хорошо известна. Вероятно, это можно считать косвенным подтверждением того, что создание цикла поучений произошло уже после Собора 1509 г.

Распространение Поучений не ограничилось тремя списками украинского происхождения. Они повлияли на другой текст, созданный почти столетием позже. Это «Наставление благочиния», изданное Московским Собором 1666 г. Составитель «Наставления благочиния» явно был знаком с «Рядом церковным» и во многом воспроизвел его в созданном им тексте⁴³.

«Ряд церковный»	Наставление Собора 1666 г.
На перvei священная трапеза, иже есть престол, абы был непоколебим ⁴⁴ .	Да вам же досматривать, чтобы во всех церквах <...> столбцы престолные тверды и непоколебимы.

⁴⁰ РИБ. Т. 4. С. 11–12.

⁴¹ *Белякова Е.В.* Циклы поучений священникам в кормчих западнорусской редакции. С. 238.

⁴² РИБ. Т. 4. С. 10.

⁴³ *Белякова Е.В.* Об украинских источниках Наставления благочиния, изданного Московским Собором 1666 г. // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2017. № 3 (69).

⁴⁴ *Белякова Е.В.* Циклы поучений священникам в кормчих западнорусской редакции. С. 209.

А про детиное крщение дръжали бы есте особные крестилници у церкви <...> А по крщении детином с крестилници воду выливаите у таковое место, где бы не мог на тое место наступати ни человек ⁴⁵ .	и для крещения младенцем были бы купели чисты <...> и воду после крещения лили бы в чистое место под церковь, чтоб те купели и вода освященная не была попираема от человек.
И вино бы дръжали у судине скровно чисто процеживаа ⁴⁶ .	Чтоб вино на божественную службу было чистое (без примесу) и неискислое и незаплесневелое.
Бльши же всего штобы в олтари и в церкви паучины бы не было, а помост олтарный и црковный, пометали бы в каждую суботу ⁴⁷ .	И во олтарях было бы чисто всегда выметено и вымыто, чтобы не было сору на полу и на стенах пыли и паучин ⁴⁸ .

Отметим, что составитель не стремился буквально передать текст, возможно, он воспроизводил его по памяти. Цель Наставления та же, что у Поучений: дать точные представления священнику о его обязанностях. В Наставлении содержится предписание всем священникам сделать с него списки, держать в церкви и «почаста велети прочитати», что опять совпадает с Поучениями священникам.

Нестроения в русской церкви, вызванные неприятием проводимых реформ, о которых упоминал составитель Наставления в начале своего текста, сделали необходимым напомнить священникам об их обязанностях, а также дать возможность проконтролировать правильность их исполнения священниками.

Особенностью церковной ситуации в Литве было то, что православные епископы должны были своими силами добиваться от священников и паствы «правильного» поведения, исполнения конфессиональных предписаний. Этим церковная ситуация очень сильно отличалась от положения в католической и протестантской церкви в Германии, где в XVI в. применялась светская власть для установления норм церковной дисциплины, а за невыполнение этих норм вводились штрафы и публичные наказания⁴⁹. Как показали исследования, стремление

⁴⁵ Там же. С. 211–212.

⁴⁶ Там же. С. 227.

⁴⁷ Там же.

⁴⁸ Деяния Московских Соборов 1666 и 1667 гг. Издание [третье] Братства св. Петра митрополита, проверенное по подлинной рукописи. М., 1905. Л. 39.

⁴⁹ Обзор литературы о термине конфессионализации и его применении к странам Восточной и Центральной Европы см.: *Deventer Jörg*. «Confessionslisation» — a useful theoretical concept for the study of religion, politics, and society in early modern

православного епископата в Литве усилить свою власть, получить определенные светские права стало одной из причин унии.

В Московской Руси можно увидеть те же явления, что и в Германии: здесь церковная дисциплина стала насаждаться «градскими законами». Как показывает Стоглав, получивший официальный титул царя Иван IV уже с середины XVI в. активно участвует в распространении норм церковной дисциплины, именно он изображен как инициатор Собора. Однако только в ходе церковных реформ XVII в. это участие приобрело качественно новый характер, репрессивно-полицейский. В Германии происходило территориальное размежевание: сторонники реформ могли переезжать в те области, где у власти были князья, поддерживавшие Реформацию. В России представителям старой веры была открыта возможность не политического существования, а бегства на те территории, где государственная власть не обладала полной силой и возможностью контроля: пограничные территории, малодоступные удаленные места, Сибирь. При этом внутри староверческих общин также шли процессы жесткого дисциплинирования: на староверов распространялись нормы монашеского существования⁵⁰.

Возвращаясь к поучениям киевских митрополитов, можно отметить, что в них тема монашества поднята лишь косвенно, рассказом в четвертом цикле о лавре Хузива (лавра преп. Иоанна Хозевита) и наказанием священства церкви Воскресения в Иерусалиме. Этот же сюжет вошел в Кормчие Кирилло-Белозерской редакции в качестве 121-й главы под названием «Сказание како церковную святыню отгоняют неверные руце предании бывають»⁵¹.

Несомненно, что в XVI в. в судьбе двух митрополий можно увидеть множество общих культурных явлений, в том числе и тенденцию к дисциплинированию духовенства, характерную для «эпохи конфессий». Однако инструменты дисциплинирования начинают отличаться. Способом дисциплинирования в Киевской митрополии стал объезд епископом или

East-Central Europe? // *European Review of History: Revue européenne d'histoire*, 2004. 11:3, 403–425. О мерах дисциплинирования: *Willoweit Dietmar. Katholische Reform und Disziplinierung als Element der Staats- und Gesellschaftsorganisation // Glaube und Eid. Hrgb. von Paolo Prodi unter Mitarbeit von Elisabeth Müller-Luckner / Schriften der Historischen Kollegs. Kolloquien 28. München, 1993. S. 113–132.*

⁵⁰ Юхименко Е.М. Выговская старообрядческая пустынь. Духовная жизнь и литература. М., 2002. Т. 1. С. 58–64; *Beljakova E.V. Der Skit als besondere Organisationsform mönchischen Lebens // Monastische Kultur als transkonfessionelles Phänomen. Beiträge einer deutsch-russischen interdisziplinären Tagung in Vladimir und Suzdal Hrgb. von L. Steindorff und O. Auge in Verbindung mit A. Doronin / Veröffentlichungen des Deutschen Historischen Instituts Moskau. Berlin; Boston: Walter de Gruyter GmbH, 2016. Bd. 4. S. 115–116.*

⁵¹ *Белякова Е.В. Новые тексты в составе Кормчих на рубеже XVI–XVII вв. // Церковь в истории России. М.: ИРИ РАН, 2015. Сборник 10. С. 17.*

специально назначенными клириками церковей митрополии, известный в католическом мире как «визитация». Другой предложенный способ — собор клириков епархии, на котором они выслушивали поучения и могли называть имена отлученных. Стоглав предлагал введение института поповских старост, которые должны были контролировать деятельность священников. Вместе с тем очевиден и кризис системы обучения вере, которое традиционно предлагало православие. Отсутствие специальных учебных заведений для обучения священников делало их особенно уязвимыми в эпоху конфессий, когда знание основ веры предполагалось и мирянами. Стоглав ратовал за создание школ, однако исследователи отмечали отсутствие свидетельств о каких-то преобразованиях в системе обучения клириков. Именно отсутствием учебных заведений объясняется и быстрое распространение в XVI в. протестантизма среди православных в Литве, а затем католицизма, сумевшего создать сильные учебные заведения.

Поучения киевских митрополитов несомненно близки к наставлениям Стоглава, однако одновременно ведут исследователя к церковной реформе XVII в., когда они были непосредственно использованы. Середина XVII в. означала новый этап в культуре, когда выходцы из Киевской митрополии начали играть значительную роль в жизни церкви московской Руси⁵², а созданные в Киевской митрополии новые тексты и печатные издания стали активно использоваться как в деятельности Московского печатного двора⁵³, так и в рукописной традиции.

В «Наставлении о благочинии» содержатся важные предписания вести в каждом приходе книги для записи крещения, причащения и смерти. Этот текст был заимствован из Требника Петра Могилы⁵⁴. Кто был составителем Наставления, остается неясным. Симеон Полоцкий, когда писал текст деяний Собора 1666 г., оставил просто указание: «Tu pisac wpytek (?) switek nastawlenia blahocsynia»⁵⁵. Полный текст Наставления имеется только в рукописи — Син. I⁵⁶ и имеет дату — 4 июля 1666 г. По-видимому, Симеон Полоцкий уже располагал текстом Наставления. Таким образом, методы дисциплинирования, выработанные в Киевской митрополии, начинают использоваться и в Московском патриархате.

⁵² Харлампович К.В. Малороссийское влияние на великорусскую церковную жизнь. Казань, 1914. Т. 1.

⁵³ Об использовании текстов киевской митрополии при издании печатной Кормчей см.: Белякова Е.В., Мошкова Л.В., Опарина Т.А. Кормчая книга: от рукописной традиции к первому печатному изданию. М.; СПб., 2017. С. 202–205.

⁵⁴ Требник Петра Могилы. Перевидання з оригіналу 1646 року. Канберії; Мюнхен; Париж, 1988. Л. 425–430.

⁵⁵ РГБ. Ф. 178. Фунд. 1. № 68. Л. 152.

⁵⁶ ГИМ. Син. I/ 1195. Л. 46об.–62об.

«РОСТОВСКОЙ ВЕСИ СЕЛЯНИН» (Гипотеза о составителе «Сборника, именуемого Тверской летописью»)

DOI 10.31168/91674-483-5.28

Вопрос об авторе-составителе «Сборника, именуемого Тверской летописью», изданного в качестве тома 15 «Полного собрания русских летописей» (ПСРЛ) более полутора веков назад¹, не привлекал — в отличие от самого памятника — сколь-либо заметного внимания исследователей. Готовивший том к изданию А.Ф. Бычков² (к слову сказать, сам ростовец по своим историческим корням³) вполне серьезно написал, что текст «составлен в 1534-м году, ростовским селянином, не получившим школьного образования»⁴, сославшись на слова самого летописца: «не бо бех Кианин родом, ни Новагорода, ни Владимира, но от веси Ростовских областей; ... не имам бо многыа памяти, не научихся дохторскому наказанию, еже съчиняти повести и украшати премудрыми словесы, якоже обычай имут риторы»⁵. Похоже, что версия удовлетворила всех позднейших исследователей, поскольку вопрос о возможной

¹ ПСРЛ. СПб., 1863. Т. 15 (репринт — М., 1965; репринт — *Polnoe sobranie russkich letopisej*. Т. XV. Düsseldorf (Brücken-Verlag), 1965; репринт с доп. предисловием Б.М. Клосса — М., 2000).

² См., о нем, к примеру: *Голубева О.Д.* Бычков Афанасий Федорович // ПЭ. М., 2003. Т. 6. С. 451–453.

³ Его младший сын Федор Афанасьевич возводил их фамилию к Бычковым-Ростовским — ветви ростовских князей, утратившей со временем титул (*Бычков А.Ф.* Родословная книга князей и дворян Бычковых-Ростовских. СПб., 1880).

⁴ ПСРЛ. Т. 15. С. V.

⁵ Там же. Стб. 142.

личности составителя в литературе больше, насколько мне известно, не поднимался. Не идет о ней речь даже в «Словаре книжников и книжности Древней Руси» (СККДР)⁶, самой судьбой, казалось бы, предназначенном для этого. Но при этом кажется весьма вероятным, что анализ разнородных дошедших сведений позволяет прийти к более определенным выводам.

Разумеется, в настоящее время невозможно безоговорочно присоединиться к простодушному мнению А.Ф. Бычкова, назвавшего составителя «Тверского сборника» «селянином» (при том что школьного образования последний без сомнения действительно не имел — как, впрочем, и никто из его современников в Московской Руси). Связь с «ростовской велью» представляется заметно более опосредованной — вотчинник или помещик, причем совсем не обязательно в данный момент там живущий. Традиционно уничижительная автохарактеристика составителя летописи, просящего прощения у читателя за свой «недостойный» труд, выдает в нем весьма начитанного книжника⁷. Она заставляет вспомнить одного из первых русских писателей — митрополита Илариона — с его чеканной формулой в «Послании к брату-столпнику»: «Не бо възрастохом в Афине, ни философии учихомся»⁸.

Примечательно и упоминание «дохторского наказания», которому «не научихся» составитель летописи. Впервые термин «доктор / дохтор» в значении «человек, имеющий высшую ученую степень» фигурирует в памятниках великорусского происхождения в 1501 г., в переводе антииудейского трактата Николая де Лира, выполненного Дмитрием Герасимовым⁹. Позднее, начиная с 1510-х гг., одним из главных источников распространения в Московской Руси термина

⁶ Лурье Я.С. Летопись Тверская (или Тверской сборник) // СККДР. Л., 1989. Вып. 2 (Вторая половина XIV — XVI в.). Ч. 2 (Л — Я). С. 61–63 (здесь же выборочная предшествующая библиография).

⁷ На то, что это не простой переписчик текста — копиист, указывал уже и А.Ф. Бычков (ПСРЛ. Т. 15. С. VI). Интересно отметить, что летописец не включил в число крупных культурных центров, с которыми он *не связан*, такие значительные в его время среднерусские города, как Москва и Тверь. Возможно, что, как и митрополит Иларион (см. ниже), он руководствовался при отборе принципом древности.

⁸ См.: Буланин Д.М. Античные традиции в древнерусской литературе XI–XVI вв. Мюнхен, 1991 (Slavistische Beiträge. Bd. 278). С. 224–248; *Он же*. Translatio studii: Путь к русским Афинам // Пути и миражи русской культуры. СПб., 1994. С. 87–154; *Он же*. Текстологические и библиографические арабески // Каталог памятников древнерусской письменности XI–XIV вв. (Рукописные книги) / Отв. ред. Д.М. Буланин. СПб., 2014. Прилож. IX. С. 573–595.

⁹ Словарь русского языка XI–XVII вв. М., 1977. Вып. 4 (Г–Д). С. 293.

«доктор» (причем не только в значении «лекарь»¹⁰) становятся предисловия к изданиям Франциска Скорины. Хронология и масштабы этого процесса до сих пор недостаточно изучены из-за специфики источниковой базы¹¹, но, как будет показано ниже, вероятный составитель Тверского летописца сам мог быть причастен к привозу книг белорусского первопечатника в Москву.

Косвенно на историю и обстоятельства создания свода указывает происхождение его списков (опубликованный РНБ, собр. М.П. Погодина, № 1414, и неизданный ГИМ, Музейское собр., № 2886¹²). Оба они¹³ украинско-белорусские (скорее все-таки украинские) первой трети — второй четверти XVII в.¹⁴ при отсутствии великорусских. Ситуация может показаться на первый взгляд довольно стандартной, поскольку известно не так уж мало памятников великорусского лето-

¹⁰ Примечательно, что Скорина именует себя «доктором в лекарских науках» в предисловиях к большинству библейских книг, изданных в Праге (см.: Франциск Скарына. Творы: Прадмовы, сказані, пасляслоўі, акафісты, пасхалія. Мінск, 1990. С. 18–20, 22–23, 25, 27, 29, 32, 39, 45, 52, 59, 62, 66, 67, 73); в случае с виленскими изданиями это гораздо реже (там же. С. 79, 86). В предисловиях к пражскому же изданию книг Царств (там же. С. 35, 37, 39), большинству частей виленского Апостола (Там же. С. 104, 106, 110, 112, 113, 115, 116, 124) и «Малой подорожной книжки» (Там же. С. 78–79, 86–87, 94, 100) он называет себя просто доктором. Особый интерес применительно к нашей теме составляют два случая (Книга Иисуса Навина, Сказание послания ап. Иуды в виленском Апостоле), где «титул» Скорины звучит как «в лекарстве и науках доктора» и даже «в науках вызволённых (т.е. в «свободных искусствах»). — А. Т.) и в лекарстве» (там же. С. 43, 107).

¹¹ См.: *Немировский Е.Л.* Возникновение книгопечатания в Москве. Иван Федоров. М., 1964. С. 96; Франциск Скарына и яго час: Энцыклапедычны даведнік. Мінск, 1988. С. 405–406, 435.

¹² См. о нем: *Щепкин В.Н.* Тверская летопись по списку имп. Российского Исторического музея // Отчет Российского Исторического музея за 1906 год. М., 1907. С. 137–144; Каталог рукописей Музейского собрания Отдела рукописей ГИМ // Вопросы источниковедения и палеографии. М., 1993 (Труды ГИМ. Вып. 78). С. 95–96.

¹³ В литературе (*Лурье*. Тверская летопись. С. 61; *Клосс Б.М.* Предисловие к изданию 2000 г. // ПСРЛ. М., 2000. Т. 15. С. V–VIII; и др.) высказывалось мнение, что существует и третий список «Тверского сборника» — РНБ, F.IV. 214. В действительности, как уже давно отмечено исследователями (*Рогозинский А.М.* «Кройника» Феодосия Сафоновича и ее отношение к «Киевскому Синопису» Иннокентия Гизеля // ИОРЯС. СПб., 1915. Т. XV. Кн. 4. С. 276, 279; *Кучкин В.А.* Текстологический комментарий к «Книге о побоище Мамаея» // Памятники Куликовского цикла. СПб., 1998. С. 367–368), это вариант «Кройника» Феодосия Сафоновича, дополненный, в частности, известиями нашего памятника.

¹⁴ См.: *Клосс Б.М.* Предисловие... С. V–VII.

писания, дошедших в украинско-белорусских списках XV–XVII вв. либо сохранившихся в литовских и польских собраниях (Фроловский список Новгородской IV летописи¹⁵, «Летопись Авраамки»¹⁶, «Летописец епископа Павла»¹⁷, Варшавский список Псковской I летописи¹⁸ и др.), причем предпоследний в великорусской традиции тоже не представлен. Однако Тверской сборник заметно выделяется из этой группы. Все остальные перечисленные летописи являются новгородскими или псковскими по происхождению и отражают разнородные и разноразличные контакты этих городов с Великим княжеством Литовским, с которым они непосредственно соседствовали. Ростовские же «веси» весьма удалены от литовского рубежа. Что же касается тверской литературы, то здесь наблюдается парадоксальная ситуация. Великое княжество Тверское было тесно связано с Литвой на протяжении многих десятилетий и политически и династически, однако никаких следов бытования в западнорусской книжности немногочисленных тверских литературных текстов и компиляций не обнаруживается — будь то летописи (кроме «Тверского сборника»), жития (великого князя Михаила Ярославича и его сестры Софьи Ярославны), похвальные слова (инока Фомы великому князю Борису Александровичу), учительско-канонические сборники Мерило Праведное и «Власфимия». Спасительная версия о том, что «Тверской сборник» мог попасть за «литовский рубеж» в Смутное время (вполне допустимая с учетом датировки дошедших списков), в реальности представляется маловероятной. Она никак не объясняет отсутствия русских списков памятника, хотя бы достаточно поздних¹⁹.

¹⁵ См.: Пашуто В.Т., Флоря Б.Н., Хорошкевич А.Л. Древнерусское наследие и исторические судьбы восточного славянства. М., 1982. С. 155–156.

¹⁶ Кобяк Н.А., Морозова Н.А., Турилов А.А. Кириллические рукописные книги XV — XIX вв. в собраниях фондов 21 и 22 БАН Литвы // *Krakowsko-Wileńskie studia sławistyczne*. Kraków, 1997. Т. 2. С. 75–79; Клосс Б.М. Предисловие к изданию 2000 г. // ПСРЛ. М., 2000. Т. 16 (Летопись Авраамки). С. V–VII.

¹⁷ Шахматов А.А. Обзорение русских летописных сводов XIV–XVI вв. М.; Л., 1938. С. 302–310.

¹⁸ Шапов Я.Н. Восточнославянские и южнославянские рукописные книги в собраниях Польской народной республики. М., 1976. Ч. 1. С. 19–20, 22 (№ 3).

¹⁹ Здесь уместно напомнить, что открытые и опубликованные А.Н. Насоновым и В.А. Кучкиным фрагменты тверского летописного материала в сборниках XVII в. (см.: Насонов А.Н. О тверском летописном материале в рукописях XVII в. // АЕ за 1957 г. М., 1958. С. 26–40; Кучкин В.А. О тверском летописном материале в составе двух рукописных сборников // Проблемы источниковедения. М., 1961. Вып. 9. С. 341–349) относятся не к «Тверскому сборнику», а к иным сводам.

Уместно поэтому думать, что «Тверской сборник» был составлен либо в преддверии экстраординарных обстоятельств в жизни создавшего его книжника, либо в их ходе. Дата работы над ним — 1533–1534 гг. (7042 г. от сотворения мира) — вполне согласуется с таким предположением. Сочетание обстоятельств заставляет предполагать в составителе политического эмигранта (вероятно, еще будущего), уехавшего в Литву после смерти великого князя Василия III. «Селянин ростовской веси» создавал свой свод либо в Великом княжестве Литовском, либо оригинал (черновик?) труда был вывезен туда сразу после написания, в любом случае не успев дать филиации в Московской Руси. Более вероятен второй вариант, так как при первом непонятно умолчание о творчестве автора на чужбине. Свидетельствует против творчества в Литве и такая «политическая бестактность» книжника, как указание под 980 г. (по меньшей мере не исключенное из текста), что Болеслав (польский король) был сыном Владимира Святого²⁰, который перед смертью посадил его на удел «в Лясах Великих»²¹.

По совокупности перечисленных выше свидетельств и допущений наиболее удачной кандидатурой на роль составителя «Тверского сборника» представляется, на мой взгляд, окольный Иван Васильевич Ляцкий, происходивший из ветви Кошкиных многочисленного потомства Андрея Кобылы — успешный полководец и дипломат²². Хотя его фамильное прозвище, унаследованное от отца, связано с земельными владениями в Новгородской земле²³, он имел благоприобретенные угодья (выменял в 1515/16 г. на с. Милославское Кашинского у.²⁴) и в Ростовском у. (с. Розжалово)²⁵. Поэтому И.В. Ляцкий имел право связывать себя с «ростовской весью». Его имя не значится в заглавии ни одного из русских литературных сочинений (и посему не фигурирует в «Словаре книжников и книжности Древней Руси»), но иностранные источники свидетельствуют о его незаурядной эрудиции исторического и географического

²⁰ ПСРЛ. Т. 15. Стб. 73.

²¹ Там же. Стб. 113.

²² Подробнее см. о нем: *Зимин А.А.* Россия на пороге Нового времени. М., 1972. С. 184, 306, 367, 370–371, 419; *Он же.* Формирование боярской аристократии в России во второй половине XV — первой трети XVI в. М., 1988. С. 179, 187–188; *Герберштейн С.* Записки о Московии. М., 1988 (по указ.).

²³ *Зимин А.А.* Формирование... С. 187.

²⁴ Разумеется, земельные владения в Кашинском у. (уделе великого кн. Тверского) не являются сильным аргументом в пользу интереса к истории Твери, но этот факт тоже не следует сбрасывать со счетов.

²⁵ Там же. С. 178.

характера — в разное время он являлся информатором прославленного Сигизмунда Герберштейна и картографа Антония Вида²⁶. В декабре 1526 г. И.В. Ляцкий ездил послом в Литву для подтверждения заключенного перемирия, откуда он мог привезти издания Франциска Скорины, бывшие тогда еще литературной новинкой. Летом 1534 г., полгода спустя после смерти великого князя Василия III, он, опасаясь опалы, «побежал со службы из Серпухова» в Литву вместе с сыном и с князем С.Ф. Бельским²⁷. В державе — сопернице Москвы его щедро наградили²⁸. Работа над сводом, по крайней мере вчерне, к этому времени, по всей вероятности, была закончена.

В заключение хотелось бы надеяться, что предложенная гипотеза будет способствовать в дальнейшем и новому взгляду на «Тверской сборник», и характеристике его составителя как летописца.

²⁶ Рыбаков Б.А. Русские карты Московии XV — начала XVI в. М., 1974. С. 46, 48, 68–69, 84, 108; Герберштейн С. Записки о Московии... С. 34, 285–286, 355; новейшая работа по этой теме: Кудрявцев О.Ф. Карта Московской Руси Антона Вида и Ивана Ляцкого // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2017. № 2. С. 40–57. Сердечно благодарю автора за возможность ознакомиться с текстом исследования до публикации.

²⁷ ПСРЛ. Т. 13 (Патриаршая или Никоновская летопись). СПб., 1904 (репринт — М., 1963). С. 79.

²⁸ Зимин А.А. Формирование... С. 188.

Как звали думного дьяка Ивана Елеазаровича Цыплятева? (Из истории имянаречения в XVI в.)

DOI 10.31168/91674-483-5.29

естнадцатое столетие — безусловно одна из самых интересных эпох для отечественной ономастики. Сформировавшийся за несколько

веков самобытный язык имен собственных становится все более изощренным и, что, пожалуй, еще важнее, обрастает целым рядом вариативных возможностей, каждая из которых существует по своим, зачастую неписаным, а иногда и зафиксированным на письме правилам. Поясним, что мы имеем в виду.

Исконно при крещении всякий человек на Руси получал христианское имя, а со временем дело складывается так, что оно могло оставаться его единственным именовани­ем на протяжении всей жизни; при этом в XVI в. наряду с подобной одноименностью в полной мере сохраняется старая практика, когда у человека, помимо имени христианского, могло быть и второе, обиходное, имя, ничего общего с церковным календарем не имеющее. Таким образом, он оказывался обладателем сразу двух имен — христианского и нехристианского (*Прокопий / Томило, Петр / Шаран, Матфей / Богдан* и др.). С другой стороны, на это время приходится расцвет традиции иной двуименности, когда у многих людей, кроме имени, полученного при крещении, имелось еще одно мирское христианское имя; носитель подобной двуименности мог быть, например, *Иваном / Титом, Дмитрием / Уаром, Федором / Авксентием, Петром / Андреем* или

В данной научной работе использованы результаты проекта «“Центры” и “периферии” в средневековой Европе», выполненного в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2017 г.

Полиевктом / Петром, Иваном / Василием или Василием / Иваном. Постригаясь под старость или на смертном одре во иночество, человек в эту эпоху практически непременно получал еще одно календарное имя, становясь *Авксентием / Арсением, Иваном / Ионой или Василием / Варлаамом.* Сталкиваемся мы и с единичными случаями — которым суждено будет во второй половине XVII в. перейти в более или менее регулярную практику, — когда следующая ступень монашеского посвящения, схимничество, ознаменовано еще одним актом перемены имени (см. подробнее: [Успенский & Успенский 2017: 40–81]).

Таким образом, в течение жизни, не выпадая из рамок традиции, можно было оставаться при одном имени, а можно было обрастать двумя, тремя, четырьмя, а то даже и пятью собственными именами. Часть из этих имен согласовывалась друг с другом по некоторым правилам, а часть могла существовать независимо. Все эти антропонимы подвергались определенной культурной дистрибуции, то есть в зависимости от ситуации было уместно пользоваться тем, а не другим именем. Замечательно, однако, что дистрибуция эта не была строгой, а правила — абсолютными.

Все это в совокупности формирует чрезвычайно пеструю и яркую ономастическую картину столетия, способную при всем том сыграть немало злых шуток с историком. Фигурирует ли, к примеру, в документах два родных брата или один обладатель двух христианских имен? Прожил ли человек всю жизнь в миру с двумя календарными именами или он принял постриг и именно тогда и поэтому получил еще одно имя? Справедливо ли некое обвинение в умышленном сокрытии подлинного именованя и в использовании имени фальшивого, или человек, как и многие его современники, в одной ситуации пользовался одним своим христианским именем, а в другой — другим? Какое из двух имен одного и того же лица, упоминаемого в тексте, является крестильным, а какое нет?

Список подобных проблем, возникающих при работе с антропонимическим материалом XVI в., нетрудно расширить, причем в некоторых эпизодах мы обречены на их неразрешимость из-за недостатка необходимых данных — подавляющее большинство составителей текстов XVI в. не ставили перед собой задачи запечатлеть многоименность упоминаемых ими персонажей во всей ее полноте, и никто из них (за исключением разве что любознательных, но не всегда компетентных иностранцев) не взял на себя труд объяснить, как, собственно, эта многоименность была устроена.

Тем не менее в имянаречении этой эпохи можно выявить целый ряд закономерностей, которые позволяют с большей или меньшей степенью надежности реконструировать функции и статус различных именованй одного и того же лица.

Во-первых, достаточно хорошо известно, что в эту эпоху монашеское имя чаще всего подбирается по созвучию или орфографическому сходству с мирским христианским именем постригаемого (см. подробнее: [Сазонов 1994: 18–19; Успенский & Успенский, 2017: 100–115]). Прделанное на сегодняшний день исследование позволяет нам совершить следующий шаг и сказать с уверенностью, что если у человека в миру есть два христианских имени, то имя иноческое будет подбираться к тому из них, которое является крестильным [Успенский & Успенский 2017: 108–112; Литвина & Успенский 2017; Литвина & Успенский, в печати]. Иначе говоря, если из разных источников можно собрать сведения о том, что у конкретного лица в миру были имена *Федор* и *Авксентий*, а в монастыре он принял имя *Арсений*, то именно *Авксентий* с высокой степенью надежности можно считать именем, полученным при крещении. Необходимо учитывать при этом, что хотя и редко, но имя при постриге могло быть дано и вовсе без оглядки на мирское, выбираться на каких-то иных основаниях, например, по календарным или семейно-родовым соображениям.

Немаловажно, во-вторых, что вся русская система христианской антропонимики в XVI в. теснейшим образом связана с календарем, что запечатлено в многочисленных кормовых и вкладных книгах, синодиках, вкладных грамотах и иных близких к ним по жанру документах эпохи. Существенно, в частности, что если по человеку предписывалось совершать особые ежегодные поминовения, то они приурочивались ко дню его кончины, дню празднования его святого тезки по крестильному имени, а иногда еще и ко дню святого, тезоименитого усопшему по еще одному, некрестильному христианскому имени, если таковое имелось. Вообще говоря, в церковном обиходе личные имена человека и даты, связанные с его небесными покровителями, образуют единый и сложно переплетенный комплекс, в котором один недостающий элемент иногда может быть восстановлен по совокупности других, присутствующих в текстах.

Относительно простыми для понимания функционального статуса каждого антропонима представляются те случаи, когда по разным документам мы можем собрать три христианских имени некоего человека, причем одно из них заведомо иноческое. Так, жена Даниила Строганова (дочь Гавриила Едемского) в миру была обладательницей имен *Ольга* и *Акилина*, а постриглась как *Антонида*, из чего мы вправе сделать вывод, что крестильным из двух ее мирских имен было именно *Акилина*¹. В полном соответствии с этим предположением

¹ Ср.: «146-м <1638> году августа в 7-й день преставися Акилина, а во иноцех Антонида схимница Гаврилова дочь Едемского, пореклому Ольга Данилова

для ее поминовения в году назначен один день — 13 июня [Яцимирский II: 227], когда церковь отмечает память Акилины, мученицы Вивлийской. Здесь все компоненты своеобразного антропонимического досье легко согласовываются друг с другом и не нуждаются в реконструкции.

Именно подобные — достаточно ясные — случаи формируют модель, позволяющую работать с теми ономастическими казусами, где светскую христианскую двуименность, например, можно лишь заподозрить. Так, в документах мы нередко сталкиваемся с ситуацией, когда человек при жизни назначает дату корма по себе, разительным образом не связанную с тем светским христианским именем, под которым он фигурирует в том же источнике. В чем ключ к такой ситуации? Почему человек, именующийся *Дмитрием*, действует, казалось бы, вопреки общепринятой практике и просит помянуть себя в некий день, на который в месяцеслове не приходится никто из свв. Дмитриев? Если бы речь шла о каких-то посмертных вкладах, мы могли бы решить, что это попросту день его преставления, однако собственноручный вклад, разумеется, исключает такую интерпретацию. Как же тогда можно объяснить произошедшее?

Очень выразительна в этом отношении антропонимическая история думного дьяка Ивана Елеазаровича Цыплятева. В своей данной архимандриту Московского Чудова монастыря, датируемой 1567/68 г., он при жизни отдает некоторую часть земельных владений на помин своих родителей, а в будущем — себя самого и своей жены, добросовестно расписывая, в какие дни кого из членов семьи следует помянуть. Всюду мы видим в чем-то идеальную последовательность: отец Ивана именуется *Елеазаром* и должен помянуться «августа в 1 день, на память Седми Маковей и учителя их Елиозара», мать именуется *Марьей* и помянуть ее следует «июля в 12 <22>² день, на память святых и равноапостольных Марии Магдалины», жена Ивана Цыплятева названа *Пелагеей* и помянуть ее следует «октября в 8 день, на память святые преподобные матере нашей Пелагеи».

Более того, в тексте упоминается, что отец Цыплятева, обладатель имени *Елеазар*, в иночестве стал *Евфимием* — относительно Иванова отца, таким образом, мы получаем полную, абсолютно традиционную и непротиворечивую картину, согласно которой человека при постриге нарекают именем, совпадающим по первой букве с

жена Строганова; жила 80 лет» (ГИМ, собр. Щукина, № 459: л. 47) [Яцимирский II: 227]. В.С. Безроднов полагал (как нам представляется, ошибочно), что крестильным именем Строгановой было *Ольга* [Безроднов 2011: 96, примеч. 78].

² В публикации этого текста [Кистерев 2003: 177–178, № 69] дважды появляется сбой в календарных числах на десятках — память Марии Магдалины отмечается не 12, а 22 июля, тогда как память св. Елевферия (см. ниже) не 5 декабря, а 15.

тем единственным именовани­ем, которое нам известно для него в миру, а поминают после кончины в день святого тезки по этому же мирскому имени.

Собственно «непорядок» с именами и поминовениями из всех лиц, перечисленных в данной, есть только у одного — у самого Ивана Цыплятева. Он предписывает помянуть себя на 5 <15> декабря, да еще и указывает имя конкретного святого, память которого празднуется в этот день:

...а после моего живота меня, Ивана, декабря в 5 <15> день, на память свя­того священномученика Елеуферья [Кистерев 2003: 178, № 69].

Почему же человек, именуемый *Иваном*, стремится к тому, чтобы его поминали на св. Елевферия, а не на память кого-либо из свв. Иоаннов, коих в месяцеслове великое множество? Пролить свет на это обстоятельство позволяет тот факт, что позже Иван Цыплятев примет постриг под именем *Евфимий* — тем же самым, что некогда получил в иночестве его отец, Елеазар (Евфимий) Цыплятев. Можно допустить, конечно, что Цыплятев-младший попросту подражал своему отцу, и такое монашеское имя было дано ему исключительно по родовым соображениям, вне ориентации на имя мирское³. Отчасти, по-видимому, так оно и было. Нельзя не заметить, однако, что имя

³ Вообще говоря, монашеские имена иногда могут осмысляться как некий семейный атрибут, элемент родовой традиции: сын может брать себе то же монашеское имя, что было у его отца или деда (ср., например, показания так называемого Ростовского соборного синодика, упоминающие князя Бориса Федоровича, принявшего постриг с именем *Федор* [Конев 1995: 106, л. 71]), а иногда порядок наследования имени инвертируется и антропонимическим донором становится младший, а не старший член семьи — к примеру, мать, пережившая дочь, может принять ее мирское имя в качестве иноческого. Так поступила, судя по всему, мать царицы Анастасии Романовны (урожденной Захарьиной), теща Ивана Грозного и жена Романа Юрьевича Захарьина. В миру она звалась *Иулиания*, а когда, уже после смерти дочери, принимала постриг, то получила имя *Анастасия*, воспроизводящее имя дочери (ср.: [Гиршберг 1960: 62, № 135]). Известна, в частности, надпись на надгробной плите в Вознесенском соборе Московского Кремля: «...великомученика Федора Стратилата преставися раба Божья Романова жена Юрьевича Ульяна в иноцех скимница Настася в 1 часу ночи» [Панова 2003: 33, № 100] или эпитафия, выбитая на крышке ее саркофага: «Лета 7087 <1579> июня в 8 день на память свя­таго великаго мученика Федора Стратилата преставис раба Божия инока схимница Настасья Романова жена Юрьевича на первом часу ночи» (Т.Д. Панова несомненно ошибается, когда утверждает, что «в надписи на саркофаге монашеское имя погребенной не приведено» [Панова 2006: 36], — напротив, здесь отсутствует как раз мирское имя усопшей). Ср. также в Кормовой книге Псково-Печерского монастыря: «Прест. Никиты Романовича мать ин. Анастасія» [Апухтин 1914а: 38].

Евфимий, никак не сочетающееся с именем *Иоанн*, по первой букве прекрасно подходит к имени *Елевферий*, на день которого Иван Цыплятев просит себя поминать.

Таким образом, у нас есть возможность сложить имеющиеся у нас, на первый взгляд, не подходящие друг другу элементы в стройную и последовательную картину. Цыплятев, дающий вклад по себе и своим родным, был обладателем двух имен, публичного *Иван* и крестильного *Елевферий*; при его монашеском наречении, в полном соответствии с традицией, ему дали иноческое имя, начинавшееся на ту же букву, что и крестильное, причем из множества подходящих по этому признаку антропонимов месяцеслова выбрали как раз тот, что принял в иночестве его покойный отец, и Иван / Елевферий стал *Евфимием*.

Данная гипотеза кажется еще более правдоподобной благодаря тому, что существует множество записей, где крестильное имя того или иного лица присутствует в скрытой, так сказать, латентной форме, тогда как в другом источнике оно может быть названо напрямую. Достаточно указать, например, на запись во Вкладной книге Ярославского Толгского монастыря, где боярин и дворецкий Григорий Васильевич Годунов именуется исключительно *Григорием*, но поминать его предписывается на преставление и на 28 сентября, «на память преподобнаго отца нашего Харитона» [Козляков 1992: 17]. При этом из целого ряда других источников мы доподлинно знаем, что у Григория Васильевича в миру также было имя *Харитон*, а постригся он с именем *Христофор*⁴.

Естественно предположить, что с такой же ситуацией двуименности, прочитывающейся благодаря монашескому имени и дате поминовения, мы сталкиваемся и в случае с Иваном Цыплятевым. Трудно сказать, какая тонкая игра прижизненных или посмертных обстоятельств привела к тому, что у нас в руках нет текста, где Иван Елеазарович непосредственно именовался бы *Елевферием*. Замечательно, однако, что в нашем распоряжении имеется его собственноручная запись, где он не более чем на полшага отстоит от такого именованья.

Запись эта, помимо всего прочего, позволяет нам заглянуть в сложный и в чем-то весьма изощренный мир почитания соименных святых в XVI в. В качестве вклада «в домъ Христова Воскресенія»

⁴ Ср., например, сведения из вкладных книг 1) Александро-Свирского монастыря: «...да прислалъ с Москвы вкладъ Государевъ бояринъ и дворецкой Григорій Васильевичъ Годуновъ И руб. а имя Григорію Харитонъ, а во иноцехъ Христофоръ» [Выписка... 1853 (№ 11): 4]; 2) Псково-Печерского Успенского монастыря: «Пам. Государеву боярину и дворецкому, Григорію Васильевичю Годунову, а имя ему Харитонъ, во ин. Христоворъ» [Апухтин 1914: 10].

Иван Цыплятев дает огромную (1124 листа) рукописную книгу Сборник или Торжественник (РНБ, Погод., № 949), причем специально оговаривает, что в этой церкви есть придел св. Елевферия⁵ и, что для нас особенно важно, называет священномученика Елевферия своим ангелом:

(И)ванъ, Елизаровъ сынъ, Цыплятевъ (приложилъ?) в домъ Христову воскресенію и... св... сию книгу Сборникъ да своему алгилу (sic!) к Олѡер. священномученику по своему отцѣ и матери и по всемъ роду и племени всемъ [Шляков 1914: 103].

Вполне объяснимо, почему в этом тексте Цыплятев не приводит Елевферий в качестве своего имени, — вклад делается либо после его пострижения, либо непосредственно в связи с ним, когда жертвователю получает новое имя *Евфимий*:

И за меня нынѣ за уздравіе инока Еуѡиміе Бога молить, а родъ мой весь по сенонику и поминанью за упокои поменать... [Там же].

Крестильное имя как таковое, в какой-то момент определившее имя иноческое, теперь должно быть, естественным образом, им вытеснено. С другой стороны, как это было принято в монашеской практике, свои именины чернец продолжает отмечать на день своего небесного патрона по имени крестильному — этот святой в полной мере остается его ангелом-покровителем и после пострига, более того, именно к памяти святого, тезоименитого по крестильному (а не по иноческому!) имени, обыкновенно приурочиваются корма и поминальные службы после кончины монаха.

Иван Цыплятев был, пожалуй, самой заметной фигурой в своей семье, но и вся она, давшая два поколения думных дьяков, принадлежала к своеобразной административной элите, если такое выражение вообще применимо к людям XVI столетия. Благодаря этому обстоятельству в нашем распоряжении есть еще один текст, вносящий своего рода последний штрих в антропонимическое досье Ивана Елеазаровича.

В одном из списков Синодика Московского Успенского собора обнаруживается следующая запись, специально отмеченная С.Б. Веселовским:

⁵ «А то будутъ священниковъ у Христова Воскресенья и у священномученика Елуѡерья и по нихъ хто будетъ, ино тѣмъ священникомъ, хто ни будетъ, тѣхъ моихъ книгъ всѣхъ, что есми положилъ въ домъ Христову воскресенію и священномученику Елуѡерью, тѣхъ книгъ ни продать и ни саложити и ни въ запись не писати и ни иною хитростью изхитрити...» [Шляков 1914: 103].

<Род Елизара Ивановича Цыплятева> Ивана, иноку Ксению, Марию, Анну, Евфимия схимника, Елевферия, иноку Парасковию схимницу [ГИМ, собр. Успенского собора, № 64: л. 273об.; Веселовский 1975: 559].

Как известно, синодики (при всей огромной ценности этих документов для исследователя) сами по себе зачастую являют собою нечто вроде шифра с утраченным ключом, который, в отличие от большинства шифров, может быть прочитан и так, и эдак — содержащиеся в них россыпи христианских имен разными исследователями могут очень по-разному соотноситься с другими имеющимися сведениями о конкретных исторических лицах. Чем пространнее конкретная статья синодика, чем больше в нем имен как таковых (и, в особенности, чем больше имен повторяющихся), тем затруднительнее процесс отождествления, а в ситуации христианской двуименности его неоднозначность заведомо возрастает.

В данном случае нам повезло — запись о Цыплятевых из Синодика Успенского собора весьма компактна. При этом не будь у нас указаний всех рассмотренных выше источников, мы могли бы попросту не узнать, что за человек скрывается в Синодике Успенского собора за именем *Елевферий*, поскольку никакого самостоятельно действующего Елевферия Цыплятева в прочих памятниках XVI–XVII вв. мы не обнаружим. С другой стороны, без показаний Синодика мы не могли бы быть уверены в том, что среди трех поколений семьи Цыплятевых был некто обладающий крестильным именем *Елевферий*⁶, а благодаря данному тексту хотя бы в этом не остается никаких сомнений.

Итак, совокупность данных Синодика и записей о двух вкладах Ивана Цыплятева (земельное владение и рукопись) позволяют почти наверняка опознать в нем носителя христианской двуименности, обладателя мирских имен *Иоанн* и *Елевферий*, при этом имя *Елевферий* было получено при крещении, тогда как имя *Иоанн* в полной мере обладало статусом светского публичного имени. Разумеется, подобная модель реконструкции крестильного имени по трем элементам — публичному имени, «не подходящему» к нему имени иноческому и дате поминовения на память святого, имя которого не со-

⁶ Заодно эта запись дает нам ряд других любопытных сведений об антропонимике его семьи: мы можем лишний раз убедиться, например, что христианское некрестильное имя наш главный герой получил по своему деду, Ивану Цыплятеву-старшему, а также еще раз удостовериться в том, что в рассмотренной нами вкладной записи на рукописи Торжественника его жена Пелагея фигурирует под своим крестильным именем, а затем, в полном соответствии с традицией, постригается под именем *Прасковья*, начинающимся на ту же букву, что и *Пелагея*.

впадает с публичным, но «подходит» к иноческому, — оказывается продуктивной и в целом ряде других эпизодов, хотя восстановленные таким образом именованья зачастую обречены оставаться именами гипотетическими.

Принятые сокращения

Апухтин 1914 — *Апухтин В.Р.* Псково-Печерский Успенский монастырь и его вкладная книга 1558 г.: Краткий исторический очерк. М., 1914. (Историко-родословное общество в Москве.)

Апухтин 1914а — *Апухтин В.Р.* Кормовая книга Псково-Печерского монастыря // *Летопись Историко-родословного общества в Москве.* 1914. Вып. 1 (37-й). Год десятый. С. 23–42.

Безроднов 2011 — *Безроднов В.С.* Вкладная и кормовая книга Коряжемского Никольского монастыря // *Вестник церковной истории.* 2011. Вып. 1/2 (21/22). С. 56–116.

Веселовский 1975 — *Веселовский С.Б.* Дьяки и подьячие XV–XVII вв. М., 1975.

Выписка... 1853 — Выписка из рукописной Вкладной книги Александровского монастыря // *Олонецкие губернские ведомости.* 1853. № 10–29.

Гиришберг 1960 — *Гиришберг В.Б.* Материалы для свода надписей на каменных плитах Москвы и Подмосквья XIV–XVI вв. Ч. I: Надписи XIV–XVI вв. // *Нумизматика и эпиграфика.* 1960. Вып. I. С. 3–77.

ИОРЯС — Известия Отделения русского языка и словесности Академии наук. СПб./Пг., 1896–1927. Т. I–XXXII.

Кистерев 2003 — *Кистерев С.Н.* Акты Московского Чудова монастыря 1507–1606 годов // *Русский дипломатий / Отв. ред. А.В. Антонов.* М., 2003. Вып. IX. С. 59–234.

Козляков 1992 — *Козляков В.Н.* Толгский монастырь XVII века и его вкладчики // *Ярославская старина: Из архива русской провинции.* Ярославль, 1992. С. 14–22 (текст кормовых и вкладных книг на с. 17–20).

Конев 1995 — *Конев С.В.* Синодология. Ч. 2: Ростовский соборный синодик // *Историческая генеалогия.* Екатеринбург; Нью-Йорк, 1995. Вып. VI. С. 95–106.

Литвина & Успенский 2017 — *Литвина А.Ф., Успенский Ф.Б.* Христианская двуименность на Руси в XIV–XVI веках. Догадки и закономерности // *Вспомогательные исторические дисциплины в современном научном знании: Материалы XXIX Международной научной конференции.* Москва, 13–15 апреля 2017 г. М., 2017. С. 41–44.

Литвина & Успенский, в печати — *Литвина А.Ф., Успенский Ф.Б.* Монашеское имя и феномен светской христианской двуименности в допетровской Руси // *Средневековая Русь / Отв. ред. А. А. Горский.* Вып. XIII. В печати.

Панова 2003 — *Панова Т.Д.* Некрополи Московского Кремля. М., 2003. 2-е изд., испр. и доп.

Панова 2006 — *Панова Т.Д.* Ранний этап развития московского надгробия: Материалы XIV–XVI веков из собрания музея-заповедника «Московский Кремль» // Русское средневековое надгробие XIII–XVII века: Материалы к своду / Отв. ред. и сост. Л.А. Беляев. М., 2006. Вып. I. С. 31–37.

Сазонов 1994 — *Сазонов С.В.* Монашеское имя Александра Невского и традиции монашеского имянаречения в средневековой Руси // Сообщения Ростовского музея. Ростов, 1994. Вып. VI. С. 16–24.

Успенский & Успенский 2017 — *Успенский Б.А., Успенский Ф.Б.* Иноческие имена на Руси. СПб., 2017.

Шляков 1914 — *Шляков Н.В.* Житие св. Алексея митрополита московского в Пахомиевой редакции // ИОРЯС. 1914. Т. XIX/3. С. 85–152.

Яцимирский I–II — *Яцимирский А.П.* Опись старинных славянских и русских рукописей собрания П.И. Щукина / Изд. П.И. Щукина. М., 1896–1897. Вып. I–II.

Праистория славян в «Хронике Европейской Сарматии» Александра Гваньини

DOI 10.31168/91674-483-5.30

Историк-иностранец, сумевший сказать свое слово в историографии, — редкий случай. Освоение чужой традиции взгляда на прошлое, необходимая степень отстраненности от привычных форм мысли родной культурной среды, овладение корпусом местных источников и исторических сочинений — все это особый опыт, не многим доступный.

Итальянец Александр Гваньини (1534–1614) родился в Вероне. В Польшу он приехал где-то в 1550-х или 60-х гг. в поиске найма на военную службу. Масштабные действия Ливонской войны предоставили ему возможность сделать хорошую военную карьеру, он даже командовал гарнизоном Витебска. Тогда в этой прифронтовой крепости встретились два крупных деятеля польской историографии — под его началом служил Матвей Стрыйковский (1547 — до 1594 г.), автор вышедшей в 1582 г. на латинском языке «Хроники польской, литовской, жмудской и всей Руси». Судя по всему, основную роль в сборе материалов для Гваньини сыграл именно он. После публикации 1578 г. основного сочинения под авторством Гваньини¹ — латиноязычного

¹ Историография исследования Гваньини немногочисленна: *Ulewicz T.* Sarmacja: Studium z problematyki słowiańskiej XV i XVI w. Kraków, 1950; *Radziszewska J.* Mciej Strykowski i jego dzieło // Strykowski M. O początkach... sławnego narodu Litewskiego, Żemojdzkiego i Ruskiego. W., 1978; *Jurkiewicz J.* Czyli to plagiat? Uwagi w kwestii autorstwa Sarmatiae Europaeae descriptio (1578) // Lietuvos Didžiosios Kunigaikštystės istorijos šaltiniai. Faktas. Kontekstas. Interpretacija. Vilnius, 2007. S. 67–93; *Купранецъ О.* Похождения назви «Русь» в Хроніці Олександра Гванінуса з 1611 року. Рим; Торонто, 1977 (Записки Чина св. Василя Великого (ЧСВВ),

«Описания Европейской Сарматии» — Стрыйковский выдвинул против него обвинения в плагиате. В результате королевский суд согласился с его доводами, и Стефан Баторий выдал грамоту, подтверждавшую авторские права Стрыйковского. Однако сочинение и позже издавалось под именем Гваньини, а в историографии вопрос его авторства остается очень спорным. Примечательно, что оно написано от лица поляка. Например, рассуждая о первопродке славян, он указывает: «нет ничего более определенного, чем то, что мы происходим от Иафета» (IX-2, 12)², или же, говоря о праотце Лехе: «Лех, наш предок» (III-1, 1). Возможно, автор не хотел создавать у читателя впечатление, что книга написана чужаком, иностранцем, но может за этим скрываться и идентичность реального автора.

В пользу оригинальности сочинения Гваньини говорит его совершенно иная структура и стиль изложения, а также прекрасная латынь, на которой оно написано³. Отличаются труды и по выдвинутым гипотезам, например, в них представлены совершенно разные этногенетические концепции происхождения славян. Польский исследователь Юркевич отмечал и иную задачу сочинения Гваньини, направленного главным образом на популяризацию исторических знаний о регионе («передача в привлекательной форме большого количества информации»⁴). Собственно, этой цели и удалось добиться, судя по многочисленным переизданиям на Западе. Описание истории

Серія II); *Ковальский Н.П.* Известия по истории и географии Украины XVI в. в «Хронике Сарматии Европейской» Александра Гваньини // Некоторые проблемы отечественной историографии и источниковедения. Днепропетровск, 1972. Вып. 1; *Дячок О.О.* «Хроніка Європейської Сарматії» А. Гваньїні як джерело з історії України. Дніпропетровськ, 1992; *Козлова Г.Г.* Александр Гваньини и его сочинения // Гваньини А. Описание Московии. М., 1997; *Sielicki F.* Kronikarze polscy w latopisarstwie i dawniej historiografii ruskiej // *Slavia Orientalis*. 1964. T. 13; *Мицик Ю.* Вступ // Гваньїні А. Хроніка Європейської Сарматії. К., 2007. С. 5–32; *Карнаухов Д.В.* История русских земель в польской хронографии конца XV — начала XVII в. Новосибирск, 2009; *Карнаухов Д.В.* Концепции истории средневековой Руси в польской хронографии эпохи Возрождения. Новосибирск, 2010; *Прохоренков И.А.* Загадка соавтора «Хроники Европейской Сарматии» Александра Гваньини (по поводу книги Михала Курана «Marcin Paszkowski — poeta okolicznościowy i moralista z pierwszej połowy XVII wieku» // *Studia Slavica et Balkanica Petropolitana*. 2014. № 1. С. 193–205.

² Сноски в тексте на: *Kronika Sarmacyey Europeyskiej... Przez Alexandra Gwagnina*. Kraków, 1611. Первая цифра (римская) — номер книги, цифра после дефиса — часть книги, цифра после запятой — страница.

³ *Карнаухов Д.В.* История русских земель в польской хронографии конца XV — начала XVII в. С. 171.

⁴ *Jurkiewicz J.* Czyli to plagiat? S. 91.

у Стрыйковского было подчинено иной цели, которая была связана с идейным запросом со стороны магнатории и шляхты Великого княжества Литовского, — создание истории «трех народов — польского, русского и литовского — в их неразрывной связи»⁵.

Нас будет интересовать другое издание — вышедшая в 1611 г. «Хроника Европейской Сарматии». Это очень сильно переработанное и дополненное (объем увеличен почти в два раза) «Описание». Не раз и весьма обоснованно высказывалось мнение, что большую роль в его написании сыграл переводчик Мартина Пашковский⁶. В любом случае, оригинальность этого сочинения не может быть поставлена под сомнение. Обе работы состоят из очерков о разных странах, но в Хронике к описанным прежде Польше, Литве, Пруссии, Ливонии, Московии и Татарии были добавлены главы с описанием Русской земли, Скандинавии и немецких княжеств, Греции, Валахии, Паннонии, Венгрии, а также Ближнего Востока с Персией.

Мир Гваньини состоит из народов, которые находились до недавних пор в постоянной миграции, причем все народы переселяются не на пустые, а на уже прежде обжитые земли (например: «на прежних сарматских землях живут татары» (I, 9), сами же сарматы вышли с Пафлагонии (I, 11)). Большое внимание уделено и персональным переселениям отцов-основателей современных государств, что даже получило у Гваньини теоретическое обоснование: «все мы от колена изгнанника происходим, потому что начала государств идут от изгнанников, как мы знаем» (I-2, 1). Границами расселения народов выступают крупные реки: за Вислой живут немцы, а Волга «отделяет москвитов от татар» (III-2, 22).

Вся обширная территория восточной части Европы, в соответствии с уже устоявшейся к тому времени историографической традицией, описывается под именем Сарматии и делится на части европейскую и азиатскую, граница которых пролегает по рекам Дону и Волге. Перечень народов Европейской Сарматии у Гваньини в целом соответствует предложенному в «Трактате о двух Сарматиях» у Матвея Меховского: там живут «поляки, русь, литва, мазуры, пруссы, поморцы, инфляндцы, москвиты, готы, аланы, волохи и татары, которые живут на этом берегу» Дона у Черного моря (I, 3). Западной границей Сарматии Гваньини, опять же в соответствии с Меховским, называет реку Висла, однако добавляет, что, по другому мнению, границей является река Одер (I, 3). Само слово «сарматы» или же «савроматы» он

⁵ Рогов А.И. Русско-польские культурные связи в эпоху Возрождения (Стрыйковский и его Хроника). М., 1966. С. 307.

⁶ См.: Kuran M. Marcin Paszkowski — poeta okolicznościowy i moralista z pierwszej połowy XVII wieku. Łódź, 2012.

объясняет через греческие слова «саврос» (ящерица) и «омма» (око), то есть «жестокий народ с глазами ящерицы» (I, 7; то же I, 14 — «от глаз как у ящерицы»).

Для эпохи XVI в. важнейшим вопросом к истории был поиск предков современных народов, нахождение корней в Античности, в упоминаемых древними авторами народах и событиях. И в вопросе о происхождении славян Гваньини также следует основной идее польской историографии того времени, отождествляя их с древними сарматами. Эта традиция идет еще от Яна Длугоша, который писал о тождестве с сарматами поляков. Матвей Меховский в «Трактате о двух Сарматиях» и Мартин Бельский в своей «Хронике всего света» отождествляли с сарматами всех славян. Своеобразный подход к этому вопросу находится у Мартина Кромера, пришедшего к выводу о наследовании славянами сарматского имени по причине заселения ими тех земель, на которых прежде жили сарматы⁷. Во многом именно это позволило Матвею Стрыйковскому считать славян потомками шестого сына Иафета Мосоха, лишь по имени наследующих роксоланам и всем сарматам⁸. Надо отметить, что сама мысль о наследовании славянами сарматского имени свидетельствует о том, что сама идея их отождествления могла казаться в то время уже привычной и традиционной.

Гваньини строго следует традиции полного тождества славян и сарматов, причем не только по имени, но и по происхождению: «происхождение сарматское, или славянское» (I, 6), «начало сарматов, или славян», «обычаи древнего сарматского, или славянского, народа» и т.д. Специальная глава посвящена происхождению «старого и воинственного сарматского народа, от которого поляки и все славяне берут свое начало» (I, 6). Гваньини пишет, что жители Европейской Сарматии хотя и имеют разные названия от старых историков, однако были объединены «славянским языком» (I, 11).

Язык является для него важнейшим критерием для определения народа, что проявлено в таких формулировках, как, например, «народ славянского языка» (I, 14). Земли славян расположены далеко друг от друга, «поэтому они пользуются разными языками, хотя все они одного славянского народа и одного славянского языка». Автор поясняет: «Так, московиты мало чем отличаются по языку от руси, а русь, в свою очередь, от поляков и мазуров. Но богемцы с хорватами уже больше» отличаются (I, 13).

⁷ См.: *Флоря Б.Н.* Славянский мир и его судьбы в раннюю эпоху его истории в произведениях представителей польской исторической мысли второй половины XV — начала XVI в. // *Славяноведение*. 2016. № 2. С. 3–20; *Флоря Б.Н.* «Славяне» и «сарматы» в сочинениях польских историков конца XV — середины XVI в. // *Славянский альманах*. 2017. № 1–2.

⁸ *Карнаухов Д.В.* История русских земель в польской хронографии... С. 77.

Перед Гваньини не стояла задача определить единственно правильную версию генеалогии славян и сарматов, равно как и пути миграции их предков с прародины. Скорее он хотел привести разные сведения на эту тему. Предпочтительна, однако же, следующая версия: славяне ведут род «от Иафета, сына Ноевого, который через Иавана, и потом Элиза⁹ вместе с греками размножил славянский народ... их потомок Вандал, от которого берут начало вандалы, а уже они овладели польскими, русскими, кашубскими, чешскими, моравскими, славянскими, далматинскими, боснийскими, угорскими, хорватскими, болгарскими землями и там размножились» (I, 13). Так же и в другой главе: «Начало славянского народа идет от Иафета, сына Ноя. Он через Иавана, а потом через Элиза¹⁰ вместе с греками размножил славян на Ионийском и Эгейском море» (IX-2, 12). Фактически это пересказ версии Матвея Меховского¹¹, которая, в свою очередь, могла быть взята из «Богемской хроники» Дж. Мариньолы (XIV в.)¹². Однако Гваньини приводит и иные версии: «Другие же по-другому выводят генеалогию, доходя даже до Алана Второго, который пришел из Азии до Европы... У него было четыре сына, из них самый старший был Вандалус, от которого и река Висла была названа и от которого пошли вандалы. Этот Вандалус имел много сыновей, которые взяли себе польские, русские, кашубские, чешские, моравские, славянские, далматинские, боснийские, угорские, хорватские и болгарские земли» (IX-2, 12). Упоминание Вандаля как праотца поляков — старая традиция польской историографии, идущая еще от Хроники Дзежвы (нач. XIV в.), но здесь он представляется уже общеславянским предком. Отдельно Гваньини останавливается на версии о семитском происхождении славян (представленной в его же время в сочинениях Станислава Сарницкого), отмечая ее несостоятельность: «Другие хотят вывести славянский, или савроматский, народ от Ассармота, сына Эктана, пращура Арфаксата, который был сыном Сима... Но из этого следует, что Сим, а не Иафет был первым нашим патриархом, что противоречит мнению многих авторов» (IX-2, 12).

В вопросе о прародине славян Гваньини попытался совместить две основных версии миграций, которые были высказаны в польской историографии до него. Первая из них, связанная с легендой о братьях Чехе, Лехе и Русе, определяла прародиной славян Паннонию

⁹ «przez Belisze».

¹⁰ «przez Helisse».

¹¹ Меховский М. Трактат о двух Сарматиях / Пер. С.А. Аннинского. М.; Л., 1936. С. 72.

¹² Мыльников А.М. Картина славянского мира: взгляд из Восточной Европы. Этногенетические легенды, догадки, протогипотезы XVI — начала XVIII в. СПб., 2000. С. 23.

(в польской историографии эта легенда была пересказана еще в Великопольской хронике) и земли за Дунаем. Вторая была сформулирована современником Гваньини Мартином Кромером, который выступил против идеи о балканской прародине славян, усмотрев их прародину в Азиатской Сарматии, куда они попали (расселяясь, как и все народы, из Месопотамии) через Кавказ. И Кромер же обратил внимание на сведения у Иордана о булгарах, живших в Северном Причерноморье, а потому также могущих быть предками славян.

У Гваньини же мы находим описание сразу двух потоков миграций — и через Балканы, и через Кавказ, с последующей встречей и новым объединением славян. Славяне «вначале переправились через Дунай, Мизию, Паннонию, Фракию, Македонию, Истрию, часто воевали, а потом заселили весь Иллирик. За ними ж двинулись булгары, люди той же нации и языка, которые были названы так от реки Волги, на которой они жили» (IX-2, 13). И в другом варианте: «От сарматов пошли все славянские народы... Одни из них, как венеды, во главе с Антенором сразу после Троянской войны пошли в Иллирию. Другие же, как русь, со своим другим вождем Аланом, размножились тут, в Савроматии. Когда же они снова сошлись с этими иллирийскими народами, они смешали с ними свой язык и обычаи» (IX-2, 17). И тем не менее одна яркая версия славянской прародины, несомненно известная Гваньини, была им полностью проигнорирована — это версия Стрыйковского о расселении славян из «тех стран, которые сегодня Москва держит»¹³.

Булгарам Гваньини уделяет особое внимание. Они были «прозваны так потому, что селились на реке Волге и оттуда имеют свое начало, они подобны руси своими обычаями и славянским языком». Само отождествление имени булгар с Волгой содержалось еще в «Хронике всего света» М. Бельского, равно как и история их переселения на Воынь, так по их имени названную (эти же сведения есть и у Стрыйковского). У Гваньини дается четкое отождествление булгар с сарматами и указывается на их связь с русью: «Булгары-сарматы с Русью разбили трех константинопольских императоров» (I, 11). «Потом они захватили обе Мизии и назвали их по своему имени Волгарией. Другие из них подчинили русскую страну, которую по своему имени назвали Волинью» (I, 11). Фактически основным потоком славянского заселения Балкан у Гваньини все же обозначен именно болгарский: «Так, подчинив Мизию, булгары назвали ее своим именем Болгария. В то же время Малая Мизия была названа Сербиею сербами, или сорабами, тоже нашими людьми. А там, где была Либурия, там стала Босния, а где был Иллирик и Далмация —

¹³ *Strykowski M.* Kronika Polska, Litewska, Żmódzka i wszystkiej Rusi. Królewiec, 1582 (по переизданию: W., 1846). Ks. IV, rozdz. 2. S. 97.

ныне Славония. Так, начиная от Турецкого моря вплоть до Адриатического, наполнили все края народом славянским так, что никого там нет, только везде славянский язык» (IX-2, 14). Как сказано в другом месте, славяне «так расширились, что удерживают почти половину Европы и половину Азии» (I, 14).

Гваньини дает довольно подробное перечисление славянских народов: «Наиболее могущественные и большие народы, которые говорят по-славянски, это: болгары, босняки, сербы, хорваты, иллирийцы, кармы, истры, рацы, далматинцы, бургунды (но они утратили славянский язык), штирийцы, поморцы, подоляне, волынцы, русь, молдаване, валахи, пятигорцы, черкесы, широко господствующая литва, кашубы, вандалы, силезцы, мораване, богемцы, чехи, поляки, мазуры, пруссы и другие» (I, 14). В этом перечне особенно заметно определение народов к славянам по чисто языковому критерию («говорят по-славянски»), пусть и не всегда адекватно приложенному.

При этом Гваньини разделяет славян на два типа — свободных и покоренных Турцией: «Одни из них турецкие подданные, а именно: мисы, болгары, босняки и некоторые другие народы, про которые мы тут упоминали. Но есть и народы, которые милостью Божией свободны и во всем признают христианскую веру. Это хорваты, далматинцы, паннонцы, славонцы, каринтийцы, чехи, мораване, силезцы, малые и великие поляне, мазуры, кашубы, сербы, русь, черкасы, поморцы, амаксоби, московиты, роксолане, волынцы, подоляне, полочане, а также литва, новгородцы, псковитяне, смоленцы, северяне» (IX-2, 15). Надо отметить, что определение ряда из перечисленных «народов», находящихся под властью московского царя, в качестве свободных было для польской мысли уже тогда спорным. Такое отношение к Московскому государству связано с осмыслением царской власти как тиранической, что утвердилось как раз во время Ливонской войны. Тем более спорным и нетрадиционным было признание православных как «во всем признающих христианскую веру».

Гваньини настаивает на причислении к славянам готов, ведь их «ни один народ, кроме сарматского, не может к себе отнести. Потому что готы с савроматами жили на протяжении долгого времени» (IX-2, 15). «Так или иначе, а они были сарматами. Потому что Скания и все северные народы относятся к Сарматии» (IX-2, 15). Впрочем, Гваньини пишет о том, что позже они стали испанцами: «Потом тамошние готы стали испанцами, которые не менее мужественны, славятся рыцарскими делами, как и сарматы» (IX-2, 17).

По вопросу об этимологии славянского имени у Гваньини в разных местах высказываются обе бытовавшие версии — и популярное в барочную эпоху возведение его к «славе», и более традиционное к «слову». «Потому что только тогда, когда наши люди начали нападать на Римское государство, когда все они объединились, тогда они

единогласно стали называться славянами от славы» (IX-2, 12). При этом в другом месте: «Как словаки от слова, так поляки от ровного поля или от охоты» названы (I, 13). Сами же поляки «свое название получили от страны и пустых полей, где теперь живут... прозваны поляками, потому что в каждой битве с врагом в поле встречались» (I-2, 3). Ляшское же имя представляется внешним: поляки «от Леха, первого князя и вождя польского», были «прозваны лехами Русью и другими славянами» (там же). При этом есть уже традиционное для польской мысли (идушее еще от Хроники Дзежвы и Яна Длугоша) отождествление поляков с вандалами, ведь «сарматы на Висле» были названы вандалами, что в этом месте объясняется не через праотца Вандала, а по имени реки (I, 9). При этом описывается, как они брали Рим и воевали в Африке (I, 10).

Интересно, что у Гваньини вообще нет темы первенства или превосходства поляков в славянском мире. Это сильнее всего отличает его от мощной польской историографической традиции, идущей еще от Кадлубека, Длугоша и др. Однако надо заметить, что и для современников Гваньини, польских историков XVI в., эта тема постепенно уходит из рассмотрения. Уже у Меховского нет восприятия тезиса Длугоша о руси как части польского народа, или же как о навечно поработанном им народе. У Стрыйковского же вообще версия происхождения славян может быть названа москвоцентричной, так как их основным праотцом признается Мосох, отождествляемый с Москвой. Примечательно, что у Гваньини вообще не находится этой версии славяно-сарматской генеалогии (Мосох упоминается им только как прародитель народа москвы).

Особое внимание Гваньини уделял дружественным отношениям поляков с немцами. Обращаясь к традиции обозначения общего предка немцев и славян праотцом Туисконом, он специально подчеркивает родственность связей: «поляки и богемцы, или же чехи, родичи немцев». Вообще Гваньини свойственен максимально позитивный настрой к немцам. Он описывает, как предки поляков сарматы «размножились и стали расселяться от нижнего Дона на Молдавию, Русь, Литву, Пруссию и Инфляндию», на Вислу (Вандалус), где «сразу как они пришли, то приняли товарищество и дружбу старого немецкого народа» (I, 8), и жили вместе с «тевтонами, то есть немцами, своими товарищами» (I, 9). Гваньини описывает коронацию Болеслава Храброго императором Оттоном Третьим, за почтительное отношение к мощам св. Войцеха освобожденного им от «всяких повинностей вроде дани и подданства, которые надлежало платить римским императорам и которые прежде все христианские короли и князья отдавали императорам. С этого времени польские короли свободны от этого подданства» (I-2, 29), а в знак дружбы император отдал за Болеслава свою племянницу Ришку, дочь русского воеводы.

Примечательно, что история отношений славян с итальянцами в сочинении не описана.

Особенно интересны представления Гваньини о руси, расселение которой он видит гораздо шире, чем было принято. Вслед за Меховским и Кромером он видит предков руси в роксоланах, полностью их отождествляя: «После вандалов из тех же сарматских стран от реки Дона и Меотийского озера происходит другой жестокий народ... его называют роксоланами, руссами и русью» (I, 11). «Роксоланы, или же русь» (I, 11), «роксоланы, потомки которых называются теперь русаками» (I, 14), а «Русскую землю издавна зовут Роксоланиею». (III-2, 13). Гваньини излагает следующую версию происхождения названия «роксолан»: «Аланы были так названы от Алана, вождя савроматского народа... Потом они объединились с русью и стали называться роксоланами, то есть русь и аланы» (IX-2, 15). Предком руси оказывается и Вандал: «из всего видно, что это, очевидно, был один народ: вандалы и аланы» (IX-2, 15), при этом «русь происходит от вандалов» (I, 10).

Рассуждая о происхождении имени руси, Гваньини перечисляет несколько версий, останавливаясь на предпочтительной: «скорее всего, русь имеет свое имя от рассеяния» (III-1, 1, см. также I, 13). И объясняется это имя очень широким расселением руси, вплоть до Средиземного моря: «Потому что этот народ расселился по миру, наполнив собою большую часть Европы и Азии, широко обитает от Ледовитого океана аж до Средиземного моря и Адриатического полуострова, от моря Эвксинского аж до Балтийского океана» (III-1, 1). Фактически русь при таком подходе почти что отождествляется со славянами, или по крайней мере большей их частью. Такое тождество можно увидеть и во фразах: «Одни этот народ роксоланами, другие славянами называют» (III-1, 1); «их потомки говорили на своем первом славянском языке, который родной для сарматов, то есть для руси» (I, 16).

В число русских народов попадают и ряд других, применение русского имени к которым вряд ли можно считать традиционным, например: «валахи, молдаване и другие русские народы» (I, 14). Это и хазары (князь Святослав выступил против хазар, которые «тоже были русского народа» (III-1, 3)). Упоминаются Гваньини и казаки: «Слово “казак” татарское, но казаком называется русь» (IX-2, 15).

При этом мы не находим ни отождествления руси с поляками (в качестве части польского народа), как это описано у Длугоша, ни упоминания гипотезы об общеславянском праотце Мосохе, как у Стрыйковского. Польша и Русь разделяются и как народы, и как страны, хотя признаются и сарматами, и славянами: «эти стародавние сарматы, или словаки, и те, что в Польше, и те, что в русских странах» (I, 16). При описании сейма, на котором избрали «славного Крака»,

Гваньини специально оговаривается, что Крак был «большим другом чехам и руси, поэтому они подчинились его власти» (I-2, 8).

В пересказе Гваньини легенды о славянских братьях есть только Чех и Лех («внуки Иована»), но нет Руса. Он рассказывает о князьях Лехе и Чехе «из Иллирии, хорватской земли», пошедших в немецкие страны ок. 550 г. О Русе он при этом не говорит ничего (I-2, 2), не упоминается Рус и в латинской первой редакции «Хроники». Однако в третьей книге издания 1611 г. находится обоснование такого изъятия Руса из братства с Чехом и Лехом. Рассуждая опять же об имени Руси (страны), Гваньини пишет: «Старые хронисты считают, что она так названа от Русса, внука Леха (в данном случае излагается версия Длугоша. — *О. Н.*). Но так не может быть, потому что Русь намного старше, чем когда Лех, наш предок, сюда пришел. Возможно, что этот Русс, Лехов внук, владел Русью. Но Русь так прозвана была еще до того» (III-1, 1). Так Гваньини убирает Руса из легенды, так как видит Русь более древней страной, чем основанные Чехом и Лехом. Надо отметить, что рассказ о трех братьях, появившийся в польской историографии еще в Прологе к Великопольской хронике, использовался тогда учеными как раз для определения старшинства в семействе славянских народов. И в данном случае мы видим, как, убирая Руса, автор в то же время определяет за Русью историческое первенство. Как пишет Гваньини: «этих роксоланов мы находим еще задолго до Рождества Господнего» (III-1, 1), а не в эпоху «константинопольского императора Константина III и папы Иоанна IV», к которой относится переселение Чеха и Леха.

Отдельно стоит остановиться на различии руси и москвы. Как и во многих других сочинениях того времени, мы имеем довольно противоречивый материал, свидетельствующий, с одной стороны, о различии автором двух народов (руси и москвы), а с другой стороны, об их отождествлении. Так, в описании Москвы Гваньини нередко употребляет русский этноним: «таинство святого крещения у руси», «как русь понимает Чистилище» и т.д. (VII-2, 26).

Автор описывает тройное деление Руси, актуальное для польской мысли скорее еще до Люблинской унии: «Существует три Руси: одна — Белая, другая — Черная, третья — Червонная. Белая около Киева, Мозыря, Мстислава, Витебска, Орши, Полоцка, Смоленска и Северной земли, она издавна принадлежит Великому княжеству Литовскому. Черная Русь расположена в Московской земле около Белого озера и там простирается до Азии. Червонная лежит при горах, называемых Бескидами. Ею владеет польский король», а в городе Львове «находится голова всей Русской земли, которая принадлежит Короне Польской» (III-2, 14). Впрочем, локализация Белой и Черной Руси, не устоявшаяся для того времени, нарушается даже в самом тексте Гваньини (см. VII-1, 1). Причисляются к руси и новгородцы:

«Княжество Великого Новгорода было наибольшим из всех других русских государств и провинций» (VII-1, 10).

Однако почти во всех перечислениях русь и москва упоминаются наравне друг с другом как разные народы. «Река Днепр названа так москвой и русью от одного села в Москве, которое называется Днеперско, там она имеет свой исток» (VII-1, 9). В одном месте Гваньини специально останавливается на описании соотношения москвы с русью: «Московский народ вначале был незначительный и малочисленный. Он происходит с Руси. Но теперь, после овладения русскими княжествами и провинциями, отчасти из-за близости к ним, отчасти силою, а отчасти предательством, очень расширился. Следовательно, эта могущественная монархия может считаться наибольшею империей» (VII-1, 1). Однако «происхождение с Руси» представляется не очень ясной формулировкой (имеется в виду территория исхода или племенная общность?).

Еще выразительнее различие руси и москвы становится при описании московской генеалогии. Столь важная тема для Стрыйковского полностью отсутствует в латиноязычном «Описании» Гваньини, но добавлена в тексте «Хроники». Автор признает происхождение москвы от Мосоха: «Москва взяла свое имя от Мосоха, сына Иафета, а лежит она в середине Белой Руси» (VII-1, 1). Однако история потомства Мосоха оказывается гораздо более сложной. В перечислении сарматских народов среди бургандов, печенегов, русов, аланов и др. упоминаются и «mosski», жившие там, «где ныне поселились московиты и от которых названа вся московская монархия» (I, 11-12). Таким образом, происхождение московитов связывается с народом каппадокийских москов, потомков Мосоха. Так, в другом месте Гваньини пишет: «Московская столица перед тем была в Каппадокии, что находится недалеко от Сирии, следовательно, этот народ хорошо известен евреям» (VII-2, 72). При этом никаких упоминаний о Мосохе как праотце руси у Гваньини не находится.

Впрочем, тема переноса русских столиц вновь возвращает к общности руси и москвы. Так, Гваньини пишет о Владимирском княжестве: «Это княжество возникло при Владимире Великом, монархе всея Руси, который этот город основал и назвал в свою честь. Он был столицей всей Руси вплоть до времени Ивана Данилового сына, великого князя московского, который оттуда перенес столицу до Москвы» (VII-1, 5-6). В другом месте: «Когда-то был один митрополит, который имел свою столицу в Киеве, главном русском городе, потом она была перенесена во Владимир, а в конце концов в Москву» (VII-2, 22). Таким образом, Гваньини воспроизводит московскую традицию описания переноса государственного и церковного центра из Киева.

Снова различие руси и москвы можно усмотреть в описании истории крещения Руси. В одном месте говорится, что «вся Русь

приняла христианскую веру греческого обряда один раз в 942 г. ... во время правления княгини Ольги и ее сына, русского монарха Владимира. С того времени и до наших дней (русь) бережет свою веру» (VII-2, 22). А несколько позже в той же книге о московском крещении: «Потому что в веру Господа Христа москва была обращена греками только в 981 году» (VII-2, 72). Так или иначе, в сочинении Гваньини заметна склонность к отделению москвы от руси, в чем автору помогает максимально узкое прочтение сюжета о праотце Мосохе — прямо противоположное мнению его товарища по витебскому гарнизону Матвея Стрыйковского.

В целом труд Гваньини можно признать очень гармоничной частью польской историографии того времени, и вряд ли в нем можно найти что-либо, что свидетельствовало бы об особом влиянии итальянской историографической традиции или о привнесении из нее каких-то новых сюжетов и взглядов. Возможно, это является аргументом в пользу того, что настоящим автором был не Гваньини. Однако большие противоречия в исторических трактовках с сочинениями Стрыйковского также заставляют усомниться в версии его авторства.

Посольства из Рима в Россию конца XVI в.: проблемы языкового понимания

DOI 10.31168/91674-483-5.31

Посольства в Россию, направлявшиеся римскими папами в конце XVI в., во главе с Антонио Поссевино (1581–1582) и Александром Комуловичем (1595 и 1597 гг.), одной из главных своих целей имели склонить московских правителей к церковному единству, что акцентировало, с одной стороны, проблему языка литургии и церковных текстов, а с другой — адекватного понимания позиций сторон и предлагаемых документов, в том числе касающихся церковного устройства.

Среди сочинений, которые были использованы при подготовке посольств и затрагивали вопросы коммуникации, особое место занимали известные «Записки о Московии» австрийского дипломата, посланника Габсбургского дома Сигизмунда Герберштейна (1486–1566)¹, который посещал русские земли и подолгу жил в Москве в 1517 и 1536 гг. Выпущенные в середине XVI в.², «Записки» в течение долгого времени влияли на представления (в самых разных аспектах) о Московском государстве, в том числе и об особенностях общения на территории, где трудно было наладить диалог на понятном тогда для культурных слоев большей части Европы латинском языке.

¹ *Герберштейн Сигизмунд. Записки о Московии: В 2 т. / Под ред. А.Л. Хорошкевич. М., 2008. Т. I: Латинский и немецкий тексты, русские переводы с латинского А.И. Малейна и А.В. Назаренко, с раннего верхненемецкого А.В. Назаренко.*

² Первое латинское издание — *Rerum Moscoviticarum Commentarii Sigismundi liberi Baronis in Herberstain...* Wien, 1549; первое издание немецкого варианта — *Moscovia der Hauptstadt in Reissen durch Herrn Sygmunden Freyherrn zu Herberstain...* Wienn, 1557.

Герберштейн, происходивший из знатной немецкой семьи, владения которой располагались в Крайне (на территории современной Словении), специально отмечал, что успеху его предприятия способствовало как усердие в его разысканиях, так и «благодетельное» знание славянского языка (*slavonicae linguae*), который он учил еще в детстве, несмотря на насмешки сверстников. При этом он отмечал, что народ, называющий себя *Russi*, а по-латыни именуемый *Rhuteni*, говорит на «славянском языке»³. Герберштейн подчеркивал тождество «славянского языка» с русским и московским (*cum Rhutenica et Moscovitica eadem est*)⁴, отмечая вместе с тем, что русские, как и всякий другой народ, «имеют особый выговор» (*pronunciandi morem habet*), без знания которого невозможно ни свести с ними знакомство, ни получить необходимой информации⁵.

Приводимый Герберштейном список народов, говорящих на одном, славянском языке, причислявших себя к славянам и располагавшихся на обширной территории от Адриатического и Черного морей до Балтики, во многом совпадал с употребительными в европейских исторических сочинениях того времени перечнями⁶. Между тем термин «славянский» (*slavonica*) язык, или в немецком варианте *windisch*⁷, использовался им для обозначения как «славянского» в широком смысле, так и местного крайнего диалекта (условно говоря, словенского). Такое двойственное значение терминов *Slavi* (*Slavi*), *Sclavonia* (*Slavonia*), *lingua Slavonica* и т.п. было распространено в далматинских и хорватских источниках средневекового времени в отношении населения северо-западных Балкан, с одной стороны,

³ Герберштейн. С. 36–37.

⁴ Там же. С. 30–31.

⁵ По замечанию Герберштейна, он сознательно воспроизводил «русские» (*cum Rhutenicis vocabulis*) географические названия, имена, некоторые термины и составил небольшое пояснение особенностей фонетических соответствий некоторых букв и их сочетаний в латинской транскрипции (Герберштейн. С. 30–33).

⁶ Один из удачных примеров анализа различных вариантов этого списка в европейской историографии: *Мыльников А.С.* Картина славянского мира: взгляд из Восточной Европы. Этногенетические легенды, догадки, прототипотезы XVI — начала XVIII века. СПб., 1996. С. 95–127.

⁷ Герберштейн отмечал особенности употребления «славянской» терминологии немецкими авторами, которые, «пользуясь именем одних только вандалов (*Vuandalis*)», называют всех славян *Vuenden*, *Vuinden*, et *Vuindisch* (Герберштейн. С. 36–37). Действительно, в ряде современных Герберштейну немецких трактатов говорится о связи вандалов и славян. Один из наглядных примеров — трактат Альберта Кранца «Вандалия» (*Krantz A. Wandalia. Coloniae, 1519*), в котором автор возводил родословную славян к мифическому Вандалу.

и всех славян — с другой. Такое же двойственное значение имела здесь «иллирийская» терминология, синонимичная «славянской»⁸.

Именно она использовалась в записках о Московском царстве Паоло Джовио (Павла Иовия), составленных на основе услышанного им от Дмитрия Герасимова — участника посольства великого князя Василия III к престолу папы Климента VII (1525), направленного в Рим для выяснения вопроса о возможном участии в антиосманской коалиции⁹. Этому сочинению также отдавалось предпочтение как источнику информации о России при подготовке посольств. Как и Герберштейн, Джовио пишет о славянском языковом единстве, используя при этом иную терминологию. Здесь упоминается «иллирийский» (*illyricus*) толмач Николай Сиккский, переведивший на латинский послание Василия III во время приема в Ватиканском дворце¹⁰. Рассказывается и о русском языке, который для Джовио не отличается от языка других славян: москвиты, писал Джовио, как и другие славяне (*Slavi*), употребляют «иллирийский язык и иллирийские письма» (*Illyrica lingua, Illyricisque literis*); утверждают, продолжает он далее, что «этот язык самый распространенный изо всех» и на него переведено множество священных книг, «главным образом усердием святого Иеронима и Кирилла»¹¹. В ссылке на Джовио Поссевино корректирует его лингвистическую номенклатуру: Джовио, по его мнению, считал язык жителей Московии «славянским» (*Slavicam*)¹² — и подтверждает тем самым тождественность «славянского» и «иллирийского».

Текст Джовио примечателен тем, что он отсылал к определенной хорватско-далматинской культурной традиции и свидетельствовал о распространении ее в Риме первой четверти XVI в. На подчиненных Риму хорватских церковных территориях с XV в. было распространено не только католическое латинское богослужение, но в ряде территорий также литургия на церковнославянском языке в его хорватской редакции по текстам, записанным глаголицей и восходящим к кирилло-мефодиевской традиции, а также нелитургическая глаголическая

⁸ Наиболее полная подборка двойственных значений этнической терминологии на территории Хорватии, Далмации и Славонии в Средние века и раннее Новое время в: *Fine J.V.A. When Ethnicity Did Not Matter in the Balkans. A Study of Identity in Pre-Nationalist Croatia, Dalmatia, and Slavonia in the Medieval and Early-Modern Periods*. Ann Arbor, 2006.

⁹ *Pavli Iovii Novocomensis Libellus de legatione Basilii Magni Principis Moschoviae ad Clementem VII Pontificem Maxium*. . . Roma, 1525; Книга о московитском посольстве // Барон Сигизмунд Герберштейн. Записки о московитских делах; Павел Иовий Новокомский. Книга о московитском посольстве / Пер. А.И. Малеина. СПб., 1908. С. 251–275.

¹⁰ *Pavli Iovii Libellus*. L. В; Книга о московитском посольстве. С. 255

¹¹ *Pavli Iovii Libellus*. L. E; Книга о московитском посольстве. С. 270–271.

¹² Цит. по изданию: *Antonii Possevini, Societatis Iesu, Moscovia et alia opera*. . . Coloniae, 1595. P. 4.

книжность. По местной легенде, впервые зафиксированной в XIII в., хорваты получили эту письменность и соответствующие церковные тексты от св. Иеронима¹³. Этот факт был принят Римской церковью и на этом основании здесь были разрешены церковнославянские службы, т.е. принятые в православной церкви. Такое разрешение выдавалось папой Евгением IV (1431–1447), как свидетельствовал его секретарь и историк Флавио Бьондо¹⁴. Хотя нет других источников, этот факт подтверждающих, ссылка на распоряжение Евгения IV присутствовала впоследствии и в соответствующих папских реляциях, и в дискуссиях об использовании в службах церковнославянского языка хорватской редакции, в том числе и на Тридентском соборе 1545–1563 гг.¹⁵

Со второй половины XV в. Рим стал важным центром хорватской культуры. Сюда прибывали священники из хорватских и далматинских областей, находившихся под властью Австро-Венгрии и Венеции, а также с захваченных турками территорий. Они объединялись в национальную конгрегацию с центром в церкви, посвященной св. Иерониму. Это общество, предназначенное для «nationis Illlyricorum», также получившее имя св. Иеронима, находилось в рассматриваемое время под покровительством одного из кардиналов и было одним из целого ряда национальных коллегий, организованных иезуитами в Риме после Тридентского собора. В 1599 г. распоряжением папы Климента VIII в Риме была также учреждена Иллирийская академия, или Академия иллирийского языка (*Academia linguae Illlyricae*). Членом общества св. Иеронима (с 1576), а также, после организации в 1589 г. капитула церкви св. Иеронима, его первым архипресвитером был Александр Комулович (*Comuleo, Comulis*) (1548–1608), происходивший из патрицианской фамилии города Сплита в Венецианской Далмации. В венецианских и римских источниках он выступал и как «славянин» (*Alessandro Schiavone*), и как «далматинец» (*Alessandro Dalmata*)¹⁶.

¹³ Об этой легенде и ее развитии см.: *Bogović M. Okolnosti pojave i razvoja glagoljice na hrvatskom području do 1248 godine // Glagoljica i hrvatski glagolizam. Zagreb; Kraków, 2004. S. 248–260; Акимова О.А. Развитие представлений о славянской общности: роль хорватско-глаголической исторической традиции // Slawische Geisteskultur: ethnolinguistische und philologische Forschung. Frankfurt-am-Main, 2016. Т. 2; *Verkholantsev J. The Slavic Letters of St. Jerome: The history of the legend and its legacy, or, How the translator of the Vulgate became an apostle of the Slavs. DeKalb, 2014.**

¹⁴ *Biondo Flavio's Italia illustrata: Text, Translation and Commentary. V. 1: Northern Italy / Ed. by J. Catherine. Castner. Binghamton. New York, 2005. P. 224, 226.*

¹⁵ О влиянии хорватскоглаголических представлений на споры и решения по этому вопросу Тридентского собора: *Thomson F. The influence of the Slavo-Latin (Glagolitic) rite on the decision of the Council of Trent about the use of the vernacular in the liturgy // Glagoljica i hrvatski glagolizam. Zagreb; Kraków, 2004. S. 295–308.*

¹⁶ См.: *Fine J.V.A. When Ethnicity. P. 235.*

Принимая в расчет особенности хорватской письменной культуры, определяющиеся прежде всего распространением церковнославянских литургических текстов, ее срединное положение между христианским Западом и христианским Востоком, в Риме в течение долгого времени поддерживали и направляли деятельность общества св. Иеронима, связанную с унификацией славянских церковных книг, письменности и языка, целью которой было приведение славян восточного обряда к единству по вере¹⁷. В конце XVI — начале XVII в. авторы, связанные с обществом, активно занимались поисками общего литературного языка как для разделенного на диалекты населения северо-западных Балкан, так и для славян вообще, единство которых также постулировалось в соответствующих языковых проектах, связанных с написанием словарей, изданием переводных и оригинальных текстов. Основой такого языка выступали различные диалекты хорватского, прежде всего штокавский (литературный вариант которого формировался прежде всего в дубровницкой литературе эпохи Возрождения) и чаковский.

Почерпнутые в историографии представления о славянских языках, а также воззрения, развивавшиеся в кругах, близких обществу св. Иеронима, сыграли немаловажную роль при выполнении римского посольства в Россию в 1581–1582 гг. под водительством папского легата иезуита Антонио Поссевино, что нашло отражение в его сочинениях о Московии¹⁸. Посольство было организовано после обращения Ивана IV (1580) к папе Григорию XIII, а также к германскому императору и чешскому королю Рудольфу II с просьбой содействовать в мирных переговорах с польским королем Стефаном Баторием, которые были осложнены неудачами России в Ливонской войне. Российская сторона обосновывала свой шаг необходимостью сплочения в борьбе с турками¹⁹.

В Риме со всей поспешностью было сформировано посольство во главе с Поссевино, основной целью которого было склонить русского царя к единению христианских церквей как необходимой основе ан-

¹⁷ Деятельности общества св. Иеронима посвящены многочисленные работы. См. библиографию в: *Krasić S. Počelo je u Rimu. Katolička obnova i normiranje hrvatskog jezika u XVII. st. Dubrovnik, 2009. S. 514–532; Mandušić I. Bibliografija radova o Bratovštini sv. Jeronima u Rimu // Croatica Christiana Periodica. Zagreb, 2006. Br. 57. S. 197–203.*

¹⁸ Основной труд Поссевино на эту тему — «Московия» — вышел первым изданием уже в 1586 г. (*Antonii Possevini Moscovia. Vlnae, 1583*), а затем переиздавался вместе с другими сочинениями на эту тему. Перевод на русский язык — *Поссевино А. Исторические сочинения о России XVI в. / Пер., вступ. ст. и коммент. Л.Н. Годовиковой. М., 1983. Издание содержит переводы трактатов «Московия», «Московское посольство», «Ливония» и дипломатическую переписку Поссевино.*

¹⁹ Памятники дипломатических сношений. СПб., 1891. Т. 10. С. 11.

тимусульманской консолидации²⁰. Для этого, по замыслу папы Григория XIII, должны были быть возрождены идеи унии, заключенной в 1439 г. между латинской и греческой церковью на Флорентийском соборе с признанием вселенской юрисдикции папы Римского и закрепленной тогда же буллой папы Евгения IV (*Laetentur coeli*).

Сообщая 15 марта 1581 г. Ивану IV об организации посольства, папа Григорий XIII для обоснования правомерности идеи единой церкви во главе с римским первосвященником апеллировал к соответствующему декрету Флорентийского собора и сообщал, что с посольством царю был отправлен труд о Флорентийском соборе, предназначенный для прочтения и изучения²¹. Однако идея использования материалов Флорентийского собора натолкнулась на языковые препятствия. «Греческий язык им недоступен, так что нет никакой пользы от свода Флорентинского собора, изданного на греческом языке, который я передал в крепости Старице на реке Волге от имени Вашего святейшества этому государю, — пишет, обращаясь к папе, Поссевино, — ...там нет никого, кто понимал бы этот язык». В дар царю была привезена и булла о единении церковей Евгения IV, которую Поссевино передал кардинал Джулио Сантори, архиепископ Санта Северины, но и она «не могла быть полезной, хотя была написана по-латыни, по-гречески, а также по-русски (*ac Ruthenicè*)»²². Латинский, как и греческий, оказался здесь плохо понятен: Поссевино называет трех переводчиков Посольского приказа, кто только и был знаком здесь с латынью, — двух из Польши и одного из Валахии, да и те переводили зачастую «без всякого смысла». Что касается «русского» перевода грамоты, то с ним также случилась неудача: переводчик буллы на «русский» (*Ruthenicè*), по словам Поссевино, не знал особенностей «московитского» языка (здесь говорилось о «*linguam omnino Moscoviticam*»), но предоставил некую мешанину из хорватского и боснийского языков (*mixtam aliquam ex Bossinensi ac Croatica*)²³.

Говоря о возможном переводчике этого текста, нужно иметь в виду следующее обстоятельство. В ведении кардинала Сантори находились земли «Иллирика», т.е. хорватские, далматинские и отчасти боснийские территории западных Балкан. В его подчинении был и Александр Комулович, возглавлявший в то время общество св. Иеронима. В конце XVI — начале XVII в., как и другие входившие в общество хорватские и далматинские священнослужители, он

²⁰ В тайной инструкции, полученной Поссевино, эта задача посольства выступала в качестве главной: *Turgenev A.J. Historica Russiae monumenta, ex antiquis exterarum gentium archivis et bibliothecis deprompta. Petropoli, 1841. T. 1. P. 299–305.*

²¹ Памятники дипломатических сношений. С. 80–85; *Поссевино А. Исторические сочинения. С. 90–91.*

²² *Поссевино А. Исторические сочинения. С. 28; Possevini Moscovia. P. 4.*

²³ *Ibid.*

был вовлечен в поиски единого славянского языка, переводческую и издательскую деятельность, которая велась при поддержке папы и опекавших деятельность общества кардиналов. Так, в 1582 г. им был издан в Риме катехизис «Науки христианской» «для славянского народа» в переводе «на собственный язык»²⁴ в штокавском варианте хорватского²⁵. Именованное этого общего славянского языка «иллирийским» нашло отражение в приводимом Комуловичем на титуле итальянском переводе названия — «*Dottrina christiana per natione illirica nella propria lingua*». Представление об «иллирийском» как общеславянском и территории его распространения наглядно демонстрирует поздравительное послание хварского епископа Петра Цедулини, направленное папе Клименту VIII в 1592 г. от имени всех стран и земель «иллирийского языка» в связи с избранием того на папский престол. Здесь сообщается, что *lingua Illyrica* охватывает обширную область, в которую Цедулини включает южнославянские и паннонские земли, Богемию, Польшу, восточнославянские территории, «пространную империю русских», имея в виду Московское царство, и ряд других земель²⁶. В речи Цедулини, обращенной к папе в 1594 г. и посвященной организации сопротивления туркам, также говорилось об идентичности языка москвитов «иллирскому, или славянскому»²⁷. Таким образом, булла папы Евгения была переведена на язык, который, с этой точки зрения, должен был быть понятен русским. Сам же перевод, по всей видимости, был сделан кем-то из общества св. Иеронима в Риме, окружения Комуловича или же им самим²⁸.

В Боснии на территории хорватского проживания располагалась францисканская провинция *Bosna Argentina*, с которой также связана деятельность по переводу катехизисов, миссалов и прочих текстов. Уже с начала

²⁴ *Navch charstianschi za slovignschi narod v vlasti iazich. Po pochtovanomu gospodinu do Lexandru Comulovichia canonichu i vlastelinu Splitskomu. Roma, 1582. См.: Štefanić V. Bellarmino-Komulovićev kršćanski nauk // Vrela i prinosi. Zagreb, 1938. Br. 8. S. 1–50.*

²⁵ Комулович происходил из Сплита, так что родным для него был чакавский диалект.

²⁶ «*Tredecim enim regna vel provincias latissimas lingua Illyrica possidet: Thraciam, Mysiam, Macedoniam, Bosnam, olim proprie Illyricum, Daciam, immensam illam camporum plagam, quae inter Istrum et Boristhenem fluviis jacet, Pannonias, Croatiam, Istriam Carmam, Bohemiam, Poloniam, Rusciam et vastum Ruthenorum imperium, Noricum omne, quod nunc Austria dicitur*» (*Fontes historici liturgiae glagolito-romanae a XIII ad XIX saeculum / Collegit, digessit et indice analytico instruxit L. Jelić. Kraków, 1906. Fontes... XVI saeculum. P. 39–40*).

²⁷ Некоторые сведения об этом тексте и факсимильное его воспроизведение в: *Govori protiv Turaka / Ur. V. Gligo. Split, 1983. S. 57.*

²⁸ Ср.: *Trstenjak T. Aleksandar Komulović kao mogući uzor Jurju Križaniću u politici i crkvenom jedinstvu // Zbornik Zavoda za povijesne znanosti. Zagreb, 1986. V. 14. S. 289.*

XVI в. в Венеции для католиков этой территории издаются кириллические книги, напечатанные так наз. боснийским шрифтом. Так что упоминание в тексте Поссевино «боснийского» языка не было случайным.

Трудности в понимании русскими славянских текстов и в общении с москвитами Поссевино объяснял тем, что они не знают «славянско-го (Slavicam)» языка, употребляя исключительно свой «московитский» язык, схожий с тем, которым пользуются «русские (Rutheni), подданные польского короля». Церковные службы они тоже проводят «на русском (Ruthenice) или, скорее, на московитском (Moscovitica) языке»²⁹. Между тем славянский «настолько близок к польскому и русскому, что священник, славянин по национальности (Slauŭ)», которого Поссевино оставил в Москве на время своих переговоров в Польше, «уже очень скоро стал многое понимать из московитского языка, хотя, напротив, москвиты с большим трудом, по-видимому, понимали по-славянски»³⁰. Поссевино как о «славяnine» говорит здесь об участнике посольства, загребском священнике хорвате Степане Дреноци, который именуется в источниках также Drenockij, Drenosij и т.д., так что под «славянским» языком здесь понимается как «хорватский», так и «славянский» в широком значении. О Дреноци известно немного. Он был иезуитом, в орден вступил в Брно. В Москву он был послан заранее, и ему была выдана инструкция о поведении, об обхождении со знатыми персонами и священниками и пр.³¹ После возвращения из Москвы в 1582 г. был определен в Польшу, но тогда же по его собственной просьбе, но по неясной причине отпущен из ордена тогдашним генералом ордена Клаудио Аквавиво. Впоследствии он был каноником в Венгрии и умер во время чумы 1586 г.³²

То, что булла папы Евгения IV была переведена на непонятный русским язык, заметил именно Дреноци, которого, по замечанию Поссевино, он «вывез из Австрии», и еще один участник посольства, Иоанн Павел Кампанья, «из русских земель, находящихся под властью польского короля (ex regis Poloniae Russia)». Они же повторно перевели буллу Евгения IV, а также символ веры, составленный папой Пием IV (так наз. Тридентский символ веры), «на современный русский язык»³³.

²⁹ Possevini Moscovia. P. 4.

³⁰ Поссевино А. Исторические сочинения. С. 28; Possevini Moscovia. P. 4.

³¹ Turgenev A.J. Historica Russiae monumenta. T. 1. Suppl. P. 9–20. Анализ этого текста: Polčín S. La mission religieuse du père Antoine Possevin S.J. en Moscovie. Roma, 1957. P. 17–22.

³² Биографические сведения о Дреноци рассматриваются в работе: Korade M. Stjepan Drenocy u misiji sjedinjenja kršćana (1581–1582) // Homo imago et amicus Dei, Miscellanea in honorem Joannis Golub. Romae, 1991. S. 452–457.

³³ «...in Ruthenicum idioma quali hodie utuntur» — Possevini Moscovia. P. 5.

Поссевино намеревался как можно скорее издать эти тексты в Вильно, чтобы они были доступны на территориях, принадлежавших и польскому королю, и московскому правителю.

Поссевино пишет о сложности общения посольства с царем и его боярами. Русские переводчики, все поляки, отмечает он, переводили, искажая в угоду царю смысл сказанного, прежде всего по религиозным вопросам, переиначивали латинские письменные документы, к переговорам не допускались переводчики посольства и пр.³⁴ Рассуждая в целом об особенностях организации как будущих посольств в Московию, так и предполагаемой просветительской работы на русских территориях и обобщая свой опыт, Поссевино преимущественное внимание отводит проблемам языка. Сетую на то, что Иван IV не отпускает своих подданных для усвоения наук за границу, он предлагает организовать обучение взятых в плен во время Ливонской войны людей из Московии в семинариях — как на территории Речи Посполитой, так и в чешских землях, учитывая близость языков. Отмечаемое Поссевино незнание или плохое знание русскими латинского и греческого приводит его к мысли как о необходимости «обучать народ языку», так и об издании книг «на их языке и их буквами (eo idiomate et caractere)»³⁵. Более того, он приходит к принципиальному заключению о том, что жителей Московии нельзя заставить отказаться от богослужения на их языке, заменив его латинской литургией или добившись разрешения вести богослужения на греческом, и потому считает необходимым проверить корректность используемого здесь перевода из Ветхого Завета и евангелий³⁶. Вывод автора о перспективах подобной деятельности и возможностях будущих посольств для убеждения в объединении церковей в целом неутешителен, поскольку,

³⁴ Такое пренебрежительное отношение было характерно именно для римских посольств. Описание приема при московском дворе австрийских посольств 1589, 1593 и 1594 гг., направленных от имени императора Рудольфа II под руководством Николая Варкоча, с которыми в России связывались надежды на выгодное решение некоторых польских проблем, рисуют иную картину: Описание путешествия в Москву посла Римского императора Николая Варкоча с 22 июля 1593 года / Подг. А. Шемякин // Чтения в императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете. 1874. М., 1875. Октябрь–декабрь. Кн. 4; Донесение австрийского посла о поездке в Москву в 1589 году / Вступ. ст. и коммент. Л.П. Лаптевой // Вопросы истории. 1978. № 6. С. 98–112. Это относится прежде всего к описанию посольства 1593 г. (особенно что касается работы переводчиков), оставленного одним из его участников.

³⁵ *Поссевино А.* Исторические сочинения. С. 36; *Possevini Moscovia*. P. 8. Поссевино предполагал вести издательскую деятельность в ливонских городах, выказывая тем самым заинтересованность в неуспехе России в Ливонской войне.

³⁶ *Possevini Moscovia*. P. 7.

пишет он, ему вообще неизвестен такой человек, который понимал бы язык московитов, знал бы греческий и латинский языки и имел бы прочные знания в богословии³⁷.

Но, видимо, именно эти требования учитывались папой Климентом VIII при формировании посольства 1595 г., которое проходило уже при других действующих лицах как на московском и польском престолах, так и в Риме, при самостоятельном московском патриархе (1589), а также в условиях активных и успешных военных действий турок. Папа Климент VIII с начала своего понтификата (1592) направлял свои дипломатические усилия на создание действенной антиосманской коалиции европейских правителей. Посольство 1595 г. было организовано по сути с теми же главными целями, что и миссия Поссевино, — привлечение московского правителя (в данном случае — Федора Иоанновича) к антитурецкой коалиции и к церковной унии. Во главе посольства был тогда поставлен Александр Комулович³⁸. Почему выбор пал именно на него, папа Климент раскрывал в направленном Комуловичу в январе 1594 г. послании с инструкциями по поводу посольства³⁹: «Вероятно, еще не случилось со времен установления в этой земле христианской веры, чтобы был послан туда от Святой Столицы человек, который знал бы язык и был бы столь ученым, как вы. И если получится заговорить об объединении этого народа с католической церковью, у вас, который хорошо разбирается в материале, не будет недостатка в доказательствах»⁴⁰. Комуловичу предписывалось убедить русских перейти под духовную власть римского епископа как главы вселенской церкви, поскольку константинопольский патриарх находится в руках неверных, покупая у них свой титул.

Говоря о необходимости привлечения московского правителя к антитурецкому союзу, папа Климент приводил аргументы, которыми можно было бы его завлечь. Он, в частности, подчеркивал, что в случае успеха Константинополь попал бы в его руки, а он принадлежит ему по наследственному праву. Своими успехами он может снискать славу всего христианского мира, народы освободятся от турецкого рабства, а они, надо помнить, подчеркивает папа, «по вере и языку»

³⁷ *Поссевино А.* Исторические сочинения. С. 34; *Possevini Moscovia*. P. 7.

³⁸ Письма и донесения Александра Комуловича, а также документы о его деятельности собраны в работах: *Pierling P., Ražki F.* Komulovića izvjestaj i listovi o poslanstvu njegovu u Tursku, Erdelj, Moldavsku i Poljsku // *Starine JAZU*. Zagreb, 1882. Knj. 14. S. 83–124; *Pierling P.* Novi izvori o Komuloviću // *Starine JAZU*. Zagreb, 1884. Knj. 16. S. 210–251; *Fermendžin E.* Prilozi k poznavanju diplomatskog poslanstva Aleksandra Komulovića među Slavene od g. 1593. do 1597. // *Starine JAZU*. Zagreb, 1918. Knj. 36. S. 7–30.

³⁹ *Fermendžin E.* Prilozi. S. 22–28.

⁴⁰ *Ibid.* S. 27.

родственны его народу и с нетерпением ждут от него освобождения⁴¹. Из этих аргументов видно, что папе были известны доклады Комуловича о положении славянских народов на турецких территориях, которые тот посещал в течение ряда лет до того с миссионерскими и, видимо, разведовательными целями.

Имеется отчет Комуловича⁴² о его пребывании в Сербии, Болгарии, Македонии и других землях Юго-Восточной Европы в 1584–1587 гг., представленный папе Сиксту V⁴³, где он говорил о возможности распространения тут влияния Римской церкви, но более всего его занимал вопрос о количестве мужского населения, способного на вооруженную борьбу с турками, и эти, явно преувеличенные, данные по областям и в целом были им предоставлены. Они сообщались в связи с разработкой им основанного на его собственных впечатлениях плана освобождения этой территории. Приоритет в нем отдавался действиям московского правителя, с которым требовалось заключить союз⁴⁴. Комулович полагал, что большая часть православных народов, находившихся в подчинении у турок, ждет правителя одного с ними рода и языка с нетерпением, и их мужское население с готовностью присоединится к его войску, так что общее количество вставших под ружье может составить 500–600 тысяч человек, которые смогут беспрепятственно дойти до Константинополя и в три дня взять его, после чего московский правитель с легкостью отвоюет все европейские владения турок. Комулович был не одинок в апологии русского царя как возможного освободителя балканских славянских народов от турецкой зависимости. Подобные взгляды, основанные на единстве веры и языка, имели хождение в близких обществе св. Иеронима кругах⁴⁵.

Предыстория же московской миссии Комуловича была такова. В начале 1594 г., имея соответствующее предписание от Климента VIII, он был направлен из Рима через Вену в Польшу для исследования вопроса об антиосманской лиге с правителями этой части Европы⁴⁶.

⁴¹ Ibid.

⁴² Текст анонимен, но в литературе высказывается единодушное суждение об авторстве Комуловича.

⁴³ *Pierling P., Ražki F. Komulovića izvjestaj*. S. 86–87.

⁴⁴ В 1594 г. Комулович в посланиях в Рим из Польши также развивал идею о возможности и необходимости вовлечения России в антиосманское движение в качестве одного из основных участников — *Pierling P., Ražki F. Komulovića izvjestaj*. S. 115–120, 122–123; *Pierling P. Novi izvori*. S. 232.

⁴⁵ См., например, уже цитированное обращение к папе Клименту VIII хварского епископа Петра Цедулини 1594 г. — *Govori protiv Turaka*. S. 57.

⁴⁶ *Pierling P., Ražki F. Komulovića izvjestaj*. S. 89.

В одном из донесений из Кракова в декабре 1594 г. он писал о желательности дипломатических усилий, направленных на организацию поездки в Москву трех послов — австрийского, польского и от папского престола в Риме, чтобы оказать большее влияние на Россию для ее вступления в лигу⁴⁷. Очевидно, ему было известно о желании царя Федора видеть в Москве послов европейских правителей для переговоров об антиосманском союзе, которое было высказано в том же году в ходе австрийского посольства, направленного в Москву императором Рудольфом II во главе с посланником Николаем Варкочем⁴⁸.

Когда обнаружили непреодолимые противоречия между польским королевством и австрийскими Габсбургами и нежелание Польши участвовать в совместных действиях стало очевидным⁴⁹, миссия Комуловича, по распоряжению папы, была расширена на Россию. Он прибыл в Москву ранней весной 1595 г. с письмом Климента VIII и дарами. Очевидно, в Риме, несмотря на прописанные в инструкции папы важные цели посольства, не надеялись на достижение им заметных результатов. Об этом говорит скромность привезенных даров и недвусмысленное предписание папы оправдать ее «дальней дорогой» и пообещать, что в случае успешных переговоров Святая Столица направит в Москву «более значимое посольство и богатые дары (più solenne Ambesceria et più ricchi doni)»⁵⁰. Нет данных о том, насколько верно в Москве понимали Комуловича, поскольку не осталось, а может быть, и не было записок о посольских миссиях 1590-х гг. Известно лишь, что Комулович был принят Борисом Годуновым, но без видимых результатов, и неслучайно той же весной он вернулся в Польшу.

Во время пребывания Комуловича в Речи Посполитой произошли события, связанные с заключением епископами Западно-русской митрополии унии с католической церковью и проведением собора в Бресте в 1596 г. Принятие тогда киевским митрополитом Рогозой и рядом западнорусских епископов католичества и власти римского папы, при сохранении литургической традиции на церковнославянском языке, вполне отвечало представлениям хорватского и далматинского клира, связанного с коллегией св. Иеронима в Риме. Доказательств прямого участия Комуловича в событиях, приведших к заключению Брестской унии, нет; имеется лишь одно косвенное

⁴⁷ Ibid. S. 115–120.

⁴⁸ *Turgenev A.J. Historica Russiae monumenta. Petropoli, 1842. T. 2. P. 32–45.*

⁴⁹ Об этом говорилось в сообщении, отправленном Комуловичем в Рим 17 января 1594 г.: *Pierling P., Ražki F. Komulovića izvjestaj. S. 122–123.*

⁵⁰ Комуловичем были привезены небольшой крест с греческой надписью, украшенный изумрудами, и небольшая корона, очевидно, из горного хрусталя (*Fermendžin E. Prilozi. S. 23.*)

сообщение, касающееся поездки в Рим представителей западнорусского епископата в ноябре 1595 — марте 1596 г. Папский нунций в Речи Посполитой Маласпино сообщал в донесении от ноября 1595 г., что в течение нескольких недель он не получал ответа от Комуловича на его письмо, в котором высказывалось пожелание, чтобы именно он сопровождал в Рим епископов (*per conduire questi vescovi a Roma*) для представления их Клименту VIII. А для этого он должен был явиться из Вильно в Краков⁵¹. Но, очевидно, так и не явился.

Брестская уния и предшествовавшие ей события до крайности осложнили отношения России и Рима. В Риме, видимо, считали организацию в этих условиях нового посольства делом вполне бесперспективным и отнеслись к очередной миссии, которая готовилась с мая 1596 г., как к необходимой формальности. Ранг посольства не был повышен, по-прежнему его возглавлял Комулович⁵², которому для удешевления поездки был придан лишь один человек, а само посольство было присоединено к миссии императора Рудольфа II с бургграфом Авраамом фон Донау во главе. Очевидно, таким совмещением желали обеспечить римскому послу более сносный прием в Москве. Но когда Комулович прибыл в Москву из Вильно в сентябре 1597 г., его сразу отделили от остальных членов делегации, на какое-то время поместили под замок и морили голодом. В донесениях Маласпино из Варшавы содержатся подробности злключения Комуловича: «Отношение к монсьёру Комулео не отвечает достоинству Святой столицы. Ему запретили всякие встречи, разговоры и переговоры, только через посредников»⁵³. Разбирая позднее подоплеку такого неуважения, папский нунций называет и основную его причину: «Он был обвинен московским правителем в том, что будто бы он и есть автор соединения рутенов со святой столицей»⁵⁴. Иными словами, его уличили в том, что он инициировал заключение Брестской унии в 1596 г., но детали этого обвинения неизвестны.

Несмотря на неуспехи на дипломатическом пути, Комулович по возвращении в Рим продолжил литературные изыскания, направленные на создание текстов религиозного содержания для всех славян на понятном им всем языке, в качестве которого у него выступал хорватский. Так, широкую известность приобрел выполненный Комуловичем в 1603 г. перевод краткого катехизиса Роберто Баллармина (1597) на чакавский вариант хорватского. В названии книги подчеркивалась инициатива в его издании папы Климента VIII и «славянский язык (*Yasich Slovinschi*)»

⁵¹ *Lettere nuntiorum apostolicorum historiam Ucrainae illustrantes*. Romae, 1959. V. 2. P. 74 (*Analecta OSBM*. Ser. 2).

⁵² См.: *Trstenjak T. Aleksandar Komulović*. S. 236–237.

⁵³ *Lettere nuntiorum*. P. 138.

⁵⁴ *Ibid.* P. 142.

перевода⁵⁵. На титульном листе были отмечены инициативные заслуги в издании книги кардинала Пьетро Альдобрандини (1572–1621)⁵⁶, который назывался «защитником славянского народа» (*protechtura naroda slovinskogo*), а также содержалось обращенная к Богу просьба благословить «Его славянский род» (*Vaš slovinski roj*). Комулович был также активным преподавателем языка в Иллирийской академии в Риме. Согласно его завещанию, он оставил половину своих средств на поддержание деятельности Академии, и прежде всего на покупку печатного прессы для издания книг «*lingua illirica*»⁵⁷.

Через несколько десятилетий после посольств конца XVI в. их неудачный опыт был проанализирован Юраем Крижаничем (ок. 1617 — 1683), тогда совсем молодым человеком. В 1641 г. им была составлена записка, адресованная префекту Пропранды веры кардиналу Антонио Барберини, в которой содержался план его поездки в Москву⁵⁸. Она была написана под влиянием сведений и суждений из сочинений Герберштейна, Поссевино и других авторов и одновременно в полемике с ними; кроме того, в ней развивались некоторые положения, высказанные Александром Комуловичем и его единомышленниками. Крижанич был связан как с коллегией св. Иеронима, так и с греческой коллегией в Риме, где изучал греческий язык. Он не видел необходимости в переходе русских от греческого обряда к римскому и от «русского языка» литургии к греческому или латинскому, но считал первостепенной задачей проверку и исправление греческих богослужебных текстов. Для выявления ошибок он полагал важным владение «славянским» языком, под которым подразумевался хорватский и, вероятно, церковнославянский хорватского извода, а чтобы уметь растолковать эти ошибки, он изучал московскую речь. В московском царе он видел защитника всех славян, способного одолеть турок, полагая, что болгары, сербы и другие народы поднимутся на борьбу из почитания государя одного с ними рода и языка.

⁵⁵ Navch charstyanschi chratach sloxen po naredyenyu Sfetoga Oca pape Chlementa osmoga... Istumacen po Ocu Alexandru Chomulovichia Popu u Yasich Slovinschi... In Roma, 1603.

⁵⁶ Пьетро Альдобрандини был одним из кардиналов, привлеченных папой Климентом VIII к работе Иллирийской академии. — *Krasić S.* Počelo je u Rimu. S. 205.

⁵⁷ Завещание Комуловича см. в работе: *Trstenjak T.* Četristota obljetnica katekizma Aleksandra Komulovića // *Vrela i prinosi.* Zagreb, 1982. № 13. S. 171–172.

⁵⁸ Оригинал на итальянском языке и русский перевод: Записка Юрия Крижанича о миссии в Москву 1641 г. / Предисл. и примеч. П. Пирлинга. М., 1901.

Бартоломей Новодворский — идеал христианского рыцаря

DOI 10.31168/91674-483-5.32

Если бы кто-то, живущий под солнцем, стал удивляться столь частым переменам и постоянной regum humanitarum vicissitudine, тот бы, по моему мнению, нанес большую обиду самому Небу, которое дало предвечный и неотменяемый закон: Nihil sub sole stabile. Это же ежедневно и едва ли не в каждый момент нашей жизни подтверждают примеры, этот урок уже так прочно вошел в нашу память, что мы — одни читая деяния далеких веков, молодые — слыша от старших, всякий — на себе это ощущая, — беспрестанно учим, что на свете все saecula, все состояния, все отдельные люди всегда подвержены переменам.

(Якуб Собеский.

Речь на погребении рыцаря Новодворского. 1625)

Произнося это прощальное слово в память о своем старшем друге, мальтийском рыцаре/кавалере Бартоломее Новодворском (ок. 1552 — 1625)¹,

¹ См. биографические статьи о нем: *Barycz H.* // PSB. Т. XXIII. S. 356–360; *J.R.* // Słownik biograficzny historii Polski. Wrocław; Warszawa; Kraków, 2005. Т. 2. S. 1055, а также: *Koźmian A.E.* *Żywoť Bartłomieja Nowodworskiego, kawalera maltańskiego — królów polskich Stefana i Zygmunta III. Dworzanina, kapitana harcerzów, komandora poznańskiego.* Poznań, 1841; *Czajewski J.* *Pieśń o wybuchowym rycerzu* // Focus Historia. Wrzesień, 2011. № 9 (55). S. 8–13.

видный государственный деятель Речи Посполитой, Якуб Собеский (1591–1646), отец будущего польского короля Яна III, имел в виду чрезвычайно богатую переменами и перипетиями жизнь этого незаурядного человека, ставшего для своего времени, как и для последующих эпох, образцом мужества, рыцарственности, символом защиты христианской веры.

Бартоломей Новодворский родился в шляхетской семье; среди его знаменитых предков упоминаются варшавский судья Томислав (в 1358 г.), его сыновья — Немера из Нового Двора, варшавский подстолий и кастелян, и Доброгост, гнезненский архиепископ (ум. в 1401 г.), а также внук Доброгост (ум. в 1464 г.) из Нового Двора, закрочимский и варшавский кастелян². Рано осиротев, Новодворский поступил на военную службу к князьям Михалу и Янушу Заславским на Подолье.

Спустя 3 года, проведенных там в битвах с татарами и казаками, уже после смерти князя Михала, он перешел на военную службу к трансильванскому князю Стефану Баторию. Об этом его младший друг, Якуб Собеский, в своей погребальной речи сказал: «Свою молодость, достойно своему высокому происхождению, как на Украине, так и в Трансильванской земле, он проводил не в наслаждениях, не в совершении низких поступков, но в работе и трудах, что известно всякому»³.

Когда Стефан Баторий стал позднее польским королем (1576–1586), Новодворский участвовал, в частности, и в его походе на Псков (1581), где, по словам Собеского, представил королю доказательства своей мужественности, хотя сам штурм и не удался. О доверии короля к Новодворскому свидетельствует, например, его отправка с дипломатическим поручением в Константинополь в 1582 г. Однако перспективы столь удачно складывавшейся карьеры при польском дворе полностью провалились, когда Новодворский убил на дуэли одного из придворных короля и был вынужден отправиться в изгнание из страны (1582). Как это выразил в своей речи Собеский, «один casus из тех, что, как говорится в старой притче, встречается меж людьми, стал причиной, по которой он долгое время должен был отсутствовать в Польше». Первый биограф Новодворского утверждал, что он не ради бравады вызвал на дуэль обидчика, придворного Беджицкого, а из

² *Graff T. Wokół staropolskich fundacji i benefaktorów Szkół Nowodworskich w Krakowie // Folia Historica Cracoviensia. 2013. Vol. XIX. S. 163–164.*

³ *Rzecz I.M. Pana Jakuba Sobieskiego, starosty Krasnostawskiego, na pogrzebie Sławnej pamięci Wielkiego Kawalera w Warszawie u Św. Jana... pochowanego pod czas Seymowy. Warszawa, 1625 (s.p.); Barłowska M. Jakub Sobieski pamięci wielkiego kawalera, Bartłomieja Nowodworskiego wraz z tekstem mowy J. Sobieskiego «Rzecz na pogrzebie wielkiego kawalera». Szczecin, 2006. S. 121–127.*

чувства долга, которое на него накладывала его добрая слава. Вместе с тем убийство придворного на королевском дворе было оскорблением достоинства правителя, что сурово каралось⁴.

Изгнание продолжалось 25 лет, но эта превратность судьбы принесла Новодворскому и новый весьма ценный военный опыт, поскольку он во Франции принимал участие в религиозных войнах⁵ под командованием видных полководцев, и благосклонность новых монархов. Новодворский мужественно сражался с протестантами в рядах разных войск — сначала в армии Генриха III Валуа, ранее бывшего недолгое время польским королем (1573–1574), который хоть и покинул этот трон, но не отказался от титула и всегда охотно принимал на своем дворе поляков⁶. При осаде Понтуаза (1589), переходившего из рук в руки, бесстрашно сражавшийся Новодворский получил — на глазах короля — пулевое ранение в ногу. Понтуаз был взят, а Новодворский щедро вознагражден королем. После его убийства (1589) Новодворский сражается на стороне Католической Лиги, и лишь после перехода Генриха IV Бурбона в католичество (1593) — под его знаменами.

При всех этих и последующих переменах в судьбе Новодворского близость к королям и их расположение к мужественному воину⁷, его участие в многочисленных сражениях своего времени оставались неизменными.

Когда религиозные войны во Франции закончились, а поскольку для рыцаря, как бы рожденного в латах и шлеме (непреренно украшенном крестом, ибо «религиозное чувство в нем было тесно связано с рыцарственностью его души»), отдых от сражений был мукой и стыдом⁸, Генрих IV дал Новодворскому рекомендательное письмо к магистру военного монашеского Мальтийского ордена, и, прибыв в 1599 г. на Мальту, он в течение нескольких лет (до 1607 г.) сражался в рядах этих воинов на иных территориях. «Его деяния видели ранее Франция и

⁴ *Koźmian A.E. Żywot Bartłomieja Nowodworskiego. S. 19–20.*

⁵ Согласно известной формулировке идеала христианского воина у Антонио Поссевино («*Miles Christianus*», 1568), каждый сражающийся с еретиками солдат — герой, а погибший в этих сражениях — мученик.

⁶ *Koźmian A.E. Żywot Bartłomieja Nowodworskiego. S. 22.*

⁷ Например, значительно позднее, в 1607 г., когда Новодворский уже вернулся в Польшу, Генрих IV в беседе с Якубом Собеским в Париже не скупился на похвалы его мужеству и военному опыту, которые он продемонстрировал во Франции. — *Barycz H. Jakub Sobieski starszy czy Wawrzyniec Swiczkowic? (Gawęda bibliograficzna w sprawie autorstwa najstarszej biografii Bartłomieja Nowodworskiego) // Biuletyn Biblioteki Jagiełłońskiej. 1981. R. XXXI. S. 129.*

⁸ *Koźmian A.E. Żywot Bartłomieja Nowodworskiego. S. 30–31.*

Савойя, увидели его теперь острова Средиземного, Ионического, Эгейского морей, не только в Европе доводилось смотреть на него, видела его под Лепанто и Махуметтой [Хаммамет] Африка, и где никогда или редко ступала польская нога, там мужественная рука одного польского шляхтича добывала великую славу для своей отчизны», — говорил в упоминавшейся погребальной речи Якуб Собеский. В битве у Лепанто (8 мая 1603 г.), где, как и у Хаммамета, Новодворский использовал свой обретенный во Франции взрывотехнический опыт и подрывал петардами ворота, он был вновь тяжело ранен. Важно отметить, что войны, которые вел военный Мальтийский орден рыцарей-госпитальеров римско-католической церкви, носили религиозный характер, были ориентированы на защиту христианской веры (первоначально — во время Первого крестового похода — на защиту Святой Земли), и каждый сражающийся с еретиками воин понимался как герой, а погибший в этой борьбе — как мученик за веру.

Новодворский участвовал в битвах Мальтийского ордена, реализуя идеал христианского рыцаря, защитника веры, однако формально он не был членом монашеского братства, куда был принят лишь в 1605 г.

Несмотря на прославившие его военные успехи и благополучное положение на Мальте, Новодворский стремился вернуться на родину. Благодаря заступничеству другого польского мальтийского рыцаря, Петра Кохановского (1566–1620, поэта, переводчика Ариосто и Тассо на польский язык, племянника выдающегося поэта Ренессанса Яна Кохановского), ему было разрешено вернуться в Польшу.

В возрасте 55 лет Новодворский оказывается при дворе Сигизмунда III, высоко оценившего его воинские заслуги в защите католической веры и назначившего его капитаном разведывательного отряда и роты личной королевской гвардии. И уже в 1609 г. опытный воин отправляется с войсками Сигизмунда III в очередной «московский» поход, чтобы стать одной из ключевых фигур польско-московских войн первой четверти XVII в., в частности осады и взятия Смоленска⁹, где он также применяет свои навыки во взрывной технике.

Во время многомесячной осады Смоленска польские войска предпринимают попытки штурма, и даже если, судя по запискам Жулкевского, штурм оказывается неудачным, он, тем не менее, свидетельствует о немалом мужестве Новодворского: «Мы сделали приступ с петардами к двум воротам. Пан Вайгер — к Копычинским, но это осталось без успеха, а Новодворский — к Авраамовским. Перед воротами к полю неприятель построил срубы наподобие изб, так что за сими срубамися не было прямого прохода, но должно было обходить

⁹ См. фундаментальную монографию Б.Н. Флори: *Флоря Б.Н. Польско-литовская интервенция в России и русское общество. М., 2005.*

кругом подле стены небольшим тесным заулком, которым мог только пройти один человек и провести лошадь. Дошедши до этого сруба, пришлось Новодворскому с петардою идти этим узким заулком, и то наклоняясь — по причине орудий, находившихся внизу стены. Он привинтил петарду к первым, другую ко вторым воротам, и выломил те и другие; но так как при этом действии происходил большой треск, частая пальба из пушек... то мы не знали, произвели ли петарды какое-нибудь действие, ибо невозможно было видеть ворот за вышеупомянутым срубом... Поэтому те, которые были впереди, не пошли в тот узкий заулком, не зная, что там происходило, а более потому, что условились с Новодворским, дабы трубачи, находившиеся при нем, подали сигнал трубами тогда, когда петарды произведут действие. Но трубачи е. в. короля, которых Новодворский для сего взял с собою, при всеобщем смятении неизвестно куда девались. Сигнал не был подан войску, таким образом, конница, полагая, что петарды не произвели действия, ибо не слышали трубного звука, отступила; так же и королевская пехота, которая была уже у ворот, отступила от них»¹⁰.

Иначе — как результат «несогласованности и неумелости наших», малодушия или измены командиров — оценивает эту неудачную попытку прорыва обороны Смоленска участник событий Самуэль Маскевич, также выделяющий ведущую роль Новодворского в этой операции: «Петарда, произведя свое действие, взорвала ворота, и уже вошли в крепость несколько десятков наших с кавалером Новодворским, который закладывал эти петарды... но подкрепления не было»¹¹.

Новодворский не оставлял своего замысла взять Смоленск, и тайне проводил длительное время в одиноких вылазках с целью разведки и подготовки к решительному штурму. Когда до него дошли слухи, что король усомнился в возможности взять город, Новодворский попросил аудиенции, рассказал королю о своих походах в разведку (зимой для маскировки — в белых одеждах, летом — в зеленых) и пообещал взять город через восемь дней, если король предоставит ему 100 центнеров пороха, что обрадовало короля, сделавшего затем необходимые распоряжения¹². План Новодворского осуществился

¹⁰ *Żółkiewski S.* Początek i progres wojny moskiewskiej (1612) / Wst. i koment. W. Sobieski. Wrocław, 2003. S. 54–55. Рус. пер. 1835 г. и 1907 г., переизд. в: Записки Станислава Немоевского. Рукопись Жолкевского / Подгот. А.И. Цепков. Сер. «Источники истории». Рязань, 2006. С. 358–359; см. также: *Koźmian A.E.* Żywot Bartłomieja Nowodworskiego. S. 40–41.

¹¹ *Diariusz Samuela Maskiewicza // Moskwa w rekach Polaków. Pamiętniki dowódców i oficerów garnizonu polskiego w Moskwie. 1610–1612 / Wyb. i opr. M. Kubala, T. Ścieżor.* Kraków, 2005. S. 154.

¹² *Wassenberg E.* Gestorum Vladislai IV, Poloniae et Suecie Regis. Gedani, 1643. P. 39–40; *Koźmian A.E.* Żywot Bartłomieja Nowodworskiego. S. 45, 47–49.

успешно, и ему удалось взорвать стены города, в результате чего была прорвана его длительная оборона.

Современник событий, польский историк Ст. Кобежицкий (1600–1665), пользовавшийся, по его признанию, при написании своего труда «История Владислава, польского и шведского королевича» (1655) разнообразными источниками, так описал решающий военный эпизод 13 июня 1611 г.: «Взятие города зависело от мужества и стратегического таланта маршалака Кшиштофа Дорогостайского и мальтийского кавалера Бартоломея Новодворского... Новодворский заметил недалеко от Крыловской башни канал, по которому сливались городские нечистоты в протекающий неподалеку Днепр. Он смело поднялся по железной решетке, закрывающей устье канала, и подложил туда взрывной материал. Взрыв был столь обширен, что стена была разорвана в длину на тридцать локтей, а в ширину — на двенадцать. В этот пролом первыми ворвались Дорогостайский и Новодворский со своими людьми и остальными полками, которые, стреляя из мушкетов и бия в барабаны, подали сигнал к наступлению на город»¹³. После этого триумфального последнего штурма были высоко оценены заслуги и подвиги польских воинов, не останавливавшихся перед риском для собственной жизни ради короля, и прежде всего прославлялось мужество Новодворского, не ожидавшего для себя никакой награды¹⁴.

О значимости этого подвига Новодворского свидетельствует и тот факт, что он был многократно зафиксирован в трудах польских историков, воспет и Эберхардом Вассенбергом¹⁵, и Самуэлем Твардовским в их посвященных Владиславу IV произведениях, столь возмущавших московских современников:

...przyszło o tym pomyśleć, wysadzić jakoby
mury ogniem i ślepe podmiotszy petard,
ruszyć z gruntu samego fortecę tak twardej.
Do której się przewagi ofiaruje z chęci
Nowodworski kawaler, mąż godny pamięci

¹³ *Kobierzycki St.* Historia Władysława, królewicza polskiego i szwedzkiego / Wyd. J. Byliński i Wł. Kaczorowski; tłum. M. Krajewski. Wrocław, 2005. S. 185. Ср. также: *Żółkiewski S.* Początek i progres wojny moskiewskiej (1612). S. 192–193. Рękopis Жолкевского. С. 421; *Górski K.* Oblężenie Smoleńska w latach 1609–1611 i bitwa pod Kłuszynem // *Przewodnik Naukowy i Literacki*. Warszawa, 1895. R. XXIII. S. 1–11, 97–107, 193–204; *Swiątkiewicz A.* Ostatni szturm na Smoleńsk // *Kwartalnik Historyczny*. 1892. R. VI. S. 82–92.

¹⁴ *Kobierzycki St.* Historia Władysława, królewicza polskiego i szwedzkiego. S. 188.

¹⁵ *Wassenberg E.* Gestorum Vladislai IV, Poloniae et Suecie Regis. P. 39–40.

i umysłu wielkiego, o proch tylko prosząc,
a za ośm dni nadalej, o tym nic nie głosząc,
zamek weźmie. On kiedyś pod same tam mury
przypadając z ochoty, żeby albo dziury,
albo postrzegł, z której by były strony,
kanał jeden upatrzył w ziemi utajony,
smrodom miejskim kloakę, kratą jednak mocną
warowany trojako. Tamże pod stróż nocną
często się zakradając, wszystką one siłą
zmóc pracował żelaza, aż przetarszy piłą
na koniec ich powoli, rum tajemnym owym
i ruinę podkopem uczynił murowym¹⁶.

За этот героический поступок (уже отнюдь не молодого воина), позволивший прервать почти двухлетнюю осаду Смоленска, король Сигизмунд III награждает Новодворского золотой цепью, мечом и земельными наделами, что могло бы создать условия для заслуженного отдыха рыцаря. Однако мальтийскому рыцарю подобные идеи были чужды, и он — в возрасте 65 лет — принимает участие в следующем походе королевицы Владислава на Москву в 1617–1618 г. В подробном дневнике этого похода его участник Якуб Собеский, разумеется, неоднократно отражает его участие и видную роль в сражениях: в составе войска «королевской пехоты пана Бартоломея Новодворского, мальтийского кавалера, пятьсот [человек]»; «Пан кавалер поднес петарду, но поскольку ворота были засыпаны, она не произвела никакого эффекта, однако он сам поджег ограждение у ворот, и ворота уже стали загораться, но они загасили их водой»; «Е.В. Королевич шел с войском под каменный замок Борисов, в полуторах милях справа от Можайска, который наши хотели взять штурмом, но, к несчастью, кавалера Новодворского, когда он шел с петардой, тяжело ранило в руку». Об этом эпизоде Собеский говорит подробнее, передавая слова самого бравого кавалера: «Пан кавалер, стоя там мужественно, о двух вещах жалел: что в правую руку и что *non in victoria*»¹⁷. Для христианского воина пролить свою кровь было честью, сожаление героя вызывает лишь то, что повреждена оказалась наиболее нужная в бою рука, что снижало его боеспособность, и что этой кровью не была куплена победа. Большой потерей назвал Ст. Кобежицкий рану, «которую получил великолепный и ловкий капитан Бартоломей Новодворский, мальтийский

¹⁶ *Twardowski S. Władysław IV król szwedzki i polski. Leszno, 1649. Цит. по переизд.: Twardowski S. Władysław IV król szwedzki i polski / Wyd. R. Krzywy. Warszawa, 2002. S. 62–63.*

¹⁷ *Sobieski J. Dziennik ekspedycyjnej moskiewskiej dwuletniej królewicza Władysława 1617–1618 / Opr. J. Byliński, Wł. Kaczorowski. Opole, 2010. S. 67.*

кавалер. В его правую руку попала пуля, сделав ее совершенно неподвижной»¹⁸. Когда разнеслась весть о его ранении, когда увидели его несущим окровавленное ружье, «сбежались его друзья, а среди них — Бирковский, и, глядя на его страдания, жалели его, он обратился к ним с такими рыцарскими словами: «Ранен Новодворский, а не мальтийский кавалер, который цел и невредим, тот страдает от раны, а рыцарю не должно страдать, он должен скорее радоваться, что ради чести своего господина, ради славы польского народа получил ранение. Если бы еще Можайск был взят, благодаря этой ране!»¹⁹

Тем не менее он, «всегда щедрый на пролитие своей крови для веры, отчизны и короля»²⁰, продолжает участие в походе и пытается совершить очередной подвиг уже у стен Москвы, вновь используя свой обретенный еще во Франции подрывной опыт: «К [Арбатским]²¹ воротам пан кавалер Новодворский подступил с петардой и взорвал кусок стены (у первых ворот, где его ранило в руку), но поскольку пролом был невелик, а внутри было прочное ограждение и вторые крепостные ворота, трудно было [туда проникнуть]»²². Этот эпизод подробно описан и у Ст. Кобежицкого: «Полки приблизились к тем частям стен, которые будут взорваны и таким образом делают возможным вступление в город. Войско было построено следующим образом: при Карватской [Арбатской. — В. М.] башне — мальтийский кавалер Бартоломей Новодворский, а перед ним его пехотинцы, вооруженные топорами, которыми они должны были рубить сваи укрепления... Далее шли двадцать солдат с таранами для пробивания ворот, сзади шел Новодворский, Якуб Собеский, великолепные придворные Владислава»²³. Биограф Новодворского добавляет, что вся шедшая за ним в этот бой лучшая молодежь — Якуб Собеский, Ежи Оссолинский²⁴, Кшиштоф Сапега и другие — хотела у старого воина

¹⁸ *Kobierzycki St. Historia Władysława, królewicza polskiego i szwedzkiego. S. 244.*

¹⁹ *Koźmian A.E. Żywot Bartłomieja Nowodworskiego. S. 70–71.*

²⁰ *Ibid. S. 73.*

²¹ В публикации явная ошибка — «Карватские ворота». — В.М.

²² *Sobieski J. Diariusz ekspedycyjnej moskiewskiej dwuletniej królewicza Władysława 1617–1618. S. 34, 59, 67, 143, 148.*

²³ *Kobierzycki St. Historia Władysława, królewicza polskiego i szwedzkiego. S. 254.*

²⁴ Он отразил некоторые эпизоды этой кампании в: *Jerzy Ossoliński. Pamiętnik / Red. W. Czapliński, oprac. J. Kolasa i J. Maciszewski. Wrocław, 1952 (перезд.: Warszawa, 2004).* Есть сведения и об особой приязни, теплых отношениях, которые во время походов сложились у пожилого Новодворского с его молодыми братьями по оружию, особенно с Якубом Собеским, Ежи Оссолинским и проповедником Фабианом Бирковским (*Koźmian A.E. Żywot Bartłomieja Nowodworskiego. S. 65.*)

приобрести опыт во взятии крепостей²⁵. Несмотря на ранение, Новодворский продолжает мужественно сражаться, но получает второе ранение в ту же руку и вынужден покинуть поле боя, с чем биограф связывает и итог сражения в целом: «Рана Новодворского второй раз лишила поляков победы... предательство немецких перебежчиков и рана Новодворского разрушили надежды на взятие столицы»²⁶.

Сохранились свидетельства и о чертах личности мальтийского рыцаря, толерантности, широте. Так, он, будучи весьма привержен католической вере, симпатизировал Генриху IV, когда тот еще был протестантом; поддерживал дружеские отношения с семейством Радзивиллов, несмотря на их принадлежность к кальвинизму. Показательно его отношение к своему поверженному смоленскому противнику, боярину Михаилу Борисовичу Шеину: «Говорят, что в Смоленске очень занимали королевича и всех его окружавших разговоры Шеина с мальтийским кавалером Новодворским, принимавшим деятельное участие во взятии Смоленска; Новодворский рассказывал, как он брал, а Шеин, как он защищал город; оба соперника так подружились, что поклялись друг другу в вечном братстве»²⁷.

Еще одной яркой страницей биографии Новодворского стала его благотворительная деятельность, финансирование науки и образования, в которых он видел непреходящую ценность. В перерывах между военными походами и позже, уже уйдя на покой после военных трудов, Новодворский употребил заработанные «опасным и кровавым военным трудом» средства на поддержку науки и образования, создавая соответствующие фонды, жертвуя деньги на краковскую Ягеллонскую Академию, на издания научных трудов, на содержание учащихся и преподавателей, в том числе в его родном городе Тухоле. «Я не могу, — писал он, — оказать иную, более достойную Речи Посполитой услугу, кроме как поддержать науку, ученых, труды многих из которых из-за отсутствия средств не берут в типографии». Кроме того, благодаря фонду Новодворского были созданы школы, а лицей его имени существует и сейчас в Кракове²⁸.

²⁵ *Koźmian A.E. Żywot Bartłomieja Nowodworskiego. S. 73.*

²⁶ *Ibid. S. 74.*

²⁷ *Соловьев С.М. История России с древнейших времен. М., 1961. Кн. V. Т. 9. С. 102–103; Koźmian A.E. Żywot Bartłomieja Nowodworskiego. S. 63.*

²⁸ См. подробнее: *Koźmian A.E. Żywot Bartłomieja Nowodworskiego. S. 58–62, 75–83; Barycz H. Historia Szkół Nowodworskich. Od założenia do reformy H. Kołłątaja. Kraków, 1988; Graff T. Szkoły Nowodworskie w Rzeczypospolitej Obojga Narodów — do reformy kołłątajowskiej w 1777 r. // 420 lat Szkół Nowodworskich. Wydanie jubileuszowe I Liceum Ogólnokształcącego im. Bartłomieja Nowodworskiego w Krakowie / Pod red. T. Graffa, G. Urbanka. Kraków, 2008. S. 7–38.*

За свои многочисленные заслуги незадолго до смерти Новодворский получил звание командора Мальтийского ордена в Познани.

В библиографии С. Эстрайхера приведены данные о латинском «Жизнеописании блистательного и выдающегося мужа Бартоломея Новодворского...», написанном якобы Лаврентием Свичковичем и изданном во Львове в 1626 г. с посвящением королевскому секретарю и племяннику Бартоломея — Ежи Новодворскому. Автор текста подчеркивает ценность письменного памятника «бессмертным заслугам» героя, значительно более прочного, чем бронза, обелиски, пирамиды, ибо лишь благодаря им «герои древности становятся божественными и знаменитыми и на вечные времена пребывают в памяти». Здесь дана и подробная характеристика личности героя в его последние годы: «До последних его дней всех поражала в нем бодрая, а отнюдь не ворчливая старость, мощная фигура, редкая ловкость, величие ума, остроумие, меткость суждений, краткость речей, мгновенная готовность дать совет в военном деле, удивительная чуткость, почти юношеское рвение, жажда деятельности, стойкость в трудах, приятная жизнерадостность и юмор в общении, лицо всегда веселое и истинно приятные манеры»²⁹.

Приводя библиографические сведения, Эстрайхер добавляет, что это произведение выгодно отличается от распространенных в то время пустых по содержанию панегириков большим фактическим материалом³⁰. Однако Х. Барыч, подвергнувший этот текст тщательному анализу в контексте всего творчества Свичковича (в целом оцениваемого им как бездарное, банальное, заурядное, ориентированное лишь на заработок или привлечение внимания возможных покровителей), а также в сопоставлении с многочисленными произведениями (и биографией) Якуба Собеского, доказывает, что подлинным его автором мог быть именно он, близко знавший и любивший Новодворского³¹.

В своей посвященной Новодворскому погребальной речи Якуб Собеский сказал: «Великие добродетели и славные деяния этого героя да пребудут, пока живет наша Отчизна, пока в ней будет славиться память о благочестивых и заслуженных людях».

Сопоставляя рыцарственную биографию Новодворского с тем состоящим из 15 «поучений» кодексом поведения христианского воина «Воинская вера, то есть поучения, молитвы и примеры, относящиеся к этому сословию»³², который разработал знаменитый иезуитский

²⁹ Vita Illustris et Magnifici Viri D. Bartholomei Nowodvorscii... Leopoldis, 1626.

³⁰ *Estreicher S. Bibliografia polska. Krakow, 1934. T. 30. S. 84.*

³¹ *Barycz H. Jakub Sobieski starszy czy Wawrzyniec Swiczkowicz? S. 124–133.*

³² *Skarga Piotr. Żołnierskie nabożeństwo, to jest nauki i modlitwy i przykłady do tego stanu służące. Kraków, 1606 (следующее издание — Krakow, 1618). Ср. также:*

проповедник Петр Скарга (1536–1612), посвятив его великим гетманам своего времени — Каролу Ходкевичу и Станиславу Жулкевскому, можно обнаружить существенное соответствие постулатов Скарги и этоса мальтийского кавалера Новодворского. В довольно обширном, построенном по законам барочной риторики и изобилующем библейскими цитатами и примерами труде Скарга рассматривает воинскую службу исключительно в религиозной перспективе, как действенную — силой и мечом — защиту христианской веры (краткое изложение кодекса Скарги см. в Приложении. — *В. М.*).

В духе этого кодекса христианского воина Фабиан Бирковский (1566–1636)³³, сменивший скончавшегося Петра Скаргу на должности королевского проповедника и ставший вторым после него знаменитым польским проповедником, профессор философии и красноречия Ягеллонского университета, член ордена доминиканцев, придворный проповедник королевича, а затем короля Владислава IV (1611–1634), участвовавший, как и Новодворский, и в его военных походах, мастер барочных проповедей на религиозные и патриотические темы, преисполненных риторическими приемами, строит и свою надгробную проповедь «Кавалерский крест, или Память высокородного пана Бартоломея Новодворского, познаньского командора, капитана харцеров Е.В. Короля».

Эпиграфом (и определенным камертоном) к ней стала евангельская цитата «Подвигом добрым я подвизался, течение совершил, веру сохранил; а теперь готовится мне венец правды, который даст мне Господь, праведный Судия, в день оный; и не только мне, но и всем, возлюбившим явление Его» (2 Тим 4: 7–8), которая далее в проповеди подвергается обширной интерпретации³⁴.

Если прозвучавшая тогда же и в том же варшавском соборе Св. Яна краткая орация Якуба Собеского носила «светский» характер, то обширный «Кавалерский крест» соответствовал всем законам проповеди. С самого начала противопоставляя помещенный на гроб герб рода Новодворского (Подвязка, *Nałęcz*), хотя и свидетельствующий о высокородности «великого мужа», однако относящийся к земной,

Tricoire D. To Fight, or Not to Fight: Piotr Skarga, the Catholic Ideal of Christian Soldier, and the Reformation of Polish Nobility (around 1600) // *Journal of Jesuit Studies*. 2017. № 4. S. 624–636; *Herman St.* Wojna i żołnierz w okresie kontrreformacji (do roku 1648). Zielona Góra, 1983.

³³ См.: *Polski Słownik Biograficzny*. Kraków, 1936. Т. 2. S. 104–105 (репринт: Kraków, 1989).

³⁴ *Fabian Birkowski*. Krzyż kawalerski abo pamięć wysoce urodzonego Jego M. Pana Bartłomieja Nowodworskiego... 1625. Цит. по изд.: *Fabian Birkowski*. Kazania. Ser. «Klasyka mniej znana». Kraków, 2003. S. 94–111. Ср. также: *Skwara M.* Polskie drukowane oracje pogrzebowe XVII wieku. Bibliografia. Gdańsk, 2009.

светской сфере, — мальтийскому рыцарскому кресту, также присутствующему на гробе, Бирковский обращается именно к той сфере жизни покойного, которую лапидарно выражает цитата из апостольского послания, послужившего эпитафией. «Мало нам проку от того, что делали наши прадеды, я остановлюсь на деяниях моего командора... Все войны, в которых участвовал этот воин... велись либо с врагом святого креста, либо с врагом отчизны и королевского величия. А такие войны могут быть названы *proelia Domini*»³⁵. В этой формуле крест, отчизна и королевское величие предстают как бы уравненными, а их защита подпадает под единое определение «священной войны». К таковой, однако, вряд ли могут быть отнесены польско-московские военные конфликты, носившие характер войн за территории и доминирование в регионе.

Именно крест, согласно Бирковскому, «осладил» командору все военные тяготы и кровавый пот, и потому не было на земле и на море такого труда, который не был бы ему «по вкусу». Представление о риторических приемах Бирковского, сопровождающих подробное изложение биографии командора, дают, в частности, его обращения («Протяни же руки свои к нашей польской короне, достойнейший остров Мальта, великая религия рыцарей святого Иоанна Крестителя, стражей гроба Господнего, и прими к себе твоего, а точнее нашего, кавалера Бартоломея Новодворского, твоего, а точнее нашего, познанского командора»), анафорические повторы («Это тот Новодворский, который с молодых лет до седых волос покрывал свои виски шишаком...», «Это тот Новодворский, который из отчизны своей направился в чужие земли...», «Это тот Новодворский, который добрался до Мальты, чтобы дать монашеский обет Богу и пресвятой Богородице...», «Это тот Новодворский, который и при короле Стефане, и при короле, его милости, счастливо правящем ныне, Сигизмунде III, и при королевиче, его милости, Владиславе служил в Москве...», «Это тот Новодворский, который, как новый Елеазар, жертвовал своим здоровьем под Смоленском...» и др.). Все эти совершенные Новодворским подвиги Бирковский приписывает святому кресту, в котором для славного рыцаря были сосредоточены «все богатства, почести, удовольствия». Жанр проповеди, тем более погребальной, предполагает известный панегирический характер, поэтому некоторые детали биографии командора (дуэль и изгнание, критицизм в отношении короля Сигизмунда, оценка иезуитов) оказываются вне рамок текста.

Вместе с тем Бартоломей Новодворский действительно представлял собой редкий пример «рыцаря без страха и упрека», и авторам посвященных ему текстов не приходилось его слишком идеализировать.

³⁵ *Fabian Birkowski. Krzyż kawalerski. S. 94–95.*

Он последовательно воплощал в своей жизни идеал христианского рыцаря, монаха и воина в одном лице, лишённого тех черт своего шляхетского сословия, которые чаще всего подвергались критике в трудах католических писателей (своеволие, себялюбие, чванство, склонность к гражданским конфликтам, пьянству, роскоши, безделью и др.). Не будучи обременен семьей, не ведя жизнь помещика, Новодворский посвятил свою жизнь служению известной триаде «вера — честь — отчизна», став образом и редким образцом идеального польского рыцаря.

Приложение

Петр Скарга. «Воинская вера, то есть поучения, молитвы и примеры, относящиеся к этому сословию». 1606 (краткое изложение).

1. Христианский воин прославлен, поскольку в нем крепка любовь к «другам», к Речи Посполитой, к Святой Вере и Церкви, ради чего он жертвует собой, а ведь «Нет больше той любви, как если кто положит душу свою за други своя» (Ин 15: 13);

2. В рыцарском деле всякий может стать любимым Господом и найти вечное спасение — ведь солдату легко постыться, не спать, утруждать свою плоть, он проливает кровь за Христа, служит Господу Богу.

3. Солдат должен быть более набожным, чем остальные, поскольку он ближе к смерти и высшему суду, к которому следует быть готовым; кроме того, в бою правит Бог, он посылает победу, и Давид благословлял Господа, научающего руки его битве, и персты — брани (Пс 143: 1);

4. Набожный христианский воин ставит перед собой три цели: хорошо служить своей отчизне, Речи Посполитой, где он родился и принял святое крещение, не допустить ее гибели и, если потребуются, пролить за нее свою кровь; защищать веру и Евангелие, святую церковь, не дать им пасть, особенно когда на нас и наше Королевство ополчаются неверные; добыть на войне славу и награды от своего Короля и Речи Посполитой, важно лишь, чтобы эта цель не была первой, но ведь нас от «славы» славянами называют.

5. Христианский воин должен идти на такую войну, на которую призывает верховная власть — король и Речь Посполитая — и которая является справедливой. Никакой подданный, никакой князь не должен воевать, чтобы отомстить за свою личную обиду, не может начать друг с другом справедливую войну. Поэтому соседские войны не только несправедливы, но и запрещены и естественным и писаным законом, и человеческим, и божественным.

6. Самая правильная война — с турками, язычниками и другими неверными, врагами Св. Креста и Церкви Господней. Справедлива и свята война с сарацинами и турками, ибо они — враги Христовой веры

и святого Креста, и где могут, их губят и искореняют, своего фальшивого Магомета поднимают и к его мерзкому закону склоняют христиан и убивают их души. А войн между христианами благочестивый воин должен избегать, ибо они редко бывают справедливыми.

7. Война должна вестись только для обретения и сохранения общего блага. Весьма грешат те паны и их солдаты, которые затевают войну ради расширения государства, демонстрации своей силы, умения и воинской славы. Прежде следует испробовать все средства для достижения согласия и договоры, прежде чем прибегать к такому жесткому средству, от которого пострадает много невинных;

8. О воинских законах, данных св. Иоанном Крестителем.

Что следует делать, чтобы достичь спасения и избежать адского пламени: святой Учитель не говорит, что нужно выйти из воинского сословия, бросить оружие, но нужно соблюдать три Божественных правила: 1) Никого не бейте, на врага отчизны и святой Церкви обратите свое оружие, а невинного соседа, для защиты которого вас призвали, оставьте в покое. Не будьте уличными вояками, но ведите Господние войны, а не против соседей, невинных, бедняков; 2) Ни на кого не клеветайте. Алчные солдаты часто клеветают на тех, у кого есть деньги и имущество, обвиняя их в том, что они шпионы, изменники и т.п. Клевета и лжесвидетельство — большой грех перед Господом, остерегайтесь его! 3) Соблюдайте свою плату. Короли и паны не могут призывать солдат на войну без денежного обеспечения. Мы призываем к справедливости и обличаем человеческие грехи — кражи в нашем Королевстве, поборы на войны, хищение, незаконное присвоение, что есть после святотатства самый большой грех. Если нет денег, солдат грабит своих соседей. Если ему не платят, пусть не служит, а возвращается домой.

9. О главных рыцарских достоинствах.

Первое из них — справедливость, под знаменем которой идет христианский воин, а без нее он предпочитает сидеть дома, без нее у него нет надежды на победу и он боится Господней мести за невинно пролитую кровь; второе достоинство воина — мужество, стойкость (*fortitude*), которые проявляются в трех вещах: преодоление телесных радостей (следует победить самого себя и свои дурные наклонности, прежде чем воин хочет победить врага отчизны), ведь плотские утехи, пьянство и др. не годятся для воина, поскольку превращают его в неженку и бабу. Кто этому предается, мужественным быть не может. Он может быть смелым и дерзким от пьянства, но не воином, который несет свою службу с разумом и добродетелью. Сюда же относится стойкое перенесение телесных невзгод — голода, холода, непогоды, ветра, дождя, пребывания в открытом поле, недосыпания, ношения тяжелого вооружения, трудов и ран; третье — выполнение приказов. Крепко слово Божье, и должно его выполнять. Таким крепким должен

быть и приказ старших на войне, и его немедленно следует исполнять. Ибо иначе нет порядка, а затем и победы бы не было.

10. О воинской дисциплине.

Разнузданность и безнаказанность всегда плохи, но в войске это — самое худшее и вредное. Ведь своеволие солдата, лишённого добродетели, но имеющего в руках оружие и силу, может совершить много дурного. Хотя и добрым страх наказания помогает добродетели, но более всего дурным и низким натурам должна грозить розга Иеремии, которая от Бога. Если бы наши гетманы этого века помнили старую воинскую дисциплину своих предков, они были бы более славными и счастливыми.

11. Как опасно солдату с явными грехами идти в бой.

Все войско в бою будет в опасности, если среди солдат есть много непокаренных преступников, тогда следует бояться поражения. Нарсес, который изгнал готов из Италии, видя, что лангобарды, которых он принял для помощи войску, занимаются грабежами, удалил из своей армии, опасаясь, что их грехи падут на все войско, и сам с небольшим числом людей побил готов и освободил от них итальянскую землю.

Бог чаще всего не посылает победы из-за грехов воинов. Поэтому безопасней открыто карать солдатские грехи и не впускать их в лагерь без покаяния, чем с ними и их злом вступать в битву.

12. Как воин должен подготовиться к битве и вооружить душу.

Хороший и к служению общему делу готовый воин, идя на битву, так думает и говорит: или умереть, или победить, так, как на небе будет решено. Так говорили и Маккавеи, и это пристало честному воину. А трусливый и нестойкий в любви к отчизне говорит себе: мне есть куда бежать, если будет битва, и конь у меня резвый. Этот мужественным не будет, ибо смотрит на леса и горы, и не предусматривает смерти, которая может ему внезапно встретиться, ибо он к ней не готов. Бдительный и мужественный готовится к смерти. Прежде всего очищает свою совесть покаянием и исповедью. Возвращает долги, кому должен, или просит прощения у тех, кого обидел, мирится с теми, которых прогневил, и прощает виновных перед ним, дает обеты перед Богом. Если, Господи, даруешь мне жизнь, я сделаю то-то и то-то в честь твою, и в помощь священникам и бедным. В душе своей завещание составляет и заявляет, что хочет уйти из этого мира в святой католической вере и церковном общении, и что здоровье и кровь свою жертвует во имя святой христианской веры и на ее защиту, за всех братьев и милую отчизну, за справедливость своего короля, а тем самым хочет услужить Господу Богу, иной прибыли не желая. Он вручает свое тело и душу Господу Богу, в завершение читая какой-нибудь псалом или спев «Богородицу». Исповедуясь в вере, он преисполняется утешением от Духа Святого и мужеством, и, сжимая оружие и поправляя подпругу, ждет команды от гетмана.

13. Чем большое сердце наполняется к битве.

Прежде всего любовью, которая велика и сильна. Мудрец сравнивает ее со смертью, огнем, быстрыми и глубокими водами и реками. Как смерть никто не победит, так и любовь сердца не отнимет никакой страх. Честный воин, воспылай любовью к Господу Богу и к служению ему, которое ты осуществляешь своим оружием! Воспылай любовью к отчизне и братьям твоим, и к домашним своим, и увидишь, как смерть будет тебе легка, узнаешь, сколь мужественным она тебя сделает. Воспылай и к своей рыцарской славе, и увидишь, как ты будешь наступать на пушки и ружья, куда укажет тебе битва, разум и бдительность.

Это большая рыцарству помощь — ожидание прекрасной смерти в бою, как было у воинов-мучеников Божьих, когда их разными смертями от Христа отлучить хотели. Мы говорим: я ведь должен встретить смерть или в бою, или на одре тяжкой болезни. Так не лучше ли в добром здравии погибнуть в бою во имя Бога, отчизны и милых братьев, пролив свою кровь и получив за это царствие небесное и жизнь вечную, чем даром и абы как умереть? Теперь я более твердо уверен в отпущении моих грехов, в которых я раскаиваюсь. Я мог бы жить еще несколько лет и впасть в новые грехи, а теперь им конец и меня не осквернят прежние грехи, искупленные моей кровью. Такие мысли вооружают воина мужеством и снабжают крепкой броней. И он одерживает, если Господь захочет, победу, и покрывает себя рыцарской славой, а другие еще более покрываются славой, если мужественно гибнут, чем если побеждают. И в смерти такого набожного воина более славы, чем во всех триумфах.

14. Как должен вести себя христианский воин после победы.

Прежде всего, не следует радоваться тому, что пролилась человеческая кровь. Напротив, следует сокрушаться над несчастьем побежденных и думать о том, как велико зло в человеке, из-за несогласия приводящее к таким жестоким боям. Как будто у людей нет разума для создания мира и согласия без такой гибели. Звери силой достигают своего, но человек должен был бы применять разум. И тем более прискорбно, когда христиане убивают друг друга, забывая данные Господом Богом заповеди о любви друг к другу и отпущении вины. Подумай, что и с тобой могло произойти то, что с твоим неприятелем, и не считай себя лучшим перед Богом, чьего суда и решений ты не понимаешь. Следует так жалеть униженных, как тебе бы хотелось в таком печальном случае. У Моисея был старый закон, чтобы после выигранной битвы солдаты семь дней очищались, прежде чем вошли бы в храм, хотя они участвовали и в справедливой войне. Там же в Священном Писании говорится о воинах, которые приносили свои захваченные трофеи в жертву и для благодарения Богу, говоря Моисею: Мы, слуги твои, пересчитали

своих солдат — никто из них не погиб. И поэтому мы жертвуем Богу золото и ценности, которые мы получили, и просим, чтобы Ты испросил для нас милость Господа Бога. И уж тем более пристало христианскому воину, который ближе знает Господа и получил от него бóльшие дары, ему приписать победу и сохранение своей жизни, а то, что ему Господь Бог дал получить на войне, даровать церкви и бедным. После победы воин должен выполнить те обеты, которые он давал, идя на войну, чтобы снискать благоволение того, кто его вел и охранял, и к просьбам его склонился.

15. Домашние занятия воина без войны.

Если на войне солдат должен быть мужественным, то дома он должен быть скромным и спокойным. Есть военные добродетели, а есть домашние. Хороший христианин должен быть на войне как лев, а дома — как овечка, покорно подчиняясь властям и законам, а для соседей будучи доброй компанией. Жестокость, которой он научился на поле битвы с врагом, и дикие военные обычаи он должен оставить, а облечься в доброту и кротость. Голод, нужду, холод, недостаток сна, к которым он привык в военном лагере, он должен превратить в посты, молитвы, раннее пробуждение и строгое покаяние в грехах, а духовную воинственность он должен обратить на свои дурные наклонности и греховные искушения. Есть у каждого человека свои домашние враги, победа над которыми и приведение к внутреннему миру и спокойной совести — это слава и упование на воздаяние свыше. Воюйте, добродетельные, со старым змеем, и будьте перед ним мужественны.

Ничего не следует избегать более, чем соседские ссоры и войны, которые былое мужество пятнают. На войне — меч и железо, а на соседскую обиду — закон. Когда Давид разгневался на Навала и пошел на него со своими воинами, желая погубить его и весь его дом, жена того остановила его, говоря, что не к таким войнам Бог его готовил, что не против соседей дан ему в руки меч, а против врагов отчизны и Господа Бога. Большой стыд славному воину и слуге Речи Посполитой мстить соседу и начинать с ними столкновения, которые должны быть успокоены либо законом, либо любовью и христианским терпением. Есть тут над чем плакать, когда некоторая часть нашей шляхты, которая составляет рыцарское сословие, всю свою силу обращает к человекоубийству и грабежам домов. Редко кто стерпит свою обиду, редко кто, имеющий какую-то силу, обращается к закону. Все стремятся, как взнузданная лошадь, к мести, которую Господь Бог строго запретил.

Домашние занятия могут пригодиться хорошему воину — богослужения, христианские праздники, чтение или слушание хороших книг, особенно о житиях святых, о рыцарях, мучениках Господних, о войнах, старых преданиях, истории, особенно о своей, польской и

литовской, ливонской, московской и других царств, церковной истории. А эти мерзкие забавы при полных кубках — не шляхетские и не воинские, а тех отчаявшихся и никчемных людей, которые о будущем спасении души не пекутся, о смерти, рае и аде не думают, которые и добрую шляхетскую славу не любят, но лишь брюхо свое, конец которого — порок и гниль, и вечная смерть и погибель. Привыкли некоторые один к другому приезжать для постыдного обжорства. Ничего шляхетского, ничего рыцарского не делают, только кровь дома братскую умеют проливать. У многих шляхтичей не найдешь оружия, доброго коня и готовности на общую битву. В каретах ездят, а вся кавалерия, которой эта Корона славилась и была страшна врагу, исчезает. И так теперь *Eques Polonus* — старая баба на возу! А отроки — как девицы с прялкой, не умеют сесть на коня и оседлать его, и к битве приготовить. Пошли, Боже, исправление и готовность к будущим временам, нужде и военной тревоге! В мирное время мы не обдумываем войну. Мы не говорим, подобно царю Асе, «Построим города и окружим их стенами и башнями, и вратами и замками, пока нам Господь Бог дарит мир». А потому ничего хорошего ждать не приходится.

Мирские выборы в системе земского самоуправления на севере России в XVI–XVII вв.

DOI 10.31168/91674-483-5.35

Историки, исследующие доиндустриальное общество, базируются, как правило, на письменных документальных материалах и/или памятниках рукописной и печатной книжности. Свидетельства письменных источников служат для воссоздания исторических процессов и событий, а шире — культуры прошлого. В свое время А.С. Лаппо-Данилевский в двухтомном труде «Методология истории» (СПб., 1910, 1912) обосновал подход к «человеческой культуре» как целостному объекту познания. Он считал, что при изучении объективной реальности прошлого в центре внимания историка должны находиться не только события, но и мыслящие субъекты, будь то индивиды, группы или коллективы, так как они в обществах прошлого создавали в течение многих веков разнообразные творения, культурные в широком понимании. Среди них первостепенны и наиболее многочисленны письменные произведения. Они, представляя собой более или менее крупные сегменты и элементы культуры, созданные в какой-либо социальной группе, находятся во взаимодействии и в соответствии с культурой того или иного общества в целом.

В таком ракурсе интересно охарактеризовать выборы в земских мирах Русского Севера, основываясь на сложившихся в них документах XVI–XVII вв., и оценить выборы как историко-культурное явление в позднесредневековой России. Названный регион занимал обширную территорию от Заонежья до Предуралья. Он характерен тем, что в нем не сформировалось светское привилегированное землевладение, подобное центральнорусскому, это был край черносошных или черных земель с минимальной долей монастырских владений. Его населяли главным образом крестьяне и посадские люди весьма

немногочисленных городов. В своей социальной жизнедеятельности они были объединены в административных рамках черных волостей, издревле локализованных на определенной территории.

В понятии «черная волость» концентрировался коллектив лично свободных крестьян, которые воспринимали и позиционировали себя как соволощан и мир, сплоченный поземельно, фискально, судебно. С государством волостных крестьян связывали отношения верховного правителя и подданных, и в его пользу они были обязаны нести («тянуть») совокупность налогов и повинностей («тягль», тягло)¹. Черносошным (черным) крестьянам были присущи мировоззренческие представления, выражавшиеся в осознании ими своей: социально-групповой принадлежности и статуса, правоспособности, защиты личности от произвола. Судить об этом позволяют документы с конца XV в., например правые грамоты и судные списки, в которых фиксировался судебный процесс по конфликтам из-за земли между крестьянами черных волостей и привилегированными частными землевладельцами. Роль черной общины-волости, о чем шла речь в литературе, заключалась в охране земельных угодий от посягательств извне с использованием опыта крестьян — старожильцев и «знахорей», знавших и помнивших коллективную и индивидуальную принадлежность и границы земельных владений за многие десятки лет. Черная волость защищала своих сочленов, доказывая их социальную принадлежность именно к данному сообществу, участвовала в связях с внешним, по отношению к волости, миром.

На протяжении последней четверти XV — XVII в. волостные миры активно действовали, они были частью российского общества как единой системы. Ее целостность обеспечивалась функционированием соответствующих социальных структур, их ролью в поддержании относительно равновесия, динамического постоянства. Одну из важнейших государственных структур составляло управление с его подсистемами — высшей, центральной и местной властями. Все они скреплены, словно стержнем, общим принципом, а он произведен от организации власти, которая обуславливает и вырабатывает генетически соответствующие ей конкретные формы государственных институтов. Российский социум, естественно, был внутренне гетерогенен с ярко выраженным иерархическим устройством, социальным и правовым неравенством. В нем существовали чины привилегированного слоя и разряды непривилегированного населения, в свою очередь разновеликие и градуированные.

В России с конца XV в. на протяжении длительного времени происходило структурирование правящих групп, выделение из их среды аристократической элиты и категорий служилых людей. Поступательное формирование властных институтов сопровождалось переустрой-

¹ См.: Данилова Л.В. Сельская община в средневековой Руси. М., 1994. С. 233–234.

ством центрального, а также местного управления. При реорганизации последнего значительное место отводилось выборным из местного населения. Уже Белозерская уставная грамота 1488 г. зафиксировала в ст. 19: «без сотцково и без добрых людей и не судити суд», а Судебники 1497 г. (ст. 38) и 1550 г. (ст. 62) развили норму об активной роли сотского и института добрых людей в наместничьем суде и в финансовой сфере, в частности в сборе кормов и «поборов» для наместников и их аппарата². «Добрые люди» — термин обобщенный, кроме сотских он включал пятидесятских и/или десятских, старост, целовальников, и они представляли в наместничьем суде социальную организацию непривилегированного населения — мир. Власть на местном уровне использовала сотских с добрыми и/или лучшими людьми в качестве уже существовавшего звена, готового к управленческой деятельности. Участие мирских выборных в суде, установленное Белозерской грамотой, Л.В. Данилова оценивала как подтверждение «наличия у городской и сельской общины развитого самоуправления, способного осуществлять публично-правовые функции»³. Включение при процедуре суда целовальников в состав добрых людей, которые в обоих Судебниках перечислены последними в ряду судебных «заседателей», говорит о том, что они к середине 1550-х гг. перестали быть разовыми участниками, дававшими присягу-крестоцелование. Данный факт показывает существовавшую связь целовальников с «лучшими людьми», к которым они, скорее всего, принадлежали. «Добрым», «лучшим людям» уделила внимание Л.В. Данилова. Она, основываясь на данных Судебников и разнотипных актов, полагает, что такие люди были опорой власти в судопроизводственной и управленческой практике. При этом «“добрые люди” или “лучшие люди”, длительное время принимаемые нашей историографией за зажиточных, совсем не обязательно были таковыми». Они хорошо были известны соволожанам, пользовались их доверием и уважением. Рассматриваемое понятие, убеждена автор, «не содержит в себе социально-экономического компонента. Это нравственная и обычноправовая категория, адекватное обозначение традиционной крестьянской элиты»⁴.

² Российское законодательство X–XX веков. Т. 2. М., 1985. С. 192–195. Судебники XV–XVI веков. М.; Л. 1952. С. 24, 160–161. Подробный анализ Белозерской грамоты см.: *Алексеев Ю.Г.* Судебник Ивана III: традиция и реформа. СПб., 2001. Гл. III.

³ *Данилова Л.В.* Сельская община... С. 236. См. также с. 250–252. В.А. Кучкин считает сотских представителями княжеской администрации. См.: *Горский А.А., Кучкин В.А., Лукин П.В., Стефанович П.С.* Древняя Русь: Очерки политического и социального строя. М., 2008. С. 349, 403.

⁴ *Данилова Л.В.* Сельская верхушка в средневековой Руси // *Зажиточное крестьянство России в исторической ретроспективе. Материалы XXVII сессии Симпозиума по аграрной истории Восточной Европы.* Вологда, 2001. С. 32–35.

Существенна норма Судебника 1550 г., введившая протоколирование судебного процесса, ставшее обязанностью «земских дьяков». Вместе с дворским, старостой и целовальником, которые удостоверили документ своими подписями, они становились участниками судопроизводства, однако их роль была пассивной. Они входили в состав «лучших людей» уже и потому, что грамотны. Принадлежность старост, целовальников, земских дьяков (дьячков) к мирским должностным лицам обеспечивала их соучастие в местном управлении и тем самым выделяла их среди соволожан.

Отмена в 1550-х гг. системы кормлений и проведение в 1556 г. земской реформы активизировали мирское самоуправление на Севере, возведя его на государственный уровень. События опричнины, затем Смутного времени пошатнули земское самоуправление в целом. Как известно, для восстановления политической системы и разрушенной экономики в 1613 г. на местах учреждалась власть воевод⁵. Однако в течение XVII в. в Поморских уездах воеводское управление сочеталось с сохранявшимся и активным мирским самоуправлением. Следует заострить внимание на значимых свойствах этого управленческого симбиоза. Во-первых, существовала генетическая связь мирского звена с публичным представительством и самоуправлением черных волостных миров XVI в., и его сущность хорошо раскрыл в своих работах А.И. Копанев. Во-вторых, государственная власть на протяжении конца XV — XVII в. приспособливалась и использовала формы мирской организации в местном административном управлении.

Проблема земской организации и самоуправления исследовалась в историографии конца XIX — XX в. с разной степенью интенсивности. Наиболее ценные в этой области работы принадлежат М.М. Богословскому, С.Ф. Платонову, Н.Н. Покровскому, Ю.Г. Алексею, Н.Е. Носову, А.И. Копаневу, а в отношении Сибири — В.А. Александрову и Н.Н. Покровскому и др.⁶ При разных подходах авторов к

⁵ Временник ОИДР. М., 1849. Кн. 3. Смесь. С. 6–8. Напомню, что законодательный акт об учреждении воеводского управления не известен.

⁶ *Богословский М.М.* Земское самоуправление на русском Севере в XVII в. М., 1909. Т. I; М., 1912. Т. II; *Платонов С.Ф.* Очерки по истории Смуты в Московском государстве XVI–XVII вв. М., 1937; *Алексеев Ю.Г.* Аграрная и социальная история Северо-Восточной Руси XV–XVI вв. Переяславский уезд. Л., 1966; *Он же.* Крестьянская волость в Центре феодальной Руси XV в. // Проблемы крестьянского землевладения и внутренней политики России. Дооктябрьский период. Л., 1972; *Носов Н.Е.* Становление сословно-представительных учреждений в России. Л., 1969; *Покровский Н.Н.* Актовые источники по истории черносозного землевладения в России XVI — начала XVI в. Новосибирск, 1973; *Копанев А.И.* Крестьянство Русского Севера в XVI в. Л., 1978; *Он же.* Крестьяне Русского Севера в XVII в. Л., 1984; *Александров В.А., Покровский Н.Н.* Власть и

характеризуемой проблеме принципиальное значение имеет их оценка самоуправленческой организации как действенной институции, бытовавшей у непривилегированных категорий населения России.

Организация и деятельность земских миров, бытовавших в конце XVI — XVII в. у черных крестьян Севера, наиболее документирована. Миры были соподчиненно устроены. Нижнюю ступень составляли разные по величине волостные миры, включающие около 20–30 малодворных деревень. Над ними на следующей ступени стояли более крупные образования — всеуездные земские миры, включавшие в себя волостные и посадские. Такие миры действовали в Великом Устюге, Тотьме, Сольвычегодске, Каргополе, в Подвинье. Также существовали сообщества, состоявшие только из волостных миров, и такое устройство было в Устьянских волостях и Заонежских погостах, ибо в этих административных территориях не было городов и значительных посадских центров, они были преимущественно сельскими. Характерно, что документы, образовавшиеся в деятельности объединенных миров, употребляли идентичные по смыслу понятия, они фиксируют сами миры как «земский мир» или «всеземский совет», а возглавлявших старост — «всеземский староста» или «выборный земский староста» (земский целовальник денежного сбора или просто сборщик)⁷. Для ведения судебно-полицейских расследований, имущественных споров и других дел существовали земские судьи (судейки), «судецкие» старосты и целовальники, а также сотские.

Конститутивным признаком, присущим всем земским мирам Севера во второй половине XVI — XVII в., несмотря на усиливавшееся государственное начало, было самоуправление. Его высшим проявлением было действие сходов, на которые собирались представители миров⁸. Владение земельным участком в волости и несение по нему тяглых обязательств — «с волостью в ряд» — определяло участие в сходах, причем присутствующие на них действовали от имени всех волощан — «во всех крестьян место» в силу делегированных им прав. Созыв схода по любому насущному вопросу инициировался уездным или волостным старостой. Они через сотских (пятидесятских)

общество. Сибирь в XVII в. Новосибирск. 1991; *Данилова Л.В.* Сельская община в средневековой Руси. М., 1994; *Швейковская Е.Н.* Государство и крестьяне России: Поморье в XVII веке. М., 1997; *Она же.* Русский крестьянин в доме и мире: северная деревня конца XVI — начала XVIII века. М., 2012.

⁷ *Богословский М.М.* Указ. соч. Т. I. С. 273–275.

⁸ А.И. Копанев установил, что на сходах Куростровской волости Двинского уезда во второй половине XVI в. участвовало менее половины волощан (*Копанев А.И.* Куростровские столбцы XVI в. // *Материалы по истории Европейского Севера СССР. Северный археографический сборник. Вологда, 1970. Вып. 1. С. 346–347.*)

оповещали волости и деревни, что уже засвидетельствовал документ Куростровской волости 1591 г.: «А пятидесятцкому на земские дела десятцких свещати. Десятцким нас крестьян свещати, а которому ж ведати свой десяток»⁹. С мест в волостной или уездный центр прибывали соответствующие мирские люди. Решения любого из сходов закреплялись письменно в специальном постановлении — «приговоре», а исполнение его решений было всеобщим обязательным. В конце календарного года по истечении полномочий мирской староста и другие должностные лица отчитывались перед сходом.

Самой важной публично-правовой прерогативой миров было избрание должностных лиц мирского самоуправления: старост, разных целовальников (в основном по финансовым делам), посыльщиков, а для ведения судебно-полицейских дел — земских судей (судеек), «судецких» старост и целовальников, сотских. Судить о земских выборах позволяют документы, сложившие внутри миров, обладающие высокой источниковой ценностью. Среди них первостепенны — именно относящиеся к выборам земских должностных лиц. Однако такие документы среди мирских приговоров немногочисленны. Два историка внесли большой вклад как в изучение самоуправления на Севере, так и источников, с ним связанных: в начале XX в. М.М. Богословский и через полвека А.И. Копанев¹⁰. Они издали вкуче около 50 документов второй половины XVI — первой половины XVII в., относящихся к действию мирских сходов и, главное, к мирским выборам¹¹.

Анализ приговоров убедил, что выборы проводились с ежегодной регулярностью в мирах разных уровней — волостном и уездном. Специально следует подчеркнуть — без контроля со стороны местной воеводской администрации и без каких-либо представителей от нее, как практиковалось в монастырских вотчинах, где на мирских выборах мог присутствовать посельский. Избрание на сходе мирских должностных лиц сроком на 1 год фиксировалось в его приговоре, который назывался «выбор», «выборный список». Из таких документов явственно предстает

⁹ *Копанев А.И.* Куростровские столбцы XVI в. С. 418.

¹⁰ *Богословский М.М.* Земское самоуправление на русском Севере в XVII в. М., 1909, 1912. Т. I, II; *Копанев А.И.* Крестьянство Русского Севера в XVI в. Л., 1978; *Он же.* Крестьяне Русского Севера в XVII в. Л., 1984; *Он же.* Крестьянская община в Подвинье в XVI в. // *Аграрная история и социалистические преобразования северной деревни.* Вологда, 1973. Вып. IV.

¹¹ *Богословский М.М.* Указ. соч. Т. I. Приложения. V. С. 82–105; *Копанев А.И.* Куростровские столбцы XVI в. С. 398–431. Я опубликовала несколько документов крестьянских миров, действовавших в конце XVII — начале XVIII в. в вологодских вотчинах: архиепископской и Спасо-Прилуцкого монастыря. См.: *Бакланова Е.Н.* Крестьянский двор и община на русском Севере. Конец XVII — начало XVIII в. М., 1976. Приложение. С. 197–219.

процедура выборов как акция социальной практики. Выбор не только регистрировал, но подробно прописывал: состав и полноту схода; факт выбора того или иного должностного лица; его обязанности и тем самым полномочия; ответственность избирателей за избранных лиц перед государственной властью; финансовую подотчетность выборных должностных лиц перед миром. В содержании и формуляре выборного документа исследовательски выделяется несколько узловых частей, их можно назвать статьями, это: 1) поименное перечисление участников схода с завершающей фразой «...и все крестьяне...» или «...во всех крестьян место...», означавшей, что представители схода действуют от лица всех крестьян, живших в том или ином мирском сообществе; 2) констатация самого избирательного действия в устоявшейся формуле — все крестьяне «выбрали есми и излюбили в...» имярек с обозначением конкретной мирской должности и обоснованием добропорядочности избираемого; 3) фиксация обязанностей лица, избранного на ту или иную должность; 4) предоставление должностному лицу определенной свободы действий в соответствии с «мирским советом» и выделение в помощь старостам, целовальникам в случае необходимости людей (посыльщиков, сборщиков) для исполнения кратковременных, разовых поручений. Завершает приговор схода итоговая констатация документа, выраженная в формуле: «и в том ему (им) выбор дали». Она подтверждает свершение акта избрания, его общего признания и документирования. Анализ выборного приговора убедил, что избрание земских должностных лиц концентрировало в себе несколько этапных позиций, определяющих целостность их процедуры. Однако ею самой выборы не заканчивались. Непременной акцией по введению старосты или другого лица в должность было принесение присяги. Вновь избранное лицо путем публичного приведения к крестоцелованию утверждалось на своем посту. Обновленный состав земских людей во главе со старостой наносил визит воеводе как представителю местной администрации, который знаменовал собой утверждение смены земских должностных лиц и санкцию государственной власти на их деятельность.

Мирской аппарат местом своего пребывания имел земскую избу в уездном городе, а в волости чаще трапезную главной церкви. Именно в этих центрах сосредоточения земской власти велись текущие дела, разбирались судебные конфликты, хранился архив, держалась мирская касса — «столец», в которую поступали мирские деньги, специально собираемые на текущие финансовые нужды.

Выше говорилось о привлечении с XV в. к местному управлению в роли судебных заседателей старост, целовальников и «лучших / добрых людей». Выборные документы XVII в. не только обозначали мирскую должность избранника, но и подтверждали его социальное достоинство и соответствие возлагаемым обязанностям. Он должен быть человеком «добрым и душою прям и животом прожиточен» или

«добрым и прожиточным» или просто «добрым». Другими словами, от избранника на мирской пост требовалось быть нравственным, достойного, порядочного поведения, честным и справедливым, а также в меру обеспеченным, исправным хозяином. Таким образом, «выбор» предопределял наряду с морально-этической характеристикой кандидата и достаточное имущественное обеспечение, пусть и не самого высокого уровня. А.Л. Шапиро полагал, что термин «прожиточный» в XVII в. обозначал «не только и не столько богатых хозяев, сколько дворовладельцев, обладавших прожиточным минимумом»¹².

В литературе отмечено, что мирские должности занимали, иногда десятилетиями, крестьяне и/или посадские люди¹³, состоятельные в большей или меньшей степени, но необязательно зажиточные. В отдельных случаях по документам можно установить их принадлежность к одним и тем же семьям¹⁴. Это факты большой важности, и они проливают свет на внутреннее устройство непривилегированных сообществ. В земских мирах и частновладельческих общинах существовали группы людей, составлявшие очень тонкую прослойку, которые как бы специализировались на мирском управлении. Оно, несомненно, требовало определенных навыков и опыта в ведении дел, умения общаться с администрацией — вотчинной, воеводской и приказной в Москве; несомненно, грамотность была дополнительным плюсом. Крестьянин одной из волостей (Лежский волок) вотчины вологодского архиепископа извещал в 1683 г., что он в означенном году и в прежние годы был «в выборных старостах», но постарел. Вместо него «домовые крестьяне выбрали брата моего родного», и в этой связи он просил, чтобы на выбор его брата последовала «святительская грамота», а также «домовые дела и дворовое строение и казенные семена и село Никольское с деревнями» у него принять и «против росписных книг и во всем со мною росписаться». Молодой крестьянин той же вотчины сообщал архиепископским властям, что были у вотчинных «казенных у хлебных анбаров в целовальниках дед мой Василий Филиппов и отец мой Алексей многие годы», то есть два поколения крестьян выполняли обязанности хлебных целовальников. По смерти отца у него «остались на... крестьян того ж Лежского волоку заемные многие кабалы в заемном казенном хлебе и тех казенных анбаров ключи. И мне сироте у того хлебного сбора быть не в мочь»¹⁵. Пребывание в мирских ста-

¹² Шапиро А.Л. Проблемы социально-экономической истории Руси XIV–XVI вв. Л., 1977. С. 166.

¹³ См.: Богословский М.М. Указ. соч. Т. I. С. 254.

¹⁴ Копанев А.И. Крестьянство Русского Севера в XVI в. Л., 1978. С. 221; Бакланова Е.Н. Указ. соч. С. 143.

¹⁵ Архив СПб ИИ РАН. Колл. 34. Карт. 8. № 19. Л. 15. № 121.

ростах и целовальниках денежных сборов налагало на них обязательства, связанные со сбором налогов и денег на мирские потребности, с займами под проценты, с тратами на необходимые нужды. Порой возникали непредвиденные обстоятельства, которые учитывали приговоры о выборах. Если «понадобятся деньги для государева скорого дела и для мирского» и возникала необходимость быстро возместить финансовые издержки или погасить заем, а денег из мирской кассы не хватало, то старосте или целовальнику приходилось восполнять их из собственных средств. Разумеется, выбираемым старостам и денежным целовальникам необходим был имущественный достаток.

Довольно редко представляется возможность получить сведения о личности мирских должностных лиц. Источники на этот счет крайне неинформативны. Крупицы их можно собрать из данных, вкрапленных в основное содержание разных источников. Просеивание текстов порой дает положительный результат, именно такой удалось получить о земском старосте Сольвычегодска Роспуге Максимове Пахтусове (Пихтусове). В 1635/36 г. он был всеуездным ямским старостой. О занимаемой им должности стало известно из документов масштабного сыска, который проводил в 1636–1637 гг. в Сольвычегодске и Устюге с их уездами специально присланный из Москвы дворянин А.Ф. Акинфиев. Причиной следствия стало острое противоборство воеводы Ф.С. Левашова и земского мира. Коллективное возмущение было столь велико, что «посадские людишка и волостные крестьянишка и во всех крестьян место» во главе с «ямским и всеуездным выборным» старостой С.Я. Стрекаловским подали на имя государя челобитную с перечислением многого воеводского «насильства». Особенное недовольство мира вызвало проявленное управителем попрание земских порядков, которые обеспечивали равновесие в отношениях воевод с миром. Приехав в Сольвычегодск, Ф.С. Левашов не проинформировал, как полагалось, мир о своем назначении. Он «призвал к себе на двор» старосту, земских целовальников и «многих мирских людей» и «словом сказывал мирским людям» о своем назначении на воеводство, но «государева наказу нам *в мир не вычитал*, почему ему велено быть у Соли на воеводстве». Он также «многие деньги с миру на себя правил», выпустил из тюрьмы злостных разбойников, взяв с них «великие поминки и откуп». Проступки воеводы мир счел столь значительными, что в своей челобитной потребовал воеводу «переменить», так как «впредь» с ним «Федором Левашовым жить не мощно»¹⁶. В ходе проводимого А.Ф. Акинфиевым сыска показания давали и мирские должностные лица. Роспуга Пахтусов сказал, что в момент конфликта он в Сольвычегодске отсутствовал и о произошедших событиях «не ведает», так

¹⁶ РГАДА. Ф. 141. 1636–1638 гг. № 25. Ч. 1. Л. 9–16.

как был в отъезде на «Турье»¹⁷. Он при этом дал пояснение большой ценности: «а живу в Вилегодской волости в Спасском приходе от Соли верст с шездесят»¹⁸. В 1653/54 г. Роспута был всеуездным ружным старостой, что явствует из ведшейся в его «старощенье» приходо-расходной книги, в которой учитывались сборы «на всякой земьской мирской росход». Если наряду с ними староста собирал еще деньги ямские или на ругу храмам, то он назывался «ямской» или «ружный»¹⁹. Опираясь на указанный Роспутой «адрес», обратимся к материалу сольвычегодской писцовой книги 1626 г. В описании Вилегодской волости обнаружен Роспутко Максимов сын Пахтусов в одном из трех дворов дер. Керголдаевской на р. Виляди. В ней ему принадлежал еще один двор, пустой на момент описания. Двумя дворами с относящимися к ним обрабатываемыми земельными участками он владел по купчей грамоте 1606/07 г. В соседнем селении Выставке дер. Корниловской было 2 двора, в одном записан Обрамко Максимов сын Пахтусов, во втором — его брат Ивашко, они владеют землею и дворами по одной купчей 1588 г. Еще в одной соседней дер. Некормильцово на р. Виляди в одном дворе жил Трофимко Максимов сын Пахтусов с сыном Ромашкой, во втором — брат Трофима Филка (Максимов) Пахтусов, в третьем дворе значится Ивашко Кондратов, «мельник их». Земельными угодьями братья Пахтусовы владеют по деловой грамоте 1624/25 г. и по духовной грамоте 1598/99 г. У деревни на р. Ныслуге — «мельница колесная»²⁰. Итак, в трех соседних деревнях жили и хозяйствовались потомки Максима Пахтусова, приходившиеся друг другу братьями. Среди них и искомый Роспута, бывший, как говорилось, всеуездным сольвычегодским старостой в середине 1630-х гг. и с разрывом в 17 лет в середине 1650-х гг. В окрестных деревнях значатся еще крестьяне с тем же фамильным прозвищем. В двухдворной д. Скобелевской — Иван Иванов сын Пахтусов с сыновьями Андреем и Богданом, они владели землей по духовной 1551/52 г. и по деловой 1558/59 г.; в д. Корниловской Томилко Пospelов сын Пахтусов, купивший земельный участок

¹⁷ Турья — посад на р. Вымь в Усть-Сысольском (Яренском) уезде, в нем по переписи 1646 г. было 34 двора. См.: *Богословский М.М.* Указ. соч. Т. I. Приложение. С. 30.

¹⁸ РГАДА. Ф. 141. 1636–1638 гг. № 25. Ч. 1. Л. 186. Примечательно, что дело о столкновении воеводы с миром Сольвычегодска разбиралось в присутствии государя Михаила Федоровича. Он его «слушал» и указал «послать дворянина добра с Москвы нарочно» для проведения сыска, материалы которого «прислать к государю к Москве. А приказал о том государеву дьяку Пантелею Чирикову в комнату. А о дворянине, ково послать, приказал государь думному дьяку Ивану Гавренину» (РГАДА. Ф. 141. 1636–1638 г. № 25. Ч. 1. Л. 2 об.).

¹⁹ РГАДА. Ф. 137. Сольвычегодск. № 23-б.

²⁰ РГАДА. Ф. 1209. Кн. 446. Л. 746 об.–747.

в 1623/24 г.; в двухдворной д. Иевлево один двор с земельным участком принадлежал братьям Роспутке и Якову, детям Пятого Пахтусова, по меновой грамоте 1618/19 г., а в выставке из той же деревни Ларка Семенов сын Пахтусов имел двор и землю по купчей 1623/24 г.²¹ Все названные крестьяне жили в соседних или близлежащих деревнях одного прихода и одной волости, они имели общее фамильное прозвание Пахтусовы, существовавшее, вероятно, уже не в одном поколении и закрепившееся скорее всего как фамилия. Они все составляли один родственный клан, ведущий начало от крестьянина с прозвищем Пахтус / Пихтус. Из рассмотренных документов вытекает, что хозяйственное обеспечение Р. Пахтусова не согласуется с вышеприведенным мнением А.Л. Шапиро о понимании термина «прожиточный» как своего рода минимума. Земельное держание и имущественное положение Роспуты и его братьев на фоне укорененности его родственников в ближайшей деревенской округе можно оценить как вполне состоятельное. Если же учесть принадлежность большинства крестьянских хозяйств на Севере к среднему по обеспеченности уровню (при минимальном числе крупных и мельчайших) и факт неоднородности и градуированности внутри среднего большинства, то Р.М. Пахтусов мог входить в высшую группу средней по достатку категории²².

Ориентация на человека «доброго и прожиточного» при выборе земского должностного лица оставалась неперменной и почти в неизменном виде существовала длительное время, причем в разнородных мирах. Она действовала, например, в 1680-х гг. в общине вологодского Спасо-Прилуцкого монастыря²³. Это условие присутствовало также в выборных приговорах от начала 1720-х гг. одного из центральнорусских монастырей. Староста, цитирует документ Н.В. Соколова, — «человек доброй и душою прям и животом прожиточен и верить ему в таком деле мочно. . .». Она делает акцент на том, что элемент о прожиточности был одним из требований, предъявляемых частными землевладельцами к старосте. Исследовательница также установила «постоянную ротацию кадров мирского самоуправления»²⁴. Существование рассмотренной

²¹ Там же. Л. 744, 746, 749.

²² Швейковская Е.Н. Критерии зажиточности в российской деревне XVI–XVII вв. // Зажиточное крестьянство России в исторической ретроспективе. Материалы XVII сессии Симпозиума по аграрной истории Восточной Европы. Вологда, 2001. С. 41–49.

²³ Бакланова Е.Н. Указ. соч. Приложение. С. 216.

²⁴ Соколова Н.В. Имущественное расслоение и мирское самоуправление в Центральной России в XVII — первой четверти XVIII в. // Зажиточное крестьянство в исторической ретроспективе. Материалы XVII сессии Симпозиума по аграрной истории Восточной Европы. Вологда, 2001. С. 87–89, 95.

формулы о «прожиточности» характерно на протяжении XVI–XVIII вв. Ее обязательность в выборных документах свидетельствует о бытовании традиционных установок внутри мира, о стойкой ценностной ориентации его сочленов, практически неизменной во времени²⁵.

Резюмируя рассмотрение действовавшей в земских мирах Русского Севера в XVI–XVII вв. практики выборов, следует отметить, что ее суть — это регулярная социальная акция с отлаженной и протоколируемой процедурой. Она включала: 1) оповещение (извещение) о предстоящих выборах; 2) созыв схода и срок, определявшиеся в том или ином земско-мирском сообществе по сложившемуся порядку; 3) само избирательное действие, происходившее на сходе; 4) фиксация взаимных обязательств сторон — выбранных и избирателей в исполнении разнообразных публично-правовых функций; 5) оформление избирательного решения — мирского приговора с последующим его утверждением посредством принесения присяги. Разновременные документы, в которых зафиксированы выборы на мирские должности у крестьян как черносошных, так и частновладельческих, имеют непреходящее по своей роли значение для воссоздания социальной и культурно-исторической действительности.

В течение многих лет, как можно было убедиться, одни и те же лица исполняли мирские должности и происходило сосредоточение мирских постов и обусловленных ими управленческих обязанностей в определенных семьях, что выражалось в замещении должностей родственниками. Таким путем создавались условия для складывания в мирах руководящей группы, имевшей внутренние, подкрепленные родством, связи и общие интересы, своеобразной управленческой элиты. Концентрация в ее руках мирского дела вела, с одной стороны, к ограниченной внутрисемейной и узкогрупповой ротации земских «администраторов», а с другой — создавала условия для злоупотреблений. Слабая социальная мобильность, лимитированная принадлежностью мирских сообществ к четко определенным категориям внутри крестьянского сословия, консервировала внутренние устои и поддерживала воспроизводство социального традиционализма.

²⁵ При выборах церковных старост, членов причта мирские люди также стремились, чтобы их избранник был «человек добрый, не вор и не плут и не пришлый». Исследовательница вопроса отметила, что в вотчине Иверского монастыря во второй половине XVII в. должности волостного и церковного старост могли совмещаться в одном лице или исполняться попеременно, церковные старосты выполняли отдельные светские поручения мира, при выборном сроке в один год староста мог избираться на должность несколько лет подряд (*Тимошенкова З.А.* Приходские церкви и крестьянский мир на Северо-Западе России во второй половине XVII — начале XVIII в. // *Средневековая и новая Россия. Сб. научных статей. К 60-летию проф. И.Я. Фроянова.* СПб., 1996. С. 477, 488, 490 примеч. 4).

«Народ благочестия руского»: о конфессиональном и этническом в представлениях о «русском народе» Речи Посполитой

DOI 10.31168/91674-483-5.34

В исследованиях Бориса Николаевича Флори большое место занимают и сюжеты, связанные с «этническим» самосознанием православного населения украинско-белорусских земель Речи Посполитой¹. Особенно важно то, что им осуществлен фактически *прорыв* в изучении представлений о «русском» в средних и низших слоях православного общества Украины и Белоруссии. Благодаря многолетнему и систематическому изучению разнородных и огромных по

В данной научной работе использованы результаты проекта «“Центры” и “периферии” в средневековой Европе», выполненного в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2017 г.

¹ Ряд важных наблюдений был сделан Б.Н. Флорей уже в 1982 г. (*Флоря Б.Н.* Зарождение на Украине и в Белоруссии народно-освободительного движения и Россия // *Пацуто В.Т., Флоря Б.Н., Хорошкевич А.Л.* Древнерусское наследие и исторические судьбы восточного славянства. М., 1982. С. 176–194). В 1990-е гг. Борис Николаевич вернулся к той же проблематике: *Флоря Б.Н.* О некоторых особенностях развития этнического самосознания восточных славян в эпоху Средневековья — раннего Нового времени // Россия–Украина: история взаимоотношений / Под ред. А.И. Миллера, В.Ф. Репринцева, Б.Н. Флори. М., 1997. С. 9–28; *Флоря Б.Н.* Некоторые соображения об этническом сознании предков современных белорусов (в связи со статьей Котлярчука) // Русь–Литва–Беларусь. Проблемы национального самосознания в историографии и культурологии. По материалам международной научной конференции, посвященной 90-летию со дня рождения Н.Н. Улащика. М., 1997. С. 92–94; *Флоря Б.Н.* О формировании идеологии украинской элиты во второй половине XVII в. // *Studia slavica et Balcanica Petropolitana*. 2014. № 1. С. 163–170; *Флоря Б.Н.* Украинское общество XVII в. и его элиты в «Летописи» С. Величко // Белоруссия и Украина. М., 2015. Вып. 5; *Флоря Б.Н.* Формирование новой социальной элиты украинского общества (вторая половина XVII — первая треть XVIII века) и два ее идеолога // *Славяноведение*. 2015. № 2. С. 25–46.

объему материалов московского Разрядного приказа Борис Николаевич выявил новый пласт «расспросных речей», записанных со слов выходцев из Украины, среди которых были и простые казаки, и рядовые горожане, и кущы, монахи, паломники, и иностранцы, и засланные в Речь Посполитую русские осведомители². Эти материалы кардинально пополняют ряд аналогичных сведений из фондов Посольского приказа, и поэтому историку удастся воссоздать взгляды «простого народа» на «русское», «польское» и «белорусское» в первой половине XVII в., в период между заключением Брестской унии и восстанием 1648 года. В этих источниках, по заключению Б.Н. Флори, выражается «устойчивое представление, что мир состоит из многих народов, у каждого из которых есть своя вера. Такое положение вещей представлялось естественным»³. Религиозный конфликт между православными, католиками и униатами описывался людьми того времени как конфронтация двух «народов», «как насилие одного народа над другим, стремление подчинить себе своего соседа, навязав ему свою веру»⁴. Обращение в унию и даже всего лишь подозрения в симпатиях к «латынской вере» служили достаточным основанием для вывода, что человек изменил «русской вере» и, соответственно, «русскости», перейдя в «польскую веру» и «обляшившись». Одновременно тех, кто перешел в православие, могли считать «русинами»⁵.

² Флоря Б.Н. Отражение религиозных конфликтов между противниками и приверженцами Унии в «массовом сознании» простого населения Украины и Белоруссии в первой половине XVII в. // Дмитриев М.В., Заборовский Л.В., Турилов А.А., Флоря Б.Н. Брестская уния 1596 г. и общественно-политическая борьба на Украине и в Белоруссии в конце XVI — начале XVII в. М., 1996. Ч. 2. С. 151–174 (фр. перевод: *Florja B.N. Les conflits religieux entre adversaires et partisans de l'Union dans la «conscience de masse» du peuple en Ukraine et en Biélorussie (première moitié du XVIIe siècle) // XVIIe siècle. 2003. Nr. 3. (juillet-septembre 2003, 55eme année). Numéro spécial: «La frontière entre les chrétientés grecque et latine au XVIIe siècle. De la Lithuanie à l'Ukraine subcarpathique». P. 431–448); Флоря Б.Н. Національно-конфесійна свідомість населення Східної України в першій половині XVII століття // Берестейська унія та внутрішнє життя Церкви у XVII столітті: матеріали Четвертих “Берестейських читань”. Львів; Луцьк; Київ, 2–6 жовтня 1995 р. / За ред. о. Б. Гудзяка, співред. О. Турія. Львів, 1997. С. 125–147 (вместе с дискуссией по докладу); Флоря Б.Н. «Русский народ» в Речи Посполитой и представления о нем в сознании социальных низов украинского общества первой половины XVII века (по материалам расспросных речей) // Средние века. 2013. Вып. 74 (1–2). С. 160–191.*

³ Флоря Б.Н. Отражение религиозных конфликтов между противниками и приверженцами Унии в «массовом сознании». С. 154.

⁴ Там же.

⁵ Например, обратившийся в православие кальвинист Мартин из Поморской земли назван в «Тератургиме» Афанасия Кальнофойского (1638) «церкви восточной послушным русином» (Флоря Б.Н. Древнерусское наследие... С. 180).

Трудно не признать, что такие конструкции массового сознания выглядят очень странно и неожиданно в ту эпоху, когда, как принято с уверенностью считать, «этнонациональные» дискурсы были чужды самосознанию широких слоев населения. Или придется признать, что русины Речи Посполитой заметно обгоняли в этом отношении своих современников, или необходимо допустить какое-то иное объяснение отраженным в источниках первой половины XVII в. формам протонационального самосознания.

В самом деле, и введенные в оборот Борисом Николаевичем, и другие источники той поры пестрят высказываниями о «русском», «ляшском», «белорусском», «литовском», «греческом» и т.д. Но, как кажется, весьма нередко мы принимаем за «этническое» (или «национальное») в этих высказываниях то, что не является ни «этническим», ни «этнонациональным»⁶. Для верификации данного сомнения ниже предпринят анализ составленного анонимом «Дневника поездки представителей православного духовенства Киевской митрополии на Варшавский сейм, 2 декабря 1649 — февраль 1650 г.»⁷.

В этом памятнике воспроизводится подписанный королем Яном-Казимиром в январе 1650 г. (уже после завершения проведенного в Варшаве сейма) универсал, которым частично подтверждались (без одобрения сейма) данные казакам во время Зборовской битвы обещания о возвращении православным ряда церквей и монастырей, отмене дискриминационных норм, касавшихся православных братств, школ, типографий, религиозных процессий и пр. В универсале, в частности,

⁶ Под этническим мы понимаем то, что органично присуще современному русскому языку и закреплено нашими словарями. «Этнический [от греч. *ethnikos* племенной, народный] — связанный с принадлежностью к какому-либо народу, относящийся к нему, например “этническая группа”, “этнический состав населения”» (Словарь иностранных слов. 18-е издание, стереотипное. М., 1989. С. 608), что этнос — это «осознанная культурно-языковая общность» (*Чебоксаров Н.Н., Чебоксарова И.А.* Народы. Расы. Культуры. М., 1985. 2-е изд., доп. С. 29. Под «национальным» в нашем языке, как каждый знает, обыкновенно понимается не только политическая лояльность или «подданство» тому или иному государству, но — или «этнонациональное», или «идентитарно-национальное».

⁷ *Заборовский Л.В.* Католики, православные, униаты. Проблемы религии в русско-польско-украинских отношениях конца 40–80-х гг. XVII в. Документы. Исследования. М., 1998 Ч. 1. Источники времени гетманства Б.М. Хмельницкого (публикация источников и комментарии). С. 47–70 (далее — Заборовский 1998). Название дано Л.В. Заборовским. Самим же анонимным автором источник озаглавлен «Деяния мимощедшей справы варшавской на сейме о поставлении благочестия с преосвященным отцем митрополитом и с духовными». Прежде документ был опубликован в приложении к «Истории Украины–Руси» М.С. Грушевского (*Грушевський М.С.* Історія України–Руси. Київ, 1931. Т. 9. Вторая половина тома. Прилож. 1; репринтное издание: Київ, 1997).

говорится, что Владислав IV при избрании его на престол, «видя народ *благочестия руского* ради унеи ж раздвоеный, святобливе желал умирить и соединить его с собою» (курсив здесь и далее мой. — М. Д.)⁸. В данном тексте атрибут «русское», бесспорно, отнесен к конфессиональным реалиям («благочестие») и, соответственно, не может быть принят за этническое понятие. А как дело обстоит с другими случаями употребления слова «русский» («руский») в «Дневнике» 1650 года?

Ниже в универсале речь идет о Зборовском соглашении, после которого войско запорожское было возвращено «до услуг наших и Речи Посполитой» и было обещано сохранить «народ русский весь *духовнаго и мирскаго*, шляхетцакого и всех чинов людей при правах и волностях давных» и «разорить унию», чтобы «народ русский весь умирить, в их вере грецкой утешить»⁹.

Выступает ли «народ русский» в этом высказывании как этническое или как конфессиональное сообщество? Как бы мы ни ответили на этот вопрос, ясно, что для перешедших в унию русинов места в «русском народе» не остается... А слово «руский» в данном тексте можно перевести на современный язык как «православный» без какого бы то ни было «насилия» над источником. Это, однако, пока еще не значит, что в двух приведенных оборотах «руский» есть непременно конфессионим.

Прочитав одну из следующих фраз универсала — «учение волное всему *народу рускому, не во унии живуцим*, в Короне и в Великом князстве Литовском так, как древле имели, позволяем»¹⁰ — мы имеем два выбора. Или увидеть в ней выражение вполне «модерного» представления о народе как этнонациональном сообществе, часть которого «живет в униии», а часть — нет; или понять выделенное курсивом выражение как тавтологию: «русский народ, т.е. те, кто не перешел в унию», и в этом случае мы будем иметь дело со словом «руский» как конфессионимом и должны будем перевести его на современный язык через понятие «православный».

Совершенно аналогичная двойственность ждет нас и несколько ниже: «в Короне же Любелскую церковь, от чина шляхетскаго созданна... привращаем до служения *благочестия всему народу рускому, не будущему в униии*»¹¹.

⁸ Заборовский 1998. С. 67. Митрополит С. Косов, ссылаясь на наследие Владимира Святого, просил вернуть православным «то, что *народу рускому* належит благочестия», и это, кажется, описка или источника, или публикатора (Л.В. Заборовского). В тексте, возможно, определение «русское» должно согласовываться с дополнением «благочестия», а не со словом «народ» (этот пассаж читался бы: «то, что народу руского належит благочестия»).

⁹ Там же.

¹⁰ Заборовский 1998. С. 68.

¹¹ Там же.

Однако в одной из очередных фраз, говорящих о «русском народе», — «и где ни будь в Короне и в Великом княжестве Литовском от давних прав и привилеюв до урядов належит *народ руский*, дабы заодно прияты были и никакого насилия не имели»¹² — «русский народ» есть, конечно, конфессионим, так как речь идет о тех, кто дискриминировался по религиозному, а не по «национальному» признаку.

Аналогично должна быть прочитана и фраза, что, отложив ряд вопросов на будущий сейм, мы «*народ руский* при всяких правах и волностях сохраняем»¹³, так как речь идет о «правах и свободах» православных подданных Яна Казимира.

Вряд ли в «модерном», этнонациональном смысле может быть понята и фраза, что «презвитери же *священицы рустии*, не бывшии во унии, абы при волностях [духовного сословия] жили»¹⁴.

При упоминании смоленских церквей (речь шла о том, чтобы там «*православным* отправлять»¹⁵) весь контекст, в котором появляется эта ремарка, позволяет видеть в слове «православный» слово, аналогичное слову «русский», употребляемому в других фрагментах нашего источника.

Что же касается начальной декларации универсала («Ознаймуем... иж соединение *народов честных полсаго, рускаго, литовского* в той Речи Посполитой... есть преболшим основанием»¹⁶), то три упомянутых «народов» — это, по меньшей мере, никак не этносы. Если «честные народы польский и литовский» есть два политических сообщества, две *nationes* в западном средневековом и «раннемодерном» смысле, то «русский народ» в этой триаде отличается от польского и литовского уже, видимо, на основе конфессионального критерия. И такое прочтение слова «русский» как конфессионима в данном случае соответствует приведенным выше контекстам и высказываниям. В середине того же абзаца речь идет снова о трех упомянутых «народях» (польские короли «остерегали сего, дабы между *народами* всегда был мир и любовь нерастерзанна...»), а в конце абзаца появляется выражение, вынесенное в заголовок нашей заметки («народ благочестия руского»).

Таким образом, всё склоняет к заключению, что в воспроизведенном в «Дневнике» универсале Яна Казимира «русский народ» есть конфессиональное понятие.

Обратимся к другим частям «Дневника» 1650 года.

¹² Заборовский 1998. С. 69.

¹³ Там же.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Там же. С. 68.

¹⁶ Там же. С. 66–67.

Во время приема у короля киевский митрополит Сильвестр Косов напомнил, что под Зборовом король обещал «все *греческое* благочестие... на нынешнем сейму успокоити»¹⁷. Ясно, как в подавляющем большинстве случаев такое применение слова «греческий» не имеет отношения ни к Греции, ни к «греческой этничности», хотя с формальной точки зрения, по нормам и привычкам нашего современного языка звучит как этноним. В языке же Руси XVII в. слово «греческий» в подобных контекстах легко заменяется на слово «православный» (как и в приведенном выше выражении «русское благочестие»).

Во время встречи православного, униатского и католического духовенства Адам Кисель призывает: «советуйте о сем вси, как бы *народ русский* утолить и утешити, аще ли не так, начнется паки война» — и просит поступать так, «как хочет право и волность отчины нашей, дабы мир успокоенный был всему *рускому народу*»¹⁸.

В высказываниях Киселя и католических иерархов речь идет о «русском народе», и мы снова оказываемся перед двумя опциями: или читать это выражение в анахроническом «модерном» ключе, относя слово «народ» к восточнославянскому населению Речи Посполитой; или видеть в нем смысл, отвечающий церковно-конфессиональным понятиям.

То же самое выражение, согласно «Дневнику», звучало из уст католических иерархов¹⁹. А.Е. Тышкевич, виленский епископ, обращаясь к Киселю, выразился следующим образом: «если бы *Русь озлобленную* утешили и хотение довольно духовным с митрополитом учинили, дабы ты, воеводу, был краеугольным камнем, соединяючи стены обоих стран»²⁰.

Оборот «Русь озлобленная» отвечает, конечно, понятию «православная, не принявшая унии часть русского народа Речи Посполитой».

В реплике пинского униатского епископа П. Войны-Оранского несколько неожиданно униатам и римлянам противопоставлены «христиане»²¹. Если даже считать, что слова Оранского искажены автором «Дневника», ясно, что для него (или для Оранского) приемлемо употребить конфессионим там, где в других случаях речь идет о «русском народе».

¹⁷ Там же. С. 48.

¹⁸ Там же. С. 51.

¹⁹ Архиеп. гнезненский М. Лубеньский: «потреба *народ русский* вскоре успокоити»; епископ виленский Е. Тышкевич: «впрям то великая и потребная справа о умирении *народа рускаго* великаго времени требует» (Заборовский 1998. С. 51).

²⁰ Заборовский 1998. С. 52

²¹ Он говорил, что нужно найти такое решение, «абы каждый с своих волностей радовался, то есть, яки рекл, дабы христиане, и униатов, и римляне утешалися» (Заборовский 1998. С. 52).

Вглядываясь в ответ Киселя на реплику Оранского, мы снова сталкиваемся с выбором между интерпретацией его слов как отвечающих нормам «модерного» идентитарного этнонационализма, который видел бы сосуществование в едином «русском народе» двух конфессиональных общностей, или же как выражения церковного самосознания, для которого «русь» есть конфессиональное понятие («Не потреба тут, мость отче епискупе, выводити право, чьи бы то добра были и *которой руси* належат»; А. Кисель говорил во время избрания короля, «что тая вся благодейства *руси*, не *унеи* еще *будуцей* належит, ибо той *руси*, котора была, а не той, которая еще не была, яко то вы *унеяци*»²²).

С. Косов, согласно «Дневнику», сразу же подхватил сказанное киевским воеводой, противопоставляя униатам «старую русь»: «А понеже все благодейание нам, *старой руси*, а не будущим еще униятом приналежат, дабы все нам отдано было просим»²³. Мы снова имеем дело с противопоставлением двух конфессиональных сообществ (до известной степени эти высказывания следуют той же логике, что и чуть более позднее противопоставление «староверов» никонианам в Московском государстве).

Характерно и то, какой оборот принимает вся дискуссия после того, как виленский епископ Е. Тышкевич ставит вопрос о единстве «руси», говоря, что нужно, «чтобы *одна русь* была, взяти на разсуждение»²⁴. Косов отвечает, что в этом случае «о вере нашей и вашего костела много есть разсуждати». Католическая сторона (Тышкевич и ксендз Соликовский) заявила в ответ: «Не треба тут о уставах грецких и римских разсуждати, понеж едина вера и един Бог», а Кисель, напротив, завел речь о *flioque*, чистилище и папской власти²⁵. Оказывается, таким образом, что вопрос о старой и новой «руси» есть вопрос о двух религиозных традициях, об «уставах грецких и римских», как выражаются участники переговоров. Дебаты, согласно автору «Дневника», приобрели очень острый характер, превратились в перебранку. В итоге архиеп. М. Лубеньский «с гневом поведал»: «В неволю бо толику нас не введете, а я до короля еду и извещу тое советование». На этом переговоры оборвались, «и так ничего не совершивше разъехались»²⁶.

²² Там же. С. 53.

²³ Там же. С. 53. Чуть позже С. Косов, отвечая на упреки оппонентов в покушении на уже принятые при Владиславе IV решения о разделе церковных владений, сказал: «уж мы мовили о том доволно, которой то *руси* то добро належит, и основание которой построено. А если нам, *старой руси*, належит, того мы и просим» (там же).

²⁴ Заборовский 1998. С. 53.

²⁵ Там же. С. 54.

²⁶ Там же. С. 56.

На следующий день, в воскресенье, православные послы на сейм вместе с А. Киселем приехали на богослужение, после которого у С. Косова состоялось совещание духовенства и православной шляхты. Кисель представил список конкретных требований к королю и католическому и униатскому духовенству, предварив его весьма драматическим комментарием: главное — добиться примирения, ибо если продолжилась бы война и «победили бы *поляки*, мы бы згинули», победили бы казаки — вы бы (т.е. духовенство) снова оказались у них в подчинении («вы по старому бы слуги слуг своих были бысте»); если соглашение не будет достигнуто, «то внезапную войну сотворим, и навеки зломышление на благочестие наше от *ляхов* будет»²⁷.

Духовенство («на сие наши») в ответ заявило, что «лучше нам ни с чим до Киева ехати, а так не наша вина будет, но тех, котории противу отвещают, нежели с тым, что а ни *народу рускаго*, ни казаков увеселит»²⁸. Мы в очередной раз видим, что понятие «народ русский» охватывает одних лишь православных, будучи противопоставлено подразумеваемым «ляхам» и униатам («котории противу отвещают»).

А. Кисель был не согласен с такой позицией, но и С. Косов и его сторонники не отступали, и, в конце концов, Кисель уступил, и к участию в совещании были приглашены «послы козацкие». Слова одного из них (И. Креховецкого) в «Дневнике» воспроизведены. Он предложил постепенно добиваться исполнения зборовских договоренностей и того, чтобы «уния до конца разорена имела быти», но церковные имущества можно возвращать из рук «уняттов» постепенно.

Последовала двухдневная пауза, на третий день сейм был закрыт, а на четвертый день, когда Ян Казимир принимал участие в охоте и в похоронах, архиеп. М. Лубеньский, по просьбе С. Косова, походатайствовал перед королем о встрече с православной делегацией. Ответ, судя по дневнику, был позитивным, и И. Кононович, нареченный «епископ витебский», ночью составил перечень требований, на основе которого Кисель поутру «написал челобитную до короля от митрополита и духовенства», прислав затем ее «до прочитания и подписи отцу митрополиту».

В поданной «суплике» православные просили, чтобы им были возвращены пустующие епископии и архимандритии; другие церковные владения были бы возвращены после смерти обладающих ими в настоящее время униатов; были бы уже теперь переданы православным церкви, возвращенные им Владиславом IV. «Суплика» продолжала: получив требуемое, «утешим *народ русский* и войско Запороское»²⁹, и униаты, таким образом, снова оказываются за пределами «народа русского».

²⁷ Там же. С. 56–57.

²⁸ Там же. С. 57–58.

²⁹ Заборовский 1998. С. 60.

В тот же день король прислал обнадеживающий ответ, а вечер того же дня Косов провел на пиру у... И. Вишневецкого, наслаждаясь войсковою и королевскою «мусикою»³⁰, слушая заздравные тосты в свою честь и заручившись обещанием Вишневецкого «козаком... служить», потому что «з дому бо моего войско запорозкое начаток свой взяло».

15 января состоялось «сидение» у архиепископа гнезненского М. Лубеньского как представителя короля, и Кисель передал королю через М. Лубеньского, что «уже бо имели разговор наши *православнии* с униатами у бискупа виленского». Как мы помним, в дебатах у Тышкевича православные отождествлялись со «старой русью». В ответ на просьбу изложить переносимые «кривды» Косов представил знакомый нам перечень «обид и договоров». В частности, был перечислен ряд церквей, которые по королевскому решению 1634 года должны были быть возвращены православным, и в одном из пунктов говорилось, что Владиславом было решено, чтобы «церквей *руских* от правов греческих не отлучано, а пан Гарабурда в Литве церковь на костел, а приходы, до ней належащие, сам емлет. В Острогу святой троицы с приходами на костел обращенна и езувитом отдана, такожде Сураж тем езувитом отдан»³¹. Это один из многочисленных случаев, когда слово «русский» по смыслу полностью совпадает с понятием «православный» (в категориях современного мышления «русский» храм не перестал бы быть «русским», превратившись в «костел»).

Во включенном в «Дневник» «договоре козаком о благочестии» говорится, что «мы болши не истязуем, что от старости, но что нашими *православными* строено недавно, то бы нам отдано и ныне»³², а в ходе спора о возвращении захваченных униатами храмов, когда православным было предложено в спорных вопросах «судом доходити», С. Косов отвечает, что им в этом случае «приходит хранитися и не чаяти возвратившися на Украину живым быти, а *народ русский* ожидает нас, чаячи яко полезное справим»³³. В этом контексте слово «народ русский» опять соответствует понятию «народ православный» «православные люди» (а в обиходе Московской Руси было распространено выражение «народи» того или иного локуса, соответствующее понятию «люди» данного локуса)³⁴.

³⁰ Там же. С. 61.

³¹ Там же. С. 63.

³² Там же. С. 64.

³³ Там же. С. 65.

³⁴ Например, в написанной в 1620-е гг. «Повести... кн. И.М. Катырева-Ростовского» мы встречаем следующие обороты: «*народи же Московстии*» после смерти

В ходе новых горячих дебатов С. Косов просил, чтобы «пустые ныне все церкви, и по смерти одержания униятских дабы *христианом* отданы были»³⁵, и слово «христиане», как и выше, оказывается заменителем слов «русские», «народ русский» и «старая русь». А после рассказа о том, как Кисель в спорах с польской стороной «разбранился даж до зубов», автор «Дневника», резко оборвав почти протокольное изложение прений, приводит текст проанализированного нами выше королевского универсала...

Итак, «Дневник» («Деяния мимомшедшей sprawy варшавской...») позволяет вполне ясно увидеть, что в сознании духовенства и верхов православного населения украинско-белорусских за понятием «народ русский» по временам стоит бесспорно конфессиональный смысл; в других случаях именно такое прочтение концепта «русский народ» выступает как наиболее адекватное. При этом следует подчеркнуть, что речь идет не о том, что «православность» есть атрибут «русского народа» как этнической общности; «православность» в этой конструк-

царевича Дмитрия ужаснулись и «в печали были». Говоря об избрании Бориса на престол, автор пишет, что «*народи же купно* и единомышленно воздвигоша гласы свои»; «*народи же* наипаче кричаху, ови от престопаго ума своего, ови же научени бывше от самого... и по многи дни бысть *народное* кричание». При вторжении Лжедмитрия воеводы Чернигова и Путивля не верят, что тот — сын Ивана Грозного, и «поведают о нем *народу*» как о «ростриге Отрепьеве», однако «*народи же* градов тех» восстают, отдают воевод в руки Дмитрию. В ходе борьбы «литовского» и «московского» воинств, в одной из битв «московстии же *народи* поля обретают» и гонят врага, и «тако побеждени быша Поляцы». Василий Шуйский собрал «весь *народ*» для избрания патриарха, однако «*народи же* вопияху», чтобы прежде избрать царя... Советницы посланы «в *народ*», и они «наустеша *народы*», чтобы избрать царем Василия Шуйского, он избран, и «*народи*» идут по домам. Ополчение Болотникова идет на Москву, его войско побили, но оно отошло к Калуге и тут утвердилось с «тамо жительствующими *народы*». К Жолкевскому под Москву Лжедмитрий приводит «велее собрание Поляков и русских *людей*», они стоят под Коломенским, а «московстии же *народи*», видя врагов с двух сторон, вооружаются... Во время пребывания под Смоленском арестованных Сигизмундом III послов «московстии *народи*» пустили в город поляков и предались в руки гетмана. Дьявол настроил «*народы*» против Ляпунова, и «*народи*» убили Ляпунова (Повесть князя Ивана Михайловича Катырева-Ростовского // Русская историческая библиотека. СПб., 1909. Т. XIII. Памятники древней русской письменности, относящиеся к Смутному времени. 2-е изд. Стб. 565–566, 579–585, 602, 605). См. также: *Ерусалимский К.Ю.* Понятия «народ», «Россия», «Русская земля» и социальные дискурсы Московской Руси конца XV — XVII в. // Религиозные и этнические традиции в формировании национальных идентичностей в Европе. Средние века — Новое время / Под ред. М.В. Дмитриева. М., 2008. С. 137–169 (дискуссия по докладу К.Ю. Ерусалимского: с. 170–179).

³⁵ Заборовский 1998. С. 65.

ции замещает то, что мы привыкли называть «этнонациональной идентичностью»³⁶.

Сказанное не означает, что в украинско-белорусской православной культуре того времени отсутствовали дискурсы «этнонациональной» идентичности руси и Руси. Известные высказывания Иова Борецкого, Адама Киселя, Мелетия Смотрицкого, Захарии Копыстенского³⁷ и ряда других авторов однозначно говорят, что они могли мыслить о «русском» в «этнонациональных» категориях. Православная культура восточной части Речи Посполитой в XV–XVII вв. была, таким образом, полем «соревнования» и взаимодействия двух типов представлений о «русском».

³⁶ Эти наблюдения развиты нами в специальной статье: *Дмитриев М.В.* Православное и «русское» в представлениях о «русском народе» Речи Посполитой (конец XVI — середина XVII в.) // *Древняя Русь после Древней Руси: дискурс восточнославянского (не)единства* / Отв. сост. А.В. Доронин; отв. ред. серии А.В. Доронин. М.: Политическая энциклопедия, 2017 (*Post-Древняя Русь: у истоков наций Нового времени*. 1). С. 193–214.

³⁷ В «Протестации» 1621 г. митр. Иов Борецкий писал “Podobniey było Patryarszey nam i Kozakom praktykować się na stronę Moskwy, s ktorými nam iedna wiarayna bożeństwo, ieden rodzaj, ięzyk y obyčziaie” (Протестация митрополита Иова Борецкого и других западно-русских иерархов, составленная 28 апреля 1621 г. // *Жукович П.Н.* Статьи по славяноведению. СПб., 1910. Вып. III. С. 143). А. Кисель в послании архиепископу гнезненскому М. Лубенскому от 31 мая 1648 года писал о том, что он сам происходит «от крови древней русской» (“ze krwi starożytney guskie jidę...”); говоря об армии Московского государства и казаках, Кисель видел опасность в том, что их объединяет “jedna krew, jedna religio” (Воссоединение Украины с Росией. Т. 2 Р. 26). О «русском народе» как этнонациональном сообществе в текстах М. Смотрицкого и З. Копыстенского см.: *Неменский О.Б.* История Руси в «Палинодии» Захарии Копыстенского и «Обороне унии» Льва Кревзы // *Україна та Росія: проблеми політичних і соціокультурних відносин*. Зб. наук. праць. Київ, 2003. С. 409–434; *Неменский О.Б.* Воображенные сообщества в «Палинодии» Захарии Копыстенского и «Обороне унии» Льва Кревзы // *Белоруссия и Украина: История и культура*. Ежегодник. 2005. М., 2006; *Он же.* «Русское» и «русскость» в культуре Речи Посполитой конца XVI — первой половины XVII вв. (по материалам полемических сочинений) // *Религиозные и этнические традиции в формировании национальных идентичностей в Европе*. Средние века — Новое время / Под ред. М.В. Дмитриева. М., 2008; *Он же.* Особенности этнического самосознания Мелетия Смотрицкого // *Леў Сапега и яго час*. Сб. ст. Гродна, 2007. С. 304–309; *Он же.* Формы русской идентичности у Мелетия Смотрицкого // *Анфологион*. Славяне и их соседи. Власть, общество, культура в славянском мире в Средние века. К 70-летию Б.Н. Флори. М., 2008; *Он же.* Об этноконфессиональном самосознании православного и униатского населения Речи Посполитой после Брестской унии // *Между Москвой, Варшавой и Киевом*. Сб. ст. / Под ред. О.Б. Неменского. М., 2008. С. 105–113.

Издания Кутеинской типографии и сборник «Зерцало духовное» Гедеона, игумена Бизюкова монастыря

DOI 10.31168/91674-483-5.35

Работы последних лет по истории книгопечатания базируются не только на собственно продукции различных типографий, но и на данных документов, связанных с процессом издания книг, и особенно на рукописных материалах, отражающих предысторию старопечатных, в том числе неосуществленных, изданий. Благодаря этим материалам более полное освещение получила деятельность московского Печатного двора в XVII в., особенно периода его расцвета при патриархе Иосифе¹. С другой стороны, все более ценными признаются введенные в научный оборот сведения, содержащиеся во всякого рода источниках, связанных с историей и предысторией старообрядческих изданий и с отражением их в поздней рукописной традиции². Именно изучение

¹ См., например: *Николаев Н.И.* Об источниках московского издания Лествицы 1647 г. // ТОДРЛ. СПб., 1993. С. 277–283; *Белякова Е.В.* Источники печатной Кормчей // Вестник церковной истории. 2008. № 3 (11). С. 99–115; *Белякова Е.В.* Книга Кормчая: к вопросу о соотношении первого московского печатного издания и рукописной традиции // ТОДРЛ. СПб., 2016. Т. 64. С. 87–110; *Сапожникова О.С.* Русский книжник XVII века Сергей Шелонин. Редакторская деятельность. М.; СПб., 2010; *Белякова Е.В., Мошкова Л.В., Опарина Т.А.* Кормчая книга: от рукописной традиции к первому печатному изданию. М.; СПб., 2017. С. 168–308; и др.

² См., например: *Вознесенский А.В.* Старообрядческие издания XVIII — начала XIX века. Введение в изучение. СПб., 1996; *Юхименко Е.М.* Старообрядческие издания «Истории о отцах и страдальцах соловещких» Семена Денисова. Вопросы текстологии и связи с рукописной традицией // Русская книжность. Вопросы

в совокупности целого ряда материалов от рукописных памятников и архивных документов до старообрядческих изданий XVIII в. позволило обнаружить сведения о неизвестном ранее западнорусском авторе иеромонахе Гедеоне, игумене Бизюкова монастыря, творчество которого приходится на 40–50-е гг. XVII в., особенно значимые в истории становления административно-юридических и религиозных отношений Москвы с Киевской митрополией, формирования единого Московского государства³. Этому автору в настоящее время атрибутируются три сборника, сыгравших значительную роль в истории культуры Московского государства. Обстоятельства создания и публикации первых двух сборников в большей или меньшей степени установлены. «Книга о вере» была закончена им в 1644 г. и в конце 1647 г. поднесена царю Алексею Михайловичу, она известна нам в издании московского Печатного двора 1648 г.; книга с названием «Изображение истиннаго хрителианского жития, паче же иноческаго» была собрана иеромонахом Гедеоном в 1645 г., в 1647 г. также поднесена царю Алексею Михайловичу и также готовилась к изданию в Москве в начале 50-х гг. XVII в. Это издание не осуществилось, но этот сборник под названием «Альфа и Омега» издали старообрядцы: близкий к первоначальному вариант в Вильне в 1786 г., вариант, отражающий работу над книгой на московском Печатном дворе, в Супрасле в 1788 г. Название «Альфа и Омега» укрепилось за сборником, так он называется и в поздней рукописной традиции⁴.

источниковедения и палеографии. М., 1998. С. 59–77; *Савельева Н.В.* Сборник 1647 года в рукописной и печатной традиции старообрядцев // *Старообрядчество: История и современность. Материалы международной научно-практической конференции* (СПб., 28–30 октября 2008 г.). СПб., 2009. С. 35–43 и др.

³ Исторический фон и ситуация конфессиональных противостояний, в которых сложились историко-политические и религиозные взгляды западнорусского автора, наиболее обстоятельно и детально представлены в работах Б.Н. Флори, наполненных многочисленными ценнейшими сведениями об источниках, достоверно отражающих исторические реалии; см. наиболее значимые для нашей темы статьи: *Флоря Б.Н.* Положение православного населения Смоленщины в составе Речи Посполитой (20–40-е гг. XVII в.) // *Revue des études slaves*. Paris, 1998. Res. 70, fasc. 2. P. 333–345; *Он же.* Смоленщина и Московская Патриархия накануне Русско-польской войны // *Славянский альманах*. 2002. М., 2003. С. 49–53; *Он же.* Западнорусская митрополия // ПЭ. М., 2008. Т. 19. С. 612–615; *Он же.* Киевский митрополит Петр (Могила) и русская власть: Эволюция взаимоотношений // *Вестник церковной истории*. 2013. № 1/2 (29/30). С. 179–187.

⁴ Подробнее об атрибуции и обстоятельствах создания и бытования сборников Гедеона см.: *Савельева Н.В.* Неизвестный западнорусский автор иеромонах Гедеон, игумен Бизюкова монастыря, и московское книгопечатание середины XVII века // *Книжная старина*. СПб., 2011. Вып. 2. С. 82–131.

История третьей книги иеромонаха Гедеона до сих пор остается загадочной. Сборник «Зерцало духовное» долгое время рассматривался как плод московских творений ученых монахов из Киевской митрополии и приписывался, например, Арсению Сатановскому, приехавшему в Москву в 1649 г.⁵, хотя существовало и мнение, впервые высказанное архиеп. Филаретом (Гумилевским), о создании его Иоанном Наседкой⁶. Атрибуция сборника смоленскому игумену Гедеону, которая подтверждается текстологическими и палеографическими данными, позволяет по-новому взглянуть на эту книгу и ввести ее в совершенно иной контекст, соотнести ее с кругом изданий и в целом с издательской программой типографии Богоявленского Кутейнского монастыря.

В мае 1620 г. по просьбе Могилевского братства, представителем которого выступил прежде всего белорусский церковный деятель Иоиль Труцевич, иерусалимский патриарх Феофан IV благословил создание общежительного ставропигиального монастыря в подчинении константинопольского патриарха. Монастырь был основан на окраине Орши в месте впадения реки Кутейнки в Днепр, отстроен в 1623–1635 гг. на средства православного шляхтича Богдана Стеткевича-Заверского, не без имущественного участия могилевских и оршанских мещан⁷. В июле 1635 г. киевский митрополит Петр (Могила) приезжал освящать монастырский Богоявленский храм, тогда же Иоиль Труцевич был утвержден им в должности игумена монастыря⁸. В 30–40-е гг. XVII в. Иоиль Труцевич способствовал появлению в приграничных землях еще целого ряда небольших православных монастырей (Борколабовский Свято-Вознесенский, Буйнический Свято-Духовский и еще несколько монастырей в восточной части Киевской митрополии)⁹. Кутейнский монастырь покровительствовал и малым смоленским монастырям, основанным на землях православной

⁵ Белоброва О.А., Матвеева Е.Н. Арсений Сатановский (Корецкий) // Словарь книжников и книжности Древней Руси. СПб., 1992. Вып. 3. Ч. 1. С. 111.

⁶ Обзор русской духовной литературы. 862–1720. См.: СПб., 1884. 3-е изд. С. 225–226; Наседка // Энциклопедический словарь / Изд. Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон. СПб., 1897. Т. 20: Московский университет — Неясыти. С. 659–660.

⁷ Жудро Ф.А. История Могилевского Богоявленского братства. Могилев на Днепре, 1890. С. 44–46.

⁸ Голенченко Г.Я., Лидгайко В.Г. Иоиль (Труцевич) // ПЭ. М., 2010. Т. 25. С. 370–372.

⁹ См., например: Жудро Ф.А. Буйнический Свято-Духовский монастырь Могилевской епархии. Могилев на Днепре, 1904; *Он же*. Борколабовский Свято-Вознесенский женский монастырь. Могилев на Днепре, 1906; *Он же*. Оршанский Богоявленский Кутейнский монастырь, или древняя белорусская лавра. Могилев на Днепре, 1912.

шляхты; особенно тесные связи были у Кутеинской обители с Бизюковым Крестовоздвиженским монастырем под Дорогобужем во время игуменства там иеромонаха Гедсона (ок. 1643 — ок. 1654) и, позднее, Сергия (Салтыкова) (1656–1662). Иноки и иерархи обоих монастырей подавали совместные челобитья царю Алексею Михайловичу о пожертвованиях, в том числе книжных, в челобитных игумен Гедсон называет Кутеинский монастырь «большим»¹⁰.

Основание типографии в Кутеинском Богоявленском монастыре связано с деятельностью уже известного к тому времени в Киевской митрополии печатника Спиридона Соболя. Существует предположение, хотя и не подтвержденное документально, что приезд Спиридона Соболя в Оршу в 1630 г. был инициирован также Иоилем Труцевичем; их знакомство могло состояться в Могилеве, где Спиридон Соболя был ректором православной школы при Могилевском Богоявленском братстве, а Иоиль Труцевич в этой школе мог получить образование¹¹. Спиридон Соболя приехал в Кутеин со своим типографским имуществом и выпустил здесь Псалтырь с дополнительными статьями в 1630 г.¹², а также три издания, главным образом предназначенные для употребления и в церкви, и в повседневной частной жизни: Букварь (113)¹³ и Молитвы повседневные (114) в 1631 г., Часослов в 1632 г. (116; 79). Здесь же, очевидно, он допечатал около 1632 г. один из вариантов Апостола и 2-е издание Октоиха Иоанна Дамаскина с выходными сведениями: Киев, 1629. Где работал Спиридон Соболя в военные 1633–1634 гг. — в Кутеино или в Буйничах, — неизвестно. Существует мнение, что в Кутеино им был выпущен в это время Лимонарь с выходными данными: Киев, 1628 г., достоверно известно его следующее издание — это Псалтырь, выпущенная в Буйничах в 1635 г.¹⁴

¹⁰ См.: *Савельева Н.В.* Неизвестный западнорусский автор. С. 83–85.

¹¹ *Голенченко Г.Я., Пидгайко В.Г.* Иоиль (Труцевич). С. 370–371.

¹² По мнению А.С. Зерновой, издание не окончено, оно известно по единственному дефектному экземпляру из собрания РГБ, и уже ему, по-видимому, было дано название «Брашно духовное», сохранившееся впоследствии в переиздании кутеинских монахов, см.: *Зернова А.С.* Белорусский печатник Спиридон Соболя // Книга. Исследования и материалы. М., 1965. Вып. 10. С. 137–139.

¹³ Здесь и далее в скобках после названия и даты белорусского издания указывается номер по каталогу Г.Я. Голенченко (*Голенченко Г.Я.* Стародрукаваныя кірылічныя выданні XVI–XVIII ст. // Кніга Беларусі. 1517–1917: Зводны каталог. Минск, 1986) и через точку с запятой по каталогу В.И. Лукьяненко, если экземпляры издания имеются в Отделе редкой книги РНБ (Каталог белорусских изданий кирилловского шрифта XVI–XVII вв. / Сост. В.И. Лукьяненко. Вып. 2: (1601–1654 гг.). Л., 1975).

¹⁴ *Зернова А.С.* Белорусский печатник Спиридон Соболя. С. 128–139.

Все последующие кутеинские издания выходили под надзором и при непосредственном участии Иоиля Труцевича вплоть до его кончины, он же писал и предисловия к большинству готовящихся книг. В 1655 г. братию Кутеинского оршанского монастыря по прошению Иоиля Труцевича перевели во вновь основанный патриархом Никоном Валдайский Иверский монастырь, но по дороге, возможно, в своем родном селе Болдино под Дорогобужем, игумен Иоиль скончался. В Иверский монастырь были вывезены книги и типографское оборудование, которое в 1657 г. было пущено в работу уже в Иверском монастыре, а в 1665 г. перевезено патриархом Никоном в Воскресенский Новоиерусалимский монастырь¹⁵.

Всего в Кутеино начиная с 1636 г. было выпущено в свет 14 изданий:

— Иоанн Златоуст. На Отче наш выклад: Сборник, 1636 г. (123) — переиздание Виленского издания сборника 1620 г. (90) с предисловием Леонтия Карповича¹⁶;

— «История о Варлааме и Иосафе», вновь переведенная для первого славянского издания наместником могилевского Богоявленского монастыря Иоасафом Половко, 1637 г. (125; 84)¹⁷;

— «Дидакалия» киевского митрополита Сильвестра Косова, 1637 г. (127; 83) и переиздание 1653 г. (163; 111) — первый православный трактат по сакраментологии, изложенный в катехизической форме¹⁸;

— «Брашно духовное» в 1639 г. (135; 91) — Псалтырь с дополнительными статьями, состав которых был определен еще в издании Спиридона Соболя 1630 г.¹⁹;

— Псалтырь, 1642 г. (143) и ок. 1650 г. (156);

— «Октоих или Осьмогласник» Иоанна Дамаскина, 1646 г. (151; 103) — переиздание киевского Осьмогласника 1629 г.;

¹⁵ *Голенченко Г.Я.* Белорусы в русском книгопечатании // Книга: Исследования и материалы. М., 1966. Вып. 13. С. 99–119; *Жервз Н.Н.* Валдайский Святоозерский в честь Иверской иконы Божией матери мужской монастырь // ПЭ. М., 2003. Т. 6. С. 515–520.

¹⁶ Состав см.: *Маслов С.* Библиографические заметки о некоторых церковнославянских старопечатных изданиях // Русский филологический вестник, 1910. Т. 64. № 3–4. С. 363–366.

¹⁷ Хотя в предисловии оригиналом нового перевода на «Руский язык» («просту мову») называется текст греческий и славянский, перевод осуществлен отчасти с церковнославянского, отчасти с латинского языка, см.: *Лебедева И.Н.* Повесть о Варлааме и Иосафе. Памятник древнерусской переводной литературы XI–XII вв. Л., 1985. С. 39–42.

¹⁸ См.: *Корзо М.А.* Украинская и белорусская катехизическая традиция конца XVI — XVIII вв.: становление, эволюция и проблема заимствований. М., 2007. С. 357.

¹⁹ См. сн. 12.

- «Трефологион», 1647 г. (153; 104);
- «Диоптра» Виталия Дубенского, 1651 г. (157; 106) — перепечатка издания, вышедшего в Евье в 1642 г., дополненного «Плачами» Фикары Святогорца и 1654 г. (164; 113), без дополнительного раздела.
- Новый Завет с Псалтырью, 1652 г. (160; 107);
- Букварь, 1653 г. (161; 112);
- Лексикон Памвы Берынды, 1653 г. (162; 110) — перепечатка киевского издания 1627 г., дополненная предисловием на «простой мове» Иоиля Труцевича.

Репертуар изданий Кутеинского Богоявленского монастыря соответствует особенностям продукции небольших братских типографий, хотя каждая из них имела свои программы. Немаловажную роль в выборе репертуара кутеинских типографов сыграли особенности положения и статуса Кутеинского Богоявленского монастыря, который, с одной стороны, выступал преемником и хранителем традиций западнорусского центра православной культуры — Виленского монастыря Св. Духа, с другой — продолжателем типографских традиций печатника Спиридона Соболя, среди белорусских изданий которого преобладают недорогие книги небольшого объема, предназначенные для домашнего обихода, начального обучения и назидательного чтения²⁰. Как и продукция типографий в Вильно и Евье, которая повторяется в ряде изданий Кутеинского монастыря, книги, изданные в Кутеино, были ориентированы более на частное использование, а редкие книги для церковного служения и переиздания киевских и львовских типографов сопровождалась в предисловиях специальными разъяснениями причин их публикации — таково, например, известное предисловие к Трефологиону 1647 г., где Иоиль Труцевич прямо пишет, что издание было предпринято по причине бедственного положения православных храмов: «...О коль плача и рыдания нынѣшня послѣдняя времена достойна снѣдают и утробы вѣрным зрящим не точию олтаря раскопанная, но и дома молитвенная разоренны и от всякаго благолѣпия и украшения обнаженны, иже вся имѣния и вся блага, от древних благочестивых ктиторов вѣданная, расхитивше, храмы Божия во градѣх, паче же во всеѣх пусты и разоренны оставиша, в нихже нищии священницы православные оставша, не точию утвари благолѣпия церковнаго, но и книги нужныя имѣти не могут, паче же нужднѣишия всеѣх Трефолога Львовския печати величества и драгости ради»²¹.

Типография исподволь продолжала полемику с католиками и униатами и провозглашала свою позицию по отношению к Москов-

²⁰ Лукьяненко В.И. Каталог. Вып. 2. С. 11.

²¹ Трефологион на полный год. Кутеин: тип. Богоявленского мон., 1647. Л. 1–1нн. об.

скому государству. В предисловии к изданию «Истории о Варлааме и Иоасафе» среди причин обращения к этой книге первой называется та, что в книге содержится обоснование догмата о Троице «хоть то Скарга, учитель Рымского костела выдавши полским языком жития Святых, написал, что... Святой Дух якобы не походил и от Сына...»²². Идея воссоединения с Москвой была заложена уже в предисловии Иоила Труцевича к «Брашну духовному» 1639 г., которое включало моление за царя и патриарха Московского — «этой проповедью народ белорусский был подготовлен к воссоединению»²³.

Кутеинские типографы ставили перед собой задачу снабдить книгами для частного служения (Псалтырь, Часослов), учебными и справочными пособиями (Букварь, Лексикон Памвы Берынды) православных монахов и паству православных приходов, заботясь при этом о функциональности каждой книги, фактически превращая даже традиционные издания в сборники, содержащие наиболее необходимые во всех случаях жизни душеспасительные тексты. Предисловия к учебным и назидательным книгам писались Иоилем Труцевичем на «простой мове», чтобы обеспечить доступность книги для неискушенного читателя; с этой же целью было предпринято и переиздание «Лексикона» Памвы Берынды, «который Лексикон як есть потребный и пожитечный многим, с того зрозумет латво, иж през той не барзо долгий час так оскудел, же маль где его видети барзо»²⁴. Продолжая традиции Виленского братства, кутеинские типографы издавали толковые и нравственно-дидактические сочинения авторитетных авторов, каковым является «Дидаскалия» Сильвестра Косова, дважды изданная в Богоявленском монастыре. Особую роль играли в репертуаре кутеинской типографии сборники назидательного чтения, обращенные к братии и немногочисленным прихожанам православных храмов, сохранивших в условиях гонений свою веру, взывающие к нравственному очищению, покаянию и спасению. Самым популярным среди белорусских изданий было переводное сочинение церковного писателя, поэта, связанного с кружком князя Константина Острожского, проповедника виленского православного Свято-Духовского братства игумена Виталия (Дубенского)²⁵. Его морально-аскетический сборник «Диоптра, сиречь Зерцало, албо Изображение известное живота человеческого в мире» — это авторский сборник в трех частях, который посвящен обличению суетности мирской жизни, изображенной в отдельных ее проявлениях.

²² История о Варлааме и Иоасафе. Кутеин: тип. Богоявленского мон., 1637. Л. 3 нн

²³ *Жудро Ф.А.* История Могилевского Богоявленского братства. С. 65.

²⁴ *Памва Берында.* Лексикон словено-российский. Кутеин, 1653. Л. 1нн.

²⁵ *Турилов А.А.* Виталий // ПЭ. М., 2004. Т. 8. С. 557–558.

Сборник, по мнению А.А. Круминга, сближается с сочинениями авторов движения «нового благочестия», являясь первым переведенным на славянский язык римейком трактата Фомы Кемпийского «О подражании Христу»²⁶. Основная тема сборника — тема покаяния и спасения, особенно актуальная в условиях противостояния православных католикам и униатам, — подчеркивалась прибавлением к изданию 1651 г. покаянных «Плачей» Святогорца Фикары, сопровождавших несколько кутеинских изданий, начиная с «Брашна духовного» Спиридона Соболя 1630 г. и его же «Молитв повседневных» 1631 г. Именно изданием «Диоптры» 1654 г. завершается книгопечатание типографии Кутеинского монастыря в Белоруссии и вообще белорусское книгопечатание для православных, которое возобновляется после долгого перерыва лишь в Супрасле в 1689 г. (165).

Одноименный сборник игумена Гедеона полностью соответствовал репертуару кутеинских изданий. Это был авторский сборник духовно-нравственной тематики, с акцентированным покаянным мотивом, отвечающий требованиям опираться на авторитетные источники. Его заглавие «Зерцало духовное» также соответствовало теме самосозерцания, самопознания, идентификации, присутствующей в кутеинских изданиях, «зерцало» здесь обладало особым значением в символике нравственного самопознания²⁷.

Особенности сохранившихся списков «Зерцала духовного» и совокупность дошедших до нас сведений об их бытовании позволяет высказать довольно уверенную гипотезу о том, что сборник готовился к изданию в Кутеинской типографии в начале 50-х гг. XVII в.

Сборник «Зерцало духовное» создан на материале первых двух книг иеромонаха Гедеона — «Альфы и Омеги» и, отчасти, «Книги о вере», но представляет собой совершенно иное композиционное построение — изложенное в алфавитном порядке изображение грехов

²⁶ Круминг А.А. Подражания «Подражанию». Римейки книги Фомы Кемпийского «О подражании Христу» в славяно-русской письменности. Библиографический обзор // Фома Кемпийский. О подражании Христу. В переводе с латинского К.П. Победоносцева (1869). 2-е изд., испр. и доп. / Предисл. и коммент. В.А. Захарова; ред. И.А. Настенко. М., 2009. С. 267–269.

²⁷ Отметим переписанный в это же время в Кутеинском монастыре список Диоптры Филиппа Монотропа РНБ Q.I.246 (см.: Обстоятельное описание славяно-русских рукописей... графа Федора Андреевича Толстого / Изд. К. Калайдович и П. Строев. М., 1825. С. 448), сходный по оформлению с изданиями кутеинской типографии: белорусский полуустав, черные чернила, яркая кинovarь. Любопытно, что символ «зеркала» как точного отражения использован Иоилем Труцевичем в предисловии к «Лексикону» Памвы Берынды: «И чога бы ся хто не домыслил, в той Лексикон як в зверцадло н'якое припатруючы, з'ячыт в нем ясны выклад» (л. 1 нн).

человека с кратким описанием каждого из них и призывом к покаянию. Сборник сохранился в трех примерно единовременных (нач. 50-х гг. XVII в.) списках: ГИМ, Синод. 429 (328) и 760 (329)²⁸, а также список из Карельского краеведческого музея № 1324/1²⁹. Первая рукопись ГИМ, Синод. 429 (328) обнаруживает почти полное совпадение с виленским вариантом «Альфы и Омеги», но с дополнениями, иной организацией материала и Пристижениями, не авторскими, а какого-то иного редактора (переписчика списка Синод. 429?). О том, что это список с добавлениями позднего редактора, свидетельствует, в частности, исполненное покаянных мотивов «Пристижение к стяжателю книги сея» (л. 12–12 об.). Предисловие скомпилировано из предисловных и послесловных статей «Альфы и Омеги». В рукописи 94 главы, в отличие от 90 глав «Альфы и Омеги», но при этом названия самих глав распространены, иногда полностью заменены. Фактически это сторонняя, не авторская переработка «Альфы и Омеги», которую роднит с двумя другими списками только композиция и название. В то же время бытование этого списка связано с Воскресенским Новоиерусалимским монастырем, куда рукопись была вложена в 1660/1661 г. патриархом Никоном, а следовательно, и с местом изначального происхождения сборника.

Взаимоотношение двух других списков совершенно очевидно, оба списка — автографы иеромонаха Гедеона. Список из собрания Кар. 1324/1 представляет собой первоначальный авторский, не предназначенный для распространения, вариант сборника «Зерцало духовное». На л. 1 написано заглавие: «Зерцало духовное, в немже изображение грѣхов и страстей и различие рождения тѣх, каковым нравом прозябают, укрѣпляются и погубляют человека. Сие расположися по алфавиту словенскому зѣло душеполезное» и проставлена дата от сотворения мира и от Рождества Христова: 7160 (1652) г. Оформление карельского списка очень незамысловатое, единственным элементом, характерным для юго-западнорусской рукописной и старопечатной традиции, здесь можно назвать разлиновку листа с обязательными полями для глосс и толкований. На титуле такое поле было использовано поздним владельцем для создания рисованной рамки. Сборник составлен на основании материалов «Альфы и Омеги» и «Книги о вере», переработанных в соответствии с новой задачей — изображение в алфавитном порядке грехов и страстей человеческих. Объем цитат из Писания и святоотеческих трудов, взятых автором из своих

²⁸ Горский А.В., Невоструев К.И. Описание славянских рукописей московской Синодальной библиотеки. М., 1862. Отд. 2. Ч. 3. № 328, 329. С. 705–729.

²⁹ Памятники книжной старины Русского Севера: коллекции рукописей XV–XX веков в государственных хранилищах Республики Карелии / Сост., отв. ред. и автор предисл. А.В. Пигин. СПб., 2010. С. 212–213.

прежних книг, очень невелик. Несмотря на то, что сборник содержит 345 глав (все грехи и проступки обозначены как отдельные главы), его общий объем всего 437 листов (в 8°). В Предисловии заявлена цель создания сборника: «Сие не на показание сотворих, но да познаю своя согрешения и окаю себѣ» (л. 7об.). Сборник написан в основном на церковнославянском языке, но названия грехов в начале оглавления (л. 10–20) продублированы названиями на «простой мове», варианты дублирующих названий совпадают с чтениями «Лексикона» Памвы Беринды («безаконие — неправость», «безболезние» — неболенье» и т.д.). В конце книги помещена традиционная просьба о прощении в погрешениях (л. 426об.), которая дословно совпадает здесь с таким же прощением в «Книге о вере» по наиболее близкому к авторскому списку РГАДА, собр. Оболенского, № 34 (л. 5).

Но уже в карельском списке есть свидетельства изменения первоначального авторского замысла. Уже в этой рукописи имеется на полях и в тексте авторская правка, вставленная специальными «корректорскими» значками и дописанная более беглым, условно говоря, «скорописным», почерком иеромонаха Гедеона. Правка представляет собой введение в текст дополнительных источников, параллельные отсылки к главам внутри книги или дополнение заключающего главу авторского Пристизжения (л. 35–37, 64об., 65 и т.д., почти на всех листах рукописи). Эти вставки свидетельствуют о начатой автором работе по редактированию и дополнению сборника.

Цель такой работы отчетливо видна в следующем списке ГИМ Синод. 760 (329). Уже формат (4°) и титульный лист (л. 1) представляют нам совсем новый вариант сборника, абсолютно сходного по оформлению с кутеинскими изданиями этого периода. Текст в два цвета, так же как и в карельском списке, на титульном листе и далее во всей рукописи вписан в двойную прочерченную рамку, по конфигурации идентичную изданиям. Яркие черные чернила сочетаются с яркой киноварью. Самозаглавие рукописи написано вязью, имитирующей киноварную вязь в самозаглавиях кутеинских изданий. Традиционным способом для датировки на титулах изданий киноварью проставлена дата от сотворения мира (7160) и от Рождества Христова (1652 год).

На титуле (л. 1) помещена вырезанная с отдельного оттиска входная заставка с изображением Иисуса Христа, Богородицы и Иоанна Предтечи. Такая заставка использовалась в кутеинских изданиях начиная с «Брашна духовного» 1639 г. (л. 174, 235, 253) и до изданий 1650-х гг.: Трефологийон 1647 г. (л. 1, 232 1-го сч.); Псалтырь 1650 г. (л. 1); Новый Завет с Псалтырью 1652 г. (л. 15, 66, 106 и др.). При этом состояние доски, с которой сделан оттиск, вклеенный в рукопись, соответствует именно состоянию на отпечатках в последних изданиях. Точно такую же картину можно увидеть для заставки

на л. 16 в Синод. 760 (329). Эта заставка использована во многих кутеинских изданиях начиная с «Брашна духовного» 1639 г (л. 117, 246); Трефологион 1647 г. (л. 104, 203об., 291об. и др.), Новый завет с Псалтырю 1652 г. (л. 474 3-го сч); «Дидакалия» Сильвестра Косова 1653 г (л. 1). Доска, с которой сделан оттиск, также отражает состояние изданий 1650-х гг.

Текст сборника существенно перерабатывается и дополняется новыми материалами и структурными элементами, свидетельствующими о подготовке книги для читателя, для издания. Во-первых, в Предисловие выносятся совершенно другая цель — привести «самая нужнѣшая ко избѣжанію безчисленных навѣтов и злокозньств вражиих и ко улучению незаблудного пути, а наипаче спасения» (л. 2об.) и далее «в сии послѣднии многорыдательнии времена ужасохся за грубость и невѣжество свое писати, но ради братии сущих со мною к сему собранию понудихся» (л. 4об.). При этом само предисловие называется «Предисловием о училище или врачестве духовном» и начинается традиционным обращением «Благочестивому читателю и в писаниих люботщатливому в Господе радоватися, здравствовати и умудратися духовно усердно желаю» (л. 2).

Книга добавляется указателем «Сочисление святых книг, от нихже собрание сие составися» (л. 7об.–9); «Каталог или сочинение по алфавиту словенскому грѣхов и страстей» (т.е. оглавление сборника, л. 10–16) составлен с учетом правки и вставок в карельскую рукопись, при этом, чтобы довести число глав до значимой цифры 300, собственные компиляции автора дополняются поучениями, выписанными в основном из Пролога «московской печати»: «В навершеніе трисотных глав поучения святых душеполезная приведошася, понеже от числа грѣхов и страстей в нѣкоих главах по двѣ и три сочисляются» (л. 14). Пристрастие игумена Гедеона ко всякого рода математическим расчетам и символическим значениям чисел отмечается еще в «Альфе и Омеге», текст которой завершается рассуждениями о числе месяцев и дней в году и подобающих к тому душеполезных чтениях.

Последняя, 300-я глава в рукописи Синод. 760 (329) — это проникнутое эсхатологическими настроениями «Слово о малой части спасающихся», построенное как комментарий к «Летописцу вскоре» патриарха Никифора. Текст написан на основании материалов 30-й главы об антихристе из «Книги о вере», на которую, в том числе, собирательно дана ссылка и в тексте: «О сем в книгах о вѣрѣ, православными изданных, пространнѣе» (л. 411). Сборник завершается «Сочислением добродетелей», заявленным, но не прибавленным в карельском списке (л. 412об.–416об.), «Пристижением о училище или врачестве духовном» (л. 417–418) с характеристикой источников и изложением принципов их использования, покаянными стихирами из Октоиха 1647 г. (л. 418об.–419), несколькими

статьями о исповедании (л. 419об.—420об.), традиционным славословием и, наконец, неравносложными виршами — плачем о грехах человека на «простой мове» (нач.: «Плачь, человек, ляментуй, выпущай стогнаня...», л. 421об.).

Основной текст рукописи Синод. 760 (329) написан с учетом той правки, которая была сделана в карельском списке, но существенно дополнен новой. Список Синод. 760 буквально испещрен правкой, вставки в текст делаются при помощи разнообразных чернильных и киноварных «корректорских знаков», вставлено большое число новых источников, причем прежде всего из печатных украинских и белорусских книг, в том числе «Истории о Варлааме и Иоасафе», «Диоптры» Виталия Дубенского, «Бесед духовных» Макария Египетского и др. Почти все главы книги дополнены Пристижениями, ко многим местам текста даны внутренние отсылки, как на предыдущие главы, так и на последующие. Сама правка вписана на поля рукописи, вложена на всех свободных местах основного текста, выписана на отдельные листы, равного с рукописью или меньшего формата.

Таким образом, рукопись Син. 760 (329) демонстрирует интенсивную редакторскую работу игумена Гедеона над своим сборником, как можно предположить, предназначенным для издания в Кутеинской типографии. Замечательно, что примерно в это время или чуть раньше такая же работа шла в Москве на Печатном дворе, где готовился к изданию сборник иеромонаха Гедеона, позднее изданный в Супрасле под названием «Альфа и Омега». Причем свидетельства о подготовке этой книги к изданию сводятся к тому же алгоритму: создание рукописных копий авторского текста на Печатном дворе, редакция текста, дополнение книги предисловиями. Отличие состоит в том, что авторский вариант, с которым в конце концов работали московские справщики, нам так и остался неизвестным, но сохранились две рукописные копии — идентичные списки БАН Арх. Д. 430 и РГБ, собр. Егорова 1429, сделанные писцами Печатного двора. В рукописях проставлена правка и вписаны параллельные чтения к переводу с «простой мовы», правка вставлена чернилами и киноварью, а на одной из этих рукописей — РГБ, Егорова № 1429 — перед заглавием на л. 1 вклеена вырезанная с отдельного оттиска заставка того варианта, который начал употребляться на Печатном дворе именно в нач. 50-х гг. XVII в.³⁰

Работа над сборником «Зерцало духовное» в Кутеино, так же как и над московским изданием «Альфы и Омegi», не была завершена. Скорее всего, причинами тому могли быть и смерть автора, последние сведения о котором относятся к кон. 1654 г., и все обстоятельства

³⁰ *Зернова А.С.* Орнаментика книг московской печати XVI—XVII вв.: Альбом. М., 1952. № 276а.

и события, происходившие с Кутеинским монастырем после 1654 г. Но следы бытования третьего сборника игумена Гедеона среди книг Кутеинского монастыря обнаруживаются и в последующие годы. Рукопись Син. 429 (328) в 1660/1661 г. была вложена патриархом Никоном в Воскресенский Новоиерусалимский монастырь, она отмечена Евфимием Чудовским в Описи книг, переданных в 1676 г. из Воскресенского монастыря в Патриаршую ризницу³¹. Известно, что в Валдайский Иверский монастырь, откуда рукопись в свою очередь была перенесена патриархом Никоном в Воскресенский Новоиерусалимский монастырь, попали книги из Кутеино, что приближает бытование текста к месту, с которым связаны труды игумена Гедеона. Рукопись Син. 760 (329) попала на московский Печатный двор, разделив судьбу других книг из кутеинской библиотеки, об этом свидетельствует проставленная на л. 1 скрепа справщика Печатного двора Никифора Симеонова. И наконец, отдельный список и несколько тетрадей с выписками из «Зерцала духовного» игумена Гедеона, судя по всему, впоследствии оказались в библиотеке новгородского митрополита Иова, который посещал Валдайский Иверский монастырь перед своим поставлением на новгородскую кафедру и оставлял там указания о переписке для него рукописей³². Среди «писмянных в десть» книг из домовой библиотеки Иова Новгородского упоминается «Зерцало духовное, по алфавиту, на страсти человеческие» — запись фактически воспроизводит самоглавие сборника иеромонаха Гедеона³³.

Несмотря на то что «Зерцало духовное» полностью соответствовало жанровым и тематическим предпочтениям кутеинских типографов, издание этой книги, конечно, не могло бы осуществиться без определенного события, придававшего авторитет избранному для публикации автору. И таким событием для Иоила Труцевича и его братии, несомненно, было осуществленное в Москве издание «Книги о вере» в 1648 г. и, по-видимому, сведения об «Альфе и Омеге», также одобренной и получившей свою предпечатную историю в Москве в середине XVII века.

³¹ «Книга Зерцало духовное, писано полууставом в полдесть» (см.: Евфимий Чудовский: Опись книг, переданных в 1676 г. из Воскресенского монастыря в Патриаршую ризницу, № 535 // ЧОИДР. (М.), 1846. № 5. Отд. 4. Смес. С. 18).

³² *Галкин А.К.* Иов, митр. Новгородский и Великолуцкий // ПЭ. М., 2010. Т. 25. С. 295.

³³ Описание документов и дел, хранящихся в архиве Святейшего Правительствующего Синода. СПб., 1868. Т. 1. Прил. VIII. Стб. LXXXIII.

Россия и Бранденбургско-Прусское государство в 1660-е гг.

(от Оливского мира до Андрусовского перемирия)

DOI 10.31168/91674-483-5.36

Исследования последних десятилетий, в особенности работы Б.Н. Флори, вывели изучение внешней политики России XVII в. на новый уровень; проведенный в них систематический анализ внешнеполитической документации существенно расширил наши представления о курсе московской политики по отношению к основным ее контрагентам: Речи Посполитой, Швеции, Османской империи и Крыму. Этот скачок позволяет гораздо лучше понять историю отношений Московского царства с внешнеполитическими партнерами второго плана и вписать эти контакты, ранее представлявшие набором изолированных эпизодов, в динамику международного положения России и ее соседей.

Примером сказанного могут служить дипломатические отношения России с Бранденбургско-Прусским государством, одним из ведущих германских княжеств, все громче после окончания Тридцатилетней войны заявлявшим о себе в европейских международных отношениях. Бранденбургский курфюрст и одновременно герцог прусский Фридрих-Вильгельм Гогенцоллерн, заслуженно получивший впоследствии прозвище «великого курфюрста», принимал активное участие в польско-шведской войне 1655–1660 гг., будучи в разное время связан союзными обязательствами с Речью Посполитой и Швецией. Это обстоятельство ставило его в двусмысленное положение по отношению к России, воевавшей с обеими державами, и стимулировало частый обмен посольствами в эти годы. Необходимость добиться, чтобы враждебность царя к западным соседям не была распространена на владения курфюрста, была тем более настоятельной, что с лета 1655 г. русские войска находились в Вильне,

Ковне и Гродне, совсем недалеко от границ Пруссии. В 1656 г. был заключен русско-бранденбургский договор о дружбе и нейтралитете, по которому Фридрих-Вильгельм принимал на себя обязательство не оказывать никакой поддержки Польше, Швеции и любым другим государствам в случае их войны с Россией. К осени 1657 г. окончательно определилась ориентация курфюрста на Речь Посполитую. Согласно договорам в Велау и Быдгощи, взамен оборонительного союза с курфюрстом против Швеции польский король отказывался от прав сюзерена на герцогство Пруссия (уступка тем более легкая, что в герцогстве не было земельных владений польских магнатов и шляхты), которое становилось суверенным владением Гогенцоллернов; между государствами заключался «вечный» союз. На основании этих договоров Бранденбург принял участие в коалиционной войне против Швеции, в которой Польшу поддержали Австрия и Дания. 3 мая 1660 г. эта война завершилась подписанием Оливского мира, подтвердившего для курфюрста условия его соглашений с Речью Посполитой. Это стало поворотным моментом в теперь единственной продолжавшейся войне в Восточной Европе — русско-польской. Речь Посполитая получила возможность перебросить армию с шведского на русский фронт, что резко изменило соотношение сил и привело к переходу России к стратегической обороне.

В историографии русско-бранденбургских отношений середины XVII в. сложилась в чем-то парадоксальная ситуация. Если связи этих государств в 1650-е гг., в период русско-шведской и польско-шведской войн, были подробно описаны еще в конце XIX в. в работах историков, преимущественно немецких, принадлежавших к прусской «малогерманской школе» или испытывавших ее влияние, в то время как русская наука до последнего времени практически не уделяла этим сюжетам внимания, — то эпоха после Оливского мира, когда лишь на востоке продолжалась русско-польская война, не нашла своего дотошного исследователя в Германии¹; напротив, со стороны российской политики это время благодаря трудам Б.Н. Флори изучено уже весьма основательно. Отчасти это объясняется тем, что в противоположность 1650-м гг., когда политика курфюрста активно действовала на российском направлении, большую часть следующего десятилетия инициатива контакта постоянно оставалась на российской стороне, а планы отправления бранденбургских посольств несколько раз оказывались вообще нереализованными; это не способствовало, конечно, интересу немецких исследователей. Как показал Б.Н. Флоря, Бранденбург

¹ *Форстен Г.В.* К внешней политике великого курфюрста Фридриха Вильгельма бранденбургского (продолжение) // ЖМНП. Ч. 330. 1900 г. Июль. С. 22–58; *Hirsch F.* Einleitung // *Urkunden und Actenstücke zur Geschichte des Kurfürsten Friedrich Wilhelm von Brandenburg.* Berlin, 1906. Bd. 19. S. 247–268.

рассматривался московским правительством как дружественное государство, и этим объясняется его выбор как возможного посредника на переговорах с Польшей. В то же время тесные союзнические отношения курфюрста с Польшей не позволяли ему с полной свободой контактировать с Россией². В настоящей статье мы рассмотрим все эпизоды русско-бранденбургского контакта 1660–1665 гг. (в 1666 г. они не зафиксированы), прослеживая изменение планов сторон по отношению друг к другу. Состояние источников, которые весьма фрагментарны с российской стороны, обусловило несколько большее внимание к эволюции бранденбургской политики.

Первая половина 1660 г. была отмечена походом армии кн. И.А. Хованского в западные районы Великого княжества Литовского, причем в планах царя было, усилив ее, направить удар в сторону Варшавы³. Как показал Б.Н. Флоря, успешные действия русских войск послужили одним из факторов, ускоривших заключение мира Речи Посполитой со Швецией⁴. Для курфюрста активизация военных столкновений вблизи границ Пруссии была явлением нежелательным. Помимо риска от отдельных потерявших дисциплину отрядов это стимулировало поток беженцев в его владения и создавало большие препятствия для торговли Пруссии с ВКЛ, что было одной из основных статей ее экономики.

Неудивительно, что посольству, направленному в Варшаву для ратификации Оливского мира, было поручено среди прочего и предложить посредничество курфюрста между Речью Посполитой и Россией⁵. Это предложение, очевидно, должно было служить не только обеспечению безопасности Прусского герцогства, но и демонстрации союзнической верности и добрых услуг курфюрста польскому двору, от которого послу И. фон Ховербеку предстояло добиваться важной уступки — передачи под власть Фридриха-Вильгельма, согласно мирному договору, важного западнопрусского центра Эльбинга (пол. Эльблонг).

Хотя предложения Ховербека были встречены с благодарностью, ему стало известно о нежелании части сенаторов соглашаться на участие Бранденбурга, а король Ян-Казимир высказал сомнения в успехе, отметив, что начавшиеся русско-польские переговоры уже оказались близки к разрыву. 7 июля посланнику было официально

² Флоря Б.Н. Внешнеполитическая программа А.Л. Ордина-Нащокина и попытки ее осуществления. М., 2013. С. 90–91.

³ Курбатов О.А. «Литовский поход 7168 года» князя И.А. Хованского и битва при Полонке // Славяноведение. 2003. № 4. С. 31.

⁴ Флоря Б.Н. Русское государство и его западные соседи (1655–1661 гг.). М., 2010. С. 531.

⁵ Urkunden und Actenstücke zur Geschichte des Kurfürsten Friedrich Wilhelm von Brandenburg. Berlin, 1879. Bd. 9. S. 22, 30–31. (28 мая, 24 июня 1660 г.).

объявлено, что сенат согласен на посылку бранденбургского представителя к царю с призывом к заключению «справедливого» мира⁶. Фридрих-Вильгельм справедливо воспринял это как отказ от его посреднических услуг, но еще 30 июля оставался при намерении послать своего представителя к царю с призывом к миру, с тем чтобы дипломат попытался в ходе миссии взять на себя и посреднические функции, чтобы предотвратить появление в русско-польском договоре условий, противоречащих интересам протестантизма и самого курфюрста⁷. Отметим, что по условиям Велавского договора 1657 г. курфюрст должен был быть включен в будущий русско-польский мирный договор⁸; здесь мы видим его первую попытку принять участие в переговорах Москвы и Варшавы. Мотивом для этого, помимо декларируемой заботы о соблюдении интересов Бранденбурга в русско-польском мире, было, вероятно, и стремление зафиксировать новый статус суверенного владетеля Пруссии в этом международном акте, тем самым добавив и Россию к Австрии и Франции как гарантам своего Оливского соглашения с Польшей.

Отсутствие у польской стороны энтузиазма по поводу бранденбургского посредничества не должно удивлять. После заключения мира со Швецией в польско-литовских правящих кругах возобладало стремление военной силой добиться выгодных условий мира с Россией⁹. Подобный курс сохранялся и на протяжении последующих лет¹⁰. Между тем уже в ходе летних переговоров Ховербека произошли важные изменения на театре военных действий: 18 июня (ст. ст.) войска И.А. Хованского потерпели тяжелое поражение на Полонке от польско-литовской армии С. Чарнецкого и П. Сапеги¹¹, что только укрепило воинственные настроения. Еще более этому способствовала капитуляция армии В.Б. Шереметева под Чудновом в октябре, после которой Ховербек продолжал призывать к мирным переговорам. Характерно, что хотя в ответ король формально констатировал стремление к миру, образцом для него он видел Чудновские договор с Ю. Хмельницким и капитуляцию Шереметева, заключенные

⁶ Ibid. S. 31, 38.

⁷ Ibid. S. 50.

⁸ Codex Diplomaticus Regni Poloniae et Magni Ducatus Lituaniae. Vilnae, 1764. Vol. 4. P. 493.

⁹ Флоря Б.Н. Русское государство и его западные соседи... С. 549; ср.: Urkunden und Actenstücke... Bd. 9. S. 31.

¹⁰ См.: *Wójcik Z.* Traktat Andruszowski 1667 г. i jego geneza. Warszawa, 1959. S. 130–131.

¹¹ Курбатов О. А. «Литовский поход»... С. 36–38; Флоря Б.Н. Русское государство и его западные соседи... С. 567–568.

«в 24 часа в открытом поле» с разгромленным противником¹². По сообщениям Ховербека, при дворе господствовало мнение, что для Республики выгоднее продолжать войну с Россией, чем искать с ней мира; посланник констатировал, что после одержанных побед у поляков очень поднялся дух и самоуверенность¹³.

Императивом польской политики курфюрста было стремление не просто избежать вовлечения в русско-польскую войну, но и не скомпрометировать себя перед царем даже подозрениями на такую помощь. Между тем польская сторона прилагала определенные усилия, чтобы курфюрст принял в войне участие. По Велавскому договору курфюрст был обязан во всех войнах Речи Посполитой предоставлять ей вспомогательный корпус численностью 1500 человек¹⁴. Вопрос об этой «субсидии» постоянно поднимался на переговорах на протяжении 1660-х гг.; по утверждениям курфюрста, эти войска были готовы поступить в распоряжение польского командования при условии их использования не против царя, а только против восставших казаков¹⁵. В то же время Ян-Казимир предлагал Богуславу Радзивиллу, назначенному курфюрстом наместником Восточной Пруссии, встать во главе какого-то прусского контингента и командовать осадой Ковна¹⁶.

В течение второй половины 1660 г. стало ясно, что польско-бранденбургские отношения омрачены целым рядом трудноразрешимых противоречий, связанных как с нежеланием польского правительства уступать обещанные курфюрсту земли (помимо Эльбинга — староство Драхимское), так и с планами двора провести при поддержке Франции выборы нового короля при жизни Яна-Казимира, чему бранденбургская политика стремилась воспрепятствовать¹⁷. То обстоятельство, что польская сторона под всяческими предложениями не соглашалась на передачу Эльбинга, стало удобным предлогом для курфюрста отказать от отправки военной «субсидии»¹⁸. Среди встречных требований,

¹² Urkunden und Actenstücke... Bd. 9. S. 152 (23 ноября 1660 г.).

¹³ Ibid. Bd. 9. S. 171 (4 янв. 1661 г.), 182–183 (28 янв. 1661 г.).

¹⁴ *Kamiński A.* Polska a Brandenburgia-Prusy w drugiej połowie XVII wieku: dzieje polityczne. Poznań, 2002. S. 27, 28–29, 53–59.

¹⁵ Urkunden und Actenstücke... Bd. 9. S. 38, 50, 54, 110, 151, 156, 159, 299 и др.

¹⁶ Ibid. Bd. 9. S. 110 (25 сентября 1660 г.).

¹⁷ *Kamiński A.* Polska a Brandenburgia-Prusy w drugiej połowie XVII wieku... S. 30–71; *Pagès G.* Le grand électeur et Louis XIV. 1660–1688. Paris, 1905. P. 3, 41–44, 48–55; *Waddington A.* Le grand électeur Frédéric Guillaume de Brandebourg. Sa politique extérieure. Paris, 1908. T. 2. P. 78–83; *Gollub H.* Der Große Kurfürst und Polen von 1660 bis 1668. Berlin, 1914.

¹⁸ Urkunden und Actenstücke... Bd. 9. S. 165 (13 декабря 1660 г.), 267, 275 (май 1661 г.), 396, прим. (авг. 1663 г.).

выполнением которых польский двор обуславливал передачу Эльбинга, стало расторжение курфюрстом союза с Москвой, под которым подразумевался отказ от нейтралитета по русско-бранденбургскому договору 1656 г.¹⁹ К концу 1660 г. было совершенно ясно, что переговоры зашли в тупик. Ховербек сообщал о беспрецедентной враждебности к нему при дворе (декабрь 1660 г., январь 1661 г.); распускались слухи, что якобы курфюрст — смертельный враг Республики, состоящий в заговоре против нее с императором и московским царем. Курфюрст будто бы побуждает царя не мириться с Польшей и вести с ней войну (февраль–июнь 1661 г.)²⁰.

Предложение посредничества или иного воздействия на Россию было выдвинуто в условиях, когда военное положение складывалось не в пользу Речи Посполитой и служило прежде всего цели оказать республике добрые услуги и тем самым укрепить с ней соседские отношения. Это было необходимо курфюрсту для укрепления своей власти в Пруссии, получения территорий, обещанных Польшей, и обеспечения безопасности своих земель. Когда победы «счастливого года» укрепили позиции Речи Посполитой на востоке и побудили в ее правящих кругах большие надежды на скорое заключение выгодного мира с Россией, бранденбургское посредничество перестало выполнять эти столь важные для курфюрста функции. Улучшение положения республики позволило двору занять на переговорах с Бранденбургом более жесткую позицию и отложить проведение в жизнь условленных уступок курфюрсту.

Надо сказать, что после поражений 1660 г. русское правительство проявило определенную заинтересованность в бранденбургском посредничестве для заключения мира с Речью Посполитой. Подобные услуги курфюрст предлагал еще в 1657 г.; на его содействие в примирении с Польшей в Москве рассчитывали при подготовке второй Виленской комиссии 1658 г.²¹ И теперь среди различных дипломатических акций конца 1660 г., направленных на смягчение последствий от понесенных ударов, была подготовлена миссия к Фридриху-Вильгельму во главе с И.А. Желябужским²². Однако он столкнулся с трудностями в пути, а тем временем царю стало известно о приближении

¹⁹ Ibid. Bd. 9. S. 167 (декабрь 1660 г.), 205 (февраль 1661 г.).

²⁰ Ibid. Bd. 9. S. 166, 182, 202, 233, 248, 256.

²¹ Прудовский П.И. Развитие русско-пруских дипломатических отношений в середине XVII века // Россия и Пруссия в середине XVII века. Т. I: Посольская книга по связям России с Бранденбургско-Пруским государством 1649–1671 гг. М., 2013. С. 506, 509–510.

²² Подробнее см.: Флоря Б.Н. Русское государство и его западные соседи... С. 608, 630–631, 633.

австрийских посредников (посольство А. Майерберга), и он был назначен сопровождать их к Москве в приставах²³. К этому времени русскому правительству стало известно от курляндского герцога о том, что курфюрст находится в своих рейнских владениях и, вероятно, не будет заинтересован посредничать²⁴, что, как мы видели, лишь отчасти соответствовало действительности. В сложившихся условиях логично было не распылять усилия, а сосредоточить их на разработке предпочтительного варианта — австрийского посредничества. Все же через Курляндию известие о желании царя видеть курфюрста посредником было ему передано, причем в качестве места возможных переговоров назывался Кёнигсберг; эта подробность заставляет думать, что за этим сообщением стоит действительная просьба русской стороны, возможно, исходившая от А.Л. Ордина-Нащокина²⁵.

В середине 1661 г. серьезно осложнилось внутреннее положение Речи Посполитой. Коронное и литовское войско отказали в повиновении властям и образовали конфедерации, требовавшие выплаты жалованья и удовлетворения в ряде других вопросов. Для обсуждения этих материй был созван внеочередной сейм, куда курфюрст направил И. фон Ховербека (инструкция от 20 февраля 1662 г.)²⁶. В это же время возникла возможность новых русско-польских переговоров. Польские комиссары, назначенные еще сеймом 1661 г. для переговоров с Россией, собрались в январе — феврале 1662 г. в Белоруссии, где ждали московских послов²⁷. На эти переговоры Фридрих-Вильгельм постановил отправить своего представителя, которым стал ноймаркский чиновник Вольфганг-Эразм фон Борнштедт, до этого в 1657 г. выполнявший дипломатическое поручение при С. Чарнецком²⁸.

Вопросы отношений с Россией в инструкциях Ховербеку и Борнштедту (27 февраля ст. ст.) решены практически идентично. Ховербеку предписывалось от имени курфюрста посоветовать заключить мир с Москвой, пока еще свежи выдающиеся успехи польского оружия, плоды которых в любой момент могут быть уничтожены поворотом военного счастья. При этом следовало добиваться, чтобы на переговорах были приняты во внимание интересы курфюрста и не появилось никаких условий, которые бы несли в

²³ РГАДА. Ф. 74. Оп. 1. 1660 г. № 2. Л. 112 (27 февраля ст. ст. 1661 г.).

²⁴ *Флоря Б.Н.* Русское государство... С. 633.

²⁵ *Urkunden und Actenstücke...* Bd. 9. S. 217. См.: *Флоря Б.Н.* Внешнеполитическая программа А.Л. Ордина-Нащокина... С. 90.

²⁶ *Urkunden und Actenstücke...* Bd. 9. S. 310–316.

²⁷ *Wójcik Z.* Traktat Andruszowski 1667 r. i jego geneza... S. 101–107, 112.

²⁸ *Pauli K.-F.* Allgemeine preussische staats-geschichte. Halle, 1764. Bd. 5. S. 86.

себе ущерб для него и для его вечного союза с Речью Посполитой. На основании Велавско-Быдгошского договора, по которому курфюрст как вечный союзник республики должен быть включен в русско-польский договор, представитель курфюрста должен быть по достоинству принят и допущен на переговоры. Принятие противоречащих интересам курфюрста и его договорам с Речью Посполитой условий будет для последней не только постыдно, но и вредно, поскольку в этом случае курфюрст будет свободен от своих встречных обязательств по отношению к Польско-Литовскому государству²⁹. Инструкция, как мы видим, выдержана в достаточно ультимативном тоне, который, конечно, Ховербеку предстояло дипломатично смягчить на переговорах, но который показывает раздражение Фридриха-Вильгельма от противодействия польских правящих кругов получению им положенных по договорам выгод. Это заставляет думать, что курфюрст держал в уме давление на Речь Посполитую угрозой своего сближения с Россией, которое стало бы возможным в случае появления на русско-польских переговорах Борнштедта. Тот должен был добиваться допуска на переговоры у польских и российских комиссаров; следить за соблюдением интересов курфюрста и информировать того о всем происходящем на переговорах³⁰. Однако миссия его не состоялась, как и сам русско-польский съезд. О разрыве переговоров польские комиссары сообщили Ховербеку, добавляя, что курфюрсту нет необходимости снаряжать свое посольство. По информации бранденбургского дипломата, московский посланник в Варшаве (А.И. Нестеров) заверял в возможности возобновления переговоров. Неясно, вступал ли Ховербек лично с ним в контакт (что, впрочем, сомнительно) или передавал слова польских контрагентов. Несмотря на сомнения многих в Варшаве в возможности вновь завязать мирные переговоры с Москвой, Ховербек не исключал такой вероятности³¹.

Дипломат продолжал следить за развитием русско-польских отношений, прежде всего за ходом военных действий, но до осени 1662 г., когда он вернулся в Пруссию, мирные переговоры так и не успели возобновиться. Следующая попытка русско-польского урегулирования, переговоры великого и полномочного посольства А.Л. Ордина-Нащокина во Львове весной 1663 г., прошла в отсутствие в Польше бранден-

²⁹ Urkunden und Actenstücke... Bd. 9. S. 314.

³⁰ GStA PK. I. HA Geheimer Rat, Rep. 11 Auswärtige Beziehungen, Akten. № 6550. Fol. 16–20v.; изложено в: *Hirsch F.* Einleitung... S. 249–250.

³¹ Urkunden und Actenstücke... Bd. 9. S. 321 (Ховербек — курфюрсту, 10 марта 1662 г.), 335 (то же, 31 марта); *Wójcik Z.* Traktat Andruszowski 1667 r. i jego geneza... S. 112–114.

бургских представителей, что отрезало возможность предусмотренного его наказом привлечения курфюрста и Б. Радзивилла к переговорам³². Знаменательно при этом, что российский дипломат поднимал на своих переговорах тему польско-бранденбургских отношений: представляя своим контрагентам выгоды предлагаемого им союза Речи Посполитой с Россией, он назвал среди прочего отказ курфюрста от притязаний на Эльбинг³³. Это показывает, что в России не просто продолжали учитывать политику Бранденбурга в своих расчетах, но и были осведомлены о трениях между Фридрихом-Вильгельмом и республикой.

Бранденбургско-польские переговоры вновь завязались лишь в августе 1663 г., когда курфюрст, подавив оппозицию и достигнув компромисса с прусскими сословиями, стал добиваться предусмотренного договором участия польских комиссаров в принесении ему жителями герцогства присяги³⁴. На этих переговорах, проходивших в условиях, когда король, его ближайшие советники и высшие должностные лица республики находились в масштабном походе на Левобережную Украину и Россию, вопрос о каком-либо участии Бранденбурга в русско-польском урегулировании не поднимался; предпринимались вялые попытки получить от курфюрста вспомогательный контингент, но общим настроением была надежда на скорое заключение мира в результате успешной кампании³⁵. Неудача похода и крушение этой надежды случились уже после принесения присяги в октябре, когда в польско-бранденбургских официальных контактах наступил новый перерыв.

Первоначально сопутствовавшие походу Яна-Казимира успехи, а также возвращение Ордина-Нащокина с известием о неудаче своих мирных предложений побудили московское правительство среди прочих шагов обратиться к курфюрсту. С обширной грамотой (датирована 16 декабря 1663 г.) к нему должен был отправиться рейтарский полуполковник Вилим Кармихель. По-видимому, грамота должна была выполнять пропагандистскую функцию, раскрывая миролюбивые настроения царя и его попытки заключить справедливый мир с Польшей и, напротив, гордость поляков и их предпочтение христианскому миру союза с мусульманами. Хотя, как справедливо отмечает Б.Н. Флоря, от курфюрста не ждали существенного содействия и не обращали к нему конкретных просьб об этом, царь все же

³² Флоря Б.Н. Внешнеполитическая программа... С. 92.

³³ *Wójcik Z.* Traktat Andruszowski... S. 127–128.

³⁴ *Kamiński A.* Stany Prus Książęcych wobec rządów Brandenburgii w drugiej połowie XVII wieku. Olsztyn, 1995. S. 97–99; *Idem.* Polska a Brandenburgia-Prusy... S. 60–64; *Pagès G.* Le grand électeur et Louis XIV... P. 89–94.

³⁵ *Urkunden und Actenstücke...* Bd. 9. S. 415, 418, 429, 443.

настойчиво приглашал его к более тесному контакту, сообщая, что его посланников и гонцов будут ждать во Пскове³⁶, что было логично, ибо, в отличие от русских дипломатов, их должны были пропустить по кратчайшему пути через земли Речи Посполитой. Очевидно, не зная о планах Фридриха-Вильгельма, царь воздерживался от того, чтобы предлагать тому какие-либо конкретные шаги, но при этом недвусмысленно давал понять, что в подобных шагах с его стороны Россия сильно заинтересована.

В. Кармихель не доехал до Пруссии. Судьба его нам не известна, но грамота, которую он должен был доставить, оказалась в руках литовцев. Только в конце 1664 г. курфюрст узнал о ее существовании, а ее содержание было в общих чертах изложено Ховербеку лишь в марте 1665 г. литовским канцлером К. Пацем³⁷.

Не зная о грамоте Алексея Михайловича, курфюрст все же, как и в 1662 г., изъявлял желание иметь своего представителя на русско-польском съезде, собравшемся в июне 1664 г. в Дуровичах³⁸. Судя по тому, что верительные грамоты и инструкция ему были составлены только 18 и 19 июля, когда переговоры уже находились в полном разгаре, приглашения на конгресс, на которое он мог рассчитывать по Велавскому миру, курфюрст не получал, а реагировал на пришедшие известия. Уполномоченный должен был, как и ранее Борнштедт, добиваться включения курфюрста в мирный договор и следить за соответствием его условий интересам его государства. Посланником на съезд курфюрст назначил своего гофрата Яна Меженского, клиента, доверенное лицо и близкого советника Б. Радзивилла, который в то же время имел в Великом княжестве Литовском достоинство маршалка вилькомирского³⁹. Именно последнее обстоятельство оказалось препятствием для его кандидатуры: согласно представлению Радзивилла, комиссары Речи Посполитой едва ли допустили бы на переговоры литовского шляхтича в качестве представителя чужеземного potentата; в итоге посылка не состоялась.

Тем не менее инструкция послам на сейм 1664 г. показывает, что программа курфюрста оставалась прежней. Послы должны были постараться при благоприятных обстоятельствах ускорить заключение трактата с Россией, а если заметят, что посредничество курфюрста может

³⁶ Флоря Б.Н. Внешнеполитическая программа... С. 92; РГАДА. Ф. 74. Оп. 1. 1663 г. № 1. Л. 14.

³⁷ Urkunden und Actenstücke... Berlin, 1892. Bd. 12. S. 243, 269.

³⁸ Флоря Б.Н. Внешнеполитическая программа... С. 57 и далее.

³⁹ GStA PK. I. HA Geheimer Rat, Rep. 11 Auswärtige Beziehungen, Akten. № 6552. Листы не нумерованы; Hirsch F. Einleitung... S. 250–251; о Меженском см.: Rachuba A. Konfederacje wojska litewskiego 1655–1663. Zabrze, 2010. S. 54, 196.

быть принято, официально предложить его. Следовало во всяком случае стремиться к включению курфюрста в мирный договор⁴⁰.

В то же время российские политики продолжали поиски урегулирования с Речью Посполитой при помощи посредников. С этой целью в феврале 1665 г. в Австрию, Данию и Бранденбург был направлен иноземец Петр Марселлис, миссию которого подробно, насколько позволяет скудость сохранившихся источников, изучил Б.Н. Флоря. Он показал, что Марселлис должен был просить Фридриха-Вильгельма не собственно о посредничестве, а лишь о содействии мирным переговорам, на что тот ответил согласием; впрочем, реальной пользы это не принесло ввиду напряженных отношений курфюрста с польским двором во время рокоша Е. Любомирского⁴¹. Обращает на себя внимание предписанное дипломату обращение и к Б. Радзивиллу, которого также следовало призывать к поддержке мирного курса в республике⁴². Здесь, как и ранее в 1658 и 1662 гг., правительство Алексея Михайловича предполагало возможность совместного действия этих двух влиятельных в Речи Посполитой протестантских фигур в направлении, выгодном России.

В мае 1665 г. в Пскове напрасно ожидали приезда бранденбургского посла, на что, вероятно, давало надежду неизвестное донесение Марселлиса Ордину-Нащокину⁴³. Нет сведений и о какой бы то ни было заинтересованности курфюрста в участии в съезде в Андрусове в 1666 г. Видимо, это связано с гораздо большей актуальностью для него конфликта между Любомирским и двором. Нельзя исключать, что свою роль сыграла и вовлеченность курфюрста в войну между епископом мюнстерским и Нидерландами, потребовавшая его присутствия на Рейне.

Как мы видели, основным мотивом российской политики для обращения к Бранденбургу было желание найти силы, которые могли бы способствовать смягчению позиции Речи Посполитой, по меньшей мере до середины 1665 г. твердо стоявшей на возвращении к довоенным границам. С этой целью царь несколько раз пытался связаться с курфюрстом, рассчитывая не только и не столько на его формальное посредничество, сколько на его контакты в правящих кругах республики и, по-видимому, авторитет в среде польских и литовских протестантов.

Для Бранденбурга лейтмотивом его политики стало желание укрепить международные гарантии своих соглашений с Польшей

⁴⁰ Urkunden und Actenstücke... Berlin, 1892. Bd. 12. S. 242 (12 декабря 1664 г.).

⁴¹ Флоря Б.Н. Внешнеполитическая программа... С. 96–100.

⁴² Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранных. СПб., 1856. Т. 4. Стб. 540.

⁴³ РГАДА. Ф. 74. Оп. 1. 1665 г. № 2. Л. 2.

путем их включения в русско-польский договор; сравним это с тем, как настойчиво Фридрих-Вильгельм добивался от Франции гарантии на условие о передаче ему Эльбинга. Не меньший, если не больший интерес курфюрста состоял в том, чтобы ликвидировать возможность военных действий вблизи своих границ и восстановить полноценную торговлю Пруссии с ВКЛ, чего можно было достигнуть лишь миром России и Польши. При этом серьезные трения, возникшие в 1660-е г. между польским правительством и курфюрстом, не привели к сближению последнего с Россией. Объективно имея почву для сотрудничества, Россия и Бранденбург еще не достигли такого уровня взаимопонимания и такой традиции совместных действий, которая могла бы позволить им проводить координированную политику. Курфюрст еще не добился такого уровня консолидации своих разрозненных владений и не настолько укрепил центральный контроль над ними, чтобы в условиях, когда сословия отдельных земель сохраняли возможности оказывать его политике сильное противодействие, рисковать не просто конфликтом, но даже серьезным ухудшением отношений с Речью Посполитой, ближайшим и наиболее могущественным соседом, располагавшим, несмотря на отсутствие внутреннего единства и трудности с их мобилизацией, огромными военными и экономическими резервами. Для России же трудность заключалась в том, что в условиях войны польско-литовские силы перерезали наиболее удобные пути коммуникации с владениями курфюрста и царскому правительству приходилось полагаться на инициативу курфюрста в поддержке контактов с ним.

Подводя итог, можно назвать следующие основные причины слабости русско-бранденбургского контакта на последнем этапе русско-польской войны: отступление русских войск из западной части ВКЛ и от границ Пруссии; противодействие контактам руководителей польской политики и их нацеленность на военный путь решения противоречий с Россией; выход для курфюрста на первый план других вопросов, никак не связанных с русско-польскими отношениями; соображения экономии и нехватка средств на такие дорогостоящие мероприятия, как посольства.

Список сокращений

ВКЛ — Великое княжество Литовское

РГАДА — Российский государственный архив древних актов (Москва)

GStA PK — Geheimes Staatsarchiv Preußischer Kulturbesitz (Berlin-Dahlem)

К истории «Посожского конфликта». Поездка стольника Ф.А. Головина к украинскому гетману Ивану Самойловичу в 1685 г.

DOI 10.31168/91674-483-5.37

Так называемый Посожский конфликт был связан с претензиями запорожских гетманов на владение территориями в междуречье рек Сож и Днепр, уходя своими истоками в начало 1670-х гг. и даже ранее, во времена Богдана Хмельницкого. Несмотря на его внешне пограничный и локальный характер, в 1680-е гг. его обострение оказало серьезное влияние не только на русско-польские межгосударственные отношения, но и на сложный комплекс взаимосвязей между царской властью и находившейся в тесной зависимости по отношению к ней Малой Россией (Гетманской Украиной, Гетманщиной). О претензиях предшественников на спорные земли гетман Украины Иван Самойлович вспомнил в 1683 г., накануне Андрусовской комиссии, которая предполагала заключение антитурецкого союза и постоянного мира между Россией и Речью Посполитой взамен продлевавшегося с 1667 г. перемирия, по которому за Россией осталась Левобережная Украина с Киевом, за Речью Посполитой — Правобережная. Гетманские требования были включены в наказ русскому посольству Я.Н. Одоевского, направлявшемуся в Андрусово, однако какого-то решения по ним (как и по другим вопросам) принято не было из-за разрыва переговоров.

В ставке украинского гетмана — Батурине — резонно полагали, что в ближайшие несколько лет русско-польский мир и союз скорее всего будет заключен. «Вечный» мир между давними противниками был, очевидно, невыгоден казацкой старшине, поскольку надолго бы закрепил разделение исконных территорий украинского казачества на Правое и Левобережье Днепра между двумя государствами. В этих условиях понятным было стремление украинской верхушки не допустить окончательного русско-польского примирения на существующих территориальных

условиях, направив внешнеполитическую активность Москвы на путь нового витка экспансии против Речи Посполитой с целью присоединения хотя бы части земель Правобережья Днестра. Задача эта была сложной, поскольку одновременно Самойловичу необходимо было сохранить приятные и доверительные отношения с русским правительством, с которым и Левобережная Украина, и лично гетман были связаны прочными узами самого разного характера. В связи с этим Самойлович действовал весьма осторожно. Какая-то часть спорных земель в Речицком повете Великого княжества Литовского была захвачена его казаками уже в начале 1683 г., до начала Андрусовской комиссии. А вскоре после нее, летом — в начале осени 1684 г., было «заехано» уже полностью все Засожье. При этом в Москве гетман предоставлял дело как восстановление давней справедливости, обещал предоставить «подлинные свидетельства» принадлежности Посожья Войску Запорожскому со времен Б. Хмельницкого, одновременно выражая готовность очистить спорные земли, если появится соответствующее царское распоряжение.

Между тем в Польше отказывались воспринимать захват так называемых Посожских сел как локальный пограничный конфликт, видя в нем новую угрозу эскалации отношений с Россией в условиях, когда Речь Посполитая была связана войной с Османской империей и Крымским ханством. Приезжавшие в Москву польские представители требовали немедленного возврата земель, а шляхта на варшавском сейме 1685 г. всю трубила о новом московском нашествии. Русское правительство оказалось в сложной ситуации. С одной стороны, оно не готово было резко одергивать Самойловича за его самовольные действия, с другой — вынуждено было прикрывать их перед польско-литовской стороной формулировками о локальном пограничном споре, который может быть разрешен на съезде пограничных судей. Договор о таком съезде был заключен в июле 1685 г. с прибывшим в Москву польским посланником Яном Зембоцким.

В преддверии этого съезда, а также нового раунда переговоров о мире и союзе с Речью Посполитой в Москве решили направить к гетману очередного посланца. Ранее к Самойловичу ездили опытные политики и дипломаты — Е.И. Украинцев и Л.Р. Неплюев, однако повлиять на позицию гетмана они не смогли. Теперь Василий Голицын, фаворит царевны Софьи и фактический глава правительства, решил выслать в Батурин ближнего стольника Федора Алексеевича Головина (1650–1706), будущего крупного сподвижника Петра Великого, адмирала, канцлера и руководителя посольских дел. Несмотря на то, что основные события Посожского конфликта в целом в историографии выяснены¹, материалы

¹ Кочегаров К.А. Речь Посполитая и Россия в 1680–1686 гг. Заключение договора о Вечном мире. М., 2008. С. 204–212 и след. Общие обстоятельства Посожского конфликта описаны на основе данного исследования.

этой миссии ранее практически не вводились в научный оборот². Между тем они могут добавить ряд любопытных штрихов в дальнейшее изучение как Посожского конфликта, так и взаимоотношений Батурина и Москвы в эпоху гетмана Самойловича в целом.

Указ о поездке Ф.А. Головина состоялся 18 августа 1685 г., через четыре дня после выезда Я. Зембоцкого из Москвы³. Для ближнего стольника, которому уже перевалило за тридцать, это, видимо, было первое серьезное правительственное поручение. До этого он никак не проявил себя, состоял на службе при отце, боярине А.П. Головине, при котором находился, в частности, на воеводстве в Астрахани⁴. Началу его дипломатической карьеры способствовал не кто иной, как всемогущий В.В. Голицын, которому Головин был родственником по матери. В своей грамотке к Самойловичу с пожеланием здоровья и благополучия Голицын специально отмечал, что посылает ее «через столника ближнева Федора Алексеевича Головина, а моего древнаго по матке сротсва»⁵.

Переговоры с Самойловичем должны были иметь «тайный» характер, без участия посторонних. Стольник должен был проинформировать гетмана, что цари вняли его очередному челобитью не отдавать посожских сел по настоянию прибывшего в Москву Зембоцкого. Самойловичу сообщалось о достигнутых договоренностях касательно съезда межевых судей и предписывалось выслать на границу своих людей от двух до пяти человек «с подлинными на Посожские села доводами и свидетелствы» в сопровождении старожилов. При этом украинские делегаты должны были передать письменные документы, удостоверявшие правоту гетмана, русским судьям, в присутствии которых следовало допросить и старожилов. Гетмана также предупреждали, чтобы его представители «в съезжий шатер к литовским судьям не ходили, чтоб от того с ними какой ссоры не учинилось».

² Исключением является описание приема Ф.А. Головина гетманом, сделанное мною ранее. См.: *Кочегаров К.А.* Русское правительство и семья украинского гетмана Ивана Самойловича в 1681–1687 гг. М., 2012. С. 117–118.

³ Российский государственный архив древних актов (далее — РГАДА). Ф. 79. Оп. 1. Кн. 221. Л. 361, 402.

⁴ *Богоявленский С.К.* Приказные судьи XVII в. М., 1946. С. 222.

⁵ РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Кн. 221. Л. 428–428об. Биограф русского канцлера, В. Мамышев, отмечал наличие родственной связи между В.В. Голицыным и Ф.А. Головиным, но полагал, что близость последнего к Петру I сделала его «ненавистным для... крамольного временщика», который, желая отдалить родственника от двора, отправил его послом в далекий Китай. См.: *Мамышев В.* Генерал-фельдмаршал и генерал-адмирал Федор Алексеевич Головин // *Он же.* Жизнеописания русских военных деятелей. СПб., 1886. Т. 1. Вып. 2. С. 6.

Самойловича уверяли, что если окажется, что те села до начала восстания Хмельницкого принадлежали к Стародубскому повету и Черниговскому воеводству, то царское правительство оставит их за собой. В противном же случае (что представлялось более вероятным) они должны были быть возвращены Речи Посполитой, и при этом обозначен «меж Стародубского и Черниговского полков з городами литовскими и с уездами прямой рубез по старине... чтоб впред с обеих сторон ни в чем спору и ссор не было». Ф.А. Головину следовало заявить, что цари велят уступить спорные территории по результатам справедливого «сыска», даже если он окажется не в пользу русско-украинской стороны, потому что предыдущие русские монархи — Алексей Михайлович и Федор Алексеевич — утвердили перемирие с Польшей присягой. В качестве дополнительного аргумента Головин вез список с грамоты императора Леопольда I царям Ивану и Петру, в которой тот выражал поддержку Речи Посполитой в Посожском конфликте. Гетман должен был «уразуметь», что в случае его дальнейшей эскалации у поляков появится авторитетный союзник. Головин, таким образом, должен был донести до Самойловича, что спорные села необходимо уступить «по самой правде», иначе перемирие между Россией и Польшей будет разорвано. При этом, чтобы подсластить пилюлю, гетмана одновременно следовало убеждать, что Киев Речи Посполитой «никогда» возвращен не будет, а «их великих государей, их царского величества оборона от нево, гетмана, и от всего малороссийского народу никогда отъемлема не будет»⁶.

20 августа в сопровождении подьячего Никифора Венюкова Головин покинул Москву⁷. Царское правительство заранее предупредило гетмана о целях его визита через севского окольного Л.Р. Неплюева. В ответном письме ему гетман заверял, что в конце концов примет любое решение царей по поводу спорных земель, вновь говорил о стратегическом значении Засожья, предлагая поверстать тамошних жителей в стрельцы или казаки, создав из них специальное формирование численностью в 1 тыс. человек для охраны «Посожского порубежья», подчеркивая, что они о том «нас зело просят»⁸.

27 августа Головин и Венюков прибыли в Батуриин. У города их встретил сотник Еремей Андреев, сообщивший, что гетмана в городе нет, «поехал в поле тому уж три дни от Батурина верст сорок», а когда вернется, неизвестно. При этом Андреев заверил царских представителей, что о скором приезде Головина Самойловичу

⁶ Наказ Ф.А. Головину. 18 августа 1685 г. — РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Кн. 221. Л. 402–419. См. также царскую грамоту гетману от 18 августа 1685 г. (там же. Л. 423–424).

⁷ Там же. Л. 426, 525.

⁸ И. Самойлович — Л.Р. Неплюеву // Там же. Л. 523об.–524об.

известно. Действительно, тот вернулся в свою ставку на следующий день утром, заявив приехавшему к нему Венюкову, что скоро придет к ним с официальным объявлением о приеме генерального есаула И.С. Мазепу. Мазепа явился на квартире дипломатов в тот же день, по обычаю от имени гетмана спросил их «о здоровье», сообщив, что принять их он сможет только завтра, «а сего де числа быть ему некогда для того, что гетман будет у всенощного».

На следующий день Венюков и Головин в сопровождении Мазепы торжественно проследовали в гетманской карете на двор Самойловича. При встрече присутствовали генеральный судья Самойло Вуяхевич «да с коша бывшей атаман Трофим Волошанин». Царскую грамоту, привезенную Головиным, зачитывал руководитель гетманской канцелярии В.Л. Кочубей. В ходе приема гетман Самойлович публично заявил о принадлежности Посожя к Черниговскому и Стародубскому полкам, напомнил о гонениях на православие в Речи Посполитой и якобы имевшие место многочисленные нарушения польским королем Яном III договоренностей с Россией, а затем позвал Головина в церковь «для слушания о государском здравии молебного пения и литургии». В храме Самойлович «стал на своим месте, а столнику велел стать подле себя с правые руки», что подчеркивало почет, оказанный московскому гостю. После службы состоялся обед с участием старшины, а также бывших в тот момент в Батурине низовых казаков во главе с Волошениным. Традиционно первый тост под залп из сорока пушек был за великих государей. Второй кубок Самойлович поднял за царевну Софью, говоря, что «он уверен от посланных своих и слышит от многих о дивном за Божию помощь управителстве дел так великих государств благородной государыни царевны... Софьи Алексеевны, зело удивлялся ее государскому превысокому разуму, что о так перевеликие государства российского царствия от многообразных настоящих нынешняго века дел преславно сапасаает». Раздался новый залп из сорока орудий. В конце, «как со стола собрали», Самойлович пил за здоровье всех бояр и окольных, за казацкую старшину и все Войско Запорожское под выстрелы из 35 пушек. На этом официальный прием закончился. 30 августа к Головину и Венюкову вновь приехал Мазепа с известием, что официальные переговоры «о делах» переносятся, поскольку сын гетмана Яков «зело болен»⁹.

Они состоялись на следующий день, 31 августа. Помимо гетмана и московского гостя, на встрече присутствовал только В.Л. Кочубей. Выслушав аргументы русского правительства, изложенные в наказе Головину, Самойлович интерпретировал их как намерение вернуть Польше спорные территории («воля де великих государей, что изволили Посожские села уступить в сторону королевского величества»).

⁹ Там же. Л. 525–533об.

Однако это отнюдь не означало его готовность немедленно капитулировать перед царскими требованиями. Он по-прежнему настаивал, что эти земли — давние владения казацких полков и их возвращение вызовет недовольство «малороссийского народу». Гетман вспоминал статью о Киеве из Андрусовского договора 1667 г., согласно которой город должен был быть возвращен полякам через два года, но сделано это не было. Так и теперь, полагал Самойлович, следует «за многие неправды» польского короля удержать Засожье. Более того, если бы, по его словам, «их монаршеская была воля хотя малые рати за Сож послати, то б многие благочестивые под их царского величества самодержавную руку без убытку казны и людей пришли, чего они сами желают». Недавние заявления Зембоцкого, что произведенный захват означает разрыв Андрусовского перемирия, Самойлович считал блефом, учитывая, что польско-литовский сейм ни за что не согласится на новую войну с Россией, боясь спровоцировать ее на превращение локального конфликта в полномасштабные боевые действия.

Достаточно сдержанно оценил гетман и заступничество императора Леопольда I. Он предлагал в грамоте «цесарю» изложить свою версию «заезда» Посожья и полагал, что Вена не сможет оказать серьезной вооруженной поддержки Речи Посполитой за дальним расстоянием. Даже если австрийцы и вышлют небольшой отряд, рассуждал Самойлович, еще неизвестно, доберется ли он до литовской границы.

В беседе с гетманом Головин проявил осведомленность касательно русско-польских отношений и содержания заключенных с Речью Посполитой договоров. Он заявил, что вопрос о Киеве был закрыт московским договором 1678 г., «а что б ныне великим государям их царскому величеству с королевским величеством не додержа мирных договоров всчать войну и рати свои послать за Сож и... учинити того не годитца». Учитывая, что перемирие официально продлено и закреплено царской присягой, подобные вопросы можно ставить лишь по его истечении. Значение же польского союза с Австрией не стоит преуменьшать, в случае начала открытого конфликта они помогут если не людьми, то деньгами. Посожские села, таким образом, следует вернуть на будущем пограничном съезде, резюмировал Головин.

Самойлович, видимо понимая, что спорить бесполезно, стал просить, чтобы русское правительство в обмен на отказ от Посожья потребовало хотя бы возвращения имений киевских монастырей на Правобережной Украине, переданных два года назад польскими властями в управление львовскому епископу Иосифу Шумлянскому. Гетман вновь оседлал беспроигрышную в нагнетании русско-польской напряженности тему гонений на православных в Речи Посполитой. Он ссылаясь на обращения к нему православных священников Гомеля, которых силой принуждают к унии, предлагая поднять этот вопрос на ближайших русско-польских переговорах. Самойловичу было и

известно о том, что в ходе прошедшего в Варшаве сейма вопрос о направлении в Москву польско-литовского посольства для переговоров о мире и союзе решен положительно, причем якобы то, чего у дипломатов Речи Посполитой «на Москве просить будут, то уступать им позволили» в обмен на вступление России в войну с турками и крымскими татарами. Гетман, ссылаясь на письмо к нему православного шляхтича, пропойского старосты Василия Красинского, горячо убеждал Головина, что «они де поляки о преступлении клятв для размирения римского костела разрешение себе от папы имеют и николи того в грех не ставят, хотя и присягать станут, но им верить нечему, всегда они усмотря себе время мир разрывают». В качестве конкретного примера он привел факты о якобы недавнем послании Яна III Собеского турецкому султану с предложением сепаратного мира и направлении послов к крымскому хану с той же целью.

Выслушав пространную гетманскую речь, Головин предпочел завершить обсуждение главной проблемы, заметив только, что Самойлович непременно будет проинформирован о всех дальнейших контактах России с польско-литовской стороной. Гетман же напоследок предложил русскому правительству отправить послом в Османскую империю, к султану «для ведомостей каким поведением хочет кончитца у него с цесарем римским и с королем полским война». Он выражал уверенность, что Австрия и Польша хотят мира с турками «за недостатком войск своих». В целом Самойлович проявил широкую осведомленность о текущем состоянии русско-турецких отношений, считая возможным предъявить османам ряд претензий касательно набега азовских татар на царские «украинные городы». Зондирование турецких настроений ради поддержания мира со Стамбулом было бы вполне уместным, поскольку пограничные конфликты с османами провоцировала и российская сторона — в Батурине было известно, что «ныне донские казаки вышли на море».

Под конец встречи появился Мазепа, вручивший Самойловичу письмо киевского полковника с известием о прибытии в пограничный Остер посланца от польского коронного гетмана С. Яблоновского. Головин, прощаясь, попросил сообщить о содержании письма в Москву. Самойлович обещал предоставить самую полную информацию и о послании Яблоновского, и о своей недавней грамоте к крымскому хану. По основной же проблеме переговоров — судьбе Посожья — он обещал подать на царское имя специальные статьи¹⁰. На этом содержание переговоров, изложенных в статейном списке Головина, заканчивается, хотя выехал он в обратный путь только 8 сентября, ожидая, по-видимому, подготовки гетманских статей. В столицу стольник возвратился 14 сентября. В тот же день результаты

¹⁰ Там же. Л. 534–542об.

миссии были доложены правительству¹¹. Для Ф.А. Головина поездка к гетману стала прелюдией к его первой по-настоящему крупной дипломатической миссии в Китай¹², которая несомненно определила его дальнейшую карьеру в высших правительственных сферах.

В присланном с Головиным ответном письме Голицыну гетман расточал комплименты московскому гостю, который «благоразумен есть, достоин высокого почтения». Здесь же Самойлович доверительно сообщал, что готов вернуть посожские села, и просил «о наставлении, есть ли уже по указу их монаршескому оные села в полскую сторону отданы будут, возможно ли... велеть с них что ни есть сеголетних взяти доходов, хотя воздаяние оных трудов войсковых людей, которые чрез разное время целости людей в тех селах обретающихся, остерегали». Пока же гетман, по его уверению, «с тех сел и на одну денгу приходу не взял»¹³.

Официальная гетманская грамота на имя царей была посвящена даже не столько проблеме посожских сел, сколько будущему польскому посольству, которое, как видно, беспокоило Самойловича особенно. Он сообщал, что ему дал знать «с посожского рубежа подлинный человек» (В. Красинский?), а позднее подтвердили и «иные православные веры ревнители из Воляни», о направлении в Москву послов Речи Посполитой, которые высланы «по совету так папы римского, как и цесаря немецкого», при этом «в тайной раде постановлено, чтоб послы имели полную мочь во всяких делех», а именно «чинити договоры и становити покой вечный» на условиях уступки России «на вечно» Киева, Левобережной Украины и Смоленска взамен на союз против Османской империи. Самойлович убеждал московское правительство, что союз этот необходим, чтобы склонить османов к мирным переговорам. «И с тех мер их бусурман таким своим с вашим царским пресветлым величеством перемирьем и в союз призыванием от себе на ваше великих государей царствие отвратити хотят», — предостерегал украинский гетман. При этом жертвовала Речь Посполитая, по его мнению, немногим: «а не трудно им Киев и Смоленск с их землями отдавати, что обоих тех в руках своих не имеют, для того и давно они ради союзу отрещися того мыслили». Общий тон гетманского письма несомненно стремился посеять в Москве глубокое недоверие к будущим союзникам¹⁴. Эта важная

¹¹ Там же. Л. 542об.–543об.

¹² См. об этом подробнее: *Яковлева П.Т.* Первый русско-китайский договор 1689 года. М., 1958.

¹³ И. Самойлович — В.В. Голицыну. 6 сентября 1685 г. Батурин // РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Кн. 221. Л. 544–545об.

¹⁴ Грамота И. Самойловича на царское имя. 6 сентября 1685 г. Батурин // Там же. Л. 547–549. Подана в приказ Головиным 15 сентября.

задача, впрочем, не заслоняла и проблему посожских сел, которой была посвящена значительная часть привезенных Ф.А. Головиным в русскую столицу гетманских статей.

Основное их содержание предваряло характерное замечание Ивана Самойловича: «не себе какова я пожитку ишу, но желая их царского пресветлого величества преславной державе расширения, те села посожские приказал заехать». Статьи эти, ранее не исследовавшиеся и не публиковавшиеся, представляют собой один из наиболее замечательных памятников политической мысли Гетманщины. Условно этот обширный текст можно разделить на несколько частей.

В первой части гетман приводил доводы, оправдывавшие захват спорных земель. Главным из них был факт прочных политических связей Гетманщины и Засожья еще со времен Б. Хмельницкого: «Хмельницкого войною [села] привлечены были в войсковую область, в которой ныне обретаются люди, которые казацкую службу служили». Претензии на Засожье, отмечал он, поддерживали и последующие гетманы, в частности Демьян Многогрешный, «заехавший» их и удерживавший три года. «Для того и я, гетман, именем всего Войска Запорожского и всего народа малороссийского того домогался», — оправдывался Самойлович. Среди других оправданий присутствовали ссылки на захват Иосифом Шумлянским «маетностей» киевских монастырей на Правобережной Украине; постоянные пограничные споры между жителями Черниговского и Стародубского полков, с одной стороны и обитателями Засожья, с другой, которые «заезд» естественным образом должен был прекратить; склонность местных жителей, которые «желателно того хотели»; отсутствие делимитации границы в соответствии с Андрусовским договором 1667 г. и др.

Обосновав таким образом право Войска Запорожского на владение Засожьем, Самойлович далее пространно представлял, почему захваченное нельзя возвращать, несмотря на то — и теперь гетман это открыто признавал, — что до восстания Б. Хмельницкого спорные земли были частью литовских поветов Речи Посполитой. Он говорил о стратегическом положении Засожья, которое в случае войны может прикрыть территории Черниговского и Стародубского полков, рассуждал о том, что жителей Засожья, которые якобы добровольно отдались «под высокодержавную руку великих государей», не только не следует отпускать «из богохранимой державы», но и «иных, которые желателно приклоняются и о принятии, и о заступлении просят, приняти б было безгрешно, понеже монаршеская то честь есть прибегающих к себе не отдаляти». Здесь Самойлович припоминал о польских интригах 1682 г., когда политические круги Речи Посполитой во главе с королем вынашивали планы отторжения Левобережной Украины и Смоленщины, пользуясь разразившимся на Москве стрелецким бунтом. Обличение «польской интриги» вообще занимало в статьях весьма

обширное место, будучи опосредованно призвано торпедировать любые попытки сближения между Москвой и Варшавой. Здесь в ход шли аргументы двух типов — исторического и религиозного.

В первом случае Самойлович обращался к образу «извечной вражды» между Россией и Польшей, уходящей своими корнями еще во времена Древней Руси: «прежде бывшие короли полские всегда на изнищание и понижение российского старовечного славного обладания клонили, через что много российских стран лукавыми промыслы в хищение отторгнули и вовеки себе российский народ врагом написали, о которой их злобе все летописцы довольно свидетелствуют». В свое время царь Алексей Михайлович отказался возвращать Польше Киев, подчеркивал Самойлович, в силу осознания монархом того, что «то есть скипетров российского преславного царствия истинная отчина».

Религиозные доводы гетмана были более обширными, содержали в себе как конкретные примеры о гонениях на православие и намерении польских властей «соединяти церковь везде с костелы», так и более общие констатации о необходимости России поддерживать православие в Речи Посполитой. В последнем случае Самойлович напоминал, что царь Алексей Михайлович двинул на Польшу свои войска именно после отказа последней прекратить преследования единоверцев. «Возможно б за то им, великим государям, — развивал мысль гетман, — щасливо нами ныне обладающими, оным в гонении сущим православным... сотворити заступление. Не глаголю того, чтоб тотчас за военный взятися промысл, но желаю по их великих государей милости и по договорным статьям обрести им вспоможение». Самойлович считал это тем более важным, что «православные греко-русской веры исповедници усердно желают по Днепр или по Березину границу захвати».

Приводил Самойлович и доводы личного характера, сетуя, что в случае возвращения Засожья «уростет мне стыд, какова еще от юности моей не терпел есмь».

Третья часть статей содержала предложения гетмана касательно проведения пограничного съезда для «розыска» истинной принадлежности Засожья. Ужесточая свою позицию по сравнению с тем, что высказывалось в послании В.В. Голицыну от 6 сентября, Самойлович заявлял, что возвращение Засожья создаст опасный прецедент, сподвигнув польско-литовскую сторону выдвинуть претензии на Чернигов и Стародуб, а там и на всю Малую Россию, которая уже ранее «под полским их игом обреталася по Путивль».

Гетман протестовал против царского решения выслать на пограничный съезд от трех до пяти украинских представителей: «в такой малой дружине ныне опасно нашим высланным договариватись». Он рассчитывал отправить на встречу «кого знатного и разумного ис полковников, придав несколько человек знатных людей войсковых и несколькодесят ратных, чтоб умели в том деле поступить». Недоволен

был Самойлович и тем, что украинским «переговорщикам» было предписано не ходить в переговорный шатер, то есть не иметь прямых контактов с польско-литовской стороной. Он видел в этом польское «лукавство», когда «ляхи» устами Зембоцкого украинских казаков в Москве «омерзали, понижали и всякой чести чинили недостойными», добившись указанного запрета.

С практической точки зрения Самойлович пробовал предложить и компромиссный вариант раздела спорных земель, по которому за Россией и Войском Запорожским оставались те земли, которые «против Гомля, Пропойска и Кричева имеют свои поселения», а возвращены бы были участки, «что Мстиславскому воеводству смежны». В крайнем случае гетман просил оставить юридическую лазейку, которая позволяла бы претендовать на Засожье в будущем («чтоб оставлено нам приступ, чтоб могли иметь надежду, что на будущей комиссии нам возвращены будут»). В одном из последних абзацев Самойлович, впрочем, обиженно заявлял, что если в Москве решили уступить Засожье окончательно и бесповоротно, то и украинским представителям на межевой съезд ехать незачем¹⁵.

16 сентября 1685 г. гетманские статьи были заслушаны правительством при участии царей, царевны Софьи и ближних («комнатных») бояр. По их результатам было решено послать гетману грамоту «с милостивым словом». Согласно принятым решениям, Самойловича следовало уверить, что Засожье не будет возвращено Польше без «подлинного розыску и свидетелства». Гетману позволялось выслать для участия в переговорах троих «знатных» представителей, которые должны были заседать в переговорном шатре наряду с остальными участниками¹⁶. Спустя два дня последовал указ межевым судьям, явно учитывавший позицию украинского гетмана. Им приказывалось начать межевание спорных земель со Смоленского уезда, а дойдя до Засожья, писать к великим государям «наскоро» и без особенного распоряжения посожских сел не межевать¹⁷. Все это явным образом было направлено на затяжку и даже срыв пограничного съезда¹⁸. А в грамоте гетману от 20 сентября с сообщением о принятых решениях и вовсе давалась надежда на возможное оставление за Россией

¹⁵ Статьи гетмана И. Самойловича. 6 сентября 1685 г. Батурин // Там же. Л. 549об.–569.

¹⁶ Там же. Л. 569об.–570.

¹⁷ Там же. Л. 583–583 об.

¹⁸ *Кочегаров К.А.* Литовский дипломат Иосиф Лядинский и его роль в русско-польских отношениях 1680-х — первой половины 1690-х годов // Средневековая личность в письменных и археологических источниках. Материалы международной научной конференции. Москва, 13–14 октября 2016 г. М., 2016. С. 113–115.

части спорных территорий. Во время межевания гетмана обещали уведомить отдельным указом, «чтоб ис тех сел некоторые места, лежащие против Гомля и Пропойска, для не отчаяния православные веры людей надежды были под твоим regimentом оставлены», когда межевщики приблизятся к означенным землям¹⁹.

Планировавшийся на конец года русско-польский межевой съезд для разрешения конфликта вокруг Засожья в итоге не состоялся, поскольку предлагавшиеся русской стороной конкретные шаги для разрешения ситуации оказались для Речи Посполитой неприемлемы. В Варшаве не собирались межевать всю русско-польскую границу на Смоленщине и Северщине, считая это косвенным признанием того, что территории к востоку от нее уступлены России навсегда²⁰. Однако возможная радость от этого в Батурине была преждевременной. В ходе последовавших весной 1686 г. русско-польских переговоров о союзе и вечном мире В.В. Голицын ловко разыграл «посожскую карту», когда взамен на возвращение Засожья польско-литовские дипломаты пошли на ряд других уступок²¹.

В отношениях Москвы и Батурина трения по поводу Засожья стали, по всей видимости, одним из наиболее острых моментов за всю историю гетманства Ивана Самойловича. Практически открытое неповиновение гетмана распоряжениям центральной власти, которая из-за его действий оказалась в сложной дипломатической ситуации по отношению к Речи Посполитой и ее союзникам по антитурецкой лиге, не могло не вызвать недовольства в русских правительственных кругах. Особенно щекотливым положение стало после визита в столицу Я. Зембоцкого, заключившего договор о проведении межевого съезда. В этих условиях Голицын доверил переговоры с гетманом Ф.А. Головину, однако его миссия имела двоякий результат. Заявляя в письме «посольских дел оберегателю» о готовности очистить Засожье, Самойлович одновременно прислал в Москву статьи, в которых вновь последовательно настаивал на его включении в состав России. Подобная позиция гетмана не могла остаться без последствий, о чем свидетельствуют неофициальные заявления царевны Софьи уже в ходе переговоров о вечном мире²². В итоге же конфликт вокруг Засожья стал одной из причин изменения отношения к Самойловичу со стороны русского правительства, которое в конечном итоге стоило ему гетманской булавы.

¹⁹ РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Кн. 221. Л. 583об.–586об.

²⁰ *Кочегаров К.А.* Речь Посполитая... С. 213.

²¹ Там же. С. 319 и сл.

²² Там же. С. 359.

Надгробия с эпитафиями в культуре Москвы конца XVII в. и «Эпитафион» Сильвестра Медведева в память Симеона Полоцкого

DOI 10.31168/91674-483-5.38

Обычно считается, что жители Московского царства начали превращаться в «европейцев» только при Петре I, причем неохотно. На самом деле горожане (москвичи, новгородцы, ярославцы) уже с середины XVII в. привыкали к иноземному быту, по крайней мере в некоторых его проявлениях. Они давно стали европейцами — просто до 1700-х гг. и сами о том не ведали.

Свидетельства бесчисленны, начиная от новинок иконографии и распространения книгопечатания и заканчивая стремлением усовершенствовать индустрию и агротехнику (устройство стекольных заводов, попытки разводить шелкопряд и выращивать виноград, не говоря уж о проникновении множества не столь заметных, но показательных бытовых элементов, зародившейся моде на европейское и польское платье и прически). Тектоническими были сдвиги в области духовной жизни, в богослужении, в развитии форм национальной памяти, появлении новых жанров в литературе. В том числе — в оформлении кладбищ, устройстве памятных знаков.

Яркий пример — эпитафия иеромонаха Симеона (в миру — Симеон Гаврилович Петровский-Ситнянович¹, 12.1629, Полоцк — 25.08.1680, Москва), в Москве прозванного Полоцким, сохранившаяся

¹ Об именах Симеона Полоцкого: *Сазонова Л.И.* Литературная культура России. Раннее Новое время. М., 2006; *Робинсон М.А., Сазонова Л.И.* Заметки к биографии и творчеству Симеона Полоцкого // Русская литература. 1988. № 4. С. 134–147; *Гордеев М.Ю.* Новые данные к биографии Симеона Полоцкого: завещание матери просветителя // Славяноведение. 1999. С. 37–47. — URL: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Russ/XVII/1640-1660/Simeon_Polockij/testament_08_07_1657.htm

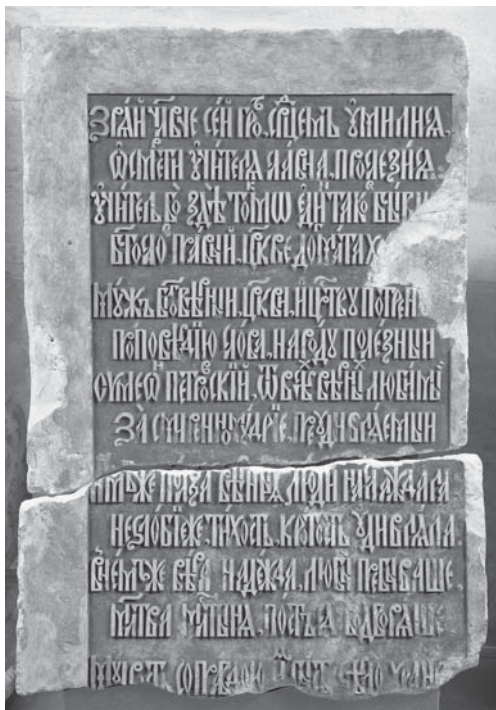
в составе памятника (сейчас в Московском государственном объединенном музее-заповеднике), который выделяется даже на фоне этой богатой коллекции. В составе собрания более 70 надгробий с XIV–XV до середины XVIII в., демонстрирующих весь путь развития индивидуальных погребальных сооружений церковных кладбищ Москвы от послемонгольских столетий до Нового времени. Но в большинстве это типичные представители своего вида, похожие друг на друга, как близнецы: в средневековой Московии существовало массовое производство надгробных плит. В их ряду каменный «эпитафий» в честь Симеона Полоцкого из монастыря Всемилоостивого Спаса, что на Никольской улице за Иконным рядом в Москве (Зайконоспасского), установленный после его смерти в 1680 г., — явление новое и, безусловно, рубежное².

Это монументальное сооружение. В прошлом оно состояло из трех плит белого камня: одна на месте погребения в подклете (нижнем ярусе) монастырского собора³, а две другие, парные, очень высокие (более человеческого роста: 233 × 87 см каждая), были вставлены в кирпичную кладку северной стены монастырской трапезной⁴. Плиты почти касались пола, но достигали примерно половины высоты стен. Они и сегодня выглядят монументально: это увеличенные до невероятного размера, имитирующие литые из металла окаменевшие книжные страницы. Причем страницы, богато иллюминированные «писцом»: на темном (черно-синем) фоне когда-то ярко выделялись строки позолоченных букв, расцвеченных красными инициалами. Изображений или орнаментов на плите нет — главным украшением служит сама длинная надпись изысканной вязью, строки и столбцы которой прекрасно скомпонованы. На каждой плите — 24 строки «обронной работы» (с рельефными буквами, выступающими над фоном), заключенные в гладкую каменную раму (ил. 1 а, б).

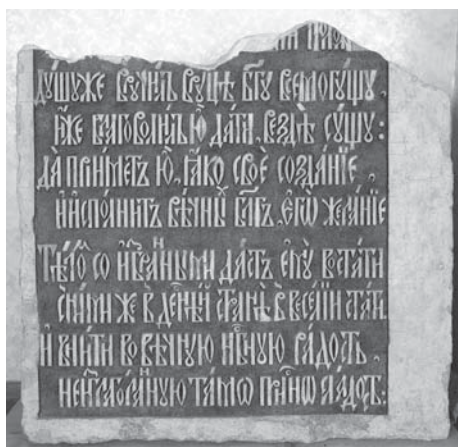
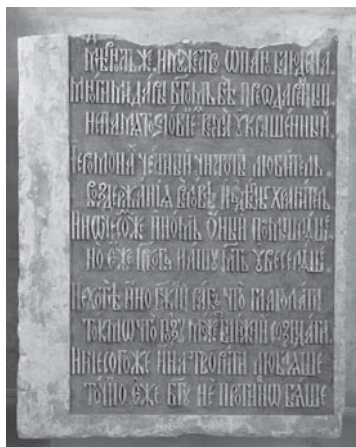
² Надпись и фотографии камней давно известны, но качественной публикации памятника до сих пор не было.

³ Т.В. Левина полагала, что эта плита утрачена, на самом же деле она сохранилась в нижнем ярусе храма. См.: *Левина Т.В.* Белокаменное надгробие XV — начала XVIII века. Собрание музея-заповедника «Коломенское» // Русское средневековое надгробие XIII–XVII века. Материалы к своду. М., 2006. Вып. 1. С. 82–90; Древняя Российская Вивлиофика, изд. Н.И. Новиков. 1770–1780 гг.; *Мартинов А.А.* Надгробная летопись Москвы. М., 1895.

⁴ Сюжет с размещением надгробий в церкви заслуживает особого изучения, которое никогда не проводилось. Неизвестен сам момент исполнения монументальной эпитафии, который лежит между годом смерти Симеона (1680) и годом появления трапезной, — сама нижняя церковь датируется 1661 годом, но трапезная пристроена в 1701 г. (в 1710-х гг. перестроили верхнюю церковь, а под папертью с запада и севера устроили кельи для студентов в два этажа).

1. Части надгробной плиты-таблицы Симеона Полоцкого с «Эпитафионом» Сильвестра Медведева. Не ранее 1680 года. Из Заиконоспасского монастыря. Фрагменты: а – левая полоса, верхний и средний, б – левая полоса, нижний; в – правая полоса, нижний (МГОМЗ, фонд «Белый камень», инв. № Л-225, 226).

Изучать надгробие можно с многих сторон. Например, погрузиться в обстоятельства жизни и творчества Сильвестра Медведева (21.1.1641, Курск — 11.02.1691, Москва) и Симеона Полоцкого, познакомиться с их языком и поэтическим стилем. Описать эпиграфику и художественные особенности плит, соотнесенность с аналогичными

памятниками, место в их ряду⁵. Задуматься о социальной роли этого своеобразного «постера», о прототипах в погребальном церемониале Центральной и Западной Европы, прежде всего в соседней Речи Посполитой. Нельзя забыть и о технических характеристиках сооружения, о литологии и минералогии использованного камня. Все это мы затронем только вкратце, стараясь в то же время добиться нового и возможно более полного видения предмета.

Намогильная плита — первый и вполне традиционный элемент — предназначалась для укладки или установки на месте погребения прямо при похоронах или вскоре после них. Она не требовала длительной обработки: в Московской Руси такие плиты делали и на местах добычи известняка, а также в городах и монастырях, где существовали мастерские каменосечцев. История белокаменных намогильных плит в России уходит к XIII–XIV вв.; они происходят от крышек прямоугольных каменных саркофагов и до конца XV в. не имеют надписей. Однако в течение XVI–XVII вв. именно надпись станет главным украшением и «сюжетом» московского надгробия⁶. Она постепенно увеличивается в размерах, но в течение 200 лет держится устойчивой схемы. В ее «формуляр» входит указание года, месяца, дня смерти и церковного праздника этого дня; имени усопшего (если был принят постриг — называют и монашеское имя); его родства (сын, дочь, жена) и возрастной категории (единственная форма — «младенец»). Для знати указывали социальный статус (князь, боярин, стольник, дьяк и т.п.), очень редко (для купцов и богатых ремесленников) — род занятий. Еще реже могли указать место и обстоятельства смерти, особенно если она связана с несением службы. Оформление могло меняться, текст переходил с намогильной плиты на крышку саркофага и на таблицы в надгробницах, но содержание оставалось прежним, подчас его даже повторяли, если необходимо было заменить поврежденный камень⁷ (ил. 2).

⁵ Примеры эпитафии XVII–XX вв. см.: Русская стихотворная эпитафия. СПб., 1998.

⁶ Подробнее см.: *Беляев Л.А.* Русское средневековое надгробие. Белокаменные плиты Москвы и Северо-Восточной Руси XIII–XVII вв. М., 1996; Русское средневековое надгробие XIII–XVII века. Материалы к своду / Под ред. Л.А. Беляева. М., 2006. Вып. 1, и не доведенный до второй половины XVII в. свод Б.Г. Гиршберга: *Гиршберг В.Б.* Материалы для свода надписей на каменных плитах Москвы и Подмосковья XIV–XVII вв. Ч. I. Надписи XIV–XVI вв. // Нумизматика и эпиграфика. М., 1960. Вып. I; *Гиршберг В.Б.* Материалы для свода надписей на каменных плитах Москвы и Подмосковья XIV–XVII вв. Ч. II. Надписи первой половины XVII в. // Нумизматика и эпиграфика. 1962. Вып. III.

⁷ Оформление церковных некрополей см.: *Беляев Л.А.* Усыпальница князей Пожарских и Хованских в Суздале и «архитектура памяти» в Московском государстве XVI–XVII веков: к постановке вопроса // На пороге тысячелетия. Суздаль в истории и культуре России. К 990-летию первого упоминания Суздаля в древне-

2. Надгробия великих князей XV — середины XVI вв. с краткими сведениями об усопших на резных вставках-таблицах, в прошлом с росписью. Архангельский собор Московского Кремля. Фото К.А. Фишера. 1905 г. Типичный пример оформления надгробий статусного некрополя XVI–XVII вв.

От первой надмогильной плиты Симеона Полоцкого в нижней церкви монастырского собора (она неоднократно описана в сочинениях историков XVIII–XIX вв.) мы вправе ожидать традиционного формуляра. Текст действительно краток, но отличается от традиционных старомосковских до неузнаваемости. Он полностью перестроен. Сначала идет указание на исповедание и благочестие покойного, потом его имя и статус, лишь затем — дата без указания на праздник:

*Великого Бога рабъ верный
Симеон Петровский Ситиянович Полоцкий
иеромонах честный, богослов известный*

русских летописях: [Сб. ст.] / Государственный Владимиро-Суздальский музей-заповедник; [сост. М.Е. Родина]. Владимир, 2015. С. 12–26; о плитах-повторениях: *Беляев Л.А., Савельев Н.И.* «Возобновленные» надгробия в Высоко-Петровском монастыре (г. Москва) и восприятие личности в XV–XVII веках // Средневековая личность в письменных и археологических источниках: Московская Русь, Российская Империя и их соседи: материалы науч. конф. М., 2016. С. 188–192.

*и слова Божия проповедник преставися
в лето от создания мира 7188
месяца августа в 25 день
от рождества же Спасителя 1680
въ 51 (год) возраста своего
(и) в 9 месяце.*

Содержание текста существенно шире, чем обычно. Даны сведения о количестве прожитых лет и подробное описание статуса (иеромонах, богослов, проповедник), украшенное соответствующими эпитетами («честный», «известный»). Намогильный текст ритмизован, чего до 1650-х гг. в России не делали. Все эти черты пришли из европейской эпитафики, что подчеркнуто демонстративным переводом даты смерти с традиционного счета от Сотворения мира на «европейский» стиль от Рождества Христова (такое двойное указание на летоисчисление очень типично для переходного периода в России Нового времени⁸).

Поразительно, но всё это внесено в русскую культуру самим Симеоном из Полоцка. Можно сказать, что трудом всей жизни он писал свою будущую эпитафию⁹. Как известно, Симеон — первый профессиональный литератор, работавший в Москве. Не хуже европейского пастора или ксендза XVII в. он умел написать проповедь и составить учебник для детей; изложить собранные за жизнь сведения в «сумме знаний»; полемизировать устно и письменно в богословском диспуте; приветствовать любое событие придворной жизни в сочиненных к случаю стихах (*сильвиях*) по-латыни, на польском, русском, церковнославянском языках. Он был книгоиздателем, оратором, драматургом¹⁰.

⁸ Один из ярких примеров сознательной демонстрации владения европейской хронологией — дата изразцовой надписи в соборе Ново-Иерусалимского монастыря, см.: *Баранова С.И.* Керамическая надпись в Ротонде Воскресенского собора Ново-Иерусалимского монастыря // Реставрация и исследования памятников культуры. М., 2011. Вып. 6. С. 29–37.

⁹ Благодарю за помощь в составлении краткой характеристики творчества Симеона Полоцкого известного специалиста по истории литературы России XVII в. Лидию Ивановну Сазонову, которая любезно согласилась прочесть текст статьи, сделав много необходимых поправок и дополнений.

¹⁰ Ортодоксальные историки воспринимали Симеона как часть ненавистного им «никонианства». Покажем этот взгляд в пристрастной версии Георгия Флоровского: «довольно заурядный западно-русский начетчик, или книжник, но очень ловкий, изворотливый, и спорый в делах житейских, сумевший высоко и твердо стать в озадаченном Московском обществе <...> как пиита и виршеслагатель, как ученый человек для всяких поручений» (*Флоровский Г., прот.* Пути русского богословия. Париж, 1937. С. 75).

По образованию и ранней карьере Симеон представлял тот особый тип центральноевропейского просветителя (белоруса, украинца, литовца), который сложился в широкой полосе народов, помещавшихся в XVI–XVII вв. между собственно Европой и православными восточноевропейскими землями¹¹. Здесь возник особый вариант католицизма — униатство, важной ветвью которого стали базилиане — православные монахи, следовавшие уставу Василия Великого и жившие на культурном пограничье¹². Здесь шло активное взаимное знакомство католиков, представленных прежде всего монашескими орденами (иезуиты и др.), и православной паствы. Сюда же бежали от Контрреформации. Здесь было достаточно и знатоков иудаизма. В этой пестрой среде как нигде активно учились и учили латыни (это вообще отличало Речь Посполитую): в Киево-Могилянской академии (ее Симеон окончил), в иезуитских коллегиях и Виленской академии (в одной из них Симеон, видимо, завершал обучение)¹³.

В ответ на угрозу «латынян» на землях Украины и белорусских землях Великого княжества Литовского (в составе Речи Посполитой) оживилась работа православных просветителей. Заводили типографии (Львовская), составляли монастыри (Кутеинские обители Орши), открывали училища. В Полоцком Богоявленском монастыре Симеон и принял постриг (что обеспечивало некоторую материальную поддержку) и начал преподавать (1656) в школе местного православного братства. В Москве его положение при дворе было заметным, и с ним

¹¹ См. об этом работы А.Н. Робинсона: *Робинсон А.Н.* Закономерности движения литературного барокко (Статья первая) // *Wiener Slav. Jh.* 1980. Bd. 26; *Он же.* Закономерности движения литературного барокко: место Симеона Полоцкого в русском литературном процессе (Статья вторая) // *Wiener Slav. Jh.* 1981. Bd. 27; *Он же.* Симеон Полоцкий и русский литературный процесс // *Симеон Полоцкий и его книгоиздательская деятельность.* М., 1982; а также: *Киселева М.С.* Интеллектуальный выбор России второй половины XVII — начала XVIII века: от древнерусской книжности к европейской учености. М., 2011; *Корзо М.А.* Нравственное богословие Симеона Полоцкого: освоение католической традиции московскими книжниками второй половины XVII века. М., 2011.

¹² См. об этом у Поля Бушковича: *Bushkovitch P.* Religion and Society in Russia. The Sixteenth and Seventeenth Centuries. New York; Oxford, 1992; об искусстве этого «культурно-религиозного» пограничья много материалов в монографиях Л.И. Тананаевой. Библиография: *Тананаева Л.И.* О маньеризме и барокко. Очерки искусства Центально-Восточной Европы и Латинской Америки конца XVI — XVII века. М., 2013.

¹³ Киевская академия, реформированная Петром Могилой, отдавала приоритет латинскому направлению. В результате Симеон, хотя и знал греческий язык (во всяком случае, имел о нем представление), в творчестве им не пользовался, его знание латинской литературы оказалось несравненно выше, чем греческих источников.

вынужден был считаться патриарх. Однако он остался в сане иеромонаха. Не сделав видимой церковной карьеры, считал себя скорее литератором, «трудником слова», прежде всего поэтом (стихи писал с детства).

Его работа «дидакалом» в Полоцке пришлось на переломные для Московии годы: в многолетних войнах с Речью Посполитой определился успех, часть восточных земель Украины вошла в состав России, а русская армия оказалась на время владелицей многих белорусских городов и самой Вильны. Москва получила несравненно более широкий доступ к источникам европейского образования, технологиям, художественным ремеслам, специалистам. Переехавшие из Кутеинских обителей братья и сестры помогут в развитии книгопечатания и освоении технологий для церковного искусства в Иверском, Ново-Иерусалимском, Новодевичьем монастырях, принесут иконографические черты европейского барокко¹⁴.

Среди важнейших «приобретений» Москвы окажется и ученый иеромонах, поэт Симеон. Летом и осенью 1656 года его ученики дважды приветствовали декламацией царя Алексея Михайловича в Полоцке, а в 1660-х гг. Симеон, вместе с архимандритом своего монастыря, посетил Москву, где оставался много месяцев, регулярно выступая перед царем и его двором с «приветствиями» по разным поводам.

После того как Польша вернула Полоцк (1661), Симеону пришлось несладко, и в 1664 г. он окончательно переехал в Москву, где почти сразу попал в гущу конфликта: еще не закончилась борьба патриарха Никона за реформу церковной службы и текстов. Симеону было не по пути с вождями раскола — они сразу рассмотрели в нем «римлянина». Нельзя было принять и сторону Никона: патриарх, уже чуждый царскому двору, жил на положении добровольного изгнанника в строящемся Ново-Иерусалимском Воскресенском монастыре. Симеон оказался на стороне реформаторов. Его искусство высококвалифицированного переводчика, секретаря церковных соборов, преподавателя латинского для молодых дворцовых подьячих при-

¹⁴ Биография Симеона Полоцкого, история войн Москвы с Речью Посполитой, основание и развитие монастырей патриарха Никона, переезд Кутеинских обителей — обширнейшие темы, активно изучаемые сегодня международным и российским научным сообществом. Даже беглое описание историографии уведет статью далеко в сторону от темы. Базовые издания с библиографией: *Панченко А.М., Романова А.А., Буланин Д.М.* Сильвестр // СлКДР. XVII в. СПб., 1998. Ч. 3. С. 354–361 (библиография до сер. 90-х гг.); *Панченко А.М., Романова А.А., Буланин Д.М.* Симеон Полоцкий // СлКДР. XVII в. СПб., 1998. Ч. 3. С. 362–379 (библиография до сер. 90-х гг.); *Сазонова Л.И.* Память культуры. Наследие Средневековья и барокко в русской литературе Нового времени / Отв. ред. А.Л. Топорков. М., 2012; *Сазонова Л.И.* Поэзия русского барокко (вторая половина XVII — начало XVIII в.) / Отв. ред. А.Н. Робинсон. М., 1991.

шлось как нельзя кстати. Отведенные ему кельи в Заиконоспасском монастыре вскоре стали центром новой образованности. Положение придворного монаха окончательно определилось в 1667 г.: он стал учителем царевича Алексея, а позже воспитывал всех сыновей Алексея Михайловича; он же экзаменовал учителя будущего царя Петра, Никиту Зотова.

Свою миссию Симеон считал еще более высокой, и это не было пустой риторикой, такова была его рабочая установка. Живший рядом с ним с 1667 г. талантливый ученик, курянин Сильвестр (Симеон) Медведев, описал Симеона как исключительно трудолюбивого и упорного человека: «Присно прилежал Симеон чтению и писанию. На всякий же день име залог писати в польдестъ по полутетрати, а писание его бе zelo мелко и уписисто. И пребывая на Москве 16 лет, написа своєю рукою разных книг по исчислению прологов с десять или и вящше»¹⁵. Он стремился наполнить хотя бы высший слой страны «виршами и орациями, книгами и драмами, школами и “странними” языками, учеными диспутами и учеными людьми».

Прозванный в Москве «Полоцким», Симеон сочинял исключительно много и почти по всякому поводу, ввел в моду стихотворные приветствия в домах знати (которые сам же и писал вместе с учениками)¹⁶. Среди таких «сильвий» есть и стихи, связанные с местом, где суждено будет найти приют его надгробию, — с Коломенским: на открытие здесь нового дворца для Алексея Михайловича Симеон написал довольно длинный хвалебный текст. Так прививался в Москве известный Западу обычай декламации в храмах — некоторые «приветства» читались и в церквях.

¹⁵ Татарский. 1886. С. 341.

¹⁶ Примеры силлабической поэзии и ее комментарии легко найти в поэтических антологиях и исследованиях. См.: Вирши. Силлабическая поэзия XVII–XVIII веков. Л., 1935; Панченко А.М. Русская стихотворная культура XVII века. Л., 1973; Сазонова Л.И. Карюи Истомин. Книга Любви знак в честен брак. М., 1989, и др. Полный свод его знаменитого сборника «Вертоград» издан недавно: *Simeon Polockij. Vertograd mnogocvĕtnyj* / Ed. by A. Hippisley and L.I. Sazonova; foreword by D.S. Lichačev. Vol. 1. «Aaron» – «Dĕtem blagoslovenie». Köln; Weimar; Wien: Böhlau Verlag, 1996 (Bausteine zur Slavischen Philologie und Kulturgeschichte. Reihe B: Editionen. Neue Folge / Hrsg. von K. Gutschmidt, H.-B. Harder und H. Rothe. Bd. 10/I); *Simeon Polockij. Vertograd mnogocvĕtnyj*. Vol. 2. «Emmanuil» — «Pocitanie» / Ed. by A. Hippisley and L.I. Sazonova. Köln; Weimar; Wien: Böhlau Verlag, 1999 (Bausteine zur Slavischen Philologie und Kulturgeschichte. Reihe B: Editionen / Hrsg. von K. Gutschmidt, R. Marti, P. Thiergen, L. Udolph. Neue Folge. Bd. 10/II); *Simeon Polockij. Vertograd mnogocvĕtnyj*. Vol. 3. «Prav nikto zhe» — «Epitafion» Simeonu / Ed. by A. Hippisley and L.I. Sazonova. Köln; Weimar; Wien: Böhlau Verlag, 2000 (Bausteine zur Slavischen Philologie und Kulturgeschichte. Reihe B: Editionen / Hrsg. von K. Gutschmidt, R. Marti, P. Thiergen, L. Udolph. Neue Folge. Bd. 10/III).

Симеон жил своим преподаванием и литературными трудами: его дом, семью, челядь, конный выезд содержали на средства дворца. Он стал крупнейшим поэтом славянского барокко и оставил поэтическую школу, среди «выпускников» которой иногда числят и го царственного воспитанника, убежденного «западника» Феодора Алексеевича (который, возможно, сделал стихотворный перевод двух псалмов). Им собрана первая личная библиотека (до 700 томов) и сделана попытка учредить Верхнюю (то есть дворцовую) типографию, свободную от контроля патриарха.

Близость с царем Феодором спасала Симеона от соперников при дворе. Однако ученикам, особенно самому талантливому из их плеяды Сильвестру Медведеву¹⁷, пришлось испытать на себе перипетии таких интриг, в водовороте борьбы за власть между партией царевны Софьи и Нарышкиными близкий к дьяку Ф.Л. Шакловитому поэт в конце концов лишился головы.

По смерти учителя Медведев занял место придворного поэта, проповедника и богослова при царе Феодоре и в правление царевны Софии Алексеевны (1682–1689). Его стихи — почти исключительно «на случай». И в их числе — «Эпитафий» Симеону Полоцкому. Медведев и царь Феодор, высоко ценивший творчество «силлабических поэтов», создали его вместе: один как писатель, другой как «редактор». Краткий вариант (14 строф) царь отверг, приказав написать «12 статей, в каждой по две вирши», которые соединяли бы перечисление трудов Симеона и выдающихся черт его характера. Поэт составил именно такую эпитафию, и «сие надгробное писание государь указал на дву каменных таблицах (“арках”) вырезав, позлатить и устроить над гробом иеромонаха Симеона своею государскою казною из приказа Каменных дел» (один из редких случаев описания такого заказа)¹⁸. Приведем текст эпитафии Симеону Полоцкому по автографу С. Медведева¹⁹.

*Зряй, человек, сей гроб, сердцем умилися,
о смерти учителя славна прослезися.*

¹⁷ *Прозоровский А.* Сильвестр Медведев. Его жизнь и деятельность. М., 1896.

¹⁸ *Ковалев А.* Историческое описание... Заиконоспасского монастыря в Москве на Никольской улице. М., 1887. С. 99–102; *Прозоровский А.* Сильвестр Медведев. Его жизнь и деятельность. М., 1896; Русская силлабическая поэзия XVII–XVIII ст. / Вступ. ст., подг. текста и примеч. А.М. Панченко. Л., 1970. С. 393.

¹⁹ «Эпитафий» неоднократно переиздавали. Новейшее издание: *Simeon Polockij*. Vertograd mnogocvĕtnyj / Ed. by A. Hippisley and L.I. Sazonova. Köln; Weimar; Wien, 2000. Bd. 3. S. 532–537 (Bausteine zur Slavischen Philologie und Kulturgeschichte. Neue Folge. Reihe B: Editionen. Bd. 10/III).

*Учитель бо zde токмо един таков быввы,
богослов правый, церкви догмата хранивый.*

*Муж благоверный, церкви и царству потребный,
проповедию слова народу полезный,
Семен Петровский от всех верных любимый,
за смиренномудрие преудивляемый.*

*Им же польза верные люди наслаждала,
незлобие же, тихость, кротость удивляла.
В нем же вера, надежда, любви пребываше,
молитва, милостыня, пост ся водворяше.*

*Мудрость со правдою им бысть зело храненна,
мерность же и мужество опасно блюденна.
Многими дары богом бе преодаренный,
непамятозлобием весьма украшенный.*

*Иеромонах честный, чистоты любитель,
воздержания в слове и в деле хранитель.
Ни о чесом же ином оный промышляше,
но еже церковь нашу мать увеселяше.*

*Не хоте ино божий раб что глаголати,
токмо что пользу может ближним созидати.
Ничесо же ина творити любляше,
точию еже богу не противно бяше.*

*Иже труды си многи книги написал есть,
и под разсуждение церковное дал есть.
С церковию бо хоте согласен он быти
и ничто же противно церкви мудрствовати.*

*Ибо тоя поборник и сын верный бяше,
учением правым то миру показаше.
В защищение церкви книгу Жезл создал есть,
в ея же пользу Венец и Обед издал есть,*

*Вечерю, Псалтырь, стихи со Рифмословием,
Вертоград многоцветный с Беседословием.
Вся оны книги мудрый он муж сотворивый,
в научение роду российску явивый.*

*Обаче и сего смерть от нас похитила,
церковь и царство пользы велия лишила,
Его же пользы ныне людие лишены,
зри сего в гробе сем кости положенны.*

*Душу же вручил в руке богу всемогущу,
иже благоволил ю дата везде сущу,
Да примет ю яко свое создание
и исполнит вечных благ его желание.*

*Телом со избранными даст ему возстати,
с ними же в десней стране в веселии стати
И внити в вечную небесную радость,
неизглаголанную тамо присно сладость.*

Эти вирши лучшего поэта Москвы второй половины XVII в., оммаж покойному и его стихотворная апология, во многом напоминают современный некролог — хотя бы перечислением сочинений. Эпитафия написана силлабическим стихом, очень литературна (чтобы не сказать «холодна»), и с точки зрения современной в ней отсутствует подлинное ощущение горечи утраты. Но поэтика времени требовала совершенной риторики.

Есть ли у таких огромных, «сложносочиненных» памятных надписей аналоги в России? Их немного, все они несут следы западной, латинской учености и связаны с выходцами из Речи Посполитой, украинцами или белорусами. Не мудрено, что больше всего их в Новом Иерусалиме, одном из самых европейских по духу, формам, истокам памятнике. Именно здесь сохранились первые «длинные» эпитафии — сначала не стихотворные, но все же и не формулярные, а специально сочиненные к случаю. Такой эпитафии удостоились два соратника патриарха Никона по строительству Воскресенского собора, умершие в 1665 г. и погребенные под его южной лестницей на Голгофу: иподиакон Никита Никитин и замечательный художник-ювелир Петр Иванович Заборский²⁰. Следующая серия надгробий с многословными эпитафиями, в том числе в стихах, относится уже к 1680–90-м гг.: два текста архимандрита Германа I для гробницы патриарха Никона (после 1681) и эпитафия самому Герману I (ум. в 1682), написанная архимандритом Никанором²¹. Все плиты довольно крупные, хотя размера «таблиц» Симеона Полоцкого далеко не достигают, и датируются, видимо, несколько позже погребений. Никанор

²⁰ Новые сведения об их погребении см.: Беляев Л.А. Капелла франков в Новом Иерусалиме? Архитектурно-археологические объекты у южного фасада Воскресенского собора (предварительное сообщение) // Архитектурное наследство. М., 2016. Вып. 65. С. 68–83.

²¹ Общие каталоги надписей Нового Иерусалима: Зеленская Г.М., Святославский А.В. Некрополь Нового Иерусалима. Историко-семиотическое исследование. М., 2006; Авдеев А.Г. Старорусская эпиграфика и книжность. Ново-Иерусалимская школа эпиграфической поэзии. М., 2006.

составил и огромный текст «летописи» монастыря — несколько каменных плит, вмонтированных, подобно нераскрывающимся дверям, у галереи, ведущей на Голгофу²².

Конечно, системная работа по освоению стихотворной эпитафии как книжного жанра началась раньше, но не позднее середины 1670-х гг. В 1675 г. на смерть митрополита Павла, руководившего Печатным двором, написали серию эпитафий Симеон Полоцкий и Евфимий Чудовский; в том же году преставился Епифаний Славинецкий, на смерть которого Симеон составил пять стихотворений. Но продвижение эпитафий в область каменного надгробия не было быстрым (отдельные случаи высекания виршей на могильных камнях иногда возводят к 1650-м гг.: надпись на могиле митрополита Серапиона в Троицком Калязинском монастыре). Самых «эпитафионов» известно довольно много, но большинство из них на камни не переносили. Правда, в тексте эпитафии камень (или по крайней мере место могилы) почти всегда присутствует — но это просто литературный прием, идущий из глубины античных традиций: «эпитафион» Епифанию Славинецкому (1675) открывает даже переложение извечной формулы: «Стани, путниче, zde и умилися, Где Епифаний телом положися.»).

Посвящение Симеону Полоцкому — самая длинная из надгробных надписей XVII в. и, возможно, самая ранняя в области лапидарной стихотворной эпитафики. Она обнаруживает родство с аналогичными по смыслу текстами, но имеет и ряд явных отличий. Так, обронный тип резьбы время от времени встречается на самых дорогих плитах уже со второй трети XVII в. Но столь обильно применяется только в династическом некрополе Архангельского собора в Кремле. Большинство же надписей просто врезали в фон, как, например, все упомянутые выше надписи Нового Иерусалима. Впрочем, как исключение обронная работа встречается и здесь, наряду с характерным набором барочной растительной орнаментики, излюбленной в резьбе иконостасов, в архитектурной резьбе и в изразцах середины XVII в. (листья аканфа, виноградная лоза). Хороший пример — обнаруженная в 2012 г. плита Акакия (ум. в 1670), третьего архимандрита Воскресенской обители, — превосходно украшенная, но по содержанию абсолютно традиционная (ил. 3).

Линия эпитафий Москвы, книжных и нарезанных в камне, генетически связана с традицией барочной эпитафии Восточной Европы, прежде всего Речи Посполитой, где с эпохи Ренессанса сочинение надгробных речей, их включение в надгробные памятники, временные (связанные с погребальной церемонией, *Pompa Funerbris*) и по-

²² См.: Сазонова Л.И. Литературная культура России, Раннее Новое время. М., 2006. С. 329–331.

3. Надгробная плита третьего настоятеля Воскресенского Ново-Иерусалимского монастыря, архимандрита Акакия (+ 08 сентября 1670 г.). Раскопки Института археологии РАН, 2012 г.

стоянные (обычно архитектурные со скульптурными элементами), было обязательным. Тексты эпитафий самого Симеона Полоцкого и его современников-стихотворцев непосредственно происходят из этой традиции. Интересна даже композиция этих текстов, в которой стремятся применять разбивку на две колонки, характерную для современной им европейской эпитафики.

За ней открывается длиннейший путь, ведущий в мир Античности; бескрайнее поле реальных, вырезанных в камне или отлитых в металле, и чисто литературных (а подчас и фантастических) эпитафий. До момента, когда русская культура напрямую с ним соприкоснется через покупку скульптур греческих божеств, от «эпитафиона» еще четверть века, а до включения в состав Империи земель с руинами древнегреческих городов — и того больше, около столетия. Но дальний отсвет общего для Европы классического наследия, когда-то принесенного на Русь византийцами, вновь пробился в Московию — на этот раз через один из характернейших жанров европейской литературы²³.

²³ Впрочем, в Москве с середины XVII в. были знакомы, как недавно выяснилось, и с латинско-германским пасторским стихом протестантов (см.: *Беляев Л.А.* Но-

Глядя на два циклопических камня (длина которых превосходила и казенную, и греческую сажени), стоит задуматься о технических проблемах, которые возникали при добыче и перевозке таких крупных, но относительно тонких глыб известняка (камня, как известно, не особенно прочного).

Встает вопрос и о месте его добычи. До сих пор, к сожалению, не составлена база данных по камню, из которого делали надгробия, и не проводилось массового отбора проб для литологического анализа. Но следует отметить, что сотрудники Химического факультета МГУ Е.Г. Яновская и Д.В. Альбов, при поддержке Русского географического общества, Института археологии РАН и других научных организаций, уже начали работу по систематическому сбору и анализу образцов дифракционным методом. В контакте с ними Государственный музей-заповедник «Горки Ленинские» занялся с 2014 г. изучением истории добычи белого камня в нижнем течении реки Пахра, включая обследования древних каменоломен, карьеров и природных выходов камня. Известны уже и случаи открытия археологами остатков древних мастерских, в которых тесали плиты и нарезали орнамент²⁴. По собранным материалам, отразившим организацию каменотесного дела в России, уже проведены временные выставки.

Отдельные анализы, проведенные по особым случаям, показывают, сколь перспективным может оказаться такое исследование. Так, саркофаг патриарха Никона, описанный Иоанном Шушериным в его Житии, после стандартного порошкового рентгеновского дифрактометрического анализа, проведенного А.С. Алексеевым (Палеонтологический институт им. А.А. Борисяка РАН) в лаборатории геологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, оказался сделанным из природного гипса (алебастр; $\text{CaSO}_4 \cdot 2\text{H}_2\text{O}$). Хотя конкретный район добычи пока не установлен, сам набор возможных источников впечатляет (Сицилия, Русский Север, Нижегородская область)²⁵.

вые плиты иноземцев XVII века в Московии: предварительная публикация // КСИА. М., 2015. № 240. С. 223–232). Через несколько десятилетий выходцам с Украины будут писать уже латинские эпитафии их московские коллеги-ученые. См.: *Вальков Д.В.* Латинская эпитафия 1718 года из Московского Заиконоспасского монастыря // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов, 2014. № 9. Ч. 1. С. 37–41.

²⁴ *Фатков А.М., Яганов А.В.* Находки заготовок белокаменных изделий из раскопок селища Большое Саврасово-2 в 2013 году // Археология Подмосковья. М., 2015. Вып. 11. С. 412–421.

²⁵ *Beliaev L.A., Kapitonova M.A.* Patriarch Nikon's Alabaster Sarcophagus Composition and Possible Sources // Anthropology & Archeology of Eurasia. Summer 2014.

Итак, надгробие из двух плит с эпитафией Симеона Полоцкого — не частный, не семейный и даже не корпоративный (монастырский, придворный) памятник. Да и не просто мемория. Перед нами — род публичного заявления первых русских интеллигентов, их послание к современникам, демонстрирующее новые веяния в русской книжности, поворот к новому стилю, новому взгляду на мир, проповеди «новой добродетели», вполне европейской по духу. Она соединяет русскую культуру с бесконечной толщей средиземноморской традиции, уводит к корням классической цивилизации, делает для русских осмысленными слова извечной формулы надгробной надписи: *Sta, viator!*

Конотоп, Чуднов и «Соборное деяние»

DOI 10.31168/91674-483-5.39

Знаменитый памятник политической мысли конца XVII в. — «Соборное деяние» об уничтожении местничества от 12 января 1682 г. в качестве примеров губительного воздействия этого института на военное дело приводит две катастрофы русских войск во время Тринадцатилетней войны: Конотоп и Чуднов.

В уста царя Федора Алексеевича автором «Деяния» вложена целая речь, обращенная к Собору, в которой он повествует о дьявольских кознях, породивших местничество, и о попытках борьбы с ним Михаила Федоровича и Алексея Михайловича посредством установления временного безместия. Причем, когда описывается деятельность последнего, конкретно указывается событие — начало войны. А в 1654 г. и началась первая официально объявленная война его царствования. Федор Алексеевич рассказывает, что «...когда и отец наш государев... Алексей Михайлович... изволил идти на недругов своих, на польского и свейского королей, за их многие неправды, и в тех его государевых походах все чины были безместно же, и во время того безместия... славно над неприятелями победы учинилися. И за те свои службы от отца нашего государева... бояре и воеводы и всех чинов ратные люди милостивое жалование улучили, на вечную славу себе и родом своим. А которые, презрев его государское повеление, всчинали тогда места, и тем чинено наказанье и разорение отъятием поместий и вотчин»¹. Далее царь Федор отмечает недостаточность принятых тогда мер: «А совершенно то не успокоено для бывших тогда многих

¹ Соборное деяние об уничтожении местничества // Российское законодательство X–XX веков / Отв. ред. А.Г. Маньков. М., 1986. Т. 4. С. 39.

ратных дел; однако же множицею всякого благородных повелено быти в полках без мест, желая привести то всякого добра вредительное дело ко искоренению»². Эта половинчатость привела к печальным результатам — на Соборе прозвучало, что «А в которых полках после походов отца нашего государева... были бояре и воеводы с месты, и в тех полках между бояры и воеводы для случаев отечества их многия быша несогласия и ратным людем теснота; и от того несогласия многой упадок ратным людем учинился, а имянно: под Конотопом и под Чудновым и в иных многих местех»³. Заметим, что автор (царь Федор или скорее всего боярин кн. В.В. Голицын) привел примеры сражений, происходивших отнюдь не «после походов» Алексея Михайловича, а именно во время этой войны⁴. Насколько справедливо эти поражения были привлечены к обвинению местничества?

Существовала ли местническая составляющая в истории одного из самых известных сражений Тринадцатилетней войны — Конотопской битвы 21 апреля — 28 июля 1659 г.? Новейшие монографические исследования битвы суммировали все источники и историографию⁵. Прежние и современные русские, украинские и польские исследователи ныне расходятся только в анализе численности войск и потерь обеих сторон, а также в составе участников. Украинские историки полагаются на мнение своих современных соотечественников, преувеличивавших роль казачьих отрядов И.Е. Выговского, российские, основываясь на делопроизводственных документах Разрядного приказа, считают крымцев (и, вероятно, их командира Карач-бея) решающим фактором в гибели отрядов князей Пожарского и Львова⁶.

² Соборное деяние... С. 40.

³ Там же.

⁴ Примеры из Соборного деяния проникли и в лучшую научно-популярную книгу для юношества об истории и источниковедении России XVI–XVII вв. — «По следам находок и утрат» Р.Т. Пересветова, который, используя, видимо, Соловьева и Маркевича, ярко рассказал о гибели под Конотопом — якобы замесничавших между собой С.Р. Пожарского и Львова, а под Чудновом — войска В.Б. Шереметева, не получившего помощи от Ю.Н. Бярятинского, а также более раннюю историю с Ю.Г. Долгоруким, из-за местничества не получившим под Вильной подкрепления и якобы «упустившим» гетмана П. Сапегу (*Пересветов Р.Т. По следам находок и утрат. М., 1963. С. 233*). В реальности местничество доказуемо только в последнем эпизоде.

⁵ *Бабулин И.Б. Князь С.Р. Пожарский и Конотопская битва. СПб., 2009; Он же. Борьба за Украину и битва под Конотопом 1658–1659 гг. М., 2015; Малов А.В. Московские выборные полки солдатского строя. С. 439–450.*

⁶ *Новосельский А.А. Исследования по истории эпохи феодализма. М., 1994. С. 71; Бабулин И.Б. Князь С.Р. Пожарский и Конотопская битва. С. 143–147.*

Версия о местническом конфликте идет от вышеупомянутого Соборного деяния 1682 г.: «...А в которых полках после ратных походов отца нашего государева... были бояре и воеводы с месты, и в тех полках и от того несогласия многой упадок ратным людем учинился, а имянно под Конотопом и под Чудновом и в иных многих местах»⁷. Местничество как причину катастрофы ввел в историографию, основываясь на том же документе, еще В.Н. Татищев. А.И. Маркевич пытался разобраться в событиях и привязать какие-либо местничества к данному сражению. Он предположил, что конфликт и несогласие возникли у С.Р. Пожарского и С.П. Львова, что привело к несогласованности действий и гибели⁸.

Только в 1940 г. М.Н. Тихомировым был введен в научный оборот так называемый «Новгородский хронограф», историческое сочинение конца XVII в., современное известным украинским летописцам, с подробным рассказом об этих событиях. Он ставит поражение в вину главнокомандующему армией, осаждавшей Конотоп, кн. А.Н. Трубецкому⁹. Автор писал примерно через 20 лет после событий, в царствование Федора Алексеевича (называет его государем)¹⁰. Согласно его рассказу Трубецкой, применивший излюбленную тактику русских воевод при соприкосновении с превосходящими силами — укреплял лагерь и собирался отводить армию, защищенную вооруженными возами, — «приказа обоз крепити всякие ради меры и служивым быти в велице опасении»¹¹. Тогда он получил предложение от окольного кн. С.Р. Пожарского, который «нача говорити»: «Я-де еду с своим полком и проведуа, каковы люди, большие или малые, а что буде видя против себя, и учиню с ними брань, и я-де бой тотарской знаю, каковы оне на бранех». Далее Пожарский, судя по тексту, попросил Трубецкого — «а говорит князь Алексею Трубецкому — каково есть нам, и в тое время мне о сем помощь учини»¹². Однако Трубецкой не согласился с ним — «Той же князь Алексей Трубецкой удерживая его, чтоб он не ехал, дожидал бы о едином месте»¹³.

⁷ Соборное деяние... С. 40.

⁸ Маркевич А.И. История местничества. Одесса, 1888. С. 533–534.

⁹ Тихомиров М.Н. Новгородский хронограф XVII в. // Новгородский исторический сборник. Новгород, 1940. Вып. 7. С. 96–97.

¹⁰ Тихомиров М.Н. Новгородский хронограф XVII в. // Он же. Русское летописание. М., 1979. С. 275. Далее все сноски даются по этому последнему изданию памятника.

¹¹ Тихомиров М.Н. Новгородский хронограф XVII в. С. 304.

¹² Там же. С. 304.

¹³ Там же. С. 304–305.

Таким образом, он промолчал (или отказал) в возможной поддержке, уговаривал оставаться в лагере, однако как-то вяло, хотя мог бы своею властью готовящийся рейд запретить. По мнению И.Б. Бабулина, 6-тысячный конный отряд Пожарского и Львова (в чьих действиях он, просчитавший время и движения войск, не нашел и тени порождаемой местничеством несогласованности) был на болотистой местности окружен и уничтожен 30-тысячной татарской армией¹⁴. Военный историк не отрицает, что Пожарский, возможно, нарушил приказ, исходя из необходимости провести разведку боем, ошибочно «чающе, малые люди тут»¹⁵. Далее автор Хронографа, рассказывая о трагической битве и подробно описав гибель С.Р. Пожарского, остановился также на судьбе одного рейтарского полковника, героически державшегося три дня: «Некто полковник бысть с ним, князем, райтарский, и отоиде мало со своими райтары и укрепися, и учини с ними, тотары бой великий по три дни, но не возмогоша его тотары жива взяти. На третий же день, не бысть в том полку ни хлеба, и изнемогоша от гладу, и зелия не бысть. И о сем татарове нападоша крепце на них, овех посекаше, а инех копии избодше, ни един же тех свободися смерти, но вси мечом умроша. И како бой бысть с царем ханом, и послаше весть к боярину князю Алексею Трубецкому с товариыши, и он о сем отказал: “Своею де волею ехал, тако и промышлай, и я ему помогать не буду”»¹⁶. Столь пространная цитата приведена нами в доказательство того, к кому конкретно был обращен отказ Трубецкого в помощи. Очевидно не к Пожарскому, а к полковнику. И.Б. Бабулин по дневнику П. Гордона выяснил, что это был полковник Вильям Джонстон¹⁷, но полагает, что трехдневная оборона была нереальна, хотя не отрицает возможности упорного сопротивления рейтар¹⁸. Если Пожарский, упавший с убитой лошади, вскоре попал в плен и не успел бы попросить о поддержке, то относительно долго сопротивлявшийся в течение того же дня отряд мог послать гонца в лагерь. Слова Трубецкого (если доверять автору этого нарративного источника), конечно, отражают его отношение к самовольству Пожарского («ему помогать не буду»), но одно дело ответить так обычному офицеру-наемнику, а другое — князю и члену Боярской думы¹⁹. Не воздействовал ли на неизвестного новгородца,

¹⁴ Бабулин И.Б. Князь С.Р. Пожарский и Конотопская битва. СПб., 2009. С. 88–89.

¹⁵ Тихомиров М.Н. Новгородский хронограф XVII в. С. 305.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Гордон П. Дневник 1677–1678 гг. / Пер. с англ. и ред. Д.Г. Федосова. М., 2005. С. 34.

¹⁸ Бабулин И.Б. Князь С.Р. Пожарский и Конотопская битва. С. 93–94.

¹⁹ И.Б. Бабулин, так же как и более ранние авторы, адресатом высказывания счел Пожарского (Бабулин И.Б. Князь С.Р. Пожарский и Конотопская битва. С. 95).

автора Хронографа, пример с «другим» Трубецким, отказывавшим в помощи «другому» Пожарскому в 1612 году, записанный им же в том же «Забелинском» сборнике²⁰ в составе популярнейшего в XVII в. Нового летописца? У Д.М. Пожарского и К. Минина «с етманом же быша бою конному с 1-го часу до осмаго, от князь Дмитрея ж Трубецково ис полку и ис табар казачьи помочи не учиниша ни мало...», а когда на помощь самовольно бросились дворянские сотни и казаки, «он же не похоте их пустить»²¹. В военной биографии окольного кн. С.Р. Пожарского это был второй случай, ставший фатальным; первый был, когда ему, вырвавшемуся вперед, не помог кн. Ф.А. Хилков, в бою с крымцами в 1645 г.²² За всю карьеру у Семена Романовича было всего одно местничество, и то в юности, — конфликт в рынках с кузеном, кн. И.Д. Пожарским²³. У него было меньше проблем, чем у его знаменитого дяди Дмитрия Михайловича, буквально продиравшегося сквозь местнические конфликты ввиду тройной проблемы своего статуса — древности происхождения, заслуженных авторитета и чина при явной разрядной «захудалости» предков. Семен Романович был уже племянником боярина и стал окольным. Но его «горячая голова», по словам Патрика Гордона, весьма компетентно спустя 19 лет описавшего битву²⁴, вероятно, действительно способствовала трагедии²⁵.

Полагаем, что хотя явно выраженных местнических коллизий при Конотопе и не было, но странные, похожие на нерасшифрованную интригу действия осторожнейшего Алексея Никитича Трубецкого вызывают вопросы. Неясно, почему он не пресек самовольство своих воевод, приведшее к гибели их самих и цвета русской

²⁰ Тихомиров М.Н. Новгородский хронограф XVII в. С. 275.

²¹ Новый Летописец // ПСРЛ. Т. 14. М. 1965. С. 125; *Вовина-Лебедева В.Г.* Новый летописец. История текста. СПб., 2004. С. 340–341.

²² *Новосельский А.А.* Борьба московского государства с татарами. М., 1948. С. 354; *Бабулин И.Б.* Князь С.Р. Пожарский и Конотопская битва. С. 16.

²³ Дворцовые разряды. М., 1851. Т. 2. С. 728–729.

²⁴ *Гордон П.* Дневник 1677–1678 гг. / Пер. с англ. и ред. Д.Г. Федосова. М., 2005. С. 34–35.

²⁵ С моей оценкой действий С.Р. Пожарского (*Эскин Ю.М.* Дмитрий Михайлович Пожарский. М., 2013. С. 217) не согласен его биограф, военный историк И.Б. Бабулин, который пытается найти резоны в проведенной воеводой разведке боем, однако вряд ли можно оправдать абсолютную неподготовленность рейда, завершившегося бессмысленной гибелью четырех тысяч человек, в числе которых — 252 представителя московских чинов (молодой знати, лучше всех экипированной и на лучших конях), несколько полковников и др. офицеров иноземных войск и пр. (*Бабулин И.Б.* Борьба за Украину и битва под Конотопом. С. 264, 266).

аристократической молодежи в числе 4 тысяч убитых, но при этом отлично вывел армию под защитой «вагенбургов» из-под удара орды и польско-украинских союзников к Путивлю. И эти события позднее, в 1682 г., голословно представлены были сторонниками отмены местничества как один из важнейших аргументов.

В октябре 1660 г. на Украине произошла так наз. «Чудновская катастрофа» русской армии. Боярин В.Б. Шереметев, осенью 1659 г. измотанный упорными боями с войсками коронного обозного Анджея Потоцкого под Хмельником и Межибожем²⁶, похоже, изначально не верил в успех будущей кампании и еще в январе просился в отставку. В ответ Алексей Михайлович написал ему послание в трех частях — целый небольшой трактат; именно этой попытке Шереметева оставить службу в Киеве мы обязаны сочинением, характеризующим взгляды царя на обязанности государя и подданных, на службу и честь. Царь объяснял, что в связи с новой радой, избравшей Юрия Хмельницкого, «...мы, великий государь, указали тебе... быть на нашей государеве службе в Киеве, а к Москве ездить не велели... а как твою боярина нашего и воеводы службою и раденьем Божие и наше великого государя дело в совершенье придет, и мы... тебя боярина... Василья Борисовича пожалуем, государские пресветлые очи видеть велим...»²⁷. В.Б. Шереметев был вынужден подчиниться, начал подготовку армии и в начале августа двинулся от Киева на Львов с 15 тыс. русских и 20 тыс. казаков полковника Т. Цецоры. Параллельно по правому берегу Днепра шли войска гетмана Юрия Хмельницкого. Им навстречу вышла 25-тысячная армия гетманов Е. Любомирского, С. Потоцкого, отряды И. Выговского и 30–40-тысячное татарское войско. В этой ситуации Шереметев решил отступить и 17 сентября был окружен в Чудново, замок оплошно не захватил и оказался на неудобной для обороны позиции на р. Тетерев, где окопался²⁸. Вскоре его покинули украинские союзники. 9 октября Ю.Б. Хмельницкий подписал так наз. Слободищенский трактат, перейдя на сторону Речи Посполитой, за ним последовал и Цецора. После тяжелых боев В.Б. Шереметев 25 октября капитулировал²⁹. В основной литературе указывается, что он рассчитывал на помощь из Киева от Ю.А. Бярятинского. Но тот имел в своем распоряжении не более 5 тысяч и только 6 октября получил

²⁶ *Wagner M.* Działania dywizji oboznego koronnego Andrzeja Potockiego na Ukrainie w 1659 r. // 350-lecie Unii Hadziackiej. (1658–2008). S. 410–411.

²⁷ Царь Алексей Михайлович. Наказы боярину В.Б. Шереметеву. (6 мая 1660 г.) // *Московия и Европа. История России и Дома Романовых в мемуарах современников.* М., 2000. С. 543.

²⁸ *Мальцев А.Н.* Россия и Белоруссия в середине XVII в. М., 1974. С. 126.

²⁹ *Малов А.В.* Русско-польская война. С. 37–38.

из Москвы приказ идти к нему на помощь. Выйдя 17-го, при огромном обозе в 300 возов и 9 тыс. коней, он дошел только до местечка Брусилова, в 90 км от Чуднова³⁰, в которое его не впустили. Против него встревоженное польское командование выдвинуло 6-тысячный отряд Яна Собесского, Сапеги и Выговского³¹. Барятинский отпиской в приказ сообщал, что, узнав об измене Ю. Хмельницкого, окружении и «окопе» (вал со рвом) Шереметева, вышел в поход, но близ местечка Рожева столкнулся с авангардом Я. Собесского. Просил подкрепления, в случае получения которого был готов «напролом прошедчи лесом и дождався ночи... пройти к обозу боярина Василия Борисовича», — но подкрепления не было, а он боялся за оставленный Киев и повернул назад³². Шереметев капитулировал и даже подписал договор, условия которого далеко выходили за рамки его полномочий — включали очищение Россией Левобережной Украины и Киева. Дальнейшее нарушение польско-литовскими командующими соглашения и выдача Шереметева и большинства начальных людей и простых солдат татарам, по мнению современных польских исследователей, было следствием боязни своих крымских «союзников», имевших большое численное превосходство (особенно в отсутствие корпуса Яна Собесского)³³.

Со времен того же «Соборного деяния» Чудновское поражение упоминается в числе битв, проигранных по вине местничества. Но ни прежние, ни современные авторы не попрекают князя Юрия Барятинского — с его жалким отрядом спасти армию Шереметева³⁴ от превосходящих сил объединенного польско-казацко-крымского войска³⁵, после ухода к противнику 60-тысячной украинской армии было невозможно. Если Шереметев под давлением взявших его в плен гет-

³⁰ *Romanski R. Cudnow-1660. Warszawa, 1996. S. 178–179.*

³¹ *Яковлева (Таурова-Яковлева) Т.Г. Руїна Гетманщини. Київ, 2003. С. 126–128.*

³² АЮЗР. Т. 5. С. 416–418.

³³ *Nagielski M. Kampania Cudnowska 1660 // Studia z dziejów stosunków Rzeczypospolitej z Państwem Moskiewskim w XVI–XVII w. Zabrze, 2013. S. 307.*

³⁴ Согласно подсчетам А.В. Малова — 15 031 чел. и 33 орудия, по Р. Романскому — 19 200 чел., он, правда, прибавляет еще «несколько тысяч даточных людей», считая, что их могло быть до 15 тыс., ок. 50 орудий (*Малов А.В. Русско-польская война. С. 37; Romanski R. Cudnow–1660. S. 18–20.*)

³⁵ Согласно подсчетам А.В. Малова — 16 160 польско-литовских войск, 2 тыс. И. Выговского, 30–40 тыс. татар. По Р. Романскому — 28 800 польских войск, 15–20 тыс. татар, ок. 20–25 орудий (*Малов А.В. Русско-польская война. С. 37; Romanski R. Cudnow–1660. S. 15–17.*) Решающим стал переход к противнику украинских казаков — 40 тыс. Ю. Хмельницкого и 20 тыс. Т. Цецоры.

манов и видя полную измену украинских союзников и подписал договор, включающий утрату Киева, Переяслава, Нежина и пр., и даже прибытие в лагерь и добровольную сдачу в заложники кн. Ю.А. Бярятинского вплоть до исполнения всех условий, то последний никак не мог его выполнить. Пленный Шереметев писал Бярятинскому, отчасти оправдываясь: «...Буди тебе вѣдома: гетман Юрѣя Хмельницкій и Тимофей Цыцура, забыв страх Божій и присягу и клятвы... государю изменили и с городами Малыя Росіи и поддалися королю Польскому... и я с товарищи в обозѣ в окопѣ сидѣли с октября с 4 числа октября по 23 число с великою нужею... люди померли многіе... а лошади померли все... и пороху и свинцу у нас не стало... и я с товарищи от великіе нужи и видя измену... казаков, и не чая к себе помочи ни от кого и не похотя государевых людей в плен и расхищение отдать, договорились с полскими гетманы... что из Киева, из Переяславля, из Нежина, из Чернигова ратных людей великаго государя вывести... Так же и о тебе договореность, что... быть тебе со мною... А будет ты по нашему договору так не учинишь, и отписки моеи не послушаешь, и тем государевых людей потеряешь ты...»³⁶. Ниже писарского текста Шереметев горько приписал лично: «...выдали нас изменники». Письмо и договорные статьи в Киев привезли Семен Скорняков-Писарев и Иван Шепелев с поляками, ротмистром Данилой Чаблинским и поручиком Яном Калитинским³⁷. Вероятно, от последних и идет рассказ о резком ответе Бярятинского — «Много на Москве Шереметевых...», а он подчиняется только царю³⁸. А.И. Маркевич воспринял эти слова как свидетельство местного конфликта; А.П. Барсуков более осторожно предположил, что это жесткое слово могло вырваться у князя при устном объяснении с посланцами и он не хотел неуважительно отозваться о боярине Василии Борисовиче. В отписке лично ему князь спокойно написал, что не может отдать город без указа³⁹. Согласно его отписке в Малороссийский приказ, он написал Шереметеву, что «договорные статьи... послали наскоро, и об указѣ писали к тебе, великому государю, а без твоего... указу нам холопом твоим города отдать и ратных людей вывести не мочно»⁴⁰. С отпущенным к гетманам поручиком Я. Калитинским Бярятинский велел передать, чтоб они ожидали, «как нам... о том твой государев

³⁶ АЗР. Т. 5. СПб., 1867. С. 39–40.

³⁷ Там же. С. 38.

³⁸ Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Т. 11 // *Он же*. Сочинения: В 18 кн. М., 1991. Кн. VI. С. 88.

³⁹ Барсуков А. П. Род Шереметевых. СПб., 1888. Кн. 5. С. 436.

⁴⁰ АЗР. Т. 5. С. 38.

указ будет, а без твоего великого государя указу против договору города им не отдадим»⁴¹. Р. Романский в своей книге о битве вообще опустил этот сюжет. А.П. Барсуков, от которого, как историка семьи Шереметевых, можно было ожидать подробного разбора эпизода, сослался на того же Соловьева. А последний, видимо, использовал польские или иные печатные реляции, но просмотр материалов, на которые он ссылается, не дал результатов. Однако письмо в Ватикан из Польши папского нунция, естественно, максимально информированной особы (о чем свидетельствуют и другие его донесения), содержит только следующие строки об этом событии: «... хотя среди условий сдачи москвитов это не последнее, тем не менее тот, кто им⁴² нынче ведает, комендант князь Георгий, заявляет, что это нельзя совершить без воли царя. Поэтому в день св. Мартина отправили наших послов, которые могут добраться туда за 12 дней, обратный путь займет столько же времени. Вместе с переговорами у царя дело растянется на целый месяц»⁴³. «Князь Георгий», т.е. Юрий Барятинский, как видно из донесения нунция, никаких выпадов против Шереметева не делал. Впрочем, П.С. Потоцкий намекает на какие-то враждебные В.Б. Шереметеву интриги — «для отличных воинских доблестей Шереметева... не было бы преград, если бы не встретились препятствия со стороны самого московского Двора...», далее автор, видимо, намекает на плен, в котором он «твердо переносит бедственную участь, чтобы служить отечеству»⁴⁴.

Таким образом, сколько-нибудь заметные местнические составляющие Конотопского (июнь 1659 г.) и Чудновского (октябрь 1660 г.) поражений, упомянутых в «Соборном деянии», при детальном исследовании источников не были обнаружены. Сохранившиеся в нарративных источниках устные высказывания князей А.Н. Трубецкого

⁴¹ Там же.

⁴² Т.е. Киевом.

⁴³ «... Nam et si in conditionibus deditiois Moschovitarum haec sit non postrema, tamen qui eam modo possident, commendans dux Georgius dicit id fieri non posse asque Czari approbatione: propter quam expediti sunt nostri die Sancti Martini qui ut unitra dies 12 illuc ventre possunt, reductis tot diebus essendebet, cum consilio et deliberatione Czari integer mensis abilit» (*Theiner A. Monuments historique s relatifs aux regnes d' Alexis Mochailovitch, Feodor III et Pierre le Grand, Czaars de Russie, dez archives du Vatican et de Naples par A. Theiner. Rome, 1859. S. 44*). За перевод благодарю И.В. Дубровского.

⁴⁴ [Потоцкий П.С.] Характеры вельмож и знатных людей в царствование Алексея Михайловича // Северный архив. 1825. № XX. С. 305. Новый перевод см.: Филина Е.И. «В поисках альтернативы». «Придворные партии» в политической борьбе в России 30–50-х гг. XVII в. М., 2011. С. 203–344.

и Ю.А. Барятинского в первом случае вообще не имеют местнической подоплеки, во втором — не подтверждаются другими, в т. ч. официальными, источниками. К 1682 г. институт местничества угасал⁴⁵ вместе с падением военного значения дворянских корпораций, постепенной заменой их ополчения регулярными полками нового строя с системой офицерских чинов по западноевропейскому образцу и в результате вымирания старинных родов, ввиду чего уже некому было считаться местами своих предков при дворах предков нынешнего монарха. «Отмена местничества» поэтому и не вызвала противодействия — особо протестовать было просто некому. Но эффективная «пиар-акция», осуществленная кн. В.В. Голицыным и его соратниками — умеренными реформаторами, имела целью произвести как можно более благоприятное впечатление на дворянство, почему и были приведены примеры злейших поражений двадцатилетней давности. А надежда на то, что никто не вспомнит, что к местничеству они никакого отношения не имели, блестяще оправдалась — заблуждение благополучно перетекло в труды историков и продержалось последующие триста лет.

⁴⁵ *Седов П.В.* Конец местничества // Российское самодержавие и бюрократия. Сб. ст. в честь Н.Ф. Демидовой. М.; Новосибирск, 2000; *Седов П.В.* Закат Московского царства. СПб., 2006; *Эскин Ю.М.* Очерки истории местничества XVI–XVI вв. М., 2009.

«ВЕРТОГРАД МНОГОЦВЕТНЫЙ»

сборник к 80-летию
**Бориса Николаевича
Флори**

Издательство «Индрик»

Корректор М.Н. Толстая
Оригинал-макет А.С. Старчеус

По вопросу приобретения книг издательства «Индрик»
обращайтесь по тел.:
(495) 938-01-00
market@indrik.ru
www.indrik.ru

INDRIK Publishers has the exceptional right to sell this book
outside Russia and CIS countries.
This book as well as other **INDRIK** publications
may be ordered by
www.indrik.ru

Налоговая льгота —
общероссийский классификатор продукции (ОКП) — 95 3800 5
Формат 60×90 1/16. Печать офсетная.

33,0 п. л. Тираж 300 экз.

Отпечатано в АО «Первая Образцовая типография»
Филиал «Чеховский Печатный Двор»
142300, Московская область, г. Чехов, ул. Полиграфистов, д.1
Сайт: www.chpd.ru, E-mail: sales@chpd.ru, тел. 8(499)270-73-59